

15

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

ДЖОН
ГОЛСУОРСИ

ДЖОН
ДОНСГОРСИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 15

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • МОСКВА • 1962

ДРАМАТУРГИЯ

~

Переводы с английского
под редакцией
Т. Озерской.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Фарс-моралитэ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маленький человек.

Американец.

Англичанин.

Англичанка.

Немец.

Юный датчанин.

Мать.

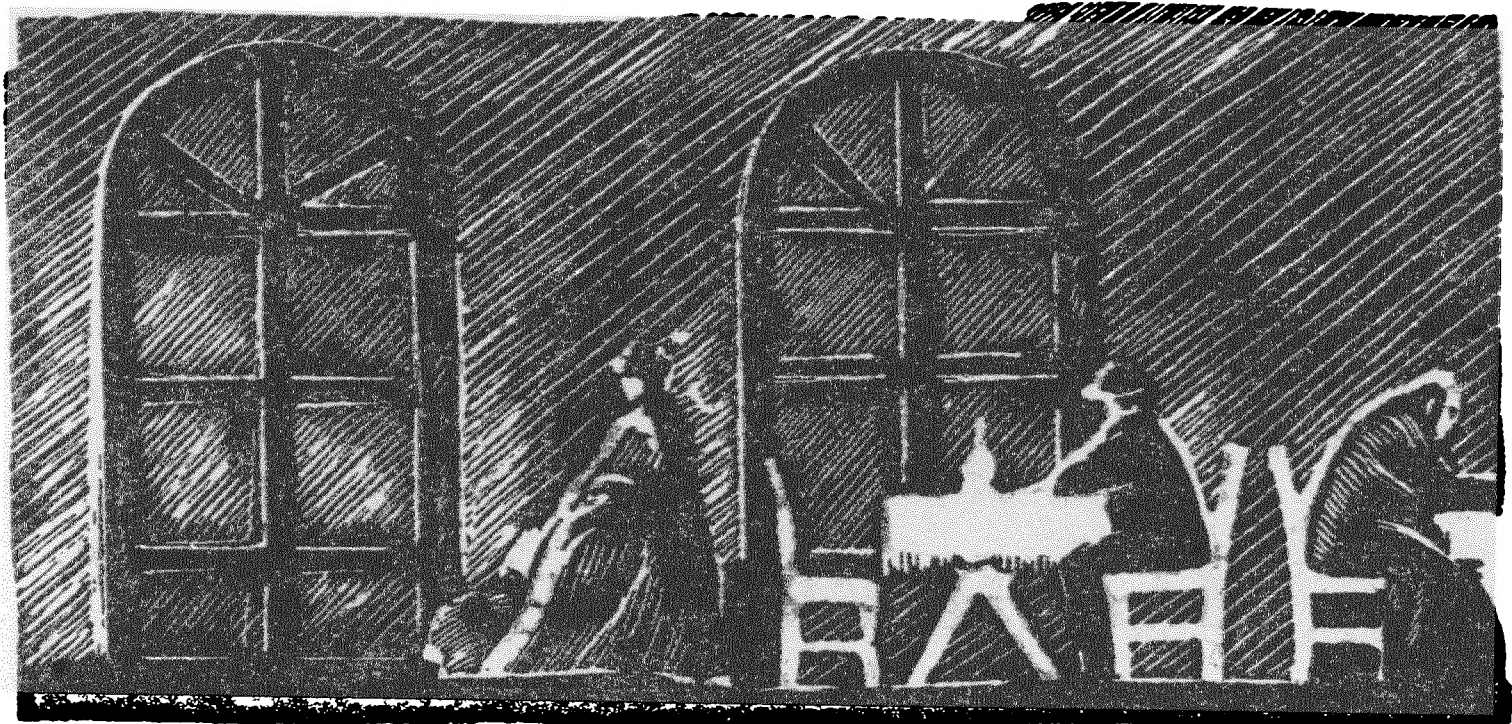
Младенец.

Официант.

Дежурный по станции.

Полицейский.

Носильщик.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вторая половина дня. Железнодорожная платформа в Австрии. Из буфета прямо на платформу вынесены столики, за которыми сидят пассажиры. Их обслуживает молодой официант с бледным лицом. Спinoй к помещению буфета на скамье сидит женщина из низшего сословия. По обе руки от нее два больших узла, на один из которых она положила младенца, завернутого в черную шаль.

Официант (подходит к столику, за которым сидит англичанин с женой). Два кофе?

Англичанин (платит). Спасибо. (Жене, с оксфордским акцентом.) Сахару?

Англичанка (с кембриджским акцентом). Кусок.

Американский путешественник (за соседним столом; через плечо у него бинокль и карманный фотоаппарат на ремне). Как там моя яичница, официант? Я уже давно жду.

Официант. Слушаю, сэр.

Немец. Kellner, bezahlen¹. (У него жесткий голос, жесткие, закрученные кверху усы, жесткая, негнувшаяся фигура. В волосах легкая проседь. Совершенно ясно, что это полковник в отставке, а может, даже и не в отставке.)

Официант. Komm'gleich!²

Младенец плачет, мать берет его на руки. Сидящий за четвертым столиком краснощекий юный датчанин на минуту прекращает жевать и смеется.

¹ Кельнер, счет!

² Сейчас!

Американец. Яичницу!! Пошевеливайтесь же, наконец!

Официант. Слушаю, сэр. (Исчезает.)

Маленький человек в мягкой шляпе появляется справа от столиков, смотрит в сторону исчезающего официанта и усаживается за пятый столик.

Англичанин (взглянув на часы). Еще десять минут.

Англичанка. Вот скука!..

Американец (обращаясь к ним). Нет, они, видно, поклялись уморить меня голодом!

Англичане молча смотрят на него.

Немец (он говорит по-английски с похвальной добросовестностью). В этих местах человек ничего достать не может.

Официант влетает с тарелкой компота, ставит ее перед юным датчанином, который тотчас расплачивается.

Немец. Kellner, bezahlen!

Официант. Eine Krone sechzig¹.

Немец расплачивается.

Американец (приподнявшись со стула и вынув из кармана часы. Ласково). Вот что, приятель. Если к тому времени, как эта стрелка пробежит еще двадцать секунд, у меня на столе не появится яичница, в раю будет одним официантом больше, понятно?

Официант. Komm'gleich! (Исчезает.)

Американец (обращаясь ко всем за сочувствием). Нет, я взбешен, знаете ли!

Англичанин вынимает средние листы из газеты — те, где объявления и рекламы, протягивает их жене.

Младенец плачет. Мать принимается его качать. Юный датчанин перестает жевать и смеется. Немец закуривает папиросу. Маленький человек сидит неподвижно, положив шляпу на колени. Официант влетает и ставит перед американцем яичницу.

Американец (прячет часы в карман). Отлично! Не люблю скандалов. Сколько?

Расплачивается и начинает есть. Официант остановился на секунду у самого края платформы и провел рукой по лбу. Маленький человек смотрит на него и робко его окликает.

¹ Одна крона шестьдесят [пфеннигов].

Маленький человек. Herr Ober! (Официант оборачивается.) Будьте любезны, кружечку пива.

Официант. Слушаю, сэр.

Маленький человек. Большое вам спасибо.

Официант выходит.

Американец (отрываясь от своей яичницы, любезным голосом). Прошу прощения, сэр. Я хотел бы знать: почему вы этого малого назвали «Herr Ober»? Вы знаете, что это значит «господин метрдотель»?

Маленький человек. Да, да!

Американец. Смешно.

Маленький человек. А его так нельзя называть?

Немец (резко). Nein — Kellner.

Американец. Вот именно! Просто «официант»!

Англичанка на мгновение выглядывает из-за газеты. Юный датчанин перестает жевать и смеется. Маленький человек переводит взгляд с одного лица на другое и поглаживает шляпу.

Маленький человек. Я боялся его обидеть.

Немец. Gott!¹

Американец. Мы самый демократический народ, но это, знаете ли...

Англичанин (берется за кофейник. Жене). Еще?

Англичанка. Нет, спасибо.

Немец (резко). Эти субъекты... если с ними так обращаться, в ту же минуту всякое себе позволять начинают. Вы свое пиво получить не будете.

К концу этой фразы появляется официант, ставит кружку пива перед Маленьким человеком и уходит.

Американец. Очко в пользу демократии. (Обращаясь к Маленькому человеку.) Вы, верно, из тех, кто считает всех людей братьями, и всякое такое прочее.

Маленький человек (испуганно). Что вы!

Американец. Я и сам чрезвычайно высоко ценю Льва Толстого. Выдающаяся личность. Выдающаяся душевная организация. Этих официантишек следует, однако, подстегивать, чтобы не спали. (К англичанам, которые имели неосторожность взглянуть в его сторону.)

¹ Господи!

Вы, конечно, убедились в справедливости моего обобщения: ведь как он тянул с моей яичницей, а?

Англичане вздергивают подбородки и отводят глаза.

Американец (официанту, который стоит в дверях буфета). Эй, официант! Плесните-ка мне пива! Да повеселее!

Официант. Komm'gleich!

Немец. Сигар!

Официант. Schön!¹ (Исчезает.)

Американец (добродушно Маленькому человеку). Вот увидите, он мне плеснет пива поскорее, чем вам, или я не я!

Немец (резко). Толстой есть ничто — nichts! Не годится! Ха!

Американец (в радостном предвкушении спора). Н-ну! Это вопрос темперамента. Я, например, стою за равенство. Вот сидит бедная женщина, женщина из низов — и сидит себе вместе с нами, как ни в чем не бывало. Или вам хотелось бы, чтобы она расположилась где-нибудь в другом месте?

Немец (пожимая плечами). Толстой сентименталист. Ницше — философ настоящий. Только он!

Американец. Н-ну! Старина Нитч — парень сильный, что и говорить. Девственный ум. Но мне подавай Льва! (Поворачивается к румяному юноше.) Ваше мнение, сэр? Я вижу по вашим ярлыкам, что вы датчанин. Ну как, читают у вас Толстого?

Юный датчанин смеется.

Американец. Весьма обстоятельный ответ, я бы сказал.

Немец. Толстой есть ничто. Человек себя выражать должен. Он пробиваться должен, он сильный быть должен.

Американец. Это верно. У нас в Америке тоже верят в мужество, мы стоим за экспансию человеческой личности. Но мы также верим и в братство. Правда, это не распространяется на черномазых. Но у нас все же высокие устремления. Для нас не существует социальных барьеров и отличий.

¹ Хорошо!

Англичанин. Тебе не дует?

Англичанка (поводит плечом в сторону американца). Немножко.

Немец. Погодите! Вы еще молодой народ.

Американец. Это верно. Нас еще не засидели мухи. (Обращается к Маленькому человеку, который все это время с интересом смотрел на спорящих, переводя взгляд с одного на другого.) Послушайте! Я бы хотел знать, что думаете вы о назначении Человека?

Маленький человек ерзает и хочет что-то сказать.

Американец. Например, считаете ли вы, что следует уничтожать слабых и немощных, всех, у кого не хватает силенок шевелить лапками?

Немец (кивает). Ja, ja! ¹ Это скоро будет.

Маленький человек (переводит взгляд с одного на другого). Я сам мог бы быть им.

Юный датчанин смеется.

Американец (смотрит на датчанина с укором). Здесь больше смирения, чем грамматики. Давайте уточним. Стали бы вы себя утруждать, чтобы спасти их, зная, что вас ожидают за это неприятности?

Немец. Nein, nein! Это глупо.

Маленький человек (задумчиво, с чувством). Боюсь, что нет. Конечно, я бы хотел... Взять святого Франциска Ассизского, например, или святого Юлиана Странноприимца, или...

Американец. В высшей степени благородные экземпляры. На том и погибли. (Встает.) Вашу руку, сэр... Позвольте представиться... (Протягивает визитную карточку.) Моя фирма производит мороженицы. (Трясет руку Маленького человека.) Я одобряю ваши взгляды... они будят во мне братское чувство. (Увидел официанта в дверях.) Официант, какого черта вы там застряли с моим пивом?

Немец. Cigarren!

Официант. Komm'gleich! (Исчезает.)

Англичанин (вынимая часы). Поезд опаздывает.

Англичанка. Право? Какая досада!

Взад и вперед по платформе ходит полицейский, квадратный, подтянутый.

¹ Да, да!

Американец (садится и обращается к немцу). Вот этого у нас в Америке поменьше, чем здесь. У нас, по-видимому, больше веры в человека.

Немец. Ха! Вы убедитесь скоро, что всякий человек о себе только думать хочет.

Маленький человек (с тоской). Вы не верите в человека?

Американец. Острый вопрос! (Озирается кругом, не хочет ли кто высказаться по этому поводу. Юный датчанин смеется.)

Англичанин (протягивает свои газетные листы жене). Меняемся? (Англичанка дает ему взамен свои.)

Немец. Я верю только в то, что вижу глазами.

Американец. Я нахожу, что ваше утверждение отдает кощунством. А я, так верю в героизм. Я утверждаю, что среди всех нас, сидящих здесь, нет ни одного человека, который при случае не оказался бы героем.

Маленький человек. О! Вы, правда, так считаете?

Американец. Ну да! Я думаю, что герой — это тот, кто помогает другому, в ущерб своим интересам. Возьмите вон ту бедную женщину. Я убежден, что она героиня. Она в любую минуту готова умереть за своего младенца.

Немец. Животные тоже за своих детенышей умирают. Это не значит ничего.

Американец. Я иду дальше. Я утверждаю, что мы все были бы готовы погибнуть ради спасения ее ребенка, если бы, скажем, паровозу вздумалось по нему проехаться. (К немцу.) Вы сами не знаете, как вы благородны, уверяю вас! (Немец закручивает усы, американец обращается к англичанке.) Мне бы хотелось услышать ваше мнение по этому вопросу, сударыня.

Англичанка. Прошу прощения!

Американец. Англичане весьма гуманны. У них сильно развито чувство долга. У немцев тоже, и у американцев. (Юному датчанину.) Верно, оно имеется и в вашей маленькой стране. Мы живем в эпоху равенства и высоких идеалов. (К Маленькому человеку.) К какой национальности принадлежите вы, сэр?

Маленький человек. Да, собственно говоря, ни к какой. Отец мой, видите ли, был наполовину англича-

нин, наполовину американец, мать — наполовину немка, наполовину датчанка.

Американец. Ого! Пестровато, я бы сказал. *(По платформе проходит полицейский.)* А у нас, скажу я вам, эти господа с блестящими пуговицами понемногу выходят из употребления. Мы вроде мягче сделались — не так много думаем о своей особе, как прежде.

В дверях появляется официант.

Немец *(громовым голосом)*. Cigarren! Donnerwetter! ¹

Американец *(грозит кулаком вслед исчезающему официанту)*. Где мое пиво?!

Официант. Komm'gleich!

Американец. Еще немного, и он у меня отправится к Георгу Вашингтону! Так я собирался сказать, когда он нас перебил: мы сейчас, в году одна тысяча девятьсот тринадцатом от рождества Христова, стоим на пороге золотого века, уверяю вас! Мы чертовски близко подошли ко всеобщему братству. Взять хотя бы нашего полковника. *(Указывает пальцем на немца.)* Это человек железа и крови, но дайте ему случай проявить великодушие, и он себя покажет. Еще как, сэр! Ого!

Немец закручивает кверху кончики усов. На лице у него — сложная игра: он и польщен и вместе с тем ни в грош не ставит весь этот вздор.

Маленький человек. Не знаю. Конечно, хотелось бы, но как-то... *(Качает головой.)*

Американец. Вы, должно быть, робкий субъект, сэр. Или у вас в этой области неудачный опыт? А я оптимист. Я думаю, что мы в ближайшем будущем заставим черта плясать. Ого, мы этому молодчику дадим жару! Все эгоистические побуждения побросаем в огонь. Вот и полковник наш со своим стариком Нитчем — он не узнает себя! Скоро представится великолепный случай.

К концу его реплики издали слышится голос дежурного по станции, говорящий по-немецки. Голос постепенно приближается и становится более внятным.

Немец *(встрепенувшись)*. Der Teufel! ² *(Вскакивает, хватая чемодан.)*

¹ Сигары! Черт побери!

² Черт!

Появляется дежурный по станции. Он останавливается перед пассажирами и отдает отрывистые приказания. Подхватив пальто и шляпу, юный датчанин тоже поднимается с места. Дежурный поворачивается на каблуках и уходит, продолжая выкрикивать распоряжения на ходу.

А н г л и ч а н и н. Что он говорит?

Н е м е ц. Наш поезд на другой платформе прибывать должен. Только половину минуты имеем мы.

Все вскакивают и суетятся.

А м е р и к а н е ц. Какая досада! Видно, так и уходить без пива.

Все хватают пальто, шляпы, накидки, между тем как женщина с ребенком безуспешно пытается справиться со своими двумя узлами. Наконец она в отчаянии сжимает руки и кричит: «Herr Jesu! Hilf!»¹. Услышав этот неожиданный возглас, бегущие оглядываются.

А м е р и к а н е ц. Что это? Зовут на помощь? (Продолжает бежать.)

Маленький человек оборачивается, бежит назад, хватая ребенка и один из узлов.

Маленький человек. Скорее, милая, скорее! Женщина хватая второй узел, бежит за ним. Официант появляется в дверях с бутылкой пива и, утомленно улыбаясь, смотрит им вслед.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Купе второго класса в движущемся поезде. Друг против друга сидят англичанин с женой, она—лицом к движению, он—спиной. Им удастся до некоторой степени отгородиться от остальных пассажиров газетами. Рядом с англичанкой сидит немец, напротив немца — американец; рядом с американцем, у окна — юный датчанин; противоположное место у окна занято чемоданом немца. Тишина нарушается только стуком колес да шуршанием газет.

А м е р и к а н е ц (поворачиваясь к юному датчанину). Хорошо бы закрыть окно. Что-то прохладно после нашей пробежки. А славно нас погоняли!

Юный датчанин смеется и закрывает окно. Англичане наблюдают за этой операцией с некоторым раздражением. Немец открывает чемодан, который лежит на сиденье возле окна, и берет книгу.

¹ Господи! Помогите!

А м е р и к а н е ц. Немцы—большие любители чтения. Хорошая привычка, развивает. Я сам готов читать что угодно!

Немец держит книгу так, что видно заглавие.

А м е р и к а н е ц. «Дон-Кихот». Превосходная книга! Мы, американцы, очень ценим старину Кихота. Немного чудит, конечно, но мы себе не позволяем смеяться над ним.

Немец. Он мертв. Мертв, как дохлая овца. И слава богу.

А м е р и к а н е ц. У нас в Америке уважают рыцарские традиции.

Немец. Рыцарство — ничто. Сентименталиш. В нашу эпоху это балласт. Человек пробиваться должен, быть сильный должен.

А м е р и к а н е ц. Вы это просто так говорите. Я думаю, у вашего народа рыцарство выражается в самоотверженном отношении к государству. У нас предоставляется больше простора личности. Мы считаем, что уступать слабым и беззащитным — благородно. Это нас возвышает в собственных глазах.

В коридоре вагона возникает фигура Маленького человека с младенцем и узлом в руках. Он робко заглядывает в открытую дверь купе. Англичане досадливо отгораживаются от него газетами, даже не взглянув в его сторону. Юный датчанин смеется.

Немец. Ach, so! ¹

А м е р и к а н е ц. Вот так так!

Маленький человек. Мне бы сесть. Я никак не найду места.

А м е р и к а н е ц. А вы идите сюда. Здесь как раз одно место свободное.

Маленький человек (*оставляет узел в коридоре и входит с ребенком*). Можно?

А м е р и к а н е ц. Входите, входите!

Немец неохотно снимает свой чемодан. Маленький человек входит и осторожно присаживается.

А м е р и к а н е ц. А где мать?

Маленький человек (*печально*). Боюсь, что не успела сесть.

¹ Ах, так!

Юный датчанин смеется. Англичане незаметно для себя высовываются из-за своих газет.

Американец. Ого! Семейное происшествие, можно сказать.

Англичанин неожиданно издает громогласное: «Ха! Ха!» — и снова прячется за газету, которая чуть трясется у него в руках. Газета напротив него тоже начинает дрожать, и из-за нее раздается повизгивание.

Немец. А вы с узлом и ребенком этой женщины остались! Ха! (*Короткий, сильный смешок.*)

Американец (*серьезно*). Смешно. Видно, провидению вздумалось сыграть с вами скверную шутку. Довольно некрасиво.

Младенец плачет. Маленький человек принимается качать его с выражением тихого отчаяния на лице и смотрит на всех поочередно, как бы извиняясь. Безудержное веселье охватывает каждого, на ком он останавливает свой печальный взгляд. Один американец сохраняет невозмутимую серьезность.

Американец. Я бы на вашем месте покинул поезд и возвратил ребенка по принадлежности. Что может быть страшнее разъяренной матери?

Маленький человек. Бедняжка, каково-то ей сейчас!

Вагон сотрясается от всеобщего смеха. Англичане на минуту даже опускают свои газеты, чтобы свободнее предаться веселью. Маленький человек печально улыбается.

Американец (*когда все поуспокоились*). Как это произошло?

Маленький человек. Мы прибежали к самому отправлению. Я прыгнул в вагон и потом хотел помочь ей. Но тут поезд тронулся, и... и она осталась.

Смех разражается с новой силой.

Американец. Я бы на вашем месте бросил ей младенца в окно.

Маленький человек. Я боялся ушибить беднягу.

Младенец плачет. Маленький человек качает его, хохот возобновляется.

Американец (*серьезно*). Все это чрезвычайно забавно, но только не для ребенка. А интересно, каков он из себя? (*Втягивает воздух.*) Как будто бы немного того!

Маленький человек. Я, знаете ли, не успел еще разглядеть его.

Американец. Где у него верх, где низ?

Маленький человек. Да я его как будто правильно держу. Да, да, так.

Американец. Ну что ж, это уже некоторое достижение. Может быть, вам следует подержать его минутку за окном? Младенцы — народ нервный и несдержанный.

Англичанка (*внезапно оживая*). Ах, нет!

Англичанин (*касаясь рукой ее колена*). Дорогая!

Американец. Вы правы, сударыня. Там, должно быть, будет сквозняк. Этот ребенок — драгоценность. Каждый из нас имеет, так сказать, свои акции в этом деле. У нас тут образовался род небольшого всемирного братства. Ребенок женского пола?

Маленький человек. Я... мне видна только его макушка.

Американец. По макушке не всегда можно судить. Уж очень он у вас закутан — может быть, его следует развернуть?

Немец. Nein, nein, nein!

Американец. Вы, пожалуй, правы, полковник. Может быть, младенца лучше не разворачивать. Я полагаю, что нам следует выяснить мнение дамы.

Англичанка. Да, да, конечно... Я...

Англичанин (*останавливает ее рукой*). Не вмешивайся. Малышу и так неплохо.

Американец. Это одному провидению известно. Я думаю, что в интересах человеколюбия следует посмотреть, что у него за лицо.

Маленький человек (*радостно*). Он сосет мой палец! Хорошо, хорошо, мой милый, хватит!

Американец. Я полагаю, что вы сами, сэр, в свободное время участвовали в создании детей?

Маленький человек. Ах, нет, нет, право же, нет!

Американец. Достойно сожаления. (*Обращаясь ко всем.*) Я думаю, что мы можем поздравить друг друга с приобретением этой крошки. Все это лишний раз подтверждает, как возросло в современном мире влияние слабых и обездоленных. Взять нашего полковника, че-

ловека железа и крови,—ведь вот, сидит рядышком с младенцем, и хоть бы что! (*Втягивает воздух.*) А младенец между тем дает о себе знать, и полковник проявляет настоящее благородство,—собственно' это и есть подлинное геройство.

Маленький человек (*тихо*). Я... я. кажется, вижу его личико.

Все подаются вперед.

Американец. Какова же у него физиономия?

Маленький человек (*все еще слабым голосом*). Что-то ничего не разберу. Он весь в каких-то э... э... пятнах:

Немец. Oh! Ha! Pfui!

Юный датчанин смеется.

Американец. Довольно распространенное явление среди детей, насколько мне известно. Может быть, вы, сударыня, дадите нам дополнительную информацию по этому вопросу?

Англичанка. Да... конечно... только...: Какие они, эти пят...

Маленький человек. Да у него все лицо ими покрыто... (*Заметив, что все слегка отпрянули.*) Но под ними это, знаете, вполне... вполне хороший ребенок.

Американец. Да, но как добраться до его сущности? Лично я несколько чувствителен. Я как-то, знаете, недолюбливаю всякого рода кожные поражения.

Немец. Пфуй!

Отодвигается как можно дальше и закуривает сигару. Юный датчанин подбирает под себя ноги.

Американец (*тоже вынимает сигару*). А в самом деле, не мешало бы обкурить наше купе. Как вы думаете, ему очень плохо?

Маленький человек (*заглядывает в пеленки*). Право, я не... я не знаю... я не очень хорошо разбираюсь в младенцах. Мне кажется, у него приятное выражение лица, только... только трудно его разглядеть.

Американец. А что он с виду... такой... как бы вареный, да?

Маленький человек. Да, да, вот именно!

Американец (*с важностью оглядывая всех*). Я полагаю, что у ребенка корь!

Немец отпрянул и жметя к ручке, отделяющей его сиденье от сиденья англичанки.

Англичанка. Бедненький! Может быть, мне...
(Привстает.)

Англичанин (останавливает ее прикосновением руки). Нет, нет... черт возьми!

Американец. Ваши чувства делают вам честь, сударыня. Они делают честь всем присутствующим. Вместе с тем должен сказать, однако, что я понимаю вашего супруга. Корь — заболевание достаточно серьезное применительно к взрослой женщине.

Маленький человек. Ему ужасно понравился мой палец. Нет, вы знаете, он очень мил!

Американец (поводит носом). Гм! Вопрос несколько спорный. Теперь, что касается этих самых пятен. Какого они цвета — розового?

Маленький человек. Да нет, пожалуй. Они совсем темные, почти черные.

Немец. Gott! Typhus!

Вскакивает и садится на ручку, отделяющую его от англичанки.

Американец. Тиф! Это, я вам скажу, недомогание!

Юный датчанин стремительно вскакивает и выбегает в коридор. За ним следует немец, окруженный облаком табачного дыма. Англичане и американец сидят некоторое время в полном молчании. Англичанка смотрит в сторону Маленького человека, и на лице ее борются жалость и страх. Англичанин привстает.

Англичанин. Боюсь, что тебе здесь душно, дорогая...

Берет ее под руку, поднимает с дивана и чуть ли не силой выталкивает в дверь. Она выходит, оглядываясь через плечо.

Американец (серьезно). Мужество — наиболее ценное качество в человеке. Пойти покурить в коридоре, что ли?

Маленький человек с тоской смотрит ему вслед. Он морщит нос, держит младенца на вытянутых руках, как можно дальше от себя и с минуту колеблется. Затем встает, кладет его на противоположное сиденье и открывает окно в купе. Оборачивается и смотрит на младенца, который начинает плакать. Затем поднимает руки к лицу и складывает их перед собой, как дети, когда молятся. Младенец между тем плачет по-прежнему, и Маленький человек неуверенно склоняется над ним. Затем берет его на руки, садится

и качает его, отвернув лицо к открытому окну. Младенец продолжает плакать, и Маленький человек начинает петь тонким, надтреснутым голосом. Младенец умолкает, зачарованный. На пороге появляется американец. Он открывает окно в коридоре; видно, как на сквозняке развеваются его волосы и клубится дым от сигары. Маленький человек перестает петь и поправляет шаль на ребенке, чтобы его не продуло.

Американец (серьезно). Это самая величественная картина, какую мне когда-либо доводилось видеть. Ее следовало бы запечатлеть.

Маленький человек смотрит на него с удивлением.

Американец. Вы, сэр, типичный выразитель чувств современного христианина. Вы олицетворяете собой самые глубокие эмоции, какие коренятся в человеческом сердце.

Маленький человек встает и с ребенком на руках делает движение в сторону американца.

Американец. Мне, однако, пора в вагон-ресторан. *(Исчезает.)*

Маленький человек снова садится, на этот раз спиной к движению, подальше от сквозняка, смотрит в окно и терпеливо качает младенца.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дебаркадер. Маленький человек с ребенком и узлом в руках грустно смотрит, как мимо него проходят пассажиры и носильщики. Сзади него из двери выходят дежурный по станции и полицейский.

Дежурный *(заглядывая в телеграмму, которую держит в руках).* Das ist der Herr¹.

Оба подходят к Маленькому человеку.

Дежурный. Sie haben einen Buben gestohlen?²

Маленький человек. Я говорю только по-английски и по-американски.

Дежурный. Dies ist nicht Ihr Bube?³ *(Притрагивается к младенцу.)*

¹ Это он и есть.

² Вы украли мальчика?

³ Это не ваш мальчик?

Маленький человек (качает головой). Осторожно, он болен.

Дежурный не понимает.

Маленький человек. Болен, болен ребенок...

Дежурный (трясет головой). Verstehe nicht ¹.

Эта ребенок не есть ваш? Нет?

Маленький человек (бурно трясет головой). Нет, нет, он не мой!

Дежурный (похлопывая рукой по телеграмме). Gut! ² Вы арестованы.

Делает знак полицейскому, который берет Маленького человека за плечо.

Маленький человек. За что? Мне ведь этот бедный малютка совсем не нужен.

Дежурный (поднимает узел). Dies ist nicht Ihr Geräck ³—не ваше?

Маленький человек. Нет.

Дежурный. Gut. Вы арестованы.

Маленький человек. Я всего лишь хотел помочь бедной женщине. Я не вор, я... я...

Дежурный (мотает головой). Verstehe nicht.

Маленький человек принимается рвать на себе волосы. Потревоженный младенец плачет.

Маленький человек (качает его). Ну-ну-ну, бедненький мой!

Дежурный. Halt still! ⁴ Вы арестованы. Все в порядке.

Маленький человек. Где его мать?

Дежурный. Sie kommt на другой поезд. Das телеграмм пишет: «Задержите господина с черным младенцем и черным узлом».

Маленький человек обращает взор к небу.

Дежурный. Kommt с нами.

Дежурный по станции и полицейский ведут Маленького человека в дверь, из которой вышли. Чей-то окрик останавливает их.

¹ Не понимаю.

² Хорошо!

³ Это не ваши вещи.

⁴ Стойте!

Американец (кричит, держась несколько поодаль). Минутку!

Дежурный останавливается. Маленький человек тоже останавливается и садится на скамью возле стены. Полицейский невозмутимо становится рядом с ним. Американец делает два-три шага по направлению к ним и подзывает дежурного рукой. Дежурный подходит к нему.

Американец. Известно ли вам, что вы задержали ангела, который прилетел сюда прямо с неба? Зачем тут этот господин с блестящими пуговицами?

Дежурный. Was ist das? ¹

Американец. Неужели здесь никто не говорит по-американски?

Дежурный. Verstehe nicht.

Американец. Ну, хорошо, будем объясняться жестами. Я говорю, что (показывает на Маленького человека, а затем изображает руками взмахи крыльев, полет) вам попался ангел небесный. Да знаете ли вы, кто этот человек?.. На него сам господь делает ставку! Вы права не имеете подвергать его аресту! (Жестом пытается показать «арест».) Нет, нет, сэр! Провидение сыграло с этим малым скверную шутку, подбросив ему младенца. (Показывает руками, как качают детей.) У этого человечка золотое сердце. (Показывает на свое сердце и извлекает из кармана золотую монету.)

Дежурный (решает, что его пытаются подкупить). Aber das ist zu viel! ²

Американец. Нет, нет, не сбивайте меня! (Показывает на Маленького человека.) Man. (Тычет пальцем в грудь.) Herz. (Показывает на монету.) Von Gold. Это лилия полей, и растет этот цветок не затем, чтобы его топтал господин с блестящими пуговицами!

Вокруг них собирается небольшая толпа, в которой англичанин с англичанкой, немец и юный датчанин.

Дежурный. Verstehe absolut nichts... (Показывает на телеграмму.) Ich muss mein... ³ долг исполнять...

Американец. Но я же говорю вам. Это светлая личность. Это, по всей вероятности, самая светлая личность на всем божьем свете.

¹ Что это?

² Ну, это уж слишком!

³ Совершенно ничего не понимаю... Я должен свой...

Дежурный. Das macht nichts¹ gut или не gut, я muss mein долг исполнять.

Поворачивается к Маленькому человеку.

Американец. Ну что ж, арестуйте его, исполняйте ваш долг. У ребенка, между прочим, тиф.

При слове «тиф» дежурный останавливается.

Американец (жестикулируя). Тиф по первому разряду, черный тиф, schwarzen typhus. Вот вы и поняли! Мне, видите ли, жалко вас — и вас и этого вашего господина с блестящими пуговицами. Что ж, исполняйте свой долг!

Дежурный. Typhus? Der Bub'? Die baby hat typhus?

Американец. А как же!

Дежурный. Gott im Himmel!²

Американец (увидев в толпе немца). Вот этот господин подтвердит мои слова.

Дежурный (чрезвычайно встревоженный, делает полицейскому знаки, чтобы тот отошел). Typhus! Aber das ist gräßlich³.

Американец. Я так и думал, что вам это не понравится.

Дежурный. Die Sanitätsmaschine! Gleich!⁴

Носильщик отправляется за дезинфекционной машиной. Толпа, обступившая Маленького человека полукругом, смотрит на него в то время, как он печально качает младенца.

Дежурный (вскидывает руки). Was zu thun?⁵

Американец. Я полагаю, что младенца следует изолировать.

Наступает тишина, и слышно, как Маленький человек тихо насвистывает и прищелкивает языком, пытаясь развеселить ребенка.

Дежурный (еще раз справляется с телеграммой). «Задержите господина mit черный младенец». (Качает головой.) Wir muss господина задерживать. (Немцу.) Bitte, mein Herr, sagen Sie ihn den Buben zu niedersetzen⁶.

¹ Это неважно...

² Боже праведный!

³ Тиф! Но ведь это ужасно!

⁴ Дезинфекцию! Быстро!

⁵ Что делать?

⁶ Милостивый государь, объясните ему, чтобы он положил ребенка,

Немец (Маленькому человеку). Он говорит: положить младенца нужно. (Показывает жестом, чтобы он положил ребенка.)

Маленький человек мотает головой и продолжает качать ребенка.

Дежурный. Закон слушать надо.

Маленький человек смотрит на него свирепо и молчит.

Англичанин (из-за чьей-то спины, сквозь зубы). Молодец!

Немец. Его дух упорный есть.

Дежурный. (жестикулируя по-прежнему). Aber er muss!

Маленький человек строит ему рожу.

Дежурный. Sage Ihn! Моментально положить ребенка und komm с нами.

Младенец плачет.

Маленький человек. Чтобы я бросил бедного больного ребеночка? Идите вы к... к... к черту!

Американец (вскакивает на чей-то сундук, с жаром). Здорово!

Англичане аплодируют. Юный датчанин смеется. Дежурный в бешенстве бормочет себе что-то под нос.

Американец. Что говорит этот гробокопатель?

Немец. Он говорит, этот человек для того ребенка держит, чтобы неарестованным быть. Очень хитрый человек, говорит он.

Американец. Я полагаю, что вы судите о нем несправедливо. (Театрально взмахнув рукой в сторону Маленького человека.) Перед вами светлая личность. У него черный ребенок, и он его не бросает. Каждый из нас, вероятно, поступил бы столь же благородно, если бы только представился случай.

Маленький человек встает, держа ребенка на вытянутых руках, и делает два-три шага вперед. Полумесяц тотчас растягивается. Американец взбирается на другой сундук, повыше. Маленький человек, пятясь, усаживается на прежнее место.

Американец (обращаясь к дежурному). Не советую вам затевать историю. Лучше дождитесь матери. Дежурный (топнув ногой). Я арестую die Mutter

за то, что она едет с ребенком mit Turphus. Ха! (Маленькому человеку.) Положите ребенка!

Маленький человек ухмыляется.

Дежурный. Слышите?!

Американец (дежурному). Вот что, приятель. Я начинаю думать, что вы не подозреваете о том, как все это красиво! Вот перед нами человек, жертвующий своей жизнью ради ребенка, с которым его ровно ничего не связывает. Этого ребенка произвел на свет не он. Нет, сэр, этот джентльмен играет по всем правилам христианства! Это христианин высшей марки.

Дежурный. Положите ребенка сейчас, а то ich will приказывать это другому кому-либо сделать.

Американец. Любопытно будет поглядеть!

Дежурный (полицейскому). Возьмите у него ребенка!

Полицейский бормочет что-то, но не двигается с места.

Американец (немцу). Что он там лепечет, я не разобрал?

Немец. Он говорит, что не подчинен дежурному.

Американец. Я умираю от смеха.

Дежурный (оглядывая всех). Никто ребенка не брать?

Англичанка (делает шаг вперед, тихим голосом). Да... я бы...

Англичанин (хватает ее за руку). Ни в коем случае!

Дежурный (собираясь с духом, чтобы совершить подвиг — взять ребенка самому. Делает два шага по направлению к Маленькому человеку). Я делаю вам команд... (Обрывается и замирающим голосом.) Не сходить с места!

Американец. Ого! Это замечательно! Ну и человек! Какое, однако, высокоразвитое чувство долга!

Юный датчанин смеется. Дежурный резко поворачивается к нему, но в эту минуту на сцену вбегает мать ребенка.

Мать. Ach! Ach! Mei' Bubi!

Лицо ее сияет, она бросается к Маленькому человеку.

Дежурный (полицейскому). Nimm die Frau! ¹

¹ Задержите женщину!

Полицейский хватает ее.

Дежурный *(перепуганной женщине)*. Warum haben Sie einen Buben mit Typhus mit ausgebracht? ¹.

Американец *(со своей вышки, возбужденно)*. Что он сказал? Я не хочу пропустить ни слова.

Немец. Он говорил, почему вы ребенка с тифом с собой везти брали?

Американец. Вот именно!

Вынимает бинокль из футляра и смотрит в него на младенца.

Мать *(растерянно)*. Mei' Bubi... Typhus... Aber Typhus? *(Энергично трясет головой.)* Nein, nein, nein! Typhus!

Дежурный. Er hat Typhus.

Мать *(трясет головой)*. Nein, nein, nein!

Американец *(все еще смотрит в бинокль)*. А знаете, она ведь права! Тиф-то, верно, от шали: младенец пускал слюнки, шаль намокла и слиняла — вот он и измазлся.

Юный датчанин смеется.

Дежурный *(свирепо огрызаясь)*. Er hat Typhus.

Американец. Тут-то вы, приятель, и сплеховали. Идите-ка сюда!

Дежурный забирается на сундук к американцу и смотрит в его бинокль.

Американец. Ну-ка, разверните нам ножку младенца! Если на ней не будет сыпи, то я удовлетворен.

Маленький человек вытаскивает из шали ножку младенца.

Мать. Mei' Bubi! *(пытается вырваться.)*

Американец. Беленькая, как банан. *(Дежурному, добродушно.)* Видно, вы, приятель, решили подшутить над нами с вашим тифом!

Дежурный. Lass die Frau! ².

Полицейский отпускает ее, и она бросается к ребенку.

Мать. Mei' Bubi!

Младенец, который пригрелся было у Маленького человека, плачет от прикосновения холодных рук матери.

Дежурный *(спускается и подзывает полицейского)*. Намерена ли она предъявить ему иск? *(Полицейский берет Маленького человека за плечо.)*

¹ Зачем вы возите с собой ребенка, больного тифом?

² Отпустите женщину!

Американец. Что такое? Они все-таки хотят его засадить?

Мать, все еще прижимая к груди младенца, который уже перестал плакать, смотрит на Маленького человека. Он смущен и растерян. Она внезапно опускается на колени, хватая Маленького человека за щиколотку и целует его башмак.

Американец (размахивает шляпой). Браво, браво! (Проворно спускается с сундука, подходит к Маленькому человеку, которого полицейский больше не держит, и берет его за руку.) Брат мой, я горжусь знакомством с вами. Это величайшая минута в моей жизни! (Указывает рукой на Маленького человека.) Я думаю, что выражу всеобщее мнение, если скажу: мы все почитаем за честь дышать не совсем первоклассным воздухом этого вокзала, ибо вместе с нами его вдыхает и наш маленький друг. Вскоре мы разъедемся по домам, но я полагаю, что облик этого светлого человека навсегда сохранится в сокровищнице нашей памяти, как один из самых ценных экспонатов. И надо надеяться, что эта добрая женщина тоже пойдет домой и вымоет лицо нашему юному братцу. Я исполнен еще большей веры в человека, чем прежде. Леди и джентльмены, позвольте представить вам стопроцентного святого — только нимба не хватает. (К Маленькому человеку.) Встаньте-ка!

Маленький человек поднимается в полной растерянности. Его обступают со всех сторон. Дежурный по станции отвешивает ему поклон, полицейский отдает честь. Юный датчанин трясет головой и смеется. Немец, вытянувшись в струнку, дважды отрывисто кивает головой. Англичанин с женой нерешительно делают несколько шагов по направлению к Маленькому человеку, но, одумавшись, поворачиваются друг к другу лицом и отступают назад. Мать целует руку Маленькому человеку. Сзади появляется носильщик с дезинфекционной машиной, включает ее, и розовые брызги, позолоченные солнечным лучом, образуют род нимба вокруг головы Маленького человека, который стоит с возведенными вверх глазами, пытаюсь понять, откуда льет.

Американец (выбегает вперед и опускается на одно колено). Пойдите так минутку! Я должен сфотографировать это чудо. (Нацеливает фотоаппарат на Маленького человека.) Здорово получится, доложу я вам!

З а н а в е с

1913 г.

ТОЛПА

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Стивен Мор, член парламента.

Кэтрин, его жена.

Олив, их маленькая дочь.

Настоятель Стауэрского собора, дядя Кэтрин.

Генерал сэр Джон Джулнан, ее отец.

Капитан Хьюберт Джулнан, ее брат.

Элен, его жена.

Эдуард Мендип, редактор газеты «Парфенон».

Аллен Стил, секретарь Мора.

Джеймс Хоум, архитектор

Чарлз Шелдер, адвокат

Марк Уэйс, книготорговец

Уильям Бэннинг, фабрикант

} депутация избирателей Мора.

Няня.

Рефорд, ее сын, вестовой Хьюберта.

Невеста Рефорда.

Генри, лакей.

Швейцар.

Несколько джентльменов в черных костюмах.

Студент.

Девушка.

Толпа горожан.

Действие первое. Столовая в лондонском доме Мора. Вечер.

Действие второе. Там же. Утро.

Действие третье.

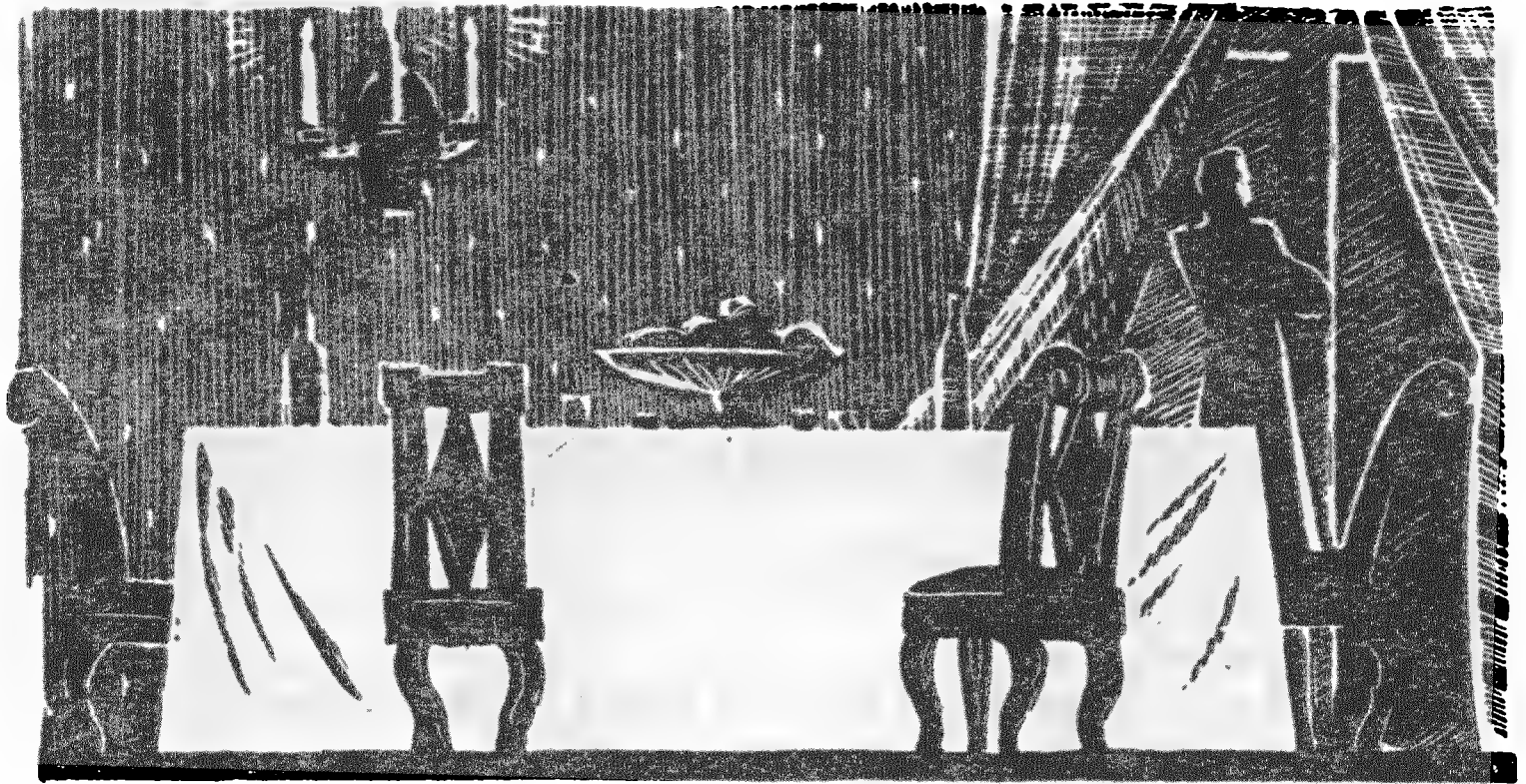
Картина первая. Переулок в окрестностях Лондона, куда выходит задний фасад небольшого театра.

Картина вторая. Спальня Кэтрин.

Действие четвертое. Столовая в доме Мора. Вторая половина дня.

Эпилог. Одна из лондонских площадей. На рассвете.

Между первым и вторым действиями проходит несколько дней. Между вторым и третьим действиями — три месяца. Первая и вторая картины третьего действия происходят немедленно одна за другой. Между третьим и четвертым действиями проходит несколько часов. Между четвертым действием и заключительной картиной проходит неопределенный промежуток времени.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Июльский вечер. Половина десятого. Столовая, освещенная канделябрами, отделанная ярко-синими обоями и убранный коврами и порттьерами того же цвета. Высокие стеклянные двери между колоннами открыты; они выходят на широкую террасу, за которой видны во тьме силуэты деревьев, а вдали — очертания освещенных домов. С одной стороны «фонарь» (глубокий выступ комнаты или ниша с окном), наполовину прикрытый задернутыми порттьерами. Напротив него дверь, ведущая в переднюю. За овальным палисандровым столом, уставленным серебром, цветами, фруктами и бутылками вина, сидят шесть человек. Они только что кончили обедать. Спиной к «фонарю» сидит Стивен Мор, хозяин дома, человек лет сорока; у него приятное лицо, обаятельная улыбка и глаза мечтателя. Справа от него — сэр Джон Джулиан, старый солдат; у него загорелое лицо с тонкими чертами и седые усы. Справа от сэра Джона его брат, настоятель Стауэрского собора, высокий, смуглый священник аскетического вида; далее — справа — Кэтрин; она наклонилась вперед и положила локти на стол; подперев подбородок ладонями, она пристально смотрит через стол на своего мужа; справа от нее сидит Эдуард Мендип, бледный человек лет сорока пяти, почти совсем лысый, у него красивый лоб и на резко очерченных губах играет широкая улыбка, так что видны его зубы; между ним и Мором — Элен Джулиан, хорошенькая темноволосая молодая женщина, погруженная в собственные мысли. Когда поднимается занавес, слышны голоса людей, горячо спорящих между собою.

Настоятель. Я с тобой не согласен, Стивен, абсолютно и полностью не согласен.

Мор. Ну что ж, я тут ничего не могу поделать.

Мендип. Вспомни одну из недавних войн, Стивен! Разве твои рыцарские взгляды принесли тогда какую-нибудь пользу? И то, на что смотрели сквозь пальцы, когда ты был молодым и мало кому известным членом парламента, на заместителя министра может навлечь анафему. Ты не вправе себе это позволить...

Мор. Я не вправе позволить себе следовать призыву совести? Вот это новость, Мендип.

Мендип. Даже самые высокие идеалы могут быть неуместными, мой друг.

Настоятель. Правительство имеет здесь дело с диким народом, не признающим никаких законов, и я думаю, что питать к нему сочувствие или жалость нет никакого смысла.

Мор. Их тоже сотворил господь, настоятель.

Мендип. В этом я сомневаюсь.

Настоятель. Они оказались вероломными. Мы имеем право покарать их.

Мор. Если я подойду и ударю беспомощного человека, а он в ответ на это ударит меня, разве я имею право карать его?

Сэр Джон. Не мы явились зачинщиками.

Мор. Как? А наши миссионеры и наша торговля?

Настоятель. Вот это действительно новость. На благодеяния цивилизации они станут отвечать насилиями и убийством, а ты будешь подыскивать оправдания? Разве ты забыл Глэйва и Морлинсона?

Сэр Джон. Верно. А несчастный Грум и его жена?

Мор. Они отправились в дикую страну, зная, что тамошние племена настроены против них, и действовали там по собственной инициативе. Какое дело всему нашему народу до злоключений отдельных авантюристов?

Сэр Джон. Но мы не можем равнодушно смотреть на то, как расправляются с нашими соотечественниками.

Настоятель. Разве устанавливаемые нами порядки не являются благодеянием, Стивен?

Мор. Иногда да. Но я всем сердцем отвергаю мнение, будто наше владычество может облагодетельствовать такой народ, как этот, народ, принадлежащий к особой расе и отличающийся от нас, как свет от тьмы, по цвету кожи, по религии, по всему. Мы можем только извратить их здоровые инстинкты.

Настоятель. Вот эта точка зрения для меня совершенно непостижима.

Мендип. Если развить твою философию до логического конца, Стивен, то она приведет к застою. Только на небе есть неизменные звезды, на земле их нет. Нации не могут жить изолированно, не вмешиваясь в дела других наций.

Мор. Во всяком случае, большие нации могли бы не вмешиваться в дела малых.

Мендип. Если бы они не вмешивались, то не было бы больших наций. Дорогой мой, мы знаем, что малые нации — это твой конек. Но министерский пост должен был бы хоть немного утихомирить тебя.

Сэр Джон. Я служил своей родине пятьдесят лет и утверждаю, что она ни в чем не преступила законов справедливости.

Мор. Я тоже надеюсь прослужить ей пятьдесят лет, сэр Джон, но я заявляю, что сейчас она действует несправедливо.

Мендип. Бывают моменты, когда таких вещей просто нельзя говорить!

Мор. И все-таки я выступлю. И не далее как сегодня вечером, Мендип.

Мендип. В палате общин?

Мор кивает.

Кэтрин. Стивен!

Мендип. Миссис Мор, вы не должны допускать этого. Это — сумасшествие!

Мор (вставая). Можете завтра сообщить об этом читателям, Мендип. Посвятите моему выступлению передовую статью в своем «Парфеноне».

Мендип. Политическое безумие! Человек, занимающий такой пост, как ты, не имеет права давать волю своим чувствам накануне серьезных событий!

Мор. Я никогда не скрывал своих чувств. Я против этой войны и против тех захватнических актов, к которым, как все мы знаем, она приведет.

Мендип. Дорогой мой! Не будь донкихотом. Война вот-вот начнется, и никакие твои усилия не смогут предотвратить ее.

Элен. Нет, не может быть!

Мендип. Боюсь, что так, миссис Хьюберт.

Сэр Джон. В этом нет сомнения, Элен.

Мендип (*Мору*). Значит, ты собираешься воевать с ветряными мельницами?

Мор кивает.

Мендип. *C'est magnifique!*¹

Мор. Я делаю это не ради дешевой популярности.

Мендип. Но именно так ты ее и добьешься!

Мор. Что ж! Хотя бы даже такой ценой, но я должен иногда говорить правду.

Сэр Джон. То, что ты собираешься говорить, неправда.

Мендип. Чем величественнее правда, тем огромное клевета и тем сильнее она ранит.

Настоятель (*пытаясь успокоить и примирить спорящих*). Мой дорогой Стивен, даже если бы ты был прав в своих исходных построениях,— с чем я, впрочем, не могу согласиться,— безусловно, бывает время, когда совесть одного человека должна покориться общему настроению, чувству всей страны. Речь идет о нашей национальной чести.

Сэр Джон. Прекрасно сказано, Джеймс!

Мор. Нации — плохие судьи в вопросах собственной чести, настоятель!

Настоятель. Таких мнений я разделять не могу!

Мор. Естественно. Они недостаточно осмотрительны.

Кэтрин (*останавливая настоятеля*). Дядя Джеймс! Прошу вас!

Мор внимательно смотрит на нее.

Сэр Джон. Значит, ты собираешься стать во главе группы смутьянов, погубить свою карьеру и заставить меня краснеть за то, что ты мой зять?

Мор. Разве человек должен исповедовать только те убеждения, которые пользуются всеобщим признанием? Вы сами достаточно часто подставляли себя под выстрелы, сэр Джон.

Сэр Джон. Но я никогда не подставлял себя под выстрелы своих соотечественников... Помни: твоя речь будет опубликована во всех иностранных газетах; будь

¹ Вот это великолепно! (*франц.*)

уверен, они ухватятся за все, что может быть использовано против нас. Как вам это нравится: саморазоблачение перед другими государствами!

Мор. Вы все-таки признаете, что это будет саморазоблачением?

Сэр Джон. Я? Нет, сэр.

Настоятель. Создавшемуся в тех краях положению надо положить конец раз и навсегда. Оно стало уже невыносимым. Ну, а ты, Кэтрин, почему ты не поддерживаешь нас?

Мор. Моя страна, права она или нет! Пусть она виновата, все равно будь верен своей стране.

Мендип. Это еще вопрос.

Кэтрин поднимается с места. Настоятель тоже встает.

Настоятель (тихо). *Quem Deus vult perdere!*¹

Сэр Джон. Это не патриотично!

Мор. Я не желаю поддерживать тиранию и насилие!

Кэтрин. Отец вовсе не поддерживает тирании. И никто из нас ее не поддерживает, Стивен.

Входит Хьюберт Джулиан, высокий человек с военной выправкой.

Элен. Хьюберт! (Встает и идет к нему.)

Они тихо беседуют у двери.

Сэр Джон. Так объясни нам, ради бога, чего ты хочешь? По чистой совести, мы терпели достаточно долго.

Мор. Сэр Джон, мы, великие державы, должны изменить свою политику в отношении слабых наций. Даже собаки могут служить нам примером,— посмотрите, как ведет себя большая собака с маленькой.

Мендип. Нет, нет, все это не так просто.

Мор. Я не вижу причин, Мендип, почему бы благородству не стать основой отношений между нациями — хотя бы в такой степени, как у собак!

Мендип. Мой дорогой друг, неужели ты хочешь сделаться жалким отщепенцем, борцом за безнадежное дело?

¹ Начало латинской поговорки: «*Quem Deus perdere vult, prius dementat*» («Кого бог хочет покарать, того он сперва лишает разума»).

Мор. Это — дело не безнадежное.

Мендип. Правое оно или неправое, но это — самое безнадежное дело на свете. Никогда еще слово «патриотизм» не возбуждало толпу так, как сейчас. Берегись толпы, Стивен, берегись толпы!

Мор. И только потому, что господствующее настроение идет вразрез с моими взглядами, я, политический деятель, должен отказаться от своих убеждений?! Дело не в том, прав я или не прав, Мендип, а в том, что вы все заставляете меня трусливо отмежеваться от своих взглядов только потому, что они не популярны.

Настоятель. Боюсь, мне пора идти. (К Кэтрин.) Спокойной ночи, моя дорогая! А! Хьюберт! (Здоровается с Хьюбертом.) Мистер Мендип, нам по пути. Хотите, я подвезу вас?

Мендип. Благодарю вас. Доброй ночи, миссис Мор. Остановите его! Он себя губит. (Выходит вместе с настоятелем.)

Кэтрин берет Элен под руку и уводит ее из комнаты.
Хьюберт остается стоять у двери.

Сэр Джон. Я знал, что по многим вопросам ты придерживаешься весьма крайних взглядов, Стивен, но я никогда не думал, что муж моей дочери окажется пораженцем, готовым отстаивать мир любой ценой.

Мор. Я вовсе не таков! Но уж если драться, то я предпочитаю драться с кем-нибудь, кто не слабее и не меньше меня!

Сэр Джон. Ну что ж! Мне остается молить бога, чтобы ты очнулся от своего безумия, прежде чем выступишь с этой речью. Мне пора к себе, в военное министерство. До свидания, Хьюберт.

Хьюберт. До свидания, отец.

Сэр Джон выходит.

(Стоит неподвижно, явно удрученный.) У нас уже получен приказ.

Мор. Что ты говоришь?! Когда же вы отплываете?

Хьюберт. Немедленно.

Мор. Бедная Элен!

Хьюберт. Еще и года не прошло, как мы поженились. Не повезло нам!

Мор сочувственно притрагивается к его плечу.

Ну что ж! Придется спрятать свои чувства в карман. Послушай, Стивен, не выступай с этой речью! Подумай о Кэтрин, ведь ее отец в военном министерстве, а я ухожу на войну, а Ральф и старина Джордж уже там! Ты войдешь в раж и наговоришь бог знает чего!

Мор. Я обязан выступить, Хьюберт.

Хьюберт. Нет, нет! Придержи свои страсти хоть на сегодняшний вечер! Ведь через несколько часов все начнется.

Мор отворачивается от него.

Если тебе наплевать на то, что ты губишь собственную карьеру, то по крайней мере не заставляй Кэтрин разрываться надвое!

Мор. Но ты же не уваливаешь от своего долга ради своей жены.

Хьюберт. Ну вот что я тебе скажу! Ты, я вижу, готов мчаться напролом, не разбирая пути, и потому разобьешься. Там затевается не какой-нибудь пикник! Нам могут всыпать по первое число. Вот увидишь, какие тут страсти разгорятся, когда там, в горах, перережут два-три наших отряда. Это ужасная страна. У горцев современное оружие, и они дерутся, как черти! Брось это дело, слышишь, Стивен!

Мор. Надо же иногда чем-то рисковать, Хьюберт, даже в моей профессии!

Входит Кэтрин.

Хьюберт. Но это безнадежно, старина, абсолютно безнадежно.

Мор отворачивается к окну. Хьюберт повернулся к сестре, потом, сделав жест в сторону Мора, как бы предоставляя дальнейшее ей, выходит.

Кэтрин. Стивен! Неужели ты действительно хочешь выступить с этой речью?

Он кивает.

Я прошу тебя не делать этого.

Мор. Ты ведь знаешь мои убеждения.

Кэтрин. Но ведь это наша родина. Мы не можем отделять себя от нее. Ты ничего не остановишь, только вызовешь к себе всеобщую ненависть. Мне этого не перенести.

Мор. Я уже говорил тебе, Кэт, кто-то должен возвысить голос. Две или три военные неудачи — а они, несомненно, будут — и вся страна придет в ярость и обезумеет. И еще один маленький народ перестанет существовать.

Кэтрин. Если ты веришь в свою страну, ты должен верить: чем больше у нее владений, чем больше могущества, тем лучше это будет для всех.

Мор. Ты в этом убеждена?

Кэтрин. Да.

Мор. Я готов уважать твое мнение. Я даже понимаю его. Но... я не могу присоединиться к нему.

Кэтрин. Но, Стивен, твоя речь будет призывом, на который откликнутся всякие сумасброды, все, кто затаил злобу на родную страну. Они сделают тебя своим знаменем.

Мор улыбается.

Да, да! И ты упустишь возможность стать членом кабинета, тебе придется, может быть, даже подать в отставку и уйти из парламента.

Мор. Собаки лают — ветер носит!

Кэтрин. Нет, нет! Ведь если ты берешься за какое-нибудь дело, ты всегда доводишь его до конца; а что хорошего может получиться на этот раз?

Мор. По крайней мере история не скажет: «И они совершили это без единого протеста со стороны своих общественных деятелей!»

Кэтрин. Есть многие другие, кто...

Мор. Поэты?

Кэтрин. Ты помнишь тот день во время нашего медового месяца, когда мы поднимались на Бен-Лоуэрс? Ты лежал, уткнувшись лицом в вереск, и говорил, что тебе кажется, будто ты целуешь любимую женщину. В небе звенел жаворонок, и ты сказал, что это голос великой любви. Холмы были в синей дымке. И поэтому мы решили отделать эту комнату в синих тонах: ведь это цвет нашей страны!¹ Ты же любишь ее!

Мор. Люблю, конечно, люблю!

Кэтрин. Ты сделал бы это для меня... тогда!

¹ Синий цвет считается национальным цветом Англии.

Мор. А разве ты стала бы просить меня об этом, Кэт... тогда?

Кэтрин. Да. Это наша страна. О Стивен, подумай о том, что это значит для меня, когда Хьюберт и другие наши мальчики отправляются туда — на войну! А бедная Элен, а отец? Я прошу тебя не выступать с этой речью!

Мор. Кэт! Это нечестно. Неужели ты хочешь, чтобы я чувствовал себя последним подлецом?

Кэтрин (задыхаясь). Я... я... почти уверена, что ты будешь подлецом, если выступишь! (Смотрит на него, испуганная собственными словами.)

В это время лакей Генри является убрать со стола, и она говорит очень тихо.

Я умоляю тебя не делать этого!

Он не отвечает, и она уходит.

Мор (к Генри). Потом, Генри, немного позже, пожалуйста!

Генри уходит. Мор продолжает стоять, глядя на стол, затем поднимает руку к шее, как будто воротничок его душит, наливает в бокал воды и пьет. На улице за окном остановились два уличных музыканта с арфой и скрипкой; издав несколько нестройных звуков, они начинают играть. Мор идет к окну и откидывает занавеску. Спустя минуту он возвращается к столу и берет конспект своей речи. Он мучительно думает, не зная, на что решиться.

Будешь подлецом!.. (Как будто хочет разорвать свой конспект. Затем, приняв другое решение, начинает перелистывать его и тихо говорит про себя. Его голос постепенно становится все громче, и он произносит перед пустой комнатой конец своей будущей речи.) Мы привыкли называть нашу страну борцом за свободу, противником насилия. Неужели эта слава вся в прошлом? Разве не стоит пожертвовать нашим мелочным достоинством ради того, чтобы не класть еще один камень на могилу этой славы; не разыгрывать перед всевидящим взором истории еще один эпизод национального цинизма? Мы готовимся силой навязать нашу волю и нашу власть народу, который всегда был свободен, который любит свою страну и ценит свою независимость так же, как и мы. И сегодня я не мог сидеть здесь молча и ждать, когда это начнется. Раз мы бережно и заботливо относимся к нашей стране, мы должны так же относиться и к другим странам. Я люблю свою страну, потому я и по-

дымаю свой голос. Пусть народ, против которого мы собираемся выступить, и обладает воинственным духом, но ему ни за что не устоять против нас. А война против такого народа, какой бы она ни казалась притягательной сейчас, в момент ослепления, в будущем грозит катастрофой. Великое сердце человечества всегда бьется сочувственно к слабому. Мы как раз и ополчились против этого великого сердца человечества. Мы следуем своей политике во имя справедливости и цивилизации; но справедливость впоследствии осудит нас, а цивилизация предаст нас проклятию!

Пока он говорил, снаружи, на террасе, промелькнула маленькая фигурка; она мчится туда, где звучит музыка, но, услышав голос Мора, вдруг останавливается в открытых дверях и прислушивается. Это темноволосая, черноглазая девочка в синем халатике.

Музыканты, доиграв свою мелодию, умолкают.

В наплыве чувств Мор слишком сильно сжимает в руке бокал, стекло ломается, осколки падают в умывальную чашку для рук. Девочка вбегает в комнату.

Олив!

Олив. С кем ты здесь говорил, папочка?

Мор (удивленно глядя на нее). Так, моя милочка, на ветер!

Олив. Но ветра сейчас нет!

Мор. Тогда каким же ветром занесло тебя сюда?

Олив (загадочно). Не ветром, а музыкой. А это ветер разбил бокал или он сломался в твоей руке?

Мор. Вот что, моя маленькая фея, марш наверх, а то няня поймает тебя на месте преступления. Ну, живо!

Олив. Ой нет, папочка! (Возбужденно и доверчиво.) Ты знаешь, сегодня, наверное, что-то случится!

Мор. Вот тут ты не ошибаешься!

Олив (потянув к себе, заставляет его нагнуться и шепчет). Я должна пробраться назад незамеченной. Ш-ш!.. (Внезапно бежит к окну и закутывается в одну из портьер.)

Входит молодой человек с запиской в руке.

Мор. А, это вы, Стил!

Музыканты опять начинают играть.

Стил. От сэра Джона с нарочным из военного министерства.

Мор (читает записку). «Началось!»

Он стоит задумавшись, с запиской в руке, а Стил с беспокойством глядит на него. Это смуглый, бледный молодой человек с худым лицом и глазами, которые говорят о том, что он способен привязываться к людям и страдать вместе с ними.

Стил. Я рад, что уже началось, сэр. Было бы очень жаль, если бы вы выступили с этой речью.

Мор. И ты, Стил?

Стил. Я хочу сказать, что если война действительно началась...

Мор. Понятно. (*Рвет записку.*) А об этом помалкивайте.

Стил. Я вам еще нужен?

Мор вынимает из внутреннего кармана бумаги и швыряет их на бюро.

Мор. Ответьте на них.

Стил (*идет к бюро*). Фезерби был просто омерзитель. (*Начинает писать.*)

Мор снова охвачен внутренней борьбой.

Ни малейшего представления о том, что существует две стороны вопроса.

Мор бросает на него быстрый взгляд, украдкой подходит к обеденному столу и берет свои заметки. Сунув их под мышку, он возвращается к двери на террасу и там останавливается в нерешительности.

Вот вершина его красноречия (*подражая*): «Мы должны наконец показать Наглости, что Достоинство не дремлет!»

Мор (*выходит на террасу*). Какой прелестный тихий вечер!

Стил. Это ответ больничному комитету «Коттедж-Госпитал». Написать, что вы будете у них председательствовать?

Мор. Нет.

Стил пишет. Затем он поднимает глаза и видит, что Мора нет в комнате. Он идет к стеклянной двери, смотрит направо и налево, возвращается к бюро и уже хочет снова сесть, как вдруг новая мысль заставляет его в испуге остановиться. Он снова идет к двери. Затем, схватив шляпу, поспешно выходит через террасу. Когда он скрывается, из передней входит Кэтрин. Выглянув на террасу, она идет к окну; некоторое время стоит там и прислушивается, затем с беспокойством возвращается. Олив, тихонько подкравшись к ней из-за занавески, обнимает ее за талию,

Кэтрин. Ах, доченька! Как ты напугала меня! Что ты тут делаешь, маленькая шалунья!

Олив. Я уже все объяснила папе. Ведь второй раз повторять не нужно, правда?

Кэтрин. Где папа?

Олив. Он ушел.

Кэтрин. Когда?

Олив. Да вот только что, а мистер Стил побежал за ним, как кролик.

Музыка умолкает.

Ну, ясно: им не заплатили.

Кэтрин. А теперь — моментально наверх! Не могу понять, как ты здесь очутилась.

Олив. А я могу. *(Заискивающим тоном.)* Если ты заплатишь им, мамочка, они наверняка сыграют еще.

Кэтрин. Ну, дай им вот это. Но только еще одну — не больше!

Она дает Олив монету, та бежит с ней к окну; открывает боковое стекло и кричит музыкантам.

Олив. Ловите! И, пожалуйста, сыграйте еще одну песенку! *(Возвращается от окна и, видя, что мать погружена в свои мысли, ластится к ней.)* У тебя что-нибудь болит?

Кэтрин. У меня все болит, дорогая!

Олив. О!

Музыканты заиграли танец.

О! Мамочка! Я буду танцевать! *(Сбрасывает с себя синие туфельки и начинает танцевать и прыгать.)*

Хьюберт входит из передней. С минуту он стоит, наблюдает за своей племянницей, а Кэтрин глядит на него.

Хьюберт. Стивен ушел!

Кэтрин. Знаю... Остановись же, Олив!

Олив. А вы умеете так танцевать, дядя?

Хьюберт. Да, мой цыпленочек, еще как!

Кэтрин. Хватит, Олив!

Музыканты внезапно сбавили мелодию на середине такта. С улицы доносятся отдаленные выкрики.

Олив. Слушай, дядя! Какой странный шум!

Хьюберт и Кэтрин внимательно прислушиваются, а Олив пристально смотрит на них. Хьюберт идет к окну. Звуки слышны все ближе. Доносятся слова: «Покупайте газеты! Война! Наши войска перешли границу! Жестокое бои! Покупайте газеты!»

Кэтрин (сдавленным голосом). Да! Вот оно!

Уличные крики слышны с разных сторон, причем можно отчетливо различить два голоса: «Война! Кому газеты?! Жестокое бои на границе! Покупайте газеты!»

Закрой окно! Не могу слышать эти исступленные крики.

Хьюберт закрывает окно, в это время из передней входит няня. Это пожилая женщина, по-матерински решительная. Она устремляет на Олив строгий взгляд, но тут до нее доносятся уличные крики.

Няня. О! Неужели началось?

Хьюберт отходит от окна.

Ваш полк уже отправляется, мистер Хьюберт?

Хьюберт. Да, нянечка.

Няня. О боже мой! Что будет с моим мальчиком!

Кэтрин (делает ей знаки, показывая на Олив, которая стоит с широко раскрытыми глазами). Няня!

Хьюберт. Я не дам его в обиду, няня!

Няня. А он-то как раз жениться собрался. Да и вы еще и года не прошло, как женаты. Ах, мистер Хьюберт, вы уж в самом деле поберегите и себя и его: оба такие отчаянные!

Хьюберт. Я-то нет, няня!

Няня пристально смотрит ему в лицо, затем пальцем манит к себе Олив.

Олив (улавливая вокруг себя что-то новое в настроении взрослых, покорно идет к ней). Спокойной ночи, дядя! Няня, ты знаешь, почему мне нужно было спуститься вниз? (Горячим шепотом.) Это секрет! (Выходит с няней в переднюю, и слышно, как она говорит.) Расскажи мне все про войну!

Хьюберт (подавляя волнение; с нарочитой грубоватостью). Мы отплываем в пятницу, Кэт. Ты уж позаботься об Элен, сестричка.

Кэт. О! Как бы я хотела... Почему... женщины... не могут сражаться?

Хьюберт. Да, нелегко тебе со Стивеном и с его

взглядами. Но раз война уже началась, он быстро опомнится.

Кэтрин качает головой, затем внезапно бросается к нему на шею и горячо обнимает его. И все подавлявшиеся ею чувства как будто нашли себе выход в этом объятии.

Дверь из передней открывается, и снаружи слышен голос сэра Джона: «Хорошо, я найду ее!»

Кэтрин. Отец!

Входит сэр Джон.

Сэр Джон. Стивен получил мою записку? Я послал ее сразу же, как приехал в военное министерство.

Кэтрин. Наверно, получил. *(Замечает разорванную записку на столе.)* Ну, конечно, да.

Сэр Джон. Газетчики уже выкрикивают последние новости. Слава богу, что я успел удержать его от этой безумной речи.

Кэтрин. Вы уверены в этом?

Сэр Джон. А как же? Неужели он окажется таким феноменальным ослом?

Кэтрин. Боюсь, что да. *(Идет к двери на террасу.)* Скоро мы все узнаем.

Сэр Джон, пристально взглянув на нее, идет к Хьюберту.

Сэр Джон. Не теряй бодрости, мальчик мой. Родина прежде всего!

Они крепко жмут друг другу руки. Кэтрин отшатнулась от двери. С террасы вбегает запыхавшийся Стил.

Стил. Мистер Мор вернулся?

Кэтрин. Нет. Он выступал?

Стил. Да.

Кэтрин. Против войны?

Стил. Да.

Сэр Джон. Как? После того как я...

Сэр Джон стоит неподвижно, выпрямившись, затем поворачивается и выходит прямо в переднюю. По знаку Кэтрин Хьюберт следует за ним.

Кэтрин. Итак, мистер Стил...

Стил *(все еще с трудом переводя дыхание и волнуясь)*. Мы были здесь, но ему как-то удалось ускользнуть от меня. Он, должно быть, отправился прямо в парламент. Я помчался туда, но когда я попал на галерею, он уже начал говорить. Все ожидали чего-то особенного: та-

кой тишины я никогда раньше не слышал. Он завладел их вниманием с первых же слов: мертвая тишина, каждое слово было отчетливо слышно. На некоторых он произвел впечатление. Но все время в тишине чувствовалось что-то... вроде бурлящего подводного течения. А затем Шеррат,— кажется, он,— начал... и видно было, как в них нарастал гнев; но мистер Мор подавлял их своим спокойствием! Какое самообладание! В жизни я не видел ничего подобного. Затем по всей палате пронесся шепот, что военные действия начались. И тут произошел взрыв, полное смятение,— его прямо готовы были убить. Кто-то стал тянуть его за фалды, чтобы он сел, но он отшвырнул его и продолжал говорить. Потом он внезапно оборвал речь и вышел. Шум мгновенно стих. Все продолжалось не больше пяти минут. Это было величественно, миссис Мор, как поток лавы из вулкана... Он один только и сохранял хладнокровие. Я ни за что на свете не хотел бы пропустить это зрелище. Это было просто великолепно!

Мор появляется на террасе позади Стила.

Кэтрин. Спокойной ночи, мистер Стил.

Стил (вздвигнув). О! Спокойной ночи! (Выходит в переднюю.)

Кэтрин подбирает с пола туфельки Олив и стоит, прижимая их к груди. Мор входит.

Кэтрин. Значит, ты успокоил свою совесть! Я не думала, что ты нанесешь мне такой удар.

Мор не отвечает, он все еще во власти только что пережитого.
Кэтрин подходит ближе к нему.

Я не предам своей родины, я с нею телом и душой, Стивен, предупреждаю тебя.

Они стоят, молча глядя друг на друга. Лакей Генри входит из передней.

Генри. Это письма, сэр, из палаты общин.

Кэтрин (беря их). Сейчас, Генри, вы сможете здесь убрать.

Генри уходит.

Мор. Вскрой их!

Кэтрин открывает их одно за другим и роняет на стол.
Ну? Что там?

Кэтрин. То, что и следовало ожидать. Трое твоих лучших друзей. Это только начало.

Мор. Берегись толпы! (Смеется.) Я должен написать шефу.

Кэтрин делает порывистое движение по направлению к нему, затем спокойно идет к бюро, садится и берет перо.

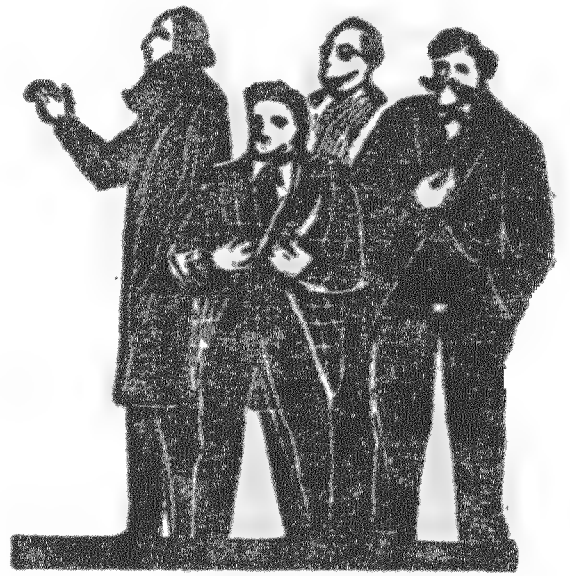
Кэтрин. Давай я напишу черновик. (Ждет.) Ну?

Мор (диктует). «Пятнадцатое июля. Дорогой сэр Чарлз! После моей сегодняшней речи, в которой я высказал свои самые непоколебимые убеждения...»

Кэтрин оборачивается и бросает на него пристальный взгляд, но он смотрит прямо перед собою, и с легким жестом отчаяния она продолжает писать.

«...у меня нет иного выхода, как подать в отставку с поста заместителя министра. Мои взгляды и убеждения в этом вопросе могут быть ошибочными, но я, безусловно, прав, оставаясь верным своим принципам. Я полагаю, что нет необходимости подробно вдаваться в анализ причин, которые...»

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Несколько дней спустя. Утро. Сквозь открытые окна столовой струится солнечный свет. На столе разбросаны газеты. Элен сидит за столом, устремив вперед неподвижный взор. По улице пробегает мальчишка-газетчик, выкрикивая последние новости. Услышав его крики, она встает и выходит на террасу. Из передней входит Хьюберт. Он сразу направляется к террасе и увлекает Элен назад в комнату.

Элен. Это правда... то, что они кричат?

Хьюберт. Да. Такого и ожидать было трудно... Они застигли наших на перевале. Даже нельзя было развернуть орудия. Начало скверное.

Элен. О Хьюберт!

Хьюберт. Девочка моя дорогая!

Элен поднимает к нему лицо. Он целует ее. Затем она быстро отходит к окну, потому что дверь из передней открылась и входит лакей Генри, а за ним Рефорд и его невеста.

Генри. Подождите здесь, пожалуйста, я доложу миссис Мор. (Заметив Хьюберта.) Прошу прощения, сэр!

Хьюберт. Ничего, Генри. (Очень спокойно.) А! Рефорд!

Генри уходит.

Так, значит, вы привели ее сюда. Вот и хорошо! Моя сестра позаботится о ней, не беспокойтесь! У нас все сложено? Ровно в три часа!

Рефорд (солдат с широким лицом, одетый в хаки; чувствуется, что это человек, любящий пошутить, но сейчас он явно не в шутливом настроении). Все в порядке, сэр. Все готово.

Элен выходит из ниши и спокойно смотрит на Рефорда и на девушку, которые стоят, неловко переминаясь.

Элен (спокойно). Берегите его, Рефорд.

Хьюберт. Мы оба будем беречь друг друга, верно, Рефорд?

Элен. Давно вы обручены?

Девушка (хорошенькая, робкая). Шесть месяцев. (Внезапно начинает плакать.)

Элен. Не надо! Он скоро вернется цел и невредим.

Рефорд. Я рассчитаюсь с ними за это. (Ей, тихо.) Не реви! Не реви!

Элен. Да! Не плачьте, пожалуйста!

У нее самой дрожат губы, и она выходит на террасу. Хьюберт за ней. Рефорд и девушка остаются там, где стояли; они чувствуют себя здесь совершенно чужими и поэтому растеряны; она старается подавить рыдания.

Рефорд. Перестань же, Нэнси, не то мне придется увести тебя домой. Это глупо, раз уж мы пришли сюда. Ты так разревелась, будто я уже убит. Смотри-ка, ты заставила леди уйти из комнаты!

Она берет себя в руки, и в это мгновение открывается дверь, входит Кэтрин в сопровождении Олив, которая разглядывает Рефорда со страхом и любопытством, и няни, которая сохраняет спокойствие, несмотря на заплаканные глаза.

Кэтрин. Мой брат уже сказал мне; я рада, что вы привели ее.

Рефорд. Так точно, мэм. Она малость расстроилась из-за того, что я должен уехать.

Кэтрин. Да, да! Но ведь это ради нашей родины, не так ли?

Девушка. Рефорд все время твердит мне то же самое. Ну, а он должен ехать, так что не стоит его зря огорчать. И я, конечно, успокаиваю его, говорю, что со мной ничего не случится.

Няня (не отрывая глаз от лица сына). Конечно, ничего с тобой не случится.

Девушка. Рефорд говорит, что у него будет легче на душе, раз вы согласились немного, ну, как бы присмотреть за мной. Он такой горячий, я очень боюсь за него.

Кэтрин. У всех у нас кто-нибудь уезжает. Вы поедете-

те в порт? Мы должны отправить их в хорошем настроении, правда?

О л и в. Может быть, ему дадут медаль.

К э т р и н. Олив!

Н я н я. Уж он-то не станет отлынивать, как эти антипатриоты, противники войны.

К э т р и н (быстро). Позвольте... ах, да, у меня есть ваш адрес. (Протягивает Рефорду руку.) Мы позаботимся о ней.

О л и в (громким шепотом). Отдать ему мои тянучки?

К э т р и н. Как хочешь, дорогая. (Рефорду.) Помните, берегите моего брата и себя, а мы позаботимся о ней.

Р е ф о р д. Слушаюсь, мэм.

Он бросает печальный взгляд на девушку, как будто этот разговор не принес ему того, что он ожидал. Она делает небольшой реверанс. Рефорд отдает честь.

О л и в (взяв с бюро сверток, сует ему в руки). Они очень питательные.

Р е ф о р д. Благодарю вас, мисс.

Затем, подталкивая друг друга и смущаясь от неумения скрыть свои чувства и соблюсти этикет, они выходят, предводительствуемые няней.

К э т р и н. Бедняжки!

О л и в. А что такое антипатриот, мамочка?

К э т р и н (берет газету). Это просто глупое прозвище, дорогая. Перестань болтать.

О л и в. Но ответь мне только на один малю-юсенький вопрос.

К э т р и н. Ну, что?

О л и в. Папа тоже антипатриот?

К э т р и н. Олив! Что тебе говорили об этой войне?

О л и в. Они не хотят нас слушаться. Значит, мы должны побить их и отобрать их страну. И мы так и сделаем, правда?

К э т р и н. Да. Но папа не хочет, чтобы мы это делали: он считает это несправедливым и так прямо и говорит. Все на него очень сердиты.

О л и в. А почему несправедливым? Ведь наша страна меньше, чем их?

К э т р и н. Нет.

О л и в. О! В книжках по истории наша страна всегда самая маленькая. И мы всегда побеждаем. Вот за что я

люблю историю. А ты за кого, мамуся: за нас или за них?

Кэтрин. За нас.

Олив. Тогда и я буду за нас. Как жаль, что папа не за нас.

Кэтрин вздрагивает.

У него будут всякие неприятности из-за этого?

Кэтрин. Думаю, что да, Олив.

Олив. Значит, мы должны быть особенно ласковы с ним.

Кэтрин. Если сможем.

Олив. Я смогу. Я это чувствую.

Элен и Хьюберт показались на террасе. Увидя Кэтрин с ребенком, Элен проходит мимо двери, а Хьюберт входит в комнату.

(Увидев его, тихо.) Дядя Хьюберт сегодня едет на фронт? (Кэтрин кивает.) А дедушка нет?

Кэтрин. Нет, дорогая.

Олив. Значит, им повезло, верно, мамочка? А то бы дедушка им задал!..

Хьюберт подходит к ним. Присутствие ребенка заставляет его взять себя в руки.

Хьюберт. Ну, сестричка, пора прощаться. (К Олив.) Что привезти тебе, цыпленок?

Олив. А разве на фронте есть магазины? Я думала, что там все кругом опасно.

Хьюберт. Ни капельки.

Олив (разочарованно). О!

Кэтрин. А теперь, милочка, обними дядю как следует.

Пока Олив обнимает Хьюберта, Кэтрин успевает совладать с собой.

Мысленно мы с папой всегда будем с тобой. До свидания, Хью!

Они не осмелились поцеловаться, и Хьюберт выходит, чопорный и прямой. В дверях он сталкивается со Стилом, на которого не обращает ни малейшего внимания. Стил колеблется и хочет уйти обратно.

Войдите, мистер Стил.

Стил. Депутация от избирательного округа Толмин должна скоро прибыть, миссис Мор. Сейчас двенадцать часов.

О л и в (скатав шарик из газеты, лукаво). Мистер Стил, ловите.

Она бросает шарик, и Стил молча ловит его.

К э т р и н. Милочка, иди, пожалуйста, наверх.

О л и в. Можно мне почитать там у окна, мамочка? Тогда я увижу, как будут проходить солдаты.

К э т р и н. Нет. Ты можешь ненадолго выйти на террасу, а затем пойдешь наверх.

О л и в неохотно выходит на террасу.

С т и л. Ужасные новости сегодня в газетах. Все этот перевал. Вы видели? (*Читает газету.*) «Мы не желаем иметь ничего общего с бредовыми речами выроodka, который в такой момент бесчестит свою страну. Член парламента от избирательного округа Толмин заслужил презрение всех стойких патриотов...» (*Берет вторую газету.*) «...Существует определенный тип политических деятелей, которые даже во вред себе не могут устоять перед искушением саморекламы. Но в момент национального кризиса мы наденем на этих людей намордник, как на собак, подозреваемых в бешенстве...» Все, как один, ополчились на него.

К э т р и н. Меня гораздо больше беспокоят те, кто привык швырять грязью в родную страну, а теперь превозносит Стивена как героя! Вам известно, что он задумал?

С т и л. Увы, да! Мы должны заставить его отказаться от мысли выступать повсюду с антивоенными лекциями, миссис Мор, мы просто обязаны это сделать.

К э т р и н (*прислушиваясь*). Делегация прибыла. Пойдите за ним, мистер Стил. Он в своем кабинете в палате общин.

С т и л выходит, а Кэтрин стоит, не зная, что делать. На мгновение он снова открывает дверь, чтобы впустить делегацию; затем удаляется. Входят ч е т ы р е д ж е н т л ь м е н а, всем своим видом показывая, что они пришли по важному делу. Первый и самый живописный из них, Д ж е й м с Х о у м, худой, высокий человек с седой бородой, густой шевелюрой, хмурыми бровями и полузастенчивыми, полудержкими манерами, то грубый, то чересчур вежливый, один из тех, кто еще не вхож в высшее общество, однако втайне весьма высокого мнения о себе. Он одет в светлый шерстяной костюм, красный шелковый галстук пропущен сквозь кольцо. Вслед за ним идет М а р к У э й с, круглолицый человек

средних лет, с гладкими темными волосами и с едва намеченными бакенбардами, у него привычка постоянно потирать руки, как будто он что-то продает высокочтимому покупателю. Он довольно плотного сложения, одет в черный костюм, с массивной золотой цепочкой на жилете. За ним шествует Чарлз Шелдер, адвокат. Это человек лет пятидесяти, с лысой яйцеобразной головой, в золотом пенсне. У него маленькие бачки, кожа нездорового, желтоватого оттенка, довольно добродушное, но настороженное и недоверчивое выражение лица, а когда он говорит, то как будто пережевывает пищу. Это впечатление возникает от его резко выдающейся вперед верхней губы. Замыкает шествие Уильям Бэннинг, широкоплечий, энергичный человек, пробивший себе дорогу из низов. Ему можно дать от пятидесяти до шестидесяти лет, у него седые усы, румяное лицо сельского жителя и живые карие глаза.

Кэтрин. Здравствуйте, мистер Хоум!

Хоум (*целуя ей руку несколько подчеркнуто, как бы для того, чтобы продемонстрировать свою неподвластность женским чарам*). Миссис Мор! Мы совсем не ожидали... Мы считаем за честь...

Уэйс. Как вы поживаете, сударыня?

Кэтрин. А вы, мистер Уэйс?

Уэйс. Благодарю вас, сударыня, превосходно!

Шелдер. Как ваше здоровье, миссис Мор?

Кэтрин. Очень хорошо, спасибо, мистер Шелдер.

Бэннинг (*говорит с явно провинциальным акцентом*). Вот повод-то для встречи с вами не ахти какой удачный, мэм.

Кэтрин. К сожалению, да, мистер Бэннинг. Прошу вас, джентльмены. (*Видя, что раньше нее они не усядутся, садится за стол.*)

Все постепенно рассаживаются. Каждый член делегации по-своему старается уклониться от прямого разговора на волнующую всех тему, а Кэтрин столь же упорно стремится заставить их заговорить об этом.

Мой муж вернется через несколько минут. Он здесь рядом, в палате общин.

Шелдер (*который занимает более высокое положение в обществе и лучше образован, чем остальные*). Вы живете в прелестном месте, миссис Мор! Так близко к... э... центру... как бы сказать... притяжения, а?

Кэтрин. Я читала отчет о вашем втором собрании в Толмине.

Бэннинг. Дело плохо, миссис Мор, дело плохо. Не-

чего и скрывать это. Его речь — просто какое-то помешательство. Да-с, вот что это такое! Нелегко будет это уладить. И как только вы ему позволили, а? Я уверен, что вы-то не разделяете этих взглядов.

Он смотрит на нее, но вместо ответа она только крепче сжимает губы.

Я скажу вам, больше всего поразило меня, да и всех избирателей тоже, что когда он выступал с этой речью, он уже знал, что наши войска перешли границу.

Кэтрин. Не все ли равно, знал он или не знал!

Хоум. Но это же запрещенный прием — удар в живот. Вот мое мнение! Вы уж извините меня!..

Бэннинг. Пока война не началась, миссис Мор, каждый, конечно, может говорить что ему угодно, но после! Это уже значит выступить против своей родины! Да-с, его речь произвела сильное впечатление, знаете ли, сильное впечатление.

Кэтрин. Он уже давно решил выступить. Просто по роковому стечению обстоятельств в этот момент пришло известие о том, что война уже началась.

Пауза.

Бэннинг. Ну, я полагаю, все это верно. Но нам сейчас нужно одно — чтобы это не повторилось.

Хоум. Конечно, его взгляды весьма благородны и все такое, но надо же принимать во внимание и людское стадо, вы уж извините меня!

Шелдер. Мы пришли сюда, преисполненные самых дружеских чувств, миссис Мор, но вы сами понимаете: это уже никуда не годится!

Уэйс. Мы сумеем его урезонить! Вот увидите, сумеем!

Бэннинг. Нам, пожалуй, лучше не упоминать о том, что он знал о начале военных действий!

При этих словах с террасы входит Мор. Все встают.

Мор. Добрый день, джентльмены! (*Подходит к столу, не пожимая никому руки.*)

Бэннинг. Так как же, мистер Мор? Вы совершили прискорбную ошибку, сэр. Я говорю вам это прямо в лицо.

Мор. Не вы один, Бэннинг. Садитесь, пожалуйста, зачем вы встали?

Все постепенно снова усаживаются, а Мор садится в кресло Кэтрин. Она одна остается стоять, прислонившись к стене у портьеры, и наблюдает за выражением лиц присутствующих.

Бэннинг. Вы утренние телеграммы видели? Говорю вам, мистер Мор,— еще одна такая неудача на фронте, и вас попросту сметут с лица земли. И тут уж ничего не поделаешь. Такова природа человека.

Мор. В таком случае не отказывайте и мне в праве быть человеком. Когда я выступил вчера вечером, это мне тоже кое-чего стоило! *(Показывает на свое сердце.)*

Бэннинг. Уж больно внезапный поворот,— вы ведь ничего такого не говорили, когда выступали у нас на выборах в мае.

Мор. Будьте справедливы и припомните, что даже тогда я был против нашей политики. Три недели тяжелой внутренней борьбы — вот чего стоило мне решение выступить с этой речью. К таким решениям, Бэннинг, приходишь очень медленно.

Шелдер. Вопрос совести?

Мор. Да, Шелдер, даже в политике приходится иногда думать о совести.

Шелдер. Ну, видите ли, наши идеалы, естественно, не могут быть такими высокими, как ваши!

Мор улыбается. Кэтрин, которая подошла было к мужу, снова отходит от него, как бы испытывая облегчение от этого проблеска сердечности. Уэйс потирает руки.

Бэннинг. Вы забываете одну вещь, сэр. Мы послали вас в парламент как своего представителя; но вы не найдете и шести избирателей, которые уполномочили бы вас выступить с такой речью.

Мор. Мне очень жаль, но я не могу идти против своих убеждений, Бэннинг.

Шелдер. Что там говорится насчет пророка в своем отечестве?

Бэннинг. Э, нам сейчас не до шуток. Мистер Мор, я никогда не видел, чтоб люди так волновались. На обоих собраниях все были решительно настроены против вас. В избирательный комитет идут потоки писем. И некото-

рые из них от очень достойных людей — ваших хороших друзей, мистер Мор.

Шелдер. Ну, ладно, ладно! Еще не поздно поправить дело. Дайте нам возможность вернуться и заверить их, что вы больше этого не повторите.

Мор. Это что же, приказ надеть намордник?

Бэннинг (без обиняков). Примерно так!

Мор. Отказаться от своих принципов, чтобы сохранить местечко в парламенте! Тогда действительно меня вправду будут называть выродком. (Слегка касается газет на столе.)

Кэтрин делает порывистое и горестное движение, но затем принимает прежнюю позу, прислонившись к стене.

Бэннинг. Ну, ну! Я знаю. Но мы и не просим вас брать свои слова назад, мы только хотим, чтобы вы в будущем вели себя более осмотрительно.

Мор. Заговор молчания! А потом будут говорить, что банда газетчиков затравила меня и принудила к этому!

Бэннинг. О вас этого не скажут.

Шелдер. Дорогой Мор, вы уже начинаете спускаться со своих высот до нашего обывательского уровня. С вашими принципами вам следовало бы плевать на то, что говорят люди.

Мор. А я не плюю. Но и не могу предать того, в чем я вижу достоинство и мужество настоящего общественного деятеля. А если господствующим предрассудкам будет дано право подчинять себе высказывания политических деятелей, тогда — прощай Англия!

Бэннинг. Ну что вы, что вы! Я ведь не говорю, что ваша точка зрения была лишена здравого смысла до начала военных действий. Мне и самому никогда не нравилась наша политика в этом вопросе. Но сейчас льется кровь наших ребят, и это совершенно меняет дело. Не думаю, конечно, чтобы я там понадобился, но сам я готов пойти в любой момент. Мы все готовы пойти в любой момент. И пока мы не поколотим этих горцев, мы не можем допустить, чтобы человек, который представляет нас в парламенте, нес всякую чушь. Вот и вся недолга.

Мор. Я понимаю ваши чувства, Бэннинг. Я подам в

отставку. Я не могу и не хочу занимать пост, на котором я нежелателен.

Бэннинг. Нет, нет, нет! Не делайте этого! (Волнуясь, начинает говорить все более неправильно.) Ну, сболтнули разок и — хватит! Вот те раз! Да вы уже девять лет с нами — в дождь и в ведро — все одно.

Шелдер. Мы не хотим потерять вас, Мор. Ну, не надо! Дайте нам обещание, и дело с концом!

Мор. Я не даю пустых обещаний. Вы просите от меня слишком много.

Пауза. Все четверо смотрят на Мора.

Шелдер. У правительства достаточно серьезных оснований для той политики, которую оно проводит.

Мор. Всегда легко найти серьезные основания для того, чтобы расправиться с тем, кто слабее.

Шелдер. Дорсой Мор, как вы можете ратовать за этих мерзавцев, за каких-то угонщиков скота?

Мор. Лучше угонять скот, чем загонять в подполье свободу!

Шелдер. Послушайте, единственное, чего мы добиваемся, — это, чтобы вы не разъезжали по стране, выступая с такими речами.

Мор. Но именно это я и считаю себя обязанным делать!

Опять все в немом ужасе уставились на Мора.

Хоум. К нам-то вы носа не покажете, вы уж извините меня!

Уэйс. Ну, знаете, сэр...

Шелдер. Время крестовых походов прошло, Мор.

Мор. Вы так думаете?

Бэннинг. Да нет, не в том дело, но мы не хотим расставаться с вами, мистер Мор. Это тяжело, очень тяжело после трех избирательных кампаний. Ну, взгляните вы на все это попросту, по-человечески! Разве можно порочить свою родину теперь, после этого ужасного побоища на перевале? Подумайте хотя бы о своей жене! Я знаю, что полк, в котором служит ее брат, сегодня отбывает. Ну посудите сами, что она должна испытывать! Мор отходит к нише. Члены делегации обмениваются взглядами.

Мор (оборачиваясь). Стараться заткнуть мне рот таким способом — это уже слишком.

Бэннинг. Мы только хотим уберечь вас от греха.

Мор. Я девять лет занимал свое место в парламенте в качестве вашего избранника, как вы говорите — и в дождь и в ведро. Вы все ко мне всегда хорошо относились. И я был всей душой предан своей работе, Бэннинг. Я вовсе не хочу в сорок лет закончить свою политическую карьеру.

Шелдер. Совершенно верно, и мы не хотим, чтобы у вас были такого рода неприятности.

Бэннинг. Совсем уж не по-дружески было бы создавать у вас неправильное впечатление о том, какие чувства к вам питают. Сейчас вам остается только одно, мистер Мор: помолчать, пока не уймутся страсти. Если уж таковы ваши взгляды. Ох, и язык же у вас!.. Но вспомните, что вы ведь и нам кое-чем обязаны. Вы большой человек, и взгляды у вас должны быть как у большого человека.

Мор. Я и стремлюсь к этому по мере сил.

Хоум. А в чем, собственно, заключаются ваши взгляды? Вы уж извините, что я задаю этот вопрос.

Мор (поворачиваясь к нему). Мистер Хоум, великая держава, подобная нашей, должна свято хранить самые высокие и благородные идеалы человечества. Разве несколько случаев нарушения законности могут служить оправданием того, что у этого маленького народца отнимают свободу?

Бэннинг. Отнимают свободу? Это уж вы перехватили!

Мор. Ага, Бэннинг, вот мы и подошли к самой сути дела. В глубине души никто из вас не сочувствует этому, вы против того, чтобы поработать другой народ, будь то силой или обманом. А ведь вы отлично знаете, что мы вторглись туда, чтобы остаться надолго, как уже делали это с другими странами, как все великие державы делают с другими странами, если они маленькие и слабые. На днях премьер-министр произнес следующие слова: «Если нас теперь принуждают проливать кровь и тратить деньги, мы должны сделать так, чтобы нас больше никогда к этому не принудили». Это может означать только одно — призыв проглотить эту страну.

Шелдер. Ну что же, откровенно говоря, это было бы не так уж плохо.

Хоум. Не нужна нам их проклятая страна, нас просто вынудили принять такие меры.

Мор. Нет, нас никто не вынуждал

Шелдер. Дорогой Мор, что такое вообще цивилизация, как не логически неизбежное заглывание низших человеческих формаций более высокими и совершенными? Разве здесь не происходит то же самое?

Мор. Тут мы никогда не поймём друг друга, Шелдер, даже если будем спорить целый день. Но дело не в том, кто из нас прав — вы или я, а дело вот в чем: что должен делать тот, кто всем сердцем убежден в своей правоте? Ответьте мне, пожалуйста.

Некоторое время царит молчание.

Бэннинг (просто). Я все время думаю об этих беднягах, о наших несчастных солдатах на перевале.

Мор. Они у меня перед глазами, так же как и у вас, Бэннинг! Но вообразите себе такую картину: в нашем собственном графстве, допустим, где-нибудь в Черной Долине... тысяча бедняг-иностранцев, мертвых и умирающих... и уже вороны выются над ними. В нашей собственной стране, в нашей родной долине — в нашей, нашей! — поруганной, оскверненной. Разве вы стали бы горевать о них, называть их «несчастливыми»? Нет, для вас это будут захватчики, вторгшиеся на чужую землю, вороватые псы! Убить их, уничтожить их! Вот как вы бы к этому отнеслись, и я тоже.

Страстность этих слов потрясает и берет за живое сильнее всяких логических доводов. Все молчат.

Ну вот, видите! В чем же тут разница? Мне не настолько чужды человеческие чувства, чтобы мне тоже не хотелось стереть позорное пятно катастрофы на перевале! Но что было, то было, и несмотря на все мои добрые чувства к вам, несмотря на все мои честлюбивые стремления, — а они занимают далеко не последнее место (очень тихо), — несмотря на мучения моей жены, я должен от всего этого отрешиться и возвысить голос против войны.

Бэннинг (говорит медленно и как бы советуясь взглядом с остальными). Мистер Мор, никого на свете

я так не уважаю, как вас. Я не знаю, что они там скажут, когда мы вернемся, но я лично чувствую, что я больше не в силах принуждать вас отказаться от своих убеждений.

Шелдер. Мы не отрицаем, что по-своему вы правы.

Уэйс. Да, безусловно.

Шелдер. Я полагаю, что каждый должен иметь возможность свободно высказывать свое мнение.

Мор. Благодарю вас, Шелдер.

Бэннинг. Ну что же, ничего не поделаешь! Надо брать вас таким, какой вы есть; но чертовски жаль, что все так получилось,— будет тьма неприятностей.

Его глаза останавливаются на Хоуме, который наклонился вперед и вслушивается, приложив ладонь к уху. Издалека очень слабо доносятся звуки волюнок. Все сейчас же улавливают их и прислушиваются.

Хоум. Волюнки!

Фигурка Олив промелькнула мимо двери на террасу. Кэтрин оборачивается, как бы желая последовать за ней.

Шелдер. Шотландцы! (*Встает.*)

Кэтрин быстро выходит на террасу. Один за другим все подходят к окну и в том же порядке выходят на террасу. Мор остается один в комнате. Он поворачивается к нише. Звуки музыки нарастают, приближаются. Мор отходит от окна, его лицо искажено внутренней борьбой. Он шагает по комнате, невольно впадая в ритм марша.

Музыка медленно замирает в отдалении, уступая место барабанному бою и тяжелой поступи марширующей роты. Мор останавливается у стола и закрывает лицо руками. Депутация возвращается с террасы. Их лица и манеры уже совершенно другие. Кэтрин останавливается в дверях.

Хоум (*странным, почти угрожающим тоном*). Так не годится, мистер Мор. Дайте нам слово, что вы будете молчать.

Шелдер. Да ну же! Не упрямытесь, Мор!

Уэйс. Да, действительно, действительно.

Бэннинг. Мы должны получить от вас обещание...

Мор (*не поднимая головы*). Я... я...

Слышна барабанная дробь марширующего полка.

Бэннинг. Неужели вы можете слышать это равнодушно, когда вашей родине только что нанесен удар?

Теперь слышится нестройный говор толпы, провожающей войска.

Мор. Я даю вам...

Затем ясно и отчетливо над всеми другими звуками раздаются слова: «Задайте им жару, ребята! Оботрите сапоги об их паршивую землю! Утопите все в крови до последнего акра!» И взрыв хриплых возгласов одобрения.

(Вскинув голову.) Вот она, реальная действительность! Клянусь небом! Нет!

Кэтрин. О!

Шелдер. В таком случае мы удаемся.

Бэннинг. Вы это серьезно? Тогда вы потеряете наши голоса.

Мор кланяется.

Хоум. Тем лучше для нас! (Мечет злобные взгляды то на Мора, то на Кэтрин.) Поездите-ка со своими дурацкими речами по всей стране! Вы увидите, что о вас думают! Уж вы меня извините!

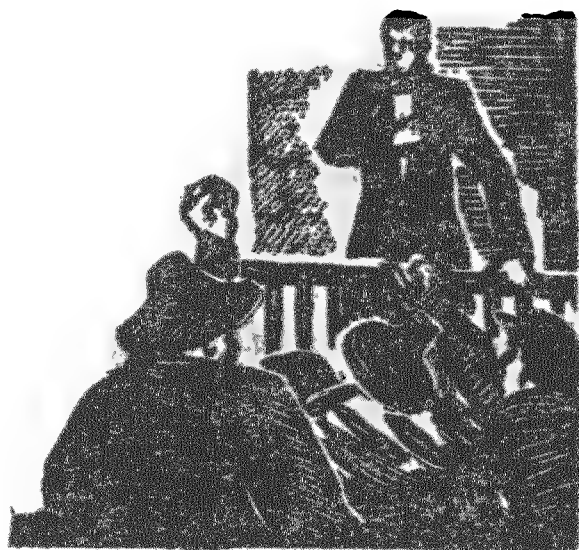
Молча один за другим они выходят в переднюю, только Бэннинг еще раз оглядывается. Мор садится за стол перед грудой газет. Кэтрин неподвижно стоит в дверях. Олив входит с террасы и идет к матери.

Олив. Какие славные солдатики! А за ними столько грязных людей, а некоторые совсем чистые, мамочка. (По лицу матери видит — произошло что-то серьезное; глядит на отца, затем тихонько подходит к нему.) Папа, дядя Хьюберт уехал и тетечка Элен плачет и... посмотри на мамочку!

Мор поднимает голову и смотрит.

Ну, перейди же на нашу сторону, папочка, пожалуйста! (Трется щекой об его щеку. Видя, что он не отвечает ей тем же, отходит от него и с удивлением глядит то на него, то на мать.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Мощенный булыжником переулочек без тротуара, куда выходит задний фасад пригородного театра. Высокая грязно-желтая стена без окон вся заклеена обрывками старых театральных афиш и объявлениями «Сдается в наем!», несколькими разорванными и одной еще не тронутой афишей со следующим объявлением: «1 октября. Антивоенный митинг. Выступят Стивен Мор, эсквайр и другие». На мостовой — мусор, обрывки бумаги. Три каменные ступеньки ведут к двери за кулисы. Вечер. Темно. Свет падает только от уличного фонаря около стены. Слышен слабый, неясный шум, похожий на отдаленное гиканье или улюлюканье. Внезапно в ту сторону, откуда доносится шум, пробегает мальчишка, за ним спешат две вульгарного вида девицы. Некоторое время в переулочке опять никого нет. Затем дверь открывается, и швейцар, высунув голову, озирается кругом. Он исчезает, но через секунду появляется вновь, за ним следуют три джентльмена в черных костюмах.

Швейцар. Никого нет. Вы можете уходить, джентльмены. Сначала налево, потом сразу направо за угол.

Трое (*отряхиваются от пыли и поправляют галстуки*). Большое спасибо! Спасибо!

Первый джентльмен в черном. А где Мор? Он еще не уходит?

К ним присоединяется четвертый джентльмен в черном.

Четвертый джентльмен в черном. Идет вслед за мной. (*Швейцару.*) Благодарю вас.

Они торопливо уходят. Швейцар скрывается за дверью. Мимо пробегает еще один юноша. Затем дверь снова открывается. Выходят Стил и Мор.

Мор в нерешительности стоит на ступеньках. Затем поворачивается, как бы желая вернуться.

С т и л. Идемте же, сэр, идемте!

Мор. Не по душе мне это, Стил!

С т и л (*берет Мора под руку и почти тащит его вниз по ступенькам*). Идемте, нельзя подводить тех, кто сдал вам помещение.

Мор все еще колеблется.

Мы рискуем застрять здесь еще на час, а вы обещали миссис Мор быть дома в половине одиннадцатого. Не заставляйте ее волноваться. Ведь она не видела вас уже полтора месяца.

Мор. Ну, хорошо. Не вывихните мне руку.

Они спускаются по ступенькам и идут налево, когда в переулке появляется бегущий мальчишка. Увидев Мора, он останавливается, как вкопанный, поворачивается кругом, потом с пронзительным криком: «Он здесь! Это он! Вот он!» — мчится обратно.

С т и л. Быстрее, сэр, быстрее!

Мор. Это уже предельный конец, как выразился один иностранный посол.

С т и л (*тащит его назад к двери*). Ну, тогда хотя бы вернитесь назад!

Слева, толкая друг друга, выбегают мужчины, мальчишки и несколько девиц.

Это пестрая, жаждущая развлечений толпа: праздные гуляки, ремесленники, чернорабочие, девицы явно вульгарного вида. Похожи на стаю псов, увлеченных погоней и уже отведавших крови. Они толпятся вокруг ступенек, пока еще обнаруживая нерешительность и любопытство, которое возникает, когда начинается новый этап любой травли. Мор, стоя на нижней ступеньке, поворачивается и обводит их взглядом.

Д е в и ц а (*с краю*). Который из них он? Старый или молодой?

Мор поворачивается и поднимается на верхнюю ступеньку.

В ы с о к и й ю н о ш а (*с прилизанными черными волосами и в котелке*). Эй ты, проклятый предатель!

Мор оборачивается, чтобы встретить лицом к лицу залп насмешек и издевок; хор злобных выкриков сперва нарастает, затем постепенно стихает, как будто хулиганы поняли, что они портят себе забаву.

О д н а и з д е в и ц. Не пугайте бедняжку!

Девушка, стоящая за нею, визгливо хохочет.

С т и л (*упорно тянет Мора за руку*). Пойдемте, сэр.
М о р (*вырывает руку и обращается к толпе*). Ну, чего же вы хотите?

Г о л о с. Речь!

М о р. Вот как! Это новость!

Г р у б ы й г о л о с (*откуда-то сзади*). Смотрите, как он труса празднует. По лицу видно.

О г р о м н ы й ч е р н о р а б о ч и й (*вперед*). Заткнись! Дайте человеку высказаться!

В ы с о к и й ю н о ш а. Молчать перед проклятым изменником?!

Какой-то юноша заиграл на концертино, раздается смех, затем внезапно наступает молчание.

М о р. Я скажу все в двух словах!

М а л ь ч и ш к а и з л а в к и (*швыряет скорлупу от грецкого ореха, которая попадает Мору в плечо*). Ага! Попал!

М о р. Идите домой и поразмыслите как следует. Если бы к нам вторглись иноземцы, разве вы не стали бы драться не на жизнь, а на смерть, как дерутся там сейчас горцы?

В ы с о к и й ю н о ш а. Подлые собаки! Почему они не хотят драться в открытую?

М о р. Они сражаются, как могут.

Новый взрыв свиста и улюлюканья; заводилой выступает солдат в хаки, стоящий с краю.

Мой друг в хаки взял на себя труд первым начать сейчас вой и гиканье. Но я не сказал ни слова против наших солдат. Если я кого-нибудь обвиняю, то в первую очередь правительство за то, что оно посылает в огонь солдат, и газеты за то, что они подстрекают правительство, и вас всех за то, что вы у них на поводу и творите такое, чего каждый из вас сам по себе никогда бы не сделал.

Высокий юноша начинает, а толпа не очень дружно подхватывает новый поток проклятий и ругательств.

Я утверждаю, что ни один из вас не полезет в драку против слабейшего!

Раздаются голоса в толпе.

Г р у б ы й г о л о с. Нечего трепаться!

Ж е н с к и й г о л о с. Подмазывается!

Г о л о с в ы с о к о г о ю н о ш и. Омерзительный трус!

Чернорабочий (внезапно проталкиваясь вперед). Эй вы, мистер! Нечего вам лаять на тех, у кого на войне друзья! Убирайтесь-ка лучше домой подобра-поздорову!

Язвительный голос. И пусть вам жена заткнет уши ватой.

Взрыв смеха.

Дружеский голос (откуда-то издали). Стыд и позор! Bravo, Мор! Держитесь!

Начавшаяся драка заглушает этот крик.

Мор (неистово). Перестаньте! Перестаньте! Вы...
Высокий юноша. Предатель!

Ремесленник. Штрейкбрехер!

Человек средних лет. Расстрелять — и все! Он помогает врагам родины.

Мор. Неужели вы не понимаете, что эти горцы защищают свои дома?!

Два голоса. Слушайте, слушайте!

Их насильно заставляют замолчать.

Высокий юноша. Шут гороховый!

Мор (с внезапной яростью). Защищают свои дома! А не накидываются толпой на безоружных людей.

Стил снова тянет его за руку.

Хулиган. Заткнись, не то мы тебя пристукнем!

Мор (вновь обретая хладнокровие). Ага! Ну что ж, пожалуйста! Да вы этим нанесли бы такой удар по всякой подлой, трусливой толпе, какого наше поколение не забудет!

Стил. Ради бога, сэр!

Мор (вырывая руку). Ну что же вы?

Начинается яростный натиск толпы, но несколько человек, стоявших впереди, падают, прижатые к нижней ступеньке, и не дают пройти остальным. Толпа отступает. Недолгое затишье, во время которого Мор спокойно смотрит на них сверху вниз.

Язвительный голос. А язык у него неплохо подвешен! Экий говорун!

Несколько ореховых скорлупок и кусок апельсинной корки летят Мору прямо в лицо. Он не обращает на это внимания.

Грубый голос. Так его! Расшевелите его еще немножко!

От презрительной улыбки Мора издевательский смех замирает и сменяется гневом.

Высокий юноша. Изменник!

Голос. Что ты там застыл, как заколотый боров?

Хулиган. Давай тащи его оттуда вниз! (Осмелев от шумного одобрения, которыми были встречены эти слова, он хлестнул Мора ремнем по ногам.)

Стил бросается вперед. Мор, протянув руку, отводит его назад и снова обращает спокойный и пристальный взгляд на толпу; от сознания того, что это молчание расстраивает их планы, людей охватывает ярость.

Толпа. Говори или слезай! Сойди оттуда! Убирайся прочь, вон, или мы тебя заставим! Давай, живо!

Мор остается недвижимым.

Юноша (улучив минуту, когда в толпе замешательство). Я заставлю его говорить! Глядите!

Он выскакивает вперед и плюет Мору прямо на руку. Мор отдернул руку, как будто его ужалили, но затем продолжает стоять так же спокойно, как и раньше. Легкий взрыв смеха угасает и сменяется дрожью отвращения, вызванной таким поступком. Но при взгляде на презрительное лицо Мора чувство стыда сменяется у них новой вспышкой ярости.

Высокий юноша. Катись отсюда! А то получишь...

Голос. Уноси свою харю подальше.

Хулиган. Дай-ка я вдарю ему!

Два брошенных камня попадают в Мора. Он шатается и чуть не падает, но снова выпрямляется.

Голос девицы. Как не стыдно!

Дружеский голос. Браво, Мор! Держитесь!

Хулиган. А ну-ка, подбавь ему еще!

Голос. Нет!

Голос девицы. Оставьте его в покое! Пошли, Билли, нечего тут больше глазеть!

Все еще не отрывая глаз от Мора, толпа погружается в неловкое молчание, нарушаемое лишь шарканьем ног. Затем огромный чернорабочий в переднем ряду поворачивается и прокладывает себе путь в толпе.

Чернорабочий. Оставьте его, ребята!

С угрюмым и пристыженным видом толпа постепенно расходится; переулок пустеет.

Мор (как бы приходя в себя от оцепенения, вытирает руку и отряхивает костюм). Ну что ж, Стил, пошли! И в сопровождении Стила он спускается по ступенькам и уходит. Проходят два полисмена, замечают разбитый фонарь. Один из них останавливается и начинает что-то записывать в записную книжку.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Спальня Кэтрин: комната, панелированная светлым деревом. Свет от четырех свечей падает на Кэтрин, которая сидит перед серебряным зеркалом, поставленным на старинный дубовый туалетный столик, и расчесывает волосы. Дверь налево приотворена. У стены возле окна стоит еще одно дубовое кресло. В окно видна голубая ночь и туман, стелющийся по деревьям; лишь там и сям в лунном свете маячат темные массы ветвей. Когда занавес поднимается, Кэтрин прислушивается, застыв со щеткой в руке. Она снова начинает причесываться, потом, отложив щетку, берет пачку писем из ящика туалета и начинает читать. За приотворенной дверью слышен голос Олив.

Олив. Mamочка, я проснулась!

Но Кэтрин продолжает читать, и Олив в длинной ночной рубашке прокрадывается в комнату.

(Подойдя к Кэтрин, смотрит на ее часы.) Без четырнадцати минут одиннадцать.

Кэтрин. Олив, Олив!

Олив. Я только хотела посмотреть, который час. Я никогда не могу уснуть, если я стараюсь; понимаешь, ну, просто ничего не получается! Мы уже победили?

Кэтрин качает головой.

О! А я нарочно помолилась лишний разок, чтобы в вечерних газетах напечатали о победе. (Крутясь около матери.) Папа приехал?

Кэтрин. Нет еще.

Олив. Ты ждешь его? (Зарывается лицом в волосы матери.) У тебя такие хорошие волосы, мамочка. Особенно сегодня.

Кэтрин роняет щетку и смотрит на дочь почти с тревогой.

Папы сколько времени не было?

Кэтрин. Полтора месяца.

Олив. А кажется, что сто лет, правда? И он все время выступает с речами?

Кэтрин. Да.

Олив. И сегодня тоже?

Кэтрин. Да.

Олив. В тот вечер, когда здесь был человек с совсем лысой головой — ты знаешь, мамочка, тот, который так здорово чистит зубы, — я слышала, как папа говорил на ветер. А ветер разбил бокал. Папины речи, должно быть, хорошие, правда?

Кэтрин. Очень.

Олив. Как-то странно: ветра ведь нельзя увидеть!

Кэтрин. Говорить на ветер — это образное выражение, Олив.

Олив. А папа часто так говорит?

Кэтрин. Теперь да.

Олив. А что это значит?

Кэтрин. Это значит, что он говорит перед людьми, которые не хотят его слушать.

Олив. А что же они делают, если не слушают?

Кэтрин. Его хотят слушать только некоторые люди, а потом собирается большая толпа и старается помешать ему говорить; или они подстерегают его на улице, и швыряют в него разные предметы, и визжат, и свистят.

Олив. Бедный папочка! А эти люди, которые швыряют предметы, они на нашей стороне?

Кэтрин. Да, но только это грубые люди.

Олив. А зачем он все говорит и говорит? Я бы не стала.

Кэтрин. Он считает, что это его долг.

Олив. Перед близкими или только перед богом?

Кэтрин. И перед богом и перед близкими.

Олив. А-а... А это его письма?

Кэтрин. Да.

Олив (*читает письмо*). «Моя любимая!» Он всегда называет тебя своей любимой, мамочка? Это очень красиво, правда? «Я буду дома завтра вечером около половины одиннадцатого. Пламя чисти-ли-ща перестанет пылать на несколько часов...» Что такое пламя чисти-ли-ща?

Кэтрин (*убирая письма*). Довольно, Олив!

Олив. Нет, что это все-таки такое?

Кэтрин. Папа хочет сказать, что он очень несчастен.

Олив. А ты тоже?

Кэтрин. Да.

Олив (радостно). Ну и я тоже. Можно мне открыть окно?

Кэтрин. Нет. Ты напустишь сюда туману.

Олив. Какой забавный туман — как будто его прогладили утюгом!

Кэтрин. Ну, теперь иди спать, лягушонок!

Олив (стараясь выиграть время). Мама, а когда дядя Хьюберт вернется?

Кэтрин. Мы этого не знаем, дорогая.

Олив. А тетечка Элен останется с нами, пока он не вернется?

Кэтрин. Да.

Олив. Вот это хорошо, правда?

Кэтрин (берет ее на руки). Ну, теперь пора!

Олив (блаженно нежась на руках у матери). Может быть, мне лучше помолиться за ближних, раз победа все равно наступит не скоро? (Уже в дверях.) Ты мне щеко-чешь под коленкой! (Слышно, как Олив хохочет от удовольствия; затем наступает молчание. Немного погодя раздается ее сонный голос.) Я не хочу засыпать, пока не вернется папа.

Кэтрин возвращается. Она хотела оставить дверь приотворенной, но в это время стучат в другую дверь, которая открывается, и слышен голос няни: «Можно войти, мэм?» Няня входит.

Кэтрин (плотно закрывает дверь в детскую и идет к няне). Что такое, няня?

Няня (тихо). Я хотела... я не могла бы сделать это днем. Я хочу предупредить вас о своем уходе.

Кэтрин. Няня! И вы тоже!

Она в смятении глядит на дверь детской. Няня размазывает по щеке медленно текущую слезу.

Няня. Я хочу уйти сейчас же, сразу.

Кэтрин. Покинуть Олив?! Вот это поистине называется воздавать детям сторицею за грехи отцов!

Няня. Я получила еще одно письмо от сына. Нет, мисс Кэтрин, пока хозяин защищает этих чужеземных убийц, я не могу жить в этом доме, особенно сейчас, когда он должен вернуться.

Кэтрин. Но, няня...

Няня. Я ведь не как они (с выразительным жестом) там внизу, не потому ухожу, что боюсь толпы, или что опять будут бить окна, или что мальчишки болтают всякое на улице. Нет, вовсе не потому! У меня сердце исстрадалось! Я мучусь от тоски день и ночь, все думаю о сыне, как он там лежит ночью без теплого одеяла и сухой одежды, и вода у них такая, что и скот пить не станет, и мясо тухлое, с червями.... И каждый день кто-нибудь из его товарищей остается лежать на земле, неподвижный и холодный. Наступит день — и, может быть, он сам тоже... Если что-нибудь случится с ним, я никогда этого себе не прощу. Ах, мисс Кэтрин, я удивляюсь, как вы все это переносите — каждый день плохие новости... И у сэра Джона такое мрачное лицо... И хозяин все время выступает против нас, как сам пророк Иона.

Кэтрин. Но, няня, как вы можете оставить нас, вы?

Няня (размазывая слезы по щекам). Сердце говорит мне, что если я останусь, то накличу беду... А ведь сегодня возвращается мистер Мор. Нельзя служить сразу богу и маммоне, как говорится в библии.

Кэтрин. Разве вы не знаете, чего это ему стоит?

Няня. Да, это стоило ему места в парламенте и доброго имени... И это ему еще дороже обойдется, потому что нельзя выступать против родной страны.

Кэтрин. Он следует велению своей совести.

Няня. Так пусть и другие тоже следуют своей совести. Нет, мисс Кэтрин, напрасно вы допускаете это: ведь у вас три брата на войне, а ваш отец весь иссох от тоски. Да вы и сами-то как страдаете уже три месяца. А что вы почувствуете, если что-нибудь там случится с нашими мальчиками, с моим дорогим мистером Хьюбертом, которого я сама грудью кормила, когда у вашей матушки не было молока? Что бы она сказала, узнав, что вы в лагере его врагов?

Кэтрин. Няня, няня!

Няня. Я читала в газете, что он подстрекает этих язычников и дает иностранцам пищу для разговоров и что за каждый лишний день войны, за каждую каплю пролитой крови ответственность падает на этот дом.

Кэтрин (отворачиваясь). Няня, я не могу... я не буду слушать!

Няня (*пристально глядя на нее*). Вы-то сумели бы заставить его бросить все это! Я вижу ваше сердце насквозь, милочка. Но если вы этого не сделаете, тогда я должна уйти! (*Важно кивает головой, идет к двери в комнату Олив, тихо открывает ее, минуту стоит и смотрит, затем со словами «Мой ягненок!» бесшумно входит в детскую и закрывает за собой дверь.*)

Кэтрин снова поворачивается к зеркалу, отбрасывает назад волосы и проводит рукой по лицу. Дверь из коридора открывается, и раздается голос Элен: «Кэт! Ты не спишь?»

Кэтрин. Нет.

Элен тоже в халате, с кружевной косынкой на голове. На ее лице написаны испуг и горе; она бросается в объятия Кэтрин.

Дорогая моя, в чем дело?

Элен. Я видела сон!

Кэтрин. Шш! Ты разбудишь Олив!

Элен (*устремив взор вперед*). Я только заснула, как сразу увидела равнину, которая как будто врезалась прямо в небо, как этот туман. А на ней какие-то темные предметы. Один из них превратился в тело без головы, а рядом лежало ружье. Дальше сидел человек, весь скорчившись, стараясь зажать рану на ноге. По лицу это был вестовой Хьюберта Рефорд. А потом я увидела Хьюберта. Лицо у него было исхудалое, потемневшее; и у него была рана, страшная рана, вот здесь. (*Притрагивается к своей груди.*) Из раны текла кровь, и он старался остановить ее... о, Кэт... поцелуями! (*Умолкает, подавленная волнением.*) Потом я услышала, как Рефорд засмеялся и сказал, что стервятники не трогают живых. А потом откуда-то раздался голос: «О боже! Я умираю!» И Рефорд начал ругаться, а Хьюберт сказал: «Не надо, Рефорд! Оставь беднягу в покое!» А голос все звучал и звучал, кто-то стонал и плакал: «Я буду лежать здесь всю ночь и умирать, а потом я умру!» И Рефорд пополз по земле, и на лице у него было дьявольское выражение, как у убийцы...

Кэтрин. Дорогая моя! Как все это страшно!

Элен. А голос все продолжал звучать, и я увидела, как Рефорд взял ружье мертвеца. Тогда Хьюберт вскочил на ноги и пошел шатаясь, такой изможденный, такой страшный, но не успел он дойти до него и остановить,

как Рефорд выстрелил в того, кто плакал. А Хьюберт крикнул: «Скотина!» — и сразу упал. А когда Рефорд увидел, что Хьюберт лежит, он начал стонать и рыдать, но Хьюберт уже не шевелился. А потом все опять заволокло тьмою, и я могла только различить темную женскую фигуру, она ползла сначала к человеку без головы, потом к Рефорду, потом к Хьюберту, и коснулась его, и отпрянула. И она закричала: «А! Ай! Ах!» (*Показывая на туман.*) Смотри! Смотри туда! Темные фигуры!

Кэтрин (*обнимая ее*). Да, дорогая, да! Ты, должно быть, смотрела в туман.

Элен (*охваченная странным спокойствием*). Он умер.

Кэтрин. Это был только сон.

Элен. Ты не слышала этого плача. (*Прислушивается.*) Стивен пришел. Прости меня, Кэт. Не надо было тебя расстраивать, но я не могла удержаться — и пришла! (*Уходит.*)

Кэтрин, которой передалось ее волнение, лихорадочно бросается к окну, открывает его и высовывается наружу.

Входит Мор.

Мор. Кэт! (*Увидев в окне ее фигуру, быстро идет к ней.*)

Кэтрин. Здравствуй. (*Она уже справилась с волнением.*)

Мор. Дай мне взглянуть на тебя! (*Увлекает ее от окна ближе к свечам и долго смотрит на нее.*) Что ты сделала со своими волосами?

Кэтрин. Ничего.

Мор. Они сегодня какие-то необыкновенные. (*Жадно берет их и погружает в них лицо.*)

Кэтрин (*откидывая волосы*). Что же ты ничего не говоришь?

Мор. Наконец-то я с тобой!

Кэтрин (*показывая на комнату Олив*). Шш!

Мор. Как она?

Кэтрин. Хорошо.

Мор. А ты?

Кэтрин пожимает плечами.

Полтора месяца!

Кэтрин. Зачем ты вернулся?

Мор. Зачем?!

Кэтрин. Послезавтра ты начнешь все сначала. Стоило ли приезжать?

Мор. Кэт!

Кэтрин. Так мне будет еще труднее, только и всего.

Мор (удивленно смотрит на нее). Что с тобой случилось?

Кэтрин. Нелегко полтора месяца подряд сидеть и читать о твоих выступлениях.

Мор. Забудь об этом сегодня. (Касается ее.) Вот что чувствует путник, когда выходит из пустыни к... воде!

Кэтрин (внезапно замечая запекшуюся кровь у него на лбу). Что у тебя со лбом? Он рассечен!

Мор. Царапина!

Кэтрин. Дай я промою!

Мор. Не надо, дорогая! Это пустяки.

Кэтрин (отворачиваясь). Элен только что рассказывала мне свой сон... о смерти Хьюберта.

Мор. Бедная девочка!

Кэтрин. Видеть ужасные сны, и ждать, и прятаться от людей — больше ничего не оставалось делать. Ничего. Стивен, ничего!

Мор. Прятаться? Из-за меня?

Кэтрин кивает.

(С жестом отчаяния.) Так, так... По твоим письмам мне казалось, что ты начинаешь понимать... Кэт! Ты сегодня так хороша! (Вдруг видит, что она плачет, и быстро идет к ней.) Дорогая, не плачь! Видит бог, я не хочу портить тебе жизнь. Хочешь, я уйду?

Она отшатывается от него, а он, пристально взглянув на нее, садится к туалету и начинает перебирать щетки и другие туалетные принадлежности, пытаюсь найти нужные слова.

Никогда не надо загадывать наперед. После всего того, что на меня обрушилось... я думал, что сегодня... будет опять лето... и я думал, что будешь ты... и что...

Пока он говорит, Кэтрин неслышно подходит к нему. Она внезапно падает около него на колени и окутывает его руку своими волосами. Он оборачивается и сжимает ее в объятиях.

Кэт!

Кэтрин. Да! Но... завтра все начнется сначала. Ах, Стивен! Сколько... сколько еще времени мне разрывать-

ся надвое? *(Откидываясь назад в его объятиях).* Я не могу так больше, не могу!

Мор. Моя любимая!

Кэтрин. Откажись от всего этого! Ради меня! Откажись! *(Теснее прижимаясь к нему.)* И я буду с тобой... и...

Мор. Боже мой!

Кэтрин. Все будет... если... если...

Мор *(в ужасе)*. Как, ты ставишь мне условие? Предлагаешь мне сделку? Ради бога, Кэт!

Кэтрин. Ради бога, Стивен!

Мор. Ты! Даже ты!

Кэтрин. Стивен!

На мгновение Мор самозабвенно сдается в плен, но затем отшатывается.

Мор. Пойти на сделку! Продать душу! *(Освобождается из ее объятий, встает и стоит молча, пристально глядя на нее и вытирая пот со лба.)*

Кэтрин еще несколько секунд остается стоять на коленях, глядя на него и не понимая, что произошло. Потом ее голова поникает, она тоже встает и стоит поодаль от него, плотно запахнувшись в халат. Как будто на них обоих повеяло ледяным холодом и смертельным стыдом. Неожиданно Мор поворачивается и, не оглядываясь, еле-еле волоча ноги, уходит из комнаты. Когда он ушел, Кэтрин падает на колени и застывает в неподвижности, окутанная своими волосами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На следующий день в столовой Мора. Сумерки. Окна закрыты, но портьеры не задернуты. С т и л сидит за бюро и пишет письмо под диктовку М о р а.

С т и л (*перечитывает письмо*). «Затруднения, конечно, возникнут. Но если городские власти в последний момент запретят нам воспользоваться залом, мы проведем митинг на улице. Пусть объявления будут расклеены, слушатели так или иначе соберутся...»

М о р. Да, в этом можно не сомневаться.

С т и л. «Искренне ваш...» Я подписался за вас.

Мор кивает головой.

(*Прикладывает пресс-папье и кладет письмо в конверт.*)
Вы знаете, что все слуги заявили об уходе, за исключением Генри.

М о р. Бедный Генри!

С т и л. Отчасти это нервы, конечно... ведь два раза били окна, но отчасти это...

М о р. Патриотизм! Совершенно верно! В следующий раз они сами будут бить здесь окна! Да, кстати... Завтра у вас начинается отпуск, Стил.

С т и л. О нет!

М о р. Дорогой мой, да! Вчерашним вечером кончилось для вас это адское испытание. Я искренне жалею, что впутал вас в это дело.

С т и л. Кто-то должен выполнять работу. Вы уже и так еле живы.

М о р. Ну, у меня еще хватит пороху!

С т и л. Все равно бросьте, сэр. Силы слишком неравны. Чего ради вы будете изводить себя?

М о р. Бороться до конца, зная, что ты должен потерпеть поражение,— разве ради этого не стоит продолжать?

С т и л. Ну, тогда я не уйду.

М о р. Это мой ад, Стил. А вам нечего в нем больше поджариваться. Поверьте мне, большое утешение — сознавать, что если ты и доставляешь страдания, то только себе.

С т и л. Я не могу оставить вас, сэр.

М о р. Дорогой мой, вы просто молодец, но поймите: только чудом с нами до сих пор ничего не стряслось, и больше я не могу нести за вас ответственность. Передайте-ка мне переписку о завтрашнем митинге.

Стил вынимает из кармана какие-то бумаги, но не передает их Мору.

Ну, давайте же! *(Протягивает руку за бумагами. Так как Стил все еще отодвигается назад, говорит более резким тоном.)* Дайте сюда, Стил!

Стил отдает их.

Ну вот, теперь все. Понятно?

Они стоят, глядя друг на друга; затем С т и л, удрученный и расстроенный, поворачивается и выходит из комнаты. Мор, который наблюдал за ним с горькой улыбкой, кладет бумаги в портфель. Когда он закрывает бюро, входит лакей Генри и докладывает: «Мистер Мендип, сэр!» Входит Мендип, и лакей удаляется. Мор оборачивается к гостю, но не протягивает руки.

Мендип *(берет Мора за руку)*. Позволь мне поговорить с тобой серьезно, мой друг. Миссис Мор сказала мне, что сегодня ты будешь дома. Ты слышал?

М о р. О чем?

Мендип. Мы одержали победу.

М о р. Слава богу!

Мендип. Ага! Значит, ты все-таки живой человек.

М о р. Конечно!

Мендип. Совлеки с себя одеяние мученика, Стивен. Ты просто издеваешься над человеческой природой!

М о р. Итак, даже ты защищаешь толпу!

Мендип. Дорогой мой, ты выступаешь против самого сильного стадного инстинкта в мире. Чего ты ожи-

даешь? Что первый встречный окажется Дон-Кихотом? Что его любовь к родине выразится в философском альтруизме? Чего ты, черт возьми, ожидаешь? Человек — существо очень примитивное, а толпа есть не что иное, как сгусток всего, что типично для примитивных существ.

Мор. Неверно! Толпа — это сгусток грязи с улиц и рынков, собравшейся в один поток... Их слепой завывающий «патриотизм» — разве это чувствует каждый отдельный человек вот здесь? *(Притрагивается к своей груди.)* Нет!

Мендип. Ты думаешь, что люди уже переросли инстинкты, но это не так. Они знают одно: что кто-то покушается на некое подобие их самих, которое они привыкли называть Англией. Их что-то захватывает, куда-то несет, и они уже ничего не соображают.

Мор. Англия когда-то была страной свободы слова. Страной, где от каждого ждали, что он будет твердо отстаивать свою веру.

Мендип. Ты слишком многого хочешь от человеческой природы, Стивен.

Мор. Значит, если на тебя ополчилось большинство, нужно сложить оружие? Таков по-прежнему твой совет, не так ли?

Мендип. Мой совет: уезжай из города немедленно! Поток, о котором ты говоришь, хлынет, едва только весть о победе распространится. Прошу тебя, мой дорогой, не оставайся здесь!

Мор. Спасибо! Я позабочусь о том, чтобы отправить Кэтрин и Олив.

Мендип. Уезжай с ними! Если твое дело проиграно, нет никаких оснований к тому, чтобы погибал и ты.

Мор. Есть некоторое утешение в том, что не спасаешься бегством. А мне утешение нужно.

Мендип. Это плохо, Стивен, плохо и глупо. Да, глупо! Ну, ладно! Я иду в палату. Как мне выйти?

Мор. Вниз по ступенькам и через калитку. Прощай!

Входит Кэтрин в сопровождении няни, которая уже в шляпе и пальто, с маленьким чемоданчиком в руках. Кэтрин достает из бюро чек и передает его няне. Мор входит с террасы.

Умно делаете, что уходите, няня!

Няня. Вы плохо обращаетесь с моей бедной дорогой деточкой, сэр. Где ваше сердце?

Мор. В груди. И бьется изо всех сил.

Няня. Ради каких-то язычников. Разве не первое дело — свой собственный дом и очаг? Ведь ваша жена родилась во время войны, когда ее отец сражался, а дед пал смертью храбрых за родину. Разве не больно видеть, когда в ее доме бьют окна и мальчишки на улицах показывают на нее пальцами?

Мор выдерживает эту атаку молча и смотрит на жену.

Кэтрин. Няня!

Няня. Это бесчеловечно, сэр,— то, что вы делаете! Больше заботиться об этих дикарях, чем о собственной жене! Да вы взгляните на нее! Разве вы когда-нибудь видели, чтобы она так выглядела? Берегитесь, сэр, а не то будет слишком поздно.

Мор. Довольно, прошу вас!

Няня минуту стоит, не зная, что делать, потом бросает долгий взгляд на Кэтрин и уходит.

(Спокойно.) Сообщают, что мы одержали победу. (Выходит.)

Кэтрин тяжело дышит, вслушиваясь в отдаленный гул и шум, возникающий на улице. Она бежит к окну, но в это время входит лакей Генри.

Генри. Сэр Джон Джулиан, мэм!

Сэр Джон входит с газетой в руках.

Кэтрин. Наконец-то! Победа!

Сэр Джон. Благодарение богу! (Протягивает ей газету.)

Кэтрин. О папа! (Раскрывает газету и начинает лихорадочно читать.) Наконец-то!

Отдаленный гул на улице все нарастает. Но сэр Джон, после краткого мгновения радости, когда он протянул ей газету, молчит, опустив голову.

(Внезапно уловив его серьезность.) Папа!

Сэр Джон. Есть и другое известие.

Кэтрин. Что-нибудь случилось с нашими мальчиками? С Хьюбертом?

Сэр Джон склоняет голову.

Он убит?

Сэр Джон снова склоняет голову.

Бедная Элен! (*Закрывает лицо руками.*) Ее роковой сон!

Они стоят несколько секунд молча, затем сэр Джон поднимает голову и касается рукой ее мокрой щеки.

Сэр Джон (*хрипло.*) Кого боги любят...

Кэтрин. Но Хьюберт!

Сэр Джон. А такие старые развалины, как я, продолжают жить!

Кэтрин. Папочка!

Сэр Джон. Но теперь мы разгоним этих мерзавцев! Мы раздавим их! Стивен вернулся?

Кэтрин. Вчера вечером.

Сэр Джон. Кончил он наконец свои кощунственные выступления?

Кэтрин качает головой.

Нет? (*Видя, что Кэтрин дрожит от волнения, гладит ее руку.*) Дорогая моя! Смерть посетила многие дома.

Кэтрин. Я должна пойти к Элен. Скажи Стивену сам, папа. Я не могу.

Сэр Джон. Как хочешь, дитя мое.

Она выходит, оставив сэра Джона наедине с его глубокой, задумчивой скорбью; через несколько секунд входит Мор.

Мор. Да, сэр Джон. Вы хотели меня видеть?

Сэр Джон. Хьюберт убит.

Мор. Хьюберт!

Сэр Джон. Теми, кого ты защищаешь. Кэтрин просила меня сообщить тебе об этом. Она пошла к Элен. Я знаю, ты только вчера вечером вернулся из своей... У меня нет слов, чтобы подобрать этому название. Я не знаю, какие у вас сейчас отношения с Кэтрин, но я скажу тебе одно, Стивен: в эти два последние месяца ты подверг ее таким испытаниям, каких не выдержала бы ни одна женщина на свете!

Мор делает жест, выражающий страдание.

Когда ты избрал свою линию поведения...

Мор. Избрал!

Сэр Джон. Ты пошел наперекор всем ее чувствам. Ты знал, что это могло случиться, что это может произойти и с другим из моих сыновей...

Мор. Я охотно поменялся бы местами с любым из них.

Сэр Джон. Да, я могу поверить, что ты также несчастен. Я не могу представить себе большего несчастья, чем выступить против своей родины. Если бы я мог возвратить Хьюберту жизнь такой ценой, я бы не пошел на это, нет, даже ради всех моих сыновей. Pro patria mori...¹ Мой мальчик, по крайней мере, счастлив!

Мор. Да!

Сэр Джон. И тем не менее ты собираешься продолжать. Что за демон гордыни вселился в тебя, Стивен?

Мор. Неужели вы воображаете, что я считаю себя лучше любого самого незаметного солдата, который сейчас там дерется? Ни в коем случае!

Сэр Джон. Я тебя не понимаю. Я всегда думал, что ты предан Кэтрин.

Мор. Сэр Джон, считаете ли вы, что родина выше, чем жена и ребенок?

Сэр Джон. Да, несомненно.

Мор. Ну вот, и я считаю так же.

Сэр Джон (ошеломленный). Что бы ни делала моя страна, не мне судить ее, как не мне судить господ бога. *(Вкладывает в свои слова всю муку, которую он перенес во имя родины.)* Моя страна!

Мор. Я бы отдал все на свете за такую веру!

Сэр Джон (недоумевая). Стивен, я никогда не считал тебя сумасбродом, я всегда верил в твой здравый смысл и честность. Но это бред, видения ма-ниака.

Мор. Видение того чего еще нет, но будет.

Сэр Джон. Неужели тебе мало того, что достаточно хорошо для величайшей из наций, для лучших людей на земле? Я знал таких людей, я видел, на какие страдания они шли во славу родины.

¹ Умереть за отечество (лат.). Часть стиха из оды Горация: «Dulce et decorum est pro patria mori» — «Смерть за отчизну сладка и прекрасна».

Мор. Сэр Джон, но подумайте и вы, чем были для меня последние два месяца! Видеть, как люди отворачиваются от тебя на улице, как старые друзья проходят мимо, будто тебя и нет! Бояться вскрыть очередную почту! Каждый вечер ложиться спать, слыша под окном улюлюканье, гиканье и свист! Знать, что твое имя упоминается не иначе, как с презрением.

Сэр Джон. У тебя есть новые друзья. Их много, как говорят.

Мор. Разве это вознаграждает за то, что тебя буквально оплевывают, как это сделали вчера вечером? Ваши битвы — детская игра по сравнению с этим.

Шум и гомон толпы на улице становятся громче. Сэр Джон поворачивает голову к окну.

Сэр Джон. Ты слышал, что мы одержали победу? Неужели твои чувства стали настолько противостественны, что ты жалеешь об этом?

Мор качает головою

Ну, и на том спасибо. Ради бога, Стивен, остановись, пока дело еще поправимо. Не губи свою жизнь с Кэтрин. Хьюберт был ее любимым братом. Ты поддерживаешь тех, кто убил его. Подумай, что это для нее значит! Оставь свое безумное донкихотство — идеализм — или как ты это там называешь. Увези Кэтрин отсюда. Уезжай из Англии, пока все не образуется, — из Англии, против которой ты выступаешь и... и которую порочишь! Увези жену. Ну какая польза от всего, что ты делаешь? Какая польза, черт подери? Послушайся меня, мой друг, пока не поздно, пока ты еще не погубил себя.

Мор. Сэр Джон! Наши люди умирают там за свои убеждения! Я считаю, что мои убеждения выше, лучше, нужнее для человечества. Неужели я должен трусливо увильнуть от борьбы? С тех пор как я начал эту кампанию, я нашел сотни людей, которые благодарны мне за ту позицию, которую я занял. Они смотрят на меня, как на своего вождя. Неужели я должен покинуть их? Когда вы вели солдат на смертный бой, разве вы спрашивали себя, хорошо ли это и уцелеете ли вы сами? Я тоже веду смертный бой, и мое дело — не предать тех, кто следует за мной, не дать угасить огонь — священный

огонь! — не только в Англии, но и во всех странах мира на вечные времена.

Сэр Джон (*долго и пытливо смотрит на него*). Тебя в какой-то мере оправдывает твоя вера в то, что ты говоришь. Но позволь мне сказать тебе, что о каком бы там огне ты ни поминал, — я слишком устарел, чтобы разобраться в этом, — но есть огонь, который ты сам гасишь, — это любовь твоей жены. Боже мой! Если твои новые друзья, вся эта свора сумасбродов и болтунов, может вознаградить тебя за утрату ее любви, за гибель твоей карьеры, за потерю всех тех, кто раньше любил тебя и уважал, — тем лучше для тебя! Но если ты обнаружишь, что тебя больше никто не любит, почувствуешь себя одиноким, как последний человек на земле, если все это кончится твоим полным крахом и гибелью — а так оно и должно быть, — я не могу и не стану жалеть тебя! Спокойной ночи! (*Идет к двери, открывает ее и выходит.*)

Мор остается стоять совершенно неподвижно. Гул и ропот на улице все время нарастают и понемногу вторгаются в его сознание. Он подходит к окну в нише и выглядывает, затем звонит. Никто не появляется, и, включив свет, он звонит опять. Входит Кэтрин. На ней черная шляпа и черное пальто. Она говорит холодно, не глядя на него.

Кэтрин. Ты звонил?

Мор. Я хотел, чтобы в комнате закрыли ставни.

Кэтрин. Слуги ушли. Они боятся, что дом подожгут.

Мор. Понимаю.

Кэтрин. У них нет твоих идеалов, и они не так стойки.

Мор вздрагивает, как от боли.

Я уезжаю с Элен и Олив к отцу.

Мор (*пытается осознать точный смысл ее слов*). Очень хорошо. Ты предпочитаешь ехать туда, а не в гостиницу?

Кэтрин кивает.

(*С нежностью.*) Поверь мне, Кэт, я переживаю все это вместе с тобой — и гибель Хьюберта...

Кэтрин. Перестань! Я должна была сказать прямо. Я больше не вернусь.

Мор. Не вернешься?.. Пока дом...

Кэтрин. Нет. Никогда.

Мор. Кэт!

Кэтрин. Я предупреждала тебя с самого начала. Ты зашел слишком далеко!

Мор (*глубоко взволнованный*). Ты понимаешь, что это значит? После десяти лет... и всей нашей любви!

Кэтрин. А может быть, любви и не было? Разве ты мог любить такую негероическую женщину, как я?

Мор. Это безумие, Кэт... Кэт!

Кэтрин. Вчера я была готова забыть обо всем. Но ты не мог. Если ты не мог вчера, ты никогда не сможешь. Ты слишком возвышенная натура, Стивен; а я не могу и не буду жить с тем, с кем я не чувствую себя равной. Все началось с того вечера, когда ты произнес свою речь. Я уже тогда сказала тебе, чем это кончится.

Мор (*пытаясь обнять ее*). Не будь такой жестокой!

Кэтрин. Не надо. Давай говорить начистоту! Какая может быть любовь между людьми, которые так далеки друг от друга? Пусти меня!

Мор. Боже мой, но что я могу сделать, если у нас с тобой разные убеждения?

Кэтрин. Вчера вечером ты употребил слово «делка». Совершенно верно. Я хотела подкупить тебя. Я хотела убить твою веру. Ты мне сказал, как называется то, что я делаю. Но я не хочу, чтоб меня называли вымогательницей, Стивен.

Мор. Видит бог, я не хотел...

Кэтрин. Если я духовно чужда тебе, то я не собираюсь оставаться твоей... наложницей.

Мор, точно его хлестнули бичом, поднимает руки, как бы заслоняясь от удара.

Да, это жестоко! Зато это показывает, на каких недостижимых высотах ты обитаешь. И я не хочу тащить тебя вниз.

Мор. Ради бога, забудь на минуту о своей гордости и пойми: я борюсь за свои убеждения, за то, во что я верю! Что еще делать человеку на земле? Что еще? Ах, Кэт! Пойми же!

Кэтрин. Я задыхаюсь здесь. Ведь я-то ничего не делаю. Сажу и молчу, а в это время мои братья сражаются и... умирают. Но теперь я постараюсь поехать туда сестрой милосердия. Элен поедет со мной. У меня тоже есть моя вера, мои убеждения — моя жалкая, банальная любовь к родине. Я не могу оставаться здесь с тобой. Я всю ночь просидела на полу — все думала, — и теперь я знаю!

Мор. А Олив?

Кэтрин. Я оставляю ее с няней у отца. Если ты только не запретишь мне увезти ее. Ты ведь можешь это сделать.

Мор (ледяным тоном). Ты прекрасно знаешь, что этого я не сделаю. Ты свободна идти куда хочешь и взять ее с собой.

Кэтрин (очень тихо). Спасибо! *(Внезапно поворачивается к нему и как бы магнитом притягивает к себе его взгляд. Не говоря ни слова, она вкладывает в этот взгляд всю свою силу.)* Стивен! Брось все это! Вернись ко мне!

Праздничные звуки с улицы доносятся все громче. Слышны свистки и пищалки, радостные крики.

Мор. И тонуть вот в этой грязи?..

Кэтрин быстро поворачивается к двери. Там она останавливается и снова глядит на него. На ее лице загадочное выражение, отражающее борьбу ее чувств.

Итак, ты уходишь?

Кэтрин (шепотом). Да. *(Наклоняет голову, открывает дверь и выходит.)*

Мор делает движение, словно хочет догнать ее, но в дверях показывается Олив. На ней белос пальто и круглая белая шапочка.

Олив. Ты с нами не поедешь, папа?

Мор качает головой.

А почему?

Мор. Не думай об этом, моя птичка.

Олив. На автомобиле теперь быстро не поедешь.

На улице столько народу! А ты остаешься, чтобы не дать им поджечь дом?

Мор кивает.

Можно мне тоже остаться ненадолго?

Мор качает головой.

Почему?

Мор (кладет ей руку на голову). Иди, иди, маленькая!

Олив. О! Приласкай меня немного, папочка!

Мор берет ее на руки и нежно целует.

Оо-о!

Мор. Беги, моя радость!

Олив идет, оглядывается на него, потом поворачивается и убегает. Мор провожает ее до двери. Затем, когда до его сознания полностью доходит смысл случившегося, он бросается к окну в нише, вытягивает шею, чтобы увидеть подъезд. Слышны шум тронувшегося автомобиля и непрерывные гудки, которые дает шофер, пробираясь через толпу. Мор отворачивается от окна.

Одинок, как последний человек на земле!

Внезапно из нестройного гула и шума улицы отчетливо выделяется голос: «Вот он где! Вот он! Мор! Предатель! Мор!» В оконные стекла барабанит целый град ореховой скорлупы, апельсиновых корок и тому подобных безвредных снарядов. Слышны вопли: «Мор! Предатель! Штрейкбрехер! Мор!» В окне видны развевающиеся флаги и зажженные китайские фонарики на длинных бамбуковых палках. Гул проклятий и ругательств все нарастает. Мор стоит, не обращая на это внимания, все еще глядя вслед машине. Затем брошенный камень с треском разбивает одно из стекол окна. За этим следуют взрыв хриплого смеха и глухой рев толпы. Второй камень разбивает другое стекло. На одно мгновение Мор с презрительным видом поворачивается лицом к улице, и китайские фонарики бросают отсвет на его лицо. Далее, как бы совершенно забыв о шуме и грохоте снаружи, он уходит обратно в комнату, оглядывается по сторонам и опускает голову. Шум становится все громче и громче; третий камень влетает в комнату. Мор снова поднимает голову и, сжав руки, смотрит перед собою. Входит к нему Генри и поспешно идет к двери на террасу.

А, это вы, Генри! Я думал, что вы ушли.

Генри. Я вернулся, сэр.

Мор. Вы славный малый!

Генри. Они пытаются ворваться в дом через террасу, сэр. Они не имеют права вторгаться в частные владения, что бы там ни было!

На террасу врывается толпа. Лакей Генри пытается оказать сопротивление, но его отталкивают, затирают, и больше мы его не видим. Толпа состоит из участников уличного шествия: студенты-медики, клерки, лавочники, девушки и один или два бойскаута¹. Многие из них обменялись шляпами, на иных надеты маски и приставные носы, у других — перья и жестяные свистульки. Некоторые размахивают на террасе бамбуковыми палками с китайскими фонариками. Стоит громкий, неясный гул. Зачинщиками во всем этом хаосе и смятении является группа студентов. Их вожак, выделяющийся среди остальных тем, что он без маски и прочих украшений, — молодой человек атлетического сложения, с непокрытой головой, с выдающейся нижней челюстью и черными, как уголь, густыми усами; размахивая своими огромными руками и работая плечами, он как бы управляет общим потоком. Когда первая волна гула и движения стихает, он кричит: «Давай к нему, ребята! Окажем триумфальные почести герою!» Студенты бросаются к спокойно стоящему Мору, грубо хватают его, поднимают на плечи и так проносят по всей комнате. Когда они дважды обошли вокруг стола под звуки своих нестройных песен, под хриплые возгласы и свист, вожак студентов командует: «Опустить его». Они послушно опускают его с плеч, ставят на стол, который уже придвинут к окну в нише, и выстраиваются вокруг, тупо уставившись на Мора.

В о ж а к с т у д е н т о в. Речь! Речь!

Шум стихает, и Мор обводит всех взглядом.

Ну, начинайте, сэр!

Мор (спокойным голосом). Прекрасно! Вы находитесь здесь по праву, которым руководствуется в своих действиях любая толпа, — по праву сильного. По этому праву вы можете делать с моим телом все, что хотите.

Голос. И сделаем!

Мор. Я в этом не сомневаюсь. Но сначала я вам скажу несколько слов.

Голос. На это ты мастер!

Кто-то издает ослиный рев.

Мор. Вы — толпа, самое презренное, что только есть на земле. Когда вы выходите на улицу, бог скрывается с небес.

¹ Детская военная организация в Англии.

В о ж а к студенто в. Поосторожнее, эй, вы, сэр!
Г о л о с а. Долой его! Долой мерзавца!

М о р (возвышая голос над ропотом толпы). Друзья мои, я не боюсь вас... Вы ворвались в мой дом и требуете от меня речи. Раз в жизни вам придется выслушать правду! (Его слова гремят над толпой.) Вы те, кто избивает слабых, грубо толкает женщин, заглушает своим воём слова свободы. Сегодня вы за одно, завтра — за другое. Мозг? У вас нет его ни крупицы! Душа? У вас нет ее и тени! Если на свете существует подлость, то вы ее истинное воплощение! Если на свете существует трусость, то вы ее настоящий символ! (Голос его заглушает нарастающие вопли ярости.) Патриотизм? Есть две разновидности его — патриотизм солдат и мой патриотизм! Но у вас нет ни того, ни другого!

В о ж а к студенто в (сдерживая опасный натиск). Стой! Подождите! (Мору.) Дайте клятву не произносить больше кощунственных речей против своей родины. Клянитесь!

Т о л п а. А-а-а!

М о р. Моя родина — это не ваша родина! Моя родина — великая страна, которая никогда не воспользуется слабостью других народов. (Заглушая рычание толпы.) Да! Вы можете проломить мне череп и разбить окна, но не думайте, что вы можете сломить мою веру. Это-то вам не удалось, даже если бы вас был миллион против одного!

Д е в у ш к а с темными глазами и растрепанными волосами выскакивает из толпы и грозит ему кулаком.

Д е в у ш к а. Ты заодно с теми, кто убил моего парня!

М о р сверху отвечает ей улыбкой, и тогда она быстро выхватывает нож из-за пояса бойскаута, стоящего рядом с ней.

Ты еще улыбаешься, собака!

Неистовый натиск толпы швыряет Мора вперед, прямо на лезвие ножа. Он откидывается назад, потом падает вниз, прямо в толпу. Визг, толпа дрогнула, слышен гул восклицаний. Вожак студентов покрывает общий шум своим голосом: «Тише!» Голос другого студента: «Боже мой! Он убит».

В о ж а к с т у д е н т о в . Р а с с т у п и т е с ь !

Толпа отхлынула, и два студента, склонившись над Мором, поднимают его руки и голову, которые снова падают, как будто налитые свинцом.

Студенты тщетно пытаются обнаружить в нем признаки жизни.

Ей-богу, все кончено!

Тогда начинается паническое бегство из комнаты. Кто-то выключает свет, и в темноте толпа быстро рассеивается. Тело Мора лежит, освещенное мерцанием одного китайского фонарика. Бормоча про себя: «Бедняга! И все-таки он не сдался!», — в о ж а к с т у д е н т о в поднимает с пола забытый кем-то маленький английский флаг и кладет его на грудь Мора. Затем он тоже поворачивается и убегает. А тело Мора лежит в полосе света; и шум на улице все нарастает.

З а н а в е с п а д а е т , н о п о ч т и м г н о в е н н о п о д н и м а е т с я с н о в а .

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА

Поздняя весна. Едва начинает рассветать. На фоне распускающихся деревьев, за которыми маячат вдали дома одной из лондонских площадей, в разгорающемся сиянии зари стоит темная статуя в человеческий рост на гранитном пьедестале. Впереди нее — широкий, еще темный тротуар. Свет все усиливается, и вот уже можно ясно различить слова, высеченные на пьедестале:

ВОЗДВИГНУТ
В ПАМЯТЬ
СТИВЕНА МОРА —
*человека, оставшегося
верным своим идеалам!*

Высоко вверху — лицо Мора; с легкой улыбкой на губах он смотрит вперед, прямо перед собой. На плече у него и на обнаженной голове уселись два воробья, а из окрестных садов доносится щебет и пение птиц.

З а н а в е с

1914 г.

ИЗЮМИНКА

*«Деревья пробуждал Орфей
Волшебной лирою своей...»*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Д ж е й м с Г. Ф р а с т, антрепренер.
Е. Б л ю и т т В е й н, режиссер.
М и с т е р Ф о р с о н, помощник режиссера.
«С в е т», осветитель.
«Р е к в и з и т», бутафор.
Г е р б е р т, мальчик на побегушках.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В «ЛИРЕ ОРФЕЯ»:

Г а й Т у н, профессор.
В а н е с с а Х э л л г р о в, его жена.
Д ж о р д ж Ф л и т у э й, Орфей.
М о д Х о п к и н с, фавн.

Место действия — сцена театра.
Спектакль идет без перерыва, но по ходу действия занавес время
от времени на секунду опускается.

Театральная сцена, приготовленная для генеральной репетиции небольшой пьесы «Лира Орфея». Занавес поднят, и считается, что зрительный зал пуст. Сцена представляет собой часть комнаты с большими стеклянными дверями в задней стене. Они широко распахнуты и ведут в цветущий яблоневый сад. Вся задняя стена с этими дверями удалена всего метра на три от рамп, так что большая часть сцены занята садом. По всему чувствуется, что обитатель комнаты — человек пишущий и обладает развитым вкусом¹. В стене справа дверь, наполовину задернутая портьерой. Слева от стеклянных дверей, вполоборота к окну — большое кресло с полочкой для книг, на которой лежит том «Британской энциклопедии». Рядом с креслом — табурет, на нем лежат всевозможные письменные принадлежности. Человек, сидевший в кресле, должно быть, писал, положив блокнот на колени. На маленьком столике подле кресла — лампа с темно-зеленым абажуром. Вся сцена залита резким, слепящим светом. На сцене нет никого, кроме помощника режиссера, мистера Форсона. Он стоит, закинув голову, — должно быть, ожидает ответа от невидимого собеседника, который находится где-то на колосниках. Он небольшого роста, коренаст. У него бесстрастное лицо человека, покорившегося судьбе. Из задних рядов партера или, если удобней, откуда-нибудь из пустой ложи раздается голос режиссера, мистера Блюитта Вейна, мужчины лет тридцати четырех, с зачесанными назад волосами.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Проверим еще раз свет.

Форсон уходит за левую кулису. Молчание.

¹ Если интересы сценичности этого требуют, комнату можно заменить широкой верандой или террасой с колоннами,

Вейн. Мистер Форсон! (Крещендо.) Мистер Форсон!

Форсон появляется из-за левой кулисы, держа козырьком руку над глазами.

Вейн. Да стойте же вы ради бога! Давайте повторим свет еще раз. Проверьте рампу.

Форсон (наверх, в кулисы). Свет!

Голос «Света». А?

Форсон. Повторите все. Проверьте рампу.

Рампа гаснет, и слепящий голубой свет заливает сцену, придавая Форсону совсем уже потусторонний вид.

Вейн. Господи! Ну какого черта! Мистер Форсон!

Форсон уходит за правую кулису.

Вейн (громче). Мистер Форсон!

Форсон (появляется). Сэр?

Вейн. Велите Миллеру спуститься сюда.

Форсон. Свет! Мистер Блюитт Вейн хочет с вами поговорить. Идите сюда!

Вейн. Велите Герберту сесть вон в то кресло.

Форсон уходит за левую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляется вновь). Сэр?

Вейн. Не уходите со сцены.

Форсон бормочет что-то себе под нос. Из-за правой кулисы появляется «Свет». У него худое лицо и черные, топорщащиеся волосы.

«Свет». Слушаю вас, мистер Вейн.

Вейн. Ну что это такое?

«Свет». У меня так записано, мистер Вейн.

Вейн. Раз и навсегда поймите: мне нужно, чтобы сад был залит лунным светом, а комната была в полумраке и светилась бы одна настольная лампа. Выключите выносной софит.

«Свет» уходит направо. Форсон исчезает за левой кулисой.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляясь). Сэр?

Вейн. Проследите, чтобы все было зафиксировано в

точности. Ну давайте же, давайте! Теперь введем элемент красоты.

На этой реплике из-за левой кулисы появляется Герберт, мальчик на побегушках. Это шустрый и губастый малый лет шестнадцати.

Форсон (ехидно). Вот он, мистер Вейн! Герберт, поди сядь вон в то кресло.

Герберт безмятежно усаживается в кресло.

Вейн. Начинайте! (*Гаснут все огни. Стонет.*) О господа!

В темноте слышится хриловатый смешок Форсона. Появляется сноп света, танцует по всей сцене, подпрыгивает, перемещается и наконец устремляется за окно, в сад. Тотчас вспыхивает настольная лампа, бросая тонкий и пронзительный луч в зрительный зал и оставляя Герберта в темноте.

Вейн (страшным голосом). Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. А-ба-жур!

Форсон бормочет себе что-то под нос, подходит к рампе и поворачивает абажур; свет падает на ноги Герберта.

Вейн. Лицо, лицо осветите! (*Форсон поворачивает абажур.*)

Форсон. Так, мистер Вейн?

Вейн. Да, да, и зафиксируйте!

Форсон (*наверх, в левый колосник*). Свет!

«Свет». А?

Форсон. Зафиксируйте!

Голубой свет вдруг превращается в желтый.

Вейн. Боже!

Снова воцаряется голубой свет. Порядок восстановлен. Герберт наслаждается воображаемой сигарой.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Спросите его, зафиксировал ли он это освещение?

Форсон. Вы зафиксировали?

«Свет». Да.

Вейн. Теперь к переходу. Выключите всю рампу!

Форсон (*кричит наверх*). Выключить рампу!

Рампа гаснет.

Вейн. Выключите настольную лампу.

Лампа гаснет.

Дайте желтый свет в заднем софите. Так — зафиксируйте! Теперь последнее. Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Снять весь свет!

Форсон (кричит). Снять весь свет!

Свет гаснет.

Вейн. Теперь сначала! Лампа. Затем две перемены. Как можно скорей. Перчику, перчику! Мистер Форсон!

Форсон. Сэр?

Вейн. Будьте добры, встаньте там, где должна появиться мисс Хэллгров.

Форсон становится у одной из стеклянных дверей.

Вейн. Да нет же, у занавеса!

Форсон становится возле занавеса; вдруг все световые перемены совершаются одна за другой быстро и с удивительной точностью.

Вейн. Отлично! Так и оставим. Начнем! Мистер Форсон, пошлите за мистером Фрастом.

Поднимается из зрительного зала на сцену по лестнице справа.

Форсон. Герберт! Позови шефа и скажи, чтобы все, кто занят в первой сцене, были на месте. Ну, шевелись!

Герберт поднимается с кресла и идет влево. Вейн взбирается на сцену, а Форсон в это время проходит за правую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Форсон (появляясь). Сэр?

Вейн. Позовите «Реквизит».

Форсон (громовым голосом). Реквизит!

Через стеклянную дверь входит человек довольно потрепанного вида.

Вейн. Как ваш валун? Выдержит?

«Реквизит» (подходит к бутафорскому валуну, брошенному бутафорским мхом; валун лежит перед задником, как бы среди яблонь. Ставит на него ногу). Если не слишком на него наваливаться, сэр, так не сломается.

Вейн. И не заскрипит?

«Реквизит». Нет. (Становится на валун. Раздается меланхолический скрип.)

Вейн. Исправьте. Теперь покажите мне лютню.

«Реквизит» протягивает ему бутафорскую лютню. Пока они разглядывают лютню, из-за правой кулисы появляется плотный мужчина с широким, чисто выбритым и слегка обрюзгшим лицом и маленьким ртом, из которого торчит окурок сигары. Он ждет, когда на него обратят внимание.

«Реквизит» (почувствовав запах сигары). Шеф.
Вейн (поворачивается к «Реквизиту»). А, хорошо, вы свободны.

«Реквизит» выходит в стеклянную дверь.

Вейн (Фрасту). Так вот, сэр, мы можем сейчас начать репетицию «Лиры Орфея».

Фраст (с легким иностранным акцентом). «Лира Орфея»! Откровенно говоря, мистер Вейн, я лирам предпочитаю доллары. Да скажите вы мне, есть ли по крайней мере в этой вашей высокоинтеллектуальной пьеске изюминка?

Вейн. В ней есть известное обаяние.

Фраст. А я-то думал, вы дадите «Хорька» с маленьким Миггсом! Тут бы нужен, знаете, хорошенький коктейль перед «Просчетом Луизы», мистер Вейн!

Вейн. Погодите, сэр, вот увидите.

Фраст. Свет так и будет? Что-то уж очень, знаете, потусторонне. Я позабыл очки. Сяду-ка в первом ряду. Одну минуточку. Кто играет этого вашего Орфея?

Вейн. Джордж Флитуэй.

Фраст. А есть в нем изюминка?

Вейн. Это очень маленькая роль.

Фраст. Кого вы еще подобрали?

Вейн. Гай Тун играет профессора, Ванесса Хэллгров — его жсну, Мод Хопкинс — фавна.

Фраст. Гм! Имена не громкие!

Вейн. Зато без запроса. А мисс Хэллгров, по-моему, находка.

Фраст. Хорошенькая?

Вейн. О, да.

Фраст. Интеллектуальная?

Вейн (колеблясь). Да нет. (Решительно.) Послушайте, мистер Фраст, пожалуйста, не ждите еще одного «Хорька».

Ф р а с т. Ну, хорошо, была бы изюминка, я больше ничего не требую. К делу, к делу! *(Гасит сигару и спускается со сцены в партер, где садится в первом ряду.)*

Вейн. Мистер Форсон?

Форсон *(выходит справа, из-за занавеса)*. Сэр?

Вейн. Начинаем. Дайте занавес.

Спускается в партер и усаживается рядом с Фрастом. Занавес опускается. Слышен красивый женский голос, поющий песенку Салливана: «Деревья пробуждал Орфей...»

Ф р а с т. Голосок что надо!

Занавес поднимается. Профессор, высокий, худой и рассеянный человек с проседью, зевает в кресле. На коленях у него блокнот, справа — табурет с чернильницей, слева — том энциклопедии на подставке — словом, он забаррикадирован со всех сторон статьями, которую пишет. Он читает вслух последнюю написанную страничку, но голос его заглушается пением жены, которая находится в соседней комнате, за портьерой. Пропев песню до конца, она умолкает, и тогда становится слышно, как профессор читает свою статью.

Профессор. «Орфей символизировал собой голос Красоты, призыв жизни, увлекающей нас, смертных, своей песней, поднимающей нас из могил, в которых мы добровольно себя погребли. Писатели древности, надо полагать, сознавали это в той же мере, в какой и мы. Человечество не меняется. Шелк и сукно, в которые рядятся современные цивилизованные существа, скрывают под собой все тех же фавнов и дриад. А между тем...» *(Он внезапно умолкает, как бы вдруг иссякнув. Нетерпеливо, жене.)* Что же ты не поешь, дорогая? Пой, это создает атмосферу.

Жена снова поет. И профессор начинает снова водить пером. Но песня внезапно обрывается и, раздвинув портьеру, в двери появляется жена профессора. Она значительно моложе его, бледна, очень хороша собой. Все в ней — и тип лица, и сложение, и облегающее тело кремовое платье напоминает женщину с картины Боттичелли. Она в упор разглядывает мужа, который погружен в свое писание; затем быстрыми шагами подходит к раскрытой двери и смотрит в сад.

Ж е н а. Боже мой! Какая красота!

Профессор *(поднимает голову)*. А?

Ж е н а. Я сказала: «Боже мой! Какая красота!»

Профессор. А-а!

Ж е н а (смотрит на него). Ты не заметил, что мне последнее время приходится всегда повторять то, что я тебе говорю?

Профессор. Что?

Ж е н а. Что мне приходится повторять...

Профессор. Да-да, я слышал. Прости. Я слишком увлекаюсь.

Ж е н а. Но только не мной.

Профессор (удивленно). Дорогая моя, да ведь твоя песня как раз и помогла мне воссоздать атмосферу. Чертовски трудная статья — найти равновесие между исторической точкой зрения и просто человеческой...

Ж е н а. Кому нужна человеческая точка зрения?

Профессор (ворчливо). М-м! Если б это было так! Но — современные вкусы! Им дела нет до истории. Им подавай грошовые чувства в пестрых обложках.

Ж е н а (как бы про себя). А весна — это тоже грошовые чувства?

Профессор. Прости, дорогая, я не расслышал.

Ж е н а (словно против воли, уступив какой-то внутренней силе). Красота, красота!

Профессор. Это-то я и пытаюсь здесь выразить. Легенда об Орфее и по сей день символизирует человеческую тягу к красоте! (Снова берется за перо, она же продолжает любоваться лунным светом в саду. Подавляя зевок.) Черт возьми! Все время в сон клонит! Распорядись ты наконец, чтобы к обеду давали кофе покрепче!

Ж е н а. Хорошо.

Профессор. Вот послушай — как тебе это покажется? (Читает вслух.) «Многие полотна художников Возрождения — особенно таких, как Боттичелли, Франческа и Пьеро ди Косимо, — навеяны легендами типа орфеевской. Этому же языческому источнику мы обязаны маленькой жемчужиной Рафаэля «Аполлон и Марсий».

Ж е н а. Мы обязаны ему и большим — бунтом против сухой учености.

Профессор. Вот именно! А я, пожалуй, разовью эту мысль: «Ему же мы обязаны нашим бунтом против академичности, отвращением к «бизнесу» и к грубому торжеству купли-продажи. Ему мы обязаны...» (Голос его постепенно замирает.)

Ж е н а. Любовью.

Профессор (рассеянно). А?

Ж е н а. Я сказала: ему мы обязаны любовью.

Профессор (несколько удивленно). Возможно. Но... хм... (сухо улыбается)... в данной статье это будет, пожалуй, неуместно.

Ж е н а (обращаясь к себе и к лунному свету, заливающему сад). Деревья пробуждал Орфей!

Профессор. Многие путают лиру с лютней. (Отчаянно зевает.) Дорогая моя, если ты больше не собираешься петь, может быть, сядешь? Мне нужно сосредоточиться.

Ж е н а. Я выйду прогуляться.

Профессор. Смотри, не промочи ноги!

Ж е н а. Сухие ноги — залог христианской добродетели.

Профессор (сдержанно смеется). Браво, браво! Сухие ноги — залог христианской добродетели. (Рука его хватается за перо, лицо наклоняется к бумаге, жена смотрит на него странным взглядом.) «Трудно определить, в какой степени поднявшаяся в наше время волна отрицания христианских добродетелей обязана влиянию идей, нашедших воплощение в образах Орфея, Пана и Вакха, однако...»

Во время его монолога жена выходит в сад и поет, причем голос ее по мере удаления приобретает еще большую звонкость: «Деревья пробуждал Орфей волшебной лирою своей, лирою своей...»

Профессор (спохватывается). Она сорвет себе голос! (Молча слушает, как растет ее песня.) Гм! Как странно он звучит ночью! (Молчит. Зевает. Ее голос постепенно замирает. Он вдруг начинает клевать носом, пытается бороться со сном, успевает написать одно-два слова, голова его опускается, и через двадцать секунд он засыпает совсем.)

Свет гаснет. Слышен голос Ф р а с т а.

Ф р а с т. Как зовут эту девушку?

Вейн. Ванесса Хэллгров.

Ф р а с т. А!

Сцена освещается. Яркий лунный свет заливал сад, комната по-прежнему погружена в темноту. Смутно виднеется силуэт спящего профессора в кресле. Он несколько больше повернулся к двери в сад. Из-за поросшего мхом валуна высовывается фигура фавна;

у него острые ушки, он облакачивается на валун и играет на свирели; два зайца и лиса сидят и слушают его игру. Порыв ветра срывает несколько лепестков с цветущих яблонь. Фавн резко поворачивает голову вправо, откуда медленно появляется фигура древнегреческого юноши с лирой или лютней в руках, из которой он извлекает звуки, похожие на стон ветра в трубе. Фавн прячется за валун, а юноша, дойдя до валуна, останавливается и играет на своей лютне. Постепенно под его музыку побеленный ствол одной из яблонь преобразается в женскую фигуру с обнаженными руками и босыми ногами; ее темные волосы распущены. Это жена профессора. Словно в трансе, она плавно приближается к юноше, глядя ему прямо в глаза, и подходит к нему вплотную. Она протягивает к нему руки, обвивает его шею. Они целуются. Раздается тихий возглас ужаса, и профессор, весь взъерошенный, с воздетыми руками, вскакивает с кресла, и в ту же секунду сцена погружается во мрак.

Ф р а с т. Ого!

Свет, как в начале сцены. Профессор медленно просыпается в своем кресле, вокруг него лежат разбросанные страницы рукописи. Он встряхивается, щиплет себя за ногу, медленно обводит глазами залитый луной сад и встает.

Профессор. Уф! Уф! Противный сон! Брр! Хм! *(Идет к стеклянной двери и кричит.)* Бланш! Бланш! *(Бормочет.)* «Деревья пробуждал Орфей... пробуждал Орфей!..» *(Кричит.)* Бланш!

Голос жены. Да?

Профессор. Где ты?

Ж е н а *(появляясь у валуна, с распущенными волосами)*. Здесь!

Профессор. Послушай... я... я спал... мне приснился сон. Иди сюда. Я расскажу тебе.

Она входит, и оба стоят у окна.

Профессор. Мне снилось, как будто вон там, возле того камня, сидел... фавн и играл на свирели. *(С тревогой поглядывает в сторону валуна.)* И будто тут же сидели и слушали два дурацких зайчонка и лиса. И вдруг вон оттуда появляется наш друг Орфей со своей проклятой лютней и, понимаешь, превращает вон то дерево в тебя! И потом постепенно он тебя приманил, как птичку. И ты... хм... обняла его за шею и... хм... поцеловалась с ним. Уф! Я проснулся. Ужасно неприятно. Послушай, у тебя распущены волосы!

Ж е н а. Да.

Профессор. Почему?

Жена. Это не был сон. Орфей возвращал меня к жизни.

Профессор. Что такое?

Жена. А ты думал, я живая? Я мертвая, я как Эвридика.

Профессор. Господи, Бланш, да что с тобою делается сегодня?

Жена (*указывая пальцем на разбросанные листы*). Почему, вместо того, чтобы жить настоящей жизнью, мы о ней только пишем? (*Показывает рукой на сад.*) Что мы берем от жизни? Деньги, славу, моду, разговоры, ученость? Верно. А для чего это все? Я жить хочу!

Профессор (*беспомощно*). Дорогая моя, я, право же, не понимаю тебя.

Жена (*указывая на сад*). Смотри! Вон Орфей со своей лирой, и никто его не замечает. Красота, кругом Красота, а мы проходим мимо. (*С внезапным жаром.*) Красота, Любовь, Весна... Все это где-то вне нас, а должно бы быть внутри.

Профессор. Милая, но это... это ужасно! (*Делает движение, чтобы обнять ее.*)

Жена (*уклоняется от его объятий, тихо*). Иди, иди к своей работе!

Профессор. Я... я расстроен. Я никогда не видел тебя такой... такой...

Жена. Такой истеричной? Хорошо! Больше не буду. Пойду снова петь.

Профессор (*успокаивающе*). Ну вот, ну вот! Прости меня, милая. Ну, прости. Ты просто сегодня не в духе, вот и все. (*Целует ее, она не уклоняется.*) Ну как? (*Тянется к своим бумагам.*) Прошло?

Жена (*стоит неподвижно и смотрит на него в упор*). О, да! Как рукой сняло!

Профессор. Вот и хорошо, а я попробую закончить свою статью сегодня. Тогда мы можем завтра поселиться. Может, даже в театр сходим. Говорят, хорошая вещь идет — она вот уже несколько лет как не сходит со сцены — «Китайские котлеты», так, кажется?

Жена (*тихонько, сама себе, глядя, как он усаживается в кресле*). О господи!

Профессор подбирает с пола страницы рукописи и приготавливается работать, а она смотрит, не сводя глаз, на валун, из-за которого снова высовывается голова и плечи фавна.

Профессор. Удивительная вещь, эта сила внушения! Ведь, собственно, анимизм своим происхождением обязан просто-напросто тому, что камни, деревья и тому подобное при известном освещении принимают всевозможные облики и тем воздействуют на воображение! *(Поднимает голову.)* Что с тобой?

Жена *(вздрагивает)*. Со мной? Ничего!

Поворачивается к мужу, и фавн исчезает. Переводит взгляд на валун, там никого нет. Порыв ветра срывает несколько лепестков яблоневого цвета. Она ловит рукой летящий лепесток и быстро проходит за портьеру.

Профессор *(сосредоточившись, снова пишет)*. «Легенда об Орфее есть... хм... апофеоз анимизма. Если мы допустим, что...»

Его голос заглушается голосом жены, которая снова принимается петь: «Деревья пробуждал Орфей...» Песня переходит в рыдание. Профессор удивленно поднимает голову.

З а н а в е с

Фраст. Bravo! Bravo!

Вейн. Поднимите занавес. Мистер Форсон!

Занавес поднимается.

Форсон. Сэр?

Вейн. Всех на сцену!

Вейн и Фраст поднимаются на сцену, где уже собрались все четверо участников.

Вейн. Дайте больше свету.

Форсон. Свет! Рампу!

Зажигается рампа, голубой свет на сцене гаснет; теперь свет резкий, слепящий, как вначале.

Фраст. Мисс Хэллгров, я рад случаю с вами познакомиться. *(Она подходит к нему стремительно. и вместе с тем робея. Он трясет ее руку.)* Мисс Хэллгров, позвольте сказать вам, что мне ваша игра показалась отличной... отличной. *(Ее очевидное волнение и радость воодушевляют его, и он принимается трясти ее руку еще энергичней.)* Отлично! Задело самые нежные струнки! Эмоционально! Отлично!

Мисс Хэллгров. О, мистер Фраст! Для меня это так важно! Спасибо!

Фраст (взгляд его несколько тускнеет и холодеет). Хм... отлично... (Глаза его начинают блуждать.) Где же мистер Флитуэй?

Вейн. Флитуэй!

Флитуэй подходит.

Фраст. Мистер Флитуэй, я хочу сказать вам, что ваш Орфей произвел на меня большое впечатление. Отличное.

Флитуэй. Благодарю, сэр, от души. Я рад, что вам понравилось.

Фраст (с тускнеющим взглядом). Роль, конечно, небольшая, но сыграли вы ее отлично. Мистер Тун?

Флитуэй исчезает, и на его месте появляется Тун.

Фраст. Мистер Тун, мне очень понравился ваш профессор — прекрасный образ! (Тун кланяется и бормочет.) Да, сэр, отличный! (Взор тускнеет.) Кто играет козла?

Мисс Хопкинс (появляясь неожиданно в двери). Мистер Фраст, фавна играю я!

Форсон (представляя). Мисс Мод Хопкинс.

Фраст. Мисс Мод, из вас получился отличный фавн.

Мисс Хопкинс. О! Спасибо, мистер Фраст. Вы очень любезны. Я играю его с огромным наслаждением.

Фраст (с тускнеющим взглядом). Мистер Форсон, вы очень остроумно устроили этот трюк с деревом. Чрезвычайно. У вас есть спички?

Берет у Форсона спичку и, прикуривая чрезвычайно длинную сигару, проходит в сопровождении Форсона в сад и разглядывает яблоню.

Мужчины-актеры уходят, а мисс Хэллгров, простоявшая все это время у занавеса, пробегает в направлении левой кулисы, к Вейну.

Мисс Хэллгров. Ах, мистер Вейн... Как, по-вашему? Он, ведь, кажется, очень... Ах, мистер Вейн! (В экстазе.) Если бы...

Вейн (довольный и счастливый). Да, да. Все в порядке — вы были великолепны. Ему понравилось. Он вполне...

Мисс Хэллгров (стиснув руки). Как замечательно! Ах, мистер Вейн, спасибо вам, спасибо!

Хватает его за руки, но, увидев, что Фраст возвращается на авансцену, перепархивает к занавесу и исчезает.

Резкий свет освещает опустевшую сцену. На ней только двое: Фраст, мусолящий свою сигару, спиной к двери в сад, и Вейн, который стоит возле левой кулисы и смотрит, закинув голову, в правый угол колосников.

Вейн (*кричит наверх*). Сейчас свет правильный. Вы записали, Миллер?

Осветитель. Да, мистер Вейн.

Вейн. Хорошо. (*Фрасту, который начал спускаться в зал.*) Ну как, сэр? Я так рад, что...

Фраст. Мистер Вейн, у нас есть контракт с маленьким Миггсом?

Вейн. Да.

Фраст. Что ж, это у вас очень миленькая вещичка. Но черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понял!

Вейн (*несколько обескураженный*). Неужели? Ведь это просто аллегория. Трагедия цивилизации — когда даже у людей утонченной культуры вытравляется и всячески подавляется чувство Красоты и Природы...

Фраст. Угу. (*Задумчиво.*) Маленький Миггс отлично сыграл бы «Хорька».

Вейн. Да, конечно, он мог бы, но...

Фраст. Свяжитесь с ним по телефону и начинайте репетировать.

Вейн. Как? А пьеса, которую я... которую...

Фраст. Мы должны думать о публике, мистер Вейн. Публике нужна изюминка.

Вейн (*расстроенный*). Но актриса умрет от огорчения. Я... право же... я не могу...

Фраст. А вы дайте ей роль горничной в «Хорьке».

Вейн. Мистер Фраст, я... я прошу вас! Я довольно много сил вложил в этот спектакль. Он у нас получился. У девушки есть надежда на... и я...

Фраст. Да-да. Она, конечно, превосходна. Теперь звоните-ка поскорей Миггсу и не теряйте времени даром. У меня, сэр, одно-единственное правило. Давайте публике то, чего она хочет, а публика хочет изюминки. Красота, Аллегии и все эти интеллигентские штучки ей ни к чему. Я ее знаю, публику, как свои пять пальцев.

Во время последней реплики мисс Хэллгров, не замеченная никем, стоит возле стеклянной двери и слушает. Она убита.

Вейн. Мистер Фраст, публика приняла бы эту пье-

су, я ручаюсь. Я в этом убежден. Вы недооцениваете публику.

Ф р а с т. Вот что, мистер Блюитт Вейн,— это чей театр, мой или ваш? Так вот, я говорю вам, что не могу позволить себе такой роскоши.

Вейн. Но ведь... ведь вы сами были растроганы, сэр. Я видел. Я следил за выражением вашего лица.

Ф р а с т (*непоколебимо и решительно*). Мистер Вейн, я не стал бы на вашем месте судить о среднем зрителе по моей особе. Публику надо чем-нибудь раззадорить перед «Просчетом Луизы». Для этой цели прекрасно подойдет «Хорек». Итак, действуйте. А я пойду перекусить.

Он уходит за правую кулису, мисс Хэллгров между тем закрывает лицо руками. Она не в силах удержать рыдания. Вейн замечает ее и хочет к ней подойти, но она убегает.

Вейн (*ероша волосы руками*). Проклятье!

Из-за левой кулисы выходит Ф о р с о н.

Ф о р с о н. Сэр?

Вейн. «Изюминка»! Какой нелепый предрассудок!

Ф о р с о н проходит через сцену и уходит за правую кулису.

Вейн. Мистер Форсон!

Ф о р с о н (*появляется*). Сэр?

Вейн. Пьеса не пойдет. (*Свирепо.*) Скажите, чтобы приготовили декорации для первого действия «Просчета Луизы», да поживее!

Выходит в стеклянную дверь. Волосы у него так и остались взъерошенными.

Ф о р с о н. Свет!

«Свет». А?

Ф о р с о н. Где Чарли?

«Свет». Пошел обедать.

Ф о р с о н. Есть кто у занавеса?

Голос. Да, мистер Форсон.

Ф о р с о н. Дайте занавес. (*Стоит посреди сцены, возведя глаза кверху.*)

З а н а в е с

1920 г.

БЕЗ ПЕРЧАТОК

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Хилкрест, помещик.

Эми, его жена.

Джил, его дочь.

Доукер, его управляющий.

Хорнблоуэр, недавно разбогатевший предприниматель.

Чарлз, его старший сын.

Хлоя, жена Чарлза.

Ролф, его младший сын.

Феллоуз, дворецкий Хилкреста.

Анна, горничная Хлои.

Джекмены, муж и жена, арендаторы Хилкреста.

Аукционист.

Поверенный.

Два незнакомца.

Действие первое. Кабинет Хилкреста.

Действие второе.

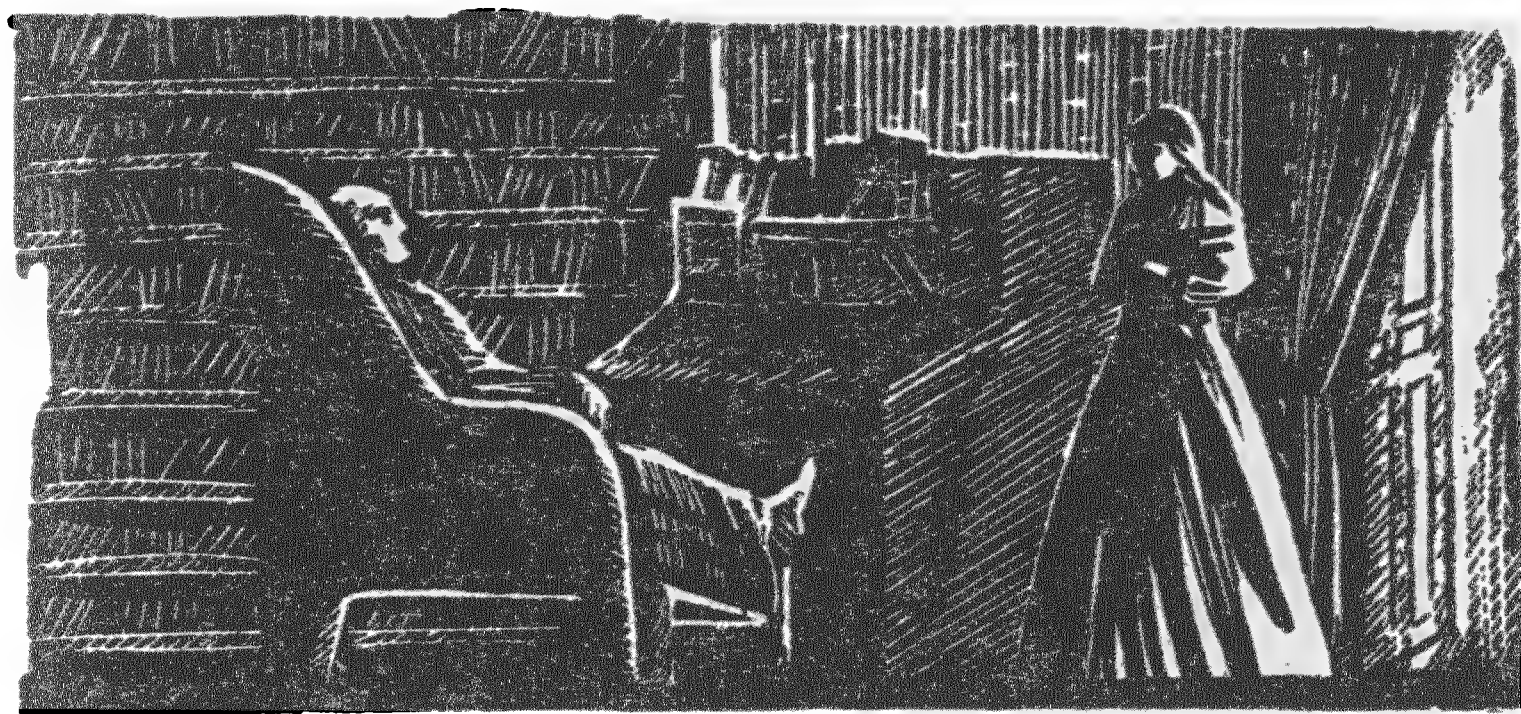
Картина первая. Месяц спустя. Аукционный зал.

Картина вторая. Вечер того же дня. Будуар Хлои.

Действие третье.

Картина первая. На следующий день. Кабинет Хилкреста. Утро.

Картина вторая. Там же. Вечер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет Хилкрита. Уютная комната с книгами в старинных кожаных переплетах; различные предметы, свидетельствующие, что Хилкриты путешествовали, в том числе большие фотографии Тадж-Махала, Столовой горы и египетских пирамид. Налево солидное бюро с делами по имению. Два лисьих чучела. Цветы в вазах. Глубокие кресла. На заднем плане раскрытая настежь большая застекленная дверь. Оттуда открывается чудесный вид на озаренные августовским солнцем поля и деревья на склоне холма. Направо красивый камин. По бокам две двери. Общий колорит комнаты выдержан в серовато-коричневых тонах; на этом фоне выделяются пятна более яркой окраски. Хилкрит сидит за бюро во вращающемся кресле; он занят делами. У него подагра, и потому его левая нога укутана. Он сухощав, ему лет пятьдесят пять, у него аристократическое, довольно добродушное, но не ординарное лицо. Можно предположить, что этот человек способен на эксцентричные поступки. Около него девятнадцатилетняя дочь Джил. Собранные валиком волосы окаймляют хорошенькое энергичное лицо.

Джил. Знаешь ли, папочка, все это довольно нелепо в наше время.

Хилкрит. Наглец есть наглец, Джил, даже в наше время.

Джил. Что такое наглец?

Хилкрит. Беззастенчивый пройдоха, не считающийся с другими людьми.

Джил. Хорошо. Старого Хорнблоуэра я согласна отдать тебе на растерзание.

Хилкрит. Можешь оставить себе.

Джил. Нет уж, бери! Но что касается Чарли...

Х и л к р и с т. Бог мой! Неужели ты знаешь их всех по именам?

Д ж и л. Папочка! Да ведь они живут здесь семь лет!

Х и л к р и с т. В прежнее время мы узнавали имена таких людей только по их надгробным плитам.

Д ж и л. Чарли Хорнблоуэр вовсе не так уж плох.

Х и л к р и с т. Во всяком случае на охоте он «так уж плох».

Д ж и л (тербя его за волосы). Затем жена его — Хлоя.

Х и л к р и с т (со смешком). Черт побери! Твоей матери сделалось бы дурно, узнай она, что ты зовешь эту женщину Хлоей.

Д ж и л. Великолепное имя!

Х и л к р и с т. Хлоя! Гм! У меня однажды был спаниэль...

Д ж и л. Папочка, ты погряз в предрассудках. Встряхнись, милый, так не годится. Я уверена, что Хлоя кое-что повидала в жизни, а уже это одно делает ее интересной... Нет, мамы нет в комнате, не вращай так пугливо глазами.

Х и л к р и с т. В самом деле, дорогая, ты переходишь...

Д ж и л. Все границы. Затем — Ролф...

Х и л к р и с т. Что такое — Ролф? Тоже собака?

Д ж и л. Ролф Хорнблоуэр — прелесть; он действительно славный мальчик.

Х и л к р и с т (испытующе). Вот как? Славный мальчик?

Д ж и л. Да, папочка! Ты знаешь, что такое славный мальчик, не правда ли?

Х и л к р и с т. Не в нынешнее время.

Д ж и л. В таком случае я тебе скажу. Во-первых, он не начинает сразу ухаживать...

Х и л к р и с т. Это уже некоторое утешение.

Д ж и л. Просто веселый, хороший товарищ.

Х и л к р и с т. Для кого?

Д ж и л. Да для всякого, и для меня тоже.

Х и л к р и с т. И где же он проявляет себя хорошим товарищем?

Д ж и л. Везде. Ведь ты не думаешь, что я не покидаю пределы отчего дома, не правда ли? Я, папочка, бродяга по природе.

Х и л к р и с т (иронически). Не может быть!
Д ж и л. Во-вторых, он не любит дисциплины.

Х и л к р и с т. Бог ты мой! Какой привлекательный юноша!

Д ж и л. В-третьих, он не признает своего отца.

Х и л к р и с т. А для славных девушек это тоже обязательно?

Д ж и л (крутя пряди его волос). Не передергивай!
В-четвертых, у него есть свои идеи.

Х и л к р и с т. Так и знал!

Д ж и л. Например, он, как и я, считает...

Х и л к р и с т. О! Значит, его идеи, несомненно, превосходны.

Д ж и л (ласково потягивая отца за волосы). Погоди! Он считает, что старики забрали все в свои руки. Он говорит, что это не годится, так как они адски несговорчивы. А ты, папочка, тоже адски несговорчив?

Х и л к р и с т. Ну, будь я... Не знаю, можно ли это назвать несговорчивостью...

Д ж и л. Он говорит, что надо отделаться от стариков, иначе нельзя будет жить на свете. Мы должны загнать их на высокое дерево, а потом стрясти оттуда.

Х и л к р и с т (сухо). О! Вот, значит, как он говорит!

Д ж и л. А то ведь они повадились попирать чужие права и вытопчут весь сад, а для молодых ничего и не останется.

Х и л к р и с т. А его отец согласен с ним?

Д ж и л. О! С отцом Ролф не разговаривает. У того слишком острые зубы. Видел ли ты когда-нибудь зубы Хорнблоуэра, папочка?

Х и л к р и с т. Приходилось.

Д ж и л. Не правда ли, они весьма почтенных размеров? А твои... такие безобидные... (Взъерошивает его волосы.)

Х и л к р и с т. Не пройдет и минуты, как ты убедишься в обратном. Ты забыла, что у меня подагра?

Д ж и л. Бедненький! Сколько времени мы владеем этой землей, папочка?

Х и л к р и с т. По меньшей мере со времен Елизаветы.

Д ж и л (посмотрев на его больную ногу). Тут есть свои минусы. Как ты полагаешь, у Хорнблоуэра был

отец? Мне кажется, что он появился на свет путем самозарождения. Но, папочка, почему такое... такое отношение к Хорнблоуэру? (*Чопорно поджимает губы и делает такой жест, словно отталкивает кого-то.*)

Х и л к р и с т. Потому что они лезут не на свое место.

Д ж и л. Все это только оттого, что мы, как сказала бы мама, «кто-то», а они — «никто». Отчего бы не позволить им тоже быть «кем-то»?

Х и л к р и с т. Так не бывает.

Д ж и л. Почему?

Х и л к р и с т. Нужны поколения, чтобы научиться жить и давать жить другим, Джил. А этим только протяни палец, и они отхватят тебе всю руку.

Д ж и л. А ты бы сам протянул им руку, зачем нужно протягивать палец? Зачем превращать все в какую-то... драку без перчаток?

Х и л к р и с т. Драку без перчаток? Откуда у тебя такой жаргон?

Д ж и л. Папочка, не отклоняйся от темы.

Х и л к р и с т. Видишь ли, Джил, вся жизнь — борьба между людьми, стоящими на различных ступенях развития и занимающими различное положение, между людьми различного имущественного ценза и общественного веса. Вот почему необходимо знать правила борьбы и соблюдать их. Новые люди, вроде Хорнблоуэров, не научились этим правилам; их единственное правило — хватать все, что плохо лежит.

Д ж и л. Милый, не надо прописей. Эти люди гораздо лучше, чем ты думаешь.

Х и л к р и с т. Когда я продавал Хорнблоуэру «Долгие луга» вместе с коттеджами, я, конечно, считал его вполне порядочным человеком. А потом он показал зубы и когти. (*Горячась.*) В «Глубоких водах» его влияние безусловно вредно; эти его гончарни действуют деморализующе; сама атмосфера нашей местности меняется. Жаль, тысячу раз жаль, что он вообще явился сюда и обнаружил здесь эту глину. Вместе с ним сюда проник дух того мира, где действуют по современному принципу: хватай за горло!

Д ж и л. Хватай нас за горло, ты имеешь в виду? А как бы ты определил джентльмена, папочка?

Х и л к р и с т (беспокойно). Словами это трудно сказать, это нужно чувствовать.

Д ж и л. А ты попробуй!

Х и л к р и с т. Что же... полагаю, что джентльмен — это человек, который всегда остается верен себе, которого ничто не заставит отказаться от своих принципов.

Д ж и л. Но предположим, что его принципы не очень-то высокого пошиба?

Х и л к р и с т (убежденно). Я, разумеется, имею в виду тех, кто честен и терпим, добр к слабым и не своекорыстен.

Д ж и л. А разве все мы именно такие, папочка? Я, например, своекорыстна.

Х и л к р и с т (с улыбкой). Ты?!

Д ж и л (насмешливо). Ах, конечно, я слишком молода, чтобы разбираться в этом!

Х и л к р и с т. Разобраться в этом, Джил, возможно, лишь побывав под сильным огнем.

Д ж и л. К маме это, понятно, не относится.

Х и л к р и с т. Что ты хочешь этим сказать?

Д ж и л. Мама, как Англия, верна себе: всегда права, что бы она ни сделала.

Х и л к р и с т. Да-а... Твоя мать действительно, может быть, безупречная женщина...

Д ж и л. Именно это я и говорю. Вот тебя, папочка, никто не назовет безупречным. Не говоря уже о том, что у тебя подагра...

Х и л к р и с т. Да, да... Мне нужен Феллоуз. Позвони.

Д ж и л (проходит по комнате к звонку). Сказать ли тебе мое определение джентльмена? Это тот, кто умеет отдавать должное Хорнблоуэрам. (Звонит.) И мне кажется, маме следовало бы нанести им визит. Ролф говорит, что старый Хорнблоуэр страшно обижен: вот уже три года, как Хлоя живет здесь, а мама ее как бы не замечает.

Х и л к р и с т. Я в это не вмешиваюсь. Это — дело твоей матери. Она может поехать с визитом хоть к самому дьяволу, если ей угодно.

Д ж и л. Я знаю, что ты гораздо добрее ее.

Х и л к р и с т. Очень почтительное высказывание.

Д ж и л. Твои предубеждения не отражаются у тебя на лице. А мама прямо-таки нос от людей воротит.

Хилкрист. Джил... твоя манера выражаться...

Джил. Не уклоняйся от темы, папочка. Я говорю, что маме следует нанести визит Хорнблоуэрам.

Хилкрист молчит.

Ну?

Хилкрист. Дорогая моя, я всегда предоставляю последнее слово другим. Это заставляет их чувствовать себя неловко. Уф! Моя нога.

Справа входит Феллоуз.

Феллоуз, пошлите в деревню за новым флаконом этого снадобья.

Джил. Я сама схожу за ним, милый папочка. *(Посылает ему воздушный поцелуй и выходит в стеклянную дверь.)*

Хилкрист. И скажите кухарке, что мне еще придется посидеть на кашке. Моя подагра опять разыгралась.

Феллоуз *(сочувственно)*. Плохо, сэр?

Хилкрист. Третий припадок в этом году, Феллоуз.

Феллоуз. Очень досадно, сэр.

Хилкрист. О, да. А с вами это когда-нибудь случалось?

Феллоуз. Мне кажется, время от времени побаливает, сэр.

Хилкрист *(заинтересовавшись)*. Правда? Где?

Феллоуз. В пробочной, сэр.

Хилкрист. В чем?

Феллоуз. В пробочной. Я называю пробочной правую руку, которой я вытаскиваю пробки.

Хилкрист *(улыбаясь)*. Да-а! Если бы вы служили у моего отца, вы бы уже твердо знали, побаливает у вас или нет.

Феллоуз. Простите меня, сэр, но я по собственному опыту знаю, что пробки от виши хуже, чем от любого другого вина.

Хилкрист *(иронически)*. Ах вот как! Англия уже не та, что прежде, не правда ли, Феллоуз?

Феллоуз. Да, много нового, сэр.

Хилкрист *(с чувством)*. Вы правы. Доукер пришел?

Феллоуз. Нет еще, сэр. Джекмены просят принять их, сэр.

Хилкрист. Хорошо, пусть войдут.

Феллоуз (уходя). Слушаю, сэр.

Хилкрист поворачивает свое вращающееся кресло кругом. Входят Джекмены. Он — крупный мужчина лет пятидесяти, в одежде батрака; его взгляд таит в себе больше, чем может выразить язык. Она — маленькая женщина с изможденным лицом, блестящими острыми глазками и бойким языком.

Хилкрист. Доброе утро, миссис Джекмен! Здравствуйте, Джекмен! Давно вас не видел. Чем могу быть полезен? (*Подтягивает ногу и с трудом подавляет стон.*)

Джекмен (*чувствуется, что он пал духом*). Мы получили предупреждение, что должны съехать, сэр.

Хилкрист (*с удивлением*). Что?

Джекмен. Велят очистить дом на этой неделе.

Миссис Джекмен. Да, сэр, так нам сказали.

Хилкрист. Но ведь когда я продавал «Долгие луга», было обусловлено, что арендаторам коттеджей не причинят никакого беспокойства.

Миссис Джекмен. Да, сэр, а все же нам велят съехать. И миссис Харви, и Дрю, и нам, а вы сами знаете, что в «Глубоких водах» больше нигде не снимешь коттеджа.

Хилкрист. Знаю, мне самому нужен домик для пастуха. Нет, так не годится! Кто вам передал предупреждение?

Джекмен. Сам мистер Хорнблоуэр, сэр. Ровно час назад. Пришел и сказал: «Извините, но мне нужны коттеджи, и вам придется их освободить».

Миссис Джекмен (*с горечью*). Он совсем не джентльмен, сэр: пришел и сразу так все и выложил. Мы здесь прожили тридцать лет, и что нам теперь делать, ума не приложим. Уж вы извините, что мы пришли к вам, сэр.

Хилкрист. Разумеется, разумеется! Н-да! (*Встает и, опираясь на палку, идет, прихрамывая, к камину. Про себя.*) Зубы и когти! (*Вслух.*) Нет, это бог знает что такое! Ведь он нарушает обещание! Я напишу ему, Джекмен. Черт побери! Никогда б я не продал «Долгие луга», если бы знал, что он может поступить таким образом.

Миссис Джекмен. Конечно, не продали бы, сэр, я уверена, сэр. Говорят, это связано с гончарнями. Ему нужны коттеджи для рабочих.

Хилкрест (*резко*). Мало ли что! Он ведь дал мне понять, что все останется без изменений.

Джекмен (*мрачно*). Говорят, будто он купил «Сторожевое» и собирается поставить и там свои печи. Вот почему ему понадобились эти коттеджи.

Хилкрест. «Сторожевое»? Не может быть!

Миссис Джекмен. Да, сэр. Такое прекрасное место... такой красивый вид отсюда. (*Смотрит в окно.*) Я всегда говорила, что это самое красивое место во всех «Глубоких водах». Им владел ваш отец, а до него — ваш дед. Какая жалость, что его продали, прошу прощения, сэр.

Хилкрест. «Сторожевое»! (*Звонит.*)

Миссис Джекмен (*приободрившись*). Я так рада, что вы решили приостановить это, сэр. А то нас прямо подкосило. Не знаем, куда и деваться. Я сказала мистеру Хорнблоуэру: «Вот мистер Хилкрест никогда не выгнал бы нас». А он говорит: «К черту мистера Хилкреста!» Прошу прощения, сэр. «Я не шучу,— говорит,— придется вам выбираться отсюда, миссис...» Он даже не знает нашей фамилии. Вломился к нам без всякого стеснения и все выложил. Настоящий выскочка, воображает о себе, распоряжается. А здоровенный, нескладный. (*С каким-то снисходительным презрением.*) Да ведь он северянин, говорят.

Входит Феллоуз.

Хилкрест. Попросите миссис Хилкрест прийти сюда.

Феллоуз. Слушаю, сэр.

Хилкрест. Доукер здесь?

Феллоуз. Нет еще, сэр.

Хилкрест. Как только он придет, пошлите его ко мне.

Феллоуз уходит.

Джекмен. Мистер Хорнблоуэр сказал, что придет повидать вас, сэр. Так мы решили побывать первыми.

Хилкрест. Хорошо сделали, Джекмен.

Миссис Джекмен. Я и говорю Джекмену: «Мистер Хилкрест наверняка стоит за нас. Он джентльмен,— говорю я.— А тот,— говорю я,— плюет на соседей, да и вообще на всех. Ему на все наплевать, лишь бы деньгу сколотить и поважничать. Да и чего ждать,— говорю я,— от человека, который разбогател без году неделю! Настоящий джентльмен, небось, так не поступит».

Хилкрест (*рассеянно*). Совершенно верно, миссис Джекмен, совершенно верно! (*Про себя.*) «Сторожевое»! Нет, это ужасно!

Входит миссис Хилкрест. У нее строгое, решительное лицо; одета элегантно.

Ах, Эми! Мистера и миссис Джекмен выгнали из их коттеджа. То же самое случилось с миссис Харви и с семейством Дрю. Когда я продавал землю Хорнблоуэру, я поставил условие, чтобы их не трогали.

Миссис Джекмен. Недельный срок кончается в субботу, и я прямо не знаю, куда деваться: ведь Джекмену нужно жить поближе к работе, да и я лишусь приработка на стирке, если нам придется уехать далеко.

Хилкрест (*решительно*). Предоставьте это дело мне, миссис Джекмен. Всего хорошего! Прощайте, Джекмен! Извините, мне трудно ходить — подагра.

Джекмены выходят.

Выгонять людей, которые прожили на одном месте тридцать лет! Я не потерплю этого. Он не держит слова.

Миссис Хилкрест. Неужели ты думаешь, Джек, что Хорнблоуэр хоть сколько-нибудь с этим почитается?

Хилкрест. Если у него сохранилась хоть капля порядочности, он должен будет посчитаться, когда ему разъяснят, что так не делается.

Миссис Хилкрест. Никакой порядочности у него нет.

Хилкрест (*внезапно*). Джекмены говорят, что он купил «Сторожевое» и теперь возведет там новые печи.

Миссис Хилкрест. Что?! (*Выглядывает в окно.*) Невозможно! Это совершенно обезобразит местность, не говоря уже о том, что отрежет нас от земель

герцога. О нет! Мисс Маллинз не станет продавать «Сторожевое» тайком от нас.

Хилкрист. Во всяком случае, я должен приостановить выселение этих людей.

Миссис Хилкрист (со слабой, почти презрительной улыбкой). Ты должен был предвидеть, что он сделает что-нибудь в этом роде. Ты всегда думаешь, что все люди такие же, как ты, Джек. Тебе давно следовало потребовать от Доукера, чтобы он писал все условия — черным по белому.

Хилкрист. Я сказал совершенно ясно: «Вы, конечно, не станете расторгать арендные договоры — тут большой недостаток в жилищах». Хорнблоуэр столь же ясно ответил, что не будет этого делать. Разве этого недостаточно?

Миссис Хилкрист. Такие люди думают только о том, как быстрее достичь цели. А средства все хороши. (Выглядывает в окно.) Если он купит «Сторожевое» и поставит печи, мы просто не сможем больше оставаться здесь.

Хилкрист. Мой отец перевернется в могиле.

Миссис Хилкрист. Лучше б он в свое время не закладывал поместья и не продавал «Сторожевого». Этот Хорнблоуэр ненавидит нас. Он считает, что мы его третируем.

Хилкрист. Но ведь так оно и есть, Эми.

Миссис Хилкрист. А как же иначе? Это человек без всяких традиций; он верит только в деньги и в собственную наглость.

Хилкрист. Предположим, что он не изменит своего решения. Сможем мы чем-нибудь помочь Джекменам?

Миссис Хилкрист. Две комнаты над конюшней, которые занимал Бивер, сейчас пустуют.

Феллоуз (входя). Мистер Доукер, сэр.

Входит Доукер — низенький, квадратный, краснолицый, похожий на буль-терьера человек в костюме для верховой езды и в крагах.

Хилкрист. А, Доукер! У меня опять разыгралась подагра.

Доукер. Очень жаль, сэр. Доброе утро, сударыня.

Хилкрист. Встретили вы Джекменов?

Доукер. Встретил. (Он почти никогда не выговаривает слов полностью, как бы проглатывая концы.)

Хилкрист. Значит, вы слышали?

Доукер (кивая). Смекалистая бестия этот Хорнблоуэр. Понимает, что под лежащий камень вода не течет.

Хилкрист. Смекалистая бестия?

Доукер (с ухмылкой). Отдавайте должное соседям, сэр.

Миссис Хилкрист. Он просто наглец — иначе его не назовешь.

Доукер. Вот именно, сударыня. И пользуется этим с выгодой для себя.

Хилкрист. Слышали вы что-нибудь относительно «Сторожевого», Доукер?

Доукер. Хорнблоуэр собирается купить его.

Хилкрист. Но ведь мисс Маллинз вряд ли захочет продавать имение?

Доукер. Наоборот.

Хилкрист. Как так? Не может быть!

Доукер. Ведь он за деньгами не постоит.

Миссис Хилкрист. Сколько оно стоит, Доукер?

Доукер. Это зависит от того, для чего оно вам.

Миссис Хилкрист. Хорнблоуэр покупает назло нам, а мы — во имя нравственного долга.

Доукер (ослабившись). В таком случае оно будет стоить столько, сколько вы сможете дать. Но он богатый человек...

Миссис Хилкрист. Это невыносимо!

Доукер (Хилкристу). Назовите мне вашу цифру, сэр. Я потолкую со старушкой прежде, чем он опутает ее.

Хилкрист (обдумывая). Я не хочу покупать, если есть какой-нибудь другой выход из положения. Мне пришлось бы снова перезакладывать имение, а оно этого не выдержит. Не могу поверить, чтобы он оказался таким варваром. Печи в трехстах ярдах от нашего дома! Это кошмар!

Миссис Хилкрист. Пусть лучше Доукер точно выяснит положение, Джек.

Хилкрист (с беспокойством). Джекмен говорит, что Хорнблоуэр собирается к нам. Я ему выскажу все напрямик.

Доукер. Вы его еще больше разохотите. Лучше просто опередить его.

Хилкрист. Подражать его методам! Ох! Проклятая подагра! (С трудом идет к своему стулу.) Послушайте, Доукер, я хотел поговорить с вами насчет ворот...

Феллоуз (входя). Мистер Хорнблоуэр.

Входит Хорнблоуэр. Он среднего роста, но от успеха как бы раздался вширь и раздулся. У него густые жесткие темные волосы с легкой проседью, очень густые брови, широкий рот. Одет просто, вполне пристойно, создается впечатление, что гардеробом ведает не он, а кто-то другой, разбирающийся в таких вещах. Небольшая роза в петлице, в руке шляпа, которая на вид кажется слишком маленькой для его головы.

Хорнблоуэр. Доброе утро! Доброе утро! Как поживаете, Доукер? Прекрасная погода! (В звуках его голоса слышится что-то медное и в то же время маслянистое.) Давненько мы не видались, Хилкрист.

Хилкрист (вставая). Да, кажется, с того времени, как я продал вам «Долгие луга» и эти коттеджи.

Хорнблоуэр. Неужели? А я пришел как раз по этому поводу.

Хилкрист (снова опускаясь в кресло). Извините меня! Не хотите ли присесть?

Хорнблоуэр (не сядясь). Что у вас? Подагра? Неприятная штука. У меня никогда не было подагры. У меня нет предрасположения к подагре. Я, знаете ли, не имел предков. Мне приходится расплачиваться только за то, что я выпил сам.

Хилкрист. Вы счастливец.

Хорнблоуэр. Едва ли миссис Хилкрист так думает. Как, по-вашему, сударыня, хорошо ли, что у меня нет прошлого, а есть только будущее?

Миссис Хилкрист. А вы уверены в том, что у вас есть будущее, мистер Хорнблоуэр?

Хорнблоуэр (рассмеявшись). Меткий удар шпагой в лучшем аристократическом стиле! А вы, аристократы, народ жестокий, несмотря на свои мягкие манеры. Для вас удовольствие продырявить человека. Но за свое будущее я не опасаюсь.

Хилкрист (многозначительно). Ко мне приходили Джекмены, мистер Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Какие такие Джекмены? Это не тот батрак, у которого жена — настоящая колючка?

Хилкрист. Джекмены — отличные, превосходные люди. Они прожили в своем коттедже тридцать лет, и никто их до сих пор не тревожил.

Хорнблоуэр (*делает свой любимый жест: выбрасывает вперед указательный палец*). Да, здесь не хватало меня, чтобы слегка вас расшевелить. «Глубоким водам» давно нужна хорошая встряска. Обычно всюду, где я появляюсь, сразу меняется весь дух. Вы, конечно, предпочли бы, чтобы здесь моего духу вообще не было. (*Смеется.*)

Миссис Хилкрист. Прежде всего мы считаем, что люди должны держать свое слово, мистер Хорнблоуэр.

Хилкрист. Эми!

Хорнблоуэр. Ничего, Хилкрист! Этим меня не проймешь!

Миссис Хилкрист обменивается взглядом с Доукером, который незаметно выскальзывает.

Хилкрист. Вы помните, что обещали мне не выселять прежних арендаторов?

Хорнблоуэр. Помню. Потому и пришел вам сказать, что обстоятельства изменились. При покупке я еще не предвидел, что может возникнуть такая надобность. Думал, что герцог продаст мне часть своей земли. Да черта с два! Так он и продал! А теперь эти коттеджи нужны мне для моих рабочих. Мой завод, как вы знаете, имеет немаловажное значение.

Хилкрист (*разгорячась*). Но Джекмены тоже не лишены известного значения, сэр. Они душой приросли к своему коттеджу.

Хорнблоуэр. Это же несопоставимые вещи, милейший. Мой завод обслуживает тысячи людей, и моей души в нем тоже немало, и — что поважнее — в нем мое состояние. У меня есть свои замыслы. Я человек серьезный. Предположите, что я стал бы считаться то с тем, то с другим, с разными пустяковыми возражениями против моих планов, — чего бы я достиг тогда? Ничего!

Хилкрист. Все равно, так не поступают.

Хорнблоуэр. Не поступают в вашем кругу, потому что вам этого не требуется. Вы вполне довольны тем, что приобрели для вас ваши отцы. У вас нет никаких замыслов, и вы хотите, чтобы их не было и у других. А каким образом ваши предки получили эту землю, скажите на милость?

Хилкрист (*вставая*). Во всяком случае, они не нарушали своего слова.

Хорнблоуэр (*выставляя палец*). Как бы не так! Они именно нарушили свое слово и заполучили землю, согнав с нее разных Джекменов и всех прочих.

Миссис Хилкрист. Это оскорбление, мистер Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Вовсе нет — просто ответный удар шпагой. Если вы такого уж высокого мнения о Джекменах, постройте им домик сами — место у вас есть.

Хилкрист. Это к делу не относится. Вы дали мне обещание, и я продал землю, полагая, что вы сдержите его.

Хорнблоуэр. А я купил, полагая, что получу еще немного земли от герцога.

Хилкрист. Это меня совершенно не касается.

Хорнблоуэр. Нет касается, так как коттеджи я все равно заберу.

Хилкрист. Ну, знаете ли, это просто... (*Берет себя в руки.*)

Хорнблоуэр. Послушайте, Хилкрист, вам, видимо, не приходилось сталкиваться с людьми моего склада. У меня на все хватает и решимости и денег, и я не собираюсь сидеть сложа руки. Я иду вперед, потому что верю в себя. Я обхожусь без сантиментов и тому подобной дребедени. Сорок ваших Джекменов не стоят моего мизинца.

Хилкрист (*выходит из себя*). В жизни не слышал столь откровенного...

Хорнблоуэр. Раз уж мы начали говорить напрямик, то я понимаю дело так: вы хотите, чтобы жизнь в здешних местах шла по-вашему, по старинке, а я хочу, чтобы она шла по-моему. Думаю, что нам вдвоем тут будет тесновато.

Миссис Хилкрист. Когда же вы уезжаете?

Хорнблоуэр. Ну, я-то не уеду!

Хилкрист. Послушайте, мистер Хорнблоуэр... от этой проклятой подагры я становлюсь раздражительным... это ставит меня в невыгодное положение. Не будете ли вы так любезны объяснить прямо.

Хорнблоуэр (с широкой улыбкой). Охотно, я ведь северянин.

Хилкрист. Мне говорили, будто вы желаете купить «Сторожевое» и намерены поставить там еще новые печи, не считаясь с тем, (указывая в окно), что это испортит наше имение, которым мы владеем из поколения в поколение, и отравит нам всю жизнь.

Хорнблоуэр. Нет, вы послушайте его только! Можно подумать, что ему принадлежит даже небо, раз его предки построили здесь дом с красивым видом, чтобы он мог в нем жить да поживать! Все ваши рассуждения и сантименты от безделья, Хилкрист.

Хилкрист. Я попросил бы вас не обвинять меня в праздности, Доукер!.. Где он? (Показывает на бюро.) Навряд ли вы так же упорно трудитесь на ваших заводах, как я тружусь для своего имения... Правда ли то, что говорят относительно «Сторожевого»?

Хорнблоуэр. Истинная правда. Если хотите знать, в эту самую минуту мой сын Чарли покупает его.

Миссис Хилкрист (вздрагивает и поворачивается). Что вы сказали?

Хорнблоуэр. Он сейчас у старушки. Она хочет продать и получит любую цену, сколько бы ни запросила.

Хилкрист (в сильном гневе). Если это не драка без перчаток, мистер Хорнблоуэр, то я не знаю, что это такое!

Хорнблоуэр. Премилое выражение — «драка без перчаток»! Ну что ж, брань на ворота не виснет, но душу закаляет. Если бы не присутствие дамы, я мог бы и покрепче выразиться.

Миссис Хилкрист. Ах, мистер Хорнблоуэр, пусть мое присутствие не останавливает вас!

Хорнблоуэр. И в самом деле. Единственная помеха — вы... Вы и подобные вам... вы стоите на моем пути. А всякий, кто стоит на моем пути, недолго удерживается, а уж если удержится, то на моих условиях. Так вот: мои условия — это печи в «Сторожевом», там, где

они мне нужны. Да и вам будет очень полезно почувствовать, наконец, что вы не всемогущи.

Хилкрист. Нечего сказать — добрососедское отношение!

Хорнблоуэр. А ваше добрососедское отношение в чем выражается? У меня нет жены, но есть невестка. Побывали вы у нее, сударыня? Я человек новый, а вы из старинного рода и считаете, что я выскочка. Я вам не нравлюсь. Я хожу в пресвитерианскую церковь. Вам это не нравится. На моих заводах производятся товары, которые я продаю. Это вам тоже не нравится. Я покупаю землю, и это вам опять-таки не нравится. Это угрожает виду из ваших окон. Ну, а мне не нравитесь вы, и я не собираюсь считаться с вашими вкусами. Слишком долго было по-вашему, но теперь будет иначе.

Хилкрист. Намерены вы сдержать свое слово в отношении коттеджей?

Хорнблоуэр. Я намерен забрать эти дома. Кстати, их даже не хватит для рабочих моего нового завода. Придется строить еще.

Хилкрист. Это объявление войны?

Хорнблоуэр. Совершенно верно. Вы или я! И думаю, что скорее всего это буду я. Я — восходящее, а вы — заходящее солнце, как сказал поэт.

Хилкрист (*доглаголиваясь до звонка*). Посмотрим, удастся ли вам действовать напролом. Мы здесь привыкли к порядочности. Вы желаете это изменить. Хорошо, но мы сделаем все возможное, чтобы помешать вам. (*Обращаясь к вошедшему Феллоузу*.) Джекмены еще не ушли? Попросите их, пожалуйста, сюда.

Хорнблоуэр (*впервые проявляя некоторое смущение*). Я их уже видел. Мне им больше нечего сказать. Я говорил им, что даю пять фунтов на покрытие расходов по переезду.

Хилкрист. А вам не приходило в голову, что даже самые скромные люди имеют право сказать свое слово, когда решается их судьба?

Хорнблоуэр. Пока у меня не завелись деньги, у меня права такого не было, и вообще ни у кого из бедняков сроду его не было. Одно лицемерие. Вы, помещики, порядочные лицемеры: у вас только и разговору, что о порядочности. Самая удобная теория для тех,

кто успел усесться другому на шею. Все эти сантименты — показное. Нутро-то у вас, может, еще пожестче, чем у меня.

Миссис Хилкрист (все это время стоявшая неподвижно). Вы нам льстите.

Хорнблоуэр. Нисколько. На бога надейся, а сам не плошай — вот основа всякой религии. Я надеюсь не оплошать, и бог мне поможет.

Миссис Хилкрист. Я восхищена глубиной ваших умозаключений.

Хилкрист. Справедливость на нашей стороне, а бог помогает тем, кто...

Хорнблоуэр. Не верьте этому; у вас все равно силенок не хватит.

Миссис Хилкрист. А может быть, самомнения?

Хорнблоуэр (выставляя указательный палец). Когда у человека есть основание верить в себя, — это не самомнение.

Входят Джекмены.

Хилкрист. Я очень сожалею, миссис Джекмен... но мне не удалось уговорить мистера Хорнблоуэра, хотя я сделал все, что мог. Я позвал вас, чтобы вы сами убедились в этом.

Миссис Джекмен (с сомнением). Что же, сэр. Я думала... если вы заступитесь за нас, может, он передумает.

Хорнблоуэр. Не все ли равно, в каком доме жить, миссис? Я сделал вам хорошее предложение: пять фунтов на переезд.

Джекмен (с расстановкой). Мы не возьмем и пятидесяти. В этом доме мы вырастили троих детей и двоих из них похоронили.

Миссис Джекмен (обращаясь к миссис Хилкрист). Он нам стал вроде бы как родной, сударыня.

Хилкрист (обращаясь к Хорнблоуэру). А вам бы понравилось, если бы вас согнали с места, к которому вы привыкли?

Хорнблоуэр. Никоим образом. Но мелкие соображения должны отступать перед более важными. Так вот, миссис, я готов увеличить сумму до десяти фунтов и пришлю фургон для перевозки ваших вещей.

Если уж и это не щедро... Соглашайтесь скорее: я могу раздумать.

Джекмены переглядываются; их лица выражают сильный гнев, и они взглядом спрашивают друг друга, кто из них будет говорить.

Миссис Джекмен. Не надо нам ваших денег. Правильно, Джордж?

Джекмен. Ни одного фартинга. Мы переехали туда, когда поженились.

Хорнблоуэр (выставляя палец). Вы сами себе вредите.

Хилкрист. Не читайте им морали, мистер Хорнблоуэр. Эти люди намного выше вас.

Хорнблоуэр (сердито). Я собирался дать вам еще неделю срока, но коли так, то вы съедете в эту субботу. И не задерживайтесь, не то ваши вещи выбросят под дождь.

Миссис Хилкрист (обращаясь к миссис Джекмен). Мы пошлем за вашими вещами. На первое время вы можете переехать к нам.

Миссис Джекмен делает книксен; ее глаза готовы пронзить Хорнблоуэра насквозь.

Джекмен (мрачно, сжимая кулаки). Вы не джентльмен... И вот что я вам скажу: не попадайтесь мне на узенькой дорожке.

Хилкрист (тихим голосом). Джекмен!

Хорнблоуэр (торжествующе). Вы слышите? Вот каков ваш протеже! Сами лучше не попадайтесь мне, не то я напущу на вас полицию за то, что вы мне угрожали.

Хилкрист. Вам лучше уйти, Джекмен!

Джекмены направляются к двери.

Миссис Джекмен (оборачиваясь). Может быть, вам еще придется раскаяться, сэр.

Они уходят, следом за ними выходит миссис Хилкрист.

Хорнблоуэр. Гм... да... Жаль, что они так несговорчивы. Никогда не встречал людей, которые бы хуже разбирались в собственных интересах.

Хилкрист. А я никогда не встречал людей с такой толстой... эпидермой.

Хорнблоуэр. Что это за «эпидерма»? Можете крыть прямо: вашей благородной супруги здесь нет.

Хилкрест (с достоинством). Я отнюдь не намерен вступать с вами в перебранку.

Хорнблоуэр. Послушайте, Хилкрест, я ничего не имею против вас лично. Мне вас даже жалко, — я ведь знаю, что рано или поздно вы останетесь на бобах со своей подагрой и благородством. Но до тех пор вы, конечно, можете наделать много неприятностей. Я хочу внести новую жизнь в здешние края. У меня много всяких планов. Я намерен выставить свою кандидатуру в парламент. Я хочу добиться того, чтобы эта местность процветала. Я человек неплохой, когда ко мне неплохо относятся. Принимайте меня как соседа и все такое, и я обойдусь без печей в «Сторожевом». Идет? (Протягивает руку.).

Хилкрест (делая вид, что не замечает его руки). Вы как будто сказали, что не держите слова, если в ваших интересах нарушить его?

Хорнблоуэр. Ну, вы опять начинаете заноситься. Мы с вами могли бы быть отличными друзьями, но я могу стать и весьма неприятным врагом. Фабричные трубы не очень-то украсят вид из этого окна, не правда ли?

Хилкрест (гневно). Мистер Хорнблоуэр, если вы думаете, что я протяну вам руку после истории с Джекменами, вы сильно ошибаетесь. Вы мне предлагаете стать на вашу сторону, а вы будете притеснять всех в этих краях. Прошу вас понять, что если вы не оставите, как обещали, в покое этих арендаторов, всякое знакомство между нами будет прекращено.

Хорнблоуэр. Как хотите. Но лучше поразмыслите на досуге — вся эта поспешность суждений у вас от подагры. Повторяю, я человек, с которым враждовать небезопасно. Если вы не станете относиться ко мне по-дружески, я испорчу весь вид вашего имения, будьте уверены.

Слышен гудок автомобиля.

Вот и моя машина. Я посылал Чарли с женой купить «Сторожевое». Оно у него в кармане, можете не сомневаться. Я вам даю последний шанс, Хилкрест. Я считаю вас лучшим среди здешних ископаемых, вернее — я думаю, что вы больше других можете повредить мне

в здешнем обществе. Ну, давайте руку. (*Снова протягивает руку.*)

Хилкрист. Нет, даже если бы вы купили десять «Сторожевых»! Нам не по пути, и я не желаю иметь с вами ничего общего.

Хорнблоуэр (*очень рассерженный*). Ах, вот как! Что ж, отлично. Ну, так вы сейчас кое-что услышите. Отдаете ли вы себе отчет в том, что я вас уже почти взял в кольцо? (*Медленно проводит в воздухе круг.*) Здесь мое имение «Взгорье», заводы вот здесь, а здесь «Долгие луга» и «Сторожевое», которое я только что купил; единственная связь с внешним миром остается у вас через общинные земли. Далее: между вами и общинной землей лежит шоссе. Я выхожу на это шоссе вот здесь — к северу от вас, и выйду на него здесь — к западу от вас. Когда мой новый завод в «Сторожевом» будет готов, я подведу дорогу к шоссе таким образом, что мои фургоны будут проезжать мимо вашего дома. Захочется ли вам после этого жить в своем тихом сельском уголке?

Вместо ответа Хилкрист, который рассержен до такой степени, что уже не может говорить, идет, забыв воспользоваться палкой, к стеклянной двери, ведущей на террасу; пока он там стоит спиной к Хорнблоуэру, дверь справа распаивается и входит Джил, за которой следуют Чарлз, его жена Хлоя и Ролф. Чарлз — довольно красивый молодой человек, лет двадцати восьми, в накрахмаленной манишке и гамашах. Он носит усы. Правой рукой он придерживает Хлою за талию, как бы не давая ей обратиться в бегство. Хлоя — красивая молодая женщина с темными глазами, полными, яркими губами, слегка напудренная; для деревни она, пожалуй, несколько излишне декольтирована. Ролфу, замыкающему шествие, около двадцати лет; у него открытое лицо и жесткие белобрысые волосы. Джил подбегает к отцу, стоящему у стеклянной двери. В руках у нее бутылка.

Джил (*тихо*). Посмотри-ка, папочка, я привела всю компанию. Разве это не приятный сюрприз, папа, милый? А вот и лекарство. Ох...

Воскликание вызвано догадкой, что здесь только что произошла ссора. Хилкрист натянуто кланяется, не отходя от двери. Джил стоит возле него, переводя пристальный взгляд с одного на другого, затем становится между гостями и отцом и начинает ему что-то говорить. Чарлз подошел к своему отцу, который намеренно не сдвинулся с того места, откуда он держал свою речь. Хлоя и Ролф стоят в неловком ожидании между камином и дверью.

Хорнблоуэр. Ну, Чарли?

Чарлз. Ничего не вышло!

Хорнблоуэр. Как не вышло?

Чарлз. В сущности, она уже совсем было согласилась продать за три тысячи пятьсот, как вдруг явился этот Доукер...

Хорнблоуэр. Этот буль-терьер? Но ведь он только что был здесь! Ого! Так вот оно что!

Чарлз. Я слышал, как он прискакал галопом. Ну, он тут же увел старушку в другую комнату. Что он ей там говорил, я не знаю, но вернулась она насупленная, как сова, и объявила, что подумает и что у нее другие намерения.

Хорнблоуэр. А ты ей сказал, что за ценой мы не постоим?

Чарлз. Дал ей понять.

Хорнблоуэр. Ну и что же?

Чарлз. Она считает, что лучше всего продать имение с аукциона, так как есть еще предложения. О, эта старуха — стреляный воробей! С нее только рисовать какую-нибудь старую вещунью!

Хорнблоуэр. С аукциона? Что ж, если оно еще не продано, так мы его не упустим. Проклятый коротышка Доукер! Я тут поругался с Хилкристом.

Чарлз. Я так и думал.

Они поворачиваются, чтобы посмотреть на Хилкриста. Джил выступает вперед.

Джил (*краснея, но решительно*). Это очень нехорошо с вашей стороны, мистер Хорнблоуэр.

При ее словах Ролф тоже подходит ближе.

Хорнблоуэр. Вам следует выслушать обе стороны, прежде чем говорить так, милая барышня.

Джил. Вы же дали слово и все-таки выгнали Джекменов! Тут нет никакой другой стороны.

Хорнблоуэр. Неужели? А что значат какие-то Джекмены, когда я затеял большие дела в здешних местах?

Джил. Раньше я вас защищала, теперь больше не буду.

Хорнблоуэр. О ужас! Что со мной, бедным, станется?!

Джил. Я не хочу говорить обо всем остальном — считаю ниже своего достоинства. Но выгонять людей из их домов — это низость!

Хорнблоуэр. Да не может быть!

Ролф (*внезапно*). Неужели ты это сделал, отец?

Чарлз. Замолчи, Ролф!

Хорнблоуэр (*обращаясь к Ролфу*). Вот как! Да тут, оказывается, союз молодежи! Ты, молокосос, держи язык за зубами и предоставь старшим решать, что правильно и что неправильно.

После этой резкой отповеди Ролф стоит, кусая губы. Затем он встряхивает головой.

Ролф. Это просто позор!

Хорнблоуэр (*на этот раз со злобой*). Ах так! Для тебя это позор? В таком случае можешь убираться вон из моего дома.

Джил. Свобода слова, мистер Хорнблоуэр. Не применяйте насилия.

Хорнблоуэр. Вы правы, барышня. Можешь оставаться в моем доме, Ролф, но поучись хорошим манерам. Пойдем, Чарли!

Джил (*совсем мягко*). Мистер Хорнблоуэр!

Хилкрист (*со своего места*). Джил!

Джил (*нетерпеливо*). Ну, к чему все это? Жизнь так коротка и в ней так много хорошего, стоит ли ссориться?

Ролф. Браво!

Хорнблоуэр (*смягчаясь*). Ладно, слушайте: я не потерплю бунта в своей семье. Зарубите себе на носу, что человек, который знает людей, может лучше вас судить о том, что хорошо и что плохо. За свои действия я отвечу перед богом, а не перед вами, молодые люди.

Джил. Бедный бог!

Хорнблоуэр (*искренне возмущенный*). Не богохульствуйте! (*Ролфу*.) И ты не лучше ее, вольнодумец желторотый! Я не потерплю этого.

Хилкрист (*который подошел справа*). Джил, я очень прошу тебя помолчать.

Джил. Я не могу удержаться.

Чарлз (беря Хорнблоуэра под руку). Пойдем, отец!
Не слова нужны, а дела!

Хорнблоуэр. Да, дела!

Миссис Хилкрист и Доукер входят с веранды через
стеклянную дверь.

Миссис Хилкрист. Совершенно верно.

Все оборачиваются и смотрят на нее.

Хорнблоуэр. А! Так это вы натравили на меня
своего пса. (Указывает пальцем на Доукера.) Очень
ловко! Браво!

Миссис Хилкрист (указывая на Хлою, которая
стоит отдельно, всеми забытая, и чувствует себя явно
несуотно на протяжении всей сцены). Могу ли я узнать,
кто эта дама?

Хлоя испуганно оборачивается; ее сумочка выскальзывает из ру-
ки и падает на пол.

Хорнблоуэр. Нет, сударыня, не можете, так как
вы отлично знаете.

Джил. Это я привела ее сюда, мама. (Идет к Хлое.)

Миссис Хилкрист. В таком случае будь добра
снова увести ее.

Хилкрист. Эми, не забывай, пожалуйста...

Миссис Хилкрист. Что это мой дом, посколь-
ку дело касается дам.

Джил. Мама! (Смотрит удивленно на Хлою.)

Хлоя хотела что-то сказать, но молчит, растерянно переводя сму-
щенный, испуганный взгляд с миссис Хилкрист на Доукера.

(Хлое.) Простите меня. Пойдемте.

Они выходят направо. Ролф быстро выходит за ними.

Чарлз. Вы оскорбили мою жену. Почему? Какое
вы имеете право?

Миссис Хилкрист только улыбается в ответ.

Хилкрист. Прошу извинить. Я крайне сожалею.
Нет никакого основания вовлекать в нашу ссору дам.
Ради бога, будем вести борьбу, как подобает джентльме-
нам.

Хорнблоуэр. Пустые слова! Лицемерие! Нет, Хилкрест, мы будем драться, как вы сами выразились, без перчаток и без пощады. Так что берегитесь: с сегодняшнего утра я примусь за дело всерьез, даю вам честное слово. А вы, Доукер, конечно, хитрая бестия и думаете, что очень умны, но вы еще посмотрите: «Сторожевое» будет моим. Идем, Чарли.

Они выходят и сталкиваются в дверях с возвращающейся Джил.

Хилкрест. Так как дела, Доукер?

Доукер (ухмыляясь). Пока все в порядке. Старушка решила продать «Сторожевое» с аукциона. Отговорить ее мне не удалось. Твердит, что хочет ко всем отнестись по-соседски. А попросту учуяла, что запахло деньгами.

Джил (подходя ближе). Что же это такое, мама?

Миссис Хилкрест. О чем ты?

Джил. За что ты ее оскорбила?

Миссис Хилкрест. Мне кажется, что я только попросила тебя увести ее.

Джил. Почему? Даже если она невестка этого старого паровоза!

Миссис Хилкрест. Дорогая Джил, позволь мне самой выбирать себе знакомых. (Смотрит на Доукера.)

Джил. Что в ней плохого? Многие женщины в наше время пудрятя и красят губы. По-моему, она даже мила. Она была ужасно расстроена.

Миссис Хилкрест. Чересчур расстроена.

Джил. О мама, не говори загадками! Если тебе известно что-нибудь, так выкладывай все сразу.

Миссис Хилкрест. Ты, может быть, хочешь, Джек, чтобы я «все выложила», как она выражается?

Хилкрест. Доукер, если вы разрешите...

Доукер, кивнув, выходит через стеклянную дверь.

Джил, будь почтительна и не разговаривай, как извозчик.

Джил. Нотации сейчас ни к чему, папочка! Мне было стыдно. Оскорблять в своем доме людей, которые не проронили ни слова,— это такая же... такая же наглость, как и поведение старого Хорнблоуэра.

Миссис Хилкрист. Ты не понимаешь, что говоришь.

Хилкрист. Но что ты имеешь против миссис Хорнблоуэр?

Миссис Хилкрист. Прости, но я пока предпочту не высказывать свои соображения. (*Холодно смотрит на Джил и выходит через стеклянную дверь.*)

Хилкрист. Ты очень огорчила мать, Джил.

Джил. Доукер что-то сказал ей. Я это заметила. Мне не нравится Доукер, папа: он такой вульгарный.

Хилкрист. Не всем же быть изысканными, моя дорогая. Зато у него много энергии. Ты должна извиниться перед матерью.

Джил (*встряхивая головой*). Если ты не поостережешься, папочка, они заставят тебя сделать что-нибудь такое, чего ты сам себе потом не простишь. Мама бывает ужасно жестокой, когда на кого-нибудь рассердится. Старый Хорнблоуэр в самом деле препротивный, но это еще не значит, что мы должны быть такими же.

Хилкрист. Неужели ты думаешь, что я способен... Как это мило с твоей стороны, Джил!

Джил. Нет, нет, папочка! Я только хочу торжественно предупредить тебя. Вот увидишь, что бы там мама и Доукер ни натворили, она все равно скажет, будто ты ведешь борьбу честно.

Хилкрист (*улыбаясь*). Джил, мне кажется, я никогда еще не видел тебя такой серьезной.

Джил. Верно. Потому что... (*Глодает слезы.*) Я только начала радоваться жизни... а теперь у мамы такое настроение, что все будет испорчено. Противный старик! Ох, папочка! Неужели и ты станешь противным из-за них? Ты такой милый! Как твоя подагра, лучше?

Хилкрист. Лучше, гораздо лучше.

Джил. Вот видишь! Это хороший признак! Значит, все это, может быть, еще пойдет тебе даже на пользу, но мы... мы...

Хилкрист. Послушай-ка, Джил... между тобой и молодым, как его зовут... Ролфом ничего нет?

Джил (*кусая губы*). Нет. Но... теперь все испорчено...

Х и л к р и с т. Ты ведь, надеюсь, понимаешь, что меня это не может огорчить?

Д ж и л. Но я вовсе не имела в виду нежную страсть. Просто мне нравится дружить с ним. Я так хочу, чтобы жизнь была веселой и интересной, папочка, а это невозможно, когда кругом все начинают ненавидеть друг друга. Ты тоже заразишься ненавистью, а потом и я... О, я знаю, что и я тоже!.. И все мы будем копошиться в этой мутной жиже, и у нас не будет другой мысли, кроме как «бей его!», «бей его!».

Х и л к р и с т. Разве ты не привязана к родному дому?

Д ж и л. Конечно, я люблю его.

Х и л к р и с т. Так вот, ты не сможешь в нем жить, если мы не обуздаем этого негодяя. Фабричные трубы, дым, срубленные деревья и груды горшков! Словом, всяческая мерзость и безобразие! Там, вообрази только! *(Показывает через стеклянную дверь, как будто уже видит фабричные трубы, губящие красоту полей.)* Здесь мы все родились: я, и мой отец, и дед, и прадед, и прапрадед... Они любили эти поля, эти старые деревья. А тут является какой-то варвар с планами «оживления края». Я учился ездить верхом на лугах «Сторожевого»... Нет в мире более прелестных лугов весною! А деревья! Нет дерева, на которое я бы не залезал! Ах, зачем только мой отец продал это имение! Но кто мог предвидеть?! И надо же было всему этому случиться именно тогда, когда у нас с деньгами так туго!

Д ж и л *(прижимая к себе его руку)*. Папочка!..

Х и л к р и с т. Да. Но ты не любишь этих мест так, как я, Джил. Я иногда думаю, что вы, молодежь, вообще ничего не любите.

Д ж и л. Люблю, папочка, люблю!

Х и л к р и с т. У тебя все впереди. Но ты проживешь всю жизнь и не найдешь ничего, что было бы лучше и красивее этого старого дома. Я не позволю его испортить. Я еще поборюсь. *(Сознавая, что выдал свои чувства, выходит в стеклянную дверь и идет налево.)*

Джил следует за ним до выхода на веранду и смотрит вдаль, закинув руки за голову.

Д ж и л. О... о... о!..

Голос позади нее говорит: «Джил!» Она оборачивается, отскакивает и прислоняется к правому косяку двери. Слева за дверью появляется Р о л ф.

Кто идет? Друг или враг?

Р о л ф (прислоняется к левому косяку двери). Враг... за сумочкой Хлои.

Д ж и л. Проходи, враг! Все в мире худо.

Ролф проходит в дверь, поднимает с пола сумочку, которую уронила Хлоя, и снова занимает свое место слева у стеклянной двери.

Р о л ф. Ведь для нас с вами ничего не изменится, правда?

Д ж и л. Вы сами знаете, что изменится.

Р о л ф. Грехи отцов падут на детей...

Д ж и л. До третьего и четвертого колена. Но какой грех совершил мой отец?

Р о л ф. Собственно говоря, никакого. Только я не раз говорил вам, что не понимаю, почему ваши упорно обращаются с нами, как с чужаками? Нам это не нравится.

Д ж и л. Значит, не надо было вам держаться так... я хочу сказать, что ему не надо было.

Р о л ф. Мой отец такой же человек, как и ваш; он тоже думает только о нас, о своей семье, и все его стремления добиться чего-то — все это для нас. Разве вам понравилось бы, если бы с вами поступили так, как ваша мать обошлась с Хлоей? Ваша мать задала тон, и никто не приехал к Хлое с визитом! А почему? Я считаю недостойным отталкивать от себя людей только потому, что они из «новоиспеченных», как вы это называете, и должны сами завоевывать себе положение, которое другим досталось по наследству.

Д ж и л. Это вовсе не потому, что они из «новоиспеченных», а потому... Ведь если бы ваш отец вел себя как джентльмен, с ним и обращались бы как с джентльменом.

Р о л ф. Вы думаете? Я не верю этому. Мой отец очень способный человек. Он уверен, что имеет право на некоторое влияние здесь, а между тем каждый старается унижить его. Да, да, это так. Он бесится и с еще большей решимостью добивается своего. Будьте справедливы, Джил.

Д ж и л. Я справедлива.

Р о л ф. Нет. Кроме того, при чем тут Чарли и Хлоя? И в особенности Хлоя? Ей все это очень тяжело. Отец не ожидал, что к ним будут приезжать с визитами, пока Чарли был холост, но после того, как он женился...

Д ж и л. Мне все это кажется очень мелочным.

Р о л ф. Тот, кто так рассуждает, напоминает мне... собаку на сене. Я не считал вас способной на это.

Д ж и л. Как бы вам понравилось, если бы ваш дом испортили?

Р о л ф. Я не намерен спорить с вами. Но ведь ничто не вечно. И дома не более застрахованы от перемен, чем все другое.

Д ж и л. Верно. Поэтому-то вы и пытаетесь забрать наш дом.

Р о л ф. Мы не посягаем на дом.

Д ж и л. А на дом Джекменов.

Р о л ф. Ладно! Я вижу, что вас не переубедишь. *(Поворачивается, чтобы идти.)*

Д ж и л *(когда он уже готов исчезнуть, негромко)*. Враг?

Р о л ф *(оборачиваясь)*. Да, враг.

Д ж и л. Давайте пожмем друг другу руки перед сражением.

Стоя на пороге, они пожимают друг другу руки.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бильярдная в провинциальной гостинице, превращенная в аукционный зал. Вся сцена представляет собой лишь часть помещения бильярдной. Авансцена, занимающая не особенно широкое пространство, предназначена для аукциониста. Там, ближе к правой стороне, стоит узкий стол с двумя стульями, где будут сидеть или стоять аукционист и его помощник. На этом столе, придвинутом к рампе, беспорядочно разбросаны зеленые брошюрки: это экземпляры подробной описи продающихся владений. Покупатели и прочие посетители аукционов как бы находятся в зрительном зале. Справа, рядом со столом, дверь. Вдоль задней стены две скамейки в два яруса, какие часто бывают в бильярдных, причем эти скамьи разделены дверью в середине стены, обитой дубовыми панелями. Через окно в потолке, не видимое для зрителей, на эти скамейки падают лучи сентябрьского солнца. При поднятии занавеса сцена пуста. Через заднюю дверь входят Доукер и миссис Хилкрист.

Доукер. Тут мы будем подальше от них, сударыня. Смотрите, вот старый Хорнблоуэр с Чарли. (Указывает пальцем в зрительный зал.)

Миссис Хилкрист. Аукцион начинается в три, не так ли?

Доукер. Они не начнут точно: продается только «Сторожевое». Вон там, у входа, миссис Хорнблоуэр с братом мужа. (Показывает пальцем.) Я привез из Лондона того человека, о котором вам говорил.

Миссис Хилкрист. О! А вы уверены, что это она, Доукер? Ошибка привела бы к роковым последствиям.

Доукер (кивая). Не беспокойтесь, сударыня. А вы заметили, сколько народу находит время, чтобы торчать на аукционах? Поверенный герцога тоже здесь, и я не удивлюсь, если и он ввяжется.

Миссис Хилкрист. Где вы оставили моего мужа?

Доукер. С мисс Джил во дворе. Он сейчас присоединится к вам. В случае, если я его не увижу, передайте ему, что, как только я дойду до указанной им предельной суммы, он должен высморкаться, если хочет, чтобы я шел дальше; если же он высморкается два раза, я сойду с круга. Надеюсь, этого не случится. Старый Хорнблоуэр не любит швырять деньги на ветер.

Миссис Хилкрист. До какой суммы вы идете?

Доукер. До шести тысяч.

Миссис Хилкрист. Огромные деньги! Желаю вам удачи, Доукер!

Доукер. И я вам, сударыня. А пока пойду займусь этим дельцем насчет миссис Хлой. Не беспокойтесь, так или иначе, мы их утопим. (*Подмигивает, прикладывает палец к носу и выходит.*)

Миссис Хилкрист поднимается по двум ступенькам, садится слева от двери и вооружается лорнетом. Через дверь позади нее проходят Хлоя и Ролф. Хлоя жестом просит его уйти и закрывает дверь.

Хлоя (*у ступенек, в проходе*). Миссис Хилкрист!

Миссис Хилкрист (*слегка вздрогнув*). Простите?

Хлоя (*повторяет*). Миссис Хилкрист...

Миссис Хилкрист. Что вам угодно?

Хлоя. Я ведь вам ничего плохого не сделала.

Миссис Хилкрист. Разве я говорила что-нибудь подобное?

Хлоя. Нет, но вы поступаете так, будто я вас обидела.

Миссис Хилкрист. Мне кажется, я вообще еще никак не поступала... пока. Вы для меня существуете голько постольку, поскольку принадлежите к этой семье.

Хлоя. Но это же не я хочу испортить вашу усадьбу.

Миссис Хилкрист. Тогда остановите их. Я вижу, что ваш муж здесь, вместе со своим отцом,

Х л о я. Я... я пыталась.

Миссис Хилкрис т (смотрит на нее). О, понимаю: такие люди не обращают внимания на просьбы женщин.

Х л о я (негодующе). Я люблю своего мужа, и я...

Миссис Хилкрис т (невозмутимо глядя на нее). Я не совсем понимаю, почему вы вступили со мной в разговор?

Х л о я (грустно). Я только думала, что, может быть, вы признаете, что я тоже человек.

Миссис Хилкрис т. Право, если вы не возражаете, я предпочла бы остаться одна.

Х л о я (покорно). Да, да, пожалуйста! Я перейду на тот край. (Идет направо, поднимается по ступенькам и садится.)

Р о л ф выглядывает из двери и, увидев, где Хлоя, подходит к ней. Миссис Хилкрис т пересаживается несколько подальше на левую сторону.

Р о л ф (бросив взгляд на миссис Хилкрис т, нагибается к Хлое). Как ты себя чувствуешь?

Х л о я. Ужасно жарко. (Обмахивается программой аукциона.)

Р о л ф. Вот Доукер. Ненавижу этого типа.

Х л о я. Где?

Р о л ф. Вон там, видишь? (Показывает пальцем на правую сторону зрительного зала, если смотреть со сцены.)

Х л о я (откидываясь назад, испуганно вскрикивает). Ах!

Р о л ф (не замечая). Кто это рядом с ним, смотрит сюда?

Х л о я. Не знаю. (Продолжая обмахиваться, старается закрыть программой лицо.)

Р о л ф (глядя на нее). Тебе дурно? Принести воды? (Хлоя кивает, и он встает.)

Когда Ролф подходит к двери, появляются Хилкрис т и
Д ж и л.

Хилкрис т проходит мимо него, рассеянно кивает ему и садится
возле жены.

Д ж и л (Ролфу). Пришли посмотреть, как нас выживут из нашего дома?

Р о л ф (выразительно). Нет. Я озабочен состоянием Хлои: ей нездоровится.

Д ж и л (глядя на Хлою). Простите, но, может быть, ей не следовало приходить?

Ролф не достаивает ее ответа и уходит. Джил смотрит на Хлою, затем переводит взгляд на родителей, которые разговаривают вполголоса, и садится рядом с отцом; тот подвигается, чтобы дать ей место.

Миссис Хилкрист. Доукера тебе видно оттуда, Джек?

Хилкрист кивает.

Который час?

Хилкрист. Без трех минут три.

Джил. А у тебя мурашки по спине не бегают, папочка?

Хилкрист. Бегают.

Джил. А у тебя, мама?

Миссис Хилкрист. Нет.

Джил. Пока мы стояли во дворе, проехал фургон с горшками старого Хорнблоуэра. Это — плохое предзнаменование.

Миссис Хилкрист. Не говори глупостей, Джил.

Джил. Взгляните только на эту старую скотину. Папочка, держи меня за руку.

Миссис Хилкрист. Посмотри, есть ли у тебя платок, Джек.

Хилкрист. Шесть тысяч — это предел. Мне и так придется перезаложить имение. Это грозит нам полным разорением, Эми. (Вытягивает из бокового кармана край носового платка.)

Джил. О! Смотрите! Вон там, в глубине, мисс Маллинз; она только что вошла. Настоящая старая паучиха, правда?

Миссис Хилкрист. Пришла позлорадствовать. Право, это возмутительно, что она отказалась продать «Сторожевое» тебе. Ее беспристрастие — чистейшее лицемерие.

Хилкрист. Не могу порицать ее за желание получить побольше — такова человеческая природа. Фу! Я чувствую себя, как в школе перед экзаменом. Кто это рядом с Доукером?

Джил. Какой-то подозрительный субъект!
Миссис Хилкрисст (про себя). О да!

Ее глаза скользят по Хлое, которая, съежившись, неподвижно сидит на своем месте и медленно обмахивается программой аукциона.

Джек, подойди и предложи ей мою нюхательную соль.

Хилкрисст (беря флакон). Слава богу! Первое проявление человечности...

Миссис Хилкрисст (растерявшись). О, я...

Джил (быстро взглянув на мать, выхватывает соль). Я пойду. (Подходит к Хлое с солью.) Понюхайте, вы ужасно бледны.

Хлоя (поднимает глаза, испуганно). Ах, нет, спасибо. Я совсем здорова.

Джил. Нет, понюхайте! Вам станет легче.

Хлоя берет соль.

Можно я посмотрю. (Берет у нее из рук программу и углубляется в чтение.)

Хлоя закрывает нижнюю часть лица рукой и флаконом с нюхательной солью.

Ужасно жарко, не правда ли? Вы лучше оставьте флакон у себя.

Хлоя (ее темные глаза тревожно блуждают). Ролф принесет мне воды.

Джил. Почему вы не уйдете? Вы ведь не хотели приходить, не правда ли?

Хлоя качает головой.

А вот и ваша вода. (Отдает программу и возвращается на свое место с гордо поднятой головой, обходя Ролфа.)

Миссис Хилкрисст, следившая как за Хлоей с Джил, так и за Доукером с его приятелем, делает рукой вопросительный жест, но получает разочаровывающий ответ.

Который час, папочка?

Хилкрисст (смотря на свои часы). Три минуты четвертого.

Джил. О черт!..

Хилкрисст. Джил!

Джил. Прости меня, папочка. Я только подумала вслух. Смотри! Вот он идет! Фу, какой...

Миссис Хилкрист. Ш-ш!

Справа входит аукционист и идет к столу. Это коренастый, низенький, вульгарного вида человек с загорелым лицом, короткими седыми волосами, похожими на шапку, и подстриженными седыми усами. Веки так низко опускаются на его зоркие глаза, что он может глядеть на вас и вы не догадываетесь, что он на вас смотрит. Он часто улыбается, но улыбка кажется совершенно чужой на его лице. Однако когда надбавки идут туго, несколько обиженное выражение его лица доказывает, что и он живой человек, а не просто аукционист. Он охотно перемигивается с кем угодно. Одет в табачного цвета костюм с расстегнутой донизу жилеткой и в сорочку с низким отложным воротничком; черный с белым галстук завязан морским узлом. Пока он приводит в порядок свои бумаги, Хилкристы усаживаются; в их движениях чувствуется некоторая напряженность. Хлоя выпила воды и снова откинулась назад, прикладывая нюхательную соль к носу. Ролф, сидя рядом с ней, наклонился вперед и искоса поглядывает на Джил. Седобородый поверенный усаживается рядом с аукционистом.

Аукционист (*стука по столу*). Прошу извинить, но должен разочаровать вас, джентльмены. Сегодня могу предложить вам лишь одно название, занесенное в проспект под номером первым, — «Сторожевое» в «Глубоких водах». Второе, которое здесь значит, снято с аукциона. Третье — «Хижины» — чрезвычайно привлекательное владение, большой жилой дом и земельные угодья в приходе Кенвей, но мы займемся им на будущей неделе. Я буду счастлив продать его вам тогда без всяких оговорок. (*Снова просматривает программу, давая публике время освоиться с тем, что он сказал.*) Итак, господа, как сказано, в продажу поступает только одно имение. Земельная собственность номер первый! Завидные угодья, где разводят злаки и скот и где имеется прекрасный парк, — угодья, известные под названием «Сторожевое», в «Глубоких водах», единственное в своем роде имение, первосортная оказия для первосортной публики. (*С улыбкой.*) Одно это имение должно принести ту сумму, которую мы рассчитывали выручить за все три. Теперь, если нет возражений, прослушайте условия продажи. Мистер Блинкард зачитает их. Вы не успеете утомиться: они очень кратки. (*Садится и дважды стучит по столу деревянным молотком.*)

Поверенный встает и бубнит условия продажи так невнятно, что фактически никто ничего не может разобрать. В тот момент, когда он начинает читать, сзади входит Чарлз Хорнблоуэр. Он

приостанавливается, поглядывает на Хилкристов, покручивая усы, затем направляется к жене и трогает ее за плечо.

Чарлз. Хлоя, ты нездорова?

Хлоя вздрагивает от неожиданности, и при этом ее лицо полностью открывается взорам публики.

Уйдем подальше от этих людей. (*Указывает кивком на Хилкристов.*)

Хлоя бросает быстрый взгляд в правую, если смотреть со сцены, часть зрительного зала.

Хлоя. Нет, я здорова. Там еще жарче.

Чарлз (*Ролфу*). Хорошо, присмотри за нею, я должен вернуться туда.

Ролф кивает. Чарлз пробирается обратно к двери, взглядывая мельком на Хилкристов. Миссис Хилкрист следила за ними, как рысь. Чарлз выходит как раз в ту минуту, когда поверенный, окончив чтение, садится.

Аукционист (*вставая и стуча*). Итак, господа, не часто поступает в продажу такой кусок земли. Что, что? (*Прителю, сидящему напротив него.*) В «Глубоких водах» нет лучшей земли? Это верно, мистер Спайсер!.. Превосходнейшая местность, доложу я вам. Но я не хочу утомлять вас, воздавая хвалы этому владению. Вот оно перед вами, обеспеченное водой, с достаточным количеством леса,— никаких оговорок в отношении леса, господа; никакой аренды, которая бы стесняла вас, можете хоть завтра делать с имением все, что вам угодно. Кроме того, вы получаете настоящее сокровище в смысле местоположения. Имение лежит между поместьем герцога и имением сквайра Хилкриста — подлинный зеленый остров. (*С улыбочкой.*) Нет, нет и никакого намека на Ирландию, господа,— в этом имении царит полный мир. Во всем нашем графстве нет ничего подобного: поистине дворянское имение, какое не всякий день купишь. (*Смотрит в зал налево, на Хорнблоуэра.*) Вместе с имением вы получаете права на недра, а как вам, возможно, известно, там есть весьма ценная глина. С какой цены начинать? Скажем, три тысячи? Ну, давайте любую цену, какую вам угодно предложить. Я не гордый. Начинайте, у вас, я надеюсь, больше времени, чем у меня. Двести акров

первоклассной земли под пахоту и выгоны с участком для застройки, не имеющим себе равного во всем графстве. Итак, какую цифру назвать?

Предложение от Спайсера.

Две тысячи. (*С улыбочкой.*) Не обижайтесь, мистер Спайсер, но ведь этих денег стоит один только вид с холма на герцогские земли. За две тысячи?

Предложение от Хорнблоуэра слева.

И пятьсот. Благодарю вас, сэр. Предлагают две тысячи пятьсот. (*Прителю, сидящему подле него.*) Поторопитесь, мистер Сенди, а то проморгаете.

Предложение от Доукера справа.

И пятьсот. Уже предлагают три тысячи за это завидное имение. А вы что, как будто не согласны? Ну же, господа! Больше воодушевления!

Незначительная пауза.

Джил. Папочка, я не понимаю, кто набавляет.

Хилкрист. Последним был Доукер.

Аукционист. Три тысячи (*Хорнблоуэру*). Три тысячи пятьсот? Могу я сказать четыре?

Предложение из центра.

Ну что ж, я не гордый, принимаю и сотни. Предлагают три тысячи шестьсот. (*Хорнблоуэр набавляет*). И семьсот. Три тысячи семьсот и... (*Делает паузу, взглядываясь в зрительный зал.*)

Джил. Кто это предложил, папочка?

Хилкрист. Хорнблоуэр. Видишь, там в центре,— это герцог.

Аукционист. Не медлите, господа, не задерживайте меня на целый день. Могу я сказать четыре тысячи? (*Доукер набавляет.*) И триста? Предложено четыре тысячи триста. Во всем графстве нет второго такого участка, господа. Я хочу продать эту землю за настоящую цену. Сколько бы вы ни предложили, цена не покажется мне слишком высокой. (*Улыбается. Хорнблоуэр набавляет.*) Предлагают четыре тысячи пятьсот.

Предложение из центра.

И шестьсот. (*Доукер набавляет.*) И семьсот. (*Хорнблоуэр набавляет.*) И восемьсот. Можно объявить: девятьсот?

Центр молчит. Доукер набавляет.

Аукционист. И девятьсот. (*Хорнблоуэр набавляет.*) Пять тысяч. Предлагают пять тысяч. Так-то лучше. Это уже похоже на дело. Пять тысяч. (*Умолкает. Потом обменивается несколькими словами с поверенным.*)

Хилкрист. Теперь начинается дуэль.

Аукционист. Итак, господа, я не собираюсь отдавать это владение даром. Есть предложение — пять тысяч. (*Доукер набавляет.*) И сто. (*Хорнблоуэр набавляет.*) И двести. (*Доукер набавляет.*) И триста. Предлагаю пять тысяч триста. Вы сказали, и пятьсот, сэр? (*Хорнблоуэр набавляет.*) Предложенная цена — пять тысяч пятьсот. (*Разглядывает свои бумаги.*)

Джил. (*в сильном возбуждении*). Враг наступает, папочка!

Аукционист. Такой случай может не повториться. «Как ты застонешь, коль проворонишь!» — сказал поэт. Вы позволите назвать цену в пять тысяч шестьсот, сэр? (*Доукер набавляет.*) И восемьсот. Пять тысяч восемьсот фунтов. Мы подвигаемся, но пока еще не достигли настоящей стоимости. (*Незначительная пауза, пока он вытирает вспотевший лоб.*)

Джил. Это мы предложили, папочка?

Хилкрист кивает головой. Джил бросает взгляд на Ролфа, лицо которого мрачно застыло. Хлоя сидит неподвижно. Миссис Хилкрист шепчет что-то своему мужу.

Аукционист. Предлагаемая сумма — пять тысяч восемьсот, пять тысяч восемьсот. Поживей, господа, поэнергичнее! Мы еще не сдаемся. Благодарю вас, сэр. (*Хорнблоуэр набавляет.*) Пять тысяч девятьсот. (*Доукер набавляет.*) Шесть тысяч. Цена — шесть тысяч. Дают шесть тысяч. Шесть тысяч! «Сторожевое» — самое завидное имение в графстве — идет за низкую цену в шесть тысяч.

Хилкрист (*бормочет*). Низкая! Бог мой!

Аукционист. Будет какая-нибудь надбавка к шести тысячам? Предлагайте, господа, разве мы уже вы-

дохлись? Побольше воодушевления! Шесть тысяч? За шесть тысяч? За шесть тысяч фунтов? Очень хорошо, я продаю. Шесть тысяч раз... (Ударяет.) Шесть тысяч два... (Ударяет.)

Джил (тихо). О, теперь оно наше!

Аукционист. (Хорнблоуэр набавляет.) И сто, сэр? Предложенная цена — шесть тысяч сто.

Поверенный дотрагивается до его руки и говорит ему что-то, на что аукционист отвечает кивком головы.

Миссис Хилкрист. Сморкайся, Джек.

Хилкрист сморкается.

Аукционист. Шесть тысяч сто. (Доукер набавляет.) И двести? Благодарю вас. (Хорнблоуэр набавляет.) И триста. Шесть тысяч триста. (Доукер набавляет.) И четыреста. За шесть тысяч четыреста фунгов. Такое завидное поместье! За шесть тысяч четыреста фунгов? Это же даром, господа!

Пауза.

Миссис Хилкрист. Даром!

Аукционист. Предложенная цена — шесть тысяч четыреста. (Хорнблоуэр набавляет.) И пятьсот. (Доукер набавляет.) И шестьсот. (Хорнблоуэр набавляет.) И семьсот. (Доукер набавляет.) И восемьсот.

Пауза, во время которой через правую дверь кто-то манит к себе поверенного; поверенный встает и уходит.

Хилкрист (бормочет). Больше я набавлять не могу.

Аукционист. Шесть тысяч восемьсот, шесть тысяч восемьсот... Раз... (Ударяет.) Два... (Ударяет.) Последний раз. Это — великолепное поместье... (Хорнблоуэр набавляет.) И сто. Благодарю вас, сэр. Шесть тысяч девятьсот.

Хилкрист вынимает носовой платок.

Джил. Ой, папочка!

Миссис Хилкрист (она дрожит). Продолжай.

Аукционист. Могу я назвать семь тысяч? (Доукер набавляет.) Семь тысяч!

Миссис Хилкрис т (шепотом). Убери платок! Не показывай ему платок!

Аукционист. За семь тысяч. Продается за семь тысяч. Раз... (Ударяет.) Два... (Ударяет. Хорнблоуэр набавляет.) И сто. Благодарю вас, сэр.

Хилкрис т сморкается. Джил, задыхаясь, откидывается назад и прижимает руки к груди. Миссис Хилкрис т сидит совершенно неподвижно и только проводит платком по губам. Хилкрис т также недвижим. Аукционист умолкает. Затем говорит о чем-то с поверенным, который вернулся на свое место.

Миссис Хилкрис т. О Джек!

Джил. Не сдавайся, папочка, не сдавайся!

Аукционист. Итак, господа, за «Сторожевое» предложено семь тысяч сто. И я получил инструкцию продать, если не смогу получить больше. Это хорошая цена, но не большая цена. (Своему приятелю, мистеру Спайсеру.) Что? Сногшибательная цена? (С улыбочкой.) Хорошо, я допускаю, что вы знаток по части сшибания с ног. Ну, а кто даст мне семь тысяч двести? Как, никто? Конечно, я не могу вас принуждать, господа. Семь тысяч сто. Раз... (Ударяет.) Два... (Ударяет.)

Джил издает слабый стон.

Хилкрис т (внезапно, сдавленным голосом). Двести.

Аукционист (удивленный, оборачивается и взглядывает на Хилкрис та, тот кивает). Благодарю вас, сэр. И двести. Семь тысяч двести. (Поворачивается кругом таким образом, чтобы в его поле зрения были и Хилкрис т и Хорнблоуэр.) Могу я услышать ваше слово, сэр? (Хорнблоуэр набавляет.) И триста. (Хилкрис т набавляет.) И четыреста. Семь тысяч четыреста. За семь тысяч четыреста. (Хорнблоуэр набавляет.) Пятьсот. (Хилкрис т набавляет.) Шестьсот. Семь тысяч шестьсот. (Пауза.) Ну, джентльмены, это уже лучше, но редкостное имущество требует и редкостной цены. Возможности огромны. (Хорнблоуэр набавляет.) Вы сказали, восемь тысяч, сэр? Восемь тысяч. Идет за восемь тысяч фунтов. (Хилкрис т набавляет.) И сто. (Хорнблоуэр набавляет.) И двести. (Хилкрис т набавляет.) И триста. (Хорнблоуэр набавляет.) И четыреста. (Хилкрис т набавляет.) И пять-

сот. Восемь тысяч пятьсот! Изумительное имение за восемь тысяч пятьсот! (*Вытирает лоб.*)

Джил (*шепотом*). О папочка!

Миссис Хилкрест. Довольно, Джек, когда-нибудь надо же остановиться.

Аукционист. Восемь тысяч пятьсот. Раз... (*Ударяет.*) Два... (*Ударяет.*) (*Хорнблоуэр набавляет.*) Шестьсот. (*Хилкрест набавляет.*) Семьсот. Можно узнать вашу цену, сэр? (*Хорнблоуэр набавляет.*) Восемьсот.

Хилкрест. Девять тысяч.

Миссис Хилкрест смотрит на него, кусая губы, но он уже ничего не замечает.

Аукционист. Девять тысяч за это удивительное имение? Да ведь герцог заплатил бы эту сумму, если бы сообразил, что его поместьем будут любоваться даром. (*Хорнблоуэру.*) Итак, сэр?

Никакого ответа.

Девять тысяч. «Сторожевое» в «Глубоких водах» за девять тысяч. Раз... (*Ударяет.*) Два... (*Ударяет.*)

Джил (*чуть слышно*). Наше!

Голос (*издалека, сзади в центре*). И пятьсот.

Аукционист (*с удивлением протягивая руку в направлении голоса*). И пятьсот. За девять тысяч пятьсот. Позвольте услышать вашу цену, сэр? (*Смотрит на Хорнблоуэра.*)

Никакого ответа. Поверенный говорит с аукционистом.

Миссис Хилкрест (*шепотом*). Это, наверное, опять герцог.

Хилкрест (*проводя рукой по лбу*). Все равно кто... лишь бы Хорнблоуэр отступился.

Аукционист (*глядя на Хилкреста*). Девять тысяч пятьсот?

Хилкрест качает головой.

Еще раз, «Сторожевое» в «Глубоких водах» за девять тысяч пятьсот. Раз... (*Ударяет.*) Два... (*Ударяет, выжидает и смотрит снова на Хорнблоуэра и Хилкреста.*) В последний раз... за девять тысяч пятьсот. (*Ударяет и смотрит в сторону предложившего цену.*) Продано ми-

стеру Смолли! (С большим удовольствием.) Ну вот и конец. На сегодня все, господа!

Аукционист и поверенный разбирают бумаги. Комната начинает пустеть.

Миссис Хилкрист. Смолли? Смолли? Это поверенный герцога, Джек?

Хилкрист (выходя из оцепенения, охватившего его после испытанного возбуждения). Что? Что такое?

Джил. О папочка! Ты держался великолепно!

Хилкрист. Уф! Благополучно выскочил! Я перешел все пределы! Счастье, что герцог снова вмешался.

Миссис Хилкрист (смотря на Ролфа и Хлою, которые встают, собираясь уйти). Будь осторожен, они могут тебя услышать. Разыщи Доукера, Джек.

Аукционист и поверенный забирают свои бумаги и направляются к выходу. Хилкрист встает, потягиваясь, словно отдыхая после огромного нервного напряжения. Дверь сзади открывается, и появляется Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Ну и цену вы мне нагнали! Набавляли-то вы очень смело, Хилкрист. Но до моего предела вы все же не дошли.

Хилкрист. Как это не дошел? Ведь герцог перекрыл именно мои девять тысяч. Благодарение богу, «Сторожевое» попало в руки настоящего джентльмена.

Хорнблоуэр. Герцог? (Смеется.) Нет. «Сторожевое» не попало ни к джентльмену, ни к дураку. Оно перешло ко мне.

Хилкрист. Что?

Хорнблоуэр. Жаль мне вас, но не вам обделывать такие дела. Что ж, это чудовищная цена, но мне пришлось ее заплатить из-за вашего упрямства. Я этого не забуду, когда начну строиться.

Хилкрист. Значит, эту цену предложил ваш поверенный?

Хорнблоуэр. Ну, разумеется. Я же вас предупреждал: я опасный противник. Может быть, вы теперь поверите.

Хилкрист. Какой грязный прием!

Хорнблоуэр (ядовито). Как это вы сами выразились? Без перчаток? Вспомните: ведь мы деремся без перчаток!

Хилкрист (сжимая кулаки). Если бы мы были моложе...

Хорнблоуэр. Э! Вот было бы красиво, если бы мы в самом деле дошли до кулаков. Предоставим драться молодежи. (*Взглядывает мельком на Ролфа и Джил. Вдруг выставляя свой палец в направлении Ролфа.*) Брось ухаживать за этой барышней! Все вижу. А вы, мисс, оставьте моего сына в покое.

Джил (страстно). Папочка, можно мне плюнуть ему в глаза или сделать что-нибудь в этом роде?

Хилкрист. Сядь.

Джил садится.

(*Становится между нею и Хорнблоуэром.*) Вы выиграли этот раунд нечестным приемом, сэр. Мы еще посмотрим, чего вы этим добьетесь. Я верю, что закон воспрепятствует порче моего владения.

Хорнблоуэр. Не утруждайте себя напрасно: закон здесь бессилен. Я накинул вам петлю на шею, и теперь я вас удавлю.

Миссис Хилкрист (внезапно). Мистер Хорнблоуэр, раз вы ведете борьбу не по правилам, так же поступим и мы.

Хилкрист. Эми!

Миссис Хилкрист (не обращая внимания). И по отношению к вам и всем вашим это не будет нечестной игрой. Вы стоите за чертой.

Хорнблоуэр. Вот именно — как раз за вашей чертой. Ваша черта теперь замкнута мною. Вам недолго осталось жить в «Глубоких водах», сударыня. Начинайте готовиться к отъезду. Через полгода вас здесь не будет, помяните мое слово. И вся округа будет рада избавиться от вас.

Все они теперь стоят внизу.

Хлоя (внезапно подходя ближе к миссис Хилкрист). Вот ваша соль, благодарю вас. Отец, не можете ли вы...

Хорнблоуэр (удивленно). Не могу ли я? Что дальше?

Хлоя. Не можете ли вы прийти к соглашению?

Миссис Хилкрист. Вот именно, мистер Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр (смотря то на одну, то на другую). Если уж разговор пошел начистоту, сударыня, то как раз ваше поведение по отношению к моей невестке, которая ничем не хуже вас, а, по-моему, даже лучше, и заставило меня купить «Сторожевое». Это вы довели меня до белого каления. А теперь уже говорить не о чем: пустая трата времени. Это очень, очень великодушно с твоей стороны, Хлоя, однако пойдем!

Миссис Хилкрист. Серьезно, мистер Хорнблоуэр, вам следует пойти на соглашение.

Хорнблоуэр. Миссис Хилкрист, дамам лучше заниматься своими делами.

Миссис Хилкрист. Я и собираюсь заняться своим делом.

Хилкрист. Эми, предоставь это нам, мужчинам. (Обращается к Ролфу.) А вы, молодой человек, оправдываете сегодняшнюю проделку вашего отца?

Джил смотрит на Ролфа, тот уже собирается заговорить, но тут вмешивается Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Мою проделку? А как вы назовете попытку восстановить против меня моего сына?

Джил (Ролфу). Ну?

Ролф. Я не оправдываю, но...

Хорнблоуэр. Проделка? Ты, щенок, помолчи! У мистера Хилкриста был агент, который торговался за него... И я тоже поручил агенту торговаться за меня. Разница только в том, что его агент набавлял цену вначале, а мой в конце. Какая же это проделка? (Смеется.)

Хилкрист. Безнадежно: мы живем в разных мирах.

Хорнблоуэр. Ей-богу, мне хотелось бы, чтобы это было так! Идем, Хлоя, а ты, Ролф, иди следом да не отставай. Через полгода в «Сторожевом» поднимутся фабричные трубы, и мои фургоны будут огибать вашу усадьбу!

Миссис Хилкрист. Мистер Хорнблоуэр, если вы постройте...

Хорнблоуэр (глядя на миссис Хилкрист). Ну, знаете, это уж смешно. Вы заставили меня заплатить девять тысяч пятьсот за клочок земли, который не стоит и четырех, и думаете, что я не отыграюсь на вас. Да я бу-

ду обращать на вас не больше внимания, чем на гнездо тараканов. Честь имею!

Р о л ф. Отец!

Д ж и л. О папочка, он просто мерзок!

Х и л к р и с т. Мистер Хорнблоуэр, примите мои поздравления.

Хорнблоуэр, бросив удивленный взгляд на полуулыбающееся лицо Хилкрита, берет под руку Хлою и почти силком тащит ее к двери направо. В дверях появляются Доукер и незнакомец. Они слегка сторонятся, чтобы дать дорогу входящим, и смотрят на Хлою, которая отшатывается и едва не падает.

Х о р н б л о у э р. Хлоя, что с тобой?

Х л о я. Не знаю, мне сегодня нездоровится. (С трудом берет себя в руки.)

М и с с и с Х и л к р и с т (обменивается кивком с Доукером и незнакомцем). Мистер Хорнблоуэр, вы строите на погибель себе. Предостерегаю вас.

Х о р н б л о у э р (оборачиваясь). Вы считаете себя очень хладнокровной и ловкой. Да только сегодня вы, пожалуй, в первый раз, хотя, может статься, не в последний, столкнулись с жизнью. Я же ее хорошо знаю. Не говорите о грозящей мне гибели, сударыня, и тому подобной ерунде, это не произведет на меня никакого впечатления. Ваш муж назвал меня толстокожим. Впрочем, имея дело с людьми вашего сорта, быть толстокожим даже полезно. Прощайте. (Увлекает Хлою вперед.)

Они выходят, за ними быстро следует Р о л ф.

М и с с и с Х и л к р и с т. Благодарю вас, Доукер. (Подходит к Доукеру и незнакомцу.)

Они беседуют.

Д ж и л. Папочка! Это ужасно!

Х и л к р и с т. Да, но сейчас ничего другого не остается, как только улыбаться и, так сказать, платить по счету. Бедный старый дом! Он превратит его в помойную яму, а «Сторожевое» придавит своим башмаком. Ей-богу, Джил, я готов заплакать.

Д ж и л (показывая). Смотри! Хлоя присела. Она сейчас чуть-чуть не упала в обморок. Здесь определенно замешан Доукер и этот человек тоже. Посмотри на маму! Спроси их!

Хилкрист. Доукер!

Доукер в сопровождении миссис Хилкрист подходит к нему.

Что это за тайна вокруг молодой миссис Хорнблоуэр?

Доукер. Тайны никакой нет.

Хилкрист. Хорошо, но что же это такое?

Миссис Хилкрист. Лучше бы ты не спрашивал.

Хилкрист. Я хочу знать.

Миссис Хилкрист. Джил, выйди и подожди нас.

Джил. Глупости, мама!

Миссис Хилкрист. Это не для ушей молодой девушки.

Джил. Вздор! Ведь я каждый день читаю газеты.

Доукер. Во всяком случае, это нисколько не хуже того, что вы там можете вычитать.

Миссис Хилкрист. Ты хочешь, чтобы твоя дочь...

Джил. Смешно, папочка, можно подумать, что мама в моем возрасте...

Миссис Хилкрист. Я не кичилась своей осведомленностью.

Джил. Но все-таки, дорогая мамочка, ты была осведомлена...

Хилкрист. Но что все это значит? Что это значит? Идите сюда, Доукер.

Доукер подходит к нему и говорит шепотом.

Что?!

Доукер повторяет.

Боже мой!

Миссис Хилкрист. Вот именно!

Джил. Бедняжка! Что бы там ни было...

Миссис Хилкрист. Бедняжка?

Джил. Что с ней было раньше, мама?

Миссис Хилкрист. По счастью, для нас важно только то, что будет потом.

Хилкрист. Откуда вы все это знаете?

Доукер. Мой приятель (указывает на незнакомца) был одним из агентов.

Хилкрист. Это отвратительно. Очень сожалею, что мне пришлось узнать об этом.

Миссис Хилкрист. Я говорила, что тебе незачем знать.

По знаку Доукера незнакомец присоединяется к ним.

Вы уверены в том, что утверждаете, сэр?

Незнакомец. Абсолютно. Я помню ее очень хорошо. Тогда ее звали...

Хилкрист. Я не хочу знать, благодарю вас. Я, право, сожалею. Злейшему своему врагу я б не пожелал, чтобы такие сведения о женщине из его семьи стали кому-нибудь известны. Это не должно быть предметом разговора.

Джил прижимается к его руке в знак одобрения.

Миссис Хилкрист. Его не будет, если мистер Хорнблоуэр проявит благоразумие. Если нет, придется поговорить.

Хилкрист. А я заявляю: нет, Эми. Я не желаю. Это — грязное оружие. Кто притронется к дегтю, тот замарается сам.

Миссис Хилкрист. Ну, а какое оружие он применяет против нас? Не будь донкихотом. Возможно, им и так уже все известно, а если нет, то пусть узнают правду. Как бы там ни было, в этом наше спасение, и мы должны им воспользоваться.

Джил (вполголоса). Деготь, папочка, деготь!

Доукер. Достаточно будет одной угрозы! Ведь он же мировой судья... член пресвитерианской церкви... будущий кандидат в парламент!..

Хилкрист (с сомнением). Использовать компрометирующие сведения о женщине... это гнусно. Я... я на это не пойду.

Миссис Хилкрист. Если бы твой сын был обманом вовлечен в женитьбу на такой женщине, захотел бы ты оставаться в неведении?

Хилкрист (пораженный). Не знаю... Не знаю...

Миссис Хилкрист. Во всяком случае, ты предпочел бы располагать сведениями, которые дали бы тебе возможность помочь ему в случае необходимости.

Хилкрист. Да... так... может быть...?

Миссис Хилкрист. Значит, ты согласен, что следует сказать об этом мистеру Хорнблоуэру? Как он поступит, когда узнает, не наше дело.

Хилкрист (*незнакомцу и Доукеру*). Отдаете вы себе отчет в том, что подобная инсинуация может послужить основанием для возбуждения дела о клевете?

Незнакомец. Совершенно верно. Но сомнения нет. Ни тени сомнения! Вы видели, что с ней только что было?

Хилкрист. Да. (*Возмущаясь снова.*) Нет, мне это противно!

Доукер отводит незнакомца в сторону и разговаривает с ним.

Миссис Хилкрист (*тихим голосом*). А гибель нашего дома? Ты предаешь своих предков, Джек.

Хилкрист. Втягивать в это дело женщину? Сама мысль об этом мне невыносима.

Миссис Хилкрист. Зачем же! Если кто-нибудь и втянет ее, так только сам Хорнблоуэр.

Хилкрист. Да, но мы используем для этого ее тайну, как рычаг.

Миссис Хилкрист. Я тебе говорю совершенно ясно: я буду молчать только при условии, если ты согласишься поставить в известность Хорнблоуэра. Такая женщина в нашей округе — это позор.

Джил. Мама так и сделает, отец.

Хилкрист. Джил, помолчи. Мне очень тяжело. Не знаю, на что и решиться.

Миссис Хилкрист. Ты должен воспользоваться полученными сведениями. Ты обязан сделать это ради меня... ради всех нас... По здравому размышлению ты и сам придешь к тому же выводу.

Джил (*тихо*). Деготь, папочка, деготь!

Миссис Хилкрист (*в бешенстве*). Джил, замолчи!

Хилкрист. Я был воспитан в правилах, запрещающих оскорблять женщину... Я не могу, Эми, не могу сделать этого. Я перестану после этого чувствовать себя джентльменом.

Миссис Хилкрист (*холодно*). Ну что ж, очень хорошо!

Хилкрист. Что ты хочешь этим сказать?

Миссис Хилкрист. Я использую эти сведения сама.

Хилкрист (смотря пристально на нее). Против моего желания?

Миссис Хилкрист. Я считаю это своим долгом.

Хилкрист. А если я дам согласие на то, чтобы сообщить их Хорнблоуэру?

Миссис Хилкрист. Я только этого и прошу.

Хилкрист. Это максимум, на что я соглашусь, Эми, и не надо лицемерных ссылок на моральный долг. Мы делаем это, чтобы спасти свою шкуру.

Миссис Хилкрист. Не понимаю, при чем тут лицемерие.

Джил. Вот это и есть лицемерие, мама.

Хилкрист. И дальше Хорнблоуэра это не должно идти. Ты понимаешь меня?

Миссис Хилкрист. Вполне.

Джил. А вдруг это пойдет дальше?

Миссис Хилкрист. Джил, если ты не можешь обойтись без дерзостей...

Хилкрист. Джил, пойдем со мной... (Поворачивается к двери.)

Джил. Извини, мама. Но все-таки это драка без перчаток.

Миссис Хилкрист. Ты гордишься прямоотой своих высказываний, Джил. Я же горжусь прямоотой мыслей. Потом ты будешь меня благодарить за то, что я прямо смотрю в глаза действительности. Я знаю, мы лучше этих Хорнблоуэров, и здесь останемся мы, а не они!

Джил (смотря на нее с невольным восхищением). Мама, ты изумительна.

Хилкрист. Джил!

Джил. Иду, папочка! (Поворачивается и бежит к двери.)

Они выходят; миссис Хилкрист с глубоким вздохом гордо выпрямляется.

Миссис Хилкрист. Доукер!

Доукер подходит к ней.

Я пошлю ему сегодня записку, составленную так, что он непременно придет к нам завтра утром. А вы сумеете прийти к нам с этим господином ровно к одиннадцати?

Доукер (кивая). Мы хотим телеграфировать его компаньону. Я приведу и его. Для верности, знаете.

Она поднимается твердым шагом по ступенькам и уходит.

(Незнакомцу, подмигивая.) Наш сквайр щепетилен. Уж слишком большой джентльмен... Но он не в счет. А вот его супруга — она не подведет! Пошлите телеграмму Генри. Я иду в контору нашего поверенного. Мы заставим этого старого носорога уступить нам «Сторожевое» по сходной цене. Уж эти мне Хорнблоуэры... (Прикладывая палец к носу.) Вот когда мы их зажали в кулак!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Половина восьмого в тот же самый вечер. Будуар Хлои. Красиво убранная комната. На стенах никаких картин, только два зеркала. Ширма и роскошная кушетка направо; с этой же стороны камин. В глубине сцены, ближе к левой стороне, — входная дверь, открывающаяся вовнутрь. Слева у звансцены стеклянная дверь. Письменный стол в глубине слева. Горит электрический свет. Хлоя в дневном туалете стоит у переднего конца дивана, неподвижная и очень бледная. Ее губы раскрыты, а большие глаза пристально глядят перед собой, как будто она видит привидение. Дверь бесшумно отворяется, в нее заглядывает женщина. Она смотрит на Хлою, исчезает, и дверь снова затворяется. Хлоя поднимает руки, закрывает ими глаза; быстрым движением опускает руки, оглядывается вокруг. Стук. Хлоя поспешно бросается на диван и лежит в изнеможении с закрытыми глазами.

Хлоя (слабым голосом). Войдите!

Входит горничная, аккуратно одетая особа неопределенного возраста, в черном платье; это та женщина, которая только что заглядывала в дверь.

Что вам нужно, Анна?

Анна. Вы не выйдете к обеду, сударыня?

Хлоя (с закрытыми глазами). Нет.

Анна. Может быть, хотите скушать что-нибудь здесь, сударыня?

Хлоя. Принесите сухого печенья и бокал шампанского.

Горничная, которая стоит между диваном и дверью, улыбается.

(Быстрым взглядом ловит улыбку.) Почему вы улыбаетесь?

Анна. Разве я улыбаюсь, сударыня?

Хлоя. Вы же знаете, что улыбаетесь. (Со злобой.) Разве вам платят за то, чтобы вы смеялись надо мной?

Анна (невозмутимо). Нет, сударыня. Не угодно ли смочить одеколоном лоб?

Хлоя. Да... Нет... Что толку? (Прижимая руки ко лбу.) Мигрень никак не проходит.

Анна. Самое лучшее средство — это лежать неподвижно.

Хлоя. Я уже лежала... часами...

Анна (с той же улыбкой). Да, сударыня.

Хлоя (приподнимаясь с дивана). Анна! Зачем вы это делаете?

Анна. Что, сударыня?

Хлоя. Шпионите за мной.

Анна. Я... помилуйте...

Хлоя. Шпионите! Это глупо. Разве тут есть что выслеживать?

Анна. Разумеется, ничего, сударыня. Конечно, если вы мной недовольны, мне придется уйти. Но только... если я шпионила, то уж вы лучше сами меня увольте. Я всегда служила у дам, которые и минуты не потерпели бы шпионства.

Хлоя (решительно). Хорошо, вы получите жалование за месяц и уйдете завтра. Можете идти.

Анна наклоняет голову и выходит.

(Со стоном зарывает лицо в диванную подушку. Приподнимаясь и садясь.) Если бы я могла увидеть этого человека... Если бы только... Или Доукера... (Вскакивает, идет к двери, но колеблется и возвращается к дивану.)

Входит Ролф. Во время этой сцены дверь снова неслышно приоткрывается на дюйм-два.

Ролф. Боль не прошла?

Хлоя. Нет, еще хуже стала. Я не выйду к обеду.

Ролф. Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь?

Хлоя. Ничем, дорогой. (Внезапно взглянув на него.) Ты не хочешь, чтобы эта ссора с Хилкристами продолжалась, не правда ли, Ролф?

Р о л ф. Нет, она мне противна.

Х л о я. Ну так вот, я думаю, что могла бы положить ей конец. Будь добр, сходи к Доукеру — это совсем близко, минут пять ходьбы... попроси его зайти ко мне.

Р о л ф. Отец и Чарли не допустят, чтобы...

Х л о я. Знаю. Но если он придет сюда, к террасе, пока вы обедаете, я впущу и выпущу его, и никто ничего не узнает.

Р о л ф (удивленно). Да, но... я хочу сказать... как же...

Х л о я. Не спрашивай меня. Попытка не пытка. (Смотрит на ручные часы.) Попроси прийти ровно к восьми часам. К правой стеклянной двери на террасе.

Р о л ф. В этом нет ничего такого, против чего Чарли стал бы возражать?..

Х л о я. Нет, но я пока не могу сказать ему... Он и отец в этом деле как бешеные.

Р о л ф. Если действительно есть надежда...

Х л о я (подходит к стеклянной двери и открывает ее). Пройди здесь, Ролф. Если ты не вернешься, я буду знать, что он придет. Поставь свои часы по моим. (Смотрит на его часы.) Твой на минуту вперед!

Р о л ф. Послушай, Хлоя...

Х л о я. Поторопись, ступай. (Почти выталкивает его в дверь, закрывает ее за ним, задерживает занавески и с минуту стоит, глубоко задумавшись. Потом идет к звонку, звонит и направляется к письменному столу. Вынимает из ящика стола рецепт.)

Входит А н н а.

Я не хочу шампанского. Сходите к аптекарю, и пусть он поскорее приготовит мне несколько таких порошков; принесите мне их сами.

А н н а. Слушаюсь, сударыня, но у вас же еще есть такие порошки.

Х л о я. Они слишком давно лежат, я приняла два, но они не действовали. Пожалуйста, поскорее: я не могу выносить этой головной боли.

А н н а (беря рецепт, с улыбкой). Слушаюсь, сударыня. Но только... мне там придется ждать... Я вам не нужна?

Х л о я. Нет, мне нужны порошки.

А н н а выходит. Х л о я смотрит на ручные часы, идет к старинному письменному столу, оглядывается, открывает потайной ящик, вынимает сверток и пакет в папиросной бумаге. Она пересчитывает банкноты: «Триста». Прячет их на груди, затем разворачивает пакет. В нем жемчуг. Она прячет его туда же, куда и деньги, испуганно озирается, задвигает ящик и снова ложится на диван, в позе полного изнеможения. Дверь открывается, и входит Х о р н б л о у э р. Она не открывает глаз; прежде чем заговорить, он несколько мгновений смотрит на нее.

Х о р н б л о у э р (голос его звучит почти мягко). Как ты себя чувствуешь, Х л о я?

Х л о я. Ужасно болит голова!

Х о р н б л о у э р. Можешь ты минутку послушать? Я получил записку от этой женщины.

Х л о я садится.

(Читает.) «Я имею сообщить вам нечто очень важное относительно вашей невестки. Буду ожидать вас завтра в одиннадцать часов утра. Речь идет о вещах, имеющих столь огромное значение для счастья всей вашей семьи, что вы без сомнения не преминете явиться». Что это? Что это значит? Просто наглость, или сумасшествие, или еще что-нибудь?

Х л о я. Не знаю.

Х о р н б л о у э р (ласково). Х л о я, если есть что-нибудь, лучше скажи мне. Кто предостережен, тот вооружен.

Х л о я. Нет, ничего нет. Разве только... (быстро взглянув на него) разве только то, что мой отец был банкротом.

Х о р н б л о у э р. Эх! С кем этого не случилось. Ты нам почти ничего не рассказывала о своей семье.

Х л о я. Я не очень горжусь ею.

Х о р н б л о у э р. Что ж, ты не отвечаешь за своего отца. Если это все, то у меня словно гора с плеч... Мерзкие снобы! Я им это припомню, когда буду сводить с ними счеты.

Х л о я. Отец, не говорите ничего Чарли. Зачем зря тревожить его!

Х о р н б л о у э р. Хорошо, не скажу. Если бы обанкротился я, это бы расстроило Чарли, ничуть не сомне-

ваюсь. (Смеется. Смотрит на нее проницательным взглядом.) Прежде чем я дам ей ответ... больше ничего нет?

Хлоя качает головой.

Ты уверена?

Хлоя (с усилием). Она может, конечно, выдумать что-нибудь.

Хорнблоуэр (увлеченный своей ненавистью). Ах вот как! Но еще существует такая штука, как закон клеветы. Если они не угомонятся, я притяну их к суду.

Хлоя (робко). Не могли бы вы прекратить эту ссору, отец? Вы сказали, что она произошла из-за меня. Но я совсем не стремлюсь поддерживать с ними знакомство. А они и правда любят свой старый дом. И Джил у них такая славная. Ведь вам не обязательно строить именно там, не правда ли? Почему бы вам не положить этому конец? Я вас очень прошу!

Хорнблоуэр. Положить конец?! Теперь, когда я уже купил? Ну, нет! Эти снобы сами вызвали меня на бой, и я покажу им. Я ненавижу всю их шайку, но эту крысу Доукера больше всех.

Хлоя. Он только их управляющий

Хорнблоуэр. Он часть всей их кастовой системы, которая стоит на моем пути. Ты женщина и не разбираешься в таких вещах. Ты себе даже представить не можешь, что мне пришлось претерпеть, пока я не нажил состояния и не достиг теперешнего положения. Эти сельские аристократы любят говорить красивые слова, но получить от них что-нибудь труднее, чем отнять у собаки мозговую кость. Если бы они могли выжить меня отсюда, разве не прибегли бы они для этого к любым средствам, как к честным, так и подлым, разве колебались бы они хоть минуту? Вспомни, сколько денег я из-за них ухлопал зря, и взгляни на это письмо. Кучка подлых эгоистов и лицемеров!

Хлоя. Но ведь не они же затеяли ссору.

Хорнблоуэр. Открыто — нет, но исподтишка начали они — это их манера. Они ставили мне палки в колеса то здесь, то там только потому, что я разбогател позднее, чем они. Я давал им возможность помириться, но они не захотели. Ну так хорошо, я покажу им, на что способен такой человек, как я, когда он взялся за дело

всерьез. От них шерсть клочьями полетит! (*Увлечшись, перестает смотреть на Хлою.*)

На лице ее отражаются мучительные сомнения; по-видимому, она не знает, убеждать ли его дальше, не знает, на что решиться. Быстро взглянув на ручные часы, ложится и закрывает глаза.

Приятно будет поглядеть, как перед их окнами вырастут мои трубы. А эта... моя последняя надбавка — удачный ход! Хилкрест так разошелся, я уж боялся, что он никогда не остановится. (*Смотрит на нее.*) Я и забыл про твою мигрень. Ну, ладно, лучше всего тебе полежать спокойно.

Звук гонга.

Прислать тебе чего-нибудь от обеда?

Х л о я. Нет, я попробую уснуть. Пожалуйста, скажите, чтобы меня не беспокоили.

Х о р н б л о у э р. Хорошо. Я только отвечу на эту записку. (*Садится за письменный стол.*)

Хлоя лихорадочно вскакивает с дивана, смотрит на свои часы, на дверь, снова на часы, затем тихо идет к стеклянной двери и отпирает ее.

(*Заканчивает писать.*) Слушай! (*Поворачивается к дивану.*) Да где же ты?

Х л о я (*у двери*). Здесь такая жара...

Х о р н б л о у э р. Вот что я ответил: «Сударыня, вы не можете сказать мне о моей невестке ничего, что могло бы нарушить счастье моей семьи. Я рассматриваю вашу записку как дерзость и не намерен являться к вам завтра утром в одиннадцать часов. С совершенным почтением».

Х л о я (*хватаясь за голову*). Ох! Ну что ж!..

Снова звучит гонг.

Х о р н б л о у э р (*идя через комнату к двери*). Ложись и усни. Я скажу, чтобы тебя не тревожили, и надеюсь, что завтра ты будешь совсем здорова. Спокойной ночи, Хлоя.

Х л о я. Спокойной ночи.

Х о р н б л о у э р уходит.

После двух-трех лихорадочных движений по комнате Хлоя возвращается к открытой стеклянной двери и ждет там, наполови-

ну скрытая занавесками. Внутренняя дверь тихонько приоткрывается, и в нее просовывается голова *Анны*. Увидя, что *Хлоя* стоит к ней спиной, она проскальзывает в комнату и налево за ширму. *Хлоя* внезапно пятится от стеклянной двери.

(Вполголоса.) Войдите. *(Бросается к внутренней двери и запирает ее.)*

Доукер входит через стеклянную дверь и стоит, с улыбочкой глядя на *Хлою*.

Доукер. Итак, милая дамочка, чего вы от меня хотите?

В присутствии этого человека, принадлежащего к тому же кругу, что и она сама, голос и манеры *Хлои* заметно меняются: появляется какая-то нотка вульгарности, вызванная стремлением приспособиться к собеседнику. Тем не менее *Хлоя* продолжает говорить тихим голосом.

Хлоя. Знаете ли, вы ошибаетесь.

Доукер (ослабившись). Нет, у меня хорошая память на лица.

Хлоя. А я говорю, ошибаетесь.

Доукер (поворачиваясь, чтобы уйти). Если это все, не стоило меня беспокоить.

Хлоя. Нет, не уходите! *(Со слабой улыбкой.)* Как вам не стыдно? Что я вам сделала? Вы ведете со мной нехорошую игру.

Доукер. Какая уж тут игра, милочка! Это серьезное дело.

Хлоя (горько). Ну, хорошо, они ссорятся, а я-то при чем? Я же не могла помешать тому, что они поцались.

Доукер. На свое несчастье.

Хлоя (стискивая руки). Вы жестокий человек: хотите погубить женщину, которая не сделала вам ничего плохого.

Доукер. Значит, ваши ничего про вас не знают. Это хорошо. Теперь послушайте. Я служу своему хозяину. Но я тоже человек и считаю, что как аукнется, так и откликнется. Я ненавижу всю вашу семейку. Нет такого бранного слова, которым бы они меня не обозвали за последний месяц; и глядят на меня так, словно съесть готовы. И я ненавижу их, говорю вам прямо!

Х л о я. Но ведь они тоже люди, как и вы, и кое в чем совсем неплохие.

Д о у к е р (с усмешкой). Хорнблоуэры тогда неплохи, когда они лежат в гробу.

Х л о я. Но... но я ведь не из Хорнблоуэров.

Д о у к е р. Зато, наверное, станете матерью какого-нибудь Хорнблоуэра.

Х л о я (протягивая руку, страстно). Не трогайте меня, оставьте меня в покое, прошу вас! Я счастлива здесь. Будьте хорошим человеком!

Д о у к е р (после минутного колебания). От меня вы ничего не добьетесь и не старайтесь!

Х л о я. Мне так плохо жилось прежде.

Доукер поворачивает голову, его обычная усмешка исчезла, и лицо словно превратилось в маску.

(Задыхаясь.) Умоляю вас! Ну не все ли вам равно? Ведь любили же и вы когда-нибудь? Подумайте о той, которую вы любили.

Д о у к е р (решительно). Ничего не выйдет, миссис Хлоя. Вы пешка в этой игре, пешка — в моих руках!

Х л о я (в отчаянии). Ну для чего это вам нужно? (Внезапно в ней просыпается тигрица.) Послушайте! Не делайте из меня врага. Я не даром прошла сквозь огонь и воду. Я тоже умею кусаться.

Д о у к е р. Так-то лучше! От женщины приятнее выслушивать угрозы, чем ныть! Кройте дальше! Пусть они услышат, как однажды ночью мы встретились с вами на бульваре. Вы, конечно, им это расскажете?.. Или как...

Х л о я. Замолчите! О, замолчите! (Вытаскивает из-за корсажа банкноты и жемчуг.) Глядите! Вот мои сбережения. Здесь все, что у меня есть. За жемчуг можно выручить почти тысячу. (Протягивая ему нитку.) Возьмите это и не трогайте меня... Вы согласны? Согласны?

Д о у к е р (проводит языком по губам; потом с жестким смешком). Вы неверно судите обо мне, миссис. Я всего-навсего цепной пес, если хотите, но я верен своему хозяину, и хватка у меня мертвая. Со мной этот номер не пройдет.

Х л о я (уже владея собой). Вы изверг!.. Жестокий, трусливый изверг! И как вы смеете подкупать эту женщину, чтобы шпионить за мной? О, да, вы ее подкупили,

не отпирайтесь! Вам хочется довести меня до сумасшествия, так, что ли? Изверг!

Д о у к е р. Ну чего вы беснуетесь? Все равно не поможет.

Х л о я. А что это, по-вашему? Ссориться с женщиной, а травить женщину?

Д о у к е р. Кто затеял ссору? Не я, миссис. Пора бы вам знать, что в свалке больше всего достается слабым и беспомощным, не будем говорить — невинным. Тут уж ничего не поделаешь.

Х л о я (*пристально глядя на него*). Пусть бы ваша мать или сестра, если они у вас есть, прошли через все муки, которые я испытала с тех пор, как вы напали на мой след. Пусть бы они узнали, что такое страх. Пусть бы они полюбили и узнали, что значит висеть на ниточке и... и... О! Вы подлец, трус и подлец! А еще называете себя мужчиной!

Д о у к е р (*с усмешкой*). Ишь! Вот сейчас вы прелесть какая хорошенькая! Черт возьми, вы красивая женщина, когда разойдетесь!

Гнев Хлои иссякает так же быстро, как вспыхнул. Она опускается на диван, вздрагивает, глаза ее бегают по сторонам, затем она бросает на Доукера быстрый взгляд.

Х л о я. Может, вы все-таки хотите взять что-нибудь за то, чтобы не погубить моей жизни? (*Сжимая руки на груди, шепотом.*) Меня?!

Д о у к е р (*вытирая лоб*). Черт побери! Вот это предложение!.. (*Отступает к стеклянной двери.*) Тут... вы проняли меня. Послушайте! Без вас я обойтись все равно не смогу, но я постараюсь, чтобы все это сошло вам полегче. Нет, я ничего не хочу из того, что вы можете мне предложить... то есть (*снова вытирает лоб*) я хотел бы... но не возьму.

Хлоя закрывает лицо руками.

Приободритесь, не плачьте. Спокойной ночи! (*Выходит через стеклянную дверь.*)

Х л о я. (*вскакивая*). Попала в ловушку! Как крыса!.. (*Прислушивается, бежит к внутренней левой двери, отпи-*

рает ее и, пройдя обратно к дивану, ложится и закрывает глаза.)

Чарлз входит очень тихо и стоит над нею; смотрит — спит ли она. Она открывает глаза.

Чарлз. Ну, Кло? Спала, моя старушка?

Хлоя. Да-а.

Чарлз (присаживаясь на ручку дивана и лаская жену). Чувствуешь себя лучше, дорогая?

Хлоя. Да, лучше, Чарли.

Чарлз. Вот и хорошо. Не хочешь ли супу?

Хлоя (с содроганием). Нет.

Чарлз. Послушай... отчего у тебя эти головные боли? Ведь последний месяц ты на себя не похожа.

Хлоя. Не знаю. Разве только... разве только оттого, что я собираюсь стать матерью, Чарли?

Чарлз. Наконец-то! Ах, черт возьми! В самом деле?

Хлоя (кивая). Ты рад?

Чарлз. Да... мне кажется, что да. Отец будет в восторге, это уж наверняка.

Хлоя. Не говори ему пока.

Чарлз. Хорошо! (Нагибаясь к ней и притягивая ее к себе.) Бедная моя девочка, мне так жаль, что ты плохо выглядишь. Ну-ка, кто меня поцелует?

Хлоя поднимает голову и страстно целует его.

Послушай, ты вся горишь. По-моему, у тебя температура.

Хлоя (со смехом). Ничего удивительного. Чарли, ты счастлив со мной?

Чарлз. А как ты думаешь?

Хлоя (прижимаясь к нему). Ты ведь не согласишься, если про меня будут говорить всякие гадости?

Чарлз. Ты все думаешь о Хилкристах? Какого черта — почему эта женщина так странно держится по отношению к тебе?.. Когда я увидел ее сегодня там, я еле удержался, чтобы не подойти и не сказать ей несколько теплых слов.

Хлоя (наблюдает за ним украдкой). Все это очень вредит мне теперь, когда я в таком положении. Я теряю спокойствие, Чарли.

Чарлз. Мы им этого не простим. Они нам еще заплатят.

Х л о я. Так ужасно жить в маленьком местечке и быть в ссоре с соседями! Скажи, неужели так необходимо портить им имение?

Ч а р л з. Эта женщина не желает тебя знать и оскорбляет тебя. Этого для меня достаточно.

Х л о я (робко). Ну, пусть она делает, что хочет. Мне-то все равно. Но я не могу жить здесь и чувствовать, что кругом враги. Чарли, я... становлюсь нервной... я...

Ч а р л з. Милая моя девочка, что с тобой? (Внимательно смотрит на нее.)

Х л о я. Я думаю, это... мое состояние. (Внезапно.) Но, Чарли, прекрати это ради меня. Прошу тебя, прошу.

Ч а р л з (слегка похлопывает ее по руке). Перестань, перестань. Слушай, Хлоя, ты делаешь из мухи слона. Отец заплатил девять с половиной тысяч, чтобы одолеть этих людей, а ты хочешь, чтобы он все бросил ради удобства женщины, которая тебя оскорбила. Это глупо, и так дела не делаются. Надо же иметь хоть немного гордости.

Х л о я (задыхаясь). Зачем мне гордость, Чарли? Я хочу покоя, только и всего.

Ч а р л з. Ну, если ссора действует тебе на нервы, я могу отвезти тебя к морю. Но схватиться с такими противниками — немалое удовольствие.

Х л о я (с подчеркнутой обидой в голосе). Ну, разумеется, с моим желанием нечего считаться.

Ч а р л з. Ого! Да ты действительно не в себе!

Х л о я. Если хочешь, чтобы я была тебе хорошей женой, заставь отца прекратить это.

Ч а р л з (вставая). Послушай, Хлоя, тут что-то кроется!

Х л о я (слабым голосом). Кроется?

Ч а р л з. Ты ведешь себя так, будто и в самом деле чего-то боишься! Эти люди у нас в руках. Через шесть месяцев и духа их не будет в «Глубоких водах». Они не смогут жить в своей паршивой старой усадьбе. Мы поставим печи на самой границе участка — а это всего в трехстах ярдах от них — и выкурим их оттуда. Больше ты не увидишь этой самонадеянной зазнайки. И тогда мы сможем развернуться и занять подобающее нам ме-

сто. Пока она здесь, мы никогда этого не добьемся. Но теперь мы должны нажимать вовсю.

Х л о я (с неопределенным жестом). Понимаю.

Ч а р л з (снова глядя на нее). Если ты не перестанешь быть такой, я, знаешь, начну думать, что тут что-то есть.

Х л о я (нежно). Чарли!

Он подходит к ней.

Люби меня.

Ч а р л з (обнимая ее). Успокойся, успокойся! Я знаю, что у женщин в такое время бывают всякие причуды. Тебе нужно хорошенько выспаться, вот и все.

Х л о я. Ты не кончил обедать, не правда ли? Иди назад, а я сейчас лягу спать. Чарли, люби меня всегда, всегда!..

Ч а р л з. И сейчас и всегда!

В то время, как он опять обнимает ее, *А н н а* крадется из-за ширмы, бесшумно открывает дверь и выходит. Дверь слегка скрипнула.

Х л о я (сильно вздрагивая). Ах!

Ч а р л з. Что это? Что такое? Ты стала очень нервной, дорогая!

Х л о я (озираясь). Должно быть. Иди, Чарли. Голова пройдет, и я буду вполне здорова.

Ч а р л з (гладя ее лоб и поглядывая на нее с сомнением). Ложись в постель, я поднимусь к тебе, не задерживаясь. (Поворачивается и, уходя, в дверях посылает ей воздушный поцелуй.)

После его ухода *Х л о я* встает и стоит точно в такой же позе, как в начале действия, погруженная в глубокое раздумье. Дверь открывается, появляется *А н н а* и внимательно всматривается в *Х л о ю*.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Следующее утро. Кабинет Хилкреста. Д ж и л входит справа и заглядывает в открытую стеклянную дверь.

Д ж и л (К Ролфу). Войдите. Здесь никого нет.

Р о л ф появляется из сада и подходит к ней.

Р о л ф. Джил, я хотел только сказать... Неужели и мы тоже должны...

Джил кивает.

Когда я увидел вас вчера... мне все это показалось таким отвратительным.

Д ж и л. Не мы начали.

Р о л ф. Нет, но вы не понимаете. Если бы вы своим трудом добились того же, чего мой отец...

Д ж и л. ...то надеюсь, мне было бы стыдно за свое поведение.

Р о л ф (укоризненно). Ну зачем вы так? Это же на вас непохоже. А он ведь искренне считает себя благоделем общества.

Д ж и л. А мы искренне считаем, что он свинья. Простите!

Р о л ф. Если правильно, что выживает наиболее приспособленный...

Д ж и л. Возможно, что он более приспособлен, но только он не выживет.

Р о л ф (растерянно). Похоже на то, что выживет.

Джил. И вы пришли только затем, чтобы сказать это?

Ролф. Нет. А предположим, что мы бы объединились, разве мы не сумели бы прекратить все это?

Джил. Я не склонна объединяться.

Ролф. Но ведь мы обменялись рукопожатием.

Джил. Невозможно ввязаться в драку и не озлобиться.

Ролф. А я не чувствую никакого озлобления.

Джил. Подождите, почувствуете, и очень скоро.

Ролф. Почему? *(Настороженно.)* Из-за Хлои? Я считаю, что ваша мать обошлась с нею...

Джил. Ну?

Ролф. Как сноб.

Джил смеется.

Пусть она не принадлежит к вашему кругу. Но именно поэтому оттолкнуть ее и было снобизмом.

Джил. Я думаю, вам лучше помолчать.

Ролф. Мой отец сказал правду: то, что ваша мать в тот день так грубо обошлась с Хлоей, еще больше озлобило и его и Чарли.

Джил насвистывает хабанеру из «Кармен».

(Пристально смотря на нее, говорит довольно сердито.)
Разве вам так весело?

Джил. Пожалуй, что нет.

Ролф. Вы, наверно, хотите, чтобы я ушел?

Джил. Да.

Ролф. Хорошо. Но неужели мы никогда больше не будем друзьями?

Джил *(смотря упорно на него)*. Думаю, что нет.

Ролф. Это просто... ужасно.

Джил. На свете много ужасного.

Ролф. От нас зависит, чтоб его стало меньше, Джил!

Джил *(раздраженно)*. Не читайте мне морали!

Ролф *(обиженно)*. Я и не собираюсь. Я просто хочу быть вашим другом.

Джил. Спуститесь сначала на землю.

Ролф. Если смотреть на вещи с более широкой точки зрения...

Джил. Такой не существует. Мы тут все стоим на своей. А почему бы и нет?

Р о л ф. Честное слово, вы становитесь...

Д ж и л. Циничной? Девиз вашего отца — каждый за себя. Равнение на победителя! Руки по швам!.. Прощайте!

Р о л ф. Джил! Джил!

Д ж и л (кладя руки за спину, напевает).

Коль старой дружбы больше нет,
И нет тех прежних дней...

Р о л ф. Не надо! (Страдальчески махнув рукой, выходит налево через стеклянную дверь.)

Джил перестает петь и стоит неподвижно; руки стиснуты, губы дрожат. Справа входит Ф е л л о у з.

Ф е л л о у з. Мистер Доукер, мисс, с двумя джентльменами.

Д ж и л. Всех трех впустите, а меня выпустите. (Идет мимо него и уходит направо.)

Входят Д о у к е р и два незнакомца.

Ф е л л о у з. Я доложу миссис Хилкрест, сэр. Сквайр ушел в свой утренний обход. (Уходит направо.)

Трое пришедших собираются в кружок у большого бюро, предварительно оглянувшись на обе двери и на открытую дверь в сад.

Д о у к е р. Имейте в виду, дело может дойти до суда. Поэтому, если не все чисто, то так и скажите. (Обращаясь ко второму незнакомцу.) Вы лично ее знали?

Второй незнакомец. А как вы думаете? Для таких дел я бы кого попало не взял. Она пришла к нам с очень хорошей рекомендацией и прекрасно делала свое дело. Нам пришлось воспользоваться ее услугами дважды... чтобы не было осечки, так, Джордж?

Первый незнакомец. Да, мы заплатили ей за два раза.

Второй незнакомец. Я ее сразу узнаю: такая красотка! И притом в лице у нее было что-то такое... Ей, видно, многое пришлось пережить.

Первый незнакомец. Мы не хотим огласки.

Д о у к е р. Этого и не потребуется. Достаточно будет пригрозить. Но ставка высока, у этого парня кулак железный; тут надо бить умеючи. Если вы оба можете по всей форме присягнуть, что это она, — дело в шляпе.

Второй незнакомец. А как насчет... то есть, вы понимаете, мы теряем время с этими разъездами.

Доукер (с кивком в сторону первого незнакомца). Джордж знает меня. Все будет в порядке. Я обещаю, что вы останетесь довольны.

Второй незнакомец. Раз она теперь замужем, мне бы не хотелось портить ей жизнь.

Доукер. Нет, нет, никто не собирается обижать ее. Мы только хотим прижать этого молодца так, чтобы он завизжал.

Они расступаются, слева входит миссис Хилкрист.

Доброе утро, сударыня. (Представляя.) Компаньон моего приятеля. Хорнблоуэр придет?

Миссис Хилкрист. В одиннадцать. Мне пришлось послать ему вторую записку, Доукер.

Доукер. Хозяина нет дома?

Миссис Хилкрист. Нет, я ему ничего не сказала.

Доукер (кивая головой). Наши друзья могут пройти сюда (указывает налево), и в случае надобности мы их пригласим.

Миссис Хилкрист (незнакомцам). Располагайтесь, пожалуйста, как вам удобно. (Открывает дверь.)

Они проходят мимо нее в комнату налево.

Доукер (показывает какой-то документ). Купчая составлена по всей форме. Чистая работа. Он уступает нам «Сторожевое» и «Долгие луга» за четыре тысячи пятьсот. Теперь, сударыня, ежели Хорнблоуэр подпишет, это нанесет ему сокрушительный удар — ведь шесть тысяч чистоганом вылетят у него из кармана. Свирепый у нас будет сосед.

Миссис Хилкрист. Но за нами остается возможность в любое время разоблачить эту тайну.

Доукер. Могут произойти различные непредвиденные обстоятельства, после которых никакие разоблачения на него не подействуют. Нельзя такому человеку доверять. Мне он не простит, я знаю.

Миссис Хилкрист (смотря на него проницательно). Но если он подпишет, у нас не будет морального права...

Доукер. Да, оно так, сударыня, вам-то уж никак

нельзя, да и я, поверьте, вовсе не хочу обижать эту дамочку. Я говорю об этом только потому, что вы, конечно, не можете гарантировать, что все не раскроется помимо вас.

Миссис Хилкрист. Да, конечно, полной гарантии я дать не могу.

Несколько неожиданно для себя они обмениваются красноречивым взглядом.

Вот и его автомобиль. Мне всегда кажется, что он шумит громче, чем всякий другой.

Доукер. Хорнблоуэр будет брыкаться и лягаться, но нужно, чтобы он сам спросил о ваших условиях, сударыня. А об этом пока не упоминайте. *(Кладет купчую обратно в карман.)* Если он раздумает строить завод, то «Сторожевое» ему вообще ни к чему. Тогда, я уверен, он будет рад выручить что можно.

Миссис Хилкрист наклоняет голову в знак согласия. Справа входит Феллоуз.

Феллоуз *(извиняющимся тоном)*. Мистер Хорнблоуэр, сударыня. Он говорит, что вы его ждете.

Миссис Хилкрист. Совершенно верно, Феллоуз.

Входит Хорнблоуэр; Феллоуз выходит.

Хорнблоуэр *(не здороваясь)*. Я приехал только для того, чтобы потребовать объяснения по поводу этих писем. *(Вынимает два письма.)* И, пожалуйста, давайте говорить без посторонних.

Миссис Хилкрист. Мистер Доукер знает все, что знаю я, и даже больше.

Хорнблоуэр. Вот как? Очень хорошо! Ваша вторая записка говорит, что моя невестка мне солгала. Так вот я привез ее сюда, и то, что вы хотите мне сказать,— если только это не уловка, чтобы заполучить меня сюда,— вы скажете ей в глаза. *(Делает шаг к окну.)*

Миссис Хилкрист. Мистер Хорнблоуэр, прежде чем что-то предпринимать, вам следует выслушать, в чем дело. Мы готовы повторить это затем в ее присутствии, но нам хотелось бы причинить возможно меньше неприятностей.

Хорнблоуэр (останавливаясь). Вот оно что! Ну так, какую ложь вы слышали? Или что вы там сочинили — вы и мистер Доукер? Вам, конечно, известно, что существует закон о клевете и диффамации. Я не из тех людей, которые останавливаются перед судебным преследованием.

Миссис Хилкрист (спокойно). Знакомы вы с законом о разводе, мистер Хорнблоуэр?

Хорнблоуэр (растерявшись). Нет, не знаком. То есть...

Миссис Хилкрист. Но вы, вероятно, знаете, что для развода требуется установить факт адюльтера? И вы, конечно, слышали, что для этого прибегают к услугам подставных лиц...

Хорнблоуэр. Слышал про всю эту грязь... Но причем тут...

Миссис Хилкрист. Когда такие процессы подготавливаются, мужчина, который хочет развестись, посещает гостиницу с посторонней женщиной. Мне крайне неприятно, но ваша невестка до замужества обычно исполняла роль такой женщины.

Хорнблоуэр. Вы просто злая ведьма.

Доукер (быстро). Все доказано... от начала до конца!

Хорнблоуэр. Не верю ни единому слову. Вы лжете, чтобы спасти свою шкуру. Как вы смеете говорить мне такие мерзости? Доукер, я привлеку вас к уголовной ответственности!

Доукер. Вздор! Вы видели со мной вчера господина? Ну, так вот: он-то и нанимал ее.

Хорнблоуэр. Это подстроено! Заговор!

Миссис Хилкрист. Приведите сюда вашу невестку!

Хорнблоуэр (только теперь почувствовав, что он в западне). Гнусная, позорная... грязная клевета!

Миссис Хилкрист. Если так, то ее легко опровергнуть. Ступайте за вашей невесткой.

Хорнблоуэр (видя их невозмутимость). И пойду. Не верю я ни единому слову.

Миссис Хилкрист. Будем надеяться, что вы правы.

Хорнблоуэр выходит через стеклянную дверь. Доукер идет к двери налево, открывает ее и говорит с кем-то, кого зрители не видят. Миссис Хилкрист стоит, облизывая губы и проводя по ним платком. Хорнблоуэр возвращается, за ним Хлоя, по всей видимости, решившая все отрицать.

Хорнблоуэр. Опровергни эти наглые сплетни.

Хлоя. Какие сплетни?

Хорнблоуэр. О том, дорогая, что ты была женщиной... Это слишком неприлично... не знаю, как тебе объяснить...

Хлоя. Продолжайте!

Хорнблоуэр. Была женщиной, которая помогала мужчинам получить развод.

Хлоя. Кто это говорит?

Хорнблоуэр. Вот эта дама (с насмешкой) и ее цепной пес.

Хлоя (смотря прямо в глаза миссис Хилкрист). Как это благородно — говорить такие вещи!

Миссис Хилкрист. Правда это или нет?

Хлоя. Нет.

Хорнблоуэр (в бешенстве). Вот видите! Я заставляю вас обоих ползать перед нею на коленях!

Доукер (открывая дверь налево). Войдите.

Входит первый незнакомец. Хлоя с видимым усилием поворачивается, чтобы взглянуть ему в лицо.

Первый незнакомец. Как поживаете, миссис Вейн?

Хлоя. Я вас не знаю.

Первый незнакомец. У вас плохая память, сударыня. Вчера-то ведь вы меня узнали. Один день — срок небольшой, как, впрочем, и три года.

Хлоя. Кто вы такой?

Первый незнакомец. Полноте, сударыня, полноте! Вспомните дело Кестера.

Хлоя. Говорю вам, я вас не знаю. (Обращаясь к миссис Хилкрист.) Как вы можете поступать так мерзко?

Первый незнакомец. Позвольте мне освежить вашу память, сударыня. (Достает записную книжку.) Как раз три года тому назад. «3 октября. Гонорар и дополнительные расходы на миссис Вейн с мистером К... Отель Болье, двадцать фунтов. 10 октября. То же, два-

дцать фунтов». (Обращаясь к Хорнблоуэру.) Не хотите ли посмотреть эту книжечку, сэр? Вы увидите, что это настоящая, неподдельная запись.

Хорнблоуэр делает движение, чтобы посмотреть, но овладевает собой и смотрит на Хлою.

Х л о я (истерично). Это все ложь... ложь!

Первый незнакомец. Полноте, сударыня, мы не желаем вам зла.

Х л о я. Уведите меня. Я не хочу, чтобы со мной так обращались.

Миссис Хилкрист (тихим голосом). Сознаться.

Х л о я. Ложь!

Хорнблоуэр. Ты когда-нибудь называлась миссис Вейн?

Х л о я. Нет, никогда. (Делает движение по направлению к стеклянной двери, но Доукер преграждает ей путь, и она останавливается.)

Первый незнакомец (открывает дверь налево). Генри!

Второй незнакомец быстро входит. При виде его Хлоя вскидывает руки, вскрикивает, вся съеживается и закрывает лицо руками. Признание настолько очевидно, что Хорнблоуэр совершенно потрясен; вынув цветной платок, он вытирает лоб.

Доукер. Вы убедились?

Хорнблоуэр. Уберите этих людей.

Доукер. Если вы не удовлетворены, мы можем достать другие доказательства, их сколько угодно.

Хорнблоуэр (смотря на Хлою). Хватит и этого. Уберите их. Оставьте меня с нею наедине.

Доукер уводит свидетелей налево. Миссис Хилкрист идет мимо Хорнблоуэра и выходит в сад.

(Делает шаг или два по направлению к Хлое.) Боже праведный!

Х л о я (с отчаянием). Не говорите Чарли! Только не говорите Чарли!

Хорнблоуэр. Чарли! Так вот какую жизнь ты вела!

Хлоя издает стон.

Так вот чем ты занималась, а потом втерлась в мою семью! Стыдись, нечестивая тварь!

Х л о я. Не говорите Чарли!..

Хорнблоуэр. И это все, что ты можешь сказать после того несчастья, которое ты нам принесла? Моя семья, мои заводы, мое будущее! Как ты смела?

Х л о я. Если бы вы были на моем месте...

Хорнблоуэр. А эти Хилкристы! Вот она — их драка без перчаток.

Х л о я *(не дыша)*. Отец!

Хорнблоуэр. Не называй меня отцом, тварь!

Х л о я *(в отчаянии)*. У меня будет ребенок.

Хорнблоуэр. Господи! Правда?

Х л о я. Ваш внук. Сделайте хотя бы ради него все, чего хотят эти люди, и не говорите никому... не говорите Чарли!

Хорнблоуэр *(снова вытирая лоб)*. Сохранить тайну между нами? Не знаю, сумею ли я. Это ужасно! Бедный Чарли!

Х л о я *(яростно)*. Вы должны ее сохранить, вы обязаны. Я не хочу, чтобы он знал. Не доводите меня до отчаяния! Я способна на все... я не даром прошла через такую жизнь...

Хорнблоуэр *(пристально глядя на Хлою, представшую перед ним в новом свете)*. Да, такой бешеной я тебя еще никогда не видел. А мы-то чуть не молились на тебя!

Х л о я. Я люблю Чарли, я верна ему. Я не могу жить без него. Вы мне никогда не простите, я знаю... но Чарли... *(Протягивает к нему руки.)*

Хорнблоуэр *(в замешательстве)*. Я совсем сбился с толку. Ступай в машину и жди меня там.

Х л о я идет мимо него и выходит налево.

(Бормоча про себя.) Выходит, что я побит! Мои враги наступили мне на горло! Ну, мы еще посмотрим! *(Подходит к окну и машет рукой.)*

Входит миссис Хилкрист.

Что вы хотите за сохранение тайны?

Миссис Хилкрист. Ничего.

Хорнблоуэр. В самом деле? Удивительно!... Столько беспокойства, и вдруг... ничего.

Миссис Хилкрист. Если вы будете вредить нам, мы будем вредить вам. Всякое использование «Сторожевого»...

Хорнблоуэр. За которое вы заставили меня заплатить девять тысяч пятьсот фунтов.

Миссис Хилкрист. Мы купим его у вас.

Хорнблоуэр. За какую цену?

Миссис Хилкрист. «Сторожевое» по цене, которую мисс Маллинз соглашалась взять сначала, а «Долгие луга» по цене, которую вы нам дали... четыре тысячи пятьсот за все.

Хорнблоуэр. Хорошая цена! А у меня шесть тысяч из кармана. Ну нет! Я сохраняю «Сторожевое», чтобы держать вас в руках. Пока оно у меня, вы будете молчать.

Миссис Хилкрист. Нет, мистер Хорнблоуэр, вы должны его продать. Вы нарушили слово в отношении Джекменов. Мы не можем вам доверять. Мы скорее согласимся, чтобы наше имение было испорчено сразу, чем предоставить вам власть испортить его, как и когда вам заблагорассудится. Вы продадите нам «Сторожевое» теперь же, или вы знаете, что произойдет.

Хорнблоуэр (*раздираемый противоречивыми чувствами*). Нет, не продам. Это шантаж!

Миссис Хилкрист. Хорошо! Идите своей дорогой, а мы пойдем своей. При нашем разговоре не было свидетелей.

Хорнблоуэр (*злобно*). Черт побери, вы ловкая женщина! Поклянетесь ли вы всемогущим богом, что ни вы, ни ваша семья, ни этот ваш управляющий — никто не шепнет ни слова ни одной живой душе об этой мерзости?

Миссис Хилкрист. Да, если вы продадите.

Хорнблоуэр. Где Доукер?

Миссис Хилкрист (*идет к двери налево*). Мистер Доукер.

Входит Доукер.

Хорнблоуэр. Купчая у вас, верно, уже заготовлена?

Доукер, ухмыляясь, достает купчую.

Хорнблоуэр. Все это, как две капли воды, похоже на западню. Есть ли у вас евангелие?

Миссис Хилкрист. Моего слова достаточно, мистер Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Извините... но в делах с вами некоторые формальности не будут излишни.

Миссис Хилкрист. Очень хорошо. Вот библия. (Она берет с книжной полки маленькую библию.)

Доукер (раскладывая купчую на бюро). Это запродажная запись на «Сторожевое» и «Долгие луга». Тут упоминается о переуступке вам первого девицей Маллинз и второго Джоном Хилкристом, а поскольку вы, в свою очередь, согласились на продажу этих владений означенному Джону Хилкристу за сумму в четыре тысячи пятьсот фунтов, получение каковой вы сим подтверждаете, то и составлена сия запродажная запись и так далее. Подпишите здесь. Я засвидетельствую.

Хорнблоуэр (обращаясь к миссис Хилкрист). Сначала возьмите священное писание в руки и поклянитесь: «Клянусь всемогущим богом, что никогда ни одной живой душе не пророню ни слова о том, что мне известно относительно Хлои Хорнблоуэр».

Миссис Хилкрист. Нет, мистер Хорнблоуэр, пожалуйста, сначала подпишите вы. У нас нет обычая нарушать слово.

Бросив на них бешеный взгляд, Хорнблоуэр хватается перо, вновь пробегает глазами купчую и подписывает ее; Доукер подписывается в качестве свидетеля.

К этой клятве, мистер Хорнблоуэр, мы добавим слова: «До тех пор, пока семья Хорнблоуэров не причинит нам вреда».

Хорнблоуэр (задыхаясь от злобы). Возьмите писание в руки, вы оба, и произнесите клятву вместе.

Миссис Хилкрист (берет библию). Клянусь, что не скажу ни слова ни одной живой душе о том, что мне известно о Хлое Хорнблоуэр, до тех пор, пока семья Хорнблоуэров не причинит мне вреда.

Доукер. Я клянусь в том же.

Миссис Хилкрист. Я беру на себя обязательство и за своего мужа.

Хорнблоуэр. А где эти двое?

Доукер. Уехали. Это их не касается.

Хорнблоуэр. Никого из вас не касается то, что случилось с этой женщиной в прошлом. Так и запомните! Прощайте! *(Посылает им убийственный взгляд и выходит направо.)*

Доукер следует за ним.

Миссис Хилкрест *(кладя руку на купчую)*. Спасены!

Хилкрест входит через стеклянную дверь в сопровождении Джил.

Смотри! Он только что ушел! Я говорила тебе, что нужно только пригрозить. Он уступил и подписал вот это. Мы дали клятвенное обещание ничего не говорить. Мы его побили.

Хилкрест читает акт.

Джил. *(в страхе)*. Мы видели Хлою в автомобиле. Как она приняла это, мама?

Миссис Хилкрест. Отрицала, а затем сдалась, когда увидела наших свидетелей. Я рада, что ты не присутствовал при этом, Джек.

Джил *(внезапно)*. Я пойду к ней.

Миссис Хилкрест. Джил, не смей! Ты не знаешь, что она сделала!

Джил. Я пойду. Она, должно быть, в ужасном состоянии.

Хилкрест. Дорогая моя, ты ничем не можешь ей помочь.

Джил. Нет, думаю, что могу, папочка.

Миссис Хилкрест. Ты не понимаешь человеческой природы. С этими людьми мы враги на всю жизнь. Не будь дурочкой.

Джил. Все равно я пойду.

Миссис Хилкрест. Джек, запрети ей!

Хилкрест *(приподнимая бровь)*. Джил, будь благоразумна.

Джил. Если бы мне нанесли такой удар, папочка, я была бы рада любому проявлению дружелюбия.

Миссис Хилкрест. Такого удара ты никогда не могла бы получить...

Джил. Никто не знает, на что он способен, пока сам всего не испытает, мама.

Хилкрист. Пусть идет, Эми. Мне жаль эту молодую женщину.

Миссис Хилкрист. Ты, наверно, стал бы жалеть даже вора, залезшего к тебе в карман.

Хилкрист. Как не пожалеть! Бедняга не много найдет там после того, как я заплачу за «Сторожевое».

Миссис Хилкрист (с горечью). Вот какую благодарность я вижу за то, что спасла для вас обоих родной дом!

Джил (обезоруженная). О мама, мы благодарны. Папочка, скажи же...

Хилкрист. Конечно, моя дорогая, это очень большое облегчение. Но ты знаешь, я не умею внешне проявлять свои чувства. Ну, что мне сделать? Хочешь, чтобы я постоял на одной ноге и покураекал?

Джил. Да, папочка, да! Мама, держи его, пока я... (Внезапно останавливается, и шутливое настроение покидает ее.) Нет! Я не могу... я не могу не думать о ней.

Занавес падает на минуту.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Когда занавес поднимается, комната пуста и освещена только лунным светом, струящимся в открытую стеклянную дверь. Снаружи в лунном свете появляется фигура Хлои в черном плаще. Она всматривается, проходит мимо, возвращается и, колебавшись, входит. Плащ распахивается, виден белый вечерний туалет. Похожая на черно-белую сороку, Хлоя стоит, насторожившись, в тусклом свете, затем, словно она не в силах стоять неподвижно, неуверенно мечется вправо и влево. Внезапно останавливается, прислушиваясь.

Голос Ролфа (из сада). Хлоя! Хлоя! (Появляется.)

Хлоя (идет к двери). Что ты здесь делаешь?

Ролф. А ты? Я только шел за тобой.

Хлоя. Уходи.

Ролф. Что с тобой? Скажи мне!

Хлоя. Уходи и никому ничего не говори. Ах! Розы! (Нюхает букет роз, стоящий на жардиньерке у двери.) Как они чудесно пахнут!

Р о л ф. Для чего Джил приходила днем?

Х л о я. Я тебе ничего не скажу. Уходи!

Р о л ф. Я не могу оставить тебя здесь в таком состоянии.

Х л о я. В каком состоянии? Я совсем здорова. Подожди меня там, в аллее, если хочешь.

Р о л ф смотрит на Хлою, затем уходит. Хлоя с легким стоном мечется по комнате. Потом останавливается у стеклянной двери, прислушиваясь. Слышны голоса справа. Х л о я выбегает через стеклянную дверь и скрывается налево. Входят Х и л к р и с т и Д ж и л. Они включают свет и идут к камину. Хилкрист садится в кресло, а Джил на ручку кресла. Оба одеты по домашнему.

Х и л к р и с т. Теперь расскажи мне.

Д ж и л. Почти нечего рассказывать, папочка. Я ужасно боялась, как бы не встретиться с кем-нибудь из их семьи, и действительно я встретила Ролфа, но я ему что-то наврала, и он отвел меня в ее комнату — они называют ее будуаром. Будуар... Какое отжившее слово, не правда ли?

Х и л к р и с т (в задумчивости). Комната, где грустят в одиночестве... Ну?

Д ж и л. Она сидела вот так. (Садится, уткнув локти в колени, подперев ладонями подбородок.) И спросила меня как-то сурово: «Что вам надо?» Я сказала: «Пожалуйста, не сердитесь, но я думала, что, может быть, вам будет приятно, если я приду».

Х и л к р и с т. Ну, и что же?

Д ж и л. Она посмотрела на меня в упор и сказала: «Вам, наверное, все известно?» А я ответила: «Только кое-что», — так как и на самом деле я ничего не знаю. Тогда она сказала: «Вы очень добры, что пришли». Папочка, она выглядит, как потерянная. Что она сделала?

Х и л к р и с т. Свое настоящее преступление она совершила, когда вышла за молодого Хорнблоуэра, ничего ему не сказав о своем прошлом...

Д ж и л. О! (Смотря пристально перед собой.) Наверно, это очень ужасно — иметь прошлое, папочка?

Х и л к р и с т (смущенно). Не знаю, Джил. Некоторые выдерживают, я полагаю, другие не могут. Не знаю, к какой категории принадлежит она.

Джил. В одном я убеждена: она страшно любит Чарли.

Хилкрист. Это печально, это очень печально.

Джил. И она ужасно напугана. Мне кажется, она доведена до отчаяния.

Хилкрист. Такие женщины достаточно выносливы, Джил; не суди о ней по себе.

Джил. Нет, только... О, как все это отвратительно! И я, конечно, растерялась и двух слов не могла связать.

Хилкрист (с чувством). Так всегда бывает. Но, может быть, это к лучшему. Твои слова могли и не принести ей утешения.

Джил. Я только сказала: «Отец и я очень сожалеем о случившемся. Если мы можем что-нибудь сделать...»

Хилкрист. Это было рискованно, Джил.

Джил (жалобно). Мне же нужно было что-то сказать. Как бы там ни было, я рада, что пошла. Я чувствую себя не такой бесчеловечной.

Хилкрист. Мы должны были бороться за свой дом. Я бы чувствовал себя предателем, если бы этого не сделал.

Джил. Сегодня мне наш дом уже не так мил, папочка.

Хилкрист. Я никогда не умел по-настоящему ненавидеть, и это причиняет массу неудобств.

Джил. Мама страшно гордится своим успехом. А Доукер сияет, как медный грош. Я не очень-то ему верю, папочка; он большой охотник до драки... Как это.., тоже начинается на «драк»... До драконовских мер.

Хилкрист. Пожалуй, что так.

Джил. Я уверена, что он бы и бровью не повел, если бы Хлоя покончила самоубийством.

Хилкрист (вставая, встревоженно). Глупости! Глупости!

Джил. Интересно, а мама пожалела бы ее?..

Хилкрист (поворачивая лицо к окну). Что это такое? Мне показалось, что я слышал... (Громче.) Есть там кто-нибудь?

Никакого ответа. Джил вскакивает и подбегает к двери на веранду.

Джил. Вы! (Бежит налево и возвращается, таща за руку Хлою.) Входите! Здесь только мы! (Обращаясь к Хилкристу.) Папочка!

Хилкрист (озадачен, но говорит учтиво). Добрый вечер! Садитесь, пожалуйста!

Джил. Садитесь, вы вся дрожите. (Усаживает Хлою в кресло, в котором сидела раньше сама, затем запирает двери и, прикрыв стеклянную дверь, поспешно задергивает портьеры.)

Хилкрист (принужденно и выжидательно). Могу я быть вам чем-либо полезен?

Хлоя. Я была не в силах больше выдержать... Он хочет прийти сюда спросить вас...

Хилкрист. Кто?

Хлоя. Мой муж. (Судорожно вздыхает и вздрагивает, затем как будто берет себя в руки.) Я должна спешить. Он все время допытывается... Он догадывается, что знает не все...

Хилкрист. Успокойтесь. Мы ему не скажем.

Хлоя (умоляюще). О, этого недостаточно. Не можете ли вы сказать ему что-нибудь такое, чтобы он поверил, что ничего плохого не было? Я его так обманула... Только потом я отдала себе отчет... Встреча с ним сначала показалась мне просто неслыханной удачей после всего, что я перенесла. Я не такая уж плохая... право же, нет... (Губы ее сильно дрожат. Она не в силах продолжать.)

Джил, прислонившись к креслу, гладит ее по плечу. Хилкрист стоит неподвижно.

Видите ли, мой отец обанкротился, и я служила в магазине, пока...

Хилкрист (стараясь ее успокоить и предупредить дальнейшие признания). Да, да; да, да.

Хлоя. Я ни разу никого не выдала и не сделала ничего постыдного... Во всяком случае... Я хочу сказать, что я ведь была вынуждена добывать себе пропитание всякими путями... А потом я встретила с Чарли. (Снова запинается.)

Джил. Не надо, не надо.

Хлоя. Он думал, что я порядочная женщина, и мне от этого было так легко на душе — вы себе представить не можете... и я его не разубеждала.

Джил. Папочка, это ужасно!

Хилкрист. Да.

Хлоя. А потом я вышла за него замуж и полюбила его. Если бы это случилось раньше, я, быть может, не посмела бы... впрочем, не знаю... ведь заранее знать нельзя, не так ли? В беде хватаешься за соломинку.

Джил. Конечно.

Хлоя. А теперь я скоро стану матерью!

Джил (ошеломленная). О! Это правда?

Хилкрист. Милосердный боже!

Хлоя (тоскливо). Весь этот месяц я была как на раскаленных углях с того дня, когда здесь... Я чувствовала, что это носится в воздухе. (*Встает, ломая руки.*) Подстерегает то тут, то там (*безутешно*) и рано или поздно все откроется. (*Ее тон меняется на негодующий.*) Но я же заплатила за свой проступок... это не шутка — такая жизнь, могу вас уверить... Я не чувствую стыда и не раскаиваюсь... ничего подобного! Если бы не он... Я боюсь, он мне никогда не простит: это такой позор для него... А я жду ребенка... И я люблю его, и это так тяжело. Намного хуже всего, что я до сих пор пережила, а ведь я перенесла немало...

Джил (*решительно*). Послушайте! Он просто не должен знать.

Хлоя. В том-то и дело. Но он что-то подозревает, и раз начал допытываться, то уж будет продолжать. Мужчина не так-то легко успокаивается, если у него есть какие-нибудь подозрения насчет жены. Чарли не успокоится... никогда. Он умен и ревнив. Вот почему он хотел прийти сюда. (*Останавливается и дико озирается, прислушиваясь.*)

Джил. Папочка, что нам сказать, чтобы совершенно сбить его со следа?

Хилкрист. Все, что не выходит за пределы допустимого.

Хлоя (*хватаясь за соломинку*). Значит, вы согласны! Видите ли, я не знаю, что мне делать. Хорошая жизнь меня избаловала... И он меня любит... А если он бросит меня, я погибну... вот и все.

Хилкрист. Что вы предлагаете?

Хлоя (*нетерпеливо*). Самое главное — нужно ска-

зять ему что-нибудь определенное, что-нибудь, чему он поверит и что не слишком плохо... Ну, например, будто я служила конторщицей у этих людей, которые были тут, и была уволена по подозрению в краже. Я могла бы его убедить, что это неправда.

Джил. Это и в самом деле неправда... Вот и прекрасно! Ты сумеешь придать убедительность своим словам, не правда ли, папочка?

Хилкрист. Сделаю все возможное. Я глубоко огорчен.

Хлоя. Благодарю вас. И не говорите, что я была здесь, хорошо? Чарли очень подозрителен. Он ведь знает, что отец перепродал вам землю. Вот чего он никак не может понять... Это, и мой приход сюда сегодня утром... Он чувствует, что от него что-то скрывают, и еще вчера заприметил того человека с Доукером. И моя горничная шпионит за мною. Это носится в воздухе. Он из всего делает выводы. Но я сказала, что ему не о чем беспокоиться и что тут нет ни крупицы правды.

Хилкрист. Какой клубок!

Хлоя. Я очень честна и аккуратна в денежных делах. Чарли просто не поверит, если меня обвинят в чем-либо подобном, а старик сам хочет все скрыть от него.

Хилкрист. Это, кажется, наилучший выход из положения.

Хлоя (с оттенком вызова). Я была ему верной женой.

Джил. О да, конечно!

Хилкрист. Все это невыразимо печально. Обман ужасно противен, но...

Хлоя (страстно). Когда я обманула его, я готова была обмануть самого бога... в таком отчаянии я была. Вас-то никогда не втапывали в грязь. Вы не можете понять, через что я прошла.

Хилкрист. Да, да. Полагаю, я поступил бы точно так же. Пусть кто-нибудь другой вас осуждает, но только не я...

Хлоя закрывает глаза рукой.

Полноте, полноте! Бодритесь. (*Касается пальцами ее руки.*)

Джил (про себя). Папочка, милый!

Хлоя (вскакивает). Кто-то у двери! Я не могу боль-

ше оставаться! Ухожу! (Бежит к двери на террасу и проskalъзывает между портъерами.)

Ручка двери снова поворачивается.

Джил (смущенно). Ах! Я и забыла. Она заперта... (Подбегает к двери и отпирает, в то время как Хилкрисст идет к бюро и садится.) Ничего, Феллоуз, мы просто говорили о важных делах.

Феллоуз (входя, делает один-два шага и закрывает за собой дверь). Мистер Чарлз Хорнблоуэр, мисс, ждет в прихожей. Хочет видеть вас, сэр, или миссис Хилкрисст.

Джил. Как неприятно! Можешь ты его принять, папочка?

Хилкрисст. Пожалуй! Я думаю, да. Проведите его сюда, Феллоуз.

Когда Феллоуз уходит, Джил бежит к окну, но до прихода Чарлза у нее хватает времени только на то, чтобы поправить портъеры и, отскочив, встать возле отца. Чарлз в элегантном фраке, что не вяжется с его слишком бледным и взбудораженным видом.

Чарлз. Моя жена здесь?

Хилкрисст. Нет, сэр.

Чарлз. Была она?

Хилкрисст. Сегодня утром, мне кажется, Джил?

Джил. Да, она была здесь утром.

Чарлз (пристально глядя на нее). Я это знаю... я спрашиваю — сейчас?

Джил. Нет.

Хилкрисст качает головой.

Чарлз. Скажите мне, о чем говорилось сегодня утром?

Хилкрисст. Меня при этом не было.

Чарлз. Не пытайтесь обмануть меня. Я знаю слишком много. (Обращаясь к Джил.) А вы?

Джил. Говорить мне, папочка?

Хилкрисст. Нет, я скажу. Не будете ли добры сесть?

Чарлз. Нет. Продолжайте.

Хилкрисст (проведя языком по губам). Дело в

том, мистер Хорнблоуэр, что мой управляющий, мистер Доукер...

Чарлз издает хриплый гневный звук, он с трудом дышит.

...мой управляющий случайно знает фирму, которая в прежнее время пользовалась услугами вашей жены. Я бы предпочел больше ничего не говорить, в особенности потому, что мы не верим этой истории.

Джил. Да, мы не верим.

Чарлз. Продолжайте!

Хилкрист (вставая). Послушайте, на вашем месте я бы отказался выслушивать что-либо, направленное против своей жены.

Чарлз. Я вам говорю, продолжайте!

Хилкрист. Вы настаиваете? Хорошо. Они утверждают, что ваша жена была заподозрена в подделке каких-то счетов и уволена. Как я вам сказал, мы этому не верим.

Чарлз (страстно). Лжецы! (Стремительно бросается к двери.)

Хилкрист (вздрагивая). Что вы сказали?

Джил (схватывая его за руку). Папочка! (Вполголоса.) Ты же знаешь, что он прав.

Чарлз (возвращаясь к ним). Зачем вы лжете? Ведь я только что узнал правду от этой подлой козявки. Моя жена была здесь, она подговорила вас.

Между портьерами показывается искаженное ужасом лицо Хлои.

Она... она подговорила вас. Она обманщица... Вся изогалась! Три года непрерывной лжи!

Хилкрист, который один смотрит в сторону веранды, видит Хлою. Его рука поднимается от непреодолимого душевного волнения.

И теперь не имеете мужества сказать мне. Я покончил с ней. Я не признаю своим ребенка от такой женщины!

С чуть слышным стоном Хлоя опускает портьеру и исчезает.

Хилкрист. Ради бога, подумайте, что вы говорите. Она в ужасном горе.

Чарлз. А я?

Джил. Она любит вас, вы же знаете.

Чарлз. Хороша любовь! Этот подлец Доукер ска-
вал мне... все сказал... Ужасно! Ужасно!

Хилкрист. Я глубоко сожалею, что наша ссора
привела к этому.

Чарлз (с предельной горечью). Да, вы разбили
мою жизнь.

Незаметно входит миссис Хилкрист и останавливается
возле двери.

Миссис Хилкрист. Вы предпочли бы и дальше
жить в неведении?

Все оборачиваются.

Чарлз (с мучительной гримасой). Не знаю. Но...
это вы... вы во всем виноваты.

Миссис Хилкрист. Не надо было нападать на
нас.

Чарлз. Что мы сделали вам... по сравнению с этим?

Миссис Хилкрист. Все, что могли.

Хилкрист. Довольно, довольно! Чем мы можем по-
мочь вам?

Чарлз. Сказать мне, где моя жена.

Джил раздвигает портьеры. Дверь раскрыта. Джил выглядывает.
Все ждут в молчании.

Джил. Мы не знаем.

Чарлз. Значит, она была здесь?

Хилкрист. Да, сэр. И она слышала все, что вы го-
ворили.

Чарлз. Тем лучше. Она знает теперь, что я чув-
ствую.

Хилкрист. Возьмите себя в руки, будьте с нею по-
ласковее.

Чарлз. Поласковее? С женщиной, которая... кото-
рая...

Хилкрист. ...Которая в высшей степени несчастна.
Одумайтесь!

Чарлз. К черту ваше сочувствие! (Выходит в сад и
сразу сворачивает направо.)

Джил. Папочка, нужно поискать ее. Я ужасно бо-
юсь.

Х и л к р и с т. Я видел ее там... Она все слышала. И она ждет ребенка! Беги к песчаному карьеру, Джил, а я пойду к пруду. Нет, пойдем вместе.

Уходят.

Миссис Хилкрест подходит к камину, звонит и стоит там в задумчивости. Входит Феллоуз.

Феллоуз. Здесь мистер Доукер, сударыня. Он хочет видеть вас.

Миссис Хилкрест. Попросите его войти. Феллоуз, передайте Джекменам, что они могут вернуться в свой домик.

Феллоуз. Слушаюсь, сударыня. (Уходит.)

Миссис Хилкрест идет к бюро и достает купчую. Входит Доукер; он раздражен и смущен.

Миссис Хилкрест. Что у вас произошло с Чарльзом Хорнблоуэром?

Доукер. Он пришел ко мне. Я сказал, что ничего не знаю. Он этим не удовлетворился и пристал ко мне. Бранился на чем свет стоит, утверждал, что все знает, а затем начал угрожать. Я потерял терпение и рассказал ему.

Миссис Хилкрест. Это очень серьезно, Доукер, мы ведь дали слово молчать. Мой муж чрезвычайно расстроен.

Доукер (угрюмо). Это не моя вина, сударыня. Зачем он вздумал грозить мне и выводить из себя! Кроме того, все уже знают, что тут дело нечисто. В деревне ходят разные толки... Фактов нет... но и этого совершенно достаточно, чтобы выжить отсюда Хорнблоуэров. Им придется уехать. Во всяком случае, лучше покончить с этим раз и навсегда, чем вечно иметь врагов у своего порога.

Миссис Хилкрест. Может быть... Но... Да! Доукер, возьмите это себе на сохранение. (Вручает ему купчую.) Хорнблоуэры ожесточены до предела, и если они начнут взывать к чувствам моего мужа, я не уверена в том, как он поступит.

Слышно, что к дому подъезжает автомобиль.

Доукер (у окна, смотрит направо). Кажется, это Хорнблоуэр. Да, он.

Миссис Хилкрист (собираясь с духом). Тогда лучше, если вы побудете здесь.

Доукер. Но пусть он придержит язык. С меня довольно.

Дверь открывается, входит Феллоуз, но не успевает доложить, так как по пятам за ним следует Хорнблоуэр.

Хорнблоуэр. Отдайте мне купчую! Вы вынудили меня подписать ее обманом и вероломством. Вы поклялись, что об этом никто не будет знать. И что же! Мои собственные слуги уже все знают!

Миссис Хилкрист. К нам это не имеет никакого отношения. Ваш сын путем оскорблений и угроз вырвал тайну у мистера Доукера, вот и все. И держите себя пристойно, иначе я прикажу вас вывести.

Хорнблоуэр. Отдайте мне купчую, повторяю вам. *(Внезапно поворачивается к Доукеру.)* Эй, ты, мозгляк! Она у тебя в кармане.

И в самом деле, уголок купчей торчит из бокового кармана Доукера.

Доукер *(приходя в ярость)*. Смотрите, Хорнблоуэр! Я перенес уже много от вашего сына и больше не желаю терпеть этого.

Хорнблоуэр *(обращаясь к миссис Хилкрист)*. Я еще разорю ваше гнездо! *(Обращаясь к Доукеру.)* Отдай мне купчую, или я задушу тебя! *(Бросается на Доукера и пытается выхватить документ.)*

Доукер бросается на него, и оба стараются схватить друг друга за горло. Миссис Хилкрист делает попытку перейти через комнату и добраться до звонка, но безуспешно. Внезапно в дверях появляется Ролф, в ужасе смотрит на борющихся и схватывает за руки Доукера, который уже успел взять Хорнблоуэра за горло. Джил, появившаяся следом за ним, бросается к нему.

Джил. Ролф! Все вы! Остановитесь! Смотрите!

Рука Доукера разжимается, он оборачивается. Хорнблоуэр пошатывается и с трудом переводит дух. Все поворачиваются к стеклянной двери, за которой освещенные луной Хилкрист и Чарлз Хорнблоуэр несут на руках неподвижное тело Хлои.

Бросилась в песчаный карьер. Она едва дышит.

Миссис Хилкрист. Несите ее сюда. Коньяку, Джил!

Хорнблоуэр. Нет, отнесите ее в автомобиль. Отойдите, барышня. Я не хочу помощи ни от кого из вас. Ролф... Чарли... поднимите ее.

Они поднимают и уносят ее направо. Джил следует за ними.

Хилкрист, вы одержали надо мной верх и опозорили меня на всю округу. Вы разбили семейную жизнь моего сына и убили моего внука. Я не останусь в этом проклятом месте, но если когда-либо смогу причинить вам или вашим зло, то будьте уверены, я не останусь в долгу.

Доукер (бормоча). Так, так, визжите и угрожайте! Сами начали!

Хилкрист. Доукер, будьте добры! Хорнблоуэр, перед лицом такого несчастья, может быть, смерти, заверяю вас, что я глубоко сожалею обо всем, что произошло.

Хорнблоуэр. Лицемер. *(Не без известного достоинства проходит мимо них и направляется через сад к автомобилю.)*

Хилкрист на мгновение застывает, потом медленно проходит вперед и опускается на свой вращающийся стул.

Миссис Хилкрист. Доукер, пожалуйста, скажите Феллоузу, чтобы он позвонил доктору Робинзону и попросил его немедленно поехать к Хорнблоуэрам.

Доукер, прикасаясь пальцами к купчей и бормоча что-то похожее на «подлец», уходит направо.

(У камина.) Джек! Ты порицаешь меня?

Хилкрист *(без всякого выражения)*. Нет.

Миссис Хилкрист. А Доукера? Он сделал, что мог.

Хилкрист. Нет.

Миссис Хилкрист *(подойдя ближе)*. В чем же дело?

Хилкрист. Лицемер...

Джил *(вбегая с террасы)*. Папочка, она пошевелинулась, она заговорила. Может быть, все обойдется.

Хилкрист. Благодарение богу!

Слева входит Феллоуз.

Феллоуз. Джекмены, сударыня.

Хилкрист. Кто? Зачем?

Джекмены входят и становятся возле двери.

Миссис Джекмен. Мы так рады, что можем вернуться, сэр... Мы только хотели поблагодарить вас, сударыня.

По наступившей тишине они понимают, что пришли не вовремя.

Благодарю вас, сэр... Покойной ночи, сударыня.

Джекмены неловко выходят.

Хилкрист. Я и забыл про них. (*Встает.*) Да!.. Стоит только вступить в борьбу, как внутри тебя поднимается какая-то темная сила, и скоро ты уже сам себя не узнаешь. С чего бы ни началось, все равно дело сведется... к драке, драке без перчаток и правил!..

Джил (*подбегая и обнимая его*). Ты не виноват, папочка! Это не ты виноват, милый папочка!

Хилкрист. Нет, я. Потому что хозяин в этом доме я. Или, во всяком случае, должен им быть.

Миссис Хилкрист. Не понимаю.

Хилкрист. Когда мы затеяли эту борьбу, руки у нас были чисты... А сейчас — чисты ли они? Чего стоит благородство происхождения, если оно не может выдержать испытания?!

Занавес

1920 г.

СЕМЕЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Билдер, глава фирмы «Билдер и Билдер».
Джулия, его жена.
Атена, его старшая дочь.
Мод, его младшая дочь.
Ральф Билдер, его брат и компаньон.
Гай Херрингем, летчик.
Энни, молодая особа в синем.
Камилла, француженка, горничная миссис Билдер.
Топпинг, лакей Билдера.
Мэр Бреконриджа.
Харрис, его секретарь.
Френсис Чантри, мировой судья.
Мун, полицейский.
Мартин, сержант полиции.
Репортер из газеты «Комета».
Браконьер.
Уличные мальчишки.

Место действия — город Бреконридж в средней Англии.

Действие первое.

Картина первая.— Кабинет Билдера. Утро.

Картина вторая.— Мастерская художника.

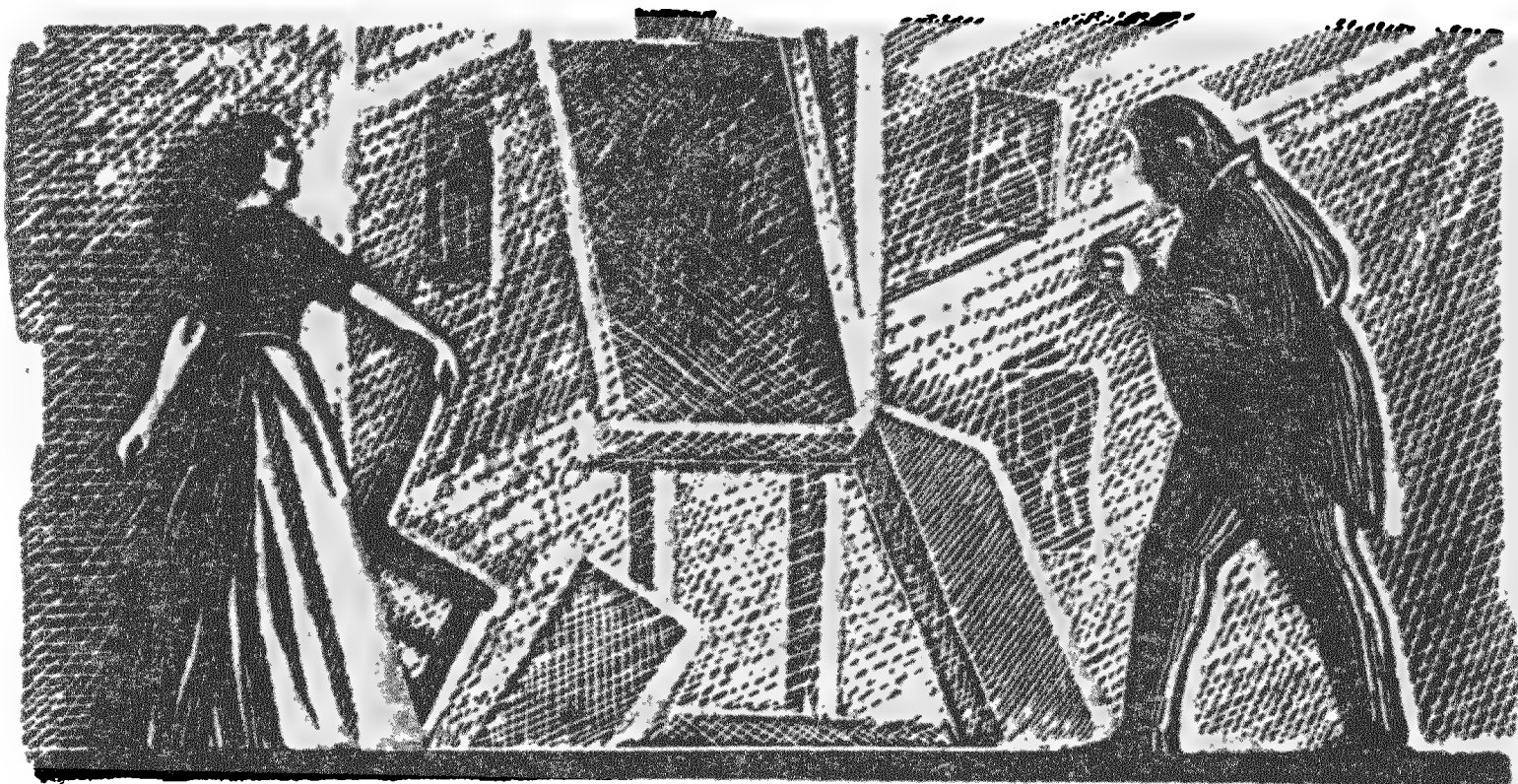
Действие второе. Кабинет Билдера. После полудня.

Действие третье.

Картина первая.— Кабинет мэра. Десять часов утра следующего дня.

Картина вторая.— Кабинет Билдера. Полдень того же дня.

Картина третья.— Кабинет Билдера. Вечер того же дня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет Джона Билдера в провинциальном городе Брекнридже. Это обшита дубовыми панелями комната, где никто ничем не занимается, разве только Билдер изучает свое лицо в зеркале над камином. Но комната вполне уютная; в ней стоят большие кожаные кресла, в центре письменный стол, на нем пишущая машинка и множество бумаг. На заднем плане большое окно с наружными ставнями, выходящее на улицу. Это старый дом, построенный еще в те времена, когда врачи, адвокаты и т. п. жили непосредственно в черте города, а не в пригородах. На стенах, справа и слева, две-три хорошие старинные гравюры, справа прекрасный старинный камин с решеткой, на которой можно сидеть. Дверь в глубине справа ведет в столовую, а дверь на переднем плане слева — в прихожую.

Джон Билдер сидит в своем любимом кресле перед горящим камином с номером «Таймса» в руках. Он превосходно позавтракал и пребывает в том безмятежном состоянии, когда обычно закуривают первую трубку и считают, что с положением в стране почти можно примириться. Это сравнительно высокий, плотный мужчина лет сорока семи. У него представительная внешность, румяное, довольно полное лицо с выдающейся нижней челюстью; глаза светлые, очень блестящие, с маленькими острыми зрачками, под глазами — темные круги. В его манерах чувствуется сила и уверенность в себе: это человек твердых убеждений, привыкший к успеху и богатству и не лишенный добродушия, когда все идет так, как ему хочется, — типичный уроженец средней Англии. Его жена — женщина сорока одного года; у нее стройная, подтянутая фигура и матово-бледное лицо, полное такой странной сдержанности, что напоминает маску. В ней чувствуется уроженка

Фетрова Джерси. Она вставляет перо в ручку и наполняет чернильницу на письменном столе.

Когда занавес поднимается, входит Камилла; в руках у нее помятая картонная коробка с цветами. Это молодая, прекрасно сложенная женщина с бледным лицом, живыми карими глазами и умением держаться, типичным для француженки. Она подает коробку миссис Билдер.

Миссис Билдер. Будьте добры, Камилла, дайте мне синюю вазу.

Камилла подает вазу, миссис Билдер ставит в нее цветы. Камилла подбирает рассыпавшиеся лепестки и листья и, взглянув на Билдера, выходит.

Билдер. Какой великолепный октябрь! Завтра мы с Чантри поохотимся на славу!

Миссис Билдер (*расправляя цветы*). Разве ты не идешь сегодня в контору?

Билдер. Нет, я собираюсь денька два отдохнуть. Если ты чувствуешь себя в форме, отдохни вовремя, и дальше опять все будет идти превосходно. (*Смотрит на нее, как бы что-то соображая.*) А что ты скажешь, если мы заглянем к Атене?

Миссис Билдер (*явно удивлена*). К Атене? Но ведь ты сказал, что знать ее больше не желаешь!

Билдер (*улыбаясь*). Это было полтора месяца назад. Но, черт побери, нельзя же отказаться от собственной дочери. Одна из слабостей англичанина — то, что он не злопамятен. В таком городе, как наш, неудобно позволять девушке жить одной. В любой момент могут узнать, что мы с ней поссорились. А это может мне повредить.

Миссис Билдер. Ну, конечно.

Билдер. И, кроме того, мне без нее скучно. Мод слишком поглощена собой. Нам очень не хватает Атены, Джулия. У тебя, кажется, есть ее адрес?

Миссис Билдер. Да. (*Очень спокойно.*) А это не значит поступиться своим достоинством, Джон?

Билдер (*добродушно*). К черту достоинство! Я именно тем и горжусь, что знаю, когда нужно поддерживать свое достоинство и когда можно забыть о нем. Если она все еще помешана на искусстве, пусть живет дома и ходит куда-нибудь заниматься своей живописью.

Миссис Билдер. Если она и была помешана на чем-нибудь, так это на стремлении к свободе.

Билдер. Несколько недель жизни без привычных удобств быстро излечивают такое помешательство. Атена не сможет прожить на свои гроши. Теперь она уже сама поняла это. Переоденься, и в двенадцать часов мы поедем.

Миссис Билдер. Боюсь, что ты потом пожалеешь об этом. Она откажется вернуться домой.

Билдер. Не откажется, если я буду с ней ласков. Я сегодня кроток, как ягненок. Открыть тебе одну тайну, Джулия?

Миссис Билдер. Для разнообразия это было бы даже приятно.

Билдер. В одиннадцать часов меня собирается навестить мэр, и я отлично знаю, зачем он пожалует.

Миссис Билдер. А именно?

Билдер. В будущем месяце мою кандидатуру выставят в мэры. Харрис намекнул мне об этом на последнем заседании муниципалитета. Не так плохо в сорок семь лет, а? Из меня, черт возьми, может получиться совсем недурной мэр. Я могу сделать для нашего города то, чего никто другой сделать не сумеет.

Миссис Билдер. Теперь я понимаю, почему ты едешь к Атене.

Билдер (добродушно). Это тоже имеет известное значение. Но (более серьезным тоном) главным образом я чувствую, что не выполняю по отношению к ней своего долга. Бог знает, с кем она там встречается! Художники вообще народ распушенный. А современные молодые люди — это черт знает, что такое. Я не отрицаю — надо идти в ногу со временем, но что поделать, если я родился консерватором! Словом, пожалуйста, будь готова к двенадцати. Кстати, Джулия, эта твоя француженка-горничная...

Миссис Билдер. Да?..

Билдер. Вполне ли она... э-э... так сказать, безупречна? Мне не хотелось бы, чтобы начались какие-нибудь... э... неприятности с Топпингом.

Миссис Билдер. О, неприятностей никаких не будет... с Топпингом. (Открывает дверь направо.)

Билдер. Не знаю; мне кажется, слишком уж много в ней этого... французского.

Миссис Билдер улыбается и выходит. Билдер набивает вторую трубку. Только он собрался снова взяться за газету, как

дверь из передней открывается, и входит лакей Топпинг — сухощавый, темноволосый, одетый в черный полуфрак; говорит всегда со скрытой иронией.

Т о п п и н г. Мэр и мистер Харрис, сэр.

Входит мэр Брекнриджа. Это чисто выбритый, краснолицый мужчина с бесцветными глазами: ему лет около шестидесяти, он хитроват, болтлив, непринужденно жизнерадостен, одет с налетом мещанской безвкусицы; за ним следует его секретарь Харрис, человек, который все замечает и все понимает.
Т о п п и н г выходит.

Б и л д е р (встает). Здравствуйтесь, мэр! Что привело вас ко мне в такую рань? Рад вас видеть. Доброе утро, Харрис!

Мэр. Здравствуйтесь, Билдер, здравствуйтесь.

Харрис. Доброе утро, сэр.

Б и л д е р. Садитесь, садитесь. Сигару?

Мэр берет сигару. Харрис вынимает свой портсигар и закуривает сигарету.

Ну-с, мэр, что у вас там не ладится? (Обменивается взглядом с Харрисом.)

Мэр (выпустив первый клуб дыма). После того как вы ушли с последнего заседания муниципалитета, Билдер, мы приняли одно решение.

Б и л д е р. Да не может быть! А вы думаете, я соглашусь с ним?

Мэр. Увидим. Мы хотим выдвинуть вашу кандидатуру в мэры. Вы согласны?

Б и л д е р (невозмутимо). Об этом надо поразмыслить.

Мэр. Если не вы, то остается только Чантри, но он не пользуется влиянием, и все его интересы связаны не с городом, а с поместьем. А какие у вас возражения?

Б и л д е р. Все это несколько неожиданно, мэр. (Взглянув на Харриса.) Тот ли я человек, который вам нужен? То есть буду ли я вашим достойным преемником? Я собираюсь завтра охотиться у Чантри. Как он-то к этому относится?

Мэр. Как, по-вашему, Харрис?

Харрис. Мистер Чантри, сэр, воспитывался в аристократической школе и в Оксфорде. Я бы не сказал, что он честолюбив.

Билдер. Я тоже не честолюбив, Харрис.

Харрис. Нет, сэр, но у вас высоко развито чувство долга. А мистер Чантри — во всем немного дилетант.

Мэр. Нам нужен серьезный человек.

Билдер. У меня и так дел по горло, вы же знаете, мэр.

Мэр. Но у вас есть все необходимые качества — вы владелец известной фирмы, человек семейный, живете в городе, прилежно посещаете церковь, имеете опыт в муниципальных и судебных делах. Советую вам согласиться, Билдер.

Билдер. Ведь это значит взвалить на себя огромную дополнительную работу. Я неохотно берусь за новые дела, но если берусь, то всерьез.

Мэр. Нынче времена опасные. Авторитет власти везде начинает колебаться. Нам нужен человек, обладающий чувством ответственности, и мы полагаем, что нашли его в вашем лице.

Билдер. Вы очень любезны, мэр. Но, право же, я не знаю, что вам сказать. Я не должен забывать о благе нашего города.

Харрис. Об этом вам беспокоиться нечего, сэр.

Мэр. Имя Джона Билдера немало значит. Вас считают человеком, который умеет вести свои дела. Ваша супруга и дочери здоровы?

Билдер. Вполне.

Мэр (встает). Ну и прекрасно! Что ж, если хотите, поговорите об этом завтра с Чантри. Нынче люди любят ударяться в крайности, а нам нужен человек с твердыми принципами и здравым смыслом.

Харрис. Нам нужен человек с крепкой хваткой, сэр, и это именно вы.

Билдер. Гм! У меня ведь, знаете ли, тяжелый характер.

Мэр (посмеиваясь). Знаем, знаем! Я вижу, вы скажете нам: да. Без ложной скромности! Пойдемте, Харрис, нам пора.

Билдер. Что ж, мэр, я подумаю и дам вам знать. Вам известны мои недостатки и мои достоинства, каковы бы они ни были. Я всего лишь самый обыкновенный англичанин.

Мэ р. Ничего лучшего нам и не надо. Я всегда говорю, что у англичан есть одна великолепная черта — они твердо стоят на земле. Вы можете сбить англичанина с ног, но не успеете и глазом моргнуть, как он уже снова твердо стоит на земле... Правда, и у него бывают затмения, но он всегда упорен до конца! Всего хорошего, Билдер, всего хорошего! Надеюсь, что вы согласитесь.

Он пожимает Билдеру руку и уходит в сопровождении Харриса. Когда дверь за ними закрывается, Билдер некоторое время стоит неподвижно, с довольной улыбкой на лице; затем поворачивается и внимательно рассматривает свое отражение в зеркале над камнем. В это время дверь из столовой тихо открывается, и входит Камилла. Билдер, внезапно увидя ее в зеркале, оборачивается.

Б и л д е р. Что вам нужно, Камилла?

К а м и л л а (говорит с заметным французским акцентом). Мадам послала меня за письмом; она говорит, что оно у вас, мосье,— это счет из ателье окраски и чистки тканей.

Б и л д е р (роясь в карманах). Да... Нет. Оно на столе.

Камилла идет к письменному столу и ищет там письмо.

Вон тот голубой конверт.

К а м и л л а (берет его). Non¹, мосье, это счет за газ.

Б и л д е р. А-а! (Идет к столу и перебирает бумаги.)

Камилла неподвижно стоит совсем рядом с ним, устремив на него пристальный взор.

А, вот оно! (Поднимает голову, замечает ее взгляд, опускает глаза и протягивает ей конверт. Их пальцы соприкасаются. Он прячет руки в карманы.) Зачем вы приехали в Англию?

К а м и л л а (скромно). Здесь больше платят, мосье, и... (улыбаясь) англичане такие любезные.

Б и л д е р. Черта с два! Уж этого про них не скажешь.

К а м и л л а. О! Я восхищаюсь англичанами. Они такие сильные и добрые.

Б и л д е р (явно польщенный). Гм! Нам не хватает светских манер.

¹ Нет (франц.).

К а м и л л а. Французы более вежливы, но не всегда от чистого сердца.

Б и л д е р. Верно. Что касается сердца, то оно у нас в полном порядке.

К а м и л л а. Англичанин ищет свое счастье в семье, а француз... на стороне.

Б и л д е р (смущаясь). Гм!

К а м и л л а (взглянув на него). Англичанин в своей семье — как кролик в силке!

Б и л д е р. О! Так вот как вы смотрите на нас! (Его возмущенный, но в то же время заинтересованный взгляд останавливается на ней.)

К а м и л л а. Пардон, мосье, это я так, сболтнула.

Б и л д е р (начинает догадываться, что с ним заигрывают). Вы из Парижа?

К а м и л л а (сжав руки, восторженно). О да, Париж! Какой это город! Вот где можно наслаждаться жизнью!

Б и л д е р. Еще бы. Распущенный город, этот ваш Париж.

К а м и л л а. Распущенный? А что это значит, мосье?

Б и л д е р. Ну, там недостаточно строгие нравы.

К а м и л л а. Строгие нравы! О, мы, разумеется, любим жить, мы — французы. У нас не то, что в Англии. Я отнесу счет мадам, мосье. (Поворачивается, как будто собираясь уйти.) Извините.

Б и л д е р. А я думал, что все француженки рано выходят замуж.

К а м и л л а. Я была замужем, но мой муж погиб en Afrique¹.

Б и л д е р. Вы не носите кольца.

К а м и л л а (улыбаясь). Я предпочитаю, чтобы меня называли mademoiselle, мосье.

Б и л д е р (не очень одобрительно). Ну, нам-то все равно. (Берет со стола еще одно письмо.) Можете отнести и это миссис Билдер.

Их пальцы снова соприкасаются, и взгляды встречаются на мгновение. К а м и л л а выходит. Он поворачивается к своему креслу.

Что-то в ней не так. Очень уж кокетка!

¹ В Африке (франц.).

Сжав губы, он снова усаживается в свое кресло; в это время дверь из прихожей открывается, и входит его дочь М о д, хорошенькая девушка, довольно бледная, с красивыми глазами. Хотя по ее виду и чувствуется, что она способна на решительные поступки, ведет она себя в эту минуту несколько неуверенно. У нее в руке письмо, она идет к отцу, словно подкрадываясь. Сказав: «Здравствуй, Мод!»,— он погружается в чтение газеты.

М о д (дойдя до стола). Папа!

Б и л д е р (не опуская газеты). Ну, что там? Этот тон мне знаком. Что тебе нужно? Денег?

М о д. Мне, конечно, всегда нужны деньги, но... но...

Б и л д е р (вытаскивает из кармана банкноту, не глядя на Мод). Вот тебе пять фунтов.

Мод подходит к нему и берет деньги, но то, зачем она пришла, теперь волнует ее еще больше, чем раньше. Билдер ничего не замечает.

Дай-ка я тебе продиктую письмо.

Мод садится у стола за пишущую машинку и готовится писать.

(Диктует.) «Многоуважаемый мэр! В связи с вашим сегодняшним визитом я... э... очень тщательно обдумал затронутый вами вопрос, и хотя не совсем охотно...»

М о д. Действительно неохотно, папа?

Б и л д е р. Пиши: «...поскольку это налагает на меня большую ответственность,— но все же считаю своим долгом пойти навстречу вашему желанию. Это ... честь, которой я вряд ли достоин, но вы можете не сомневаться...»

М о д. «Достойн»... Но ведь ты же уверен, что достоин.

Б и л д е р. Послушай-ка! Ты, кажется, хочешь меня рассердить? Сегодня тебе это не удастся.

М о д. А мне кажется, что это ты хочешь меня рассердить.

Б и л д е р. Ну, а как бы ты сказала?

М о д. «Я не хуже вас знаю, что я самый достойный кандидат на этот пост».

Б и л д е р. До чего же нынешняя молодежь непочтительна, просто неслыханно. Кстати, скажи-ка мне: куда ты ходишь каждый вечер после чая?

М о д. Я... я не знаю.

Б и л д е р. Ну, ну, так мы далеко не уедем... От шести до семи тебя никогда нет дома.

Мод. Да видишь ли, я в какой-то мере продолжаю свое образование.

Билдер. Да ведь ты закончила его два года назад.

Мод. Ну, если хочешь, можешь назвать это увлечением. *(Берет письмо, которое принесла с собой, и, по-видимому, хочет начать о нем разговор.)*

Билдер. Увлечением? А кем или чем ты изволишь увлекаться?

Мод. Я не хочу раздражать тебя, папа.

Билдер. Ты еще больше раздражаешь меня своими тайнами. Посмотри, к чему они привели твою сестру. Да, кстати, я хочу покончить со всем этим сегодня же. Ты будешь рада, если она вернется, а?

Мод *(пораженная)*. Что?!

Билдер. Мы с мамой собираемся в двенадцать часов съездить к Атене. Я помирюсь с ней. Она должна вернуться домой.

Мод *(в ужасе, но пытается это скрыть)*. Ах! Не стоит... Нет, не стоит, папа... Она не согласится.

Билдер. Увидим. Я уже совсем забыл о своей вспышке, и она, надеюсь, тоже.

Мод *(настойчиво)*. Папа! Уверяю тебя, что она не согласится, ты только потеряешь даром время и поставишь себя в глупое положение.

Билдер. Ну, сегодня я могу многое стерпеть. И вообще все это чепуха! Семья есть семья.

Мод *(все больше приходит в замешательство, но старается скрыть это)*. Папа, на твоем месте я... я бы не пошла, право! Это... это унизит твоё достоинство.

Билдер. Предоставь мне самому судить об этом. Если у... мэра города незамужняя дочь, в таком юном возрасте, как Атена, живет самостоятельно вне дома,— вот это унижает достоинство... самого мэра. Нашим утверждениям, что она где-то гостит, скоро никто не будет верить. А теперь кончай письмо: «...достоин, но вы можете не сомневаться, что я приложу все усилия, чтобы оправдать... э... это высокое звание...»

Мод с отчаянием стучит на машинке.

Написала? «И... э... блюсти традиции, которые вы так достойно...» Нет... э... «так стойко»... э..., э...,

Мод. Поддерживали.

Б и л д е р. Вот, вот, «...поддерживали. Преданный вам...».

М о д (заканчивая). Папа, ты считаешь, что Алена ушла, потому что обиделась. Ничего подобного. Она давно собиралась уйти. Она нарочно довела тебя до бешенства, чтобы ей проще было это сделать. Она не могла больше жить дома.

Б и л д е р. Ерунда! С чего бы это?

М о д. Однако это именно так! И я...(Спохватилась.) Пойми же, ты только выставишь себя в смешном свете, если пойдешь к ней.

Б и л д е р (встает). Послушай, Мод, к чему ты kloнишь?

М о д. К чему? Да ни к чему!..

Б и л д е р. Беда в том, что вы, девочки, очень избалованы и вам нравится дразнить меня, но сегодня ты меня не заставишь рычать. У меня слишком хорошее настроение. Вот увидишь, с Аленой я все улажу.

М о д (вдруг). Папа!

Б и л д е р (с мрачным юмором). Ну! Выкладывай! Что в этом письме?

М о д (снова не решается и комкает письмо в руках, за спиной). О, ничего.

Б и л д е р. Сегодня у тебя все «ничего». Тебе известно, какими людьми окружена теперь Алена? Ведь ты, вероятно, видишься с ней?

М о д. Иногда.

Б и л д е р. Ну?

М о д. Да никакими. Здесь ведь нет никого интересного. Все безнадежно отстали.

Б и л д е р. Ах, ты находишь? Во всем виноваты эти тлетворные книжонки, которыми вы зачитываетесь. Вот что я вам скажу, сударыня,— чем скорее вы и ваша сестра избавитесь от ваших дурацких взглядов насчет самостоятельной жизни, тем скорее вы обе выйдете замуж и начнете эту самую самостоятельную жизнь! Мужчинам не нравятся женщины нового толка — сколько бы мужчины ни утверждали обратное!

М о д. Ты судишь по себе, папа!

Б и л д е р. Ну, что ж. А я такой, как все. Если будешь понаблюдательнее, скоро сама это поймешь.

М о д. Мужчины считают, что только они имеют право пользоваться свободой.

Б и л д е р. Это неверная формулировка. (*Выколачивает трубку.*) Женщинам нашего круга никогда не приходилось сталкиваться с действительностью.

М о д. Может быть, но мы этого хотим.

Б и л д е р (*добродушно*). Знаешь, я готов побиться с тобой об заклад на что угодно: Атена уже достаточно хлебнула этой самой действительности и излечилась от своего сумасбродства.

М о д. А я держу пари, что... Нет, впрочем, не буду!

Б и л д е р. И не стоит. Атена вернется домой и будет рада этому без памяти. Позвони Топпину и прикажи подать автомобиль к двенадцати.

В то время как он открывает дверь, чтобы выйти, Мод делает движение, порываясь подойти к нему, но останавливается.

М о д (*смотрит на свои часы*). Половина двенадцатого! Боже ты мой! (*Идет к звонку. Звонит. Затем возвращается к столу и записывает адрес на листке бумаги.*)

Справа входит Т о п п и н г.

Т о п п и н г. Вы звонили, мисс?

М о д (*держит листок*). Да. Слушайте, Топпинг! Можете вы съездить на велосипеде очень срочно, сейчас же? Мне надо кое-что сообщить мисс Атене, страшно важное. Всего несколько слов: «Берегись! Папа едет к тебе». (*Протягивает ему записку.*) Вот ее адрес. Вы должны съездить туда и вернуться до двенадцати. В двенадцать папе и маме будет нужен автомобиль, чтобы поехать к Атене, так что распорядитесь насчет автомобиля, прежде чем отправитесь. На велосипеде у вас весь путь займет не больше двадцати минут. Это там, на набережной, около перевоза. Но наши не должны видеть вас ни когда вы будете уезжать, ни когда вернетесь.

Т о п п и н г. А если я попаду к ним в лапы, мисс, записочку прикажете съесть?

М о д. Безусловно! Топпинг, вы просто прелесть! Поторапливайтесь!

Т о п п и н г. Никаких более подробных указаний, мисс?

М о д. М-м... Нет.

Топпинг. Слушаю, мисс Мод. (*Читает, стараясь запомнить адрес.*) «Брайери Студио, Ривер-Род. Берегись! Папа едет к тебе!» Я уйду с черного хода. Ответ нужен?

Мод. Нет.

Топпинг кивает головой и выходит.

Что ж, это все, что я могла сделать. (*Стоит задумавшись, и в это время занавес опускается.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Мастерская художника, при ней — квартира; все вместе стоит не дороже восьмидесяти фунтов в год. Тут, конечно, есть какие-то полотна, кисти, краски, мольберт, но атмосфера скорее жилая, чем рабочая. Большой беспорядок. Голые стены, покатый застекленный потолок, окон нет; камина тоже не видно. Слева дверь в спальню, справа в кухню. На заднем плане в центре входная дверь.

В дверь стучат. Из кухни выходит молоденькая горничная Энни, в холщовом платье цвета синей промокашки, в белом голландском чепчике. Энни — хорошенькое розовощекое создание; она сосредоточенно хмурится, идет к входной двери и отворяет ее. За дверью стоит Топпинг. Он входит и останавливается у порога.

Топпинг. Мисс Билдер здесь живет?

Энни. О нет, сэр. Тут живет миссис Херрингем.

Топпинг. Миссис Херрингем? А! Молодая дама с темными волосами и большими выразительными глазами?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. И на белье у нее метка «А. Б.»? (*Подходит к столу.*)

Энни. Да, сэр.

Топпинг. А на рисунках подпись «Атена Билдер»?

Энни (*взглянув на один из рисунков*). Да, сэр.

Топпинг. Давайте-ка посмотрим. (*Разглядывает рисунок.*) Вы сказали: миссис Херрингем?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. Вот так штука!

Энни. Вы что-то сказали, сэр?

Топпинг. Бросьте это «сэр», дорогая; я сам служу у Билдеров. Мистер Херрингем дома?

Энни. О нет, сэр.

Топпинг. Мне ждать некогда. Передайте вот что. От мисс Мод Билдер. «Берегись! Папа едет к тебе». Так вот, кто бы из них ни пришел первым, надо им это передать, постарайтесь не забыть!

Энни. О нет, сэр.

Топпинг. Значит, они женаты?

Энни. О, я не знаю, сэр.

Топпинг. Понятно. Во всяком случае, мистер Джон Билдер тоже не знает. Вот почему надо им это передать. Поняли?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. Ну, смотрите! А мне пора. Значит, от мисс Мод Билдер: «Берегись! Папа едет к тебе!» (Кивает ей, поворачивается и уходит, хлопнув за собой дверь.)

Энни стоит некоторое время, раскрыв рот.

Энни. Ой! (Идет в спальню и вскоре возвращается с мужской пижамой, зубной щеткой, ночными туфлями и футляром с бритвами и кладет все это на стол; затем бежит в кухню и возвращается оттуда с большой формой для теста в руках; ставит форму посреди комнаты. Потом снова идет в спальню и возвращается с платяной щеткой, двумя щетками для волос и мужской домашней курткой. В то время как она засовывает все это в форму и уносит обратно в кухню; слышно, как к дому подъезжает и останавливается автомобиль. Энни снова появляется в дверях кухни, как раз в ту минуту, когда раздается стук дверного молотка.) Эх ты, вот досада! (Стук повторяется. Она открывает дверь.) О!

Входят мистер и миссис Билдер.

Билдер. Мы мистер и миссис Билдер. Моя дочь дома?

Энни (в замешательстве). О, сэр, нет, сэр.

Билдер. Милая моя, «о, сэр, нет, сэр» — это лишнее. Просто «нет, сэр». Поняли?

Энни. О, сэр, да, сэр.

Билдер. Где она?

Энни. О, сэр, я не знаю, сэр.

Билдер (пристально смотрит на нее, словно подо-

зревая, что она над ним подшучивает). Она скоро вернется?

Э н н и. Нет, сэр.

Б и л д е р. Откуда вы знаете?

Э н н и. Я н-не знаю, сэр.

Б и л д е р. Зачем же вы тогда это говорите? (Чуть было не пробормотал: «Вот дура!»,—но, заметив ее раздумавшееся лицо и прерывисто вздымающуюся грудь, похлопал ее по плечу.) Ничего, ничего, не надо пугаться.

Э н н и. О да, сэр. Извините, сэр, вам больше ничего не нужно?

М и с с и с Б и л д е р (искоса взглянув на мужа, с легкой улыбкой). Нет, можете идти.

Э н н и. Спасибо, сударыня. (Поворачивается и убегает в кухню.)

Билдер смотрит ей вслед, а миссис Билдер смотрит на Билдера, продолжая слегка улыбаться.

Б и л д е р (после того, как Энни ушла). Забавная голландочка... славная фигурка... (Оглядываясь.) Гм! Станный народ эти девушки! Подумать только, что Атена предпочитает все это дому! Что?

М и с с и с Б и л д е р. Я ничего не сказала.

Б и л д е р (пододвигает жене стул и садится сам). Что ж, нам, очевидно, придется подождать. Черт бы побрал это никсоновское наследство! Если б Атене не достались эти жалкие деньжонки, она не могла бы так поступить. Ну, я думаю, от них теперь уже ничего не осталось. Я сделал ошибку — не надо было выходить из себя, когда я разговаривал с ней.

М и с с и с Б и л д е р. Но ведь человек всегда совершает ошибку, когда выходит из себя.

Б и л д е р. Как это мило сказано, как хладнокровно! Вы, женщины, ведущие спокойную жизнь за чужой спиной, всегда говорите такие вещи. Я часто задаю себе вопрос — понимаете ли вы, женщины, в каком напряжении живем мы, деловые люди?

М и с с и с Б и л д е р (присущим ей чуть ироническим тоном). Как ужасно, что приходится добавлять к этому еще и бремя семейной жизни!

Билдер. Ты всегда была такой безразличной ко всему! Если мне что-нибудь нужно, я добиваюсь своего любой ценой.

Миссис Билдер. Я это заметила.

Билдер (коротко рассмеявшись). Удивительно было бы, если бы ты не заметила — за двадцать три-то года. (*Дотрагивается носком башмака до холста, прислоненного к столу.*) Искусство! Просто предлог! Не хватает еще, чтобы и Мод сорвалась с цепи! Она какая-то беспокойная. Но мне все же следовало избежать этой стычки с Атеней. Надо было действовать настойчиво, но мягко.

Миссис Билдер улыбается.

Чему ты улыбаешься?

Миссис Билдер пожимает плечами.

А это что такое?.. Папиросы! (*Рассматривает этикетку на коробке.*) Очень крепкие — и не слишком хорошие! (*Открывает дверь.*) Кухня! (*Закрывает дверь в кухню, идет к другой двери и открывает ее.*) Спальня!

Миссис Билдер (вслед его исчезающей за дверью фигуре). А ты не думаешь, что лучше не делать этого, Джон? (*Он уже исчез, и она заканчивает фразу выразительным жестом и долгим вздохом, а затем закрывает глаза.*)

Раздается властный голос Билдера: «Джулия!»

Ну, что еще? (*Идет к нему в спальню.*)

Э н н и высовывает голову из дверей кухни, делает шаг вперед, как бы собираясь куда-то бежать, но, услышав голос Билдера, снова скрывается в кухне. Входит Билдер с ремнем для правки бритв в одной руке и кисточкой для бритья в другой; за ним идет миссис Билдер.

Билдер. А вот это как ты объяснишь? Боже мой! Где эта служанка?

Миссис Билдер. Джон! Не надо! (*Встает между ним и кухонной дверью.*) Это неприлично.

Билдер. Наплевать!

Миссис Билдер. Джон, так нельзя. Ведь у Ате-ны у самой темный пушок над верхней губой, ты же знаешь.

Билдер. Что? Я останусь тут и выясню все до кон-

ца, даже если мне придется ждать целую неделю. Отцы, которые позволяют своим дочерям... Ну и времена! Черт знает что такое! (*Яростно взмахивает ремнем, словно собираясь опустить его на чью-то спину.*)

Миссис Билдер. Этого она не потерпит. В наши дни даже жены этого не терпят.

Билдер (*угрюмо*). Война перевернула все вверх дном. Женщины совершенно отбились от рук. Куда она, к дьяволу, провалилась?

Миссис Билдер. А что, если ты оставишь меня здесь одну поговорить с ней?

Билдер (*зловеще*). Уж это предоставь мне.

Миссис Билдер. А по-моему, я это сделаю лучше.

Билдер. Что у тебя за манера всегда возражать мне, что бы я ни говорил! Пойду-ка, посмотрю еще... (*Подходит к дверям спальни, но, услышав, как в замок входной двери кто-то вставляет ключ, останавливается. Прячет руку с ремнем и кисточкой за спину и говорит тихо.*) Вот она!

Миссис Билдер подходит к нему, и они оба поворачиваются лицом к входной двери. Входит Гай Херрингем. Они стоят в стороне, он успевает закрыть дверь и только тогда замечает их. От изумления он разевает рот, а его рука опускается на ручку двери. Гай — молодой человек приятной наружности, в костюме спортивного покроя, да к тому же еще с дымящейся сигаретой в руке.

Он заговорил бы, если б мог, но он слишком поражен.

Ну-с, сэр?

Гай (*постепенно приходя в себя*). Я собирался задать вам тот же вопрос, сэр.

Билдер (*весь багровый, едва сдерживается*). Ведь это не ваша квартира?

Гай. И не ваша, сэр.

Билдер. Могу я спросить, знаете ли вы, чья она?

Гай. Моей сестры.

Билдер. Вашей... Вы!..

Миссис Билдер. Джон!

Билдер. Не будете ли вы так любезны объяснить мне, почему ваша сестра подписывает свои картины именем моей дочери, Атены Билдер, и почему у нее вон там висит фотография моей жены?

Молодой человек смотрит на миссис Билдер и вздрагивает, но быстро берет себя в руки.

Г а й (смело). Но это действительно мастерская моей сестры. Сестра сейчас во Франции... а здесь у нее гостит приятельница.

Б и л д е р. А! И у вас есть ключ?

Г а й. Это ключ моей сестры.

Б и л д е р. Ваша сестра бреется?

Г а й. Н-нет, не думаю.

Б и л д е р. Нет! Тогда вы, может быть, объясните мне, что это значит? (*Показывает ремень и кисточку.*)

Г а й. А-а! М-м... Вот эти вещи?

Б и л д е р. Да. Ну?

Г а й (*обращаясь к миссис Билдер*). Следует ли нам обсуждать это в вашем присутствии, сударыня? Дело довольно щекотливое.

Б и л д е р. Как вы собираетесь это объяснить?

Г а й. Видите ли...

Б и л д е р. Только не крутите, выкладывайте начистоту!

Г а й (*решительно*). Я предпочитаю не отвечать.

Б и л д е р. Как вас зовут?

Г а й. Гай Херрингем.

Б и л д е р. Вы живете здесь?

Гай молчит.

М и с с и с Б и л д е р (*Гаю*). Мне кажется, вам лучше уйти.

Б и л д е р. Джулия, может быть, ты все-таки предоставишь это мне?

М и с с и с Б и л д е р (*Гаю*). Когда, по-вашему, должна вернуться моя дочь?

Г а й. Сейчас... сию минуту.

М и с с и с Б и л д е р (*спокойно*). Вы женаты на ней?

Г а й. Да. То есть... нет; я хочу сказать, не совсем.

Б и л д е р. Что такое? Повторите!

Г а й (*скрестив руки*). Я не скажу больше ни слова.

Б и л д е р. Зато я скажу.

М и с с и с Б и л д е р. Джон... прошу тебя!

Б и л д е р. Не суйся не в свое дело! Пока что я был удивительно терпелив. (*Ткнув башмаком в картину.*) Искусство! Вот к чему оно приводит. Вы тоже художник?

Г а й. Нет, я летчик. По правде говоря...

Б и л д е р. Правда — от вас? Не желаю слушать. Я подожду свою дочь.

Г а й. Если вы собираетесь это сделать, то, надеюсь, будете настолько добры, что поговорите с ней более деликатно. Если вы рассердитесь, я тоже могу рассердиться, и это будет выглядеть довольно непривлекательно.

Б и л д е р. Будь я проклят!

Г а й. Как вам угодно, сэр. Но я надеюсь, что вы, как воспитанный человек, возьмете себя в руки до ее прихода, если вы собираетесь дожидаться ее.

Б и л д е р. Если! Вот это мне нравится!

Г а й. Не хотите ли закурить?

Б и л д е р. Я... я не нахожу слов...

Г а й (*успокаивающе*). И не пытайтесь, сэр. (*Резким движением поднимает голову и прислушивается.*) Кажется, идет! (*Подходит к дверям.*) Да. Очень прошу вас, сэр! (*Открывает дверь.*) Твои родители, Атена.

Входит А т е н а, грациозная, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы. Ей двадцать два года. Вздернутая верхняя губка, прямой нос, темные волосы и блестящие глаза. Говорит медленно, певуче, с едва заметным пришепетыванием. На ней пестрое платье.

А т е н а. Ах! Мамочка, дорогая, здравствуй! Вот это сюрприз! А папу я уж никак не ждала — он ведь всегда держит слово. (*Смотрит пристально на Билдера, но не подходит к нему.*)

Б и л д е р (*с трудом сдерживаясь*). Слушай, Атена, что это все значит?

А т е н а. А что именно?

Б и л д е р (*показывая ремень*). Ты замужем за этим... этим...

А т е н а (*спокойно*). Собственно говоря, да.

Б и л д е р. Законным браком?

А т е н а. Нет.

Б и л д е р. Боже мой! Ты... ты...

А т е н а. Папа, пожалуйста, не бранись.

Б и л д е р. Почему же ты не вышла за него замуж?

А т е н а. Тебе нужно много разных причин или одну, настоящую?

Б и л д е р. С ума можно сойти! (*В волнении ходит взад и вперед.*)

А т е н а. Мамочка, дорогая, выйди, пожалуйста, в ту комнату вместе с Гаем. (*Указывает на спальню.*)

Б и л д е р. Зачем?

А т е н а. Потому что мне не хотелось бы, чтобы она слышала эту причину.

Г а й (*Атене, вполголоса*). Он способен на все.

А т е н а. Ничего, идите, идите.

Г а й следует за м и с с и с Б и л д е р; немного поколебавшись, они уходят в спальню.

Б и л д е р. Ну-с!

А т е н а. Что ж, папа, если ты хочешь знать, настоящая причина — это ты!

Б и л д е р. Какого дьявола! Что ты хочешь этим сказать?

А т е н а. Гай хочет жениться на мне. В сущности, мы... Но я прониклась таким отвращением к браку, понаблюдав за тобой дома, что...

Б и л д е р. Не дерзи! Мое терпение может лопнуть, предупреждаю тебя.

А т е н а. Я говорю совершенно серьезно, папа. Повторяю тебе... мы собирались пожениться, но пока что я не могу заставить себя. Ты ведь никогда не замечал, как мы, дети, следили за тобой!

Б и л д е р. За мной?

А т е н а. Да. За тобой и мамой. И вообще за многим. За многим другим.

Б и л д е р (*доставая носовой платок и вытирая лоб*). Нет, ты, кажется, и впрямь сошла с ума.

А т е н а. Безусловно, тебе так и должно казаться, дорогой папочка.

Б и л д е р. Я тебе не «дорогой»! Ну и что же вы заметили? Может быть, ты считаешь, что я плохой муж и отец?

А т е н а. Посмотри на маму. Впрочем, теперь ты, вероятно, не в состоянии понять, в чем дело, ты слишком привык к ней.

Б и л д е р. Разумеется, я привык к ней. А для чего же еще женятся?

А т е н а. Для этого... и для того, чтобы производить на свет таких, как я. Но это еще не оправдание. Ты не должен был подавать нам такой превосходный пример.

Б и л д е р. Ты говоришь самую несусветную чепуху, какую я когда-либо слышал. (*Поднимая руки.*) Я охотно вытряс бы из тебя эти идеи.

А т е н а. Может быть, мне позвать Гая?

Он опускает руки.

Признайся, ты ужасно устал быть хорошим мужем и отцом? Во всяком случае, мы от этого устали.

Б и л д е р (*ища спасения в иронии*). Когда ты закончишь со своими шуточками, может быть, ты скажешь мне, почему ты поступила как простая уличная девка?

А т е н а (*просто*). Мне было невыносимо думать о Гае как о семейном человеке, вот и все, решительно все. Это не его вина, ему-то ужасно хотелось стать семьянином.

Б и л д е р. Значит, ты нас опозорила; вот что это означает.

А т е н а. Хоть мне и неприятно говорить тебе это, но ты сам во всем виноват.

Б и л д е р (*с искренним изумлением*). Я просто не могу понять, о чем ты толкуешь. Я всегда был только тверд и больше ничего! Нетерпелив, может быть. Я не ангел. Обыкновенные, нормальные люди ангелами не бывают. Я никогда не отказывал вам, девочкам, ни в каких удобствах, ни в каких развлечениях.

А т е н а. Ни в чем, кроме права иметь свою волю.

Б и л д е р. На что вам своя воля, пока вы незамужем?

А т е н а. Ты забываешь о маме!

Б и л д е р. А при чем тут мама?

А т е н а. Уж она-то замужем в большей степени, чем кто бы то ни было. А есть у нее своя воля?

Б и л д е р (*угрюмо*). Она научилась понимать, когда я прав.

А т е н а. А я не собираюсь учиться понимать, когда Гай прав и когда неправ. Маме сорок один год. Двадцать три года из сорока одного она была твоей женой. Это очень долгий срок, папа. Разве ты никогда не смотришь на ее лицо?

Б и л д е р (*где-то в глубине души несколько смущенный*). Чушь!

А т е н а. Я не хочу, чтобы и мое лицо стало таким же.

Б и л д е р. Раз у тебя подобные взгляды на брак, чего ради ты вообще связалась с мужчиной? Ну, говори!

А т е н а. Потому что влюбилась.

Б и л д е р. Любовь ведет к браку... и ни к чему другому, разве что на панель! Какой пример ты подаешь сестре!

А т е н а. А ты так же мало знаешь Мод, как и меня. Имей в виду, что у нее тоже есть своя воля.

Б и л д е р. Послушай, Атена... Я всегда имел привычку смотреть в лицо фактам. Что сделано, того не воротишь, но кое-что можно еще исправить. Ты должна выйти замуж за этого... Немедленно, прежде чем вся история выйдет наружу. Он поступил как негодяй, но ты сама признаешься, что вела себя еще хуже. Вы заразились этой современной болезнью, этим... этим полнейшим отсутствием чувства приличия. В некоторых вещах есть извечный порядок, и брак — одна из подобных вещей, в сущности, даже главная. Ну, вот что, дай мне обещание, и я приложу все усилия, чтобы забыть эту историю.

А т е н а. Когда мы поссорились, папа, ты сказал, что тебе безразлично, что будет со мной.

Б и л д е р. Я был сердит.

А т е н а. Ты и сейчас сердишься.

Б и л д е р. Ну, Атена, довольно ребячиться! Обещай мне!

А т е н а (задрожав). Нет! Мы уже вот-вот собирались это сделать сами. Но после того, как я снова увидела тебя... Бедная мама!

Б и л д е р (в страшном гневе). Это — настоящее богохульство. Что ты все сводишь к разговору о матери? Если ты думаешь, что... что она никогда... что она всегда...

А т е н а. Папа!

Б и л д е р. Будь я проклят, если соглашусь с подобной несправедливостью. Твоя мать может... она может довести человека до бешенства, вот что. Ты себе и не представляешь... Она... она... В ней подавлены все чувства! В ней нет... У нее... у нее холодная кровь!

А т е н а. Так я и знала!

Б и л д е р (поняв, что он подтвердил какую-то ее

мысль, которую отнюдь не собирался подтверждать).
Что такое?

А т е н а. А ты никогда не смотришь на свое собственное лицо, папа? Например, когда бреешься.

Б и л д е р. Конечно, смотрю.

А т е н а. На нем нет выражения полной удовлетворенности, не так ли?

Б и л д е р. Не понимаю, что ты плетешь.

А т е н а. Это не в твоей власти, но ты был бы куда счастливее, если б ты был мусульманином и две или три женщины вместо одной научились бы... научились бы понимать, когда ты прав.

Б и л д е р. Ну, знаете! Это уже совершенно чудовишно!

А т е н а. Правда часто бывает чудовишной!

Б и л д е р. Замолчишь ты или нет?

А т е н а. Мне не хотелось бы когда-нибудь пожалеть Гая за то, что он не мусульманин.

Б и л д е р. Ты самая распушенная... Мне стыдно, что ты моя дочь. Если бы твоя мать когда-нибудь вела себя так, как ты теперь...

А т е н а. Ты был бы тверд с нею?

Б и л д е р (ему действительно становится не по себе от этой непривычной для него насмешки, с которой он сталкивается на каждом шагу). Замолчи, ты!..

А т е н а. Разве мама никогда не восставала?

Б и л д е р. У тебя совершенно извращенные взгляды. Делай что хочешь, иди хоть к дьяволу, я умываю руки.

А т е н а. Домой я не вернусь, папа.

Б и л д е р (распахнув дверь в спальню). Джулия! Идем! Здесь нам больше нечего делать.

Входит миссис Б и л д е р, за ней Г а й.

Что касается вас, сэр, если вы начинаете с того, что позволяете бабе забивать вам голову своими сумасбродными идеями о браке, я могу сказать вам только одно: я вас презираю. (Идет к входной двери, его жена за ним. Атене.) С тобой у меня все кончено! (Уходит.)

Миссис Билдер, которая, казалось, собиралась последовать за ним, быстро закрывает дверь и остается в мастерской. Она стоит, все так же слегка улыбаясь, глядя на молодых людей.

А т е н а. Мне очень жаль, мама; но разве ты не видишь, как папа отпугнул меня от семейной жизни?

М и с с и с Б и л д е р. Не все мужчины одинаковы, дорогая.

Г а й. Я всегда говорил ей это, сударыня.

А т е н а (нежно). Ах, мамочка, мне так жаль тебя.

Ручку двери дергают, затем в дверь стучат кулаком.

(Топают ногой и зажимает уши.) Как это отвратительно!

Г а й. Может быть, мне?..

М и с с и с Б и л д е р (покачивая головой). Я ухожу.
(Атене.) Ради меня, Атена.

А т е н а. О, если бы кто-нибудь проучил его!

За сценой слышен голос Билдера: «Джулия!»

Ты пыталась когда-нибудь, мама?

Миссис Билдер смотрит на молодого человека, который отходит
подальше в сторону.

М и с с и с Б и л д е р. Атена, ты неправа. Я всегда давала ему отпор по-своему.

А т е н а. Ах, вот что! Но ты только послушай, мама!

Стук и дерганье ручки возобновились; слышен голос: «Ты идешь?»

(Страстно.) И это называется семейной жизнью! Отец был, наверно, неплохим человеком до того, как женился. А теперь — вот полюбуйтесь!.. Как ты только можешь выносить...

М и с с и с Б и л д е р. Он просто вспылил, дорогая.

А т е н а. Но это гадко.

М и с с и с Б и л д е р. В жизни иначе не бывает, Атена!

Раздается один громкий удар в дверь.

А т е н а. Если он еще будет колотить в дверь, я закричу!

Миссис Билдер улыбается, качает головой и направляется к двери.

М и с с и с Б и л д е р. Послушай, дорогая, будь же благоразумна ради меня. Право же, так лучше. Если я это говорю, значит, так и есть. Это все комедия, Атена.

А т е н а. Трагедия!

Г а й (обернулся к ним). Послушайте! Давайте я его спроважу?

Миссис Билдер качает головой и открывает дверь. За дверью стоит разъяренный Б и л д е р.

Б и л д е р. Может быть, ты пойдешь со мной и оставишь эту девку с ее подлецом?

М и с с и с Б и л д е р быстро выходит, и дверь закрывается. Гай в гневе делает движение к двери.

А т е н а. Гай!

Г а й (обернувшись к ней). Вполне достойный финал! Как все это убедительно! (Вынимает из кармана обручальное кольцо и разрешение на брак.) Ну вот! Что мы теперь будем делать со всем этим?

А т е н а. Сожжем!

Г а й (медленно). Не торопись... Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь стану таким, Атена?

А т е н а. Брак творит чудеса.

Г а й. Благодарю.

А т е н а. О Гай, не будь таким злым. Я чувствую себя ужасно.

Г а й. А как, ты думаешь, чувствую себя я, когда меня называют подлецом?

Они оборачиваются и видят Э н н и в пальто и шляпе, с чемоданом в руке, выходящую из кухни.

Э н н и. О миссис, извините, мисс, я хочу уехать домой.

Г а й (выведенный из себя). Она хочет уехать домой... она хочет уехать домой!

А т е н а. Гай! Хорошо, Энни.

Э н н и. О, благодарю вас, мисс. (Проходит мимо них.)

А т е н а (вдруг). Энни!

Энни останавливается и поворачивается к ней.

Чего вы испугались?

Э н н и (довольно смело). Я могу заразиться этим от вас, мисс! Я боюсь...

А т е н а. Кого? Своих родных?

Э н н и. О нет, мисс, вас. Наслушаюсь тут. Видите ли,

один молодой человек хочет жениться на мне... А если я не соглашусь, то могу попасть в беду.

А т е н а. Что у вас за родители, Энни?

Э н н и. А я об этом никогда не думала, мисс, да и думать не собираюсь.

А т е н а. Вы хотите сказать, что никогда не замечали, как они обращаются друг с другом?

Э н н и. Да они никак не обращаются друг с другом, мисс.

А т е н а. Вот именно!

Э н н и. У них нет времени на это. Мой отец — машинист.

Г а й. А кто ваш молодой человек, Энни?

Э н н и (*в замешательстве*). Ну, вроде вас, сэр. Но очень приличный.

А т е н а. А что если вы выйдете за него замуж и он будет обращаться с вами, как с мебелью?

Э н н и. Я... я могу ответить ему тем же, мисс.

А т е н а. Напрасно надеетесь, Энни!

Э н н и. Он очень тихий.

А т е н а. Потому что сейчас вы ему нравитесь. А вот увидите, что будет, когда он привыкнет к вам.

Энни смотрит на Гая.

Г а й. Не верьте ей, Энни. Если он человек порядочный...

Э н н и. О да, сэр.

А т е н а (*сдерживая улыбку*). Разумеется... но дело в том, Энни, что брак все меняет.

Э н н и. Да, мисс, вот так и я думала.

А т е н а. Вы меня не понимаете. Я хочу сказать, что, когда он не будет бояться потерять вас, он может стать совсем другим.

Э н н и (*медленно, разглядывая свой большой палец*). О! Я не... думаю... что он будет лупить меня, мисс. Конечно, наперед ничего не скажешь!

А т е н а. Что ж, я не имею права вам указывать.

Э н н и. О да, мисс, я как раз так и думала.

Г а й. Вы совершенно правы, Энни... здесь вам не место.

Э н н и. Видите ли, мы не можем пожениться, сэр, пока он не получит прибавку. А тут у меня вечно будет соблазн...

А т е н а. Ну, хорошо, Энни. Надеюсь, что вы потом не пожалеете.

Э н н и. О нет, мисс.

Г а й. Слушайте, Энни, не думайте о нас плохо; мы и не предполагали, что вы знаете о том, что мы не женаты.

А т е н а. Никак не предполагали.

Э н н и. О! Мне казалось это невежливо — замечать...

Г а й. Мы просим у вас прощения.

Э н н и. О, что вы, сэр! Только, когда я увидела, как мистер и миссис Билдер расстроены, я призадумалась. Ведь мой папаша чуть что, так сразу за ремень...

А т е н а. Ну, вот вам! *Forse tu jeun!*¹.

Э н н и. О да, мисс!

А т е н а. Что ж, прощайте, Энни. Что вы скажете своим родным?

Э н н и. О, я, конечно, не стану говорить, что жила в семье, которая... не семья, мисс. Из этого ничего хорошего не выйдет.

А т е н а. Вот ваше жалованье.

Э н н и. О, я вас подвела, мисс. *(Берет деньги.)*

А т е н а. Пустяки, Энни. А вот вам деньги, чтобы доехать до дому.

Э н н и. О, благодарю вас, мисс. Мне очень жаль. Конечно, если вы надумаете... *(В смущении умолкает.)*

А т е н а. Вряд ли...

Г а й *(коротко)*. Прощайте, Энни. Вот вам пять шиллингов на кино.

Э н н и. О, прощайте, сэр, и благодарю вас. Я как раз собиралась туда со своим молодым человеком. Он ждет меня за углом.

Г а й. Будьте с ним осторожнее.

Э н н и. О да, сэр, обязательно. Прощайте, сэр. Прощайте, мисс. *(Уходит.)*

Г а й. Значит, у ее отца тоже твердая рука. Но мысль об этом заставляет ее возвращаться в родное гнездо. Как это объяснить, Атена?

А т е н а *(крутит кожаную пуговицу на его куртке)*. Если б ты наблюдал это с самого раннего детства, если б ты видел, как это убивает все... Главное тут —

¹ Непреодолимая сила! *(франц.)*

ощущение власти. Я знаю, что у отца есть много достоинств.

Г а й. Ну, они не очень бросаются в глаза.

А т е н а. Он страшно много и упорно работает; он честен и настойчив. И совсем не скуп. Но он слишком многое подавлял в себе... и вот к чему это привело. Я не хочу, чтобы ты что-либо подавлял в себе, Гай.

Г а й (мрачно). По-видимому, никогда нельзя знать, что у тебя самого творится в голове. Да, если бы твой отец сегодня не пришел сюда... (*Крутит обручальное кольцо.*) Он действительно заставляет человека призадуматься. Бил он тебя когда-нибудь?

А т е н а. Да.

Г а й. Скотина!

А т е н а. Но с самыми лучшими намерениями. Видишь ли, он член муниципального совета и к тому же мировой судья. По-видимому, им всем полагается быть «твердыми». Однажды Мод и я пробрались послушать, как он ведет судебное разбирательство. Какая-то женщина просила защиты от мужа. Если б он знал о нашем присутствии, его хватил бы удар.

Г а й. Он помог ей?

А т е н а. Да, он заставил ее вернуться к мужу. Разве это не... по-английски?

Г а й (проворчав что-то). Черт подери! Не все же мы такие.

А т е н а (*продолжая крутить пуговицу*). Мне кажется, что все дело в этом собственническом чувстве, которое засело настолько глубоко, что многие даже не подозревают о нем. Отец умеет говорить о свободе так, как о ней говорят политические деятели.

Г а й (*надевая ей кольцо на палец.*) Ну что ж! Посмотрим, во всяком случае, как это будет выглядеть!

А т е н а. Не играй с огнем, Гай!..

Г а й. Нет, дорогая, в атавизме все-таки что-то есть, безусловно, есть. Мне это нравится... вот нравится, и все тут!

В дверь стучат.

А т е н а. Как будто опять Энни. Открой!

Г а й (*открывая дверь*). Она самая. Входите, Энни! Ну, что еще случилось?

Энни (*входит в замешательстве*). О сэр, извините, сэр... я сказала своему жениху...

Атена. Ну, и что он говорит?

Энни. Он был в ужасе, мисс.

Гай. Вот как, черт его подери! От нашего поведения?

Энни. О нет, сэр, от моего.

Атена. Но ведь вы же сделали все, что могли,—вы ушли от нас.

Энни. О да, мисс. Вот потому-то он и пришел в ужас.

Гай. Это говорит в его пользу.

Энни (*польщенная*). Да, сэр. Он сказал, что у меня нет силы воли.

Атена. Значит, вы хотите вернуться?

Энни. О да, мисс.

Атена. Ну, хорошо.

Гай. Но вы же можете заразиться?

Энни. О сэр, он сказал, что от этого хорошо помогает английская соль.

Гай. Он шутник, ваш жених.

Энни. Он служил в армии, сэр.

Гай. А вы говорили, что он вполне приличный молодой человек.

Энни. О да, сэр, но все-таки не настолько.

Атена. Что ж, Энни, снимайте пальто и накрывайте на стол.

Энни. О да, мисс. (*Слегка приседает и отправляется на кухню.*)

Гай. Сила воли! Проявила бы и ты ее хоть немножко, Атена, а? (*Протягивает ей разрешение на брак.*)

Атена. Не знаю! Не знаю! Если все пойдет не так, то...

Гай. Не пойдет. Соглашайся! В жизни приходится рисковать.

Атена (*смотрит ему в глаза*). Гай, обещай мне... торжественно, что мы никогда не будем становиться друг другу поперек дороги.

Гай. Решено! Договорились!

Они обнимаются.

Атена прильнула к нему. Он пылко прижимает ее к себе; в это время входит Энни с формой для теста. Они отскакивают друг от друга.

Э н н и. Ой!

Г а й. Ничего, Энни. Инфекция будет грозить вам только один день. Завтра утром мы поженимся.

Э н н и. Ах вот как, сэр. Вот уж мистер Билдер обрадуется.

Г а й. Гм! Мы, собственно, не по этой причине...

Э н н и (бесхитростно). Ну, конечно, сэр! Но ведь иначе вы не можете быть семьей, правда?

Г а й. Что это у вас там?

Энни проходит через сцену с формой и останавливается у дверей спальни.

Э н н и. О, простите, сударыня, я должна была передать вам. Очень важно, от мисс Мод Билдер: «Берегись! Папа едет к тебе!» (Выходит.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Билдера. *М о д* только что заложила лист бумаги в пишущую машинку и сидит за столом лицом к зрителям, ее руки лежат на клавишах машинки.

М о д (говорит сама с собой). Я должна добиться этого выражения. (Ее лицо становится хитрым и настороженным. Она встает и бросается к зеркалу над камином, внимательно изучает выражение своего лица и, вернувшись к столу, снова садится, положив руки на клавиши, сохраняя все то же выражение и даже несколько усилив его.)

Дверь справа открывается, и входит *Т о п п и н г*. Он смотрит на *Мод*, которая скосила на него глаза, не поворачивая головы.

Т о п п и н г. Завтрак давно готов, мисс *Мод*.

М о д. Я не хочу есть. Исполнили вы мое поручение?

Т о п п и н г. Мисс *Атены* не было дома. Я передал все молодой особе. Она выглядит немножко неопытной, мисс. Но надеюсь, все пройдет гладко. Значит, завтрак подать позже?

М о д. Если не все пройдет гладко, им вряд ли захочется есть, *Топпинг*.

Т о п п и н г. Раз вы так думаете, мисс, может быть, я успел бы сбегать к своему зубному врачу. (Прикладывает палец к щеке.)

М о д (улыбаясь). Ах, да! Ведь сегодня скачки! На кого же вы ставите, *Топпинг*?

Т о п п и н г (подмигнув и перенося палец к носу). Не думаю, чтобы вы слыхали об этой лошадке, мисс; ее кличка «*Цесаревич*».

Мод. Уже что-нибудь поставили?

Топпинг. Последний грош, мисс.

Мод. Значит, дело верное?

Топпинг. И похуже лошади приходили первыми к финишу. *(С легким оттенком восторженности.)* Темная лошадка — выдача будет не меньше, как двадцать к одному, мисс Мод.

Мод. Поставьте за меня десять шиллингов, Топпинг. Мне сейчас нужно как можно больше денег.

Топпинг. Не вам первой, мисс.

Мод. Послушайте, Топпинг, вы что-нибудь понимаете в кино?

Топпинг *(кивает)*. Почти как специалист, мисс.

Мод. Ну, тогда встаньте туда и скажите мне ваше мнение.

Топпинг идет направо.

(Мод склоняется над машинкой; руки ее бегают по клавишам, затем останавливаются; лицо приобретает выражение, которое она ему только что придавала. Она еще раз настораживается, сжимает глаза, потом медленно поворачивает голову и наконец принимает нормальный вид и говорит.) Ну, как я выглядела?

Топпинг. Как преступница, мисс.

Мод *(торжествующе)*. Вот видите! Значит, мне удалось?

Топпинг. Я, конечно, не могу сказать, какое преступление вы совершили, но, видимо, дельце было не мелкое.

Мод. Да, они у меня здесь. *(Хлопает себя по груди.)*

Топпинг. Неужели, мисс?

Мод. Да, да. Вся соль вот в чем: это психологический момент.

Топпинг. В самом деле, мисс?

Мод. Что будет естественнее: если я дотронусь до них или успею вовремя удержаться? Видите ли, я одна в комнате, и надо решить: застыну ли я от страха, что меня увидят, хотя знаю, что меня никто не увидит. Это довольно тонкая задача.

Топпинг. Мне думается, вы удержитесь, мисс.

Мод. Мне тоже. Дотронуться до них *(прикладывает руку к груди)* будет немножко навязчиво, не правда ли?

Топпинг. Если зрители знают, что они у вас тут,

Мод. О да, они видели, как я их прятала. Давайте вам и это покажу. (Открывает ящик, вынимает оттуда кусочки сургуча и, всячески подчеркивая, что делает это украдкой, прячет их у себя на груди.) Правильно?

Топпинг (кивает). Отлично, мисс. У вас лицо и вправду прямо для кино. А что они такое, позвольте узнать?

Мод (вытаскивая сургуч). Фамильные брильянты Феншоу. Здесь тоже надо решить одну деталь, Топпинг. Что было бы естественнее в жизни: положить их сюда (указывает на грудь) или в сумочку?

Топпинг (дотрагиваясь до жилета, серьезно). Ну, положить их сюда, мисс, будет, пожалуй, более... более... пси... пши... психологично.

Мод (сдерживая улыбку). Да, но...

Топпинг. Видите ли, тогда они на вас...

Мод. Но ведь в этом-то все и дело! А не естественнее ли подумать: в сумочке будет безопаснее — в крайнем случае я могу заявить, что кто-то мне их подкинул. А сюда мне их никто подкинуть не может, понимаете?

Топпинг. Ну, это зависит, я бы сказал, от вашего характера, мисс. Я, конечно, не знаю, какой у вас характер.

Мод. В том-то вся и беда — автор тоже не знает. Все должна решать я сама.

Топпинг. В таком случае я позволю себе сказать, мисс: положите их сюда. Это будет правильнее.

Мод. Да, пожалуй, вы правы. Это более естественно.

Топпинг. Я не знал, что у вас к этому склонность, мисс Мод.

Мод. Больше чем склонность, Топпинг, — талант!

Топпинг. Ну что ж, я считаю, что у нас у всех есть какие-нибудь тайные пороки. Но на вашем месте, я не стал бы играть на скачках, мисс, раз уж у вас есть это, другое. Если и то и это, так вам будет, пожалуй, трудновато.

Мод. Ну, тогда поставьте десять шиллингов только в том случае, если вы уверены, что она придет первой. Можете переслать мне потом деньги по почте. Я сообщу вам свой адрес, Топпинг, — ведь я уеду.

Топпинг (озадаченно). Что? И вы тоже уезжаете, мисс Мод?

Мод. Искать счастья.

Топпинг. А, черт побери, мисс, подумайте, что тут будет без вас. Когда уехала мисс Атена, у нас и так стало... довольно скверно. А теперь все вообще полетит вверх тормашками, уверяю вас.

Мод. Да, я понимаю, что вам будет некоторое время трудновато, когда я уеду. Я буду жить с мисс Балдини. Я училась у нее. Она-то и рекомендовала меня этой кинокомпании. Меня будут пробовать на роль преступной машинистки в фильме «Разбитое сердце Миранды».

Топпинг (от удивления забыв о почтительности). Да неужто! Названьице вполне для кино. А хозяину вы об этом скажете, мисс?

Мод кивает.

Тогда я лучше отправлюсь к зубному врачу, прежде чем начнется вся эта музыка.

Мод. Идите, Топпинг. Будем надеяться, что вам не вырвут лишнего зуба.

Топпинг (ухмыляясь). Все в руках божьих, мисс, как пишут в титрах. (Уходит.)

Мод потягивается и прислушивается.

Мод. Кажется, они. Так и дрожу вся от страха... (Убегает направо.)

Билдер (входит из передней, идет к камину). Чудовищно! Просто чудовищно!

Из передней входит Камилла. У нее в руках маленькая книжечка для сбора пожертвований.

Что такое, Камилла?

Камилла. Сестра из общины Святого. Сердца, мосье, собирает на сирот.

Билдер. Мне некогда... На что, на что?

Камилла. На сирот, мосье.

Билдер. Гм! Ладно... (Сует руку во внутренний карман пиджака.) Передайте ей. (Вручает Камилле пятифунтовую банкноту.)

Камилла. Она будет так благодарна за бедных малюток. Мадам велела передать, что не хочет завтракать, мосье.

Билдер. Я тоже не хочу завтракать. Скажите Топпингу, чтобы он дал мне чашку кофе.

К а м и л л а. Топпинг ушел к зубному врачу, мосье; у него зуб разболелся.

Б и л д е р. Зуб разболелся! Бедняга! Гм! Я жду брата, но не знаю, смогу ли принять его.

К а м и л л а. Слушаю, мосье.

Б и л д е р. Попросите сюда миссис Билдер. *(Смотрит на нее, их взгляды встречаются, и он отводит глаза.)*

К а м и л л а. Да, мосье.

Камилла отворачивается, и он быстро окидывает ее взглядом с головы до ног. Она поворачивает голову и ловит этот взгляд. Он поспешно опускает глаза.

Не пожелает ли мосье чего-нибудь закусить?

Б и л д е р *(покачивая головой, отрывисто)*. Нет. Принесите кофе!

К а м и л л а. Мосье плохо себя чувствует?

Б и л д е р. Нет, отлично!

К а м и л л а *(строит глазки)*. Отбивную котлетку? Да?

Б и л д е р *(в его глазах вспыхивает слабый огонек, но он сейчас же гасит его)*. Нет, нет. Ничего!

К а м и л л а. И мадам тоже ничего! О-ля-ля! *(Берется за ручку двери, снова оборачивается, и их взгляды опять на мгновение встречаются; она выходит.)*

Б и л д е р *(застыв на месте, смотрит на дверь)*. Эта девушка действует мне на нервы! Она опасна! Ну и жизнь! Мне кажется, что она...

Дверь справа открывается, входит миссис Билдер.

Сейчас принесут кофе; он хорошо помогает от головной боли. Послушай, Джулия, я жалею, что колотил в дверь. Приношу свои извинения. Я был вне себя. Как мне хотелось бы избавиться от этих приступов ярости! Но... черт побери! Я не мог уйти и оставить тебя там.

Миссис Билдер. А почему бы и нет?

Б и л д е р. Ты все таишь в себе. Да, да, я никогда не знаю, о чем ты думаешь. Что ты сказала ей?

Миссис Билдер. Сказала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Б и л д е р. И то ладно. Атена сошла с ума. Как ты думаешь, она сказала правду, что этот молодчик хочет жениться на ней?

Миссис Билдер. Я в этом уверена.

Билдер. Подумать только, ведь как ее воспитывали! Можно было предполагать, что одного влияния религии...

Миссис Билдер. Девочки уже много лет не хотели ходить в церковь. Они всегда говорили, что не понимают, чего ради они должны ходить туда, неужели только для того, чтобы поддерживать твой престиж? Не знаю, помнишь ли ты, как однажды ты высек их за то, что они утром в воскресенье убежали гулять?

Билдер. Ну и что же?

Миссис Билдер. С тех пор они потеряли последние остатки религиозности.

Билдер. Гм! *(Прошелся по комнате.)* Что же делать с Атеной?

Миссис Билдер. Ты же сказал, что отрекся от нее.

Билдер. Ты прекрасно знаешь, что я этого не думал. С таким же успехом я мог сказать, что отрекся от тебя! Ну, подумай хоть немножко, Джулия! Все это может выплыть наружу в любой момент. В таком городишке, как наш, ничего не скроешь. Как я могу теперь выставить свою кандидатуру в мэры?

Миссис Билдер. Может быть, Ральф сумеет помочь?

Билдер. Что? Уж его-то дочери никогда не делали ничего постыдного, а жена у него образец, достойный всяческого подражания.

Миссис Билдер. Да, зато сам Ральф совсем не семейный человек.

Билдер *(сверля ее взглядом)*. Как мне не нравится твоя манера все переиначивать. Все у тебя звучит иронически. Это не... по-английски.

Миссис Билдер. Я не виновата, что родилась на Джерси.

Билдер. Да, это, видимо, у тебя в крови. Французы... *(Внезапно умолкает.)*

Миссис Билдер. Да?

Билдер. Они иногда страшно действуют на нервы обыкновенному англичанину... вот и все.

Миссис Билдер. Может быть, отказать Камилле?

Билдер *(установился на нее, потом опустил глаза)*. Камилле? При чем тут она?

Миссис Билдер. Я думала, что, может быть, она действует тебе на нервы.

Билдер. Почему вдруг?

Камилла с подносом входит из столовой.

Поставьте здесь. И дайте мне, пожалуйста, коньяку.

Камилла. Сейчас принесу, мосье. *(Со скромным видом уходит обратно в столовую.)*

Билдер. У бедняги Топпинга разболелся зуб! *(Наливает кофе.)* Можешь ты предложить какой-нибудь способ образумить Атену? Подумай только, какой она подает пример! Того и гляди, Мод тоже что-нибудь выкинет. Как я буду смотреть людям в глаза?

Миссис Билдер. Боюсь, в этом я ничем не смогу быть тебе полезна.

Билдер *(раздраженно)*. Послушай, Джулия! Эта возмутительная девчонка что-то сказала мне о нашей с тобой совместной жизни. В ней-то что не так?

Миссис Билдер. Она тоже действует на нервы.

Билдер. Говори яснее.

Миссис Билдер. Мы прожили с тобой двадцать три года, Джон. Никакие разговоры не смогут этого изменить.

Билдер. Может быть, дело в деньгах? Если тебе нужно больше, скажи. Ты же знаешь.

Миссис Билдер улыбается.

Ах! Пожалуйста, не улыбайся так, мне становится тошно от твоей улыбки!

Камилла входит с графинчиком и рюмками на подносе.

Камилла. Вот коньяк, мосье. Пришел мистер Ральф Билдер.

Миссис Билдер. Попросите его сюда, Камилла.

Камилла. Слушаю, мадам. *(Выходит в переднюю.)*

Миссис Билдер идет по направлению к двери, навстречу Ральфу Билдеру, человеку несколько старше Джона Билдера, совершенно иного сложения и с другими манерами. У него приятное, чуть насмешливое лицо, волосы с проседью.

Миссис Билдер. Джон хочет посоветоваться с вами, Ральф.

Р а л ь ф. Весьма польщен.

Она выходит, оставив братьев вдвоем. Они пристально глядят друг на друга.

Насчет Уэльского контракта?

Б и л д е р. Нет. Дело в том, Ральф, что случилось нечто ужасное.

Р а л ь ф. Атена ушла из дому и вышла замуж?

Б и л д е р. Нет. Она... она ушла и... не вышла замуж. *(Ральф сочувственно свистит.)* Как тебе это нравится?

Р а л ь ф. А за кого?

Б и л д е р. Невоспитанный мальчишка, летчик.

Р а л ь ф. Но почему же...

Б и л д е р. Представь себе, какая-то сумасбродная чушь по поводу семейной жизни!

Р а л ь ф. Атена — очень интересный человек. Нынешняя молодежь вся такая странная и восхитительная.

Б и л д е р. Ей-богу, Ральф, ты можешь благодарить небо, что у тебя нет такой восхитительной дочки. Твои дочери — хорошие, достойные девушки.

Р а л ь ф. Атена во всех отношениях хорошая и достойная девушка, Джон. Бьюсь об заклад на что угодно, она поступила так во имя самых высоких принципов.

Б и л д е р. Она ведет себя, как...

Р а л ь ф. Не говори того, о чем будешь жалеть, дружище! Атена всегда относилась ко всему серьезно... Бедняжка!

Б и л д е р. Джулия считает, что ты можешь помочь. У вас-то ведь никогда не бывает семейных неприятностей.

Р а л ь ф. Да-а. Пожалуй, не бывает.

Б и л д е р. Чем ты это объяснишь?

Р а л ь ф. Надо спросить у своих.

Б и л д е р. Черт побери! Ты же сам должен знать!

Р а л ь ф. Мы все очень любим друг друга.

Б и л д е р. Я тоже очень люблю своих дочерей, но, вероятно, я недостаточно покладист, а?

Р а л ь ф. Видишь ли, у тебя иногда кровь бросается в голову. Но какова, собственно говоря, точка зрения Атены?

Б и л д е р. Семейная жизнь — не идиллия, поэтому она считает, что у нее и ее молодого человека не должно быть семейной жизни.

Р а л ь ф. Понятно. Впечатления детства.

Б и л д е р. Но ведь семья есть семья, черт подери! Кто-то должен быть главой семьи. Разве ты в своей семье позволяешь женщинам делать все, что им вздумается?

Р а л ь ф. Всегда.

Б и л д е р. А что происходит, если одна из твоих дочерей хочет сделать что-нибудь выходящее за рамки приличий?

Ральф пожимает плечами.

Ты запрещаешь ей?

Р а л ь ф. А ты?

Б и л д е р. Я пытаюсь.

Р а л ь ф. Вот именно. И в результате она делает как раз то, чего ты не хочешь. Я не пытаюсь, и у нас этого не происходит.

Б и л д е р (с коротким смешком). О господи! Ты, наверно, считаешь, что мне нужно смиренно сказать Ате-не, чтобы она продолжала жить во грехе, оскорбляя общественное мнение, и что я ее на это благословляю?

Р а л ь ф. Я думаю, что, если бы ты это сделал, она бы вышла за него замуж.

Б и л д е р. Ручаюсь, что ты никогда не проверял свою теорию на практике.

Р а л ь ф. Пока еще нет.

Б и л д е р. Вот видишь.

Р а л ь ф. *Suaviter in modo*¹—этот принцип себя оправдывает, Джон. Да и времена сейчас уже не те, что раньше.

Б и л д е р. Послушай-ка! Я хочу разобраться во всем до конца. Ты, значит, считаешь, что я строже большинства людей, скажем, девяти из десяти?

Р а л ь ф. Только на практике.

Б и л д е р (недоуменно). Что ты хочешь этим сказать?

Р а л ь ф. Видишь ли, ты провозглашаешь принципы свободы, но на практике применяешь принципы самовластия.

Б и л д е р. Гм! (Беря графинчик.) Налить?

Р а л ь ф. Нет, благодарю!

Билдер наполняет рюмку и поднимает ее.

¹ Мягкость в обращении (лат).

К а м и л л а (входит). Мадам оставила здесь свой кофе. (Подходит, берет чашку и протягивает ее Билдеру, чтобы тот налил в нее кофе; затем выходит с чашкой.)

Рюмка Билдера повисает в воздухе. Он залпом выпивает коньяк, когда Камилла закрывает за собой дверь.

Б и л д е р. В жизни есть не только розы, Ральф!

Р а л ь ф. К сожалению, дружище.

Б и л д е р. Иногда мне кажется, что я совсем себя не щажу. Ну, как с Уэльским контрактом?

Р а л ь ф. Мне кажется, за это стоит взяться.

Б и л д е р. Только берись ты. По правде говоря, я слишком расстроен.

В то время, как они направляются к двери, ведущей в переднюю, из столовой входит М о д в пальто и шляпе.

Р а л ь ф (увидав ее). Здравствуй! Все ли благополучно в твоём микрокосме, Мод?

М о д. А что такое микрокосм, дядя?

Р а л ь ф. Дорогая моя... я и сам не знаю.

Р а л ь ф уходит. Билдер за ним.

Мод быстро подходит к столу, садится, опирается на него локтями, положив подбородок на руки, и смотрит на дверь.

Б и л д е р (возвращается). Ну, Мод! Ты выиграла пари!

М о д. Папа, я... у меня есть для тебя новость.

Б и л д е р (установившись на нее). Новость!.. Какая?

М о д. Мне очень жаль, но я... я нашла себе работу.

Б и л д е р. Только не говори, что ты тоже собираешься заниматься живописью, потому что я этого не потерплю.

М о д. Живопись? О нет!.. Это (решительно)... кино!

Билдер, взявший было трубку, чтобы набить, кладет ее обратно.

Б и л д е р (внушительно). У меня нет сейчас настроения выслушивать шутки.

М о д. Я не шучу, папа.

Б и л д е р. О чем же ты тогда говоришь?

М о д. Видишь ли, у меня... у меня фотогеничное лицо и...

Б и л д е р. Какое лицо? (Подходит к ней и берет ее за подбородок.) Не говори чепухи! Хватит с меня и твоей сестрицы.

Мод (отстраняет его руку). Не вмешивайся в это, папа, прошу тебя! Мне всегда хотелось самой зарабатывать себе на жизнь.

Билдер. Зарабатывать! Зарабатывать!

Мод (все более решительно). Ты не можешь запретить мне это, папа, потому что материальная поддержка мне не нужна. Мне предлагают прекрасные условия.

Билдер (чуть не задохнувшись, но беря себя в руки). Как, уже до этого дошло?

Мод. Да. Все решено.

Билдер. Кто вбил тебе это в голову?

Мод. Никто. Я давно собиралась... Не забудь, ведь мне уже двадцать один год.

Билдер. Фотогеничное лицо! Боже милостивый! Так вот что: я не допущу, чтобы моя дочь пошла в актрисы. Одному только небу известно, сколько я истратил на ваше образование — на вас обеих.

Мод. Я не хочу быть неблагодарной, но я... я не могу больше жить дома.

Билдер. Не можешь!.. Почему? Ведь тебя тут балуют изо всех сил!

Мод (четко и холодно). Меня иногда «баловали» довольно чувствительно, папа. (Нервно ежится.) Мы не забыли и не простили этого.

Билдер (немного смущенно). Ах, это! Но вы же тогда были еще совсем девчонками.

Мод. Может быть, тебе хотелось бы начать все сначала?

Билдер. Не выводите меня из себя, Мод. У меня и так уже была сегодня неприятная сцена с Атеней. Ну ладно, ладно! Брось ты все эти глупости! Право, это ребячество!

Мод (глядя на него с любопытством). Я часто слышала, папа, как ты говорил, что грош цена тому мужчине, который не прокладывает себе сам дорогу в жизни. Но по нашим законам женщины теперь равны мужчинам. И я всего лишь хочу сама проложить себе дорогу в жизни.

Билдер (пытаясь подавить раздражение). Послушай, Мод, не глупи! Подумай о моем положении: я член муниципального совета, судья, а в будущем году мэр города. Когда одна дочь живет в незаконной связи...

Мод (с живым интересом). Значит, ты их накрыл?

Билдер. Ты что — знала об этом?

Мод. Разумеется.

Билдер. Боже мой! А я-то думал, что в нашей семье все добрые христиане.

Мод. Ах, папа!

Билдер. Не смей смеяться над верой!

Мод. У добрых христиан есть только один недостаток: они вовсе не христиане!

Билдер хватает ее за плечи и начинает трясти. Когда он отпускает ее, она встает, бросает на него злобный взгляд и неожиданно изо всей силы наступает ему на ногу.

Билдер (взвывая от боли). Ах ты, змееныш!

Мод (становится так, чтобы между ними оказался стол). Я не позволю, чтобы меня трясли.

Билдер (уставившись на нее). Ты разозлила меня, и вот тебе результат. Я тебя вышколою!

Мод. Если б ты знал, как ты сейчас похож на прусского офицера!

Билдер нервно проводит рукой по лицу, как бы стирая с него что-то.

Не поможет! Это въелось слишком глубоко!

Билдер. Дочь ты мне или нет?

Мод. Во всяком случае, не по своей воле. Я никогда не любила тебя, папа. Уже с тех пор, как была вот такой... Я видела тебя насквозь. Помнишь, как ты зачастил к нам в детскую, потому что Дженни была хорошенькой! Ты думаешь, мы этого не заметили, но ты ошибаешься. А в классную? Мисс Типтон? А помнишь, как ты стукал нас лбами друг о друга? Нет, ты не помнишь, но мы помним. И...

Билдер. Ах ты, дерзкая мартышка! Ты замолчишь или нет?..

Мод. Нет, тебе придется кое-что выслушать. Ты никого по-настоящему не любишь, кроме себя, папа. Что хорошо для тебя, должно быть хорошо для всех. Я часто слышала твои разговоры о независимости, но для тебя это акционерная компания, и все ее акции в твоих руках!

Билдер. Чепуха! На независимость имеют право только те, кто может сам себя содержать.

Мод. Вот почему ты и не хочешь, чтобы я сама себя содержала.

Б и л д е р. Да разве ты способна на это! Кино! Как бы не так! Через год ты будешь на панели. У Алены хоть есть какие-то гроши, но у тебя... у тебя же нет ничего.

М о д. Кроме моего лица.

Б и л д е р. Лицо-то и губит женщин, дорогая моя.

М о д. И пусть, я не приду тогда к тебе за помощью.

Б и л д е р. Имей в виду: если ты уйдешь из моего дома, я от тебя отрекись!

М о д. Да я и теперь лучше пойду мыть полы, чем останусь здесь!

Б и л д е р (*почти трагическим тоном*). Будь я проклят! Послушай, Мод, тут виной моя вспыльчивость! Ты довела меня до бешенства. Я сожалею, что потряхнул тебя, но ведь ты в отместку отдала мне все пальцы на ноге. Ну, образумься же! У меня и так слишком много неприятностей. Ты пользуешься всей свободой, какую только можно предоставить девушке до замужества...

М о д. Он не понимает... он просто не способен понять!

Б и л д е р. Понять что?

М о д. Что свою жизнь я хочу прожить по-своему.

Он обходит стол, стараясь приблизиться к ней, а она отступает от него.

Б и л д е р. Не понимаю, какая муха тебя укусила.

М о д. Микроб свободы; он носится в воздухе...

Б и л д е р. Вот именно, и пусть он там и остается! Это — первое разумное слово, которое я от тебя услышал. Ну, хватит! Снимай шляпу и давай помиримся!

Мод смотрит на него и медленно снимает шляпу. Напряженность Билдера исчезает, он выпускает вздох облегчения.

Вот так-то лучше! (*Идет к камину.*)

М о д (*бросается к двери в прихожую*). Прощай, папа!

Б и л д е р (*за ней*). Мартышка! (*Услыхав, как шелкнула задвижка, идет к окну.*)

За дверью слышна какая-то возня, затем входит К а м и л л а.

Что случилось с дверью?

К а м и л л а. Она была заперта на задвижку, мосье.

Б и л д е р. Кто ее запер?

К а м и л л а (*пожимая плечами*). Не знаю, мосье.

(Собирает чашки и останавливается около него. Вкрадчиво.) Мосье несчастлив...

Билдер (удивленно). Что? Конечно! Кто может быть счастлив в таком семействе, как мое?

Камилла. Но такой сильный мужчина... Хотелось бы мне быть сильным мужчиной, а не слабой женщиной.

Билдер (глядя на нее с невольным восхищением). А вам-то чего не хватает?

Камилла. Надо бы убрать коньяк. Налить мосье еще рюмочку?

Билдер. Нет! Впрочем, налейте.

Она наливает коньяк, он пьет, протягивает ей рюмку и вдруг опускается в кресло. Камилла ставит рюмку на поднос и ищет на каминной полке спички.

Билдер, не выдержав, обнимает ее.

Камилла. Спичку, мосье?

Билдер. Будьте добры.

Камилла (спотыкается об его ногу и падает к нему на колени). Ах, мосье!

Билдер, не выдержав, обнимает ее.

О! Мосье!

Билдер. Ах ты, бесенок!

Она неожиданно целует его, он возвращает ей поцелуй. В то время как они занимаются этим увлекательным делом, миссис Билдер открывает дверь из передней, смотрит на них несколько секунд, не замеченная ими, и спокойно уходит. Билдер отталкивает Камиллу, то ли услышав, как закрылась дверь, то ли почувствовав угрызения совести.

Что я делаю?

Камилла. Целуетесь.

Билдер. Я... я забылся.

Они встают.

Камилла. Это было очень... приятно.

Билдер. Я не хотел этого делать. Уходите... уходите!

Камилла. О, мосье, вы все испортили!

Билдер (пристально глядя на нее). Мне думается, что вы дьявольское искушение! Ведь вы же умышленно оступились.

Камилла. Может быть.

Билдер. Для чего это вам было нужно? Ведь я семейный человек.

Камилла. Да. Как жаль! Но не все ли равно?

Билдер (очень расстроен). Слушайте, вы! Это никуда не годится! Никуда не годится! Я... я должен думать о своей репутации!

Камилла. Я тоже! Но на это есть много времени — в промежутках!

Билдер. Я знал, что вы опасны! Я всегда это чувствовал.

Камилла. Как можно так говорить о хорошенькой женщине!

Билдер. Мы не в Париже.

Камилла (всплеснув руками). О! Как бы я хотела, чтобы мы были в Париже!

Билдер. Послушайте... я этого не допущу! Вам придется уйти. Убирайтесь! Я всегда твердо держал себя в узде, и я не намерен...

Камилла. Но я так восхищаюсь вами!

Билдер. А если бы сюда заглянула моя жена?

Камилла. О, зачем думать о таких неприятных вещах? Не будь вы так строги, вы были бы куда счастливее!

Билдер (уставившись на нее). Вы искусительница!

Камилла. Я люблю удовольствия, а у меня их здесь нет. А у вас столько обязанностей, и вы так скучно проводите время! Но я-то ведь тут! (Потягивается.)

Билдер шумно вздыхает.

Билдер (еще немного, и он сдастся). Это все против моих... Я не пойду на это! Это... это грешно!

Камилла. О-ля-ля!

Билдер (неожиданно возмущаясь). Нет! Если бы вы считали это грехом, я бы, может быть... Но вы этого не считаете... Вы... вы просто... язычница!

Камилла. Почему же было бы лучше, если бы я считала это грехом?

Билдер. Тогда... тогда я бы знал, на что иду. А так...

Камилла. Англичане не понимают, что такое удовольствие. Все у них получается таким грубым и добродетельным.

Билдер. Слушайте, убирайтесь, пока я не... Вон! (Идет к двери и открывает ее.)

За дверью стоит его жена в пальто и шляпе. Она входит Билдер, запинаясь.

А, это ты... я хотел тебя видеть.

Камилла берет поднос и уходит направо, слегка покачивая бедрами.

Ты куда-то собралась?

Миссис Билдер. Как видишь.

Билдер. Куда?

Миссис Билдер. Пока еще не решила.

Билдер. Я хотел поговорить с тобой о... о Мод.

Миссис Билдер. С этим придется подождать.

Билдер. Она... она ушла из дому... совсем ушла и...

Миссис Билдер. Должна тебе сказать, что я случайно заглянула сюда несколько минут назад.

Билдер (*в полном отчаянии*). Ты? Ты... что?

Миссис Билдер. Да. Я не хочу быть помехой твоим развлечениям.

Билдер (*в ужасе*). Не хочешь быть помехой? Что это значит? Джулия, как ты можешь говорить подобные вещи? Да я ведь только...

Миссис Билдер. Не надо! Я видела.

Билдер. Эта девушка сама упала ко мне на колени. Джулия, она действительно упала. Она... она какой-то бесенок. Я... я ее оттолкнул. Даю тебе слово, что между нами не было ничего, кроме поцелуя, да и то при провоцирующих обстоятельствах... Я... я приношу извинения.

Миссис Билдер (*наклоняя голову*). Благодарю! Я все прекрасно понимаю. Но ты должен простить меня за то, что я не хочу больше играть роль холодного компресса.

Билдер. Что? Из-за такого пустяка... Из-за каких-то двух минут... и притом я делал все возможное, чтобы...

Миссис Билдер. Милый Джон, достаточно уже одного того факта, что тебе пришлось делать все возможное. Я постоянно чувствую себя униженной в твоём доме, и я хочу покинуть его... Тихо, без шума и скандала.

Билдер. Но... бог мой! Джулия, это ужасно... это нелепо! Как ты можешь? Ведь я твой муж. Право... ты говоришь, что тебе безразличны мои поступки... но ведь это неправильно, это безнравственно!

Миссис Билдер. Боюсь, ты не способен понять, что происходит с людьми, которые живут рядом с тобой. Поэтому я просто ухожу. И не стоит так волноваться.

Билдер. Послушай, Джулия, ты шутишь. Это невозможно! Подумай о моем положении! Ты никогда раньше не поступала мне наперекор.

Миссис Билдер. Раньше — нет, а теперь — да.

Билдер (*поглядев на нее пристально несколько секунд*). Но ведь я не дал тебе никакого повода. Я рассчитываю эту особу. Ты должна быть благодарна мне за то, что я устоял против искушения, перед которым многие не устояли бы. После двадцати трех лет совместной жизни вдруг устроить такую сцену — как тебе не стыдно!

Миссис Билдер. Я понимаю, что ты не можешь посмотреть на это иначе.

Билдер. О господи, опять эта твоя ирония! Ты моя жена, и этим все сказано; у тебя нет законного основания... Не делай глупостей.

Миссис Билдер. Прощай!

Билдер. Пойми же, что ты толкаешь меня на путь греха! А еще законная жена! Ты должна помочь своему мужу идти по пути добродетели...

Миссис Билдер. Как это превосходно выражено!

Билдер (*трагическим тоном*). Не раздражай меня, Джулия! У меня был ужасный день. Сначала Атена... потом Мод... потом эта девица... а теперь еще и ты! И вот так все сразу! Как пчелиный рой вокруг головы! (*Умоляюще.*) Ну, хватит, Джулия, не будь такой... такой неразумной. Ты сделаешь нас посмешищем всего города. Чтобы человек в моем положении не мог сохранить свою собственную семью! Это дико!

Миссис Билдер. У твоей собственной семьи есть собственная жизнь, собственные мысли и собственные чувства.

Билдер. Ох! Это проклятое женское равноправие! Я знал, что из этого получится, когда мы дали вам право голоса. Мы с тобой муж и жена, и наши дочери — это наши дочери. Ну, Джулия... Где же твой здравый смысл? После двадцати трех лет! Ты знаешь, что я не могу обойтись без тебя!

Миссис Билдер. Можешь... и без всякого труда. А людям говори все, что тебе будет угодно.

Билдер. Боже! В жизни не слышал ничего более безнравственного от матери двух взрослых дочерей. Не

удивительно, что они выросли такими! Чего вы хотите в конце концов?

Миссис Билдер. Мы просто хотим быть подальше от тебя, вот и все. Уверяю тебя, что так будет лучше. Если ты проявишь какое-то уважение к нашим чувствам и в какой-то степени признаешь, что мы существуем независимо от тебя... Мы могли бы снова стать друзьями... возможно... я не уверена.

Билдер. Друзьями! Господи! С собственной женой и дочерьми! (Очень серьезно.) Послушай, Джулия, ты не могла столько лет прожить со мной и не понять, что я человек с сильными страстями. Я был тебе верным мужем, да, был. А это значит, что я устоял против различных искушений, о которых ты и понятия не имеешь. Если ты оставишь меня, я не отвечаю за последствия. И вообще, я не могу допустить, чтобы ты оставила меня. Я не хочу видеть, как все созданное мною идет прахом и как я теряю доброе мнение о себе окружающих. Договор есть договор. И пока я не нарушил своих обязательств — а я говорю тебе, что я их не нарушил, — ты не имеешь права нарушать свои. Это мое последнее слово. Так что выкинь все это из головы.

Миссис Билдер. Не могу.

Билдер (веско). Разве я не содержал тебя в роскоши и довольстве?

Миссис Билдер. Мне думается, я это заслужила.

Билдер. А как ты собираешься жить? Я не дам тебе ни гроша. Ну, Джулия, не глупи! Подумать только, какой-то жалкий поцелуй, от которого не удержался бы ни один мужчина, и это так на тебя подействовало!

Миссис Билдер. Камилла — только последняя капля, переполнившая чашу!

Билдер (резко). Я этого не потерплю! Так и знай!

Но миссис Билдер быстро уходит.

Джулия, я говорю тебе...

Слышно, как закрывается входная дверь.

Черт подери! Я этого не потерплю! Они все с ума посходили! Где... где моя шляпа? (Растерянно оглядывается кругом, рывком распахивает дверь, и мгновение спустя слышно, как с грохотом захлопывается входная дверь.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Утро следующего дня. Девять часов. Кабинет мэра Бреконриджа; комната обшита дубовыми панелями, окна не видно, двери справа на заднем и слева на переднем плане. Вся задняя стена от пола до потолка закрыта книгами; другие стены голы. Справа перед камином два кресла; у стен стулья. С левой стороны, под прямым углом к рампе, письменный стол, позади него стул. У стола стоит Харрис; он говорит по телефону.

Харрис. Что? *(Пауза.)* Получилось чертовски неудобно, сержант... Мэр просто взбешен... *(Слушает.)* Новый полицейский? Я так и думал!.. Глупый мальчишка! Послушайте, Мартин, единственное, что остается,— это разобрать дело здесь, немедленно. Я послал за мистером Чантри, он уже выехал... Доставьте мистера Билдера и свидетелей сюда, и поживее! Поняли? И, бога ради, чтоб никто ничего не узнал! Не допускайте, чтобы газеты пронюхали об этом. Почему вы не дали ему уйти домой?.. Фонарь под глазом! У полицейского? Так ему и надо! Осел и тупица! Я хочу сказать, что это неслыханное посягательство на престиж закона... Что ж, вы не должны, но, по крайней мере, я... Черт бы побрал эту историю! Если о ней узнают, это будет сенсация! Ладно! Как можно скорее. *(Вешает трубку, ставит к письменному столу еще один стул и несколько стульев перед столом. Говорит сам с собой.)* Вот заварилась каша! И кто — Джонни Билдер! Почем нынче мэры?

Звонит телефон.

Алло! Обвинение в браконьерстве? Ладно, тащите его тоже; только попридержите где-нибудь, пока мы не по-

кончим с первым. Кстати, мистер Чантри собирается на охоту. Он захочет освободиться к одиннадцати. Что?.. Валяйте! *(Вешает трубку.)*

Входит мэр. У него обеспокоенный вид; в одежде все та же едва уловимая безвкусица.

Мэр. Ну что, Харрис?

Харрис. Они будут здесь через пять минут, господин мэр.

Мэр. А мистер Чантри?

Харрис. Уже выехал, сэр.

Мэр. Были у меня в жизни щекотливые дела, Харрис, но это, знаете ли *(неодобрительно фыркает)*, уж сверх всякой меры.

Харрис. Да, неприятное дело, сэр, весьма неприятное.

Мэр. Положите мне на стул книгу, Харрис; я люблю сидеть повыше.

Харрис кладет на стул, стоящий за письменным столом, том энциклопедии.

(Продолжает проникновенно.) Наш собрат! Один из судей! Семейный человек! Мой преемник в будущем году! Теперь уж он им, вероятно, не будет. Такие вещи не скроешь.

Харрис. Я дал Мартину указание держать все это в строжайшей тайне, сэр. Вот и мистер Чантри.

В правую дверь входит джентльмен привлекательной иаружности; на нем охотничий костюм безукоризненного вкуса.

Мэр. А-а, Чантри!

Чантри. Здравствуйте, мэр. *(Кивает Харрису.)* Чрезвычайно неприятная история.

Мэр кивает.

Что он там натворил?

Харрис. Набросился на одну из своих собственных дочерей с палкой и оказал сопротивление полиции.

Чантри *(тихо присвистнув)*. На свою дочь! Возлюби ближнего своего, как самого себя!

Харрис. И еще фонарь под глазом.

Мэр. У кого?

Харрис. У полицейского.

Чантри. А почему в это ввязалась полиция?

Харрис. Не знаю, сэр. Хуже всего то, что мистер Билдер находится в участке уже со вчерашнего дня, с четырех часов. Начальник полиции в отъезде, а Мартин не хочет брать на себя ответственность.

Чантри. Черт побери, наверно, он в ярости! Джон Билдер — типичный холерик.

Мэр (кивает). Вот именно. Чрезмерная вспыльчивость и высокое чувство долга.

Харрис. Есть еще одно дело, господин мэр, — браконьерство. Я велел им подождать, пока мы закончим.

Чантри. Ну, с этим мы справимся быстро. Я хочу уйти в одиннадцать, Харрис. Я и так уже опаздываю к первому гону. Джон Билдер! Послушайте, мэр, все в руках божьих, но куда мы катимся?

Мэр. Харрис, идите приведите их сами; нельзя, чтобы слуги...

Харрис уходит направо.

Оба садятся; так как на стуле мэра лежит книга, то мэр кажется несколько выше Чантри. Теперь, усевшись на судейские места, они обретают какую-то сдержанность, словно боятся выдать свои мысли кому-то незримому.

(Внезапно произносит.) Гм!

Чантри. Подмораживает. Фазаны будут лететь прямо на выстрел — ветра нет. Люблю такие октябрьские деньки.

Мэр. Кажется, они идут. Гм.

Чантри вынимает из глаза монокль и надевает большие старомодные очки. Мэр откашливается и берет перо. Они оба не поднимают глаз, когда открывается дверь и входит небольшая процессия. Впереди идет Харрис, за ним Ральф Билдер, Атена, Херрингем, Мод, миссис Билдер, сержант Мартин, несущий тяжелую трость с серебряным набалдашником, Джон Билдер и полицейский Мун — молодой человек с подбитым глазом. Такие торжественные и мрачные фигуры бывают разве что на похоронах. Все становятся в нестройный ряд.

(Все еще не поднимая головы.) Садитесь, сударыни, садитесь.

Харрису и Херрингему удастся усадить трех женщин на стулья. Ральф Билдер также садится. Херрингем стоит позади. Джон Билдер остается стоять между двумя полицейскими. Он не брит;

на лице его угрожающее выражение; но он стоит, выпрямившись и глядя прямо на мэра. Харрис садится за стол сбоку, чтобы записывать показания.

В чем он обвиняется?

Сержант. Джон Билдер, проживающий на Корнер-уэйсе в Брекнридже, подрядчик и мировой судья, обвиняется в нападении на свою дочь Мод Билдер, избивании ее палкой в присутствии полицейского Муна и двух других лиц, а также в сопротивлении полицейскому Муну, находившемуся при исполнении своих обязанностей, и в повреждении глаза последнему. Полицейский Мун!

Мун (*отчеканивает три шага вперед и отдает честь*). Ваша милость, вчера на Ривер-Род, около трех тридцати пополудни, я услышал, что какая-то молодая женщина зовет из-за ограды: «Полицейский!» Подошел, слышу: «Идите за мной, скорее!» Я прошел за ней в мастерскую художника во дворе и там застал троих людей, между которыми происходила ссора. При моем появлении обвиняемый, тащивший в это время какую-то женщину к двери, бросился к пришедшей со мной молодой женщине. «Только посмей, папа!» — сказала она, на что он дважды ударил ее прилагаемой тростью в моем присутствии и еще при двух свидетелях, которые, насколько я понимаю, являются его женой и другой дочерью.

Мэр. Суд ваши умозаключения не интересуют.

Мун. Слушаю, сэр. Особа, которую ударили, поворачивается ко мне и говорит: «Входите. Я требую, чтобы вы задержали этого человека за оскорбление действием». Я, значит, подхожу и говорю: «Я все видел. Следуйте за мной». Обвиняемый поворачивается ко мне и говорит: «Болван, я судья». «Ладно, будет болтать! — говорю я, — так, как будто, насколько мне помнится. — Вы ударили эту женщину в моем присутствии, — говорю, — а ну, давайте, следуйте за мной!» Мы тогда уже стояли совсем рядом. Обвиняемый толкает меня и говорит: «Убирайся, идиот!» «Ничего подобного», — говорю я и беру его за локоть. Тут происходит схватка, и я получаю фонарь под глазом, который и предъявляю теперь в качестве вещественного доказательства. (*С величайшей торжественностью дотрагивается до своего синяка.*)

Мэр откашливается; глаза Чантри подозрительно поблескивают; Харрис низко нагибается над столом и быстро пишет.

Во время схватки, ваша милость, появился молодой человек и по просьбе молодой женщины, той, на которую напали, помог мне взять арестованного, каковой выражался всякими словами и буйно сопротивлялся. Мы усадили его в проезжавший кэб, и я препроводил его в участок.

Чантри. Как он вел... э... себя... в э... в кэбе?

Мун. Он сидел спокойно...

Чантри. Так что, по-видимому...

Мун. Да, я скрутил ему руку за спину.

Мэр (глядя на Билдера). Есть вопросы?

Билдер неподвижен и безмолвен; мэр опускает глаза.

Сержант?

Мун отступает на два шага, а сержант Мартин выходит на два шага вперед.

Сержант. Ваша милость, вчера, без десяти четыре, полицейский Мун привез в кэбе обвиняемого в участок. После доклада Муна об обстоятельствах нападения протокол был прочитан обвиняемому с обычным предупреждением. Обвиняемый не сказал ни слова. Ввиду двойного нападения и состояния глаза полицейского, а также ввиду отсутствия начальника я счел своим долгом задержать обвиняемого на ночь.

Мэр. Обвиняемый не говорил ничего?

Сержант. Насколько мне известно, ваша милость, он не раскрывал рта с того времени и до сих пор.

Мэр. Есть вопросы к сержанту?

Билдер по-прежнему не сводит глаз с мэра, но не говорит ни слова.

Прекрасно.

Мэр и Чантри тихо совещаются; мэр кивает.

Мисс Мод Билдер, не расскажете ли вы нам все, что вы знаете об этом... э... происшествии?

Мод (встает, оглядывается по сторонам). Это обязательно?

Мэр. Боюсь, что да.

Мод (посмотрев на отца, который все еще не сводит глаз с мэра). Я... я хочу взять назад свое обвинение, если можно. Я... я не собиралась предъявлять его. Я очень рассердилась... я была ослеплена гневом.

Мэр. Понимаю. Э... э... семейная неурядица. Хорошо, это обвинение снимается. Поскольку вы, кажется, не пострадали, так будет лучше всего. Ну, а теперь скажите, что вы знаете о нападении на полицейского? Он правильно передал факты?

Мод (в замешательстве). Д-да... Только...

Мэр. Ну? Скажите нам всю правду.

Мод (решительно). Только мне кажется, что не отец ударил полицейского. Его ударила палка.

Мэр. Ах, палка? Но ведь... э... палка была у вашего отца в руке, не так ли?

Мод. Да, но я хочу сказать, что отец был ослеплен гневом и постовой был ослеплен гневом, и палка взлетела в воздух и ударила полицейского в глаз.

Чантри. И на этот раз он был ослеплен ударом?

Мэр (строго, потому что не одобряет этой шутки). Но он все же ударил полицейского палкой?

Мод. Н-нет. Не думаю.

Мэр. Так кто же произвел... э... необходимый толчок?

Мод. Мне кажется, что они оба ухватились за трость и она взлетела вверх.

Мэр. Подайте мне трость.

Сержант подает трость. Мэр и Чантри осматривают ее.

Как, по-вашему... какой конец нанес повреждение?

Мод. Тот, где набалдашник, сэр.

Мэр. Что вы на это скажете, постовой?

Мун (автоматически выходя на два шага вперед). Я не отрицаю, что мы с обвиняемым схватились, ваша милость, но у меня такое впечатление, что меня ударили.

Чантри. Конечно, вас ударили, это видно. Но чем: тростью или кулаком?

Мун (несколько растерянно). Я... я... кулаком, сэр.

Мэр. Не спешите. Можете ли вы присягнуть в этом?

Мун (с внезапной неуверенностью, которая находит в подобных обстоятельствах на самых честных людей). Нет... не то, чтоб, как говорится, голову дам на отсечение, ваша милость, но так мне тогда показалось.

Мэр. Значит, вы не можете присягнуть?

Мун. Я могу присягнуть в том, что он назвал меня идиотом и болваном; эти слова я хорошо запомнил.

Чантри (*про себя*). Mort aux vaches! ¹.

Мэр. Э... достаточно, полицейский Мун. Теперь, кто еще присутствовал при этой схватке? Миссис Билдер. Вы не обязаны говорить что-либо, если вам не угодно. Это — ваше право, как жены обвиняемого.

В то время, как он говорит, открывается дверь; Харрис быстро подходит к двери, обменивается с кем-то несколькими словами и возвращается. Он наклоняется к мэру.

Э? Подождите минутку. Миссис Билдер, вы желаете дать показания?

Миссис Билдер (*встает*). Нет, господин мэр. (*Снова садится.*)

Мэр. Прекрасно. (*Харрису.*) Ну, что там такое?

Харрис что-то говорит ему тихо и озабоченно. Лицо мэра вытягивается. Он наклоняется и советуется с Чантри, который неодобрительно слегка пожимает плечами. Минутная пауза.

Заседание суда открытое. Представители прессы, если хотят, могут присутствовать.

Харрис идет к дверям, впускает молодого человека приятной наружности в очках и указывает ему на стул позади. При этом несвоевременном появлении глаза Билдера забегали было по сторонам, но затем он снова устремляет неподвижный бычий взгляд на своих коллег. Мэр обращается к Мод.

Вы можете сесть, мисс Билдер.

Мод садится.

Мисс Атена Билдер, вы, кажется, тоже там присутствовали?

Атена (*встает*). Да, сэр.

Мэр. Что вы можете показать по этому делу?

Атена. Я видела все это не очень отчетливо, но мне кажется, что рассказ моей сестры соответствует истине.

Мэр. Вы считаете, что повреждение было нанесено тростью?

Атена (*тихо*). Да.

Мэр. Преднамеренно или нет?

¹ Смерть коровам! (*франц.*) — фраза, выражающая презрительное отношение к полицейским, — цитата из «Кренкебиля» Анатоля Франса.

А т е н а. О, конечно, нет.

Билдер смотрит на нее.

Мэ р. Но ведь вы стояли так, что не могли все отчетливо видеть?

А т е н а. Да, сэр.

Мэ р. Поскольку ваша сестра взяла назад обвинение, нам незачем его разбирать. Прекрасно. (*Знаком предлагает ей сесть.*)

Атеиа садится, переводит взгляд на бесстрастное лицо отца.

Ну, там был еще какой-то молодой человек. (*Указывая на Херрингема.*) Этот молодой человек?

М у н. Да, ваша милость.

Мэ р. Ваше имя?

Г а й. Гай Херрингем.

Мэ р. Адрес?

Г а й. Э-э... аэродром, сэр.

Мэ р. Я имею в виду ваш домашний адрес.

Короткая напряженная пауза.

Г а й (*с усилием*). В настоящую минуту у меня его нет, сэр. Я только что съехал с квартиры, а другую еще не нашел.

Мэ р. Гм! Аэродром! А как вы очутились на месте происшествия?

Г а й. Я... э...

Билдер бросает взгляд на Херрингема.

Мисс Атена Билдер в настоящее время работает в мастерской моей сестры. Я как раз... случайно зашел туда.

Мэ р. Вы действительно появились во время схватки, как утверждает полицейский?

Г а й. Да, сэр.

Мэ р. Он позвал вас на помощь?

Г а й. Д-да. Нет, сэр. Не он, а мисс Мод Билдер.

Мэ р. Что вы скажете по поводу последнего удара?

Г а й (*слегка вздернув голову*). О, это я видел ясно.

Мэ р. Итак, мы вас слушаем.

Г а й. Полицейский сильно ударил по трости снизу, она взлетела и стукнула его по глазу.

Мэ р (*негромко хмыкнув*). Вы в этом уверены?

Г а й. Совершенно уверен, сэр.

Мэ р. Были ли при этом произнесены какие-нибудь ругательства?

Г а й. Самые обычные, сэр. «Черт возьми» и тому подобное.

Мэ р. Вы считаете это обычным?

Г а й. Но ведь он... судья, сэр.

Мэ р на этот раз хмыкает громче. Чантри улыбается. Наступает молчание. Затем мэ р наклоняется к Чантри и о чем-то советуется с ним.

Ч а н т р и. Обратили ли вы внимание на какую-нибудь особую грубость, помимо сопротивления аресту?

Г а й. Нет, сэр.

Мэ р (жестом отпуская его). Прекрасно. Таковы, видимо, обстоятельства дела. Обвиняемый Джон Билдер... что вы можете сказать по этому делу?

Б и л д е р (совершенно новым для него голосом). Что я скажу? Как он смел прикасаться ко мне, к судье? Я стукнул свою дочь раза два тростью, в частном доме, за то, что она мешала мне увести домой жену...

Мэ р. Это обвинение снято, и мы не станем входить в подробности. Что вы имеете сказать о вашем сопротивлении полицейскому?

Б и л д е р (глухо). Ничего, черт бы вас побрал!

Мэ р (в замешательстве). Я... я вас не расслышал.

Ч а н т р и. Ничего... Он сказал: ничего, господин, мэ р.

Мэ р (откашлялся). Следовательно, насколько я понимаю, вы не желаете дать никаких объяснений?

Б и л д е р. Я считаю, что со мной обходятся возмутительно, и отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы.

Мэ р (сухо). Прекрасно. Мисс Мод Билдер.

Мод встает.

Когда вы говорили, что обвиняемый был ослеплен гневом, что, собственно, имели вы в виду?

М о д. Я хотела сказать, что отец был очень сердит и не понимал, что делает.

Ч а н т р и. Скажем, например, так же сердит, как... э... сейчас?

М о д (с легкой улыбкой). О, гораздо сильнее!

Ральф Билдер встает.

Р а л ь ф. Разрешите мне дать показания, господин мэр.

М э р. Вы собираетесь говорить на основании собственных наблюдений, мистер Билдер?

Р а л ь ф. О душевном состоянии моего брата... Да, господин мэр, вчера он был, несомненно, очень возбужден; некоторые обстоятельства — семейные и другие...

М э р. Вы хотите сказать, что он, если можно так выразиться, был вне себя?

Р а л ь ф. Вот именно, сэр.

М э р. Вы видели вашего брата перед этим?

Р а л ь ф. Я видел его незадолго до этого прискорбного случая.

Мэр кивает и делает Ральфу и Мод знак сесть; затем наклоняется и тихо совещается с Чантри. Все остальные сидят или стоят с таким выражением, словно каждый из них находится один в комнате, за исключением репортера, который быстро пишет и при этом довольно явно набрасывает портрет Билдера.

М э р. Мисс Атена Билдер.

Атена встает.

Этот молодой человек, мистер Херрингем, насколько я понимаю, — друг вашей семьи?

Снова напряженная пауза.

А т е н а. Н-нет, господин мэр, он не является другом ни моего отца, ни моей матери.

Ч а н т р и. Ваш знакомый?

А т е н а. Да.

М э р. Прекрасно. (Откашливается). Поскольку обвиняемый, как мы полагаем, совершенно напрасно отказывается дать какие-либо разъяснения, суду придется опираться на свидетельские показания. Существуют некоторые разногласия относительно удара, который был, несомненно, получен полицейским. В связи с этим мы склонны опереться на показание мистера...

Харрис подсказывает.

...мистера Херрингема как человека, наименее заинтересованного лично в данном деле и поэтому наиболее беспристрастного свидетеля. Его показание сводится к то-

му, что удар был нанесен случайно. Нет сомнения, однако, что обвиняемый употреблял некорректные выражения и оказал сопротивление полицейскому, исполнявшему свои обязанности. Свидетели указывали, что обвиняемый был в возбужденном состоянии, и, возможно,— я не говорю, что это служит ему оправданием,— но возможно, он предполагал, что его звание судьи делает его... э...

Чантри (*подсказывает ему*). Женою Цезаря.

Мэр. Э? Мы полагаем — принимая во внимание все обстоятельства и тот факт, что он провел ночь в тюремной камере,— полагаем справедливым... э... отпустить его, но сделав ему предупреждение.

Билдер (*себе под нос*). Предупреждение, черт вас дери! (*Выходит из комнаты.*)

Репортер хватает блокнот и бежит за ним. Билдеры встают и толпятся у двери, а затем их, вместе с Херрингемом, выпускает из комнаты Харрис.

Мэр (*вынув большой платок и вытирая лоб*). Ф-фу! Однако!

Чантри. Как вам нравятся эти новые полицейские, мэр? А Билдеру, видимо, придется уйти в отставку. Черт бы побрал этих газетчиков, все они пронюхают! Великие бессеребренники! Опять нам достанется! (*Вдруг расхохотался.*) «Ладно, будет болтать!» — говорю я, насколько мне помнится! Ха-ха-ха! Сегодня мне не удастся подстрелить ни одного фазана! Бедняга Билдер! Для него это не шутка. Вы хорошо провели дело, мэр, хорошо провели. Британское правосудие в надежных руках. Но, конечно, это он подбил парню глаз, который тот «предъявил в качестве вещественного доказательства»! Ох, не могу! Вот это лучше всего!

Его безудержный хохот, так же, как и унылая улыбка мэра, с молниеносной быстротой сменяется неестественной торжественностью, когда открывается дверь и перед ними в сопровождении сержанта Мартина предстает мрачный объект следующего судебного дела.

Мэр. В чем он обвиняется?

Сержант выступает вперед, чтобы прочесть обвинительное заключение, и в это время занавес падает.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Полдень того же дня. Кабинет Билдера. Т о п п и н г . стоит у открытого окна, глядя на улицу. Раздается голос мальчишки-газетчика, выкрикивающего последние новости. Голос приближается слева.

Т о п п и н г . Эй!

Г о л о с м а л ь ч и ш к и . Сейчас, хозяин! Джонни Билдер на скамье подсудимых!

В окне появляется рука с газетой.

Т о п п и н г (протягивая монету). Что ты там болтаешь? Смотри у меня...

Г о л о с . А вот, прочитайте! Джонни Билдер лупит свою жену! Подсудимый оправдан!

Т о п п и н г . Замолчи, щенок!

Г о л о с . Чего это вы? Ой, да ведь это дом Джонни Билдера! (Резко свистнув.) Эй, купите еще! Он, верно, захочет почитать про себя! (Уговаривая.) Купите еще номер, хозяин!

Т о п п и н г . Убирайся! (Отходит от окна и разворачивает газету.)

Г о л о с (удаляясь). Газеты! Последний выпуск! Мировой судья на скамье подсудимых! Последний выпуск!

Т о п п и н г (читая про себя). Вот так штука! Фью! Понятно, почему их всю ночь не было дома.

В это время из передней входит К а м и л л а .

Подите-ка сюда! Вы это видели, Камилла,— в экстренном выпуске?

К а м и л л а . Нет.

Стоя рядом, они жадно читают.

Т о п п и н г (заканчивая вслух). «...пыталась помешать отцу силой заставить мать вернуться домой, за что он ударил ее. Она отказалась от обвинения. Арестованный, заявивший, что действовал при провоцирующих обстоятельствах, был оправдан, но получил предупреждение». Черт меня побери! Он-таки сделал это!

К а м и л л а . Синяк под глазом.

Т о п п и н г (поглядев на нее). А не замешаны ли в этом и вы? Я ведь видел, как вы сгроили ему глазки. Вы, иностранцы, народ распушенный!

К а м и л л а. Вы пьяны!

Т о п п и н г. Пока еще нет, милочка. (*Возвращаясь к газете, говорит философски*). Вот все и пошло прахом! Бывает, что и фавориты не приходят первыми! Джонни Билдер! Кто бы мог подумать!

К а м и л л а. Он человек упрямый.

Т о п п и н г. Да, уж тут нашла коса на камень! А все оттого, что он не знает, когда надо проявить твердость, а когда нет. Если стараться проломить стену головой, у головы нет никаких шансов выдержать. Так-то, Камилла. А послушать кое-кого, можно подумать, что это не так. Интересно, что он теперь будет делать? А от хозяйки нет известий?

К а м и л л а (*покачав головой*). Я уложила ее чемоданы.

Т о п п и н г. Зачем?

К а м и л л а. Потому что она взяла вчера свои драгоценности.

Т о п п и н г. Да неужто! Их же полагается оставлять. «Возьмите обратно ваши подарки!» — и швыряет бездельшки ему в лицо. (*Снова уставившись на Камиллу*.) А вам пальца в рот не клади!

Слышно, как подъезжает и останавливается экипаж.

Уж не он ли это? (*Идет по направлению к передней*.)

Камилла, насторожившись, делает несколько шагов к двери в столовую. Входит М о д.

М о д. Отец вернулся, Топпинг?

Т о п п и н г. Нет еще, мисс.

М о д. Я приехала за мамиными вещами.

К а м и л л а. Они уложены.

М о д (*смерив ее взглядом*). Топпинг, снесите их, пожалуйста, вниз.

Т о п п и н г, поглядев на обеих, выходит в переднюю.

Очень предусмотрительно, что вы их приготовили.

К а м и л л а. О, я предусмотрительна.

М о д (*почти сама себе*). Да, папа мог бы... а впрочем, может быть, и нет.

К а м и л л а. Послушайте! Если вы думаете, что я

что-то замышляю, вы ошибаетесь. Я чувствую, когда становится слишком жарко. И не жалею, что ухожу.

М о д. Ах, вы уходите?

К а м и л л а. Да, я ухожу. Как я могу оставаться, если в доме нет хозяйки?

М о д. Даже если вас попросят?

К а м и л л а. Кто меня будет просить?

М о д. Это мы увидим.

К а м и л л а. Так вот, вы увидите, что у меня есть собственное мнение.

М о д. О да, голова у вас достаточно хорошо работает.

К а м и л л а. Я не собираюсь спорить. До свидания.
(Уходит налево.)

Мод безучастно наблюдает, как она удаляется, затем берет газету и читает ее.

М о д. Какой ужас!

Т о п п и н г (входит). Вещи в кэбе, мисс. Я не поставил вчера за вас десять шиллингов, мисс, потому что эта кляча пришла последней. На лошадей нельзя полагаться.

М о д (указывая на газету). Какая страшная история, Топпинг!

Т о п п и н г. А как же это случилось, мисс Мод?

М о д (постукивая по газете). Все это правда. Он пришел за мамой к мисс Атене, и я... я не могла сдержаться. Все, что написано здесь, правильно, но теперь я об этом жалею. Мама ужасно расстроена. Вы хорошо знаете папу, Топпинг. Как, по-вашему, что он теперь будет делать?

Т о п п и н г (прищелкнув языком). Видите ли, мисс, дело обстоит так: до сих пор мистера Билдера всегда все уважали...

Мод нетерпеливо встряхивает головой.

...Конечно, не у него дома. А теперь уважения нет. Пси... пши... психологически это должно на него подействовать.

М о д. Разумеется, но с каким результатом? Сдастся ли он или будет драться до последнего?

Т о п п и н г. Нет, уж он не сдастся, мисс.

М о д. Его, конечно, попросят выйти в отставку.

Снова слышен приближающийся голос газетчика: «Экстренный выпуск! Сенсация! Местный судья в роли обвиняемого! Экстренный выпуск!»

О боже! Зачем я это сделала! Но я не могла видеть, как маму...

Топпинг. Не расстраивайтесь, мисс, он все выдержит. У него, можно сказать, челюсть перевешивает лоб...

Мод. Что?

Топпинг (кивает). Френология, мисс. Я в ней кое-что соображаю. Когда челюсть большая, а лоб маленький, это признак сильного характера.

Мод. Мисс Атена вышла замуж сегодня утром, Топпинг. Я сейчас прямо из мэрии.

Топпинг (бесстрастно). В самом деле, мисс? Я думал, что так она, вероятно, и сделает.

Мод. О!

Топпинг. Тень надвигающихся событий... Я уже вчера видел, как они надвигаются.

Мод. Ну, во всяком случае это так. Она приедет сюда с дядей.

Слышно, как подъезжает экипаж.

Это, вероятно, они. Мы все очень расстроены из-за папы.

Топпинг. А-а! Меня не удивит, если он будет очень расстроен из-за вас, мисс.

Мод (у окна). Это они.

Топпинг выходит в переднюю; Атена и Ральф входят слева.

Где папа, дядя Ральф?

Ральф. У своего поверенного.

Атена. Мы оставили Гая с мамой в мастерской. Она все еще считает, что должна вернуться. Она все твердит, что это ее дело теперь, когда отец в беде.

Мод. Ее вещи уже в кэбе. Ей надо предоставить возможность свободного выбора.

Ральф. Ты помешалась на свободе, Мод.

Мод. С вами было бы то же самое, если б около вас был папа.

Ральф. Я его компаньон, дорогая моя.

Мод. Да. Как вы умудряетесь ладить с ним?

Ральф. До сих пор я еще не подавал на него в суд.

Атена. А что же вы делаете, дядя Ральф?

Ральф. Действую тихой сапой. Подкапываюсь под него, когда могу.

Мод. А когда не можете?

Ральф. Подкапываюсь под нашего общего противника. Теперь тебе нельзя идти в киноактрисы, Мод. Они будут рекламировать тебя как прославленную Мод Билдер, подавшую в суд на своего отца. Переезжай вместо этого к нам, и ты будешь пользоваться полной свободой, пока вся эта история не забудется.

Мод. Ах, а что теперь будет с папой?

Атена. Так странно, что вы братья, дядя Ральф.

Ральф. У каждой монеты есть оборотная сторона, моя дорогая. Джон — одна, а я — другая. У него есть свои ценные качества. А теперь вы, девочки, должны погладить его по шерстке и постараться помириться с ним. Вы достаточно помучили его.

Мод (упрямо). Я не выбирала его себе в отцы, дядя.

Ральф. Говорят, сейчас с наследственными заболеваниями делают чудеса. Ну как — будете вы обе милы с ним?

Атена. Мы попытаемся.

Ральф. Правильно! Я и теперь не понимаю, как все это произошло.

Мод. Не успели вы с Гаем выйти, как через три минуты появился он. Мама только что рассказала нам о... об одной мерзости. Папа потребовал, чтобы мы с Атеной вышли, и мы согласились выйти на пять минут, пока он поговорит с мамой. Мы ушли, а когда вернулись, он велел мне взять кэб, чтобы отвезти маму домой. Бедная мама стояла бледная, как полотно, а он начал настаивать и тащить ее к двери. Я была ослеплена гневом и вместо кэба вызвала полицейского. Конечно, это папа подбил ему глаз. Гай здорово вызволил его.

Атена. Ты первая это придумала.

Мод. Я не могла иначе, когда увидела, как папа стоит и молчит, словно у него язык отнялся.

Атена. Это было ужасно! Дядя, почему вы не вернулись с Гаем?

Мод. О да, почему вы не вернулись?

Атена. Когда Мод пошла за кэбом, я предупредила папу, чтобы он не применял силу. Я сказала ему, что это противозаконно, но он ответил только: «К черту закон!»

Р а л ь ф. Что же, все это довольно неприглядно.
М о д. Да, все были ослеплены гневом.

Они не замечают, как отворяется дверь и из прихожей появляется Билдер. Он все еще не брит, немного осунулся, на его лице мрачное, свирепое выражение. В руке какая-то бумага. Он делает несколько шагов вперед, и тут они замечают его.

А т е н а и М о д (растерянно). Папа!

Б и л д е р. Ральф, сделай мне одолжение! Выпроводи их отсюда!

Р а л ь ф. Успокойся, Джон!

Б и л д е р. Уходите!

М о д (гордо). Хорошо! Мы думали, что тебе будет приятно узнать, что Алена вышла замуж, а я отказалась от кино. А теперь мы уйдем.

Билдер поворачивается к ним спиной, садится за письменный стол и начинает писать. Пошептавшись с дядей, сестры уходят. Ральф Билдер стоит, с добродушно-насмешливым сочувствием глядя на спину брата. Когда Билдер кончает писать, Ральф подходит к нему и кладет руку ему на плечо.

Р а л ь ф. Очень неприятная история, дружище!

Б и л д е р. Вот что я написал этому типу: «Господин мэр, вы сегодня имели наглость сделать мне предупреждение — мне, вашему собрату, такому же судье, как вы! Я советовался с моим поверенным, могу ли я привлечь вас к ответственности за противозаконное задержание. Он сообщил мне, что этого сделать нельзя. Посему пользуюсь случаем заявить вам, что правосудие в нашем городе — это фарс. Я не желаю более иметь дело ни с вами, ни с вашими коллегами, но вы глубоко заблуждаетесь, воображая, что я сложу с себя звание судьи или уйду из муниципального совета. С совершеннейшим почтением Джон Билдер».

Р а л ь ф. Слушай, дружище, не надо терять чувство юмора.

Б и л д е р (мрачно). Юмора? Я провел ночь в тюремной камере. Погляди-ка на это! *(Показывает бумагу, с которой он пришел.)* Я лишаю свою семью наследства.

Р а л ь ф. Джон!

Б и л д е р. Эти две молодые особы для меня больше не существуют. Что касается жены... Если она не вернется... Раз я страдаю, так пусть и другие страдают.

Р а л ь ф. Джулия очень расстроена, мой милый, мы все расстроены. Девочки пришли сюда, чтобы попытаться...

Б и л д е р (встает). Пусть они убираются к черту! А если этот паршивец мэр думает, что я конченный человек, то он ошибается! (Звонит.) Не нужны мне никакие утешения! Я умею драться до конца!

Р а л ь ф (тихо). Твой враг внутри тебя, дружище.

Б и л д е р. Это еще что?

Р а л ь ф. Прежде чем укрощать других людей, следует укротить себя. Выспись, Джон, утро вечера мудренее.

Б и л д е р. Выспаться? Я всю ночь глаз не сомкнул. Если бы ты провел такую ночь...

Р а л ь ф. Я сам не спал.

Входит Т о п п и н г.

Б и л д е р. Отнесите это письмо мэру с приветом от меня. Ответа не надо.

Т о п п и н г. Слушаю, сэр. Там, в передней, джентльмен из «Кометы». Просит, чтоб вы его приняли.

Б и л д е р. Передайте ему, чтобы он убирался к...

Слышен голос: «Мистер Билдер!» Билдер оборачивается и видит репортера, который уже стоит в дверях передней. Т о п п и н г выходит.

Ж у р н а л и с т (входит, протягивая визитную карточку). Мистер Билдер, вы очень добры, что приняли меня. Я имел сегодня утром удовольствие... Я хочу сказать... я пытался поговорить с вами, когда вы ушли от мэра. Я думал, что у вас, вероятно, есть своя собственная точка зрения на это злополучное происшествие. Мы будем рады дать вам возможность высказать ее перед нашими читателями.

Ральф стоит у окна и слушает.

Б и л д е р (сухо, меряя взглядом репортера, говорившего вежливо и приятным голосом). Очень любезно с вашей стороны.

Р е п о р т е р. Что вы, сэр... Мы полагали, что у вас почти наверняка есть свои весьма основательные причины, которые могут представить все дело в совершенно ином свете.

Б и л д е р. Основательные причины? Я думаю! Я вам скажу: еще немного этой свободы — распушенности, как я это называю, — и вскоре не останется ни одного человека, который сможет назвать себя главой семьи.

Р е п о р т е р (в тон ему). Совершенно верно.

Б и л д е р. Если представители закона думают, что могут поддерживать бунт, они жестоко ошибаются. Я ударил свою дочь... я был взбешен, как и вы были бы...

Р е п о р т е р (так же). Ну, разумеется...

Б и л д е р (яростно глядя на него). Впрочем, что касается вас, — не знаю, вы, кажется, размазня, — но любой человек с горячей кровью был бы!

Р е п о р т е р. Позвольте спросить, что она сделала, сэр? Нам не удалось это уточнить.

Б и л д е р. Сделала? Только я взял за руку свою жену, пытаюсь убедить ее вернуться домой после маленькой семейной размолвки, как эта девчонка налетела на меня. Я вышел из себя и оттолкнул ее тростью. А... этот полицейский, которого привела моя собственная дочь!.. Подумать только — полицейского привела! Если представитель закона вторгается в частный дом с целью подорвать авторитет главы семьи, до чего мы докатимся, скажите мне?

Р е п о р т е р (все так же). Ну, безусловно... безусловно!

Б и л д е р. Современная идиотская сентиментальность совершенно разлагает нашу страну. Человек не может быть хозяином в собственном доме, не может призвать свою жену к исполнению ее обязанностей, не может попытаться контролировать поведение своих дочерей без того, чтобы не натолкнуться на сопротивление и не навлечь на себя ненависть. Дело дошло до того, что хозяин уже не может распоряжаться своими служащими; не может где-либо подавлять бунт без того, чтобы на него не стала таякать свора гуманистов и поклонников распушенности!

Р е п о р т е р. Великолепно, сэр, великолепно!

Б и л д е р. Великолепно! Это позорно! Вот вам я — человек, который всегда пытался выполнять свой долг перед семьей и перед обществом, и мне пришлось пред-

стать перед судом — о господи! — потому что я выполнял этот долг; быть может, с несколько излишним рвением, но ведь я не ангел!

Репортер. Да, да! Разумеется...

Билдер. Настоящий англичанин никогда не бывает ангелом! Но теперь нет настоящих англичан! (*В ярости мечется взад и вперед по комнате.*)

Ральф (*внезапно*). Когда я смотрю на лица...

Билдер (*думая о своем*). Что? Я сказал этому молодому человеку, что я не ангел.

Репортер (*провоцируя его*). Да, сэр, я вас понимаю.

Билдер. Если представители закона думают, что они могут заставить меня стать одним из ваших мягкотелых сентименталистов, которые позволяют всем делать, что им в голову взбредет...

Ральф. Есть еще немало людей, Джон, которые тоже не собираются отказываться от своих прав.

Билдер (*думая о своем*). Что? Кто там еще прав?

Репортер. Вам, вероятно, пришлось пережить несколько неприятных минут, сэр.

Билдер. Сплошные унижения. Я провел ночь в вонючей камере. Не ел со вчерашнего утра. Неужто они думали, что я буду есть эту бурду, которую они мне сунули? И все потому, что в минуту гнева... о котором я сожалею!.. получилось так, что я ударил собственную дочь, вмешавшуюся в мои отношения с женой. Это было бы смешно, если б не было так отвратительно! Раньше дом человека был святыней. А чем он стал теперь, когда все, кому не лень, суют в него свой нос? (*Стоит у камина, нагнув голову, словно не замечая ни репортера, ни вообще кого бы то ни было.*)

Репортер (*собираясь уходить*). Очень вам благодарен, мистер Билдер. Я уверен, что не искажу ваших мыслей. Может быть, вы захотите просмотреть гранки?

Билдер (*не совсем отдавая себе отчет в том, кто стоит перед ним*). Что?

Репортер. Или вы доверяете мне?

Билдер. Я не доверяю вам ни на грош.

Репортер (*в дверях*). Прекрасно, сэр, вам при-

шлют гранки, я обещаю. Всего хорошего, и еще раз благодарю вас.

Билдер. Эй!

Но репортер уходит.

Билдер устремляет взгляд на брата, с лица которого все еще не сошло выражение добродушно-насмешливого сочувствия.

Ральф. Возьми себя в руки, дружище! Прими горячую ванну и ложись спать.

Билдер. Им захотелось довести меня до крайности, теперь пусть несут ответственность за последствия. Мне наплевать, что обо мне думают!

Ральф (с грустью). Ладно, сейчас я не буду больше надоедать тебе.

Билдер (с недобрым смешком). Что ж, приходи завтра снова.

Ральф. Когда ты выпишься. Ради репутации всей нашей семьи, прошу тебя, Джон, не будь опрометчив.

Билдер. Запереть ворота конюшни? Нет, мой милый, поздно, лошадь уже украли.

Ральф. Так, так... (Поглядев на брата, угрюмо усевшегося за письменный стол, выходит в переднюю.)

Билдер сидит, уставившись прямо перед собой. Дверь из столовой приоткрывается; показывается голова Камиллы. Увидя его, Камилла хочет скрыться, но он уже успел заметить ее.

Билдер. Подите-ка сюда!

Камилла нерешительно подходит к письменному столу. Морщит лоб, словно что-то усиленно обдумывает. Билдер глядит на нее без улыбки.

Значит, вы хотите быть моей любовницей, а?

Камилла делает нервный жест.

Ну что ж, отлично. Подойдите поближе.

Камилла (не двигаясь). Вы меня п-пугаете.

Билдер. Вы мне дорого обошлись. Но вы заплатите за это, вы и все остальные.

Камилла (пяясь). Нет, сегодня вы мне не нравитесь! Нет!

Билдер. Ну, хватит ломаться!

Она стоит достаточно близко от него, и он хватает ее за руку.

С тех пор как я женился, я всегда держал себя в узде во имя приличий. Я был человеком с твердыми правилами, милочка, как вы вчера убедились. А им этого не нужно! *(Притягивает ее к себе.)* Вот теперь можете сесть ко мне на колени.

Камилла *(отшатываясь)*. Нет, сегодня я не хочу.

Билдер. Но все-таки вам придется. Они сами напросились на это!

Камилла *(гибким движением увертываясь от него)*. Они? Что все это значит? Я не хочу никаких неприятностей. Нет, нет! Не хочу! *(Пятится к дверям.)*

Билдер саркастически смеется.

О, вы опасный человек! Нет, нет! Это не для меня! Прощайте, мосье! *(Быстро поворачивается и уходит.)*

Билдер снова мрачно смеется. Он сидит теперь один, глядя прямо в одну точку, и в комнате царит полная тишина. В окне появляется лицо мальчишки; на нем все шире расплывается насмешливая улыбка.

Мальчишка *(за окном, вполголоса)*. Джонни Билдер!

Билдер резко оборачивается — лицо исчезает,

Кто избил свою жену?

Билдер бросается к окну.

Голос *(уже вдалеке и с опаской)*. Джонни Билдер!

Билдер. Ах ты, дьявольское отродье! Попадись ты мне, окаянный, уж я сверну тебе шею!

Голос *(совсем издалека)*. Кто подбил глаз фараону?

Билдер не в силах совладать с собой, хватает с подоконника цветочный горшок и изо всей силы швыряет его в окно на улицу. Слышно, как горшок разбивается.

Голос *(очень далеко)*. Э-э-э! Промазал!

Билдер высовывается из окна; его лицо побагровело; он грозит вдалеку кулаком.

Занавес опускается на несколько секунд.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вечер того же дня. Кабинет тускло освещен, у него заброшенный вид. Окно все еще открыто, хотя уже близится ночь. В окно падает свет уличного фонаря, освещая уснувшего Билдера. Он сидит в кресле у письменного стола, ближе к камину, опираясь локтями о стол, подпирая щеку правой рукой. Он все еще не брит, и на нем тот же костюм. Над подоконником появляется голова мальчишки: кажется, что она отделена от тела и поставлена на подоконник.

Голос мальчишки (громким шепотом). Джонни Билдер!

Билдер вздрагивает. Голова мальчишки исчезает. Билдер, подняв левую руку, машет ею перед лицом, как бы отгоняя комара, и просыпается. Вспоминает все, что было, и некоторое время сидит, мрачно уставившись перед собой. Дверь из передней открывается, входит Топпинг, с длинным конвертом в руке.

Топпинг (подходя к Билдеру). Из «Кометы», сэр. Оттиск вашего интервью, сэр. Посыльный сказал: будьте любезны просмотреть; он должен сразу же отнести его обратно.

Билдер (берет конверт). Хорошо. Я позвоню.

Топпинг. Можно закрыть окно, сэр?

Билдер. Нет еще.

Топпинг выходит.

(Зажигает настольную лампу, вскрывает конверт и начинает читать гранки. На лице его постепенно появляется выражение замешательства и растерянности.) Разве я это говорил? Мерзость! Мерзость! (Бросает гранки, сидит некоторое время, качая головой и нервно постукивая рукой по столу, затем берет телефонную трубку.) Город, два сорок пять. «Комета»? Это Джон Билдер. Дайте мне главного редактора. (Пауза.) Господин редактор? Говорит Джон Билдер. Относительно интервью. Я получил оттиск. Это никуда не годится. Вычеркните все целиком, пожалуйста. Я не желаю давать никаких заявлений. (Пауза.) Да, я знаю, что сказал все это, ничего не поделаешь. (Пауза.) Нет, я передумал. Вычеркните, пожалуйста. (Пауза.) Нет, я ничего не скажу. (Пауза.) А вы можете, черт подери, говорить все, что вам угодно! (Пауза.) Да, да, именно так. Если вы припишете мне хоть одно слово, я подам на вас в суд за клевету. Безответст-

веннейшая мерзость! Я разорвал все ваши гранки. До свидания. *(Вешает трубку и звонит; затем, взяв гранки, злобно рвет их на мелкие кусочки и засовывает в конверт.)*

Входит Т о п п и н г.

Отдайте посыльному, живо, и пусть убирается...

Т о п п и н г *(с некоторым удивлением, чувствуя в руке содержимое конверта)*. Слушаю, сэр. *(Направляется к двери, но оборачивается.)* Пришел мэр, сэр. Не знаю, угодно ли вам будет...

Билдер встает; прошелся по комнате.

Б и л д е р. Я сам не знаю. Впрочем, просите.

Т о п п и н г выходит.

Билдер стоит у камина, слегка нагнув голову.

Т о п п и н г *(входит)*. Господин мэр, сэр. *(Уходит направо.)*

Входит мэр, он в пальто и даже с цилиндром. Прежде чем заговорить, он доходит до середины комнаты.

Мэр *(смущенно)*. Ну, Билдер?

Б и л д е р. Ну?

Мэр. Не надо! Это мое предупреждение было чистой дипломатией. Мне нужно было поддержать репутацию суда, вы же понимаете.

Б и л д е р. А как насчет моей репутации?

Мэр. Вы... вы очень затруднили мне дело. Черт бы все это побрал! Поставьте себя на мое место.

Б и л д е р *(угрюмо)*. Я лучше поставил бы вас на мое вчера вечером.

Мэр. Да, да, я знаю. Но суд должен оберегать свою репутацию, он не должен ронять себя в глазах общественности. Я и так чуть не нарушил закон. А вот если бы перед нами был простой человек, с таким же обвинением—с обвинением, что он ударил женщину?

Б и л д е р. Я ударил не женщину, я ударил свою дочь.

Мэр. Да, но ведь она же не ребенок! И, если уж на то пошло, вы оказали сопротивление полиции. Ну что там! Вы ведь первый поддержали бы британское правосудие. Пожмем же друг другу руки.

Б и л д е р. Вы за этим пришли?

Мэр (растерянно). Д-да. Я чрезвычайно огорчен этим...

Билдер. Бросьте! Вы пришли просить меня выйти в отставку.

Мэр. Все это, право, очень глупо получилось, Билдер. Мы все чувствуем...

Билдер. Не тратьте ваших зарядов впустую, мэр. Я уже все обдумал, после того как написал вам ту записку. Примите мою отставку.

Мэр (смущен, но облегченно вздыхает). Ну вот, так-то лучше! Приходится мужественно встречать эту неприятность, в которую вы попали.

Билдер (с оттенком мрачного юмора). Да, да, я знаю, что это не так уж трудно — мужественно встречать чужие неприятности.

Мэр. Ну, и в конце концов так ли уж они велики?

Билдер. Всего только великолепное одиночество. Ни жены, ни дочерей, ни звания члена муниципального совета, ни звания судьи, ни будущего... (Со смешком.) Ни даже француженки-горничной. А почему? Потому что я пытался как-то утвердить свою власть в семье, на ее же пользу! Вот и все неприятности, которые вам приходится мужественно переносить, мэр.

Мэр. Ай-ай-ай! Сколько горечи, Билдер. Конечно, вся эта огласка очень неприятна. Но все забудется, и вы снова станете тем, чем были. В вас за всей вашей вспыльчивостью кроется превосходный практический здравый смысл. (Пауза.) Ну, не падайте духом! (Пауза.) Что ж, пожалуй, я прощусь с вами.

Билдер. Завтра вы получите письменную просьбу об отставке.

Мэр (искренне). Ну, будет! Давайте пожмем друг другу руки!

Билдер долго смотрит на него, потом протягивает руку. Они обмениваются рукопожатием. Резко повернувшись, мэр выходит. Билдер с минуту стоит неподвижно, затем снова садится на прежнее место у письменного стола, опустив голову на руки. Над подоконником опять появляется голова мальчишки, за ней другая и третья; теперь все три головы — словно отрубленные и установленные в ряд.

Голоса мальчишек (один за другим, все более громким шепотом). Джонни Билдер! Джонни Билдер! Джонни Билдер!

Билдер встает, поворачивается и смотрит на них. Головы исчезают, и мальчишеский голос пронзительно кричит: «Джонни Билдер!» Билдер идет к окну; голоса теперь кричат на разные лады: «Джонни Билдер!», «Буян Билдер!», «Кто избил свою жену? Буян Билдер!» Билдер стоит совершенно неподвижно, уставившись в окно; уличный фонарь освещает его лицо, на котором застыло выражение какого-то вызова и одновременно боли. Голоса становятся все громче. Затем вдруг что-то со свистом рассекает воздух, слышен плеск воды и отчаянные вопли.

Г о л о с Т о п п и н г а. Брысь! Черти вы этакие!

Слышен топот ног и протяжный отдаленный вопль: «Мяу!» Билдер, словно очнувшись, закрывает окно, задергивает шторы, идет к креслу у камина и садится. Входит Топпинг с маленьким подносом, на котором стоит кувшинчик с какой-то дымящейся жидкостью, стакан и печенье. Топпинг бесшумно подходит к креслу. Билдер шевелится и поднимает глаза на Топпинга.

Т о п п и н г. Извините, сэр, но после вчерашнего завтрака прошло уже много времени,— без еды не проживешь, сэр!

Б и л д е р. Хорошо. Поставьте.

Т о п п и н г (*ставит поднос на стол и берет трубку Билдера*). Я им задал жару, этим паршивцам!

Б и л д е р. Вы славный малый.

Т о п п и н г (*набивая трубку*). Извините меня, сэр... хозяйка... вернулась, сэр...

Билдер уставился на него, и Топпинг умолкает. Он протягивает Билдеру трубку и спички.

Б и л д е р (*вздвигнув*). Затопите, Топпинг. Я что-то озяб.

Топпинг затапливает камин; Билдер в это время раскуривает трубку. Растопив камин, Топпинг собирается уходить, но с полдороги возвращается, доходит до стола и смотрит на безмолвную, угрюмую фигуру в кресле.

(*Говорит внезапно.*) Дайте мне ту бумагу со стола. Нет, другую — завешание.

Топпинг передает ему завешание.

Т о п п и н г (*после больших колебаний*). Извините, сэр. Но, с вашего разрешения, сэр, это большое мужество с их стороны — вернуться домой...

Билдер снова уселся, как раньше, и не отвечает.

(Говорит с легким оттенком сочувствия.) Спокойной ночи, сэр.

Билдер (не поворачивая головы). Спокойной ночи.

Топпинг уходит.

(Сидит и курит, озаренный с одной стороны огнем камина, с другой — настольной лампой. Потом вынимает изо рта трубку; по его лицу пробегает судорога. Полусердитым жестом он трет рукой глаза.) Мужество! Мужество! (Губы его снова дрогнули. Он крепко сжимает их, затем опять сует трубку в рот и, взяв заветное, швыряет его в огонь и помешивает кочергой золу.)

В это время дверь из передней тихо открывается, и входит миссис Билдер: он не слышит, как она вошла. У нее в руках мешочек с рукоделием. Она медленно подходит к столу, останавливается и смотрит на Билдера. Затем, подойдя к шторам, машинально поправляет их, не сводя глаз с Билдера, снова подходит к столу и наливает ему обычный стакан грога. Билдер, уже заметивший ее присутствие, поворачивается в кресле в то время, как она протягивает ему стакан. Он сидит некоторое время неподвижно, затем берет у нее стакан и благодарно пожимает ей руку. Миссис Билдер молча подходит к своему стулу у камина и, вынув спицы, принимается за вязанье. Билдер пытается заговорить, но это ему не удается, и он продолжает сидеть, посасывая трубку.

Занавес

1921 г.

ВЕРНОСТЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Чарлз Уинзор, владелец имения Мелдон Корт, вблизи Ньюмаркета.

Леди Адела, его жена.

Фердинанд Де Левис, молод, богат, недавно принят в светском обществе.

Трежер, дворецкий Уинзора.

Генерал Кэниндж, непререкаемый авторитет во всем, что касается скачек.

Маргарет Орм, светская девица.

Капитан Рональд Дэнси, офицер в отставке, имеет орден «За отличную службу».

Мейбл, его жена.

Инспектор Дийд, из местной полиции.

Роберт, лакей Уинзора.

Молодой полицейский, помощник Дийда.

Огестес Борринг, клубный завсегдатай.

Лорд Сент Эрс, пэр Англии.

Лакей в клубе.

Майор Колфорд, однополчанин Дэнси.

Эдвард Грэвитер, юрист.

Молодой клерк.

Джильмен, крупный бакалейщик.

Джекоб Твисден, старший компаньон в юридической конторе «Твисден и Грэвитер».

Рикардос, итальянец, торгует винами.

Действие первое.

Картина первая.— Спальня Чарлза Уинзора в Мелдон Корте, вблизи Ньюмаркета, ночью в начале октября.

Картина вторая.— Спальня Де Левиса в Мелдон Корте, несколькими минутами позже.

Действие второе.

Картина первая.— Карточная комната в одном из лондонских клубов между четырьмя и пятью часами дня, три недели спустя.

Картина вторая.— Гостиная в квартире Дэнси, на следующее утро.

Действие третье.

Картина первая.— Кабинет мистера Джекоба Твисдена в юридической конторе «Твисден и Грэвитер» в Линкольнс Инн Филдсе в четыре часа пополудни, три месяца спустя.

Картина вторая.— Там же на следующее утро, в половине одиннадцатого.

Картина третья.— Гостиная в квартире Дэнси, часом позже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Спальня Чарлза Уинзора, владельца поместья Мелдон Корт, вблизи Ньюмаркета; половина двенадцатого ночи. Светло-серые стены, без украшений. В задней стене стеклянная дверь, задернутая портьерой. Вдоль правой стены кровать. В глубине слева дверь в спальню леди Аделы; рядом дверь в длинный коридор, куда выходят также двери остальных спален, вытянутых в ряд и занимающих все левое крыло дома. Слева от задернутой портьерой двери туалетный столик; над ним настенная лампа. На постели край одеяла откинут и разложена пижама; на ковре ночные туфли. Обычная обстановка комфортабельной спальни. Чарлз Уинзор, высокий, статный, белокурый мужчина лет 38, снимает домашнюю куртку.

Уинзор. Адела!..

Голос леди Аделы (из ее спальни). Что?..

Уинзор. Легла?

Голос леди Аделы. Нет еще.

Она показывается в дверях, уже раздетая, в халатике. Она тоже белокурая, лет 35-ти, изящная, в нежных фарфоровых тонах.

Уинзор. Выиграла в бридж?

Леди Адела. Да, как же!

Уинзор. А кто выиграл?

Леди Адела. Лорд Сент Эрс и Ферди Де Левис.

Уинзор. Этому молодому вертопраху непозволительно везет. Сегодня его лошади выиграли в двух заездах. А сам богат, как Крез.

Леди Адела. Да-а? А когда я ему платила, он так держался, как будто продавал мне ковер.

Уинзор (*снимает башмаки и надевает туфли*). Его отец и в самом деле торговал коврами. Оптовая фирма в Сити.

Леди Адела. Правда? А ты еще говоришь, что у меня нет интуиции. (*Прикладывает палец к губам.*) Тсс! Там Морисон.

Уинзор (*подходит к двери и затворяет ее*). Ронни Дэнси все ж таки сорвал с него десятку перед обедом.

Леди Адела. Не может быть! Как?

Уинзор. Держал пари, что вспрыгнет без разбега на книжный шкафчик высотой в четыре фута. Ну и пришлось Де Левису раскошелиться, хоть он и съязвил насчет тех, кто добывает средства фокусами в гостиных. Не вызывает к себе симпатии этот еврейчик.

Леди Адела. А это у тебя не предубеждение?

Уинзор. Ничуть. Я люблю евреев. В наше время это для него не минус, скорее наоборот. Но он чересчур о себе возомнил, всюду хочет пролезть. Генерал говорит, что он спит и видит, как бы пройти в Жокей-клуб. (*Развязывает галстук.*) Смешно смотреть, как он обхаживает старика Сент Эrsa.

Леди Адела. Если лорд Сент Эрс и генерал Кэниндж его поддержат, он пройдет, хотя бы даже и сам продавал ковры.

Уинзор. Лошадки у него есть хорошие, ничего не скажешь. (*Снимает жилет.*) Ронни Дэнси, видно, опять сидит без гроша. Уж если человек начинает держать пари на деньги — верный признак. И на скачках ему сегодня отчаянно не везло. Почему он ушел из армии?

Леди Адела. Говорит, скучно там, когда нет войны.

Уинзор. Так ведь нельзя жить тем, что ставишь на безнадежных лошадей.

Леди Адела. И как это на него похоже — именно сейчас жениться! Честное слово, самый беззаботный человек на свете.

Уинзор. Да. Очень странный. Он мне всегда нравился, но раскусить его я так и не смог. А как тебе понравилась его жена?

Леди Адела. Славная девочка. И ужасно в него влюблена.

Уинзор. А он?

Леди Адела. До неприличия — и он и она. (*Кивает на правую стену.*) Они тут, рядом.

Уинзор. А кто за ними?

Леди Адела. Де Левис и в самом конце Маргарет Орм. Чарли, ты представляешь себе, у них на четверых одна ванная?

Уинзор. Я знаю.

Леди Адела. Твой дедушка был, верно, не в своем уме, когда планировал это крыло дома. Шесть комнат в ряд с балконами, как в отеле, и всего одна ванная — если б мы не пристроили еще отдельную для себя.

Уинзор (*глядя на свои часы*). Половина двенадцатого. (*Зевает.*) После Ньюмаркета всегда так хочется спать. Отпусти Морисон, поздно уже.

Леди Адела уходит к себе, послав мужу воздушный поцелуй. Чарлз идет к туалетному столику и принимается расчесывать волосы щеткой, побрызгав на них эссенцией. Стук в дверь из коридора.

Войдите.

Входит Де Левис в пижаме и цветастом халате. Это красивый молодой человек, смуглый и черноволосый, несколько восточного типа. Лицо мрачное, встревоженное.

О! Де Левис! Чем могу служить?

Де Левис (*говорит с легким акцентом, сейчас еще более заметным из-за звучащего в голосе волнения и досады*). Простите, Уинзор, мне очень неприятно, но я подумал, лучше уж сказать вам сразу. У меня только что ... гм!.. украли порядочную сумму денег.

Уинзор. Что-о?.. (*В его тоне и взгляде оттенок оскорбленности, как если бы он хотел сказать: «В моем доме?»*) То есть как так — украли?

Де Левис. Я положил бумажник под подушку и пошел в ванную. А когда вернулся, денег уже не было.

Уинзор. Бог мой! Сколько?

Де Левис. Почти тысяча фунтов — девятьсот семьдесят, насколько помню.

Уинзор. Фью-ю! (*И опять в его тоне оттенок*

оскорбленности, как если бы он считал не совсем приличным иметь при себе столько денег.)

Де Левис. Я сегодня на скачках продал мою Розмэри букмекеру Кентмену, и он уплатил мне наличными.

Уинзор. Как? Эту клячу, которую Дэнси весной отдал вам даром?

Де Левис. Да. Но я с тех пор заставил ее здорово поработать, и теперь она пойдет на кембриджширский приз. Меня всего пятнадцать минут не было в комнате, и я запер дверь, уходя.

Уинзор (снова оскорблен). Вы заперли...

Де Левис (не заметив этого гонкого нюанса). Да, и ключ у меня был вот здесь. (Похлопывает себя по карману.) Посмотрите! (Протягивает ему бумажник.) Он оказался набит моей бумагой для бритья.

Уинзор (колеблясь между чувством, что таких вещей не бывает, и сознанием, что придется все-таки в этом разобраться). Какая неприятность, Де Левис!

Де Левис (со стальной ноткой в голосе). Да. Я желал бы получить свои деньги обратно.

Уинзор. Вы не записали номера банкнот?

Де Левис. Нет.

Уинзор. А какого они были достоинства?

Де Левис. Одна в сто фунтов, две по пятьдесят, остальные по пять и по десять.

Уинзор. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Де Левис. Если нет кого-нибудь, кто, по вашему...

Уинзор (глядя на него). Разве это возможно?

Де Левис. В таком случае, я считаю, полиция должна осмотреть мою комнату.

Уинзор. Бог мой! Мы же не в Лондоне; в такой час ближе Ньюмаркета никого не найдешь — четыре мили!

Дверь из спальни внезапно распаивается, и на пороге появляется леди Адела. Она в халатике и в кружевном чепчике поверх уложенных на ночь волос.

Леди Адела (затворяя за собой дверь). Что случилось? Вам нездоровится, мистер Де Левис?

Уинзор. Хуже. У него украли кучу денег. Почти тысячу фунтов.

Леди Адела. Да что ты! Как? Откуда?

Де Левис. У меня из-под подушки, леди Адела, а дверь была заперта, я был в ванной.

Леди Адела. Как интересно!

Уинзор. Интересно! Ты лучше скажи, что нам делать? Он хочет, чтобы их вернули.

Леди Адела. Разумеется. *(Внезапно поняв.)* О! Но... Как неприятно!

Уинзор. Вот именно. Что я должен сделать? Вызвать всех слуг из их комнат? Обыскать сад? Ведь это будет грандиозный скандал.

Де Левис. Кто там рядом со мной?

Леди Адела *(холодно)*. О! Мистер Де Левис!

Уинзор. Рядом с вами? С этой стороны Дэнси с женой, а с той мисс Орм. Какое это имеет отношение?

Де Левис. Может, они что-нибудь слышали.

Уинзор. Сейчас их спросим. Но Дэнси был внизу, когда я уходил. Адела, позови Морисон. Нет! Слушайте. Когда это случилось — точно? Установим как можно больше алиби.

Де Левис. Точно? Во всяком случае, в течение последних двадцати минут.

Уинзор. Морисон давно у тебя?

Леди Адела. Я поднялась наверх ровно в одиннадцать и сейчас же ей позвонила.

Уинзор *(глядя на часы)*. Полчаса назад. Значит, она ни при чем. Пошли ее за Маргарет и за обоими Дэнси. Больше никого нет в этом коридоре. Нет. Отошли ее спать. Чтобы не было лишней болтовни. Ты не сходишь ли за ними сама, Адела?

Леди Адела. Посоветуйся с генералом Кэнинджем, Чарли.

Уинзор. Правильно. Адела, ты не могла бы и его позвать? Вы в самом деле хотите, чтобы я вызвал полицию, Де Левис?

Де Левис *(он уязвлен чуть заметной презрительной интонацией в голосе Уинзора)*. Да. Хочу.

Уинзор. Хорошо. Тогда вот что. Пройди тихонько в мой кабинет и позвони в Ньюмаркет, в полицейский участок. Кто-нибудь там да будет, в такой день наверняка задерживали пьяных. А я пока вызову Трежера и поговорю с ним. *(Нажимает кнопку звонка.)*

Леди Адела уходит к себе и затворяет дверь.

Уинзор. Послушайте, Де Левис! Это ведь не отель. В приличном доме такого не бывает. Вы уверены, что не ошиблись, что их не украли у вас еще на скачках?

Де Левис. Абсолютно уверен. Я пересчитал деньги как раз перед тем, как класть под подушку; потом запер дверь и ключ положил сюда. А дверь там одна.

Уинзор. А балконная дверь — как она была, когда вы уходили?

Де Левис. Открыта.

Уинзор (*отдергивает портьеры на собственной балконной двери*). У вас балкон, как и у меня. Вы не заметили там приставной лестницы или еще чего-нибудь?

Де Левис. Нет.

Уинзор. Очевидно, это все-таки было сделано с балкона, если только кто-то не запасся отмычкой. Кто знал, что вы получили эти деньги? Где Кентман вам платил?

Де Левис. Да там же на ипподроме, возле конюшен.

Уинзор. Люди кругом были?

Де Левис. О да.

Уинзор. Кто-нибудь подозрительный?

Де Левис. Я не обратил внимания.

Уинзор. Вас, очевидно, еще там заметили и проследили.

Де Левис. А как они узнали, в которой я комнате?

Уинзор. Как-нибудь ухитрились. (*Стук в дверь из коридора.*) Войдите.

Входит дворецкий Трежер, молчаливый степенный человек, чей облик и манеры почти сверхъестественно соответствуют его должности. Де Левис бросает на него быстрый, недоверчивый взгляд, что не ускользает от внимания Уинзора и ему не нравится.

Трежер (*Уинзору*). Вы звонили, сэр?

Уинзор. Кто обслуживает мистера Де Левиса?

Трежер. Роберт, сэр.

Уинзор. Когда он в последний раз приходил сюда, наверх?

Трежер. Как обычно, около десяти часов, сэр.

Уинзор. Когда он ушел спать?

Трежер. Я отпустил его в одиннадцать.

Уинзор. Но он лег или нет?

Трежер. Насколько мне известно, да. Я чем-нибудь могу быть полезен, сэр?

Уинзор (не обращая внимания на предостерегающие знаки Де Левиса). Видите ли, Трежер, за последние полчаса из комнаты мистера Де Левиса исчезла значительная сумма денег.

Трежер. Вот как, сэр.

Уинзор. Роберт вне подозрений, как по-вашему?

Трежер. Безусловно, сэр.

Де Левис. Откуда вы знаете?

Взгляд Трежера на минуту обращается к Де Левису.

Трежер. Я неплохо разбираюсь в людях, сэр, с вашего позволения.

Уинзор. Слушайте, Де Левис, восемьдесят или девяносто банкнот — это ведь довольно объемистая пачка. За обедом их при вас не было?

Де Левис. Нет.

Уинзор. А куда вы их на это время дели?

Де Левис. Засунул в башмак, а башмак спрятал в чемодан и чемодан запер.

Трежер слегка улыбается.

Уинзор (он опять несколько обижен тем, что в его доме принимают такие предосторожности). И он был заперт, когда вы вернулись? И тогда вы взяли бумажник из чемодана и переложили под подушку?

Де Левис. Да.

Уинзор. Постарайтесь вспомнить, Трежер: никого чужого сегодня поблизости не было?

Трежер. Никого не было, сэр.

Уинзор. Это, по-видимому, случилось между четвертью и половиной двенадцатого. Правильно? (Де Левис кивает.) Вы не заметили в это время ничего необычного — шум какой-нибудь возле дома, движение?

Трежер (некоторое время молчит, припоминая, потом говорит сдержанно). Нет, сэр.

Уинзор. Когда вы заперли наружную дверь?

Трежер. Около четверти двенадцатого, сэр. Как только майор Колфорд и капитан Дэнси кончили партию в бильярд. А зачем мистер Де Левис уходил из комнаты, если мне позволено будет спросить, сэр?

Уинзор. Брал ванну. А дверь в его спальню была заперта, и ключ у него в кармане.

Трежер. Благодарю вас, сэр.

Де Левис (*чувствуя в их тоне какое-то неопределенное подозрение*). Что вы этим хотите сказать? Я действительно брал ванну.

Трежер. Прошу прощения, сэр.

Уинзор (*скрывая улыбку*). Слушайте, Трежер, ведь это черт знает какое неудобное положение — для всех в доме.

Трежер. Да, сэр. Очень.

Уинзор. Что вы бы предложили?

Трежер. Единственно правильное, сэр, как мне кажется, это чтобы все оставались на местах — и поголовный обыск. В наших собственных интересах.

Уинзор. Я категорически отказываюсь кого-либо подозревать.

Трежер. Но если мистер Де Левис другого мнения, сэр?

Де Левис (*запинаясь*). Я?.. Я знаю только одно — деньги были, а теперь их нет.

Уинзор (*сокрушенно и несколько пристыженно*). Да, да, конечно. Вы правы. Крайне прискорбно для вас. Но и для нас всех тоже. Мы во всяком случае должны сделать все возможное, чтобы вам их вернуть.

Стук в дверь.

Уинзор. Кто там?

Трежер растворяет дверь; входит генерал Кэниндж.

А! Это вы, генерал. Заходите. Адела вам рассказала?

Генерал Кэниндж кивает. Это худощавый человек лет шестидесяти, очень хорошо сохранившийся, подтянутый, сдержанный. Он еще во фраке. Глаза полуприкрыты веками, но взгляд острый, пронзительный.

Ну, генерал, какой, по-вашему, должен быть наш первый шаг?

Кэниндж (*поднимает брови*). Мистер Де Левис требует расследования?

Де Левис (*опять уязвлен*). Если вы не сочтете это слишком плебейским с моей стороны, генерал Кэниндж. Как-никак — тысяча фунтов.

Кэниндж (сухо). Так. Понятно. Тогда придется подождать полиции, Уинзор. Леди Адела уже им позволила. Трежер! На какой высоте эти комнаты от земли?

Трежер. Двадцать три фута от террасы, сэр.

Кэниндж. Лестницы есть поблизости?

Трежер. Одна в конюшне, сэр, очень тяжелая. А больше никаких нет ближе чем на триста шагов.

Кэниндж. Пойдите, проверьте, не брал ли ее кто-нибудь.

Трежер. Слушаю, генерал.

Уходит.

Де Левис (с беспокойством). А он вполне... Вы уверены...

Уинзор. Уверен.

Кэниндж. Вы уж предоставьте это нам, Де Левис.

Де Левис. Да, конечно. Но он как-то так... Мне показалось...

Уинзор (резко). Трежер вырос в нашем доме! Я скорее бы самого себя заподозрил.

Де Левис (смотрит на них, переводя взгляд с одного на другого. С внезапным раздражением). Вы так говорите, словно я... А что мне было делать? Смириться, и пусть кто их украл, идет на все четыре стороны? Кажется, это естественно — желать, чтоб мне вернули мои деньги?..

Кэниндж разглядывает свои ногти, Уинзор смотрит в окно.

Уинзор (оборачиваясь к нему). Конечно, Де Левис.

Де Левис (угрюмо). Ладно, я пойду к себе. Когда придет полиция, вы, может быть, дадите мне знать.

Уходит.

Уинзор. Фь-ю! Вы когда-нибудь видали такой халат?

Дверь отворяется, входят леди Адела и Маргарет Орм, веселая молодая девушка, лет двадцати пяти, в веселом халатике. Она курит сигарету.

Леди Адела. Я сказала обоим Дэнси. Она уже спала. И в Ньюмаркет я дозвонилась — инспектор Дийд уже мчится, как вихрь, на мотоцикле.

Маргарет. Это он сказал — «как вихрь»? У него

есть воображение. Но какая потрясающая история! Бедный Фердик!

Уинзор (с досадой). Вы могли бы серьезнее отнестись к этому, Маргарет. История пренеприятная, если хотите знать. Для всех нас. Вы когда ушли наверх?

Маргарет. Вместе с Аделой. Я под подозрением, Чарлз? Как увлекательно!

Уинзор. Что-нибудь слышали?

Маргарет. Только Фердика — как он плескался в ванне.

Уинзор. Ну, может, видели?

Маргарет. Даже и того не видала, увы!

Леди Адела (грозит ей пальцем). Leste! Un peu leste! ¹ А! Вот и оба Дэнси. Заходите, неразлучные.

Входят Мейбл и Рональд Дэнси. Она очень молода, хорошенькая, с коротко стриженными, вьющимися волосами, что сейчас очень для нее кстати, так как она только что встала с постели и успела лишь накинуть халат поверх ночной рубашки. Рональд Дэнси в домашней куртке. У него бледное энергичное лицо с резко очерченными скулами, маленькие, глубоко сидящие темные глаза; волосы рыжеватые, жесткие и курчавые. Вид кавалериста.

Уинзор. Извините, миссис Дэнси, пришлось вас побеспокоить. Хотя вряд ли вы или Ронни что-нибудь слышали. Комната Де Левиса с той стороны от вас, рядом с комнатой Ронни.

Мейбл. Я уже полчаса как заснула, а Ронни только сейчас пришел.

Кэниндж. Вы случайно не выглядывали на балкон, перед тем как лечь?

Мейбл. Да. Минут пять постояла в дверях.

Кэниндж. Когда это было?

Мейбл. Должно быть, около одиннадцати. Шел сильный дождь.

Кэниндж. Да, только что перестал. Ничего не видали?

Мейбл. Нет.

Дэнси. В котором часу, он говорит, пропали деньги?

Уинзор. Между четвертью и половиной двенадцатого. Он запер дверь, выходя, и ключ взял с собой.

¹ Смело! Чутьочку смело! (франц.)

Маргарет. Оригинально! Как в отеле. А ботинки за дверь он выставил?

Леди Адела. Не будьте такой злой, Мег.

Кэниндж. А вы, Дэнси, когда именно ушли к себе?

Дэнси. Десять минут назад. Только хотел раздеваться, а тут постучала леди Адела. Я писал письма в холле после того, как мы с Колфордом кончили играть в бильярд.

Кэниндж. Наверх за это время не поднимались?

Дэнси. Нет.

Маргарет. Тайна серой комнаты.

Дэнси. Может быть, осмотреть сад? Нет ли следов.

Кэниндж. Это уж дело полиции.

Дэнси. Ого! Полицию вызвали?

Кэниндж. Сейчас приедут. (Стук в дверь.) Да-а?

Входит Трежер.

Ну что?

Трежер. Лестницу не трогали, генерал. Никаких признаков.

Уинзор. Хорошо. Разбудите Роберта, но ничего ему не говорите. Кстати, Трежер, мы ждем полицию.

Трежер. Боюсь, как бы они не прогулялись зазря, если вы разрешите мне так выразиться, сэр.

Уходит.

Уинзор. Де Левис не в фаворе у Трежера. (Внезапно.) Ну, а как мы поступили бы на его месте? Любой из нас?

Маргарет. Тысяча фунтов! Я даже не понимаю, как можно иметь столько денег.

Дэнси. Мы бы, наверно, сразу и не заметили пропажи.

Леди Адела. Ну, а если б?

Дэнси. Пришли бы к вам, как и он сделал.

Уинзор. Да, но сделать-то это можно по-разному.

Кэниндж. Мы бы не стали требовать полицию.

Маргарет. Да. Вот именно. Отельные замашки.

Леди Адела. Бедный молодой человек! Мне кажется, мы его слишком строго судим.

Уинзор. Он продал эту клячонку, что вы ему подарили, Дэнси. Букмекеру Кентману. Эти деньги он за нее получил.

Дэнси. А!

Уинзор. Говорит, заставил ее здорово поработать.

Дэнси (*мрачно*). На него похоже.

Мейбл. Ой, Ронни, как обидно!

Уинзор. Его, наверно, там и заприметили. (*Подходит к окну.*) После такого ливня должны быть следы.

Слышно фыркание мотоцикла.

Маргарет. Вот он, вихрь!

Уинзор. Что теперь будем делать, генерал?

Кэниндж. Нам с вами, Уинзор, пожалуй, лучше всего поговорить с инспектором в комнате Де Левиса. (*К остальным.*) А вы, пожалуйста, все оставайтесь у себя, на случай, если он захочет кого-нибудь допросить.

Маргарет. Надеюсь, что меня захочет. Это безумно интересно!

Дэнси. А я надеюсь, что меня не захочет,— я устал как собака. (*Берет жену под руку.*) Пойдем, Мейбл.

Кэниндж. Минутку, Чарлз.

Уинзор подходит к нему, остальные уходят.

Уинзор. Да, генерал?

Кэниндж. Мы должны быть очень осторожны с этим инспектором. Если он с маху, толком не разобравшись, на ком-нибудь остановится, будет очень неприятно.

Уинзор. Еще бы!

Кэниндж. Нельзя давать ему повод для каких-нибудь нелепых подозрений.

Уинзор. Разумеется. (*Стук в дверь.*) Войдите!

Входит Трежер.

Трежер. Инспектор Дийд, сэр.

Уинзор. Просите.

Трежер. Роберт ждет, сэр. Но я готов поклясться, что ему ничего неизвестно.

Уинзор. Хорошо.

Трежер снова отворяет дверь и говорит в коридор: «Сюда, пожалуйста». Входит инспектор, уса́тый, в синей форме, с фуражкой в руках. Держится строго официально.

Добрый вечер, инспектор. Извините, что потревожили вас в такой поздний час.

Инспектор. Добрый вечер, сэр. Вы мистер Уинзор? Владелец этого поместья?

Уинзор. Да. А это генерал Кэниндж.

Инспектор. Добрый вечер, генерал. Как я понимаю, пропала крупная сумма?

Уинзор. Да. У одного из моих гостей, мистера Де Левиса. Не пройти ли нам сразу в ту комнату, откуда она была похищена? Третья дверь налево.

Кэниндж. Сами мы туда еще не заходили, инспектор. Вообще ничего не предпринимали, только выяснили, что лестницу, которая в конюшне, никто не трогал. Даже не осматривали сада.

Инспектор. Прекрасно, сэр. Для этого у меня есть с собой помощник.

Выходят.

Занавес. (Перерыв на одну минуту.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Де Левиса такой же формы, как и спальня Уинзора, с той разницей, что в ней лишь две двери, одна — в коридор и другая, стеклянная, — на балкон. Но мебель расставлена иначе: в глубине, слева, небольшая кровать с пологом, изголовьем к стене, так что она выдается в комнату; в изножье кровати — стул, на который Де Левис, раздеваясь, бросил одежду. Справа от стеклянной двери — туалетный столик; дверь растворена, и портьеры отдернуты, виден каменный балкон. Слева от стеклянной двери — комод; у правой стены — умывальник. На тумбочке у кровати — электрическая лампа; она зажжена, так же как и лампочка над туалетным столиком. Инспектор стоит на самой середине комнаты, глядя на кровать. Де Левис — в изножье кровати, за спинкой стула, Уинзор и Кэниндж — у левой стены, возле двери в коридор.

Инспектор (*кончая писать в блокноте*). Значит, комната сейчас в таком виде, как вы ее оставили, когда ушли брать ванну. Теперь, пожалуйста, покажите нам точно, что вы делали после того, как достали бумажник из чемодана. Где, кстати, был этот чемодан?

Де Левис (*показывая*). Где он и сейчас — под туалетным столиком. (*Обходит стул, раскрывает бумажник, делает вид, что пересчитывает салфеточки для бритья, которыми он набит, закрывает бумажник, подходит к кровати, засовывает его под подушку. Делает жест, как будто берет с кровати пижаму, проходит сзади инспек-*

тора к умывальнику, берет губку, идет через комнату к двери в коридор, вынимает ключ из замка, отворяет дверь.)

И н с п е к т о р (записывает). Сейчас, стало быть, все в комнате так, как было, когда произошла кража. Попытаемся, господа, реконструировать действия вора, учитывая его психологию: допустим, он в комнате, где он прежде всего станет искать деньги? В карманах, на туалетном столике, в чемодане, в комоде и только под конец на кровати. (В соответствующем порядке обходит комнату, разглядывая в лупу стекло на туалетном столике, поверхность чемоданов и ручки на ящиках комода в поисках отпечатков пальцев.)

К е н и н д ж (вполголоса Уинзору). Порядок был бы как раз обратный.

Инспектор опускается на четвереньки и разглядывает ковер между балконной дверью и кроватью.

Д е Л е в и с. Можно уже мне войти?

И н с п е к т о р (встает). Вы сами открыли балконную дверь или она была уже открыта, когда вы в первый раз вошли?

Д е Л е в и с. Я открыл.

И н с п е к т о р. Отдернув сперва портьеры?

Д е Л е в и с. Да.

И н с п е к т о р (резко). А вы уверены, что в комнате никого не было?

Д е Л е в и с (удивлен). Не знаю... В голову не пришло... Под кровать не заглядывал, если вы это имеете в виду.

И н с п е к т о р (пишет). Не заглядывал под кровать. А после кражи?

Д е Л е в и с. Тоже не заглядывал.

И н с п е к т о р. Так. Скажите теперь, что вы делали после того, как вернулись из ванной? Как можно точнее, пожалуйста.

Д е Л е в и с. Запер дверь и оставил ключ в замке. Положил губку на место, снял халат и повесил его сюда. (Показывает на спинку кровати.) Потом снова задернул портьеры.

И н с п е к т о р. Дверь на балкон закрыли?

Де Левис. Нет. Лег в постель, поискал под подушкой часы — посмотреть, который час. Наткнулся рукой на бумажник, и мне показалось, что он стал как-то тоньше. Вынул его, осмотрел и увидел, что денег нет, а вместо них вот эти бумажки.

Инспектор. Дайте и мне взглянуть, сэр. (*Рассматривает бумажки в лупу.*) А потом?

Де Левис. Потом, кажется, посидел несколько минут на кровати.

Инспектор. Соображали, как быть? И выругались, наверно, чтобы отвести душу? А потом?

Де Левис. Потом надел халат и пошел к мистеру Уинзору.

Инспектор. Дверь не заперли?

Де Левис. Нет.

Инспектор. Вот то-то и есть. (*Таким тоном, как будто уже пришел к определенному выводу.*) А теперь скажите нам, сэр, в котором часу вы поднялись наверх?

Де Левис. Около одиннадцати.

Инспектор. Точнее, если можете.

Де Левис. Ну, как сказать? Когда я положил часы под подушку, перед тем как идти в ванную, было четверть двенадцатого — это я знаю точно. А до этого еще минут пятнадцать потратил на раздевание. Выходит, что в одиннадцать или чуть-чуть позже.

Инспектор. Вы только раздевались, больше ничего? Не просматривали, например, записную книжку — проверить свои ставки?

Де Левис. Нет.

Инспектор. Или помолились, или еще что?

Де Левис. Нет.

Инспектор. Раздеваетесь быстро, как правило?

Де Левис. Да. Ну, скажем, было пять минут двенадцатого.

Инспектор. Мистер Уинзор, когда этот джентльмен пришел к вам?

Уинзор. В половине двенадцатого.

Инспектор. Почему вы знаете?

Уинзор. Я как раз перед тем посмотрел на часы и сказал жене, чтобы она отпустила горничную.

Инспектор. Значит, можно считать, что мы установили время: между четвертью и половиной двенадца-

того. (*Записывает.*) А теперь, сэр, прежде чем действовать дальше, я хотел бы повидать вашего дворецкого и лакея, который обслуживает этого господина.

Уинзор (*с неудовольствием*). Хорошо, инспектор. Но мой дворецкий чуть не с детских лет у нас в доме.

Инспектор. Понимаю. Я просто, чтобы выяснить обстановку.

Уинзор. Генерал, позвоните, пожалуйста.

Кэниндж нажимает кнопку звонка на столике у кровати.

Инспектор. Итак, господа, есть четыре возможности. Либо вор забрался сюда еще раньше и спрятался под кроватью, а потом удрал, пока этот джентльмен ходил к мистеру Уинзору. Либо у него был ключ, подходящий к замку,— кстати, я должен буду осмотреть все ключи в доме. Либо он открыл дверь отмычкой, а после спрыгнул с балкона. Либо и вошел и вышел через балкон с помощью лестницы или веревки. (*Показывает.*) Вон там я вижу след от большого башмака — кто-то тут был, кто-то ступал по земле после начала дождя.

Кэниндж. Инспектор, да вы же сами... гм!.. вы подходили к балконной двери, когда только вошли.

Инспектор (*натянуто*). Этот факт не ускользнул от моего внимания, генерал.

Кэниндж. Разумеется.

Стук в дверь прерывает воцарившееся неловкое молчание.

Уинзор. Войдите.

Входит лакей Роберт, краснощекий молодой человек, за ним Трежер.

Инспектор. Это вы обслуживаете мистера... мистера Де Левиса?

Роберт. Я, сэр.

Инспектор. В котором часу вы забрали его платье и ботинки, чтобы почистить?

Роберт. В десять часов, сэр.

Инспектор (*с наскоком*). Под кроватью случайно не посмотрели?

Роберт. Нет, сэр.

Инспектор. Потом принесли платье обратно?

Роберт. Нет, сэр, оно и сейчас внизу.

Инспектор. Не поднимались еще за чем-нибудь наверх?

Роберт. Нет, сэр.

Инспектор. В котором часу легли спать?

Роберт. Сразу после одиннадцати, сэр.

Инспектор (*устремляет на него испытующий взгляд*). Думайте, что говорите. Фактически вы легли или нет?

Роберт. Нет, сэр.

Инспектор. Зачем же говорите, что легли? Здесь произошла кража, и все, что вы скажете, может быть обращено против вас.

Роберт. Да, сэр. Я это в том смысле, что ушел к себе в комнату.

Инспектор. Где ваша комната?

Роберт. В нижнем этаже, в конце правого крыла, сэр.

Уинзор. Это самая отдаленная точка дома от этих комнат, где мы сейчас. Он там живет вместе с двумя другими лакеями.

Инспектор. Вы были один в комнате?

Роберт. Нет, сэр. Томас и Фредерик тоже там были.

Трежер. Это верно; я их видел.

Инспектор (*поднимает руку, призывая к молчанию*). Больше из комнаты не выходили?

Роберт. Нет, сэр.

Инспектор. А что же вы там делали, если не легли спать?

Роберт (*Уинзору*). С вашего позволения, сэр, мы играли в бридж.

Инспектор. Очень хорошо. Можете идти. С теми двумя я после поговорю.

Роберт. Слушаю, сэр. Но они скажут то же, что и я.

Уходит; все, кроме инспектора и Де Левиса, провожают его улыбками.

Инспектор (*резко*). Позовите его обратно.

Трежер зовет: «Роберт!», и тот снова входит.

Роберт. Что угодно, сэр?

И н с п е к т о р. Не заметили ничего особенного, когда забирали вещи мистера Де Левиса?

Р о б е р т. Только то, что они очень эlegantные, сэр.

И н с п е к т о р. Я сказал — особенного.

Р о б е р т (*подумав*). Да, сэр. Заметил.

И н с п е к т о р. Что именно?

Р о б е р т. От пары остался только один ботинок. А утром было два, как полагается.

И н с п е к т о р. Как вы это себе объяснили?

Р о б е р т. Подумал, может, он бросил в кошку или еще что-нибудь.

И н с п е к т о р. Искали недостающий ботинок?

Р о б е р т. Нет, сэр. Решил утром ему сказать.

И н с п е к т о р. Очень хорошо. Идите.

Р о б е р т. Слушаю, сэр.

Уходит.

И н с п е к т о р (*глядя на Де Левиса*). Ну вот, ваша версия и подтвердилась, сэр.

Д е Л е в и с (*сухо*). Не знаю, почему она нуждается в подтверждении.

И н с п е к т о р. Это никогда не лишнее, поверьте моему опыту. (*Уинзору.*) Насколько я понял, в соседних комнатах с этой стороны (*показывает направо*) помещается дама, а с этой (*показывает налево*) джентльмен. Они были у себя, когда совершилась кража?

У и н з о р. Мисс Орм была, капитан Дэнси нет.

И н с п е к т о р. Они знают о краже?

У и н з о р. Да.

И н с п е к т о р. Нельзя ли мне на минутку ключи от их комнат. Мой помощник их принесет. (*Подходит к двери, растворяет ее и что-то говорит полицейскому, стоящему в коридоре. Трежеру.*) Можете пойти с ним.

Т р е ж е р выходит.

А я пока что осмотрю балкон. (*Выходит на балкон.*)

Д е Л е в и с идет за ним.

У и н з о р. (*Кэнинджу*). Провались он совсем, этот Де Левис, со своими деньгами! Мерзко все это, генерал.

К э н и н д ж. От инспектора никакого проку.

Одновременно входят инспектор с балкона, а Т р е ж е р и полицейский из коридора.

П о л и ц е й с к и й (подавая ключ). От комнаты справа, сэр. (Подавая другой.) От комнаты слева, сэр.

Инспектор пробует ключи на дверном замке, остальные напряженно следят за ним. Ключи не подходят.

И н с п е к т о р. Вставьте обратно.

Отдает ключи п о л и ц е й с к о м у, и тот уходит в сопровождении
Т р е ж е р а.

Придется мне испробовать все ключи в доме, сэр.

У и н з о р. Инспектор, вы в самом деле считаете необходимым будоражить весь дом и поднимать с постели всех моих гостей? Это все, знаете ли, крайне неприятно. Денежная потеря не так уж важна. Мистер Де Левис — очень богатый человек.

К э н и н д ж. Вы можете узнать номера банкнот у букмекера Кентмена, инспектор. Самые крупные он, наверно, записал.

И н с п е к т о р (качает головой). Букмекер? Навряд ли. У них столько денег проходит через руки.

У и н з о р. Нам нежелателен скандал в Мелдон Корте, инспектор.

И н с п е к т о р. Ну что ж, мистер Уинзор, у меня, собственно, уже есть определенное мнение.

Пока он говорит, с балкона возвращается в комнату Д е Л е в и с.

Мне и ключи-то эти не так чтобы очень нужны, но, по правилам, полагается обследовать все возможности.

У и н з о р. А вы что скажете, Де Левис? Вы настаиваете на том, чтобы всех в доме перебудить и перепробовать все ключи?

Д е Л е в и с (его лицо, с тех пор как он вернулся с балкона, выражает какое-то странное возбуждение). Нет. Не настаиваю.

И н с п е к т о р. Хорошо, господа. Так вот, по-моему, вор проник в комнату еще до того, как ее заперли, вероятно, во время обеда, и спрятался под кроватью. А после удрал через балкон — на том углу (показывает направо) плющ сорван. Я теперь осмотрю сад — насчет следов, а потом мы еще поговорим, сэр. (Снова что-то записывает в блокноте.) Итак, спокойной вам ночи, господа!

К э н и н д ж. Спокойной ночи!

Уинзор (с облегчением). Я пойду с вами, инспектор.

Провожает инспектора до двери, и оба уходят.

Де Левис (вдруг). Генерал, я знаю, кто украл деньги.

Кэниндж. Да-а? Это инспектор, что ли, вас убедил?

Де Левис (презрительно). Этот болван! (Вынимает из бумажника салфеточки для бритья.) Нет! Кто додумался насовать сюда бумажек, у того, конечно, хватило хитрости и хладнокровия и плющ оборвать для отвода глаз. Идите сюда, генерал, я вам покажу. (Идет к балконной двери. Кэниндж за ним.) Видите? Вон перила моего балкона, а вон соседнего. (Показывает шнурок от своего халата, держа его в разведенных руках.) Я этим шнурком измерил расстояние — семь футов, всего-навсего! Если человек может вскочить без разбега на узкий шкафчик в четыре фута высотой и не потерять равновесия — такой прыжок для него сущие пустяки. А вот еще — посмотрите! (Выходит на балкон и тотчас возвращается, держа в руке веточку плюща, и подносит ее к свету.) Кто-то наступил на нее — стебель раздавлен, да еще с внутренней стороны, где этот тип должен был стать на перила, когда прыгал обратно!

Кэниндж (натянуто). На соседний балкон, мистер Де Левис, выходит комната, где помещается капитан Дэнси — офицер и джентльмен. Очень странное предположение с вашей стороны.

Де Левис. Обвинение.

Кэниндж. Что-о?

Де Левис. У меня есть интуиция, генерал, это у меня в крови. Я прямо вижу, как все было. Дэнси пришел наверх, увидел, что я иду в ванную, подержал мою дверь, вошел к себе в спальню, заметил, что моя балконная дверь открыта, прыгнул, выкрал деньги, насовал вместо них бумажек, оборвал для отвода глаз плющ на том углу (показывает направо), перепрыгнул обратно и опять сбежал вниз. Четырех минут на это довольно!

Кэниндж (строго). Это неслыханно, Де Левис. Дэнси утверждает, что все время был внизу. Либо вы

немедленно откажетесь от своих слов, либо я вынужден буду устроить вам очную ставку с Дэнси.

Де Левис. Если он вернет деньги и извинится, я ничего не буду делать — только перестану ему кланяться. Он подарил мне эту кобылку—вы знаете,—думал, негодная кляча, и с тех пор зол на меня как бес за то, что оказался таким простофилей. А кроме того, я знаю, у него нет ни гроша за душой.

Кэниндж (*раздраженно пройдясь взад-вперед по комнате*). Это — сумасшествие, сэр, то, что вы про него придумали.

Де Левис. Не больше, чем то, что он проделал.

Кэниндж. Деньги мог взять только тот, кто знал, что вы их получили.

Де Левис. А почему вы думаете, что он не знал?

Кэниндж. А вам откуда известно, что он знал?

Де Левис. Не имею ни малейших сомнений.

Кэниндж. Но без всяких доказательств. Это недопустимо, Де Левис. Я должен буду сказать Уинзору.

Де Левис (*гневно*). Говорите хоть всей вашей братии! Вы думаете, я толстокожий, но, смею вас уверить, генерал, я прекрасно чувствую здешнюю атмосферу. И будь я на месте Дэнси, а он на моем, вы бы совсем в другом тоне со мной разговаривали.

Кэниндж (*с ледяной вежливостью*). Не замечал, что употребляю с вами какой-то особенный тон, как вы выражаетесь. Но, видите ли, мистер Де Левис, мы здесь в гостях, и надо все-таки иметь уважение к нашему хозяину и к тому корпоративному чувству, которое существует среди джентльменов.

Де Левис. А с каких пор воры считаются джентльменами? Дружны, как воры,—так что ли, генерал? Недурной девиз!

Кэниндж. Довольно! (*Идет к двери, но, не растворив ее, останавливается.*) Послушайте, Де Левис. Я немножко знаю свет. Если то, что вы здесь говорили, выйдет из этих стен, последствий никто не может предусмотреть. Капитан Дэнси — храбрый офицер, с прекрасной репутацией, и он только недавно женился. Но будь он так же чист, как... Иисус Христос, пятно на нем все равно останется, пока не будет найден настоящий виновник.

В старое время, когда такие вопросы решались дуэлью, ни один из вас не вышел бы живым из этой комнаты. Если вы будете настаивать на этом вздорном обвинении, вы оба выйдете отсюда погибшими в глазах общества: вы — потому что пустили эту клевету, он — потому что стал ее жертвой.

Де Левис. Общество! Вы думаете, я не понимаю, что меня терпят только из-за моих денег? Но чтобы это самое общество к моральным обидам добавило еще материальный ущерб и прикарманило мои деньги, — нет, этого я не потерплю. Если мне вернут деньги, я буду молчать; если нет — не буду. Я знаю, что я прав. И ничего лучшего не желаю, как очной ставки с Дэнси. Но если вы предпочитаете иной путь — хорошо, действуйте с ним по-своему, как велит ваше драгоценное корпоративное чувство.

Кэниндж. Честное слово, вы слишком далеко заходите, мистер Де Левис.

Де Левис. Я зайду еще дальше, генерал Кэниндж, если деньги не будут мне возвращены.

Входит Уинзор.

Уинзор. Так вот, Де Левис, боюсь, пока это все, что мы можем сделать. Бесконечно сожалею, что это случилось с вами в моем доме.

Кэниндж (помолчав). Есть кое-что новое, Уинзор. Мистер Де Левис обвиняет одного из ваших гостей.

Уинзор. Что?..

Кэниндж. Будто бы он перепрыгнул со своего балкона на этот, выкрал деньги и прыгнул обратно. Я всячески старался рассеять эту странную фантазию, но без успеха. Придется сказать Дэнси.

Де Левис. С Дэнси можете поступать как хотите. Все, что мне нужно, — это чтоб мне вернули деньги.

Кэниндж (сухо). Мистер Де Левис считает, что его ценят только по его деньгам, поэтому для него очень важно получить их обратно.

Уинзор. Да что за чепуха! Это чудовищно, Де Левис. Я знаю Рональда Дэнси с детства.

Кэниндж. Вы тут жаловались, что вам к мораль-

ной обиде добавляют еще материальный ущерб. А что сказать о вашем поведении с человеком, который отдал вам лошадь даром, а вы нажили на ней тысячу фунтов?

Де Левис. Мне не нужна была эта лошадь; я взял ее из любезности.

Кэниндж. Но, полагаю, не без оглядки на ту выгоду, какую можно из нее извлечь. Этот принцип часто лежит в основе бескорыстных поступков.

Де Левис (видимо, задетый за больное место). У людей моей крови, вы это, что ли, хотите сказать?

Кэниндж (холодно). Я этого не говорил.

Де Левис. О да, вы никогда не говорите таких вещей.

Кэниндж. Я этого и не думаю.

Де Левис. Но Дэнси думает.

Уинзор. Ну, знаете, Де Левис, если вы так платите за гостеприимство...

Де Левис. Гостеприимство, которое меня оскорбляет и обходится мне в тысячу фунтов!

Кэниндж. Пойдите позовите Дэнси, Уинзор, но ничего ему не говорите.

Уинзор уходит.

Кэниндж. Я попросил бы вас быть сдержаннее и предоставить мне вести этот разговор.

Де Левис отворачивается к балконной двери и закуривает сигарету. Входит Уинзор, за ним Дэнси.

Кэниндж. Дэнси, ради Уинзора мы хотим избежать огласки и вообще всякого шума вокруг этой истории. Мы пытались внушить это и полиции. По-моему, главное тут вот что: надо установить, кто знал, что Де Левис получил эти деньги. Об этом мы и хотели с вами посоветоваться.

Уинзор. Де Левис говорит, что Кентмен уплатил ему там же, на ипподроме, возле конюшен.

Де Левис вдруг резко поворачивается, так что оказывается лицом к лицу с Дэнси.

Кэниндж. Вы не слыхали ничего такого, что могло бы пролить свет на этот вопрос? Вначале это была ваша лошадь, мы и подумали, может, кто вам говорил?

Дэнси. Мне? Нет.

Кэниндж. Даже не слыхали об этой сделке, пока были в Ньюмаркете?

Дэнси. Нет.

Кэниндж. Ну, а кто все-таки мог знать, как вам кажется? Ведь ничего не взяли, только эти деньги.

Дэнси. Всем известно, что Де Левис — богач, так же как всем известно, что я — банкрот.

Кэниндж. Богачей много и кроме мистера Де Левиса, но не всякий носит в бумажнике такую крупную сумму.

Дэнси. Он выиграл в двух заездах.

Де Левис. Так я на наличные, что ли, играю?

Дэнси. Не знаю, как вы играете, и не интересуюсь.

Кэниндж. Значит, вы не можете нам помочь?

Дэнси. Нет. Не могу. Еще что-нибудь? (*Смотрит в упор на Де Левиса.*)

Кэниндж (*кладет руку ему на плечо*). Нет, Дэнси, больше ничего, благодарю вас.

Дэнси уходит. Кэниндж смотрит на свою ладонь. Минута молчания.

Уинзор. Видите, Де Левис, он даже не знал, что вы получили деньги.

Де Левис. Очень убедительно.

Уинзор. Ну, знаете! Вы просто...

Стук в дверь; входит инспектор.

Инспектор. Мы уезжаем, господа. Осмотр сада, к сожалению, ничего не дал. Прямо загадка.

Кэниндж. Вы тщательно обыскали?

Инспектор. И даже очень, генерал. Но возле террасы никаких следов нет.

Уинзор (*взглянув на Де Левиса, чье лицо выражает очень многое*). Гм! Будете, значит, пробовать с другого конца, инспектор?

Инспектор. Да, посмотрим, что удастся выяснить у букмекеров насчет номеров. Но прежде чем я уеду — вы, господа, имели время подумать, — у вас нет подозрений на кого-нибудь в доме?

По лицу Де Левиса видно, что он хочет заговорить, но не решается. Кэниндж пристально смотрит на него.

Уинзор (решительно). Нет.

Де Левис поворачивается и уходит на балкон.

Инспектор. Если будете завтра на скачках, загляните к нам, сэр. Я к тому времени повидаюсь с Кентменом.

Уинзор. Правильно, инспектор. Спокойной ночи и очень вам благодарен.

Инспектор. Всегда к вашим услугам, сэр. (Уходит.)

Уинзор. Ух! Я так боялся, вдруг этот... (Кивает в сторону балкона.) Слушайте, генерал, мы должны заткнуть ему рот. Представьте себе, что поползет такая сплетня!.. А настоящего вора могут никогда и не найти. Ведь это черт знает какая гадость для Дэнси!

Кэниндж. Уинзор! У Дэнси рукав был мокрый.

Уинзор. Что?..

Кэниндж. Мокрый, хоть выжми. А шел дождь.

Они переглядываются.

Уинзор. Я... я не понимаю... (Он говорит с запинкой, упавшим голосом, видно, что он понял.)

Кэниндж. Лил как из ведра. Одной минуты там (показывает подбородком на балкон) достаточно...

Уинзор (поспешно). Может быть, он потом выходил на балкон.

Кэниндж. Дождь перестал полчаса назад, когда я еще был внизу.

Уинзор. Ну, значит, оперся на мокрые перила.

Кэниндж. Плечом?

Уинзор. Ну, прислонился к стене. Мало ли какие могут быть объяснения. (Очень тихо и горячо.) Я самым решительным образом отказываюсь верить чему-нибудь подобному о Рональде Дэнси в моем доме. К черту, генерал, надо поступать с людьми так, как мы хотим, чтобы с нами поступали. Это нестерпимо.

Кэниндж. Согласен. Нестерпимо. (Повысив голос.) Мистер Де Левис!

Де Левис появляется на пороге; он стоит в центре растворенной балконной двери, как в рамке.

Кэниндж (с холодной решимостью). Дэнси — бывший офицер, и он джентльмен. Ваше предположение

есть чистый вымысел, и вы не должны его повторять. Понятно?

Де Левис. Язык у меня еще есть, генерал, хоть денег уже нету.

Кэниндж (бесстрастно). Не должны. Вы член трех клубов и хотите пройти в четвертый. Но тот, кто, будучи принят в доме как гость, возводит такой поклеп на другого гостя, не имея в руках неопровержимых доказательств, сам ставит себя под угрозу полного ostracism. Даете слово, что ничего не будете предпринимать?

Де Левис. Светский шантаж? Гм!

Кэниндж. Нет, только предостережение. Если вы в своих интересах сочтете нужным дать ход этой клевете, все равно каким способом, мы в наших интересах сочтем необходимым порвать всякие отношения с человеком, который так грубо нарушает неписаный кодекс чести.

Де Левис. А ваш кодекс и на меня распространяется? Как вы считаете, генерал?

Кэниндж. На всякого, кто хочет быть джентльменом.

Де Левис. А-а! Но меня-то вы ведь не знали с детства, генерал.

Кэниндж. Решайте сами.

Пауза.

Де Левис. Я не дурак, генерал. И прекрасно понимаю, что вы можете меня отовсюду выставить.

Кэниндж (ледяным голосом). Итак?

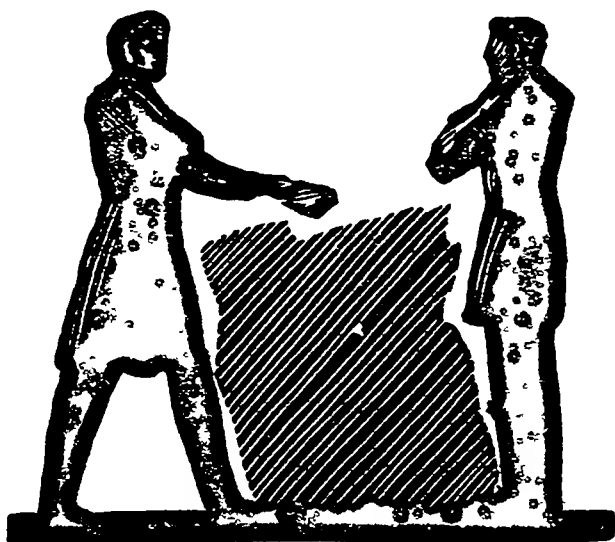
Де Левис (угрюмо). Я ничего не скажу, пока не буду иметь доказательств.

Кэниндж. Хорошо. Мы безоговорочно верим Дэнси.

Мгновение смотрят друг на друга — генерал холодно, пронизательно, невозмутимо, Уинзор — гневно и вызывающе, Де Левис — насмешливо, с оттенком торжества, язвительно. Затем Кэниндж и Уинзор направляются к двери и выходят.

Де Левис (про себя). Скоты!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Две недели спустя, под вечер, в карточной комнате одного из лондонских клубов. В правой стене камин, в нем горит огонь. В левой стене дверь в бильярдную. Немного правее середины комнаты за карточным столом сидят: лицом к зрителю лорд Сент Эрс, старик с внешностью Джона Булля; с левой стороны стола — генерал Кэниндж, с правой — Огестес Борринг, типичный клубный завсегдатай, лет 35; он говорит с легким заиканием или причмокиванием, которое, впрочем, ему идет. Четвертый игрок в бридж, Чарлз Уинзор, стоит спиной к камину.

Борринг. Ир-роббер.

Уинзор. Черт! Ну и идет же к вам карта, Борринг.

Сент Эрс (*проигравший в этом роббере*). Глупая игра, ваш бридж. Не сравнивать с вистом. И зачем только я в нее играю — понять не могу.

Кэниндж. Так что ж, Сент Эрс, давайте введем опять в моду вист?

Уинзор. Не выйдет. Темпы теперь другие. Когда человек научился летать, ходить пешком ему уже неинтересно. Молодых за вист не усадишь.

Борринг. Вы лучше в бридже сделайте так, чтобы в каждом роббере сразу двое не играли.

Сент Эрс. Нет, все-таки не надо было изменять старой игре. Зря я не поехал в Ньюмаркет, Кэниндж, дожда убоялся.

Кэниндж (*взглянув на часы*). Послушаем, кто

взял кембриджширский приз. Позвоните, Уинзор, пожалуйста.

Уинзор звонит.

Сент Эрс. Кстати, Кэниндж, вашего Де Левиса прокатили на воронных.

Кэниндж. Что?

Сент Эрс. Я по дороге заглянул в Жокей-клуб.

Кэниндж мрачно молчит, Уинзор издает досадливое восклицание.

Борринг. А р-разве могло быть иначе, генерал? Чего вы ожидали?

Входит лакей.

Лакей. Что прикажете, милорд?

Сент Эрс. Кто взял кембриджширский приз?

Лакей. Розмэри, милорд. Вторым пришел Шербет, третьим Барбизон. За Розмэри платили девять за один.

Сент Эрс. Благодарю вас. Все.

Лакей уходит.

Борринг. Розмэри! А Де Левис т-только что ее п-продал! Ну, да он, наверно, в-взял за нее хороший куш.

Остальные трое смотрят на него.

Сент Эрс. Куш-то куш, да в чей карман он попал, вот в чем вопрос, молодой человек.

Кэниндж. Тяните.

Все вынимают по карте.

Борринг. Вы об этой истории, что про него рассказывают? Будто у него ук-к-рали к-кучу денег, когда он где-то гостил? А тут еще п-приз! То-то он будет злиться!

Уинзор. Нам с вами, Борринг.

Садится в кресло, где сидел Кэниндж, а тот занимает его место у камина.

Борринг. Фью-ю! Дэнси тоже, наверно, к-кусает п-пальцы. Он ведь отдал эту кобылку, чтобы не тратиться на ее содержание. И еще рад был радехонек, что кто-то нашелся — взял. А Кентмен, наверно, з-з-загреб уйму денег! Две недели назад ее считали в последних.

Сент Эрс. Все деньги достаются невеждам, которые ни черта не понимают в лошадях.

Кэниндж (*проникновенно*). И понимать не хотят. Да! Играть на скачках должны бы только те, для кого лошадь что-то значит.

Борринг. Я думал, л-лошадь для всех значит одно и то же, генерал,—с-случай взять верх над своим б-ближним.

Кэниндж (*с чувством*). Лошадь — благородное животное, сэр. Вы бы это знали, если б они столько раз спасали вам жизнь, как мне.

Борринг. Но у меня они всякий раз норовят отнять жизнь, генерал. Я никогда не буду п-принадлежать к б-б-благородному сообществу лошадиников.

Кэниндж (*сухо*). Очевидно. Сдавайте!

Борринг начинает сдавать. Внезапно распахивается дверь, и на пороге появляется майор Колфорд, сухощавый кавалерист в усах.

Борринг. А, Колфорд!

Колфорд. Генерал!

Что-то в его голосе заставляет всех оторваться от карт.

Мне нужен ваш совет. Этот Де Левис рассказывает там (*указывает на бильярдную, откуда только что вышел*) такую гнусную сплетню...

Кэниндж. Минутку. Мистер Борринг, простите, но, может быть, вы...

Колфорд. Не стоит, генерал. Нас там было четверо, все слышали. Он говорит, что это Рональд Дэнси обокрал его, когда они гостили у Уинзора. С ума сошел от злости, что пропали деньги за эту кобылку, а она еще взяла и выиграла Кембриджшир!

Борринг (*весь обратившись в слух*). Д-дэнси! Ну-ну!..

Колфорд. Дэнси сейчас в клубе. А не то я бы сам свернул шею этому прохвосту!

Уинзор и Борринг встали, только Сент Эрс остается сидеть.

Кэниндж (*переглянувшись с Сент Эрсом*). Спросите Де Левиса, не будет ли он так добр зайти сюда. А вы, Борринг, последите, чтобы Дэнси не ушел из клуба — он нам понадобится. Ничего ему не говорите и

устройте как-нибудь потактичнее, чтобы сюда никто не входил.

Борринг выходит, за ним Колфорд.

Уинзор. Услышал, что его забаллотировали — и вот результат. Быстро!

Кэниндж. Я вам говорил, Сент Эрс, что у меня есть причины, когда просил вас поддержать Де Левиса. Мы с Уинзором знали об этой инсинуации, и я хотел зажать ему рот. С его стороны это, конечно, чистейшая фантазия, и было бы крайне несправедливо по отношению к Дэнси, если бы об этом стали болтать. В свое время такие дела решались дуэлью — наиболее верный способ держать языки на привязи.

Сент Эрс. Гм!.. Ничего дуэль не решала, кроме одного, — кто лучше стреляет.

Колфорд (опять появляясь в дверях). Де Левис говорит, что ему нечего прибавить к тому, что он еще раньше сказал вам по этому поводу.

Кэниндж. Будьте добры, скажите Де Левису, что, если он хочет оставаться членом этого клуба, он должен дать отчет старшинам, по какому праву возводит такое обвинение на другого члена клуба. Нас здесь четверо — это кворум.

Колфорд опять уходит.

Сент Эрс. А что, Уинзор, удалось полиции узнать номера банкнот?

Уинзор. У Кентмена было записано только два номера — той, что в сто фунтов, и еще одной, в пятьдесят.

Сент Эрс. Проследили их?

Уинзор. Нет еще.

Пока он говорит, входит Де Левис. Лицо у него горит, он в крайне возбужденном состоянии.

Де Левис. Ну, генерал Кэниндж, это уж слишком, это уж, знаете ли, через край! (От волнения он говорит с более заметным акцентом.)

Кэниндж (невозмутимо). Для нас совершенно очевидно, мистер Де Левис, что вы и капитан Дэнси не можете оба оставаться членами клуба. Мы просим вас дать нам объяснения, прежде чем мы поставим вопрос об исключении одного из вас.

Де Левис. Вы меня предали.

Кэниндж. Что?!

Де Левис. Ну, так я же всем расскажу, что вы и лорд Сент Эрс старались провести меня в один клуб и выгнали из другого!

Кэниндж. Мне совершенно безразлично, сэр, что вы будете обо мне рассказывать.

Сент Эрс (сухо). А вы довольно-таки ядовитый молодой человек.

Де Левис. Я вам скажу, милорд, что, по-моему, ядовито — набрасываться на человека, как свора собак, только за то, что он другой породы!

Кэниндж. Вы, кажется, ни о чем и думать не можете, как только о своей породе. Хотя никто, кроме вас, об этом не думает, сколько мне известно.

Де Левис. Допустим, я бы обокрал Дэнси,— вы его выгнали б, если бы он стал жаловаться?

Колфорд. Если вы еще раз повторите эту...

Кэниндж. Спокойней, Колфорд!

Уинзор. Вы обвиняете Дэнси в том, что он украл у вас деньги в моем доме, хотя доказательств у вас никаких нет,— никаких! — и после этого ожидаете, что друзья Дэнси будут обращаться с вами как с джентльменом! Вот это уж действительно слишком, если вам угодно!

Де Левис. Никаких доказательств? Кентмен сказал мне вчера в Ньюмаркете, что Дэнси знал о продаже. Кентмен сказал Гулю, и Гуль говорит, что сам рассказал Дэнси.

Уинзор. Ну и что?

Де Левис. А Дэнси утверждает, что не знал,— он это сказал вам при мне и при генерале Кэниндже. (Кэнинджу.) Этого вы не можете отрицать, как бы вам ни хотелось!

Кэниндж. Осторожнее выбирайте выражения, сэр.

Де Левис. Доказательства! А нашли какие-нибудь следы под этим оборванным плющом? Ни единого! Вы сами видели, как он умеет прыгать,— тогда же вечером выиграл у меня десять фунтов, не постеснялся держать пари, хотя знал, что бьет наверняка. Вот вам ваш Дэнси — обыкновенный жулик!

Кэниндж (кивнув в сторону бильярдной). Эти, что слышали, еще там, Колфорд?

Колфорд. Да.

Кэниндж. Тогда будьте добры, приведите сюда Дэнси. Но ничего ему не говорите.

Колфорд (Де Левису). Ваше будет счастье, если он не свернет вам шею!

Выходит. Оставшиеся трое не смотрят на Де Левиса.

Де Левис (он весь кипит). У меня хорошая память — и жало у меня тоже есть. Да, милорд, раз уж вы соблаговолили назвать меня ядовитым. (Кэнинджу.) Я понимаю, вы меня все равно выгоните, как бы ни обернулось дело. Ну что ж, я прихвачу Дэнси с собой.

Сент Эрс (про себя). Этот клуб всегда имел такую хорошую репутацию.

Уинзор. Согласны вы отказаться от своих слов и принести извинения перед Дэнси и теми членами клуба, которые вас слышали?

Де Левис. Как бы не так!

Сент Эрс. Вы, должно быть, очень богатый человек, сэр. Но присяжные могут решить, что деньги — слишком слабая компенсация за такое обвинение.

Де Левис молчит.

Кэниндж. В суде потребуют доказательств.

Сент Эрс. Он может возбудить против вас уголовное преследование.

Уинзор. Если вы сейчас же не потушите этот скандал, вы рискуете очутиться в тюрьме. Если, конечно, его можно потушить.

Сент Эрс. Будь я на месте Дэнси, я бы ни за что не согласился.

Де Левис. Так вы ведь не крали моих денег, лорд Сент Эрс.

Сент Эрс. А вы так уверены, что именно он украл? Насколько я понимаю, было еще с полдесятка других возможностей. Очень уж вы дешево цените чужую репутацию.

Де Левис. Устройте нам очную ставку с Дэнси и судите беспристрастно.

Уинзор (тихо, Кэнинджу). А мы не подводим Дэнси тем, что его не предупредили?

Кэниндж. Сейчас мы представляем клуб, Уинзор. Наш долг — внести в это дело полную ясность.

Входит Колфорд, за ним Борринг и Дэнси.

Сент Эрс. Капитан Дэнси, этот господин в присутствии нескольких членов клуба выдвинул против вас тяжкое обвинение.

Дэнси. Какое?

Сент Эрс. Что вы украли у него деньги, когда были в гостях у Уинзора.

Дэнси (жестко и напряженно). Вот как. А на каком основании он оказывает мне такую любезность?

Де Левис (он тоже весь напряжен). Вы подарили мне эту лошадь, чтобы на нее не расходоваться, и с тех пор имеете зуб против меня; вы знали от Гуля, что я продал ее Кентмену и он уплатил мне наличными, однако сказали, что вам это неизвестно, я сам слышал. Ваша комната была рядом с моей, и вы умеете прыгать, как кошка, мы в тот вечер все это видели. Я нашел у себя на балконе, на перилах, обрывок плюща, раздавленный какой-то тяжестью, как если бы на него наступили. Когда я шел в ванную, ваша дверь была открыта, а когда я возвращался, закрыта.

Кэниндж. О двери мы в первый раз слышим.

Де Левис. Я потом вспомнил.

Сент Эрс. Что скажете, Дэнси?

Дэнси (медленно, отчеканивая слова). Я готов решить это дело любым оружием, где и когда ему угодно.

Сент Эрс (сухо). Так оно не решается, вы сами это прекрасно знаете. Если он не возьмет своих слов назад, вам придется подать в суд.

Дэнси. Берете свои слова назад?

Де Левис. Почему вы сказали генералу Кэнинджу, будто не знали, что Кентмен уплатил мне наличными?

Дэнси. Потому что не знал.

Де Левис. Так, значит, Кентмен и Гуль оба солгали неизвестно зачем?

Дэнси. Это меня не касается.

Де Левис. Если вы все время были внизу, как вы

говорите, почему ваша дверь была сперва открыта, а потом закрыта?

Дэнси. Раз я был внизу, откуда мне знать? Ветер, должно быть.

Де Левис. Хотелось бы послушать, что ваша жена об этом скажет.

Дэнси. Не троньте мою жену... проклятый еврей!

Сент Эрс. Капитан Дэнси!

Де Левис (вне себя). Вор!

Дэнси. Будете драться?

Де Левис. Ловко придумано — пулей заткнуть мне рот! Нет! Подавайте в суд и — посмотрим!

Дэнси делает шаг к нему, но Кэниндж и Уинзор становятся между ними.

Сент Эрс. Довольно, мистер Де Левис; мы вас больше не задерживаем. (Обводит взглядом остальных.) Считайте свое членство в клубе приостановленным, пока это дело не разъяснится.

Де Левис (дрожа от гнева). Не беспокойтесь о моем членстве. Я от него отказываюсь. (К Дэнси.) Вы называли меня проклятым евреем. Мой народ имел за собой тысячелетнюю историю, когда вы все еще были дикарями. Я горжусь тем, что я еврей. До свидания — в суде!

Выходит. Некоторое время все молчат.

Сент Эрс. Так как же, Дэнси?

Дэнси. Если эта скотина не хочет драться, что я могу сделать, сэр?

Сент Эрс. Мы вам сказали — подавайте в суд, чтобы очистить свое имя.

Дэнси. Колфорд, ты видел, что я писал письма в холле после нашей партии в бильярд?

Колфорд. Конечно, видел. Ты там сидел, когда я проходил в курительную.

Кэниндж. Через сколько времени после того, как вы оба ушли из бильярдной?

Колфорд. Минут через пять.

Дэнси. Я ничем не могу доказать, что был там все время.

Кэниндж. Это уж пусть Де Левис доказывает свои утверждения. Вы слышали, что он сказал о Гуле?

Дэнси. Если Гуль в самом деле что-то мне говорил,— ну, значит, я пропустил мимо ушей.

Сент Эрс. Тут затронута честь клуба. Намерены вы подать в суд?

Дэнси (медленно). Это—дорогое развлечение, лорд Сент Эрс. А у меня туго с деньгами. Мне нужно подумать. (Оглядывает всех одного за другим.) Должен ли я это так понимать, господа, что у вас есть сомнения?

Колфорд (с жаром). Нет!

Кэниндж. Не в том дело, Дэнси. Но это обвинение слышали многие члены клуба, а мы сейчас представляем клуб. Если вы не подадите в суд,— сами понимаете, какие выводы из этого могут сделать.

Дэнси. Я, может быть, сочту все это ниже своего достоинства. (Поворачивается и уходит.)

После его ухода наступает молчание еще более длительное, чем после ухода Де Левиса.

Сент Эрс (отрывисто). Не нравится мне это.

Уинзор. Я знаю его чуть не с пеленок.

Колфорд. Голову даю на отсечение, что он этого не делал, лорд Сент Эрс. Мы с ним в стольких бывали переделках!.. Коленки чешутся— дать под зад этому мерзавцу!

Борринг. Простите, но вы не находите, что он держался к-как-то все-таки н-не совсем ест-тественно? Кажалось бы, когда так, вдруг, услышишь...

Колфорд. Вздор!

Уинзор. Ужасно для Дэнси.

Сент Эрс. Еще ужаснее, если он это сделал, Уинзор.

Борринг. Они там, в судах, очень, знаете ли, н-недоверчивая п-публика.

Колфорд. Мне достаточно его слова.

Кэниндж. Мы так же хотим верить Дэнси, как и вы, Колфорд,— ради чести армии и клуба.

Уинзор. Он, конечно, подаст в суд, когда подумает.

Сент Эрс. А нам что делать тем временем?

Колфорд. Если вы его исключите, можете и меня не считать членом клуба.

Борринг. И еще вот это — то, что он сразу захотел драться, — тоже к-как-то п-подозрительно!

Колфорд. А вам не захотелось бы пристрелить этого скота? Суд присяжных! Ха!

Уинзор. Да, каково будет его положение, даже если он выиграет?

Борринг. В-возмещение убытков — и з-замаранная репутация.

Уинзор. Вот именно. Пока не найдут настоящего вора. Люди всегда склонны верить худшему.

Колфорд (сверкнув глазами на Борринга). Я это вижу.

Кэниндж. Из такой истории нет приличного выхода.

Сент Эрс. Да. Нету. (Встает.) Оставляет дурной привкус. Мне жаль эту молоденькую миссис Дэнси. Бедняжка!

Борринг. Будете еще играть?

Сент Эрс (отрывисто). Нет, сэр. Прощайте, господа. Подвезти вас, Кэниндж?

Уходит вместе с Кэнинджем.

Борринг (после короткой паузы). П-пойду п-пр-рошупаю, какое настроение в к-клубе. (Уходит.)

Колфорд. Черт бы побрал этого слюнявого зайку! Тоже, мужчиной называется! Чем мы можем помочь Дэнси, Уинзор?

Уинзор. Колфорд! (Короткая пауза.) В тот вечер — генерал случайно тронул рукав Дэнси — рукав был мокрый.

Колфорд. Ну и что это доказывает? Нет уж, простите! Школьный товарищ, однополчанин, друг!

Уинзор. Если он это сделал...

Колфорд. Да не делал он этого! А если б и сделал, я бы его не бросил и любыми средствами постарался выручить из беды.

Уинзор отходит к камину, глядит в огонь, потом поворачивается и смотрит на Колфорда, который стоит неподвижно.

Да, черт возьми!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

На следующее утро у Дэнси. В гостиной этой маленькой квартирки на диване, стоящем в середине комнаты и обращенном к воображаемому окну, сидят Мейбл Дэнси и Маргарет Ортм, лицом к зрителям. В правой стене — камин, он топится; там же, ближе к рампе, дверь в спальню. Слева дверь, обращенная полотнищем к зрителю, ведет в небольшую переднюю, где в глубине видна выходная дверь. Еще до поднятия занавеса слышны взволнованные голоса. В ту минуту как он поднимается, Мейбл встает с дивана.

Мейбл. Но это чудовищно!

Маргарет. Конечно! *(Она закуривает сигарету и протягивает портсигар Мейбл, но та не замечает, поглощенная своими мыслями.)* Де Левис с таким же основанием мог бы заподозрить меня, только я в этих юбках дальше чем на шесть дюймов не могу прыгнуть.

Мейбл. Какая гнусность! Вы говорите, вчера в клубе? А Ронни ни слова мне не сказал. Почему?

Маргарет *(выпустив длинную струйку дыма)*. Не хочет вас беспокоить.

Мейбл. Но... господи!.. Меня!..

Маргарет. А вы еще не заметили, Мейбл, что он не очень общителен? Эти отчаянные головы все такие.

Мейбл. Ронни?..

Маргарет. А вы и не знали? Ну да, жены всегда в невыгодном положении, особенно на первых порах. Вы никогда с ним не охотились, дорогая. А я охотилась. Он такие штуки иной раз выкидывает, такие отчаянные решения вдруг принимает — другого такого человека и на свете нет. Сейчас, наверно, тоже что-нибудь этакое готовит.

Мейбл. Как ему не стыдно, этому Де Левису! Я же все время была рядом, в нашей спальне.

Маргарет. А дверь к Ронни была открыта?

Мейбл. Н-не помню... Кажется, да.

Маргарет. Во всяком случае, можете так сказать в суде. Хоть это и не имеет значения. Все жены — лгуны в глазах закона.

Мейбл *(изумленно смотрит на нее)*. В суде? Почему в суде?

Маргарет. Дорогая моя, ему ведь придется подать в суд за диффамацию — или как там это у них называется?

Мейбл. Вчера у Уинзоров уже были разговоры?

Маргарет. Ну, вы знаете, Мейбл, эту болтовню за обеденным столом... Небольшой скандаличик — это же для нас хлеб насущный, особенно в такое тихое время года.

Мейбл. Ужасно все это, ужасно!

Маргарет (*мрачно*). Если бы хоть не было всем известно, что Ронни так нуждается в деньгах.

Мейбл (*прижимает руки ко лбу*). Не понимаю, просто не понимаю!.. Ну хорошо, а если будет суд, — потом-то уж все уладится?

Маргарет. Вы помните историю с Сент Оффертом? Карты? Да нет, конечно, не помните, вы тогда еще ходили в коротких платьицах. Сент Офферт высудил себе возмещение убытков и еще кое-что в придачу — запертые двери во всех домах. Теперь живет в Ирландии. Нет, Мейбл, насколько я понимаю, нет никакой связи между невинностью и репутацией. Взять хотя бы меня!

Мейбл. Мы будем бороться! До последнего!

Маргарет. Мейбл, вы чистая душа, вы прелесть, все вас жалеют.

Мейбл. Это его бы должны...

Маргарет (*опять протягивает ей портсигар*). Покурите, дружок.

На этот раз Мейбл берет сигарету, но не закуривает.

Не так все это просто. Вчера там был генерал Кэниндж. Мейбл, можно говорить с вами откровенно? Вы не рассердитесь?

Мейбл. Нет, нет. Я сама этого хочу.

Маргарет. Он всегда, знаете, ратует за корпоративное чувство и тому подобное. Но вчера он все время молчал.

Мейбл. Ненавижу половинчатых друзей. Верность прежде всего!

Маргарет. Да-а. Конечно. Но хорошо, если человек только чему-то одному верен. А если еще и чему-то другому? Тогда эти верности могут столкнуться.

Мейбл. Нет, я должна поговорить с Ронни. Вы меня извините, я вас на минутку покину — попробую поймать его по телефону.

Маргарет. Ну, конечно. Идите.

Мейбл уходит в дверь направо.

Бедная девочка! (Она свертывается клубочком в углу дивана, как бы стараясь уйти от жизни.)

Слышен звонок. Маргарет выпрямляется, встает и идет в переднюю, где открывает дверь леди Аделе Уинзор, и возвращается впереди нее в гостиную.

Входит второй убийца! Можете себе представить, Адела, этот ребенок ничего не знал!

Леди Адела. Где она?

Маргарет. Говорит по телефону. Адела, если будет суд, нас вызовут в качестве свидетельниц. Я надену свой костюм из черного жоржета и шляпку экрю. Вы когда-нибудь давали показания в суде?

Леди Адела. Никогда.

Маргарет. Это, наверно, потрясающе интересно.

Леди Адела. Ах! И зачем только я пригласила этого мерзкого Де Левиса! Пожалела его — мне все казалось, его обижают. Мег, вы знаете?.. У Рональда Дэнси куртка была мокрая. Генерал случайно потрогал.

Маргарет. А-а. Вот почему он молчал.

Леди Адела. Да. И после вчерашней сцены в клубе он поехал к букмекерам, и Гуль — тоже имечко! — заверил его честным словом, что сам, лично, рассказал Дэнси об этой продаже.

Маргарет (с вызовом). А мне все равно. Он мой троюродный брат. Адела, вы разве могли бы?..

Леди Адела. Что могла бы?

Маргарет. Стать за Де Левиса против одного из нас?

Леди Адела. Это очень узкие взгляды, Мег.

Маргарет. Да нет, я знаю многих достойных евреев, а Фердик этот мне даже нравился. Но когда надо выбирать!.. Они все держатся друг за друга, а нам почему нельзя? Это в крови. Вскройте себе вену, посмотрите, нет ли у вас там чужой капельки.

Леди Адела. Дорогая, моя прабабушка была еврейкой. Я очень ею горжусь.

Маргарет. Ага. Получили прививку. (Потягивается.) Предрассудки, Адела, — или это просто верность чему-то, у одних — одному, у других — другому, не

знаю,— но все это сталкивается между собой, и мы все режем друг другу глотки из самых лучших побуждений.

Леди Адела. О! Это я запомню. Прелестно! *(Грозит ей пальцем.)* Вы взяли это из Бергсона, Мег. Правда, замечательный философ?

Маргарет. Да. А вы его читали?

Леди Адела. Я?.. Нет. *(Бросает взгляд на дверь спальни.)* Бедное дитя! Я с вами согласна, Мег. Буду всем говорить, что это полная нелепость. Вы же не думаете в самом деле, что Рональд Дэнси?..

Маргарет. Не знаю, Адела. Есть люди, которые просто не могут жить без риска. Я сама немножко в этом роде. Пока они зарабатывают ордена на войне или охотятся на тигров, все хорошо; но когда опасности нет, они ее сами себе придумывают, иначе им жизнь не в жизнь. Я видела, как Ронни проделывал совершенно безумные вещи ни для какой другой надобности, как только ради риска. У него прошлое, знаете, со всячинкой.

Леди Адела. О! Расскажите.

Маргарет. На войне он, конечно, вел себя безупречно — еще бы, там он был как рыба в воде. Но как раз перед войной — вы не помните? — очень странная история на скачках?

Леди Адела. Нет, что-то не помню.

Маргарет. Смелость, конечно, отчаянная, но не совсем... в рамках. Да вы должны помнить, тогда об этом много говорили! Ну, и, кроме того, даже до самой свадьбы... *(Закуривает сигарету.)*

Леди Адела. Да ну же, Мег!.. Не дразните мое любопытство.

Маргарет. Была у него одна смугляночка — писаная красотка. О, у Ронни есть обаяние! Эта девчурка Мейбл даже и не подозревает, кого заполучила в мужья.

Леди Адела. Но они так любят друг друга!

Маргарет. В том-то и беда. Генерал никому не говорил про куртку?

Леди Адела. Нет, что вы. Только Чарлзу.

Мейбл выходит из спальни.

Дозвонились?

Мейбл. Нет. Его нет ни в Таттерсалле, ни в клубе.

Леди Адела встает и здоровается с ней, всем своим видом выражая соболезнование,

Леди Адела. Никто этому не поверит, дорогая. Мейбл (*смотрит ей прямо в лицо*). А кто поверит, тому незачем сюда приходить и вообще разговаривать с нами.

Леди Адела. Вот этого я и боялась. Вы хотите всем бросить вызов. Не надо. Держитесь совершенно естественно.

Мейбл. Это так легко, да? Я бы всех убила, кто этому верит.

Маргарет. Вам нужен будет юрист, Мейбл. Обратитесь к старику Джекобу Твисдену.

Леди Адела. Да. Он так умеет успокоить.

Маргарет. Он однажды вернул мне мои жемчуга — без потерь убитыми. С ним так уютно — как будто сидишь вечером у камина. Пригласите его сюда и побеседуйте по душам — все трое.

Мейбл (*вдруг насторожившись*). Слышите? Это Ронни.

Входит Дэнси.

Дэнси (*с улыбкой*). Очень мило с вашей стороны, что вы зашли.

Маргарет. Мы уже уходим. Ах, Ронни, это все до такой степени... (*Но при взгляде на его лицо она умолкает и бочком проскальзывает в переднюю.*)

Леди Адела. Чарлз просил передать вам... привет... (*Голос ее замирает, она тоже выходит.*)

Дэнси (*подходит к жене*). Что они тут говорили?

Мейбл. Ронни! Почему ты мне ничего не сказал?

Дэнси. Я хотел еще раз повидать Де Левиса.

Мейбл. Негодяй! Как он смел? Дорогой мой! (*Порывисто обнимает и целует мужа. Он не возвращает ей поцелуя и остается неподвижным в ее объятиях, так что она отступает на шаг и боязливо смотрит на него.*) Я понимаю, тебе очень тяжело.

Дэнси. Слушай, Мейбл. Даже помимо этой пакости, мне осточертела эта сидячая жизнь. Давай бросим все и уедем в Найроби. Денег я как-нибудь наскребу.

Мейбл (*испуганно*). Но разве это можно?.. Ведь все скажут...

Дэнси. Ну и пусть! Нас здесь не будет.

Мейбл. Я не могу, чтобы люди думали...

Дэнси. Плевать мне, что они думают,— обезьяны и кошки. Не выношу этого зверинца. А кроме того, как бы я теперь ни поступил — подам ли я в суд и добьюсь возмещения убытков или сделаю из Де Левиса котлету,—это ничего не изменит. Доказать-то я не могу. И непременно найдутся такие, которые скажут, что их это не убедило.

Мейбл. Но ведь поймают же в конце концов настоящего вора!

Дэнси (с кривой усмешкой). А ты думаешь, если я останусь здесь, его легче будет поймать?

Мейбл (мучась, как от физической боли). О!.. Нет!.. Я не могу... Ведь это будет выглядеть так, как будто мы убежали! Мы должны быть здесь — и бороться!

Дэнси. Ну, а допустим, суд решит не в мою пользу? Наперед не скажешь.

Мейбл. Но как же это может быть? Я все время была в комнате рядом, и дверь была открыта.

Дэнси. Открыта?

Мейбл. Я... я почти уверена.

Дэнси. Да. Но ты моя жена.

Мейбл (растерянно). Ронни, я не понимаю... Представь себе, что меня обвинили бы в краже жемчугов!

Дэнси (его передергивает). Этого я не могу себе представить.

Мейбл. Но это могло быть — так же легко. Что подумал бы ты обо мне, если б я убежала?..

Дэнси. Так. Понимаю. (Пауза.) Хорошо! Получишь полное удовольствие. Пойду сейчас поговорю со стариком Твисденом.

Мейбл. Можно мне с тобой?

Дэнси отрицательно качает головой.

Почему нет? Я тоже хочу что-то делать — бороться вместе с тобой!

Дэнси внезапно хватает ее руку и крепко стискивает.

Дэнси. Ты молодчина, Мейбл.

Мейбл (прижимает к груди его руку и смотрит ему в лицо). Знаешь, что Маргарет про тебя сказала?

Дэнси. Ну?

Мейбл. Что ты отчаянная голова.

Дэнси. Ха! Да уж, конечно, не комнатная собачка. Как и она.

Звонок. Мейбл идет открыть, и слышно, как она холодно говорит в передней.

Мейбл. Не будете ли вы добры подождать минутку? *(Возвращается в гостиную.)* Это Де Левис, хочет тебя видеть. *(Понизив голос.)* Дай сперва я с ним поговорю. Одну минуту! Прошу тебя!

Дэнси *(после короткого молчания)*. Ладно. *(Уходит в спальню.)*

Мейбл *(идет к наружной двери)*. Войдите, пожалуйста.

Де Левис входит и останавливается в смущении.
Да?

Де Левис *(с легким поклоном)*. Мне нужен ваш муж, миссис Дэнси.

Мейбл. Он у себя. Зачем он вам?

Де Левис. Он недавно заходил ко мне, когда меня не было дома. Вчера в клубе он мне грозил. Пусть не думает, что я его боюсь.

Мейбл *(делая над собой усилие, чтобы говорить спокойно)*. Мистер Де Левис, не мы, а вы нас обкрадываете. Вы отнимаете у моего мужа честное имя.

Де Левис *(искренне)*. Меня восхищает ваша доверчивость, миссис Дэнси.

Мейбл *(смотрит на него широко открытыми глазами)*. Как вы можете? Для чего вы это делаете? Какая причина? Ведь не думаете же вы, что мой муж вор?

Де Левис. К сожалению.

Мейбл. Как вы смеете! Как вы смеете! Разве вы не знаете, что я все время была в нашей спальне, и дверь к нему была открыта? Или вы и меня тоже обвиняете?

Де Левис. Нет, миссис Дэнси.

Мейбл. Но ведь так выходит. Я не могла не увидеть, не услышать.

Де Левис. У жен плохая память, когда муж в опасности.

Мейбл. Иными словами, я лгу?

Де Левис. Нет. Просто вам очень хочется, чтобы так было. И вы верите.

Мейбл *(опять смотрит на него почти с ужасом, отворачивается, чтобы овладеть собой, и снова поворачи-*

вается к нему). Мистер Де Левис, я обращаюсь к вам как к джентльмену,— поступите с нами так, как вы хотели бы, чтобы с вами поступили. Откажитесь от этого гнусного обвинения и напишите Рональду письмо, которое он мог бы всем показать.

Де Левис. Миссис Дэнси, я не джентльмен. Я всего только... проклятый еврей. Вчера я еще мог отказаться, щадя вас. Но когда оскорблен мой народ, мне не о чем говорить с вашим мужем. Но он хотел меня видеть, ну вот, я пришел. Скажите ему, пожалуйста.

Мейбл (опять смотрит на него тем же, полным ужаса взглядом и говорит медленно). Это так чудовищно — то, что вы делаете... Я не нахожу слов.

Де Левис отвечает ей легкий поклон. В эту минуту из спальни быстро выходит Дэнси. Теперь мужчины стоят друг против друга, разделенные всей длиной дивана. Мейбл, стоя позади дивана, обращает взгляд на мужа; у него в руке листок бумаги.

Де Левис. Вы желали меня видеть.

Дэнси. Да. Я хочу, чтобы вы это подписали.

Де Левис. Ничего не буду подписывать.

Дэнси. Разрешите, я вам прочитаю. «Приношу капитану Дэнси извинения за возмутительное и ни на чем не основанное обвинение, которое я на него возвел, и полностью отказываюсь от своих слов».

Де Левис. Только и всего!

Дэнси. Вы это подпишете.

Де Левис. А я уже вам сказал, это все напрасно. Ничего я не подпишу. Обвинение правильное, иначе вы не ломали бы сейчас эту комедию. Я уйду. В присутствии вашей жены вы вряд ли прибегнете к насилию, а если вздумаете еще где-нибудь, ну, поберегите себя!

Дэнси. Мейбл, я должен поговорить с ним наедине.

Мейбл. Нет! Нет!

Де Левис. Правильно, миссис Дэнси. Синяки и знаки насилия только ухудшат его положение.

Дэнси. За женщину прячетесь, трус!

Де Левис делает шаг к нему, сжав кулаки, сверкая глазами. Дэнси выжидает, готовый броситься, но Мейбл обрывает эту сцену, быстро подойдя к мужу.

Мейбл. Не надо, Ронни. Не унижай себя! Он этого не стоит.

Дэнси внезапно рвет бумагу пополам и бросает в огонь.

Дэнси. Вон отсюда, мерзавец!

Де Лейс секунду стоит в нерешительности, потом поворачивается к двери, открывает ее, еще мгновенно с усмешкой медлит на пороге и уходит. Мейбл быстро идет к двери и затворяет ее в ту минуту, когда раздается стук захлопнувшейся наружной двери. Потом оборачивается и смотрит на мужа с выражением тревоги и ожидания. Повернувшись, Дэнси смотрит на нее.

Ну? Ты согласна с ним?

Мейбл. В чем?..

Дэнси. Что я не стал бы ломать эту комедию, если б...

Мейбл. Не надо!.. Ты делаешь мне больно.

Дэнси. Да. Ты очень мало знаешь меня, Мейбл.

Мейбл. Ронни!..

Дэнси. Что ты сказала этому скоту?

Мейбл (отвернув лицо). Только, что это он нас обкрадывает. (Вдруг поворачивается к нему.) Ронни... ты... ты этого не делал?.. Я хочу знать.

Дэнси. Ха! Я этого ожидал.

Мейбл (закрывает лицо руками). О! Как ужасно с моей стороны, ужасно!..

Дэнси. Ничуть. Случай, что говорить, сомнительный.

Мейбл (опускает руки). Если я не буду верить тебе — кто же поверит? (Идет к нему, обнимает его, заглядывает ему в лицо.) Ронни! Хотя бы даже весь мир... я буду верить! Ты знаешь!..

Дэнси. Знаю, Меб. Знаю. (Лицо его, над прижатой к его груди головой Мейбл, искажается на мгновение, потом застывает, как маска.) Ну, так с чего же мы начнем?

Мейбл. Пойдем сейчас же к этому юристу, сию минуту!

Дэнси. Хорошо. Надевай шляпу.

Мейбл уходит в спальню. Дэнси, оставшись один, стоит неподвижно, глядя перед собой. Потом, коротко пожав плечами, идет к дивану и берет свою шляпу — как раз в тот момент, когда Мейбл, уже одетая, выходит из спальни. Он открывает дверь в переднюю; и Мейбл, пройдя мимо него, останавливается в дверях и поднимает к нему ясный, доверчивый взгляд.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Спустя три месяца. Кабинет мистера Джекоба Твисдена в юридической конторе «Твисден и Грэвитер» в Линкольнс Инн Филдс. Это просторная комната с двумя большими окнами в задней стене; в левой стене старинный камин и, ближе к рампе, дверь. В правой стене две двери: одна в приемную для клиентов, другая — ближе к рампе — в конторское помещение, где работают клерки; между этими двумя дверями у стены — большие стоячие часы. Между окнами, ближе к задней стене, большой стол; с левой стороны стола, на середине, кресло мистера Твисдена, у задней стены другое кресло и справа третье — для клиентов.

Грэвитер, компаньон мистера Твисдена, гораздо его моложе, стоит у левого окна, глядя на скверы Линкольнс Инн Филдса, где уже начинают зажигаться фонари и у самого дома тарахтит мотор подъехавшего такси. Грэвитер оборачивается — мы видим его румяное лицо с умными, пронизательными глазами — и смотрит на часы, которые в эту минуту отбивают четыре удара. Правая, ближняя, дверь отворяется, входит молодой клерк.

Молодой клерк. Там пришел клиент, сэр. Некий мистер Джильмен. Хочет видеть мистера Твисдена.

Грэвитер. Ему назначено?

Клерк. Нет, сэр. Но он говорит, что по важному делу.

Грэвитер. Я его приму.

Клерк выходит. Грэвитер садится слева от стола. Клерк возвращается и вводит пожилого человека, который выглядит именно тем, что он есть в действительности, — владельцем большого бакалейного магазина современного типа. Он в темном пальто, в руках котелок. Рыжеватые седеющие усы и бачки придают ему сходство с котом.

Грэвитер (смотрит на него, стараясь определить его общественное положение). Мистер Джильмен?

Джильмен (с сомнением). Мистер Джекоб Твисден?..

Грэвитер (улыбаясь). Его компаньон. Грэвитер моя фамилия.

Джильмен. А мистера Твисдена, значит, нету?

Грэвитер. Да. Он в суде. Скоро придет, заседание уже кончилось. Но он будет занят.

Джильмен. Старик Джекоб Твисден — я о нем слышал.

Грэвитер. Многие слышали.

Пауза.

Джильмен. Это он, небось, все на этом процессе — Дэнси против Де Левиса?

Грэвитер кивает.

Еще денька два протянется?

Грэвитер качает головой.

Прямо, я вам скажу, удивительно, какой интерес это дело у всех возбуждает.

Грэвитер. Как вы изволили заметить.

Джильмен. Высший свет, а? Этот капитан Дэнси — он ведь, кажется, даже орден «За отличную службу» на войне получил?

Грэвитер кивает.

Обидно, когда про тебя этакое говорят. Он, по-моему, очень хорошо давал показания. И жена его тоже. Этот Де Левис, видать, против него какой-то зуб имеет. «Шерша лафам» — это я моей миссис Джильмен еще сегодня утром сказал, перед тем, как...

Грэвитер. Кстати, сэр, какое у вас к нам дело?

Джильмен. Дело, собственно, вот в чем... Да нет, вы уж меня извините, я лучше подожду мистера Твисдена. Дело это щекотливое, хотелось бы от него совет получить.

Грэвитер (пожимая плечами). Хорошо. В таком случае пройдите, пожалуйста, в ту комнату.

Направляется к правой дальней двери.

Джилльмен. Благодарю вас. (*Идет за Грэвитером.*) Я, видите ли, никогда еще с судами не путался...

Грэвитер (*растворяя дверь*). Да?

Джилльмен. И начинать бы не хотел. А то, знаете, как начнешь, так неизвестно, где остановишься. Я и сейчас-то пришел только из чувства долга... ну и еще по другим причинам.

Грэвитер. Бывает.

Джилльмен (*достает карточку*). Вот моя визитная карточка. Джилльмен — бакалейные товары. У меня там разные есть отделения, но это — основное.

Грэвитер (*читает карточку*). Понятно.

Джилльмен. Думаю, и вы ко мне заходили, а не вы — так ваша супруга. Говорят, мистеру Джекобу Твисдену хотели дать дворянство, а он отказался. Почему это, а?

Грэвитер. Спросите его, сэр. Его спросите.

Джилльмен. Я тогда жене сказал: это, говорю, он прямо в баронеты махнуть хочет.

Грэвитер с вымученной улыбкой закрывает за ним дверь.

Молодой клерк (*растворяя дверь из конторы*).
Мистер Уинзор, сэр, и мисс Орм.

Они входят. Клерк удаляется.

Грэвитер. Добрый день, мисс Орм. Добрый день, Уинзор.

Уинзор. Твисдена еще нет, Грэвитер?

Грэвитер. Пока еще нет.

Уинзор. Ну, со свидетелями Де Левиса сегодня кончили. Сэр Фредерик был на высоте. В общем, все идет хорошо. Но я слышал, что они все-таки вызвали Кэнинджа. Завтра будет давать показания.

Грэвитер. Ого!

Уинзор. Я говорил, надо было, чтобы Дэнси его вызвал.

Грэвитер. Мы это обсуждали. Сэр Фредерик решил, что сумеет лучше его использовать при перекрестном допросе.

Уинзор. Гм! Вот уж не знаю. А можно мне пойти поговорить с ним до того, как он будет давать показания?

Грэвитер. На этот счет я хотел бы знать мнение мистера Джекоба. Он скоро будет.

Уинзор. Уже допросили Кентмена и Гуля, инспектора и того полицейского, что с ним был, моего лакея, банкира Дэнси и его портного.

Грэвитер. Удалось поколебать Кентмена и Гуля?

Уинзор. Очень мало. Да, кстати, были оглашены номера тех двух банкнот, и я видел, они уже есть в вечерних газетах. Это, должно быть, по желанию полиции. И знаете, какое у меня впечатление, Грэвитер: все убеждены, что тут есть какая-то тайная подоплека, которая пока остается скрытой.

Грэвитер. Ну да, публика жаждет сенсации, как всегда при великосветских процессах,—о них заранее ходит столько слухов.

Уинзор. Мечтают добраться до какой-то сверхъестественно скандальной истории.

Маргарет. Когда я давала показания, у меня было чувство, что это они до меня добираются. (*Вынимает портсигар.*) Покурить никак нельзя, мистер Грэвитер?

Грэвитер. Курите!

Маргарет. А мистер Джекоб не закатит истерики?

Грэвитер. Закатит. Но после того, как вы уйдете.

Маргарет. Только разок затянусь. (*Закуривает сигарету.*)

Уинзор (*отрывисто*). Это становится похоже на дело Дрейфуса — один за одного, другие за другого, независимо от судебного материала.

Маргарет. Богоизбранного народа в зале с каждым днем все больше. И среди присяжных — вы заметили, мистер Грэвитер? — двое.

Грэвитер (*с улыбкой*). Не знаю... Трудно сказать...

Маргарет. Ну что вы, типичные! Почему вы не дали им отвода?

Грэвитер. Де Левис мог бы дать отвод остальным десяти, мисс Орм.

Маргарет. Да, вот что! А я и не подумала.

Пока она говорит, ближняя правая дверь отворяется, и входит мистер Джекоб Твисден. Ему шестьдесят восемь лет, он довольно высокого роста, седой и весь какой-то узкий — с маленькими узкими бачками возле узких ушей, с узенькой ленточкой гал-

стука вокруг крахмального воротничка. На нем длинный узкий сюртук и узкие брюки со штрипками. Нос тонкий, лицо узкое, взгляд острый, пронизательный, но выражение доброе. Манера щуриться, от чего еще уже становятся его пронизательные добрые глаза. Войдя, тотчас начинает подергивать носом и принюхиваться.

Твисден. А! Здравствуйте, Чарлз. Здравствуйте, моя дорогая.

Маргарет. Дорогой мистер Джекоб, простите, я курю. Как не совестно, правда? Но в суде не разрешают. И очень жаль. Судья мог бы курить кальян. Ему бы очень пошло — такой милый старичок!

Твисден (с легким старомодным поклоном). Не всем это так идет, как вам, Маргарет.

Маргарет. Мистер Джекоб, вы прелесть! (С легкой гримаской гасит сигарету.)

Грэвитер. Там вас ждет некий Джильмен — со мной не хотел говорить.

Твисден. Сейчас. Зажгите свет, Грэвитер, будьте так добры.

Грэвитер (включая свет). Извините, я вас покину. (Уходит.)

Уинзор. Мне нужно кое о чем спросить вас, мистер Твисден...

Твисден. Садитесь, Чарлз. Садитесь, дорогая.

Сам садится позади стола, в то время как вошедший в комнату молодой клерк ставит перед ним чашку чая с двумя сухариками на блюще.

Не хотите ли, Маргарет?

Маргарет. Нет, дорогой мистер Джекоб.

Твисден. А вы, Чарлз?

Уинзор. Спасибо, нет.

Клерк уходит, затворяя за собой дверь.

Твисден (окуная сухарик в чай). Да? Так что же?

Уинзор. Генералу известен один факт, который на первый взгляд может показаться подозрительным. А теперь, как вы знаете, его вызывают свидетелем. Не следует ли сказать Дэнси, чтобы у него было готово объяснение на случай, если это выплывет наружу?

Твисден (наливает чай на блюдечко). Не зная, в чем дело, я не могу судить.

Уинзор и Маргарет переглядываются; Твисден пьет чай с блюдечка.

Маргарет. Скажите ему, Чарлз.

Уинзор. Хорошо. В тот вечер, в Мелдоне, шел дождь. Генерал положил руку на плечо Дэнси — плечо было мокрое.

Твисден отставляет блюдечко и ставит на него чашку. Уинзор и Маргарет выжидательно смотрят на него.

Твисден. Полагаю, генерал Кэниндж не станет говорить ничего лишнего — сверх того, к чему будет вынужден.

Маргарет. Это-то конечно. Но, мистер Джекоб, его могут спросить. Они знают, что шел дождь. А он такой Георг Вашингтон.

Твисден (*вертя в руках очки в черепаховой оправе*). Вас никого не спрашивали. Но сказать — что ж, сказать Дэнси можно.

Уинзор. Лучше, если вы скажете, Маргарет.

Маргарет. Да-а. Пожалуй. (*Машинально вынимает портсигар, но, заметив поднятые брови Твисдена, снова его прячет.*)

Уинзор. Пойдем вместе. Мне не хочется, чтобы миссис Дэнси слышала.

Маргарет. Мистер Джекоб, скажите, он выиграет?

Твисден. Думаю, что да, Маргарет. Думаю, что да.

Маргарет. Слишком было бы ужасно, если бы он после всего еще проиграл. Но не знаю, что мы будем делать, когда все кончится. Я три дня сидела в суде, смотрела на публику, и, знаете, я поняла — нет для людей ничего приятнее, чем когда у них на глазах с кого-нибудь сдирают кожу. Ну что ж, до свидания, дорогой мистер Джекоб, всего хорошего!

Твисден встает и, прощаясь, похлопывает ее по руке.

Уинзор. Я сейчас, Маргарет. Подождите меня.

Она кивает и уходит.

Мистер Твисден, скажите, что вы все-таки об этом думаете?

Твисден. Дорогой мой Чарлз, я поверенный Дэнси. Так же, как и ваш.

Уинзор. А можно мне пойти поговорить с Кэнинджем?

Твисден. Лучше не надо.

Уинзор. Если они это из него выудят и вторично вызовут меня, обязан я сказать, что он тогда говорил мне об этом?

Твисден. Вы сами не щупали куртку? И Дэнси при этом разговоре не было? Тогда то, что вам сказал Кэниндж, не есть улика. Мы не позволим задавать вам такой вопрос.

Уинзор. Ну, слава богу. Прощайте. (Уходит.)

Твисден еще некоторое время сидит за столом, постукивая себя по зубам очками, которые держит в своей узкой выхоленной руке. Качает головой, слегка пожимает сутулыми плечами. Дергает носом, принюхиваясь, встает, открывает окно. Затем идет к правой дальней двери, растворяет ее и говорит.

Твисден. Я к вашим услугам, сэр.

Входит Джильмен, прижимая к груди свой котелок.

Садитесь. (Закрывает окно и занимает свое обычное место за столом.)

Джильмен (садится в кресло для клиентов, справа от стола). Мистер Твисден? Моя фамилия Джильмен. Универсальный магазин Джильмена. Вон у вас на столе моя карточка.

Твисден (глядя на карточку). Да. Чем можем вам служить?

Джильмен. Я пришел к вам из чувства долга, сэр, а еще потому, что я в затруднении. (Достает из нагрудного кармана вечернюю газету.) Я, видите ли, следил за делом Дэнси — у нас в Путни много о нем говорят, — и сегодня в половине третьего я прочитал вот это. Точнее, в 2 часа 25 минут. (Встает и, передавая газету Твисдену, толстым пальцем в перчатке указывает нужное место.) Увидал я, значит, эти номера и вдруг вспомнил, что совсем недавно разменивал бумажку в пятьдесят фунтов — они, знаете, не часто попадают, ну и пошел посмотреть в кассу, просто из любопытства, уж не она ли это и есть. И представьте, точно, она! Вот поглядите. (Достает из нагрудного кармана бумажник и кладет перед Твисденом банкноту достоинством в пять-

десять фунтов.) Это три дня назад один покупатель мне принес, просил разменять, и я выдал ему полную стоимость. А теперь, выходит, она краденая, так, может, вам интересно, что я сделал. Этого покупателя, надо сказать, я давно знаю — лет восемь, а то и все девять, — итальянец он, винами торгует, и, сколько мне известно, человек вполне почтенный, сразу, конечно, видать, что иностранец, ну, а больше ничего плохого про него не скажешь. Так вот, это, значит, было в половине третьего, я был в своем главном отделении в Путни, где и сам живу. Вы, пожалуйста, заметьте время, увидите, я и минуты не потерял. Взял я такси и поехал прямо к нему домой, это тоже в Путни, он там с дочкой живет, Рикардос его фамилия, Паоло Рикардос. Там мне говорят, он в своей конторе в Сити. Я в том же такси туда. Застал его. Показал ему газету и бумажку эту перед ним положил. «Вот, — говорю, — вы мне это принесли, и я вам разменял». Вижу — смутился человек, и здорово-таки смутился, но ежели смею судить, мистер Твисден, то все ж таки не как уличенный жулик, нет, этого не скажу, а вот как бывает, когда свалится вдруг беда, трахнет тебя как обухом по голове. «Ну, — говорю, — откуда она к вам попала, вот в чем вопрос?» Помолчал он, потом говорит: «Мистер Джильмен, вы, — говорит, — меня знаете, я честный человек. Не могу вам сразу ответить, но я есть невиновный». Он иной раз как-то по-иностранному выражается. «Да, — говорю я, — это все прекрасно, только все же таки, — говорю, — вы мне всучили краденую банкноту и взяли за нее деньги. И вот, — говорю, — что я теперь сделаю: поеду с этой бумажкой прямо к мистеру Джекобу Твисдену, который ведет этот самый процесс — Дэнси против Де Левиса. Он, — говорю, — известный юрист, особенно в светских кругах, и с большим опытом». «О, — говорит он мне, — это есть то, что вы сделаете?» Очень смешно он иногда выражается! «Тогда, — говорит, — я еду с вами». Так что сейчас он тут внизу, в такси. Но я хотел сперва вам рассказать. По дороге пробовал у него хоть что-нибудь выпытать, так нет, не поддается, ну, никак! Под конец я ему сказал: «Неладно, — говорю, — как-то получается». А он мне в ответ: «Да, мистер Джильмен», — и сейчас же давай расхваливать свой сицилийский кларет, — это, правда, очень хорошее вино,

но сейчас такой разговор вроде бы и не к месту. Ну как, сэр, ясно я вам это изложил?

Т в и с д е н (*слушавший с пристальным вниманием*) Превосходно, мистер Джильмен. Сейчас я за ним пошлю. (*Нажимает звонок на столе.*)

Из правой ближней двери появляется молодой клерк.

Там внизу в такси ждет один господин. Попросите его подняться наверх. Да, и пришлите сюда мистера Грэвитера.

К л е р к уходит.

Д ж и л ь м е н. Я уже говорил вам, сэр,— я слежу за этим процессом. Есть в нем такая, как бы сказать пикантность. И очень буду рад, если вот эта моя находка поможет капитану Дэнси. Я за него горой, потому, признаться (*доверительно*), не люблю я этих — ну, скажем прямо,— иудеев. Они трудолюбивые, они непьющие, они честные — и они всюду, куда ни сунься. Я против них ничего не имею, а только — что правда, то правда — уж больно они ловки!

Т в и с д е н (*подмигивает ему*). Бельмо на глазу, мистер Джильмен?

Д ж и л ь м е н. Да что ж, сэр, не скрою — предпочитаю своих соотечественников.

Пока он говорит, из правой ближней двери входит Г р э в и т е р.

Т в и с д е н (*указывая на газету и на банкноту*). Мистер Джильмен принес нам это. Покупатель, который три дня назад разменял у него эту банкноту, сейчас будет здесь.

Г р э в и т е р. А, та самая, в пятьдесят фунтов! Понятно. (*Лицо у него становится хмурым и задумчивым.*)

М о л о д о й к л е р к (*входя*). Мистер Рикардос, сэр. (*Уходит.*)

Входит Р и к а р д о с — представительный мужчина, ярко выраженного южного типа, смуглый, с черными усами; черные волосы с легкой проседью; одет в сюртук. Беспокойно оглядывает присутствующих и кланяется.

Т в и с д е н. Мистер Рикардос? Мое имя Джекоб Твисден. А это мой компаньон. (*Поднимает палец, оста-*

навливая Рикардо, который хочет заговорить.) Мистер Джильмен рассказал нам об этой банкноте. По его словам, вы принесли ее три дня назад, то есть в понедельник, и он вам ее разменял?

Рикардос. Да, сэр.

Твисден. Вы тогда не знали, что она краденая?

Рикардос (*прикладывая руку к груди*). О нет, сэр.

Твисден. Вы получили ее от кого?..

Рикардос. Минуту, сэр. Я желал бы наш разговор (*выразительно пожав плечами*) конфиденциально.

Твисден (*кивает*). Мистер Джильмен, вы действовали с похвальной быстротой. Но теперь можете спокойно передать это дело нам. Разрешите, мы оставим у себя эту банкноту, а вы, когда будете уходить, спросите кассира и дайте ему (*пишет*) вот это, он оплатит вам ее стоимость. Все дальнейшие шаги мы уже сами предпримем.

Джильмен (*слегка удивлен, но говорит со скромным достоинством*). Ну что ж, сэр, вам виднее. Я должен руководствоваться вашим советом и вашей опытностью. Очень рад, если вы считаете, что я правильно поступил.

Твисден. В высшей степени правильно, мистер Джильмен, в высшей степени. (*Встает.*) До свидания!

Джильмен. До свидания, сэр. До свидания, господа! (*Твисдену.*) Очень рад был познакомиться с вами, сэр. Мистер Джекоб Твисден — известное имя!

Твисден. Благодарю вас.

Джильмен направляется к двери, оглядывается на Рикардоса и вновь обращается к Твисдену.

Джильмен. Больше я ничего не могу сделать в интересах закона? Может, еще что нужно? Я люблю, чтобы все аккуратно.

Твисден. Если будет нужно, мистер Джильмен, мы обратимся к вам. Адрес ваш у нас есть. Можете быть спокойны, но пока я попросил бы вас ни с кем об этом не говорить. Это может помешать правосудию.

Джильмен. Да боже сохрани, я бы и сам не стал! Ни малейшего не имею желания впутываться в разные там скандалы. Это совсем не в моих правилах. Прощайте, господа. (*Уходит.*)

Т в и с д е н (*садится*). Присядьте, сэр, пожалуйста. Но Рикардос не садится. Он стоит, нерешительно поглядывая через стол на Грэвитера.

Можете говорить свободно.

Р и к а р д о с. Мистер Твисден и вы, сэр!.. Это дело для меня очень серьезно, очень деликатно... это касается моя честь. Я в большом затруднении...

Т в и с д е н. Когда в затруднении — полная откровенность, сэр.

Р и к а р д о с. Это касается моя семья, сэр. Я...

Т в и с д е н. Позвольте мне быть с вами откровенным. (*Считает на пальцах.*) Мы имеем ваше признание, что вы разменяли эту банкноту, на которую наложен запрет. Наша обязанность уведомить Английский банк, что она была прослежена до вас. Вам придется объяснить им, как она к вам попала. Думаю, для вас будет гораздо лучше, если вы сейчас вполне откровенно объясните это нам.

Р и к а р д о с (*вынимает платок и, не скрываясь, обтирает вспотевший лоб и ладони*). Я получил эту банкноту, сэр, и еще другие от одного джентльмена, сэр, — в уплату долг чести. Я ничего не знаю, где он их взял.

Т в и с д е н. Гм!.. Весьма неопределенно. Если это все, что вы можете нам сказать...

Р и к а р д о с. Джентльмены, это мне очень больно... это касается доброе имя моей дочери... (*Опять обтирает лоб.*)

Т в и с д е н. Да ну же, сэр, говорите!

Р и к а р д о с (*с решимостью отчаяния*). Эти деньги, сэр, есть подарок ей от одного джентльмена, который был ее большой друг.

Т в и с д е н (*резко*). Боюсь, нам придется попросить вас назвать имя этого джентльмена.

Р и к а р д о с. Но, сэр, допустим я назову, а ему будет вред, что скажет моя дочь? Это мне очень трудно... Он благородно поступил, он ее обеспечил, и она до сих пор его любит, иногда плачет, что его потеряла. А мы теперь, может, его предаем, кто знает? Это очень неприятно для меня. (*Берет газету.*) Тут еще один номер — та, которая сто фунтов. Она тоже у меня. (*Достает банкноту из бумажника.*)

Грэвитер. Сколько он вам дал в общей сложности?

Рикардос. Этот подарок моей дочери — тысяча фунтов. Я понимал: ему неудобно чек, потому что женился. Поэтому взял эти банкноты, ничего плохого не думал.

Твисден. Когда он дал вам эти деньги?

Рикардос. Середина октября, прошлый год.

Твисден (*глядя ему в глаза*). Мистер Рикардос, это капитан Дэнси?

Рикардос (*опять вытирает лоб*). Господа, я очень люблю мою дочь. Она у меня одна, жены нет.

Твисден (*с усилием*). Да, да. Но я должен знать.

Рикардос. Сэр, допустим, я скажу, вы даете слово, что моя дочь не узнает?

Твисден. Поскольку это будет зависеть от нас, да, конечно.

Рикардос. Я верю вам, сэр. Да, это капитан Дэнси.

Долгое молчание.

Грэвитер (*резко*). Вы его шантажировали?

Твисден (*поднимает руку*). Мой компаньон хочет сказать — вы настаивали на этом обеспечении?

Рикардос. Я считал мой долг перед дочерью — просить, чтобы он дал ей эта награда.

Твисден. Под угрозой, что иначе скажете его жене?

Рикардос (*пожав плечами*). Капитан Дэнси — человек чести. Он сказал: «Конечно, я сделаю». Я поверил. А через месяц еще раз напомнил, и он дал мне для нее эти деньги. Не знаю, где он взял, не знаю! Господа, я все положил на ее имя — до последний пенни, кроме только этой, на которую имел намерение купить для нее ожерелье. Это есть чистая правда, клянусь вам.

Твисден (*положив палец на банкноту в сто фунтов*). Это останется у меня. А вам советую никому об этом деле не говорить. Я еще могу согласиться, что в том, как вы ее получили, не было состава преступления, другие, пожалуй, посмотрят на это иначе. Прощайте, сэр. Грэвитер, проводите мистера Рикардоса и запишите его адрес.

Рикардос (*прижимая руки к лацканам своего сюртука, со вздохом*). Господа, прошу вас, не забудьте, что

я говорил. *(Закатывает глаза.)* Моя дочь... Я очень несчастный. Прощайте.

Поворачивается и медленно уходит в ближнюю правую дверь, сопровождаемый Грэвитером.

Твисден *(про себя)*. Рональд Дэнси! *(Скрепляет вместе обе банкноты и кладет их в конверт, затем стоит неподвижно, только глаза и руки выдают его внутреннюю тревогу.)*

Возвращается Грэвитер, плотно затворяет дверь и, подойдя к Твисдену, подает ему визитную карточку Рикардоса.

Твисден *(читает)*. Вилла Бенвенуто. Надо будет проверить, но боюсь, все правда. Этот человек не притворялся.

Грэвитер. А как будем с Дэнси?

Твисден. Можете вы это понять, чтобы джентльмен...

Грэвитер. Не знаю, сэр, не знаю. Все эти традиции — война порядком их расшатала. Я сам сколько раз видел. А у некоторых вообще отсутствует моральное чувство. У меня с самого начала были сомнения.

Твисден. Мы не можем дальше вести этот процесс.

Грэвитер. Фью-ю-ю!.. *(После молчания.)* Жестко, сэр. Это будет страшный удар для его жены.

Твисден. Да.

Грэвитер *(притрагивается к конверту)*. Ведь это по чистой случайности попало к нам. Этот итальянец не станет болтать: слишком напуган.

Твисден. Джильмен...

Грэвитер. Слишком бережет свою репутацию. Если вернуть Де Левису эти банкноты и все остальные деньги — анонимно?

Твисден. Но процесс, Грэвитер, процесс!

Грэвитер. На мой взгляд, это мало что прибавляет к тому, что я уже и раньше думал.

Твисден. Думать — это одно, знать — другое. Есть еще такая вещь, как профессиональная этика. Мы с вами служим высокому призванию. От добросовестности юриста многое зависит. *(Подходит к камину, как будто тепло может ему помочь.)*

Грэвитер. Вы же понимаете, чем это для него

обернется,— уголовным преследованием. А он нам доверился. Мы взялись блюсти его интересы.

Твисден. Но не против закона.

Грэвитер. Д-да. Конечно. *(Пауза.)* Очень не хотелось бы проигрывать этот процесс. Самим признаться, что мы поддерживали такую темную личность!..

Твисден. Но продолжать нельзя. Ведь, кроме нас, есть еще сэр Фредерик. Придется ему сказать — мы не имеем права оставлять его в неведении. Полное доверие между ведущим дело юристом и выступающим в суде адвокатом — это основа основ нашей профессиональной чести.

Грэвитер. Так что же вы теперь думаете делать, сэр?

Твисден. Немедленно повидаться с Дэнси. Вызовите его к телефону.

Грэвитер *(снимает трубку внутреннего телефона)*. Соедините меня с квартирой капитана Дэнси... Что?.. *(Твисдену.)* Миссис Дэнси здесь, только что пришла. Вот уж поистине легка на помине! Будете с ней говорить, сэр?

Твисден *(после секунды мучительного колебания)*. Придется.

Грэвитер *(в телефон)*. Проводите миссис Дэнси к нам. *(Отворачивается к окну.)*

Клерк вводит Мейбл Дэнси. Она очень бледна. Твисден идет к ней навстречу и пожимает ей руку.

Мейбл. Майор Колфорд увез Ронни в своей машине — на всю ночь. Это хорошо, по-моему, пусть немножко рассеется. А я обещала зайти к вам — на случай, если вы захотите что-нибудь ему передать еще до завтрашнего заседания.

Твисден *(на мгновение растерялся)*. Куда они поехали?

Мейбл. Не знаю. Но утром к десяти он будет дома. Что-нибудь нужно?

Твисден. Да видите ли, я хотел бы поговорить с ним перед заседанием. Пришлите его сюда, как только он вернется.

Мейбл *(прикладывает руку ко лбу)*. Ах, мистер Твисден, когда уже это кончится? У меня так болит голова от этого сидения в судебном зале.

Т в и с д е н. Дорогая миссис Дэнси, совсем вам не нужно завтра приходить в суд. Отдохните дома и почите свою головку.

М е й б л. Вы правда так думаете?

Т в и с д е н. Конечно. Самое лучшее, что вы можете сделать.

Грэвитер поворачивает голову и украдкой смотрит на Мейбл.

М е й б л. Вы считаете, все хорошо идет?

Т в и с д е н. Сегодня шло очень хорошо. Очень.

М е й б л. Мы, наверно, вам ужасно надоели.

Т в и с д е н. Дорогая моя, ведь это наша работа.
(Берет ее руку.)

Лицо Мейбл вдруг передергивается. Она отнимает руку и зажимает ладонью рот.

Ну вот, ну вот! Видите, вам непременно надо отдохнуть.

М е й б л. Я так устала!.. Спасибо вам за все, что вы для нас делаете. Спокойной ночи! Спокойной ночи, мистер Грэвитер.

Г р э в и т е р. Спокойной ночи, миссис Дэнси.

М е й б л уходит.

По-моему, она знает.

Т в и с д е н. Нет, нет! Слепо ему верит. Преданная жена. Бедняжка!

Г р э в и т е р. Это не поколебало вас, сэр? Меня — да.

Т в и с д е н. Нет, нет! Я... я не могу вести этот процесс. Это значило бы нарушить верность. Позвоните в контору сэра Фредерика.

Г р э в и т е р (говорит в телефон и, получив ответ, оглядывается на Твисдена). Да?

Т в и с д е н. Спросите, можно мне сейчас к нему приехать.

Г р э в и т е р (в трубку). Не может ли сэр Фредерик уделить несколько минут мистеру Твисдену, если он сейчас приедет? (Выслушав ответ.) Он уехал на ночь в Брайтон.

Т в и с д е н. Гм!.. Какой отель?

Г р э в и т е р (в трубку). Какой его адрес в Брайтоне? Что?.. (Твисдену.) Отель «Бедфорд».

Т в и с д е н. Я поеду.

Грэвитер (в трубку). Благодарю вас. (Кладет трубку.)

Твисден. Посмотрите, пожалуйста, какие туда есть поезда. И самые ранние обратно.

Грэвитер начинает перелистывать железнодорожный справочник.
Твисден берет со стола визитную карточку Рикардоса.

Пошлите по этому адресу в Путни, проверьте, есть ли у Рикардоса дочь, и вызовите меня по междугородному. А лучше поезжайте сами, Грэвитер. Если встретите дочь, ничего, разумеется, ей не говорите, — придумайте какой-нибудь предлог. (Грэвитер кивает.) Я вернусь пораньше — так, чтобы успеть повидать Дэнси.

Грэвитер. Эх! Жалко!

Твисден. Да. Но верность долгу прежде всего. Какой там ближайший поезд? (Склоняется над справочником.)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната на следующее утро; стоячие часы показывают
10 часов 25 минут.

Молодой клерк вводит Дэнси, чье лицо за эти три месяца стало заметно жестче, как у человека, живущего в постоянном нервном напряжении.

Дэнси. Он хотел меня видеть до заседания.

Молодой клерк. Да, сэр. Мы ждем мистера Твисдена с минуты на минуту. Ему вчера вечером пришлось уехать из города. (Хочет открыть дверь в приемную.)

Дэнси. Вы были на фронте?

Молодой клерк. Да.

Дэнси. Как вы можете это выносить — вот здесь?

Молодой клерк (улыбаясь). По-моему, труднее было вынести там.

Дэнси. Но ведь здесь ничего не происходит — никаких волнений — из года в год. Я бы с ума сошел.

Молодой клерк (застенчиво). Как сказать, сэр, такой, например, процесс, как ваш, — это ведь тоже очень волнует. Кажется, все бы отдал, только бы мы выиграли.

Дэнси (смотрит на него). Но почему? Что это вам?

Молодой клерк. Не знаю, сэр. Это... это как на футболе — хочешь, чтоб победила твоя команда. (*Растворяет дверь в приемную. Воодушевляясь.*) В юридической конторе тоже иной раз видишь занятные вещи.

Дэнси проходит в приемную, а молодой клерк, затворив дверь и обернувшись, видит входящего из правой передней двери мистера Твисдена, спешит ему навстречу, отбирает у него пальто, цилиндр и небольшой саквояж.

Молодой клерк. Капитан Дэнси ждет, сэр. (*Показывает на дверь приемной.*)

Твисден (*поджимает губы, так что они превращаются в узенькую полоску*). Хорошо. Мистер Грэвитер уже пошел в суд?

Молодой клерк. Да, сэр.

Твисден. Оставил что-нибудь для меня?

Молодой клерк. На столе, сэр.

Твисден (*берет со стола конверт*). Благодарю вас.

Клерк уходит.

(*Твисден вскрывает конверт и читает.*) «Все подтвердилось». Гм! (*Прячет записку в карман, вынимает из другого конверта обе банкноты, кладет на стол, прикрывает листком промокательной бумаги; стоит минуту, готовясь к разговору, затем идет к двери в приемную, открывает ее и говорит.*) Прощу, капитан Дэнси. Извините, что заставил вас ждать.

Дэнси (*входя*). Уинзор вчера приходил ко мне — насчет показаний генерала Кэнинджа. Вы об этом хотели со мной поговорить?

Твисден. Нет. Не об этом.

Дэнси (*смотрит на часы у себя на руке*). По моим уже половина одиннадцатого, сэр.

Твисден. Да. Но вам сегодня не нужно идти в суд.

Дэнси. Не нужно?

Твисден. У меня есть для вас нечто новое. И весьма важное.

Дэнси (*вздрагивает, потом овладевает собой*). А!..

Твисден. Вот эти две банкноты. (*Снимает промокательную бумагу.*) Вчера после суда к нам пришел че-

ловек по фамилии Рикардос. *(Пауза.)* Надо еще что-нибудь объяснять?

Дэнси *(с застывшим лицом)*. Нет. Дальше что?

Твисден. Наш долг был нам ясен — мы больше не могли вести этот процесс. Я советовался с сэром Фредериком. Он понял... понял, что должен отказаться от дальнейшего ведения дела, и он заявит об этом, как только начнется заседание. Но я хотел обсудить с вами, что вам-то теперь делать.

Дэнси. Очень любезно с вашей стороны — при данных обстоятельствах.

Твисден. Понять я не в силах, могу только предполагать, что это у вас была минута ослепления — этакая сумасшедшая бравада, подкрепленная, быть может, мыслью, что раз вы подарили эту лошадь Де Леви-су, то и на деньги имеете не меньше прав, чем он. *(Жестом останавливает Дэнси, который хочет заговорить.)* Что вы решились на это, чтобы уплатить долг чести этой... девице и чтобы избавить вашу жену от того душевного потрясения, которое она, несомненно, испытала бы, если б Рикардос ей рассказал. Так это было?

Дэнси. В точности.

Твисден. Безумие, капитан Дэнси, безумие!.. Но сейчас главное — ваша жена. Она, я полагаю, не подозревает?..

Дэнси *(с дергающимся от волнения лицом.)* Нет.

Твисден. Неизвестно, какие результаты будет иметь наш отказ. Полиция ведет следствие. Они могут получить ордер на арест. Деньги можно бы вернуть, судебные издержки оплатить, это все можно как-нибудь уладить. Но вряд ли это спасет положение. И во всяком случае, зачем вам оставаться в Англии? Свое доброе имя вы спасти не можете — его у вас уже нет. Душевное спокойствие вашей жены вы спасти не можете. Если она не захочет с вами расстаться... Захочет она, как вы считаете?

Дэнси. Если в ней есть хоть капля благоразумия.

Твисден. Уезжайте! В Марокко идет война.

Дэнси *(с горькой усмешкой)*. Спасительный Марокко!

Твисден. Так согласны вы сейчас же уехать, а уж я все объясню вашей жене?

Дэнси. Я еще не знаю.

Твисден. Решать надо быстро, чтобы вам успеть на пароход. Разве не было случаев, что человек искупал свое прошлое. С вашим военным опытом...

Дэнси. Есть и другие возможности.

Твисден. Поезжайте на вокзал прямо отсюда. Паспорт у вас, вероятно, есть. Для Франции визы не нужно, а там как-нибудь проберетесь. Деньги у вас есть при себе? *(Дэнси кивает.)* А мы постараемся остановить или хотя бы задержать судебное преследование.

Дэнси. Вы очень добры... больше, чем я заслуживаю. *(С трудом.)* Но я должен подумать о жене. Дайте мне пять минут.

Твисден. Да, да, хорошо. Идите туда и подумайте. *(Подходит к двери в приемную и растворяет ее.)*

Дэнси проходит мимо него в приемную. Твисден звонит в звонок и стоит, ожидая.

Молодой клерк *(входя)*. Да, сэр?

Твисден. Скажите там, чтобы вызвали такси.

Клерк *(вид у него растерянный)*. Слушаю, сэр. Мистер Грэвитер вернулся, сэр, и с ним генерал Кэниндж. Вы не заняты?

Твисден. Нет.

Клерк уходит, почти тотчас входят Грэвитер и Кэниндж.

Доброе утро, генерал. *(Грэвитеру.)* Ну?

Грэвитер. Сэр Фредерик сейчас же встал и заявил, что после того, как были опубликованы номера этих банкнот, к нему поступили сведения, которые вынуждают его отказаться от дальнейшего ведения дела. Всеобщая сенсация, как вы понимаете. Я оставил там Бромли. Вердикт будет в пользу ответчика. Вы сказали Дэнси?

Твисден. Да. Он там, решает, что ему делать.

Кэниндж *(он мрачен и раздосадован)*. Ужасно, Твисден. Я все время этого боялся. Офицер! И еще такой доблестный! Что на него нашло?

Твисден. Человек — сложная вещь, генерал.

Грэвитер. В газетах каждый день еще и не о таком читаешь.

Кэниндж. И эта бедная девочка — его жена! Уинзор просил передать вам, Твисден, если срочно понадо-

бятся деньги, чтобы замять дело, берите с его счета. Я что-нибудь могу сделать?

Твисден. Я посоветовал ему прямо отсюда уехать в Марокко.

Кэниндж. Гм! Психиатрическая больница — вот, пожалуй, для него самое подходящее место. Он временами, очевидно, бывает невменяем. Такой прыжок — сумасшествие! Если б присяжные видели эти балконы — они бы на одном этом основании его оправдали. Я их рассмотрел в прошлое воскресенье, когда был у Уинзора. Отчаянная смелость, Твисден! Мало кто ночью, в темноте... Он дважды рисковал жизнью. Хитер, этот Де Левис,— понял его характер.

Входит молодой клерк.

Клерк. Такси у подъезда, сэр. К вам майор Колфорд и мисс Орм, вы их примете?

Твисден. Грэвитер... Нет. Просите их сюда.

Клерк уходит.

Кэниндж. Колфорд в ярости.

Входят Маргарет Орм и Колфорд.

Колфорд (большими шагами выходит вперед). Тут какая-то ошибка, мистер Твисден.

Твисден. Тссс! Там Дэнси. Он признался.

Все тотчас понижают голос.

Колфорд. Что?.. (С болью.) Будь это мой родной брат... и то бы не так горько. Но все равно... к черту! Этот адвокат — какое право он имел все бросить и даже ему не сказать? Утром я ехал с Дэнси, он ничего не знал.

Твисден (холодно). К сожалению, это было неизбежно.

Колфорд. Виновен или нет, вы должны были стоять за него. Это нечестно, мистер Твисден!

Твисден. Разрешите мне самому судить, в чем был мой долг при столь трудных обстоятельствах.

Колфорд. Я думал, своему юристу можно все-таки довериться.

Кэниндж. Колфорд, вы не понимаете их профессионального этикета.

Колфорд. И не дай бог понять!

Твисден. Когда вы столько лет прослужите на своем посту, как я на своем, майор Колфорд, вы будете знать, что верность своему призванию важнее верности другу или клиенту.

Колфорд. Да, но я служу родине!

Твисден. А я служу закону, сэр.

Кэниндж. Грэвитер, дайте мне листок бумаги. Я напишу ему рекомендательное письмо.

Маргарет (*подходит к Твисдену.*) Дорогой мистер Джекоб, заплатите Де Левису. Вы знаете мои жемчуга — отдайте их опять в ломбард. Не допускайте, чтобы Ронни...

Твисден. Дело не в деньгах, Маргарет.

Маргарет. Это невозможно. Просто невыносимо!

Колфорд. Пойду пожму ему руку. (*Направляется к двери в приемную.*)

Твисден. Подождите! Мы хотим, чтобы он прямо отсюда уехал в Марокко. Не надо его волновать. (*Обращаясь к Колфорду и Маргарет.*) Вам обоим, я думаю, лучше уйти. А вы, Маргарет, не могли бы вы немного позже зайти к миссис Дэнси...

Колфорд. Бедная маленькая Мейбл Дэнси! Вот для кого горе — подумать страшно!

Они не заметили, что Дэнси за их спиной вышел из приемной.

Дэнси. Да.

Все в испуге оборачиваются.

Колфорд (*делает судорожное движение к нему*). Дружище!

Дэнси. Ни к чему, Колфорд. (*Обводит всех взглядом.*) Ах! Убирайтесь! Не терплю жалости. Дайте вздохнуть свободно.

Твисден машет рукой Колфорду и Маргарет, и, пока он оборачивается к Дэнси, они выходят. Грэвитер тоже направляется к двери. Генерал сидит неподвижно. Грэвитер выходит.

Твисден. Так как же?

Дэнси. Пойду домой — я должен сам объяснить жене. Генерал Кэниндж, не знаю, зачем я сделал эту идиотскую глупость, но вот сделал, и все.

Кэниндж. Дэнси, ради чести армии постарайтесь избежать дальнейшего позора, если это возможно. Я тут написал письмо одному моему приятелю в испанском военном министерстве. Он устроит вам назначение в их экспедиционные войска. (*Заклеивает конверт.*)

Дэнси. Благодарю, вы очень любезны. Не знаю, смогу ли этим воспользоваться.

Кэниндж протягивает руку с письмом, Твисден передает его Дэнси, тот берет. Дверь из конторы вновь растворяется — входит Грэвитер.

Твисден. В чем дело?

Грэвитер. Пришел Де Левис.

Твисден. Де Левис?.. Я не могу его принять.

Дэнси. Впустите!

Твисден мгновение колеблется, потом кивает, Грэвитер уходит. Все трое ждут молча, не отрывая взгляда от двери; генерал сидит за столом. Твисден стоит возле своего кресла, Дэнси — между ним и левой дверью. Входит Де Левис, затворяет за собой дверь. Направляется к Твисдену, но вдруг замечает Дэнси и останавливается.

Твисден. Вы хотели меня видеть?

Де Левис (*облизывает губы*). Да. Я пришел сказать — я слышал — боюсь, там готовят ордер на арест. Я хотел, чтоб вы знали: я тут ни при чем. Не стану это поддерживать. Я удовлетворен. И денег этих мне не нужно, даже судебных издержек. Дэнси, вы меня поняли?

Дэнси не отвечает, только смотрит на него с мертвенно бледным лицом, на котором живы одни глаза.

Твисден. Мы очень обязаны вам, сэр. Вы очень добры, что нас предупредили.

Де Левис (*с какой-то вызывающей гордостью*). Не поймите меня превратно. Я это не из христианского милосердия — я еврей. Денег никаких не возьму, даже тех, что были украдены. Отдайте на благотворительность. Я доказал свою правоту. И теперь я покончил с этим проклятым делом. Прощайте!

Коротко кланяется Кэнинджу и Твисдену и поворачивается к Дэнси, который за все это время не шевельнулся. Оба стоят, глядя друг на друга, потом Де Левис пожимает плечами и выходит. После его ухода наступает молчание.

Кэниндж (отрывисто). Дэнси! Вы слышали, что он сказал? Времени терять нельзя.

Но Дэнси не трогается с места.

Твисден. Капитан Дэнси?

Не поворачивая головы, ни на кого не глядя, медленно, как во сне, Дэнси проходит через комнату и исчезает за дверью.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Несколькими минутами позже. Гостиная и квартира Дэнси. Мейбл Дэнси сидит одна на диване с газетой на коленях; она только что встала, держит в руке флакон с нюхательной солью. Еще две-три газеты брошены на ручку дивана. Мейбл роняет на пол ту, которую читала, берет другую, как будто не может удержаться, чтобы не читать, роняет и эту, сидит, глядя перед собой, нюхает соль. Дверь из передней отворяется, входит Дэнси.

Мейбл (в изумлении). Ронни! Что? Я нужна в суде?

Дэнси. Нет.

Мейбл. А что же? Почему ты вернулся?

Дэнси. Лопнуло.

Мейбл (недоумевает). То есть как? Что лопнуло?

Дэнси. Процесс. Они нашли вора — по этим банкнотам.

Мейбл. О! (Смотрит ему в лицо.) Кого?

Дэнси. Меня.

Мейбл (после минутного, исполненного ужаса молчания). Нет! Ронни! Ах!.. Нет!.. Не надо... (Прячет лицо в диванных подушках.)

Дэнси стоит, глядя на нее.

Дэнси. Жаль, что ты не захотела уехать в Африку три месяца назад.

Мейбл. Зачем ты тогда мне не сказал? Я бы уехала.

Дэнси. Ты хотела этого процесса. Ну вот, он провалился.

Мейбл. Ах! Зачем я тогда не призналась самой себе! Но я не могла. Я так хотела верить!..

Дэнси. А теперь уже не можешь. Это конец, Мейбл.
Мейбл (*поднимает к нему глаза*). Нет.

Дэнси внезапно падает на колени и хватает ее руку.

Дэнси. Прости меня!

Мейбл (*кладет руку ему на голову*). Да... Ронни... Да. Конечно. Мне кажется, я давно знала. Только... зачем? Что тебя заставило?

Дэнси (*встает и говорит с перерывами*). Дикий поступок, конечно. Но в конце концов — черт!.. — я только ограбил грабителя. Деньги были столько же мои, как и его. Порядочный человек предложил бы мне половину. Ты не видела, как этот наглец посматривал на меня за обедом, как будто говорил: «Эх ты, дурень несчастный!» Я разозлился. А этот прыжок был ничего себе — два раза подряд! Похлеще, чем на войне. (*Жестко.*) Я все-таки получил удовольствие в тот вечер.

Мейбл. Но деньги! Оставить их себе!

Дэнси (*угрюмо*). Да. Но мне надо было уплатить долг.

Мейбл. Женщине?

Дэнси. Долг чести. Откладывать было нельзя.

Мейбл. Тут женщина! Я знаю! Ронни, не лги мне больше.

Дэнси (*мрачно*). Ну, верно. Я не хотел, чтобы ты знала. Пообещал им тысячу. А утром в этот самый день получил письмо от ее отца — с угрозами, что он расскажет тебе. Но все-таки, если б этот прохвост не стал язвить насчет фокусов в гостиных!.. Но к чему все это теперь? (*Угрюмо.*) Так что вот. Будем надеяться, это излечит тебя от любви ко мне. Забудь меня, Меб, я никогда не был тебя достоин, а теперь я конченный человек.

Мейбл. Эта женщина... с тех пор — ты?..

Дэнси (*горячо*). Нет! Ты ее вытеснила. Но если бы ты знала, что я бросил другую ради тебя, ты никогда бы за меня не вышла. (*Отходит к камину.*)

Мейбл тоже встает. Прижав руки к вискам, она вслепую делает несколько шагов по комнате, заходит за диван, опускает руки, стоит, глядя прямо перед собой.

Мейбл (*холодно*). Что, собственно, произошло?

Дэнси. Сэр Фредерик отказался вести дело. Я видел Твисдена. Они хотят, чтобы я бежал в Марокко.

Мейбл. На войну?

Дэнси. Да. Уже есть ордер на мой арест.

Мейбл. Суд?.. Тюрьма?.. О! Уезжай! Не теряй ни минуты!

Дэнси. Да пропади они все пропадом!

Мейбл. Ронни! Прошу тебя! Ради бога! Сообрази, что тебе взять. Я уложу. Скорей! Нет! Не задерживайся. Деньги у тебя есть?

Дэнси (кивает). Значит, расстаемся?.. Навсегда?..

Мейбл (после мгновения внутренней борьбы). Ох!.. Нет. Нет, нет! Я следом за тобой. Я приеду к тебе туда.

Дэнси. Это правда? Ты меня не бросишь?

Мейбл. Никогда я тебя не брошу.

Дэнси хватается ее руку и прижимает к губам. Слышен звонок.

(Мейбл в страхе.) Кто это?

Опять звонок. Дэнси делает шаг к двери.

Мейбл. Нет! Подожди. Я посмотрю.

Проходит мимо него и, прокравшись на цыпочках в переднюю, прислушивается у наружной двери. Снова звонок. Она смотрит в проrez над ящиком для писем. Все это время Дэнси стоит неподвижно. Мейбл возвращается.

Сквозь щелку — в ящике для писем... я видела. Это полиция! О! Боже мой!.. Ронни! Что делать?.. Я не могу...

Дэнси. Голову выше, Меб! Не показывай этим скотам!

Мейбл. Что бы ни случилось, я не перестану тебя любить. Если тюрьма — я буду ждать. Ты понял, что я говорю? Мне все равно, что бы ты ни сделал, — мне все равно! Я все та же. И буду все та же, когда ты ко мне вернешься.

Дэнси (медленно). Это свыше сил человеческих, Меб. Никто так не может.

Мейбл. Не свыше моих. Я могу.

Дэнси. Я разбил твою жизнь.

Мейбл. Нет, нет! Поцелуй меня!

Долгий поцелуй, прерванный новым звонком. Громкий стук в дверь.

Дэнси. Они взломают дверь. Придется открыть. Задержи их немного. Мне нужно две-три минуты.

Мейбл (*судорожно его обнимает*). Ронни! О! Ронни! Это ненадолго, я буду ждать! Я буду ждать, клянусь тебе!

Дэнси. Спокойно, Меб! (*Мягко отстраняет ее.*) Ну! Иди.

Отворяет дверь в спальню и стоит, ожидая, пока она пройдет. Собрав все свое мужество, Мейбл идет к наружной двери. Лицо Дэнси внезапно искажается — до сих пор оно было каменно неподвижным, теперь это лицо безумца.

(*Дэнси про себя.*) Нет! Нет! Ни за что! Нет! (*Уходит в спальню и затворяет за собой дверь.*)

Теперь Мейбл уже открыла дверь и видит перед собой инспектора Дийда и молодого полицейского, который был с ним в Мелдон Кorte в ночь кражи, а после выступал в суде в качестве свидетеля. Из передней доносятся их голоса.

Мейбл. Что вам угодно?

Инспектор. Капитан Дэнси здесь, сударыня?

Мейбл. Не знаю. Кажется, ушел.

Инспектор. Мне нужно с ним поговорить. Всего несколько слов. Стойте тут, Гровер. Так что ж он, дома или нет?

Мейбл. Зайдите, пожалуйста, сюда, я посмотрю.

Входит в гостиную, за ней инспектор.

Инспектор. Странно, что вы не знаете. Квартира небольшая.

Мейбл. Он как раз переодевался перед уходом. Наверно, уже ушел.

Инспектор. Это куда дверь?

Мейбл. К нам в спальню.

Инспектор (*идет к двери*). Ага! Значит, он здесь.

Мейбл. Зачем он вам, инспектор?

Инспектор (*смягчаясь*). Да что уж скрывать, сударыня. Мне очень жаль, но у меня есть ордер на его арест.

Мейбл. Инспектор!

Инспектор. От всей души сочувствую вам, сударыня, но что поделаешь, я должен выполнять приказ.

Мейбл. И разбить мне сердце?

Инспектор. Не разрешается нам, сударыня, такие вещи в расчет принимать. Закон есть закон.

Мейбл. Вы сами женаты?

Инспектор. Женат.

Мейбл. Если б вы... Если бы ваша жена...

Инспектор протестующе поднимает руку.

(Мейбл, понизив голос.) Всего полчаса! Вы не могли бы?.. Ведь это две жизни — две человеческих жизни! Мы только четыре месяца как поженились. Приходите через полчаса. Это такая малость — никто не узнает. Никто! Вы сделаете?..

Инспектор. Сударыня, вы же должны понять — мой долг!

Мейбл. Инспектор, умоляю вас, всего полчаса!

Инспектор. Нет, нет, не старайтесь меня уговорить... Мне вас здорово жалко, но не выйдет! (Дергает ручку, потом стучит в дверь.)

Голос Дэнси. Сейчас. Одну минуту.

Инспектор. Заперто. (Резко.) Там есть другой выход — из этой комнаты? Ну? Без уверток!

Слышен звонок. Инспектор спешит к двери в переднюю. Говорит полицейскому.

Кто там еще?

Полицейский. Дама и джентльмен, сэр.

Инспектор. Какая еще дама и... Не пускать, Гровер!

Голос Дэнси. Готово! Можете теперь входить.

Слышно, как ключ поворачивается в замке. И почти тотчас раздается выстрел. Мейбл бросается к двери, распахивает ее настежь, вбегает в спальню, инспектор тоже. Одновременно из передней появляются Колфорд и Маргарет Орм и пытающийся их остановить полицейский. Все бегут в спальню и на мгновение скрываются. Затем оттуда выходят Колфорд и Маргарет, поддерживая Мейбл, которая лишается чувств, пока они подводят ее к дивану. Колфорд берет конверт, зажатый у нее в руке, и вскрывает его.

Колфорд. Адресовано мне. (Нагнувшись к Маргарет, тихо читает ей вслух.) «Дорогой Колфорд, это единственный достойный выход. Я страшно виноват перед ней. А это всего лишь еще один прыжок. Пистолет —

верный помощник. Позаботься о ней, Колфорд, и дай бог счастья вам обоим».

У Маргарет вырывается сдавленное рыдание. Потом, увидав флакон с нюхательной солью, она хватает его и пытается привести Мейбл в чувство.

Колфорд. Оставьте ее! Чем дольше она будет без сознания, тем лучше.

Инспектор (*возвращаясь*). Это очень серьезное дело, сэр.

Колфорд (*сурово*). Да, инспектор. Вы убили моего лучшего друга.

Инспектор. Я, сэр? Он сам застрелился.

Колфорд. Харакири.

Инспектор. Что? Не понимаю.

Колфорд (*указывая письмом на Мейбл*). Ради нее и ради самого себя.

Инспектор (*протягивая руку к письму*). Это мне понадобится.

Колфорд (*жестко*). Вам прочитают на следствии. А до тех пор оно адресовано мне и у меня останется.

Инспектор. Хорошо, пусть так. Вы не хотите взглянуть на него?

Колфорд быстро проходит в спальню вместе с инспектором. Маргарет по-прежнему стоит на коленях возле Мейбл. Колфорд возвращается. Маргарет поднимает к нему глаза. Он останавливается возле дивана.

Колфорд. Аккуратно — прямо в сердце.

Маргарет (*истерически*). Верный помощник!.. Мы все были верны. Но этого недостаточно.

Колфорд (*глядя на Мейбл*). Все исполню, друг!

Занавес

1922 г.

ДЕБРИ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Т р е г е й, военный корреспондент.

Э д р и е н Б а с т е й п л, финансист.

Ф а р р е л, его доверенный агент.

Ч а р л з С т э н ф о р т, редактор либеральной газеты.

Л о р д Э л д е р л и, пэр Англии, нон-конформист.

П о у л Р и в е р с, чиновник министерства иностранных дел.

Р о б е р т Б и т о н, политический деятель, один из «строителей империи».

Б а р о н З и м б о ш, бельгиец.

С э м у э й, охотник на слонсв.

Д ж о н С т р у д, путешественник.

Х э р р и к, ученый-натуралист.

Капитан Локьер
Доктор Фрэнкс
Джеймс Колли

} участники экспедиции Струда.

А м и н а, туземная девушка, по отцу арабка, по матери негритянка.

С а м е д, ее брат.

З а д и г, слуга Струда, бербериец.

М а х м у д, сержант суданского корпуса.

С о л д а т ы суданского корпуса, н е г р ы - н о с и л ь щ и к и, т у - з е м ц ы - д и к а р и.

Время действия — конец XIX века.

Действие первое.— Кабинет Бастейпла в лондонском Сити.

Сентябрь 1898 года.

Действие второе.

Картина первая.— Хижина Сэмуэя на берегу озера Альберта.

Октябрь 1898 года.

Картина вторая. Туземная хижина на западном берегу реки Луалабе. Декабрь 1898 года.

Картина третья. Там же. Три днями позже.

Действие третье.

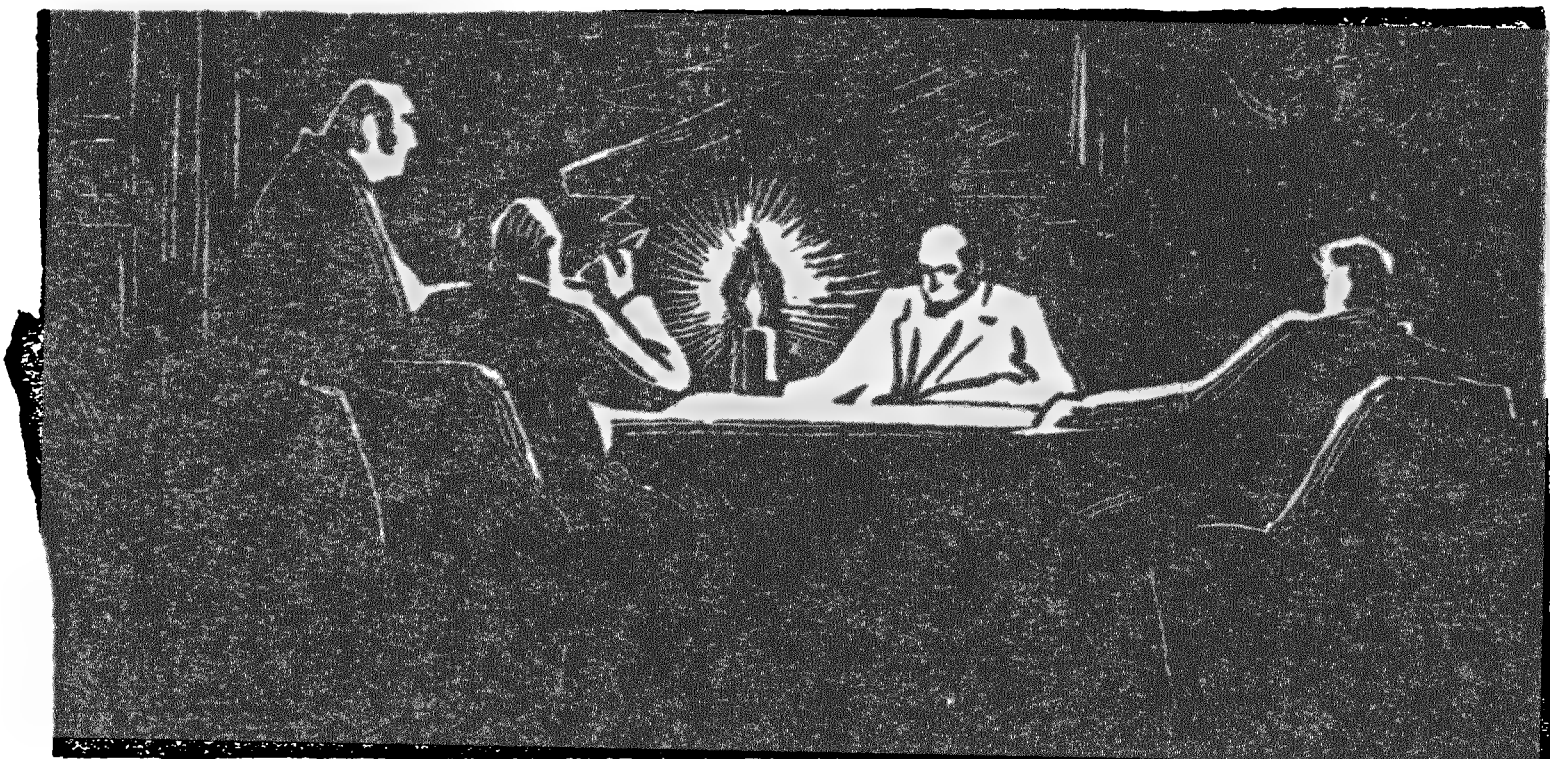
Картина первая. Палатка Локьера в лесу, в четырех переходах от реки Луалабы.

Картина вторая. Прогалина в лесу. На следующий день.

Действие четвертое.

Картина первая. Кабинет Бастейпла. Июнь 1899 года.

Картина вторая. Там же. Четыре дня спустя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет Эдриена Бастейпла в Сити. Это большая комната, обставленная в стиле девяностых годов. Все здесь солидно, комфортно и напоминает скорее гостиную, нежели контору. На большом столе в центре сцены — коробка сигар; рядом с ней, как в табачной лавке, горит спиртовой светильничек для прикуривания сигар. Дверь справа ведет в запретный для посторонних личный кабинет Бастейпла. Дверь слева ведет в приемную. Дверь в глубине — в кабинет Фаррела, доверенного помощника Бастейпла.

В левой части комнаты телефон.

Когда поднимается занавес, Фаррел вводит в кабинет Трегея. Фаррелу лет сорок пять. Это человек сравнительно небольшого роста. Манера обращения мягкая, но в ней ощущается некоторая нервность; живые глаза выдают острый ум. В разговоре время от времени быстро вскидывает глаза на собеседника; по губам часто блуждает чуть заметная улыбка. Трегей — рослый, загорелый мужчина лет сорока. У него русая, коротко подстриженная бородка и шелковистые, слегка вьющиеся волосы. Выражение лица одновременно жизнерадостное и язвительно-насмешливое.

Трегей. Я, кажется, пришел слишком рано, мистер Фаррел? Может быть, вы мне скажете, на кой черт я сюда притащился?

Фаррел. Полагаю, что вам это может оказаться выгодно, мистер Трегей. Садитесь, прошу вас.

Бросается в глаза, что стулья расставлены под углом от глубокого кресла, рядом с которым помещается столик.

Трегей. Вернее сказать — выгодно вашему шефу, Фаррел. *(Переставляет стул и садится на него верхом.)* Если, конечно, нравы вашего лондонского Сити не изменились за то время, пока меня здесь не было.

Фаррел. Нравы Сити? Что вы, сэр! Сити никогда не меняется.

Трегей. Каковы последние сенсации в финансовом мире? Я ведь не видел вас целых три года. С девяносто пятого, кажется? Словом, после этой истории с Матабелелэндом? А как сам Эдриен Бастейпл? Преуспевает, как всегда?

Фаррел *(бросив беспокойный взгляд на дверь личного кабинета Бастейпла)*. О да, сэр, разумеется.

Трегей. Ну-ну! А для чего все-таки заманили меня в львиное логово? М-м?

Фаррел *(снова бросает беспокойный взгляд на дверь)*. Вы долго отсутствовали, мистер Трегей. Где вы были на этот раз? В Китае?

Трегей. И Перу. Самые подходящие места для изучения финансов в действии, пока льется кровь. Советую съездить посмотреть на финансы в цвету — кроваво-красный получается букет.

Фаррел. Вы чересчур суровы к финансистам. Это — неизбежное зло, мистер Трегей, поверьте мне. Вроде... вроде навоза.

Трегей. Неплохо сказано! *(Показывая на стулья.)* Пока они не собрались, вы, может быть, немного проясните мне всю здешнюю механику, как выражаются янки. Что занесло на эту галеру Чарлза Стэнфорта? Сочетание Эдриена Бастейпла и редактора либеральной газеты — это не из тех браков, которые заключаются на небесах. Потомства у них еще не появилось?

Фаррел. Видите ли... кое-что ожидается — сегодня.

Трегей. Что за миленький ублюдок появится на свет! Кто еще должен присутствовать при этом знаменательном событии?

Фаррел бросает на него быстрый взгляд.

Фаррел. Э-э... Лорд Элдерли.

Трегей. Старик Элдерли из Библейской Лиги? О боги! Кто еще в числе восприемников?

Фаррел. Мистер Роберт Битон.

Трегей (задумавшись). Роберт Битон? Библия и Империя? Что ж, правильно. Еще кто?

Фаррел. Мистер Поул Риверс.

Трегей. Министерство иностранных дел!

Фаррел. Но не официально, сэр! Это секретный визит.

Трегей. Еще бы! Ну что же, эта мешанина грозит изрядным несварением желудка. А я, видимо, должен играть роль питьевой соды?

Фаррел. Разве мистер Стэнфорт вам ничего не говорил?

Трегей (покачивая головой). Нет. Я просто получил приглашение прибыть в пять вечера.

Фаррел. Может быть, мне не следовало бы...

Трегей. Выкладывайте, выкладывайте, мистер Фаррел.

Фаррел. Видите ли, сэр, ваше знание Африки и широко известное умение находить выход из самых безнадежных положений...

Трегей. Эдриен Бастейпл и — проигранное дело? Что-то в вашей машине развинтилось!

Фаррел. О нет! Просто мистер Бастейпл всем сердцем желает, чтобы...

Трегей. Ага! Значит, тут пахнет деньгами!

Фаррел. Нет, сэр. Чистейшая благотворительность! (Бросает на него быстрый взгляд.)

Трегей. Теперь я вспоминаю, что его имя попадалось мне в газетах в списках крупных филантропов...

Фаррел. Конечно, сэр. Я сам слежу за этим.

Трегей. А! Чего только вы для него не делаете! Завидное у вас положение, мистер Фаррел. Так кого же он хочет облагодетельствовать на сей раз?

Фаррел. Я уверен, что вам это понравится, сэр. Речь идет о работоторговле.

Трегей. Что?! В Британской империи?

Фаррел (улыбнувшись). О нет, сэр, нет!

Трегей. Где же?

Фаррел. В Конго.

Трегей. Но ведь бельгийцы разогнали работоторговцев еще года два тому назад.

Фаррел. Видите ли... (Бросает на него быстрый взгляд.) Конечно.

Дверь справа открывается.

Вот мистер Бастейпл. Мистер Трегей уже здесь, сэр.

Трегей встает с оседланного им стула, возвращает его в прежнее положение и слегка кланяется вошедшему. Эдриен Бастейпл — человек с широким, плотным торсом и короткой шеей. Его некогда черные волосы приобрели уже стальной оттенок. Смуглое лицо одутловато. Глаза смотрят властно из-под тяжелых, полуопущенных век. На вид ему лет шестьдесят пять. На нем сюртук, темный галстук заколот жемчужной булавкой — по моде девяностых годов. Говорит несколько глуховато и скрипуче.

Бастейпл. Рад познакомиться с вами, мистер Трегей. Фаррел, сигары! Вы курите сигары, мистер Трегей? (Берет коробку из рук Фаррела.) Прошу!

Трегей (берет сигару, закуривает). Благодарю. (Читает надпись на ярлыке и бросает насмешливый взгляд на Бастейпла.) А-а! «Дивинос»!

Фаррел, посмотрев сначала на одного, потом на другого, уходит в свой кабинет.

Бастейпл. Когда вы вернулись?

Трегей. Вчера.

Бастейпл. Поездка была занимательной?

Трегей. Весьма.

Бастейпл. Интересная жизнь у вас, военных корреспондентов.

Трегей. Если смотреть на нее со стороны, мистер Бастейпл.

Бастейпл (пристально поглядев на Трегея). Я читал ваши корреспонденции с большим удовольствием. Особенно о том, как перебили этих... боксеров на реке... Как она называется? Написано с большой силой. Ну, что там в Китае? Пока никакого просвета?

Трегей. Мне кажется, что пока нигде нет «просвета».

Бастейпл. Чем же вы собираетесь теперь заняться?

Трегей. Думаю пошататься немного по Пиккадилли да вернуться в распоряжение наших... архангелов света.

Входит Фаррел.

Фаррел. Лорд Элдерли и мистер Стэнфорт, сэр.

Т р е г е й. Легки на помине!

Л о р д Э л д е р л и — маленький, румяный старичок с седой бородкой и птичьими движениями. Быстро семенит, суетливо вертит головой. Ч а р л з у С т э н ф о р т у лет сорок — сорок пять. Он воплощение элегантности и хороших манер.

Э л д е р л и. Мистер Бастейпл? *(Протягивает руку.)*

С т э н ф о р д. А, Трегей! Значит, вы получили мое письмо? *(Пожимает ему руку.)* Рад, что вы добрались до дому целым и невредимым.

Б а с т е й п л. Господа, прошу садиться. Сигары, Фаррел.

Сам он усаживается в кресло у столика. Остальные тоже садятся. Лорд Элдерли отказывается от сигары, а Стэнфорт закуривает собственную сигарету.

Э л д е р л и. Я надеюсь, Стэнфорт, что сегодня мы окончательно уладим вопрос. Время летит.

Ф а р р е л *(из дверей)*. Мистер Поул Риверс.

П о у л Р и в е р с — высокий подвижный брюнет; в нем есть что-то от денди. Он кланяется Бастейплу, кивает Стэнфорту и лорду Элдерли, с недоумением разглядывает Трегея и, наконец, садится.

(Из дверей.) Мистер Роберт Битон!

На секунду Фаррел задерживается в дверях, внимательно разглядывая собравшееся общество. Затем отступает, пропуская Б и т о н а, человека с огромной головой, посаженной на короткое туловище, и широким, массивным лбом. У него тоже властный взгляд, но это взгляд эпилептика, человека, одержимого видениями. Он занимает место справа от Бастейпла.

Б и т о н. Здравствуйте, милорд. Здравствуйте, Стэнфорт! А, Риверс!

Ф а р р е л удаляется.

Б а с т е й п л *(представляя)*. Мистер Трегей.

Битон наклоняется вперед, устремив на Трегея пристальный взгляд, затем делает любезный жест.

Б и т о н. А! Рад с вами познакомиться, мистер Трегей. Это я подсказал ваше имя мистеру Стэнфорту. Вы ведь знакомы с доктором Фрэнксом?

Т р е г е й. Фрэнксом? Клементом Фрэнксом? Это мой двоюродный брат. Сейчас он в Момбасе.

Битон. Вот именно. Вы знаете, зачем мы здесь собрались?

Трегей. Чтобы осветить положение с работорговлей?

Битон. Именно. Ваш кузен считает, что вы сумеете это сделать.

Стэнфорт. Вопрос касается территорий к востоку от реки Конго, Трегей. Вы там побывали в девяносто четвертом году, если не ошибаюсь?

Трегей кивает.

С тех пор бельгийцы провели две кампании, но мы твердо убеждены, что дело сделано только наполовину.

Элдерли. Что это за места, мистер Трегей?

Трегей. Экваториальные леса, милорд, такие же непроходимые дебри, как лондонское Сити. Лихорадка, людоеды — одним словом, все прелести.

Стэнфорт. Все это верно. Но мы, либералы, чувствуем...

Трегей. ... что пора бросить военный клич?

Стэнфорт кидает на него холодный взгляд.

Элдерли. Мистер Битон, вы упоминали, что у вас есть нужный нам человек. Он готов действовать?

Битон. Он ждет в Момбасе нашего сигнала. Его зовут Джон Струд.

Риверс. Струд. Гм!

Стэнфорт. Не тот ли это Струд, который открыл...

Риверс. Это не слишком благоуханная история, Битон.

Битон. Зато он самый подходящий человек для нашего дела. Мы собрались не в бирюльки играть. Сейчас нам гораздо важнее знать, разрешит ли ему министерство иностранных дел пересечь Уганду. Вот чего мы ждем от вас, Риверс.

Риверс (Трегею). Откуда ему легче всего добратся до района действия работорговцев?

Трегей. С южной стороны озера Альберта

Битон. То же писал мне и сам Струд.

Риверс. Надеюсь, это останется между нами? (Оглядывается собравшихся.)

Все кивают.

Положение в Уганде все еще очень тревожно, но я не

думаю, чтобы наши власти стали препятствовать разведывательной экспедиции, снаряжаемой со столь благородной целью. Однако необходимо соблюдать предосторожности. Не то хлопот не оберешься.

Элдерли. Битон, вы сумеете... Ну, как это теперь говорят... вправить ему мозги?

Битон кивает.

Прекрасно! Далее. О необходимых средствах. Наша Лига внесет тысячу фунтов стерлингов. Сколько даст ваша газета, Стэнфорт?

Стэнфорт. Две тысячи.

Элдерли. Боюсь, что трех тысяч будет мало.

Битон. Спросим мистера Трегея. Во сколько может обойтись экспедиция, отправляющаяся от озера Альберта, цель которой — обследовать всю территорию между озерами и Верхним Конго, иначе, рекой Луалабой? Так ведь, кажется?

Трегей (кивает). Территорию, равную по размерам всей Испании.

Битон. Так что же вы скажете?

Трегей. Меньше, чем десятью тысячами, не обойтись.

Элдерли. Бог ты мой! Десять тысяч! Впрочем, для такого благородного дела... (Смотрит на Битона.)

Битон. Защитники идеалов империи внесут три тысячи. Что скажут наши финансисты? (Поворачивается к Бастейплу.)

Бастейпл (вынимая сигару изо рта). Господа, я пригласил вас сюда по предложению мистера Битона. Заранее прошу простить меня за откровенность. (Продолжая говорить, смотрит главным образом на Трегея.) Считается, что финансисты никогда ничего не делают без выгоды для себя. Согласимся, что это так. Все мы хотим чего-нибудь добиться или кого-нибудь добить. Лорд Элдерли старается добить дьявола. Мистер Стэнфорт — консерваторов.

Стэнфорт. И разницы тут нет никакой!

Бастейпл. Мистер Риверс добивается преимущества перед соседними с нами государствами. А мистер Битон — осуществления своей мечты. Остается сказать о

себе. Что ж, господа, мне хотелось бы добиться славы. И ради этого я вношу... десять тысяч фунтов.

На мгновение воцаряется тишина.

Трегей (*вынимая сигару изо рта*). Бра-во!

Элдерли. Вы очень щедры, сэр. Необычайно щедры. Может быть, вы все-таки оформите это письменно?

Бастейпл. Рад видеть, что и религии не чужд деловой подход к вещам, милорд.

Элдерли. Чему не научит горький опыт, мистер Бастейпл. Ну, как говорится, гора с плеч. Теперь можно действовать.

Стэнфорт. Как насчет кандидатуры Струда? Принимаем?

Риверс. Сделав ему соответствующее внушение.

Битон. Непременно.

Риверс. Следовательно, вы хотите, чтобы мы телеграфировали в Момбасу и разрешили выдать Струду пропуск на переход через Уганду к озеру Альберта?

Битон. Именно.

Элдерли. Не согласится ли мистер Трегей присоединиться к экспедиции? Никакое другое перо не сумеет лучше донести до сознания английских читателей то, что требуется.

Трегей. Что же, по-вашему, требуется донести до их сознания, милорд?

Элдерли. Только правду, дражайший мистер Трегей.

Трегей. Скажите, Стэнфорт, захочет ли ваша газета платить две тысячи фунтов за то, чтобы я писал «только правду»?

Стэнфорт. Я вас не понимаю.

Трегей. Ну, предположим, что бельгийцы по-настоящему борются с работорговлей...

Стэнфорт. Конечно, мы не должны допускать несправедливых выпадов по отношению к бельгийцам, но то, что они упорно не хотят замечать работорговлю...

Трегей. С одной стороны, конечно, но с другой стороны, тем не менее... Понятно. Подлинный либерализм!

Стэнфорт снова обращает на Трегея ледяной взгляд.

Битон (*Трегею*). Вы знакомы со Струдом?

Трегей кивает.

Что вы скажете о нем?

Трегей. Хватка у него железная. Но в отличие от Стэнли он не умеет обращаться с туземцами.

Битон. Ну, Стэнли — это... Стэнли! Так что же? Можно дать Струду сигнал? (*Встает.*)

Остальные следуют его примеру.

Я протелеграфирую ему подробные инструкции. Значит, счета по экспедиции можно отсылать в ваш банк, мистер Бастейпл?

Бастейпл кивает. Собравшиеся прощаются с Бастейплом и постепенно расходятся.

Мистер Трегей, не оставите ли вы мне свой адрес?

Трегей (*вручает ему визитную карточку, затем подходит к Бастейплу и говорит вполголоса*). До свидания, мистер Бастейпл! Вы сегодня сделали прекрасное капиталовложение!

Бастейпл пытливо смотрит на него. Трегей выходит вслед за остальными.

Битон (*возвращается от двери*). Вот и все, Бастейпл!

Бастейпл снова усаживается у столика.

Мы хорошо обошли их по кривой.

Бастейпл. Это длинный и дорогостоящий путь, мистер Битон.

Битон. Ничего не поделаешь. Наш план использования труда китайских кули — единственный способ быстро поднять экономику Южной Африки. А эти моралисты обязательно набросятся на нас, если не сунуть им в зубы возможность заняться грехами соседей. И слава богу, что они сами подняли шум из-за работорговли! Старик Элдерли со своей душеспасительной ерундой, а вслед за ним и Стэнфорт со своими безукоризненными принципами! Да, Бастейпл, у меня есть своя мечта. Помните Стэнли — он писал, что экваториальный лес напоминает ему Лондон. Все кишит, все рвется вперед, выше! И это просто-напросто борьба за существование, это буйство жизни, не имеющей иной цели и смысла, кроме борьбы за пищу, свет и воздух. (*Расхаживает по*

комнате.) Когда-то я, как и Стэнли, в утренние часы наблюдал за человеческим муравейником и видел двуногих муравьев, расползающихся через мосты по окончании работы — бледных, изможденных, сутулых карликов. Жуткая, отвратительная картина! (*Останавливается.*) Черт возьми, Бастейпл, увидав такой кошмар наяву, поневоле будешь искать спасения в мечте. А тут — огромные пространства Южной Африки, Канады, Австралии, которые ждут населения — белого населения! И люди там смогут жить по-человечески, а не по-скотски. А вы представляете себе, какой вой подняли бы все эти Стэнфорты и Элдерли и им подобные, узнай они мой план использовать труд кули? Нет, хорошо, что мы сбили их со следа и натравили на работоторговцев.

Бастейпл. Когда у вас назначено общее собрание акционеров южноафриканских концессий?

Битон. В июле будущего года. У нас в запасе еще десять месяцев. Струд успеет, если его поторопить. Эта кампания по разоблачению работоторговцев будет как раз в полном разгаре.

Бастейпл. Придержите отчет Струда о работоторговле, а накануне собрания перешлите его во все редакции, чтобы утром он появился в газетах. Если он окажется достаточно сенсационен, план использования кули будет принят и никто ничего не тявкнет против.

Битон. Совершенно верно, Бастейпл, совершенно верно. (*Снова погружаясь в мечты.*) Там эти сотни тысяч жалких горемык обретут настоящую жизнь.

Бастейпл (*внимательно разглядывая его*). Вы умрете великим человеком, мистер Битон.

Битон. Взгляните на Англию, Бастейпл, и сравните: «Самое уродливое в природе тропического леса — это наблюдаемый на любой открытой поляне жадный порыв к небу... грохот этого порыва, его ожесточенный, беспощадный лязг и топот». То, что писал Стэнли об экваториальных лесах, полностью применимо к дебрям наших больших городов. (*Замечает появившуюся на лице Бастейпла усмешку.*) Э! Для вас это пустой звук, так ведь? Я же знаю! И ваши собственные разговоры о славе тоже, не правда ли? Важно заполучить китайских кули — и акции всех наших компаний сразу взлетят, сэр. И ух как высоко!

Бастейпл. Наш приятель Трегей...

Битон. Да?

Бастейпл (*покачивая головой*). ...должен остаться здесь. У него слишком длинный нос.

Битон. Гм! Но остальным, по-видимому, очень хочется, чтобы он участвовал в экспедиции.

Бастейпл. Предоставьте это мне. В переписке со Струдом вы пользуетесь шифром?

Битон кивает.

И вы вполне доверяете Струду?

Битон. Конечно.

Бастейпл. Он тоже сторонник... э... имперских идеалов?

Битон. О да!

Бастейпл. В таком случае телеграфируйте ему, чтобы он не стеснялся с бельгийцами. Пусть наступает им на любые мозоли. Чем больше шума, тем лучше. Если нужно отвлечь внимание от собственных грехов, самое лучшее — это вопить на каждом углу о грехах своих ближних.

Битон (*рассмеявшись*). Для меня понятие греха не существует.

Бастейпл. А для кого оно существует? Я сам протелеграфирую в банк Момбасы, чтобы они открыли кредит Струду. Если мы хотим быстрых действий, то денег жалеть не приходится. (*Пишет, затем переводит взгляд на Битона.*) Мистер Битон, меня очень заинтересовали ваши взгляды. Борьба за существование! Значит, вы считаете, что мы можем внести исправления в законы природы?

Битон. Я хорошо помню свое детство в Глазго, Бастейпл. Нас у родителей было шестеро ребят. Отец умер, оставив нас без гроша, а городские дебри там не менее страшны, чем здесь, в Лондоне. Пришлось и мне вооружиться маленьким топориком и прорубать себе тропинку в чаще, — всем нам пришлось. Но сколько страданий мы перенесли! Почти до сорока лет я только и делал, что выполнял чужие указания. А это меня совсем не устраивало. Пищи мне хватало, но света и воздуха — нет. Теперь-то я уже пробился на самый верх, на солнышко. Но я ничего не забыл. И я хочу спасти тысячи мальчишек,

таких, каким был сам,—хочу, чтобы они узнали, что такое настоящая жизнь. А у вас какое было детство?

Бастейпл. У меня его не было. (*Медленно выпускает изо рта кольца дыма.*)

Битон. А! Чувствуется, что у вас интересное прошлое. Вы человек, окруженный тайной. Ну что ж, надо идти зашифровать телеграмму Струду. Вот адрес Трегея. (*Передает Бастейплу визитную карточку.*) Я вас не благодарю. Это в такой же степени в ваших интересах, как и в моих. Без ввоза кули акции не подымутся. Спокойной ночи!

Бастейпл (*протягивает ему руку*). Не хотите ли сигару?

Битон. Нет, благодарю. (*Пожимает протянутую руку и выходит.*)

Бастейпл глубже погружается в кресло и задумывается. В глазах и на губах легкая улыбка. Звонит в колокольчик, стоящий на круглом столике. Входит Фаррел.

Бастейпл. Сколько у меня акций во всех южноафриканских концессиях, вместе взятых?

Фаррел. Триста пятьдесят семь тысяч, сэр.

Бастейпл. А в переводе на деньги?..

Фаррел. На сумму в триста двенадцать тысяч фунтов.

Бастейпл. Сколько из этих акций записано непосредственно на мое имя?

Фаррел. Около ста тысяч, сэр. Остальные на подставных лиц.

Бастейпл. Нужно все перевести на подставных, Фаррел, за исключением двадцати тысяч. Проведите эту операцию незаметно и до рождества.

Фаррел. Слушаюсь, сэр.

Бастейпл. Барон Зимбош еще здесь?

Фаррел. Ждет в приемной, сэр.

Бастейпл (*кивнув*). Пригласите его.

Фаррел (*идет к двери слева и, отворив ее, говорит*). Будьте добры, барон, попрошу вас пройти сюда.

Входит барон Зимбош. Это представительный мужчина с раздвоенной каштановой бородой и жесткими волосами. Он в сюртуке, в руке цилиндр. Фаррел закрывает дверь и удаляется в свой кабинет.

Б а с т е й п л. Добрый вечер, барон.

З и м б о ш (говорит с легким иностранным акцентом).
Добрый вечер, мистер Бастейпл.

Б а с т е й п л. Какие у вас для меня новости?

З и м б о ш (пожав плечами). Еще слишком рано, чтобы сказать что-нибудь определенное. Но доктор Лейдс не сидит без дела, можете быть уверены. Нет, он не сидит без дела.

Б а с т е й п л. Ну, и что же отсюда следует?

З и м б о ш (понизив голос). Война, мистер Бастейпл, война!

Б а с т е й п л. Фью! Далековато хватили!

З и м б о ш. Вы полагаете? Доктор Лейдс поддерживает в Крюгере убеждение, что Европа сочувствует бурам. Эти голландцы обведут его вокруг пальца. Дядюшка Пауль Крюгер... они вертят, как хотят, этим упрямым стариком. И они, голландцы, хотят войны. А Маюба, мистер Бастейпл? Англичане не забыли этого своего поражения и не забудут, пока не возьмут реванша. А английские поселенцы в бурских республиках? Разве они смогут добиться чего-либо от Пауля Крюгера? Навряд ли. Примерно через год ждите войны, мистер Бастейпл, ручаюсь головой.

Б а с т е й п л. Старик Крюгер для этого слишком хитер. Как, по-вашему, барон, могут буры выиграть такую войну?

З и м б о ш. Мистер Бастейпл, англичанин поглощает слишком много тумана и жирного йоркширского пудинга,— это мешает ему сразу разглядеть врага. Ему нужно время, чтобы раскачаться. Какой англичанин поверит, что он уже воюет, пока его не стукнут три-четыре раза? Вот тогда он начинает чесать у себя в затылке и говорить: «Помилуй бог, да никак мы воюем?»

Б а с т е й п л. А как вы в вашем Конго смотрите на все это?

З и м б о ш (снова выразительно пожав плечами). Если вы теряете Южную Африку, мы получаем от буров все, что нам угодно; у них у самих будет более чем достаточно. Если ж нет, все равно ваши руки будут связаны на долгое время. В обоих случаях мы не останемся в накладе.

Б а с т е й п л. Мне кажется, барон, вы немного опережаете события. Но все же я весьма вам обязан. Сообщайте мне все, что узнаете о деятельности доктора Лейдса.

З и м б о ш (кланяясь). Ну, а наши пароходы, мистер Бастейпл? Вы окажете нам содействие?

Б а с т е й п л. Пока не вижу к этому никаких препятствий. Скорее наоборот.

З и м б о ш. Bien! ¹ Значит, мы передадим вам все расчеты.

Б а с т е й п л. Сигару? (Нажимает звонок.)

З и м б о ш. «Дивинос»? О, превосходно! (Берет сигару и закуривает.) До свидания, мистер Бастейпл, до свидания.

Ф а р р е л провожает З и м б о ш а в приемную.

Б а с т е й п л (размышляя вслух). А он прав. (Снова нажимает звонок.)

Входит Ф а р р е л.

Фаррел, я продиктую вам письмо мистеру Битону. (Диктует.) «Дорогой мистер Битон, обдумав еще раз все обстоятельства, я пришел к заключению, что нам необходимо поторопиться. Чем быстрее мы будем действовать, тем меньше риск. Прошу перенести общее собрание акционеров южноафриканских концессий на первые числа июня, никак не позднее. Внушите Струду, что необходимые сведения мы должны иметь к концу мая. Надеюсь, он умеет читать между строк. Нужно что-нибудь подходящее, а если это кого-нибудь заденет — неважно. Остаюсь искренне ваш».

Фаррел стенографирует.

Если будет необходимо, Фаррел, покупайте акции всех южноафриканских концессий, чтобы поддерживать на бирже устойчивые цены до июньского общего собрания.

Ф а р р е л. В каких пределах, сэр?

Б а с т е й п л. Можете довести мою долю до полумиллиона акций, конечно, не на мое имя.

Ф а р р е л. Понимаю, сэр. Что отвечать репортерам?

Б а с т е й п л. Рассеивайте пессимистические настрое-

¹ Хорошо! (франц.).

ния и всякие слухи о возможности серьезных осложнений с бурами.

Фаррел (быстро вскинув глаза). Хорошо, сэр.

Он уже повернулся, чтобы уходить, когда Бастейпл вдруг поворачивает кресло и окликает его.

Бастейпл. Фаррел!

Фаррел. Да, сэр!

Бастейпл. Что говорят обо мне в Сити? Каково общее мнение? За двадцать пять лет вы должны были это узнать.

Фаррел (неодобрительно). Видите ли, сэр... (Он то поднимает, то опускает глаза.)

Бастейпл. Верно ли, что я человек, окруженный тайной?

Фаррел (с облегчением). О да, сэр, и даже очень.

Бастейпл. В каком смысле?

Фаррел (неодобрительно). Ходят всякие слухи о том, как и с чего вы начали, сэр. Строят догадки о... э... ваших целях. Некоторые думают...

Бастейпл. Что именно, Фаррел?

Фаррел. Думают, что вы стремитесь к политической власти. Другие полагают, что вы добиваетесь титула. Приходилось мне также слышать, сэр, что вы... э... еврей и намерены купить всю Палестину. Но, с другой стороны, я слышал, что вы, как истый христианин, ненавидите Ротшильдов и что цель вашей жизни — это хорошенько стукнуть их по затылку.

Бастейпл слушает улыбаясь. Видя его улыбку, Фаррел начинает испытывать удовольствие от затейного Бастейплом разговора.

Наш Сити, сэр, гудит от слухов, как настоящий улей.

Бастейпл. Что еще говорят?

Фаррел. Слышал я, как вас называли великим человеком, но я слышал и как вас называли... э...

Бастейпл. Ну?

Фаррел. Величайшим пройдохой, с вашего позволения, сэр. Мистер Трегей, например, назвал ваш кабинет логовом льва. (Бесстрастно.) Он не назвал меня шакалом, но, видимо, подразумевал это.

Бастейпл. Кстати, о Трегее. Он не должен попасть в Африку.

Фаррел. Да, сэр? Прикажете остановить его при помощи...

Бастейпл. ...дубинки, если не придумаете чего-нибудь поделикатнее.

Фаррел (одобрительно хмыкнув). Достаточно ли будет телеграммы из Момбасы с сообщением, что он опоздал?

Бастейпл. Если вы сумеете это устроить.

Фаррел. Без всякого труда, сэр.

Бастейпл. Прекрасно! Ну, что еще там говорят обо мне?

Фаррел. Многие говорят, сэр, что вы просто азартный игрок, ведущий крупную игру. А один чудаков вбил себе в голову, что вы страстный филантроп. В лондонском Сити охотно подхватывают все, что так или иначе припахивает романтикой.

Бастейпл. Ну, а что вы сами думаете, Фаррел?

Фаррел (бросает на него быстрый взгляд). Видите ли, сэр... Я никогда не ломаю голову над... происхождением видов.

Бастейпл. Ну, как бы не так. Выкладывайте.

Фаррел (призвав на помощь все свое самообладание). Может быть, вам не понравится, сэр...

Бастейпл. А вы все же рискните.

Фаррел. Романтическая точка зрения мне чужда. Тут другое, сэр. Огромные способности, огромная энергия и жизненная закалка, где бы и как бы она ни была приобретена. (Умолкает и бросает на Бастейпла быстрый взгляд.)

Бастейпл. Продолжайте, Фаррел.

Фаррел. Я не верю, чтобы у вас была какая-нибудь особая цель или особая страсть. Дело в том, что вы... вы попросту не можете остановиться. Прошу прощения, сэр, это моя личная точка зрения. Я никому ее не высказывал.

Бастейпл. А все же и романтика не бесполезна, а?

Фаррел. Ну, конечно, я всегда восхищался вашей выдержкой и находчивостью, вашей способностью не останавливаться перед всякими ничтожными... э...

Бастейпл. Перед чем именно, Фаррел?

Фаррел (осекшись). Я вовсе не собирался высказывать свое мнение, сэр. (Бочком подвигается к двери.)

Б а с т е й п л. Подойдите сюда!

Фаррел подходит к столу, и Бастейпл, сидя, внимательно изучает его лицо.

На протяжении четверти века вы пользовались моим доверием, и, насколько мне известно, вполне заслуженно. Надеюсь, вы не утратите его и впредь.

Ф а р р е л. Вы очень добры, сэр. Я, несомненно, хотел бы... я чувствую...

Б а с т е й п л (*пытливо посмотрев на него*). Благодарю вас, Фаррел. Отошлите эту телеграмму в Момбасу. (*Передает Фаррелу телеграмму.*) И дайте мне карту Африки.

Фаррел достает из шкафа атлас.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Хижина Сэмуэя, охотника на слонов, на южном берегу озера Альберта. Комната отделена от низкой, открытой веранды, виднеющейся в глубине, только невысокой перегородкой. Струд и Сэмуэй расположились в шезлонгах; возле них бутылки, стаканы, трубки. У Струда на коленях развернутая карта; левая нога Сэмуэя забинтована.

Сэмуэй (*сухопарый загорелый бородач*). Ну, мистер Струд, вы времени зря не теряете. Вряд ли кто сумел бы быстрее вас добраться сюда с побережья.

Струд. Судя по телеграммам Битона, Сэмуэй, им там нужен конфликт с бельгийцами. (*Тычет пальцем в карту.*) Они хотят, чтобы над областью Катанга взвился британский флаг. И я хочу того же.

Сэмуэй. Мне лично плевать, какой там будет флаг.

Струд. А работорговля как предлог—прием старый-престарый.

Сэмуэй (*испытующе посмотрев на Струда, вынимает из кармана кожаный мешочек*). Если вам нужно поднять бучу, взгляните-ка сюда!

Струд вопросительно смотрит на Сэмуэя. Тот бросает ему мешочек, и Струд, развязав его, разглядывает содержимое.

Да, да, сэр! Настоящие алмазы. Не очень крупные, но зато там, где они найдены, можно найти еще уйму. Ну-ка, передайте мне карту.

Струд поднимается, раскладывает карту на коленях Сэмуэя и, став позади него, следит за движением его пальца.

Вот смотрите: между реками Касаи и Луэмбе — сплошное алмазное поле. И никто об этом не знает, кроме меня да еще одного бельгийца. А он, как я слышал, сейчас в Басоко — снаряжает экспедицию, чтобы отправить ее на юг. Ясно, что он нацелился на эти алмазы. Так вот, доберитесь туда раньше него, сделайте заявку первооткрывателя, а когда будет основана компания, поберегите для меня некоторое количество акций, полагающихся пайщику-учредителю. Ну, что скажете? Достаточно этого, чтобы заварить кашу?

Он с усмешкой смотрит на Струда, который выпрямился и стоит, глядя прямо перед собой. Бросается в глаза его загорелое сангвинического склада лицо и массивный подбородок.

Струд (*качая головой*). Это противоречит полученным мною инструкциям, Сэмуэй.

Сэмуэй. Бросьте! Ничто не порождает такой пылкой братской любви к ближнему своему, как алмазы. С их помощью ваши лондонские друзья получают столько конфликтов, сколько им будет нужно.

Струд. Гм! (*Смотрит на забинтованную ногу Сэмуэя.*) И дернуло же вас покалечить ногу!

Сэмуэй (*указывая на львиную шкуру*). А это уж вон с него спрашивайте.

Струд. Кто-нибудь еще, кроме вас, знает эту местность?

Сэмуэй. Ни один сукин сын.

Струд. Дальше Ниангве на Луалабе я не бывал. А оттуда сколько еще недель пути?

Сэмуэй (*проводя пальцем по карте*). Если по прямой, как птицы летают, — а мне кажется, эти твари нигде не летают так прямо, как в Африке, — миль триста пятьдесят будет. В общем, шестьсот — семьсот миль отмахать придется, не меньше. Притом через земли племен батетела.

Струд. Моя экспедиция слишком малочисленна.

Сэмуэй. Да эти батетела куда хуже даже маньемов. И большие мастаки насчет ядов. Если их стрела царапнет вас, сдохнете наверняка. А потом они вас съедят.

Струд. Ну, а вам как же удалось уцелеть?

Сэмуэй. Тут дело особое... У меня есть один дружок, у которого большая власть в тех краях. Сын одного

занзибарского араба-работоторговца из тех, кого бельгийцы поприжали в девяносто втором году. Сам он продолжает понемногу торговать.

Струд. Он вам чем-нибудь обязан?

Сэмуэй. Пожалуй. Когда мы охотились в тех краях, этот самый Самед попал в лапы льву. Ну, разговор со львом я взял на себя, а с Самедом мы с тех пор стали вроде бы кровными братьями. Когда я возвратился сюда, он тоже потянулся за мной да еще прихватил с собой сестру: у нее что-то творилось с глазами, и нужно было полечить ее. Она уже начинала слепнуть. Местная красавица, можно сказать. Сейчас она живет у Хэррика.

Струд. Что? У этого натуралиста?

Сэмуэй. Ну да. Предана ему, как собачонка: так и вертится вокруг него целый день. Интересная личность этот Хэррик.

Струд. Какой-то нелюдимый сыч.

Сэмуэй. Что верно, то верно. Дайте ему возможность изучать обезьян, и ему плевать на все и на всех. *(Внезапно что-то сообразив.)* Послушайте-ка, мистер Струд!

Струд. Ну?

Сэмуэй. Между Луалабой и озером Танганьика водится шимпанзе какой-то особой породы. Хэррик жаждет завести с ним близкое знакомство — иначе он не может закончить свою книгу об обезьянах Центральной Африки. Заберите с собой Хэррика вместе с его девицей, и она поможет вам поладить с ее братцем.

Струд. Взять ее с собой в такой поход?

Сэмуэй. Она видала виды и похуже. Может шагать день и ночь без отдыха.

Струд *(качая головой)*. Брать женщину в экспедицию...

Сэмуэй. Без нее вам не поладить с Самедом. А эта полоса между Луалабой и Ломами — это же самое что ни на есть проклятое богом место: дебри, болота и весьма свирепые людоеды-батетела.

Струд *(поразмыслив)*. Время, Сэмуэй, где взять на это время? К концу мая я уже должен отправить в Лондон свой отчет.

Сэмуэй. Доберитесь до Самеда, и вам будет что

сообщить о работоторговцах. Одним выстрелом двух зайцев убьете.

Струд. А Хэррик согласится?

Сэмуэй. Он спит и видит, как будет беседовать с этим шимпанзе.

Струд (решительно). Вам нетрудно пригласить его зайти сюда?

Сэмуэй. Конечно, нет.

Струд хлопает в ладоши, и со стороны веранды появляется его слуга бербериец Задиг.

Сходи к мистеру Хэррику. Скажи: Сэмуэй хочет поговорить.

Задиг уходит.

Имейте в виду, если вы проболтаетесь о своем маршруте, ваши носильщики сбегут. Они до смерти боятся бателла.

Струд (кивнув). Сколько у меня времени в запасе до того, как ваш бельгиец сможет туда добраться?

Сэмуэй. Ну, ему понадобится не меньше пяти месяцев.

Струд. Черт побери, Сэмуэй, я рискну!

Сэмуэй. Превосходно! Но святость свою спрячьте на самое дно чемодана. Своих людей вам придется гнать вперед силой.

Струд. Может быть, надо предупредить моих белых спутников?

Сэмуэй. Не стоит. Пусть они думают, что вы строго придерживаетесь первоначального плана: поиски следов работоторговли, и больше ничего. Когда вы намерены выступить?

Струд. Послезавтра.

Сэмуэй. Ну-ну! Форсированные переходы — опасная штука. Я вообще не сторонник того, чтобы бить черномазых, но хлыст все-таки возьмите, без него вам не обойтись.

Струд (улыбаясь). В джунглях Африки слабонервным не место, Сэмуэй.

Сэмуэй. Бывали, разумеется, и такие путешественники, которые ни разу не подняли руки на негра, но, насколько я могу судить, жизнь их обрывалась довольно быстро.

Струд. Откуда родом этот Хэррик?

Сэмуэй. Из Новой Зеландии. Весьма независимая личность.

Струд. Это будет неприятный спутник, Сэмуэй. В такой экспедиции, как наша, вся власть должна быть зажата в одном кулаке.

Сэмуэй. Ничего не поделаешь. Без его девчонки нам не обойтись, а она без него не пойдет.

На веранде появляется высокий, худощавый мужчина с густыми, зачесанными назад темными волосами и острой бородкой. Его глаза кажутся необычайно глубокими.

Добрый вечер, мистер Хэррик.

Хэррик (*входя в комнату*). Добрый вечер. Как ваша нога?

Сэмуэй. Она чувствует себя очень польщенной, что вы все еще имснуете ее ногой. Вы знакомы с мистером Струдом?

Хэррик (*с легким поклоном*). Да.

Струд. Добрый вечер.

Сэмуэй. Мы с вами, мистер Хэррик, помнится, толковали на днях об одном шимпанзе?

Хэррик. Шимпанзе Марунгензис. И что же?

Сэмуэй. Мистер Струд собирается навестить этого джентльмена у него дома. Я думаю, он согласится привезти вам шкуру этой твари. Ваша служанка из тех же мест. Наверное, вы с ней о своих обезьянах не говорите, иначе вы знали бы это.

Хэррик. Мне нужно увидеть шимпанзе живым, Сэмуэй.

Струд. Может быть, хотите отправиться с нами, мистер Хэррик?

Хэррик (*удивленно*). Что, что? А когда вы собираетесь вернуться?

Струд. Если повезет, то месяцев через семь.

Сэмуэй. Возьмите с собой вашу девчонку. Она будет вам очень полезна, поверьте мне.

Хэррик. Амину? Ни в коем случае.

Сэмуэй (*с легкой усмешкой*). Через два дня она все равно догонит вас. Вот чем опасны эти арабки-полукров-

ки. Стоит им привязаться к человеку, и они так и будут ходить за ним по пятам, как собачонки.

Хэррик. А что, если мне оставить ее у вас, Сэмуэй?

Сэмуэй (бросив украдкой взгляд на Струда). Надо бы узнать и ее мнение. Позовите-ка ее, она, наверное, где-нибудь поблизости.

Хэррик. Амина!

В то же мгновение с веранды в комнату входит стройная, закутанная в платок девушка. У нее сравнительно светлая кожа и большие черные глаза, которые она не сводит с Хэррика, совершенно не обращая внимания на остальных присутствующих.

Амина (стоя у самого порога и глядя на Хэррика). Ты звал?

Хэррик. Слушай, Амина. Я отправляюсь в путешествие. На шесть месяцев. Ты останешься с мистером Сэмуэем.

Амина (после небольшой паузы). Нет, нет. Я тоже иди.

Сэмуэй (ухмыляясь). Как так, Амина! Ты не хочешь остаться со мной?

Амина. Нет. Я иди с Хэрриком. (Быстро подходит к Хэррику и прикладывает его руку к своему лбу.)

Сэмуэй. Вот видите, мистер Струд? Придется вам и ее взять с собой.

Амина (бросив быстрый взгляд на обоих и инстинктивно уловив, как надо себя вести). Да, миста Струд. Возьмите меня с Хэрриком. Я знай лес. Ходи хорошо. Миста Сэмуэй, правда?

Сэмуэй. Конечно, правда.

Хэррик. Амина, иди домой. Я сейчас вернусь, слышишь?

Амина. Я еду готовь. Показывай хороший вода. Делай повязка, чини одежда. Сторожи палатка.

Сэмуэй. А почему бы и нет, мистер Хэррик? Она опытная путешественница и помехой вам не будет.

Хэррик (которому претит мысль, что из всех членов экспедиции только его будет сопровождать женщина.) Нет. Если она не останется здесь, то я отказываюсь от вашего предложения. Спокойной ночи. (Быстро поворачивается, выходит на веранду и исчезает.)

Сэмуэй (резко). Амина!

Амина, которая направилась за Хэрриком, останавливается.

Подойди сюда!

А м и н а. Хэррик сердится.

Сэ м у э й. Слушай меня. Мистер Струд хочет взять Хэррика с собой. Ясно?

Амина смотрит на Струда, тот кивает.

А я хочу послать саям твоему брату. Ясно? Ты делай так, как я скажу. Пусть Хэррик идет. А ты останься, будь хорошей, послушной девушкой, пусть он идет.

Амина делает отрицательный жест.

Ты слушай! Через день я пошлю тебя следом за ними. Ты будешь идти сзади. Догонишь их через пять дней, когда они уже будут далеко и он не сможет отослать тебя назад. И Хэррик возьмет тебя с собой, ясно? Хэррик идет за обезьяной. Ему эта обезьяна очень нужна. Очень. Если он из-за тебя останется здесь, он будет очень зол на тебя. Ясно?

А м и н а (*испытующе смотрит ему в глаза*). Вы говори правда?

Сэ м у э й. Конечно.

А м и н а (*бросив подозрительный взгляд на Струда*). Почему он хочет Хэррик иди с ним?

Сэ м у э й (*посмотрев на Струда*). Хэррик напишет о мистере Струде. Большой шум в стране белых людей. Хорошо для Хэррика, хорошо для Струда.

А м и н а (*Струду*). Почему ты не любить Хэррика?

Ст р у д (*растерянно*). Я?

Сэ м у э й. Амина, ты еще не научилась понимать белых людей. Они не такие, как арабы. Мистер Струд и Хэррик — не друзья и не враги. У них только дело. Ну, говори, будешь делать так, как я скажу, — да или нет?

А м и н а. Я иди домой. Если Хэррик сердитый на меня, я делай, как вы сказали. Оставайся здесь, иди к вам, вы посылай меня потом. (*Прикладывает руку к сердцу.*) Вы друг. Мой брат любит вас. Так?

Сэ м у э й. Так. Конечно, так.

А м и н а делает прощальный жест и уходит.

Теперь все в порядке. Он, конечно, будет злиться из-за своего шимпанзе. От одной мысли об этой обезьяне у

него слюнки текут. А как вам нравится эта штучка? Ничего себе, а? Эти полукровки очень тонкие бестии. И вместе с тем простодушны, как дети. Можете смело рассчитывать на их благодарность, а также на их... месть!

Струд. В ней, видимо, негритянской крови не так уж много?

Сэмуэй. Она наполовину маньема. Их женщины очень хороши собой, да и кожа у них довольна светлая. Ну, а отец ее был чистокровный араб.

С веранды входит слуга, смуглый молодой человек в белом.

Струд. Что там, Задиг?

Задиг. Пришли капитан Локьер, доктор Фрэнкс и мистер Колли, сэр.

Струд. Не возражаете, если я поговорю с ними здесь, Сэмуэй?

Сэмуэй. Конечно, нет. Тащите их сюда.

Входят Локьер, Фрэнкс и Колли. Локьер в белом полотняном костюме, Фрэнкс и Колли — в костюмах из голландского тика. Локьер — сухощавый, загорелый человек с военной выправкой, маленькими, светлыми усиками и тонкими чертами лица. Фрэнкс темноволос и бледен. Колли — крупный мужчина с резкими чертами лица; у него жесткая, густая шевелюра и такие же усы.

Все трое здороваются с Сэмуэем.

Струд. Ну как, господа, все готово? Как ноги ваших солдат, капитан Локьер?

Локьер. Неважно, сэр. Я предпочел бы бангалийцев. Суданцы неплохие ходоки, как пришлось убедиться еще Барттело.

Струд. За три месяца из бангалийца не сделаешь солдата. Ну, а как ваше геологическое оборудование, Колли?

Колли. Так себе. Бывает хуже, но бывает и лучше.

Струд. Вы так сдержанны в своих оценках, что делаете честь своим шотландским соотечественникам... А вы уже покончили со своими прививками, доктор?

Фрэнкс кивает.

Удалось вам достать противоядие Парка против отравленных стрел?

Фрэнкс. Нет.

Струд. В таком случае не забудьте запастись углекислым аммонием... Мы выступаем послезавтра, ровно

в четыре утра. До самого леса будем двигаться большими переходами. Нужно, чтобы люди выдержали. У вас достаточно хинина, доктор Фрэнкс?

Фрэнкс кивает.

Прекрасно. Локьер, следите за ногами ваших солдат. Я хочу как можно скорее добраться до области Маньема. Именно там мы можем наткнуться на остатки работоторговли. Нет ли у кого вопросов к нашему другу Сэмуэю?

Локьер. Скажите, Сэмуэй, как настроены племена маньема?

Сэмуэй. Да как сказать... Порой устраивают праздники. Словом, не позволяйте вашим людям разбредаться, а то не миновать им сковородки.

Фрэнкс (Струду). От Ньянгве мы пойдем на юг или на запад?

Струд (переглянувшись с Сэмуэем). Трудно сказать, Фрэнкс. Бельгийцы будут далеко не в восторге от нашего прибытия, так что неизвестно, куда нас забросят обстоятельства. Весьма вероятно, что нам придется отклониться от маршрута. (Обводит взглядом спутников.)

Локьер. Это не имеет особого значения, сэр.

Фрэнкс и Колли кивками выражают согласие.

Струд. Возможно, что к нам присоединится мистер Хэррик. Он ищет какой-то новый вид шимпанзе.

Колли. Ну и ну! Как будто и без того на свете мало обезьян!

Сэмуэй. Видимо, еще не все мы обзавелись предками.

Колли. Лучше не интересоваться предками. Нездоровое занятие.

Локьер. Я бы с удовольствием отдал всех своих предков, чтобы узнать, какая лошадь выиграла кубок Леджера.

Струд. Ну что ж, друзья, отважные сердца, надеюсь, что вы ко всему готовы?

Колли. Если вы собираетесь благословить нас на дорогу, шеф, то у меня припасено немного святой водички. (Вытаскивает из кармана бутылку шампанского и штопор.)

Сэмуэй (Задигу, стоящему в глубине сцены). Подай бокалы!

Задиг. Мистер Хэррик идет обратно, сэр. (Берет бутылку и уходит за бокалами.)

Входит Хэррик, следом за ним Амина.

Хэррик (обводя взглядом собравшихся). Добрый вечер!

Сэмуй. Ну как, мистер Хэррик?

Хэррик (Струду). Если вы серьезно предлагаете взять меня с собой, то мне остается только поблагодарить вас.

Струд. Я рад, что вы идете с нами.

Хэррик (Сэмуэю). Амина останется с вами, Сэмуэй, если, конечно, это вас не затруднит.

Сэмуй (посмотрев на Амину). Какие могут быть сомнения!

Струд. Еще одно, мистер Хэррик. Вы, конечно, понимаете, что вам, как и всем остальным, придется подчиняться моим приказам. В такой экспедиции, как наша, начальнику поневоле приходится устанавливать жесткую дисциплину. В здешних краях, знаете, всякое бывает.

Хэррик легким поклоном выражает свое согласие. Амина, которая стоит неподалеку, прикрыв углом платка лицо, напряженно смотрит на Струда. Задиг разносит и подает всем мужчинам налитые бокалы.

Сэмуй (поднимая бокал). Господа, пью за ваше благополучное возвращение. Желаю удачи!

Струд. Сэмуэй, за наш успех! (Осушает бокал.)

Амина стоит неподвижно, переводя глаза со Струда на Хэррика. Осушив бокалы, Фрэнкс, Локьер и Колли выходят на веранду.

(Идет следом.) Одну минутку, доктор.

Он догоняет их на веранде, и они, разговаривая, уходят все вместе. Амина стоит неподвижно, наблюдая за Хэрриком и прислушиваясь.

Хэррик (подойдя к Сэмуэю). Что-то не лежит у меня душа к Струду, Сэмуэй. Чем бы это объяснить?

Сэмуй. Я раза два бывал с ним в серьезных переделках.

Хэррик. Значит, вы должны были неплохо изучить его характер. Что же вы скажете?

Сэмуй (улыбаясь). Думается мне, что Струд сотворил себе бога по образу и подобию своему. Наверное, в этом все дело.

Хэррик. Иначе говоря, он добивается своего любыми средствами?

Сэмуэй. Вы привыкли называть вещи своими именами. Да, он добивается своего — будь это в лондонском Сити или в африканских лесах.

Хэррик. Понятно.

Сэмуэй. Если б сам аллах сел играть с ним в карты, ему понадобилась бы полная рука козырей, чтобы выиграть у Струда. Это крепкий орешек.

Хэррик. Благодарю. *(Вполголоса.)* Я могу быть спокоен за Амину?

Сэмуэй. Если она не сбежит отсюда. Не могу же я держать ее под замком.

Хэррик. Если ей нельзя быть со мной, то вы единственный, от кого она не сбежит. Еще раз доброй ночи. Он пожимает руку Сэмуэю и, сделав Амине знак рукой, уходит. Амина подбегает к Сэмуэю.

Сэмуэй. Ну что, Амина?

Амина. Вы клянетесь аллахом: я иди за Хэрриком?

Сэмуэй. Клянусь аллахом.

Амина. Вы друг мой, друг моего брата. *(Наклоняется вперед, берет руку Сэмуэя и прикладывает ее к своему лбу.)*

Сэмуэй. Да, да, Амина.

Амина. Я верю.

Она поднимается и быстро уходит за Хэрриком. У входа на веранду она сталкивается со Струдом и в ответ на его пристальный взгляд закрывает лицо платком. Он останавливается и продолжает смотреть на нее.

Струд. Помни, Амина, ты должна слушаться меня, как все остальные.

Амина. Я слушаться Хэррика.

Струд. То-то ты не хочешь остаться здесь!

Амина. Я слушаться Хэррика, когда с ним.

Струд. А с другими мужчинами ни-ни-ни!

Амина *(опуская руку с платком, гордо)*. Ни-ни?! Я никогда ни-ни-ни!

Струд. Так-то! Значит, помни.

Амина *(сверкнув глазами и зубами)*. Да, я помни.

Он проходит мимо нее. Глядя через плечо, она провожает его напряженным взглядом и затем исчезает.

Сэмуэй. Эта девчонка — странное создание. Ей ничего не стоит пырнуть человека ножом. Вам лучше ладить с ней.

Струд. Это от нее зависит. Никаких особых похвал ей не будет... Какого вы мнения о моих ребятах, Сэмуэй? Колли — это неотшлифованный алмаз; Фрэнкс знает свое дело. А как насчет Локьера?

Сэмуэй. Типичный английский джентльмен, насколько я могу судить.

Струд. И это говорит не в его пользу?

Сэмуэй. В здешних краях человека со слишком высокими понятиями о чести могут съесть, вот и все!

Струд (смеется). Ну, а теперь, Сэмуэй, пишите обещанное письмо к брату Амины и расскажите мне все подробности нашего маршрута: я намерен добраться до цели во что бы то ни стало.

Он разворачивает карту, и они склоняются над нею.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Два месяца спустя. Полдень. Большая туземная хижина на западном берегу реки Луалабы. Часть циновок над входом в задней стенке хижины приподнята; вдали виднеется вытоптанная поляна, окруженная высокими деревьями и кустарником. Дальше поблескивает река. Хижина выстроена из жердей, переплетенных огромными листьями аомы, и обмазана изнутри глиной. Крыша имеет коническую форму. Никаких предметов, кроме разбросанных там и сям рюкзаков и мисок, в хижине нет. Справа, завернувшись в одеяло, спит Колли. У него только недавно кончился приступ малярии. В центре прямо на земле, скрестив по-турецки ноги, сидит Локьер, все еще сохранивший некоторую воинскую подтянутость. Он в рубашке и брюках. На коленях у него путевой журнал, в который он вносит очередную запись. Рядом с ним на полу стоит туземный кувшин. Кое-где развешана на просушку одежда. Изредка в дверях мелькает солдат-суданец, несущий караул снаружи. Входит Фрэнкс. Он похудел, зарос темной бородой и выглядит изможденным. Проходит к центру хижины и поднимает кувшин, намереваясь выпить воды.

Локьер. Осторожно, Фрэнкс. Тут некипяченая. Возьмите. (Протягивает ему свою флягу.)

Фрэнкс пьет.

Фрэнкс. Ваш суданец годится теперь только на корм крокодилам, Локьер.

Локьер. Жаль беднягу.

Фрэнкс. Против этого яда углекислый аммоний почти не действует. Двое из носильщиков тоже скоро умрут. У них уже начинается столбняк. (В полном изнеможении прислоняется к стене слева и глядит на Локьера.)

Локьер. А как у нашего шефа, прошла малярия?

Фрэнкс. Прошла. Здоров, как бык. Теперь мы скоро двинемся в путь.

Локьер. А у вас ведь тоже малярия как будто разыгрывается?

Фрэнкс кивает.

У Колли температура упала. (Закрывает журнал.) Послушайте, старина, ложитесь спать, а я вас потом сменю. Если мы действительно снимемся с места, вам нужно отдохнуть.

Фрэнкс (у него начинается пароксизм лихорадки). Скажите, Локьер, для чего мы переправились через Луалабу? Дело, ради которого все это затеяно, требовало, чтобы мы оставались между Луалабой и озерами. Два месяца мы добирались сюда с таким дьявольским трудом, а сделать ничего не сделали. Работоторговцев мы даже и не пытались искать. Да и следов их нигде не видно. И все гоним этих несчастных негров вперед. Гоним и гоним! Шестерых доконали. Еще двое обречены на гибель. Восемь из них не в состоянии нести поклажу. Какое там! Они и двигаться не могут: придется оставить их здесь. И еще шесть свалятся, когда мы снова выступим в поход. А впереди — лес, экваториальный лес, боже мой! (Он почти кричит.)

Колли просыпается и садится.

Что затеял Струд? Черт бы его побрал!

Локьер. Спокойней, дружище!

Колли. «Врачу: исцелися сам!» (Встает.) Э! Да я чувствую себя совсем хорошо. А вы ложитесь, Фрэнкс. Не такой уж вы здоровяк. Я же вам вчера говорил, чтобы вы скинули промокшую одежонку.

Фрэнкс. Мне было не до того! Трое из наших людей умирали у меня на руках, а шеф выходит из себя от каждой потери. Он ведет какую-то свою игру и скрывает ее от нас. Я это почувствовал с самого начала. Дальше

мы так двигаться не можем: наши люди превратились в скелеты. Мы обязаны сделать передышку и дать им подкормиться.

Колли. Передышка кончится тем, что мы сами попадем на корм кому-нибудь. Барабаны гремели всю ночь. В любой момент на нас могут снова напасть.

Локьер. Ну, вчера-то, во время переправы, мы им как следует всыпали.

Колли. Всыпать-то всыпали, но у этих черномазых память короткая.

Фрэнкс идет к сложенным на полу одеялам.

Я согласен с доктором — пусть нам скажут, ради чего мы так рвемся вперед.

Фрэнкс. Им даже незачем тратить на нас стрелы. При такой гонке мы через две недели все свалимся и больше не встанем. Проклятые вонючие болота!

Фрэнкса начинает бить сильный озноб. Колли закутывает его в одеяло и чуть ли не силой усаживает у стены справа. Часовой у входа становится навытяжку.

Часовой. Начальник идет! Капитан! (*Издаст еще какой-то нечленораздельный звук и, вытянувшись, замирает.*)

Входит Струд. Часовой снова начинает ходить взад и вперед. В отличие от остальных членов экспедиции Струд не кажется измученным, несмотря на то, что и он похудел и пожелтел. Лицо его мрачнее тучи; у пояса револьвер.

Струд. Господа, как прикажете это понимать? Кто из вас начальник караула? Неужели вы забыли, что вчера во время переправы мы подверглись нападению? Чье дежурство сегодня?

Локьер. Я уже иду, сэр.

Струд. Ваше «уже иду», капитан Локьер, не меняет дела. Где Хэррик? Пусть он тоже подежурит.

Локьер. Мы хотели задать вам один вопрос, сэр...

Струд (*зловеще*). Какой?

Локьер. Для чего мы переправились через Луалабу? Мы полагаем...

Струд. Я считаю, что вы солдат.

Локьер (*не смутившись*). Мы полагаем, сэр, что

положение очень опасно. Мы подписали контракт на участие в экспедиции между рекой Луалабой и озерами.

Струд. Ваша подпись обязывает вас подчиняться мне в течение семи месяцев. Остается еще пять месяцев, капитан Локьер. На карту поставлена ваша репутация военного.

Локьер. Это мне известно, сэр. Но вы вступили в область, заселенную каннибалами, и наши люди перепуганы. Они могут дезертировать.

Струд. До сих пор за дезертирство я только наказывал плетью. Следующего, кто попытается бежать, я расстреляю. (*Мрачно.*) Но навряд ли кто-нибудь рискнет удрать, пока мы находимся между Луалабой и Ломами. Каждый отставший от экспедиции сразу станет добычей каннибалов.

Фрэнкс. А если мы все вернемся на тот берег реки?

Струд (*опуская руку на рукоятку револьвера*). Доктор Фрэнкс!

Локьер (*спокойно*). У Фрэнкса приступ малярии, сэр. Но мы были бы признательны вам, если б вы точно назвали нам ту цель, ради которой все члены экспедиции рискуют жизнью.

Колли. Да, да, шеф. Что это у нас — увеселительная прогулка, и больше ничего?

Струд (*сдерживая себя*). Господа, в интересах безопасности мне пришлось хранить тайну, иначе мы потеряли бы носильщиков. Теперь мы, так сказать, в безопасности, и я могу вам сообщить, что в действительности наш путь лежит на юг, в область Касаи.

Все поражены.

Колли. И чего ради?

Струд. Ради алмазов. И, кроме одного бельгийца, никто о них не знает. Мы должны перегнать его отряд, выступивший из Басоко.

Фрэнкс смеется.

Колли. Алмазы? Черт побери!

Локьер. Значит, работоторговля тут ни при чем?

Струд. Наоборот. Именно здесь я собираюсь получить кое-какие сведения. Но и вторая наша цель не менее важна.

Локьер. Говоря откровенно, сэр, если бы я знал, что это чисто коммерческая экспедиция, я бы ни за что не принял в ней участия.

Струд. Коммерческая? А вы что-нибудь слышали о залежах меди в Катанге? Ведь юго-восток Конго — это сплошная масса полезных ископаемых. Да, господа, это позор, что мы упустили такой кусочек. Сэмуэй показывал мне алмазы, которые он нашел немного западнее. Если мы успеем сделать заявку первооткрывателя, это приведет к пересмотру всей границы и присоединит к великобританскому флагу один из богатейших уголков Африки. По-вашему, это коммерция, Локьер?

Локьер (не сдаваясь). Как это понимать, сэр? Ведь имеется же раз и навсегда установленная граница...

Струд. Раз и навсегда установленных границ нет и не бывает.

Локьер. Ну, если это делается во имя британского флага...

Колли. Неплохая мысль!

Струд. Стоит того, чтобы поступиться жизнью нескольких негров, а заодно и некоторыми никому не нужными принципами.

Фрэнкс. Только двадцать шесть носильщиков смогут продолжать поход, но и из них шестеро через день-другой останутся лежать на дороге. Восемь человек совсем не могут идти, а двое умирают. Что вы собираетесь делать с ними?

Струд. Переправить их вместе с мистером Хэрриком и с вами, доктор Фрэнкс, на тот берег. Там вы расположитесь лагерем, пока не сможете снова выступить, после чего вы поведете их домой тем же путем, каким шли мы, или на Танганьiku, — как вам будет удобнее. Я надеюсь послать с вами данные о работоторговле.

Фрэнкс. Работоторговля! Сами мы рабовладельцы, погонщики двуногого скота... (Истерически смеется.)

Локьер. Фрэнкс!.. Но, сэр, у нас только девять суданцев и меньше тридцати носильщиков, причем все они в плохом состоянии. Наши шансы пробиться крайне ничтожны. На нас будут непрестанно нападать.

Струд. Как вы думаете, почему я тащил сюда эту девчонку Хэррика?

Локьер. Вот именно, сэр, почему? Это такой эмее-ныш!..

Струд. Потому что она сестра одного араба — друга Сэмуэя. А он правит в здешних краях. Он обеспечит нам беспрепятственный переход до Ломами и, если понадобится, новых носильщиков.

Локьер. Ах так! Что ж, это неплохо.

Струд. Ну, довольно разговоров, Локьер. *(Протягивает Локьеру руку, тот пожимает ее.)* Назначьте Хэрика на дежурство. А его девчонку я сейчас пошлю с письмом Сэмуэя. *(Бросает мрачный взгляд на Фрэнкса и выходит.)*

Локьер берет свой пояс, револьвер, стэк, застегивает пояс и останавливается, глядя на Фрэнкса.

Локьер. Постарайтесь заснуть, старина. *(Выходит и говорит что-то часовому.)*

Колли начинает прибирать разбросанные по хижине вещи.

Фрэнкс *(сидит съезжившись, подтянув колени к подбородку)*. Славный малый этот Локьер, но дурак. На костях таких вот дураков, как Локьер, и создана наша империя.

Колли *(подходит к нему)*. Ну, нет! Империя создана людьми, которых тянет помериться силами с непреодолимым. В своем роде Струд — великий человек.

Фрэнкс. Локьер стоит десятерых таких, как Струд.

Колли. Вы несправедливы, доктор. Каждая квадратная миля земли, которую можно назвать цивилизованной, обязана этим своему Струду. Если бы не Струды, все мы до сих пор оставались бы дикарями. Еще не так давно Англия была дикой лесной чащей.

Фрэнкс *(тоном человека, произносящего нечто совершенно невообразимое)*. Англия!

Колли *(наклоняется и рассматривает свои жилистые ноги)*. Доктор, меня одолевают какие-то ползучие твари. Хижина, в которой я вчера ночевал, прямо кишела ими.

Фрэнкс *(внезапно)*. Гоним и гоним вперед этих несчастных негров. Вы видели, что от них осталось?! Кожа да кости!

Колли *(пытаясь успокоить его)*. Ну и что же? Вы их подлечите и доставите домой.

Фрэнкс. Не видать им своего дома. Кости их останутся гнить в лесу, и Струд это прекрасно знает.

Колли. Ничего не поделаешь! *(Потягиваясь.)* Эх! Я сейчас продал бы душу за бутылку виски.

У входа показывается Хэррик. Когда он входит, бросается в глаза, насколько он изможден.

Хэррик. Карта у вас есть?

Колли. Значит, Локьер вам уже все рассказал?

Хэррик *(кивает)*. Это называется загребать жар чужими руками. *(Рассматривает карту.)* Фрэнкс, когда ваши люди оправятся, мы двинемся к Бамбарийским горам и Танганьике. У вас приступ?

Фрэнкс кивает. У него сильный озноб.

Сильные боли? Спина? Сделать вам укол? *(Вынимает из кармана Фрэнкса футлярчик и готовит шприц для укола.)* Знаете, Колли, вчера, когда мы переправлялись через реку, я поймал лягушку с длинными острыми когтями и без перепонки на лапах. Ну, доктор, давайте. *(Делает укол.)*

Колли. Великое дело — опий! *(Ведет пальцем по карте.)* Черт! До этих алмазов не так-то скоро доберешься. А насчет Амины вы слышали?

Хэррик. Слышал.

Колли. Ну, и как вы думаете — пойдет? Она не очень-то любит Струда. Бог ты мой, как она на него смотрит! Да, очень жаль, что вы не ладите со Струдом. Сколько прекрасных планов гибнет из-за личных недоразумений!

Хэррик. Струд — скотина.

Колли *(сердито)*. А ну вас! Да и доктор тоже! Посмотрел бы я, как бы вы провели караван через эти дебри! Дальше порога хижины вам бы не уйти.

Хэррик *(Фрэнксу)*. Легче стало?

Фрэнкс кивает. После укола его начинает клонить ко сну.

Колли. Лес рубят — щепки летят. Что такое жизнь нескольких негров по сравнению с открытиями во имя науки и промышленности! Думается мне, Хэррик, что лучше всего вам было бы сидеть да изучать шимпанзе в Кенсингтонском саду, у Круглого Пруда... А это что еще такое?

Снаружи доносится шум.

Еще один из ваших пациентов умер, доктор?

Фрэнкс пытается приподняться, но сон одолевает его, и он опять валится на постель. Шум усиливается.

Эге-ге! Нельзя сказать, чтобы эти прихожане были очень богобоязненны. *(Тянется за револьвером.)*

Хэррик идет к двери, но отступает, чтобы пропустить Струда. У Струда в руках хлыст; он разъярен. Когда он входит, солдат-суданец загораживает собой вход.

Струд *(увидев Хэррика, резко останавливается)*. Вы что-нибудь знаете об этом?

Хэррик *(вызывающе)*. О чем именно?

Струд. Это вы подослали свою девчонку шарить в моей палатке?

Хэррик. Прошу не разговаривать со мной таким тоном. Я вам не чернокожий, мистер Струд.

Голос Локьера. Давайте ее в хижину.

Входят четыре оборванных суданца, ведя Амину. Последним входит Локьер. По его указанию они расступаются и выстраиваются у двери. Амина остается между Струдом и Хэрриком. Она стоит неподвижно, но глаза ее сверкают зловещим блеском. Струд уже овладел собой.

Струд. Локьер! Колли! Несколько минут назад, пока я был здесь, из моей палатки пропало письмо Сэмуэля к брату Амины. Где Задиг? Позовите его.

Локьер выглядывает из хижины и машет рукой. Входит бербериец Задиг, слуга Струда. Амина злобно смотрит на него.

Задиг, ты видел, как эта женщина только что выходила из моей палатки?

Задиг. Да, господин.

Амина. Неправда. Он не видит меня выходи.

Задиг *(делает жест торжественной клятвы)*. Господин, это правда. Я видел ее.

Струд. И в руке у нее что-то было?

Задиг. Да, господин. Что-то белое.

Струд. Письмо?

Задиг. Слишком далеко, господин. Не могу сказать.

Амина. Ты не видишь меня.

Струд. Тише, ты! Как она себя вела, как воровка?

Задиг. Господин, она гляди сюда, потом туда *(изображает то, что видел)*, потом увидела меня и бежал па-

латка миста Хэррик. Я иду тоже. Миста Хэррик нет палатка. Эта женщина стоит, смотрит, ругает меня. Я спрашивал: «Что ты делал палатка моего хозяина?» Она говорил: «Я ничего не делал»,— так говорил. Господин, я видел ее выходил. Она плохой — украл какой-то вещь.

Струд. Что ты сделал после этого?

Задиг. Я следил, громко кричал. Капитан Локьер приходит с этими солдат, хватал ее, потом посылал меня за вами.

Струд. А что она делала, пока ты следил за ней?

Задиг. Плевал в меня, звал меня собака. Она плохой женщина.

Струд. А она не пыталась что-нибудь спрятать, не делала вот таких движений?

Задиг. Она делал руками вот так. (*Кладет руки на бедра.*) Плохой женщина.

Струд (*Хэррику*). Вы знали об этом письме?

Хэррик. Локьер мне только что сказал о нем.

Струд. Где?

Хэррик. В моей палатке.

Струд. Амина была при этом?

Хэррик. Да.

Струд. Локьер, возьмите Задига, тщательно обыщите палатку мистера Хэррика и вернитесь сюда как можно скорее.

Локьер и Задиг уходят.

Хэррик. Какое вы имеете право...

Струд. Право самосохранения. Если в вашей палатке письма не окажется,— значит, оно у нее.

Хэррик (*Амине, сурово*). Ты украла письмо?

Амина (*глядя на него с собачьей преданностью*). Я не крал. Арабский девушка никогда не крал. Почему я крал письмо? Какой мне польза?

Хэррик. Для чего ты залезла в палатку мистера Струда?

Амина. Я не залез. Я стоял около палатка.

Хэррик. Для чего?

Амина. Смотрел, какой палатка лучше: твой палатка или миста Струда.

Струд. Мистер Колли, пойдите и внимательно ос-

мотрите пространство между палаткой мистера Хэррика и моей.

Колли выходит.

Хэррик. В чем бы ни заключался ее проступок, прошу вас обращаться с ней по-человечески.

Струд. Жизнь всех членов экспедиции зависит от этого письма. И, клянусь богом, я его получу, даже если мне придется вот этим хлыстом выколотить из нее душу. Наши жизни дороже жизни какой-то проходимки.

Хэррик. Вы хотите нашими руками жар загребать...

Но пока он говорит, входят Локьер, Задиг и Колли.

Струд. Нашли, капитан?

Локьер. Нет, там ничего нет, сэр.

Струд. А вы, Колли?

Колли. Никаких следов.

Струд (*делает шаг к Амине и поднимает хлыст*). Ну! Сейчас же отдай мне письмо! Быстро!

Амина съеживается, но глаза ее горят ненавистью. Она бросает взгляд на Хэррика, как бы призывая его на помощь.

Хэррик делает шаг вперед.

Окружить ее!

Суданцы становятся вокруг Амины.

Ни с места, мистер Хэррик! (*Амине.*) Ты отдашь письмо?

Амина. Я не имею письма.

Струд. Обыщите ее!

Хэррик. Прекратите это безобразие. Я сам поговорю с ней.

Два суданца преграждают ему путь скрещенными винтовками, двое других хватают Амину. Пауза.

Струд. Раздеть ее!

Локьер (*внезапно*). Отставить!

Суданцы застывают.

Простите, сэр. Этого я не могу позволить.

Струд (*в ярости*). Капитан Локьер, к черту неуместную щепетильность! Речь идет о вашей и моей жизни, о жизни всех нас!

Локьер. Посадите ее под замок, сэр. Рано или поздно она отдаст вам письмо.

А м и н а (с гордым и торжествующим жестом). Я не имею письма. Я съел его!

Струд поднимает хлыст, но Локьер успевает подставить свой стэк и сильно смягчить удар.

Я убей тебя когда-нибудь.

Струд (быстро овладев собой, со свойственным ему внезапным переходом от одного настроения к другому). Ну что ж! Капитан Локьер, отдайте приказ выступать из лагеря. Через час мы отправляемся. Отрядите трех солдат охранять эту девчонку и предупредите, что я сдеру с них шкуру, если они дадут ей улизнуть. Она пойдет с нами, и при первом же нападении на нас я прикажу застрелить ее. Задиг, приведи ко мне двух туземцев, которых мы захватили вчера, и останься в палатке — будешь переводить. Я скажу им, что сестра Самеда в наших руках, а потом отпущу их, чтобы они разнесли эту новость подальше.

З а д и г выходит.

К о л л и. Скажите, шеф, есть ли у нас теперь какие-нибудь шансы пробиться?

Струд. Не знаю. Но попытаемся, Колли. Свертывайте лагерь.

К о л л и пожимает плечами, подхватывает уже собранные рюкзаки — свой и Локьера — и выходит.

Капитан Локьер, свяжите ее покрепче и уведите. Оставьте четырех человек в распоряжение доктора Фрэнкса — он поведет назад десятерых больных носильщиков.

Локьер с солдатами выходит, уводя с собой Амину.

Доктор Фрэнкс, как только вы будете в состоянии двигаться, возьмите лодку и переправьтесь на тот берег. Там расположитесь лагерем до выздоровления ваших людей. Затем направляйтесь на озеро Альберта или на Танганьiku, как найдете лучше.

Фрэнкс, который тем временем встал на ноги, молча смотрит на него в упор.

Хэррик, я задержу вашу девчонку, пока мы не переправимся через Ломаи. Если на нас не нападут, ее и пальцем не тронут. Это из-за нее мы попали в такое положение, пусть теперь она поможет нам спастись. Вам не нра-

вятся мои методы руководства экспедицией,—ну что ж, теперь у вас будет возможность убедиться, что без них вы далеко не уйдете. (*Выходит и снаружи отцепляет поднятые циновки, которые, падая, закрывают вход в хижину.*)

В полумраке хижины некоторое время стоит полная тишина.

Хэррик (*подходит к Фрэнксу, чтобы лучше разглядеть его*). Бросили нас на произвол судьбы, доктор!

Фрэнкс (*с легким смехом*). Гнилую ветвь топором долой! (*Вскрикнув от резкой боли, замолкает и опускается на одеяла.*)

Хэррик. Давайте-ка! (*Приподнимает Фрэнкса и снова готовит шприц для укола*).

Фрэнкс (*замирающим голосом*). Спасибо, спасибо вам. (*Рот его кривится от боли.*)

Хэррик делает укол. Слабая улыбка появляется на губах Фрэнкса. Он откидывается назад и говорит, засыпая:

Вот они — дебри!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Занавес опускается только на несколько секунд, показывая, что прошел некоторый промежуток времени. Декорации те же. Полдень, тремя днями позже.

В хижине нет никаких вещей, кроме аптечки. Цинковка над входом исчезла. Фрэнкс, еле двигая руками, перебирает содержимое аптечки. Малярия у него прошла, но выглядит он очень слабым и изможденным. Входит Хэррик, за ним — суданец.

Хэррик. Доктор, дайте ему хинина.

Фрэнкс (*поднимая склянку*). Вот все, что оставил мне Струд. (*Подзывает суданца, пылливо смотрит на него и дает ему дозу лекарства.*)

Солдат стдает честь и выходит.

Хэррик. Это самый надежный из наших людей... А они все еще не нападают, три дня прошло. Странно.

Фрэнкс. Они, должно быть, ушли за Струдом.

Хэррик. Продовольствие у нас на исходе, Фрэнкс, а я не рискую позволить нашим людям выйти на охоту. Хватит у вас сил переправиться на тот берег?

Фрэнкс (пожав плечами). Раз надо, значит, хватит...

Хэррик. Странное дело — цвет кожи. Может статься, я эту девушку больше никогда не увижу. И оказывается, я любил ее не больше, чем, ну, скажем, мог бы любить собаку... В вашей аптечке найдется место для этой склянки? Мне бы не хотелось лишаться моей лягушки. Забавное создание, не правда ли? (Показывает Фрэнксу заспиртованную лягушку.) Какое здесь многообразие бытия! Как в этих дебрях бушуют и жизнь и смерть!

Фрэнкс. А вы помните, в книге Стэнли жена одного носильщика, умирая, говорит: «Дурной это мир, хозяин, и вы совсем заблудились в нем». Вот и мы тоже... Сколько нам потребуется рейсов на лодке? Учитывая, что нас четырнадцать человек и тюки?

Хэррик. Четыре, я думаю. Надо снабдить это создание этикеткой.

Фрэнкс выходит. Хэррик садится, вырывает из блокнота листок и пишет: «Раздельнопалая лягушка с когтями. Найдена на реке Луалабе 25 декабря 1898 года. Чарлз Хэррик». Пока он наклеивает ярлык на банку, входит Амина. Одежда на ней изорвана, но девушка не кажется усталой. Она крадется вперед с характерными для нее гибкими движениями, бросается к Хэррику и обнимает его колени, прежде чем он успевает заметить ее появление.

Амина. Амина вернулся! Бежал, шел через лес, обратно к Хэррику. (Снова обнимает его колени и хочет поцеловать его ноги.)

Хэррик (поднимаясь). Встань. Я не люблю, когда ты так делаешь. (Поднимает ее и гладит по плечу.) Где ты оставила их, Амина?

Амина. Два перехода. (С улыбкой, обнажающей ее белые зубы.) Они нет умный. Амина умный. Ночью жги веревка, смотри! (Показывает ожог на руке.)

Хэррик. Боже мой! Но ведь это же очень больно!

Амина. Пять носильщиков бежал. Два убит стрелами. Скоро все бежат, другие убиты. Они не иди много перехода, нет! (Ее глаза и зубы сверкают.) Теперь я веди Хэррик домой, скоро, скоро. Амина умный, письмо здесь, всегда. (Рука ее скользит за пазуху и извлекает на свет письмо.)

Хэррик. Змееныш!

А м и н а (горделиво). Держал для Хэррик. (Подает письмо Хэррику.) Теперь Хэррик не бойся ничего.

Х э р р и к (читает письмо; его лицо выражает крайнюю озабоченность и недоумение). А теперь скажи мне, что заставило тебя украсть это письмо?

А м и н а. Струд не люби Хэррик, Струд бери письмо, оставляй Хэррик в лесу, батетела убей Хэррик. А теперь батетела убей Струд, скоро убей.

Х э р р и к (про себя). Кто способен предугадать ход их мыслей? Сущая Иезавель!

Хотя Амина совершенно не поняла слов Хэррика, но его жест вызывает у нее тревогу.

А м и н а. Я спасай жизнь Хэррика. Хэррик бери письмо, мой брат будет друг Хэррик.

Х э р р и к (полностью осознав, в какой опасности находится экспедиция). Боже мой! Что же мне делать?

А м и н а. Струд скоро умирай, собака!

Х э р р и к. Слушай, Амина. Мы не друзья со Струдом, но я никогда не позволю, чтобы Струд, Локьер и Колли погибли. Понимаешь? Никогда!

А м и н а. Нет. Струд умирай. Он ударил Амину.

Х э р р и к. Отведи меня к своему брату. Идем, сию же минуту идем!

А м и н а. Нет! Амина переходит река, бери Хэррик домой.

Х э р р и к. Хорошо, в таком случае я вернусь к Струду и Локьеру.

А м и н а. Нет, нет! Почему ты думай о Струде! Он не думай о Хэррик.

Х э р р и к. Меньше всего я думаю о Струде. Но белые люди не бросают друг друга в беде.

А м и н а. Он не друг, он враг.

Х э р р и к. Идем сейчас же. Делай, что я тебе говорю. Веди меня к своему брату.

А м и н а (страстно). Я живи два года с Хэррик. Не хочу обратно к моим людям. Не хочу лес. Хочу только Хэррик.

Х э р р и к. Клянусь аллахом, если ты не отведешь меня к своему брату, больше тебе не жить со мной.

А м и н а. Если мой брат узнай, что Струд ударил Амину, он убей Струд!

Хэррик. Ты ему ничего не скажешь. Идем же, идем!

Амина. Мой брат сердись. Почему Струд иди его страна? Делай плохо для торговли брата. Посылай сказать белым людям: Самед лови рабов. Амина знай. Она слышал. Мой брат уже хочет убей Струд. Струд имей мало людей, очень слабый.

Хэррик. Амина, в последний раз тебе говорю, отведи меня к своему брату, или мы расстанемся навсегда.

Амина (*колотя себя в грудь*). Нет, нет! Я делай для Хэррик, жги веревка, иди одна вся дорога через лес, спасай Хэррик.

Хэррик. В таком случае спаси и остальных!

Амина. Струд? Нет! Он плохой человек. Оставляй Хэррик и доктор Фрэнкс умирать.

Хэррик. Отведешь ты меня к своему брату или нет?

Амина (*внезапно угасшим тоном*). Ты сердитый. Я делай, что ты говори.

У входа появляется Ф р э н к с.

Фрэнкс. Лодка угнана, Хэррик.

Хэррик (*протягивая Фрэнксу письмо и показывая на Амину*). Она сбежала. А письмо осталось при ней.

Фрэнкс. А как же Струд?

Хэррик. Все они в смертельной опасности. Единственная надежда на ее брата. Она должна сейчас же отвести меня к нему. Сию же минуту.

Фрэнкс. А мы?

Хэррик. Соорудите плот. Не падайте духом, Фрэнкс. Постарайтесь переправиться. Через три дня я или вернусь, или дам о себе знать. Им сейчас куда хуже, чем нам.

Фрэнкс (*вполголоса*). А ей можно доверять?

Хэррик. Если дело касается меня? Вполне! Ну, прощайте, старина. Амина, идем!

Хэррик выходит, за ним Амина. Фрэнкс глядит им вслед.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вечер следующего дня. Палатка Локьера и Колли в лесных зарослях, в четырех коротких переходах от реки Луалабы. Небольшой фонарь освещает палатку изнутри. Передний край палатки поднят. Кругом сумрачная чаща экваториального леса. Слева виднеется силуэт еще одной палатки, справа расположились четыре суданца; трое из них сидят на корточках, четвертый стоит, опершись на ружье. Локьер и Колли сидят перед палаткой. Они только что закончили свой скудный ужин, состоявший из бананов и сухарей, и теперь закуривают трубки. Револьверы и винтовки лежат у них под рукой. Время от времени из чащи доносится глухая дробь туземных барабанов.

Колли (*прислушиваясь*). Проклятые барабаны! До чего же они похожи на барабаны Армии Спасения у нас в Глазго!

Локьер. Спасения! Придет же такое в голову! Как вы все это расцениваете, Колли?

Колли. Трудно сказать... Иногда на меня накатывает странное чувство, когда, знаете, еще немного — и ты уже за последствия не отвечаешь. С вами так никогда не бывает?

Локьер. Нет.

Колли. Все зависит от воспитания. Английского джентльмена всегда можно отличить. Если он и пьянеет, то только от вина.

Локьер. Зато тут он возмещает все с лихвой.

Колли. Ей-богу, жаль, что я не могу сейчас нахлестаться! Теперь, после бегства этой девчонки, нам каюк. До реки Ломами уже не дотянуть.

Локьер. Сколько, по-вашему, осталось?

Колли. Миль сорок. За четыре дня мы не прошли и тридцати, а потеряли уже двенадцать человек. Струди за что не хочет повернуть обратно. Он совсем свихнулся!

Локьер (пожав плечами). Махмуд!

Стоявший суданец подходит к Локьеру.

Не забывай делать обход!

Солдат отдает честь и идет налево.

У меня опять начинается лихорадка, Колли. Что-то очень уж я болтлив стал.

Колли. Верный признак лихорадки или умопомешательства. Впрочем, я тоже не собираюсь спать, пока не выскажу Струду всего, что думаю. Найдется у вас глоток коньяку?

Локьер передает ему флягу.

Локьер. Колли, как насчет бараньих котлет с зеленым горошком и спаржей? И к ним неплохо бутылочку замороженного шампанского!

Колли. Нет, не то. Свежий лосось — только-только из воды. И кувшин нашего доброго шотландского виски!

Локьер. Интересно, как проходит охотничий сезон там, дома... И почему только мы любим забираться в такую глушь? Великий боже, все мы спятили! Этот табак отвратителен. Впрочем, так всегда бывает перед приступами. Следующей весной лошадь моего брата будет участвовать в Дерби. Интересно, надумает ли он поставить что-нибудь за меня? Интересно, думает ли он вообще обо мне? И думает ли о нас вообще кто-нибудь или никто о нас, об этих дураках, не думает! Колли!.. А как насчет холодного пирога с голубями и стакана ледяного кларета? А может быть, хорошую телячью отбивную и бутылочку рейнского белого, а? О черт! Дома я никогда не думал о том, что ел. Если бы мы были бельгийцами, мы сейчас говорили бы о женщинах. Вы играли когда-нибудь в крикет?

Колли (качая головой). Нет, я обычно развлекаюсь гольфом.

Локьер. Глупая игра! Как вы думаете, Колли, а что такое, в сущности говоря, смерть?

Колли. Если Струд не повернет назад, мы очень скоро узнаем, что это такое.

Локьер. Ну, а все-таки, что это? Пересадка с одного поезда на другой или просто полная тьма?

Колли. А кто его знает? Хуже этого леса все равно ничего нет и быть не может.

Локьер. О да! Вообразите себе только, что нашим душам придется обитать здесь!

...Хоть черен я, душа моя бела;
Как ангел светлый — белое дитя...

Колли. Ну-ка измерьте температуру. (*Протягивает ему термометр.*)

Локьер (*отмахнувшись*). Интересно, приходилось ли когда-нибудь всемогущему защищать ворота от таких ударов? Всемогущий? Но ведь если он всемогущий, то ему ничего не стоит в любой момент повернуть ход игры в свою пользу, а?

Колли. Что за разговоры! Ясно, что у боженьки нервы крепкие. Вообразите, что это вы создали эти дебри! Легко ли вам было бы?

Локьер. Да. Они заткнут за пояс все остальное мироздание! Но зато с каким чувством мы будем вспоминать о них! Черт возьми, я так и представляю себе: сижу я, передо мной только что начатая бутылка, и я предаюсь воспоминаниям.

Колли. Ну, ясно, у вас лихорадка. Примите штуки две. (*Протягивает ему склянку с таблетками.*)

Локьер (*проглотив две таблетки*). Вы ведь жены-ты, Колли?

Колли кивает.

Да. Это плохо! Дети есть?

Колли. Двое. Замечательные ребяташки.

Локьер. Какого же черта вас занесло сюда?

Колли. Да, видите ли, есть у меня для них кое-какие планы на будущее.

У Локьера вырывается смешок.

Локьер. Простите, старина, но, знаете, сидеть здесь и строить планы на будущее!.. Это довольно... забавно, а?

Колли. Может быть. Вот я и собираюсь поговорить обо всем со Струдом! (*Встает и направляется ко второй палатке.*)

Локьер (*про себя*). Бедняга Колли!

Звук барабанов усиливается. Локьер наклоняется вперед и прислушивается. Звук продолжает нарастать.

Вот это да!..

Суданцы, которые сидели на корточках и разговаривали, встают и вместе с присоединившимся к ним Махмудом подходят к Локьеру.

Махмуд. Капитан-сагиб! Люди говори: больше не могу ходи. Утром все убеги. Плохой страна, плохой народ, людоеды.

Звук барабанов начинает доноситься со всех сторон. Суданцы с явной тревогой слушают и переглядываются.

Больше не могу ходи.

Локьер (*выхватывая револьвер и вскакивая на ноги*). Смирно!

Солдаты неохотно вытягиваются.

Это еще что такое, Махмуд? Если я скажу об этом Струд-сагибу, он прикажет расстрелять тебя за подстрекательство к мятежу.

Махмуд. Все не расстрелять. Утром все уходи.

Локьер. Так нельзя, Махмуд. Солдаты ничего не боятся. Подчиняйся приказам.

Махмуд (*подносит руку ко рту и животу; остальные повторяют его жест*). Не кушай — не могу ходи. Локьер-сагиб прикажи: «Кругом, шагом арш!» — все слушайся, все ходи обратно река... Локьер-сагиб — хороший человек, наш офицер. Струд-сагиб... (*Качает головой.*)

Локьер. Махмуд!

Махмуд (*мрачно*). Наш офицер ведем — никакой мятеж.

Локьер. Негодяй! Как ты смеешь!

Махмуд. Нет, сагиб, мы не плохой люди. Мы голодный. Ноги болит, везде болит. Мы не хотим так умирать. Носильщик все беги, бросай нас. Тогда все скоро умирать, белый человек тоже. (*Отдает честь.*) Локьер-сагиб, спасай люди!

Локьер. Ты подчиняешься моим приказам, Махмуд, а я подчиняюсь приказам Струд-сагиба.

Махмуд (ожесточенно). Клянусь аллахом, больше не могу ходи!

Локьер подносит к губам свисток и свистит. Кругом все приходит в движение, и в темноте, позади суданцев, появляются изможденные фигуры негров-носильщиков. Из темноты, слева, быстрыми шагами входят Струд и Колли с револьверами в руках, за ними следует Заднг.

Струд. Что случилось, капитан?

Локьер. Люди отказываются выступить завтра.

Струд. Кто говорил от их имени?

Локьер (указывая на Махмуда). Вот этот, Махмуд.

Струд (взяв Махмуда на прицел). Арестуйте его.

Локьер (Махмуду). Сложить оружие!

Махмуд кладет на землю винтовку и с достоинством складывает руки на груди.

Струд. Так вот что, друг мой! Если завтра утром ты откажешься выполнять мои приказания, тебя расстреляют. (Носильщикам.) Слушайте, ребята. Кто убежит, того убьют батетелы.

От сгрудившихся в кучу носильщиков отделяются двое. Это жалкие, измученные существа.

Первый носильщик. Начальник! Еда нет, много болячка, лихорадка. Плохой караван. Иди обратно река, тот сторона, найди еда.

Второй носильщик. Мы не нанимайся ходи это место, начальник. Дома жена, дети. Скоро мы упал, не могу нести поклажа. Смотри, начальник! Мы не ходи, не могу ходи. Смотри! (Приподнимает рваную повязку, прикрывающую ногу, и показывает огромную болячку.)

Локьер отворачивается.

Струд. Слушайте! (Показывает на Махмуда.) Этот человек вас обманывает. Идти обратно нельзя. Идти обратно — батетела нападут, убьют всех. Доверьтесь мне, ребята. Только я могу спасти вас. Верьте мне.

Носильщики глядят на него с сомнением и мольбой. Им трудно поверить, что он говорит правду.

Первый носильщик (занзбирец). Начальник, сегодня Ками умирай, завтра (показывает на второго носильщика) Умари; скоро мой брат Мабрук (показы-

вает на третьего носильщика) тоже умирай. Слишком далеко от наша страна, плохой лес, плохой люди, едят врага.

Третий носильщик (Мабрук). Начальник, два луна мы шагай, шагай, носи поклажа слишком быстро. Густой лес — плохо, не как наша страна. Иногда не кушай, совсем пустой живот. Мы ищи еда — нет! Белый человек гони дальше, гони дальше. Иногда поспи мало-мало, садись под дерево — белый человек приходи, хлыстом бей. (Делает жест рукой.) Мы не ходи, не могу ходи. Мы люди, не собака!

Струд. Не люди, Мабрук, а дети. Этот хлыст спас вам жизнь. Экие вы дурни! Только отойдите немного в лес, и вы уже больше не вернетесь. По ту сторону реки в лесу — маньема, здесь в лесу — батетела. Держитесь вместе, ребята, держитесь еще немного. Отойдете — смерть, смерть кругом, она сторожит тебя, Мабрук.

Третий носильщик. Воля аллаха, время приди — смерть приди. Я устал, я больной...

Струд. Слушай, сынок, слушайте все! Через четыре дня я выведу вас из леса в хорошую страну. Много еды, нет плохих людей. Новые носильщики в помощь вам, много носильщиков. Еще немного дальше по этой дороге, и мы спасены. Больше смелости, ребята! Доверьтесь мне! А теперь идите и спите. Идите и спите! Завтра мы пойдем быстро-быстро.

Он машет рукой, и с возгласами: «Иншаллах! Иншаллах!» — носильщики исчезают во мраке.

Махмуд, возьми свою винтовку и выполняй мои приказания.

Махмуд поднимает винтовку, и четверо суданцев возвращаются на свое место.

Локьер. Бедняги!

Струд (обернувшись к нему). Наша единственная надежда — это пробиться до Ломами. Сейчас мы в самой середине пути. Дальше будет легче.

Колли. Они уже не могут идти дальше, и вам их не заставить. Всему есть предел, и если ты дошел до него, надо уметь это понять.

Струд. Для человеческой воли нет пределов, Колли.

Колли. Зато для сил человеческих есть. Вы хотите бессмысленно пожертвовать всеми нами. Пора повернуть обратно.

Струд. Ни за что! Никогда этого со мной не бывало и никогда не будет. А вы, Локьер! Вы же солдат! Еще одно маленькое усилие, и мы будем у цели. Идемте же!

Локьер. Если вы приказываете идти (*пожимает плечами*), я пойду.

Струд. Да, я приказываю, Колли!

Из темноты доносится голос Хэррика: «Не стреляйте! Свои!»

Локьер. Это Хэррик!

Все трое настороженно ждут. Позади, справа, показываются Хэррик и Амина, окруженные суданцами.

Струд. Схватить эту девчонку!

Хэррик (*он выглядит совершенно измученным*). Нет! (*Берет Амину за локоть.*) Пить!

Локьер подает ему флягу, которую Хэррик сперва отдает Амине. Она пьет и опускается на корточки, внимательно следя за происходящим. Попив, Хэррик вытаскивает письмо.

Струд. Значит, оно все-таки было у нее? Вот вам ваша щепетильность, капитан! Двенадцать человек погибли зря!

Хэррик. Вы хотите, чтобы письмо было передано по назначению?

Струд (*язвительно*). Вы спрашиваете, хотим ли мы остаться в живых?

Хэррик. Амина, иди приведи своего брата.

Амина встает. Глаза ее готовы пронзить Струда.

Иди позови его!

Как загипнотизированная, Амина, покачиваясь, идет по прогалине и исчезает между деревьев. Все стоят и ждут. Через некоторое время раздается пронзительный, своеобразный крик. Крик повторяется. Затем из глубины леса очень слабо доносится такой же ответный крик. Справа, в темноте, вырисовываются изможденные фигуры носильщиков. Они собираются полукругом позади белых людей и неподвижных суданцев, освещенных фонарем, горящим в палатке.

Колли. А она не выкинет какой-нибудь новой предательской штуки?

Хэррик. Нет ли у кого-нибудь коньяку?

Локьер подает ему флягу и несколько сухарей. Хэррик отпивает из фляги и начинает грызть сухарь.

Вы знаете, что вы окружены?

Струд (Локьеру). Возьмите своих людей и посмотрите, что она там делает.

Хэррик. Не надо. Подождите!

Еще некоторое время все молча ждут. Потом из темноты, слева, показываются два человека. Амина идет первой, за ней движется внушительная фигура ее брата, араба-полукровки Самеда. Это смуглолицый, темноволосый человек с орлиными чертами лица, в легких светлых одеждах. Она подводит его к группе белых. Здесь оба останавливаются и стоят немного поодаль от остальных.

Самед, селям!

Амина (брату). Хэррик хороший!

Хэррик подходит к Самеду и подает ему письмо. Амина вполголоса быстро говорит что-то брату на своем языке.

Хэррик. Письмо от Сэмуэя.

Самед делает шаг вперед, кланяется Хэррику на мусульманский манер, читает письмо при свете фонаря, затем отходит и стоит с откинутой назад головой, переводя взгляд с одного белого на другого. Амина стоит рядом.

Самед. Кто начальник?

Амина показывает на Струда и опять вполголоса торопливо говорит что-то на языке, непонятном для остальных.

(Жестом приказывая Амине замолчать). Сэмуэй — мой брат. Ты — Струд?

Струд идет к Самеду, протягивая руку. Самед не принимает руки, но приветствует его мусульманским поклоном.

Мирные переговоры.

После минутного замешательства все усаживаются на землю, скрестив ноги. Носильщики тоже садятся на корточки; только суданцы продолжают стоять, опершись на свои винтовки.

Есть бельгиец здесь? Нет?

Струд. Нет. Все англичане.

Самед (издав какой-то глубокий, гортанный звук). Бельгиец — мой враг. Бельгиец убивай много моих людей, отнимай моих рабов. Почему ты пришел моя страна?

Струд. Мы бельгийцам не друзья, Самед. Мы пришли, чтобы отобрать у бельгийцев землю — там, во многих переходах отсюда. (Показывая на юг.) Там, на юг, еще далеко.

Самед (показывая на Хэррика). Сэмуэй говори, этот человек — друг моей сестры, давно друг, так?

Хэррик (поклонившись). Да, так.

Самед (показывая на Локьера). Этот человек не бельгиец?

Локьер. Англичанин.

Самед (показывая на Колли). Этот человек?

Колли. Шотландец.

Струд. Брат англичанину.

Самед (издав неопределенный звук, который может одинаково выражать одобрение и неодобрение). Почему пришел сюда?

Струд. Я же сказал тебе. Мы пройдем через твою страну, пойдем далеко на юг, отберем у бельгийцев часть их земли.

Самед (сдержанно и насмешливо). Я родился Занзибар. Знаю белый человек: приезжай из-за моря, отбери земля, слоновый кость, рабы, все, что араб имей. Бельгиец, англичанин, немец. И все говорят: «Служи аллаху, освобождай рабы». И кради все у араба.

Струд. Арабы сами крали у негров, Самед.

Самед. Значит, араб храни, что имей. Белый моги — отбери. Араб тоже служи аллаху!

Струд. Аллах создал людей свободными, Самед, а арабы делают их рабами.

Самед. Белый человек тоже делай раба. Разве носильщик не раб? Носильщик беги — белый бей хлыстом, стреляй.

Струд. Послушай меня, Самед. Сэмуэй — мой друг.

Самед. Сэмуэй — мой брат.

Струд. Помоги нам пройти через твою страну, и мы сделаем тебе хороший, большой подарок. Ну же! Сделай то, о чем тебя просит Сэмуэй.

Амина быстро бормочет что-то на незнакомом языке.

Самед. Мой отец — большой начальник. Я — сын начальника. (Дотронувшись до Амины.) Это дочка, дочка

арабский начальник. Ты... (*Движением руки изображает удар.*) Почему делай так?

Струд. Она украла письмо из моей палатки. Положим, у тебя есть письмо, Самед. Важное письмо, очень важное. И женщина его украдет. Что ты будешь делать?

Самед. Араб нельзя бей хлыстом. Араб не черный человек.

Струд (*не отступая*). Она очень плохо сделала — украла письмо. Это письмо от твоего брата, от Сэмуэля. Он ведь спас твою жизнь, а араб никогда не забывает...

Самед (*надменно*). Араб — хороший человек.

Струд. Слушай, дай нам носильщиков — сорок человек. Сделай так, чтобы мы спокойно прошли через твою страну. У реки Ломами мы дадим тебе хороший подарок: винтовки, полотно. А позже — другой подарок, гораздо лучше.

Самед. Сколько винтовка? Сколько полотно?

Струд. Десять кусков полотна, когда дойдем до Ломами; десять винтовок, когда переправимся.

Самед. Ты дашь винтовки из Германия?

Струд. Дам десять хороших винтовок.

Самед. Нет! Ты сейчас дай десять английских винтовок, тогда я посмотрю.

Струд. Когда будем на Ломами, Самед.

Самед. А если я не хочу помогать? Батетела — очень много, очень сильный. У батетела — ядовитый стрела, убей всех. Тогда забирай все винтовки.

Струд (*энергично*). Если нас убьют, большая армия отомстит за нас. Вспомни своего отца — как тогда пришли белые.

Самед (*улыбаясь*). Это бельгийский страна. Английский солдат сюда не ходи. Англичанин — бельгиец не очень хороший друг.

Струд. Слушай, Самед. Я тоже начальник в моей стране, большой начальник. Я умру — будет большой шум. Мое правительство заставит бельгийцев послать армию, убить тебя, отобрать твою страну.

Самед (*мягко*). Ты умри — никто не знай. (*Делает движение рукой*). Лес — все прятай.

Струд. Значит, ты отказываешься?

Самед (уклончиво). Сэмуэй — мой брат.

Струд. Ну?

Самед. Ты дай мне десять винтовка сейчас.

Струд (вставая). Переговоры окончены. Я забираю вас обоих с собой на реку Ломами.

Самед и Амина вскакивают, все остальные тоже.

Пока ты в моих руках, никто не нападет.

Самед скользит взглядом вокруг. Струд поднимает револьвер.

Стой! Ни с места!

Самед (с чувством собственного достоинства). Это мирный разговор. Ты не держи слово.

Струд. Дело идет о нашей жизни. Ты вынудил меня.

Пока Струд говорит, Амина проскальзывает вперед и, нагнувшись, ударяет его снизу в запястье маленьким кинжалом. Раненый Струд роняет револьвер и пытается схватить Амину другой рукой, но она выскальзывает у него из-под руки и исчезает в темноте.

Два суданца и Задиг бросаются за нею следом. Самед отскакивает назад, вытаскивая кинжал. Локьер кидается к нему. Самед наклоняется и одним молниеносным ударом кинжала перерезает Локьеру поджилки. Локьер, чтобы не упасть, хватается за шест палатки. Самед исчезает слева во мраке. Колли бросается в погоню. Раздаются два выстрела и протяжный стон, после чего все носильщики с криками кидаются в разные стороны и тоже скрываются во мраке.

Остановите их! Хэррик! Махмуд! Локьер! Остановите их!

Струд, Хэррик и суданцы бросаются в погоню за носильщиками. Локьер, все еще держащийся за шест палатки, остается один. Раздается еще несколько выстрелов. Дробь барабанов резко нарастает. Локьер пытается выпустить шест из рук и шагнуть, но падает. Приподнявшись и сидя на земле, он ощупывает раненую ногу.

Локьер. Перерезал сухожилия! Черт! (Снова подползает к палатке, поднимает свой револьвер и, хватаясь за шест, с мучительным усилием становится на здоровую ногу. Он стоит, держась за шест, почти у самого фонаря, свет падает ему на лицо.)

К этому единственному освещенному месту возвращаются Струд и Хэррик.

Струд. Локьер!

Локьер. Я здесь!

Струд. Сбежали все, до последнего сукиного сына. Суданцы тоже. Ни одного человека не осталось. Ни одного!

Локьер. А Колли?

Хэрик. Убит. Я споткнулся о его тело.

Из чащи раздаются выкрики дикарей и дробь барабанов.

Они наступают.

Струд. В кусты! Быстро! Держитесь вместе! Пошли!

Хэрик. Надеетесь выбраться?

Струд. Да, да! Мы проскользнем. Ну, двинулись. Вы оба держитесь поближе ко мне.

Хэрик. Вы ранены, Локьер?

Локьер. Пустяки.

Струд. По компасу — прямо на запад. Держитесь поближе. Не отставайте.

Он идет вправо, за ним — Хэрик.

Локьер. Я сейчас, только погашу фонарь.

Локьер гасит фонарь и опускается у палатки слева. Мгновение на сцене царят полная темнота и безмолвие.

Хэрик (*вернувшись, вполголоса*). Локьер! Локьер!
Голос Струда (*справа*). Он впереди, я слышу его.

Хэрик нащупывает шест и заглядывает внутрь палатки.

Пошли! Пошли!

Хэрик уходит.

На сцене тишина, нарушаемая лишь треском барабанов. Затем наступает полное безмолвие.

Голос Локьера (*из темноты, глухо*). Желаю удачи!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ *

Полдень следующего дня. Огромный, полусгнивший ствол упавшего дерева, опутанный похожими на змей лианами, занимает центр сцены. Привалившись к бревну, лежит Хэррик. Он без сознания. Над ним склонился Струд. Затем Струд немного отходит, садится на корточки и пристально смотрит на Хэррика. Он в нерешительности; в нем явно происходит душевная борьба. Наклонившись вперед, он прислушивается к дыханию Хэррика. Струд в таком нервном возбуждении, что первый же шорох в джунглях заставляет его отпрянуть от Хэррика и насторожиться. Но тревога оказалась ложной. На минуту Струд успокаивается, и смертельная усталость берет верх. Усилием воли он заставляет себя снова подумать о том, какое принять решение, и снова смотрит на Хэррика, который по-прежнему лежит без сознания. Плечи Струда конвульсивно вздрагивают; он встает. Делает два крадущихся шага, и в этот момент Хэррик шевелится. Струд замирает, медленно поворачивает голову. Хэррик открыл глаза, и взгляды их встречаются. Некоторое время оба молча смотрят друг на друга. Затем слабая улыбка пробегает по лицу Хэррика.

Хэррик. Ничего — ступайте.

Струд. Я за водой.

Хэррик (с той же улыбкой). За водой?

Струд. Вы думаете, я хотел вас бросить?

Хэррик. Да. А почему бы нет? У меня остался один патрон. Здесь у нас души как на ладони. Струд! К чему лгать? Давайте попрощаемся.

Струд. Я хотел уйти. Но, черт меня дерь, если я это сделаю теперь. Мы еще выберемся. Лежите здесь. Я пощу воды и скоро вернусь. (*Крадучись, скрывается между деревьями справа.*)

Оставшись один, Хэррик приподнимает голову и проводит языком по пересохшим губам. Затем в полном изнеможении снова откидывается на бревно. Рука у него лежит на револьвере.

Хэррик (бормочет). Вернется? Едва ли.

В кустах слева показывается лицо Амины. Она бесшумно подкрадывается к Хэррику и глядит на него, ожидая, когда он пошевелится. Хэррик открывает глаза и видит ее.

Ты?

Амина. Батетела всю ночь ходи следом. Я тоже. Убил один батетела — там, кусты. (*Показывает кинжал.*)

* При убранной палатке и другом освещении для этой картины могут быть использованы декорации предыдущей. (*Прим. автора.*)

Иди с Амина. Самед друг моему другу. С Амина нет опасность. (*Прикладывает его руку к своей груди.*) Иди!

Хэррик безмолвно глядит на нее.

Надо скоро. Потом — поздно. Батетела скоро приди сюда. Найди убитый — убей Хэррик. Мой брат близка. Два, три миля.

Хэррик. Струд!..

Амина. Надо скоро.

Хэррик. Подожди его.

Амина. Нет. Он бей меня. Он не держи слово. Струд — будет мертвый. Батетела кругом, по всей лес, много! Скоро найди Хэррик.

Хэррик. Живым не возьмут. (*Приподнимает револьвер.*)

Амина (*обнимая его колени*). Нет, нет! Иди. У Самеда Хэррик — живи — нет опасность. Иди скоро! Струд оставляй тебя здесь умирать.

Хэррик. Нет. Он пошел за водой.

Амина. Струд найди вода — иди дальше. Струд дай всем умирать, он — живи.

Хэррик (*медленно*). Нет... Я буду ждать.

Амина. Струд приди обратно — убей Амина.

Хэррик встает.

(*Цепляясь, обвиваясь вокруг Хэррика, пытается тащить его в кусты.*) Иди, иди!

Хэррик. Отпусти меня, девочка! Я буду ждать.

Амина (*внезапно отпрянув*). Струд!

Из леса, справа, появляется Струд.

Хэррик (*торжествующе*). Вот видишь!

Амина съезживается за упавшим стволом. Струд поднимает револьвер, но Амина, пользуясь укрытием, исчезает в кустарнике.

Струд. Почему вы не удержали ее? Значит, они нас нагнали?

Хэррик. Она убила одного из их следопытов — там, в кустах.

Слышится дробь барабана.

Струд (*отрубая ножом длинный кусок лианы*). Нате, привяжите себя ко мне, и пошли! Она пойдет за нами. Никуда не денется.

Оба обвязывают лиану вокруг пояса. Из кустов выскакивает почти нагой дикарь и с криком снова бросается в кусты. Раздается боевой клич и бой барабанов.

В случае чего — спиной к спине! А теперь — в чашу!

Он спешит вперед, почти волоча Хэррика в глубь леса. В кустах мелькают две черные фигуры. Затем во весь рост встает великолепный дикарь. Он вскакивает на поваленный ствол дерева и натягивает лук. Раздается револьверный выстрел. Дикарь пускает стрелу и прыгает в чашу. Сцена снова пуста. Затем раздаются еще три выстрела и вслед за ними чьи-то яростные крики. Струд, не то поддерживая, не то волоча Хэррика, возвращается к упавшему стволу. В спине Хэррика торчат две стрелы.

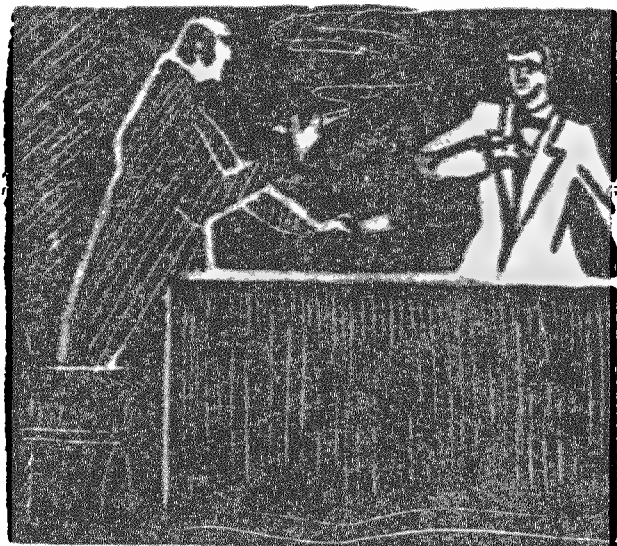
Хэррик (умирая). Рубите, рубите! Со мной все кончено.

Вместо ответа Струд поднимает его. Из кустов слева появляется Амина. Она бросается к Хэррику. Струд, выпустив Хэррика, который падает на землю уже мертвый, поднимает револьвер и нажимает курок. Раздается негромкий щелчок. Струд бросает пустой револьвер на землю и стоит безоружный, устремив взгляд на Амину, которая, вся сжавшись, крадется к нему.

Струд. Иди же! Иди, если смеешь, чертовское отродье!

На его лице появляется выражение экзальтированного вызова, словно он силой своего взгляда пытается сдержать дикого зверя. Амина останавливается, как загипнотизированная. В кустах раздается шум, и Струд на секунду поворачивает голову. Амина молниеносно бросается к нему и вонзает ему в сердце кинжал. С хриплым вздохом Струд падает. Амина кидается к мертвому Хэррику и принимается его гладить, жалобно причитая. Из кустов, крадучись, появляется дикарь. Он останавливается в трех шагах и глядит на Струда, по лицу которого пробегает судорога. Дикарь отскакивает, подняв копье. Но лицо Струда застывает. Он мертв. Дикарь наклоняется и разглядывает мертвого белого с каким-то суеверным благоговением. В чаще бьют барабаны. Сцена постепенно темнеет.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Июнь 1899 года. Кабинет Бастейпла в лондонском Сити. Вторая половина дня. Бастейпл сидит у своего маленького столика. Слева от него в кресле барон Зимбош.

Зимбош. Начиная с середины мая, мистер Бастейпл, Мильнер и дядюшка Пауль Крюгер заседали в Блумфонтейне. А теперь эта конференция окончилась.

Бастейпл. К чему они пришли?

Зимбош. Они зашли в тупик. Чем больше Крюгер просит, тем больше Мильнер отказывается. Чем больше Мильнер просит, тем больше Крюгер брыкается. Еще недели две положение для всех будет оставаться неясным. Но можете положиться на меня, мистер Бастейпл, никакого соглашения они не достигнут.

Бастейпл. Гм!

Зимбош (кивнув). И осенью — война! Когда окончательные результаты конференции выяснятся, атмосфера сразу накалится. Начнется сильный приступ военной лихорадки, помяните мое слово.

Бастейпл. Вы уверены, что ваши сведения точны?

Зимбош. Абсолютно! Только утром получил телеграмму — самая точная информация из закулисных источников. Можете спокойно делать свою ставку, мистер Бастейпл! Ведь речь идет о южноафриканских акциях! Ля-ля! Но в вашем распоряжении остаются еще две недели — пока мои сведения еще не стали общим достоянием. Ваш друг Битон назначил общее собрание своих акционеров на послезавтра, не так ли? Если он сумеет протащить свое предложение об использовании китайских

кули, у вас еще есть шанс выйти сухим из воды. Я восхищаюсь Робертом Битоном — это идеалист до кончиков ногтей. *Von dieu!*¹ Все вы тут в Англии идеалисты.

Бастейпл улыбается.

О, конечно, кроме вас, мистер Бастейпл, кроме вас.

Дверь сзади открывается и появляется Фаррел. Он притворяет за собой дверь и хочет подойти. Бастейпл машет ему, чтобы он ушел.

Бастейпл. Одну минутку, Фаррел.

Фаррел снова исчезает.

Зимбош (вставая). Ну, надеюсь, что на этот раз мои сведения будут вам полезны. Вы помните, как Ротшильд выиграл битву при Ватерлоо? И был воздвигнут этот лев — англо-бельгийский лев! Бог мой, что за чудовище! Странно, почему ни одна страна не выбрала себе в качестве эмблемы тигра?

Бастейпл. В образе тигра не хватает возвышенности, барон.

Зимбош (поворачиваясь к двери). А как насчет наших пароходов, мистер Бастейпл? Мы рассчитываем на вас в отношении займа.

Бастейпл. Я дал вам слово, барон.

Зимбош. Слово Эдриена Бастейпла. (С поклоном.) В таком случае, мистер Бастейпл, разрешите пожелать вам всего хорошего. В вашем распоряжении еще две недели. (Направляется к двери в глубине.)

Бастейпл (встает и указывает на дверь слева). Сюда, пожалуйста. (Провожает его, затем нажимает кнопку звонка.)

Фаррел выходит из своей комнаты.

Фаррел. Мистер Битон уже здесь, сэр. Но мистер Стэнфорт и лорд Элдерли еще не прибыли.

Бастейпл. Как сегодня акции южноафриканских концессий?

Фаррел. Неважно, сэр, — они котируются по пятнадцати шиллингов.

Бастейпл. В среднем упали еще на три шестнадцатых, не так ли?

¹ Милостивый боже! (франц.)

Фаррел. Да, сэр. Вы видели это, сэр,— в утренней газете? *(Читает.)* «Вчера из Момбасы в Лондон прибыл доктор Клемент Фрэнкс. Он недавно вернулся из Конго, где вместе с мистером Струдом, капитаном Локьером и мистером Колли принимал участие в экспедиции, о судьбе которой пока все еще ничего не известно. Доктор Фрэнкс с больными носильщиками, которые не могли двигаться дальше, был оставлен на реке Луалабе. В Лондоне доктор Фрэнкс намерен снестись с лицами, снарядившими эту таинственную экспедицию. Он отказался сообщить нашему корреспонденту какие-либо подробности».

Бастейпл. Это я уже читал.

Фаррел. Пригласить мистера Битона?

Бастейпл. Да.

Фаррел *(открыв дверь в приемную)*. О! Остальные тоже уже явились, сэр. Пройдите, пожалуйста, господа.

Входит Битон, за ним по пятам Стэнфорт и лорд Элдерли.

Битон. Читали о Фрэнксе, Бастейпл? Бог даст, он привез нам хорошие новости.

Элдерли. Он еще оттуда послал письмо своему двоюродному брату Трегею.

Битон. Что же он написал?

Стэнфорт *(холодно)*. Вот об этом-то мы и пришли поговорить.

Элдерли. Боюсь, что придется говорить начистоту, мистер Битон. Мистер Трегей утверждает, что вся эта экспедиция была затеяна для отвода глаз. Оказывается, на послезавтрашнем собрании вы собираетесь выдвинуть проект использования труда китайских кули. Этот проект идет вразрез, да, вразрез с нашими взглядами и идеалами. Мистер Трегей высказал соображение, что вы и мистер Бастейпл пытались обвести нас вокруг пальца с помощью этой антиневольнической экспедиции. Он называет ее ширмой!

Бастейпл. Мистер Трегей склонен к образным выражениям, милорд.

Элдерли. Пусть так. Но ваш план не просто «образное выражение». И мы — я говорю от имени той части верующих, которых я представляю,— мы настроены решительно против него.

Стэнфорт. А я говорю от имени либералов. Мы тоже категорически против. Африка должна принадлежать белым, и мы не потерпим, чтобы туда проникли желтокожие. И ваш принудительный труд — это замаскированное рабство, и он нам тоже не нужен.

Битон. В наше время без труда желтокожих кули белые не смогут освоить Африку. Я именно этого и хочу: чтобы белые владели Африкой, а вот вам-то на это решительно наплевать. Для вас самое главное — разглагольствовать о своих... принципах, или как они там у вас называются. Ну что ж, драться так драться.

Элдерли. Я все-таки хотел бы знать, действительно ли вы затеяли тогда это все для отвода глаз?

Бастейпл. Помилуйте, милорд...

Битон. Да, действительно! И мне плевать на то, что вам это известно. Мне слишком жаль наших ребят, погибших в африканских лесах.

Элдерли. Стэнфорт, надо ли нам оставаться здесь?

Стэнфорт. Разумеется, нет.

Элдерли. В таком случае, встретимся послезавтра... при Филиппах. До свидания!

Стэнфорт и Элдерли уходят.

Битон. Прямо-таки гром с ясного неба! Мы допустили ошибку, Бастейпл. Надо было действовать через третьих лиц. А теперь мы уже выпустили кота из мешка; удивительно только, что это не произошло еще раньше. Ну, на собрании я им покажу, на что я способен. Буду рубить сплеча! Посмотрим, как они устоят. «Африка должна принадлежать белым»! Пустые слова! Да если действовать их методами, на это уйдет по меньшей мере сто лет. А я хочу увидеть осуществление своей мечты еще при жизни.

Бастейпл. Биржа уже кое-что пронюхала. Акции падают.

Битон. Не имеет особого значения. В будущем их курс обеспечен.

Бастейпл. А буры, Битон?

Битон. О, старик Крюгер все равно пойдет на уступки. Если появится доктор Фрэнкс, дайте мне знать. А сейчас я должен заняться возникшей ситуацией. Я еще сумею поправить дело. (Выходит через заднюю дверь.)

Бастейпл погружается в глубокое раздумье.

Б а с т е й п л (про себя). Нет, он не сумеет! (Берет лист бумаги и производит какие-то подсчеты.) Черт подери, положение паршивое! (Подходит к телефону, берет трубку, но снова вешает ее. Пройдясь взад и вперед по комнате, подходит к столу, берет из ящика сигару и собирается закурить, но в этот момент дверь из приемной открывается и входит Фаррел.)

Ф а р р е л. Доктор Фрэнкс в приемной, сэр!

Б а с т е й п л. Ага! Прекрасно.

Ф а р р е л удаляется в свой кабинет. Бастейпл кладет сигару на место, подходит к двери приемной и открывает ее.

Доктор Фрэнкс? Я Эдриен Бастейпл.

Входит Ф р э н к с, сильно похудевший и загорелый. По его лицу можно догадаться, через какие испытания он прошел. Всем своим видом он представляет резкий контраст Бастейплу.

Рад вас видеть, доктор Фрэнкс. Я уже читал в утренних газетах о вашем приезде. Какие новости вы привезли нам?

Ф р э н к с (вынимая из кармана конверт). Вы получили ту длинную телеграмму, которую я послал через наших представителей в Момбасе?

Бастейпл кивает.

А вот мой подробный отчет. Но с того момента, как Струд оставил меня на Луалабе, я о судьбе экспедиции больше ничего не слышал. Им пришлось углубиться во враждебную страну — с непроходимыми лесами и свирепыми каннибалами. У них уже было мало сил, и едва ли они смогли бы отразить серьезное нападение. Я думаю, что все они погибли.

Б а с т е й п л. А вы сами?

Ф р э н к с. Только чудом мне удалось добраться до Танганьики с шестью из двенадцати людей, оставленных со мной.

Б а с т е й п л (на которого внешний вид Фрэнкса и его тон явно произвели впечатление). Много же вам пришлось перенести, надо думать.

Ф р э н к с (угрюмо). Тропики — это тропики...

Б а с т е й п л. И никаких следов работорговли вы не обнаружили?

Фрэнкс. Нет. Здесь я изложил все, что мне известно. *(Передает ему отчет.)*

Бастейпл. Все же вкратце, как было дело?

Фрэнкс. Мы выступили от озера Альберта по направлению к реке Луалабе...

Бастейпл. Одну минуту. *(Подходит к столу, вынимает и разворачивает карту.)* Прошу вас, указывайте места, которые вы будете называть.

Они становятся рядом за столом, и время от времени Фрэнкс водит пальцем по карте.

Фрэнкс. Отсюда и вот до этого места мы двигались с предельной быстротой, какая только возможна в этих дебрях. Мы шли форсированным маршем, избегая туземных поселений и вообще всяких встреч с людьми.

Бастейпл. Чем вы это объясняете?

Фрэнкс. Струд объяснил нам все только после того, как мы переправились через Луалабу, что, кстати, совершенно не входило в намеченные ранее планы. Оказалось, что истинной его целью была вовсе не работоторговля. Вот куда он стремился *(показывает на карте)* — к алмазным россыпям, о которых сообщил ему один охотник на слонов по имени Сэмуэй.

Бастейпл. Алмазные россыпи?

Фрэнкс. Кроме Сэмуэя, о них знал только какой-то бельгиец. Тот двигался к россыпям от Басоко, и Струд хотел опередить его.

Бастейпл. Вопиющее нарушение инструкций, доктор!

Фрэнкс. Струд, казалось, считал, что это открытие может иметь важное значение для Британской империи. Наши жизни уже в счет не шли, лишь бы ему прийти туда первым.

Бастейпл *(задумавшись)*. Вы говорите, он оставил вас здесь? *(Указывает пальцем.)* А почему вы полагаете, что он не смог пробиться?

Фрэнкс. Представьте себе кромешную ночь на самом дне ада, и вы получите некоторое представление о том, в каких он был условиях.

Бастейпл. И все же... вы сами...

Фрэнкс. Я переправился обратно на другой берег Луалабы. Лес там не менее ужасен, но в нем не так много

враждебно настроенных дикарей. Если бы он не погиб, мы непременно имели бы о нем хоть какие-нибудь сведения.

Бастейпл. А что случилось с этой бельгийской экспедицией?

Фрэнкс. Она повернула обратно.

Бастейпл. Так-так-так...

Фрэнкс. Кроме Струда, никто из нас не имел ни малейшего желания пробиваться туда. (*Внезапно взглянув на Бастейпла.*) Разрешите задать вам один вопрос.

Бастейпл кивает.

Он имел задание навязать нам конфликт с бельгийцами?

Бастейпл. Он имел только одно задание, доктор Фрэнкс,—искать следы работорговли.

Фрэнкс. Простите... Я...

Бастейпл (*сделав успокоительный жест и указав на карту*). Что представляет собою территория, которую Струду предстояло пересечь?

Фрэнкс. Тропический лес, болота, враждебно настроенные туземцы. Немного дальше, если не ошибаюсь, условия становятся несколько лучше.

Бастейпл. И никаких форпостов с белыми людьми?

Фрэнкс. К югу нет.

Бастейпл (*глаза его блещут*). Понятно. Доктор Фрэнкс, мы перед вами в неоплатном долгу за все, что вам пришлось перенести. Как я мог бы отблагодарить вас?

Фрэнкс. Спасибо. Никак.

Бастейпл. Чем вы собираетесь заняться?

Фрэнкс. Повидать родственников капитана Локьера и мистера Колли. После этого сам не знаю.

Бастейпл. Вам что-нибудь остались должны?

Фрэнкс. Нет. Мне все выплатили в Момбасе. (*Снова посмотрев на Бастейпла.*) Мне хотелось бы одного: забыть обо всем... если я только смогу...

Бастейпл. Понимаю. Газетные сплетни и прочее — все это так неприятно. Чем меньше будут говорить, тем лучше.

Фрэнкс. Да. Но считайте, что с момента сдачи отчета все мои обязательства кончаются. Я ничего не обещаю.

Б а с т е й п л. Ну, разумеется, доктор Фрэнкс. Разумеется. *(Звонит.)* Я сейчас же прочту ваш отчет.

Входит Ф а р р е л.

Прошу вас, оставьте нам свой адрес. Еще раз очень, очень благодарю вас. До свидания!

Ф р э н к с. До свидания.

Ф а р р е л и Ф р э н к с выходят.

Оставшись один, Бастейпл крепко стискивает ладони, потирает руки. Потом некоторое время стоит неподвижно. Выражение его лица говорит о том, что он уже увидел перед собой новые возможности. Он подходит к карте и изучает ее, ведя пальцем по какому-то воображаемому маршруту. Когда он разгибается, на лице его уже новое выражение: твердое и решительное. Он звонит и, стоя у карты, ожидает Фаррела. Входит Ф а р р е л.

Ф а р р е л. Что прикажете, сэр?

Б а с т е й п л. Фаррел, доктор Фрэнкс рассказывал мне об экспедиции Струда. Следите внимательно. *(Ведет пальцем по карте.)* Дело, видимо, обстоит так: оставив Фрэнкса вот здесь, Струд стал пробиваться дальше к каким-то алмазным россыпям в области Касаи, с тем, чтобы закрепить их за южноафриканскими концессиями.

Ф а р р е л *(вздвигнув от удивления)*. Вот как, сэр?

Б а с т е й п л. Доктор Фрэнкс считает, что вряд ли он мог добраться до алмазных россыпей и что вся экспедиция, вероятно, погибла. Я, однако, считаю его пессимизм неоправданным.

Ф а р р е л. Вы... вы так думаете, сэр?

Б а с т е й п л. Я не удивлюсь, если мы буквально в ближайшее время получим сообщение, что Струд добрался до этих алмазов. Мое чутье меня редко обманывает. *(Как будто про себя.)* Открытие нового Де-Бирса для южноафриканских концессий! Ведь это же рука провидения, Фаррел, рука провидения!

Ф а р р е л *(у которого рот немного приоткрылся)*. Да, сэр!

Б а с т е й п л. Но все это будет бесполезно, если сообщение придет позже, чем через две недели. Как только распространятся новости о неизбежной войне в Трансваале, африканские акции упадут до нуля.

Ф а р р е л. О!.. А если Струд... Откуда мы скорее всего можем получить это сообщение, сэр?

Б а с т е й п л *(указывая точку на карте)*. Мне думает-

курс уже дошел до... Тридцать шиллингов! И продолжает подниматься?.. Так-так-так!.. Бэтсон, купите на имя мистера Бастейпла пять тысяч акций. Вы как раз успеете до закрытия... Да, да... Совершенно верно... Именно так... *(Вешает трубку. Про себя.)* Покупают! *(Улыбается.)* Вот это гениальный маневр!

Дверь в глубине открывается и входит Б а с т е й п л в цилиндре. Фаррел вскакивает и выжидающе смотрит на него. Но лицо Бастейпла непроницаемо, как у изваяния. Он безмолвно проходит в свой кабинет. Фаррел все еще колеблется, идти ли ему следом, но тут Бастейпл возвращается, уже без цилиндра и без перчаток.

Б а с т е й п л. Ну, как дела, Фаррел?

Ф а р р е л. В связи с последним сообщением сегодня в течение всего дня наблюдается непрерывный спрос на акции, в основном со стороны широкой публики. *(Бросает на шефа быстрый взгляд.)* Наблюдается и продажа, сэр. В весьма значительных масштабах. *(Многозначительно улыбается.)*

Б а с т е й п л. В самом деле?

Ф а р р е л. Да, сэр. Но спрос так велик, что все наши подставные владельцы распродадут свои акции еще до закрытия биржи. *(Потирает руки.)* Я даже жду, что...

Б а с т е й п л. Телеграмму мою получили?

Ф а р р е л. Да, сэр. Указанные вами пятнадцать тысяч акций я купил через трех маклеров. Теперь весь Сити уже знает, что вы покупаете. *(Слегка нервничая.)* Э... пишут, что это «новый Де-Бирс» и что...

Б а с т е й п л. Да, да! Сообщение о Струде пришло как нельзя более кстати. Откуда оно поступило, Фаррел?

Ф а р р е л *(бросает на него быстрый взгляд)*. Из португальских источников, сэр.

Б а с т е й п л. Так я и думал. Мистер Битон был?

Ф а р р е л. Да, сэр. Он был на следующее утро после общего собрания. Провал проекта очень его расстроил. Он приезжал еще раз сегодня утром в связи с сообщением о том, что Струд нашел алмазы. Я сказал ему, что вы уехали в тот же день, когда он был здесь вместе с мистером Стэнфортом и лордом Элдерли.

Б а с т е й п л. Что он сказал насчет этого сообщения?

Ф а р р е л. У него были кое-какие сомнения, сэр, и он хотел знать, что вы об этом думаете. Я ему сказал, что как раз перед самым его приездом получили вашу теле-

грамму с распоряжением покупать. Это произвело на него большое впечатление. Но он сказал, что находка алмазов — пустяки по сравнению с провалом проекта. Но то, что Струд спасся, снимает с его души большую тяжесть. Он хотел знать, не от доктора ли Фрэнкса поступило это сообщение, но я сказал, что, кажется, нет. Доктор Фрэнкс был здесь, но ничего о Струде сообщить не мог.

Б а с т е й п л. Мне обязательно надо повидать Фрэнкса еще раз. Пошлите за ним. *(Удаляется в свой кабинет.)*

Секунду Фаррел стоит и смотрит ему вслед, в волнении облизывая губы. Затем поворачивается к двери, намереваясь выйти, но в этот момент она открывается, и один из клерков говорит.

К л е р к. Пришли мистер Трегей и мистер Фрэнкс, сэр.

Входят Ф р э н к с и Т р е г е й.

Т р е г е й. Мистер Фаррел, можем ли мы повидать вашего шефа?

Ф а р р е л. Конечно, сэр. Он только что говорил мне, что хочет повидать доктора Фрэнкса. Присядьте, пожалуйста.

Трегей и Фрэнкс становятся слева. Фаррел проходит в кабинет и почти тотчас возвращается.

Соблаговолите немного подождать. Может быть, вы закурите?

Трегей и Фрэнкс отказываются от сигар, и Ф а р р е л, окинув их взглядом, выходит. Они стоят рядом и беседуют вполголоса.

Т р е г е й. Ты больше никому не говорил о настоящей цели Струда?

Ф р э н к с. Ни одной живой душе.

Т р е г е й. Чем ты это можешь подтвердить?

Ф р э н к с. Только своим честным словом.

Т р е г е й. Оно не имеет юридической силы, Клемент.

Ф р э н к с. Разве в лондонском Сити не верят слову честного человека?

Т р е г е й. Всякое бывает.

Ф р э н к с. Мне нужно обелить мое имя, Роджер, доказать, что я не причастен ко всему этому. В своем отчете я подчеркнул, что у Струда не было ни малейшей возможности добраться до алмазов. Что я теперь скажу род-

ственникам бедняги Локьера, семье Колли? Что мне делать?

Трегей. Прежде всего, друг мой, не терять головы.

Дверь кабинета открывается, и входит Бастейпл.

Бастейпл. Добрый вечер, господа.

Они резко оборачиваются. Трегей смотрит на Бастейпла спокойно и слегка насмешливо. Фрэнкс — напряженно, чуть не дрожа.

Я прочел ваш отчет, доктор Фрэнкс. Ужасная вещь — эти экваториальные леса! Я только что собирался послать за вами в связи с последними газетными сообщениями.

Фрэнкс. Я и пришел по этому поводу.

Бастейпл. Когда вы у меня были, мне показалось, что вы настроены слишком пессимистично.

Фрэнкс. Вы верите в это сообщение?

Трегей. Поразительное совпадение, мистер Бастейпл.

Бастейпл. То есть?

Трегей. В понедельник мой двоюродный брат рассказывает вам о цели, которую ставил перед собой Струд. В четверг появляется сообщение, что Струд достиг ее.

Бастейпл. Значит, вы считаете, что случайный намек, оброненный доктором Фрэнксом, вдохновил какого-нибудь журналиста?

Фрэнкс. Я не делал никаких намеков.

Бастейпл (*пожав плечами*). А как насчет мистера Трегея? И у стен бывают уши, доктор Фрэнкс.

Фрэнкс (*вытаскивая из кармана газетную вырезку*). «...действовавший от южноафриканских концессий». Я ничего подобного сказать не мог. Меня не было в Англии целых шесть лет, и я даже не знал о существовании такого концерна.

Бастейпл. Вы что-нибудь слышали о Роберте Битоне?

Фрэнкс. Да, от Струда.

Бастейпл. Вот Роберт Битон — это и есть южноафриканские концессии. Именно Битон и выбрал Струда для этой экспедиции.

Фрэнкс (*несколько сбит с толку*). Допустим. Но я ни в одном разговоре не упоминал имени Битона.

Бастейпл. Ну-ну! Мне все больше начинает ка-

заться, что сообщение это не вымышленное. Нам надо попытаться установить, насколько оно достоверно.

Трегей. Вы не возражаете, если мы начнем здесь, у вас?

Бастейпл. Вы намекаете на отчет? Но, мистер Трегей, я его из рук не выпускал. (*Вынимает отчет из внутреннего кармана.*) А с тех пор как я виделся с доктором Фрэнксом, меня не было в городе, и приехал я всего час назад.

Трегей. И у стен бывают уши, мистер Бастейпл.

Бастейпл. Только не у этих стен, мистер Трегей. Иначе очень многие планы потерпели бы крах.

Фрэнкс (*возбужденно*). Но говорят, что акции бешено расхватывают. Посмотрите на этот заголовок: «Открытие нового Де-Бирса».

Бастейпл. Ну-ка, давайте поглядим, как это у них подано. (*Читает.*) «...Сообщают, что новые алмазные россыпи, подобные россыпям Де-Бирса, открыты исследователем Африки Джоном Струдом, действовавшим от имени южноафриканских концессий. Прошлой осенью он выступил из района озера Альберта и проник в область Конго». Вы были в редакции этой газеты?

Фрэнкс. Да. И в других тоже. «Сообщение поступило из надежных источников» — вот их единственный ответ.

Бастейпл. Обычная погоня за сенсацией. Может быть, это в самом деле утка?

Трегей. А если так, то почему, каким образом они могли узнать подлинную цель Струда?

Бастейпл (*пожимая плечами*). Вот именно — каким образом?

Фрэнкс. Благодаря этому сообщению кто-то теряет, а кто-то наживает целые состояния. А я не верю в него и хочу, чтобы мое имя к нему не приплеталось.

Бастейпл. Что же вы собираетесь предпринять?

Фрэнкс. Объявить через газеты о своей непричастности к этому сообщению, предупредить читателей, чтобы они ему не верили.

Из своей комнаты выходит Фаррел с пачкой вечерних газет в руках. Он кладет их на столик, передает Бастейплу записку и уходит.

Бастейпл (бросает взгляд на записку, и лицо его расплывается в улыбке; смяв ее, он разворачивает вечернюю газету). Посмотрим, нет ли чего-нибудь новенького? (Читает как бы про себя.) Гм!.. «Из португальского источника...» Вот как! Это доказывает вашу абсолютную непричастность, доктор Фрэнкс.

Фрэнкс (поражен). Португальского! А вдруг это в самом деле правда?

Бастейпл. Отчего же нет? Лично я считаю, что так и есть, и покупаю акции. Но вы все-таки отправьте в газеты заявление, что снимаете с себя всякую ответственность.

Трегей. И немедленно, Клемент, если ты хочешь, чтобы оно попало в утренние газеты.

Фрэнкс. Вы не разрешите мне обдумать и написать его у вас в приемной? (Указывает на дверь слева.)

Бастейпл. Конечно. Вы найдете там все необходимое.

Фрэнкс. Спасибо. (Выходит.)

Трегей. Не могу ли я взглянуть на записку, которую вы держите в левой руке?

Бастейпл (невольно сжав в кулаке бумажку). Простите, что вы сказали?

Трегей. Это грабеж среди бела дня, мистер Бастейпл.

Бастейпл (с расстановкой). Вы нездоровы, сэр?

Трегей. Кто дал деньги на экспедицию Струда? Вы! А почему? Потому что с помощью труда китайских кули вы надеялись вздуть цены на свои акции. Но ваш проект с треском провалился два дня тому назад.

Бастейпл делает нетерпеливый жест.

А вы уже основательно завязли, иначе ни за что не пожертвовали бы прошлой осенью целых десять тысяч фунтов на какие-то побасенки о работоторговле. Что же дальше? Акции падают, время не ждет; и вы и я знаем — почему именно. А тут еще старик Крюгер и назревающая война. И вот вы потихоньку пускаете словечко: «алмазы»; кто-то подхватывает его и...

Бастейпл снова делает движение.

В самом деле, отчего же нет? На этом вы только выигрываете вместо того, чтобы терять, зато кто-то другой

теряет вместо того чтобы выиграть. И вы на этом выиграли... Покажите-ка мне эту записку.

Бастейпл. Это просто забавно!

Трегей. Значит, я могу взглянуть?..

Бастейпл. Можете катиться ко всем чертям! *(Берет сигару и прикуривает от горящего светильника.)*

Трегей *(глядя на него в упор)*. «Всяк за себя, а кто отстал — пусть пропадает» — прекрасный девиз, мистер Бастейпл!

Бастейпл. Какая наглость! Как вы смее...

Трегей. Без меня мой кузен заблудился бы в вашем Сити и тоже пропал бы, бедняга.

Бастейпл. Вы ведете себя возмутительно, сэр.

Трегей. Я слишком часто видел работу вам подобных. Видел, как вы выслеживаете добычу — как кошка подстерегает мышь. Я знаю все ваши хищные ухватки!

Бастейпл. Романтическая чепуха!

Фрэнкс, незадолго перед тем вернувшийся в комнату, стоит и слушает в изумлении.

Трегей. Клемент, мы тут объясняемся начистоту. Это газетное сообщение — утка.

Бастейпл. Теперь у меня есть свидетель, сэр.

Трегей *(взглянув на часы)*. Биржа уже закрылась. Если хочешь знать, сколько он нажил на этом деле, попроси его показать тебе записку, которая у него в левой руке. Давай-ка отберем ее! *(Делает шаг вперед.)*

Бастейпл *(поднося руку к пламени светильника)*. Вас двое против одного, господа, и вы оба моложе меня.

Трегей останавливается.

Фрэнкс. Ты говоришь, что он сам состряпал это сообщение?

Трегей. Сам или чужими руками.

Фрэнкс. И все это ради денег! *(С внезапной страстностью)*. Бог мой! Взять бы вас всех, засевших здесь, в Сити, да перенести в экваториальный лес, чтобы покрытые болячками, со впавшим животом и торчащими ребрами вы плелись где-нибудь в хвосте каравана. Это отучило бы вас играть чужими жизнями!

Бастейпл *(ледяным тоном)*. Доктор Фрэнкс, мне уже из вашего отчета было ясно, что сердце у вас крепче головы. Уведите-ка отсюда своего романтически настро-

енного друга и где-нибудь в тихом уголке спросите, чем он может доказать истинность этих фантастических обвинений. И вы услышите его ответ: «Ничем». Понятно? У него нет доказательств. Никаких! Попросите его добыть какие-нибудь доказательства, если он на это способен. А говорить на ветер — это неподходящее занятие для серьезных людей. Уходите!

Т р е г е й. Не торопитесь! Клемент, ты побывал в редакциях. Я тоже. Ты ничего не узнал — у тебя нет связей. А у меня есть, и вот что я узнал. *(Вынимает из кармана листок бумаги и читает.)* «Джон Струд, английский исследователь, действующий от имени южноафриканских концессий, открыл в марте новые алмазные поля в области Касаи, Конго». Подписано: «Центральное газетное агентство, Лисабон».

Ф р э н к с. Но это звучит...

Бастейпл внимательно слушает.

Т р е г е й. ...Слишком гладко. Я получил эту копию вчера в пять часов вечера. Я тут же послал телеграмму одному приятелю в Лисабон. Ответ мне принесли как раз перед твоим приходом. *(Читает.)* «Газетное агентство Лисабона не посылало подобного сообщения, отправителя установить не удалось». *(Показывает телеграмму Фрэнксу.)* Что вы на это скажете, мистер Бастейпл?

Бастейпл звонит.

Т р е г е й. Cherchez l'homme!..¹ Иначе: кто нажился на этом сообщении?

Б а с т е й п л. Вот именно!.. Наведите справки на бирже. Вам скажут, что после появления этого сообщения в газетах я купил пятнадцать тысяч акций и не продал ни одной. Если я не стану возбуждать судебного преследования против вас обоих, то только потому, что доктор Фрэнкс и без того много перенес.

В дверях появляется Ф а р р е л.

Фаррел, проводите этих господ!

Т р е г е й. Постойте!

Фаррел прикрывает дверь, а Бастейпл, направившийся в свой личный кабинет, останавливается.

¹ Ищи мужчину!.. *(франц.)*

Мистер Фаррел, вы знали о том, куда на самом деле направляется Струд?

Фаррел (после минутного колебания). Н-нет, сэр. Если, конечно, вы говорите не о... (Показывает пальцем вниз.)

Трегей. Мне сейчас не до пошлых шуток. Мистер Бастейпл вам все рассказал после ухода доктора Фрэнкса в прошлый понедельник.

Фаррел (глядя на Бастейпла). Разве, сэр? Мне кажется, что..

Бастейпл. Вы сами должны помнить, говорил ли я вам что-нибудь или нет.

Фаррел (решительно). Конечно, сэр. Но вы мне ничего не говорили.

Трегей. Будьте осторожны, мистер Фаррел.

Фаррел. Я вообще человек осторожный, сэр.

Трегей. Готовы ли вы под присягой подтвердить, что он ничего вам не говорил?

Фаррел. Мы не на суде, сэр.

Трегей. Да, но вы легко можете оказаться там.

Бастейпл. Так же, как и вы, сэр.

Трегей (обращаясь к Фаррелу). Я утверждаю, что вы знали о намерении Струда искать алмазы в Касаи. Далее: в среду вечером, после того как общее собрание провалило проект ввоза китайских кули в Южную Африку, вы послали в Лисабон зашифрованную телеграмму, в которой дали инструкцию своему агенту послать в Лондон вот это самое сообщение о Струде. Оно вам знакомо? (Подносит к глазам Фаррела текст сообщения.)

Пока Фаррел читает, все трое внимательно следят за ним. Фаррел кончает читать и поднимает глаза.

Фаррел. Ничего подобного я не делал.

Трегей. Простите меня, если я слишком низко оценил всю тонкость ваших методов, но, так или иначе, вы являетесь инициатором этого сообщения. Взгляните-ка на это: «Газетное агентство Лисабона не посылало подобного сообщения, отправителя установить не удалось». (Показывает Фаррелу телеграмму.) Можете подать на меня в суд за клевету, если сообщение состряпано не вами.

Ф а р р е л. Вы просто бредите, сэр!

Т р е г е й (похлопывая по карману). А записка, которую вы только что принесли? Там обозначена кругленькая сумма, не правда ли? (Засовывает руку в карман и, бытащив ее, делает вид, что разглядывает спрятанную в руке бумажку.)

Ф а р р е л (после некоторого колебания). Да-да, сэр, какая именно сумма?

Б а с т е й п л. Ваш блеф не удался! Хватит! Есть предел и моему терпению. (Открывает дверь в свой кабинет.) Фаррел!

Выходит, за ним Ф а р р е л.

Т р е г е й. Тигр удаляется в свое логово. Но он прав, Клемент. На этот раз нам не удастся разоблачить его. Его когти не оставляют следов.

Ф р э н к с (как бы про себя). «Дурной это мир, хозяин, и вы совсем заблудились в нем». И все это ради денег!..

Т р е г е й. ...Добытых клыками и когтями, мой друг, по закону леса! (Берет Фрэнкса под руку.) Пошли!

Дверь внутреннего кабинета открывается, и на пороге останавливается Ф а р р е л.

(Глядя на него в упор.) Как насчет судебного иска, мистер Фаррел? Ведь у вас есть два свидетеля.

Ф а р р е л. У меня есть еще жена и дети. Излишняя роскошь мне недоступна.

Т р е г е й. Он мог бы больше платить вам за грязную работу, которую вы для него выполняете.

Ф а р р е л (горячо). Можете сколько угодно упражняться в остроумии на мой счет, но его — не трогайте!

Т р е г е й. Черт побери, в вас что-то есть, мистер Фаррел! Скажите, неужели его никогда не мучит совесть?

Ф а р р е л. Не больше, чем вас, сэр.

Т р е г е й (пожав плечами). Пошли, Клемент.

Они уходят, провожаемые взглядом Фаррела. Когда дверь за ними закрывается, из своего кабинета выходит Б а с т е й п л, по-прежнему с сигарой в зубах. Он усаживается у столика и открывает один из ящиков.

Фаррел (тревожно). Мистер Трегей только что...

Бастейпл (остановив его движением руки, вынимает из ящика чековую книжку и пишет). Это вам. На мой банк в Буэнос-Айресе. Десять процентов от... (разжимая ладонь левой руки, чтобы свериться с цифрой, написанной в записке) двухсот пяти тысяч фунтов стерлингов. (Подписывает чек и вручает Фаррелу.)

Фаррел (раскрыв рот от изумления). Что вы, сэр!

Бастейпл (легким движением руки пресекая его попытку заговорить). Увеличьте мои пожертвования благотворительным организациям на текущий год. Удвойте их.

Фаррел (чуть ли не шепотом). Слушаюсь, сэр, с... удовольствием, сэр. И в самом деле, ведь Струд мог бы... разве нет, сэр?

Бастейпл поворачивается к нему лицом, и губы его медленно растягиваются в улыбке. Эта сардоническая гримаса производит столь сильное впечатление на Фаррела, что он, не выдержав, уходит. Бастейпл подносит записку к пламени светильника и следит за тем, как она горит. Потом, откинувшись поудобнее в кресле, вынимает сигару изо рта и выпускает огромный клуб дыма. Улыбка еще не полностью сошла с его лица, и он потягивается со вздохом удовлетворения, безотчетно сжимая и разжимая пальцы, словно кошка, когда она выпускает когти.

К о н е ц

1924 г.

СПЕКТАКЛЬ

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Энн Моркомб
Горничная
Инспектор сыскной полиции
Полицейский врач
Полицейский
Кухарка
Дэзи Одихем
Репортер
Полковник Роуленд
Джеффри Дарелл.
Редактор
Секретарша
Редактор отдела происшествий
Леди Моркомб
Одихем
Помощник coronera
Констебль
Освальд, лейтенант королевского флота
Лица из публики
Старшина и семеро присяжных

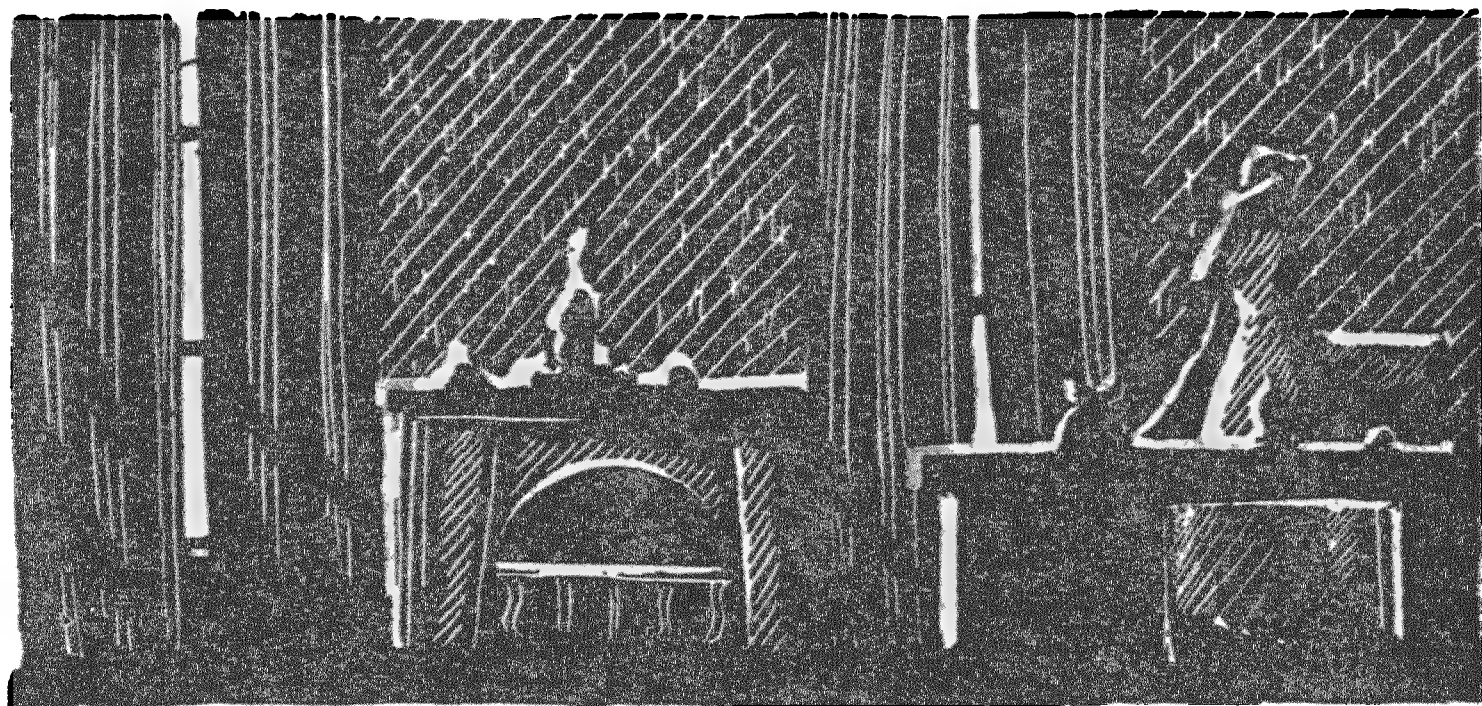
Действие первое.— Кабинет Моркомба в Кенсингтоне. Март. Утро.

Действие второе.

Картина первая.— Кабинет редактора газеты, утро следующего дня.

Картина вторая.— Кабинет Моркомба, несколько позже.

Действие третье.— Приемная следственного суда. Утро следующего дня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Мартовское утро, десять часов. Дом в Кенсингтоне; пустой кабинет; на заднем плане окна с задернутыми шторами; узкие полоски света пробиваются сквозь шторы. Слева, перед камином низкое, глубокое кресло. Направо от камина, ближе к рампе, дверь; другая дверь напротив, в правой стене. Направо от этой двери письменный стол. На столе телефон. Возле кресла низенький столик, на нем графин с коньяком, сифон и стакан.

Комната обставлена со вкусом; между окнами книжный шкаф. На шкафу маленькая модель самолета.

Открывается дверь слева, и входит Энн Моркомб; ей лет двадцать пять, брюнетка, очень бледная, прекрасно сложена, красивая, но красота ее не бросается в глаза. Она включает свет, секунду стоит неподвижно, смотрит на кресло; потом вздрагивает, быстро проходит через комнату, запирает правую дверь и берет телефонную трубку.

Энн. Челси 0012... Это... это ты, Джефф? Говорит Энн. *(Она говорит очень тихо, порывисто, напряженным голосом.)* Случилась ужасная вещь... Колэн застрелился... Да... в сердце... вчера вечером. Когда я вернулась от тебя... застала его в кабинете — в кресле — мертвым... Доктор говорит... прошло часа два... Полиция уже была... Нет... никаких сомнений... нет... Револьвер в руке... да, его револьвер... Нас?... Нет, нет... Он не знал, уверена, что нет... Да если бы и знал, для него это ровно ничего не... Ты же знаешь, ему было совершенно... Нет... Даже представить себе не могу... Я ничего не знаю о его делах, так же как и он о моих.

Она слышит какой-то шум, поспешно бросает трубку, отпирает дверь и быстро идет к двери налево, в ту же минуту правая дверь открывается, и входит горничная, говоря на ходу.

Горничная. Вот эта комната, сэр.

Входят двое: инспектор сыскной полиции в штатском, с кожаной сумкой через плечо, и врач полицейского управления.

Инспектор сыскной полиции. Миссис Моркомб?

Энн. Да.

Инспектор. Инспектор сыскной службы из Скотленд-Ярда Флайн. Я здесь по распоряжению начальника полиции. А это врач из полицейского управления. Он вчера был в отъезде. Я бы хотел, чтобы он освидетельствовал труп, прежде чем его унесут.

Энн. Сюда, пожалуйста.

Инспектор. Одну минутку. Это то самое кресло? Здесь ничего не трогали со вчерашнего вечера, после ухода полиции?

Энн. Нет, ничего, после того как его унесли наверх.

Инспектор (*пробежав глазами заметки в записной книжке, садится в кресло и, опустив голову на грудь, кладет правую руку на колени*). Вот так вы его застали, мэм?

Энн (*шепотом*). Да.

Инспектор (*проводит рукой себе по груди*). Тут, значит, было расстегнуто?

Энн. Да.

Инспектор (*кивает доктору и встает*). Начальник сказал, что здесь они вчера все перерыли. Бумаги майора у меня. (*Поднимает сумку.*) А может быть, у вас там наверху, мэм, есть что-нибудь еще, что мне следовало бы взять?

Энн. Не думаю. Обычно он все держал здесь.

Инспектор. Мы все-таки посмотрим, если вы будете так любезны проводить нас. Простите, мэм, вы пришли сюда, чтобы...

Энн. Я говорила по телефону.

Инспектор. Понятно. Так вот, если вы сейчас с доктором подниметесь наверх, я к вам через минуту приду.

Энн выходит с доктором, который все это время внимательно наблюдал за ней.

Инспектор отдергивает штору на одном из окон, смотрит на улицу, потом поворачивается, окидывает глазами комнату. Звонит телефон, он поднимает трубку, слушает.

Инспектор. Кто говорит? Хм... положили трубку... Ошибся? Не тот номер набрал... или, может, не тот голос слышал?.. (*Кладет трубку, секунду стоит, задумавшись, потом идет к двери налево, открывает ее.*) Симпсон!

В дверях появляется полицейский в форме.

Вы в этом квартале дежурили вчера вечером?

Полицейский. Да, сэр.

Инспектор. И вы не слышали выстрела? (*Заглядывает в записную книжку.*) Судя по заключению доктора, смерть наступила около девяти часов.

Полицейский. Нет, сэр, выстрела не слышал.

Инспектор. А не заметили, кто-нибудь выходил вечером из этого дома?

Полицейский. Нет, сэр. Я видел, как вернулась домой хозяйка.

Инспектор. В котором часу?

Полицейский. Да так примерно в половине одиннадцатого, сэр.

Инспектор (*заглядывает в свои заметки*). Одна?

Полицейский. Да, сэр.

Инспектор. Как это вы ее приметили?

Полицейский. Да я ее хорошо знаю, сэр. Она с каким-то джентльменом простилась вон там за углом, не доходя до дому.

Инспектор. Ага... Вы его знаете?

Полицейский. Нет, сэр, но наши говорят, это уж не первый раз.

Инспектор. А вы бы узнали его, если бы увидели? (*Полицейский кивает.*) Каков он с виду?

Полицейский. Высокий такой молодой человек в мягкой шляпе.

Инспектор, секунду подумав, идет к телефону, смотрит номер аппарата.

Инспектор (*снимая трубку*). Станция! Сюда только что звонили и тут же прервали... А, там еще не дали отбоя, так соедините меня, пожалуйста... Хэлло! Это какой номер? Челси 0012. Спасибо! (*Кладет трубку, записывает номер. К полицейскому.*) Вот вам моя карточка и этот номер, узнайте, на чье имя телефон и по ка-

кому адресу, и сейчас же возвращайтесь обратно. Пошли-те сюда горничную.

Полицейский. Слушаю, сэр.

Выходит.

Инспектор идет через комнату к креслу, осторожно, держа двумя пальцами снизу, поднимает со столика стакан, разглядывает следы пальцев по краям. Входит горничная.

Горничная. Да, сэр.

Инспектор. А, это вы! Ваше имя?

Горничная. Эллен Фрост.

Инспектор. Здесь никто ничего не трогал, надеюсь?

Горничная. Нет!

Инспектор. В котором часу майор Моркомб вернулся вчера домой?

Горничная. Около восьми часов, сэр.

Инспектор. Как это вам стало известно?

Горничная. Я видела, как он шел по двору. Он крикнул мне, что уже обедал.

Инспектор. А!.. Какой у него голос был?

Горничная. Да как всегда, сэр.

Инспектор. Вы подавали ему коньяк?

Горничная. Да, он позвонил так около половины девятого и спросил коньяку. Он как раз запечатывал письмо — и тут же послал меня опустить.

Инспектор. Письмо? Кому?

Горничная. Я не посмотрела, сэр. Я тут же пошла и опустила его в ящик, потом принесла ему коньяк. Он уже сидел в кресле.

Инспектор. Как он вам казался?

Горничная. Да обыкновенно, спокойный — сидел вот так, подперев голову рукой (*наклоняет голову, прикладывает руку ко лбу*).

Инспектор. Он вам ничего не сказал?

Горничная. Нет, сэр.

Инспектор. А много он коньяку выпил, как повашему?

Горничная. (*приглядываясь к графину*). Да порядочно, сэр.

Инспектор. Полстакана?

Горничная. Да, примерно так.

Инспектор (достает из сумки револьвер). Это вам знакомо?

Горничная (вздрагивает). Да, кажется, тот самый. В письменном столе у него всегда лежал.

Инспектор. А когда вы коньяк подавали, его тут на виду где-нибудь не было?

Горничная. Нет, сэр.

Инспектор. Вы слышали выстрел?

Горничная. Да как вам сказать, сэр, мне послышалось, будто что-то грохнуло, когда граммофон играл «Приголубь меня, Чарли». Но ведь это, знаете, очень громкая песня.

Инспектор. А вы где в это время были?

Горничная. В кухне. (Показывает налево.) Это внизу, под гостиной. Мы как раз ужинать собирались.

Инспектор. В котором часу?

Горничная. Около девяти.

Инспектор. Ну, а когда вы услышали, как что-то грохнуло, вы не поднялись наверх?

Горничная. Да мне и в голову не пришло, что это у нас в доме.

Инспектор. Сколько времени вы здесь служите?

Горничная. С тех пор, как они поженились и живут в этом доме, сэр. Вот уже четыре года.

Инспектор (заглядывает в записную книжку). Спали они врозь, каждый у себя?

Горничная. Да, сэр.

Инспектор. И давно это у них так повелось?

Горничная. Да уж больше года, верно, как майор наверх перебрался.

Инспектор. Значит, они не в ладу жили? (Горничная мнется.) Советую говорить правду.

Горничная. Так, чтобы ссоры в доме, никогда этого не бывало.

Инспектор. Бросьте юлить, вы отлично понимаете, о чем я спрашиваю. Жили они как муж с женой?

Горничная. Нет, сэр, похоже, что нет.

Инспектор. И давно это у них так?

Горничная. Да.

Инспектор. И если они куда ходили, так тоже врозь?

Горничная. Да.

Инспектор. Миссис Моркомб уходила вчера вечером?

Горничная. Да, вернулась в половине одиннадцатого, я открывала ей дверь.

Инспектор. Так, так... А что майор, вспыльчивый был человек?

Горничная. О, нет, сэр! Мрачный очень, когда на него найдет...

Инспектор. Как это надо понимать?

Горничная. Не знаю даже, как и сказать-то... Ну вот когда человек совсем отчаялся и кажется, у него и выхода нет.

Инспектор. Что ж, сидит, повесив голову, так, что ли?

Горничная. Да.

Инспектор. А ведь, кажется, знаменитый был летчик, отличился во время войны!

Горничная. О, да, сэр. Майор был герой.

Инспектор. М-да... И с героями случается... А много он получал писем?

Горничная. Не знаю, как по-вашему, это много, писем шесть-семь в день?

Инспектор. А не замечали вы, не было у них каких-нибудь денежных затруднений?

Горничная. Нет, нет, сэр. Вот уж это я вам верно скажу, нет.

Инспектор. Почему это вы так уверены?

Горничная. Никогда у них и разговору о деньгах не было.

Инспектор. Да и вообще-то они не так уж много друг с другом разговаривали, а?

Горничная. Что правда, то правда. Но сами понимаете, это уж такое дело. Когда в доме туго с деньгами, хочешь не хочешь, а услышишь.

Инспектор. Да, это верно... А кто из них вам больше по душе, майор или миссис Моркомб?

Горничная. Ах, сэр, да я к ним к обоим уж так привязалась! Бедный майор...

Инспектор. Да... Грустная история, очень грустная. Так значит, вы и к миссис Моркомб тоже привязаны?

Горничная. Да, очень.

Инспектор. А кто у нее из родных есть?

Горничная. Да, кажется, только отец остался, старый полковник. Роуленд.

Инспектор. Он все еще служит?

Горничная. Да нет, он уже старик, ему, верно, под семьдесят будет.

Инспектор. А братьев нет?

Горничная. Нет, сэр. Она, кажется, одна росла, единственная дочь.

Инспектор (*внезапно*). Должна же быть причина, почему у них такой разлад с майором был. Из-за чего это у них?

Горничная. Право, не могу сказать, сэр.

Инспектор. Что значит не можете?

Горничная. Ну не знаю я.

Инспектор. Как это вы не знаете? Ну что... какая-нибудь связь на стороне?

Горничная (*в смятении*). Право же, я не могу сказать — ничего такого не замечала.

Инспектор. Да ведь такую вещь само собой видно.

Горничная (*с внезапной решимостью*). Ничего я не видела.

Инспектор (*пронизывая ее взглядом*). Понятно: знаю, а не скажу.

Горничная (*испуганно*). Да нет, сэр, правда, и не мое это вовсе дело.

Инспектор. Ваше дело рассказать все, что вы знаете. Мы должны разобраться, почему это случилось, и ваш долг помочь нам в этом, а не отмалчиваться. Ну что это, муж с женой, молодые, и спят врозь, вот уже год с лишним? Сами же вы это сказали, — значит у него, или у нее, или у обоих кто-то есть на стороне. Не так ли?

Горничная (*упрямо*). Не знаю, ничего не могу сказать.

Инспектор. Очень хорошо. Кто здесь бывал в доме? Я сейчас подымусь наверх, а вы сядьте и напишите мне всех по фамилиям. Да смотрите, чтобы никого не пропустить.

Горничная. Хорошо, сэр.

И н с п е к т о р выходит в дверь налево, горничная садится за письменный стол и, послунявив карандаш, пишет, припоминая одно имя за другим. Из двери справа в комнату заглядывает старуха
ку х а р к а.

К у х а р к а. Тут вот молодая женщина, что ни говорю, не уходит никак.

Д э з и О д и х е м, хорошенькая, простенькая, входит в комнату, отстраняя кухарку, вид у нее исступленный. Горничная вскакивает, кухарка остается стоять в дверях.

Д э з и (не помня себя — голос малоинтеллигентный). Неправда, неправда это! Скажите, ведь неправда? Он не убил себя, не до смерти, он не умер?

Г о р н и ч н а я (потрясенная). Нет правда.

Д э з и. О боже! Боже! (Опускается на стул и, припав головой к письменному столу, покачивается из стороны в сторону. Кухарка идет к столику у кресла, наливает в стакан немного коньяку и подходит к ней.)

К у х а р к а. Нате, выпейте-ка это... милочка. Да кто же вы такая будете?

Девушка сначала отталкивает стакан, потом берет и пьет.

Д э з и (вскидывая голову). Не все ли равно, кто я такая? Да никто — о господи! (Внезапно.) Неужели он не оставил мне ни слова? Ни слова? Ничего?

Г о р н и ч н а я. Не знаю; хотите, пойду спрошу, если вы скажете ваше имя.

Д э з и. Ах нет, не все ли теперь равно, раз он умер? Оставьте меня. Я сейчас уйду.

К у х а р к а. Смотрите не делайте глупостей.

Д э з и (все в таком же состоянии исступления). Глупостей! Я... мне нельзя его увидеть?

Г о р н и ч н а я. Там сейчас миссис Моркомб с полицией.

Д э з и. Ах! Я ухожу, ухожу. (Внезапно спокойным и даже каким-то жестким тоном.) Все в порядке — спасибо вам. (Отстраняет руку кухарки и выходит, прикрывая лицо рукой ладонью наружу; горничная, застыв на месте, глядит ей вслед.)

К у х а р к а. Ах, бедняжка! (Делает несколько шагов.) А я так думаю: не из-за нее ли у них все это и пошло?

Г о р н и ч н а я (еще не совсем опомнившись). А они тут еще с допросами пристают! Что я им теперь скажу!

Кухарка. За этой девчонкой последить бы надо. Неровен час, с моста в реку бросится.

Внезапно обе замечают, что в дверях стоит молодой человек; это репортер из газеты, юноша довольно приятной наружности.

Репортер. Все устроено. За ней следят. Да вы не бойтесь. Она не закрыла парадную дверь, и я пришел вам сказать, что мой приятель ее не упустит. (*Смотрит на их негодующие лица.*) Я, кажется, вас напугал. (*Подходит к горничной и сует ей в руку деньги.*) Простите, пожалуйста.

Горничная (*отпихивая его руку*). Нет, нет. Я знать не знаю, кто вы такой и что вам здесь нужно.

Репортер (*с подкупающей улыбкой*). Ну если вы так опасаетесь... Только уверяю вас, все в порядке. Я из газеты «Ивнинг Сан».

Кухарка. А, это из тех, «кто спешит раньше всех», газетчик? Чего это им здесь понадобилось?

Репортер. Ну вы же должны понимать, какой интерес это вызовет у читателей. Майор Моркомб — летчик герой, все помнят его знаменитый полет в Германию. Так это здесь, в этой самой комнате. В этом кресле? (*Подходит к креслу.*) Крови не видно, никаких следов. (*Быстро идет по комнате, с любопытством оглядываясь кругом.*)

Горничная. Уж вы извините, а я пойду доложу о вас инспектору. Пожалуйста, у него и спрашивайте, что вам надо. (*Кухарке, понизив голос.*) Последите за ним! (*Выходит в дверь налево.*)

Репортер (*кухарке*). Послушайте, пока их нет... ведь вы-то уж, наверно, всю подноготную знаете. Скажите, ну вот вы сами, что вы об этом думаете?

Кухарка (*сухо*). Ну нет, и не спрашивайте, от меня вы ничего не дождетесь — это их хозяйское дело.

Репортер (*обиженно*). Да ведь я же не из пустого любопытства. Сами подумайте, когда стреляется такой человек, как мистер Моркомб, это же не может всех не интересовать.

Кухарка. Мы с газетами не якшаемся. Ежели бы мне, например, вздумалось сунуть голову в газовую духовку, так кому это надо, чтобы из-за этого шум подымали?

Репортер. Непременно подымут.

Кухарка. Ну так я вам в этом деле не помощница. Выставлять напоказ бедного майора! Помер человек — оставьте его в покое.

Репортер. К сожалению, моя служба требует от меня как раз обратного.

Кухарка. Так я бы на вашем месте поискала себе другую.

Репортер. Легко сказать...

Он умолкает и, приняв солидный вид, застывает на месте, в то время как в дверь слева входит инспектор. Кухарка задерживается у правой двери.

Репортер (*показывает инспектору свое удостоверение*). Могли бы вы дать мне какую-нибудь информацию?

Инспектор. Сейчас нет. Будет судебное следствие.

Репортер. А могу я что-нибудь сообщить в газету?

Инспектор (*с легкой усмешкой*). Можете сообщить, что дело находится в ведении полиции.

Входит полицейский, подходит к инспектору.

Полицейский. Вот имя и адрес этого номера, сэр.

Инспектор. Спасибо.

Репортер настораживается.

Репортер. Ничего, что позволило бы предположить причину, инспектор?

Инспектор. Нет, и не предвидится до тех пор, пока вы не перестанете отнимать у меня время.

Репортер. Прошу прощения, инспектор. В таком случае разрешите откланяться.

Инспектор. Давно пора.

Кухарка. Проводить его?

Инспектор кивает.

Репортер (*с улыбкой*). Прохладный прием. До свидания.

Выходит в правую дверь, сопровождаемый кухаркой.

Инспектор. Черт бы побрал этих газетчиков, вот неотвязный народ, вьются, как мухи над падалью. (*Пробегает глазами бумажку, которую ему дал полицейский.*) Вы пойдете со мной установить личность этого джентльмена, Симпсон.

Полицейский. Хорошо, сэр.

Инспектор кивком показывает ему на дверь, полицейский выходит. Инспектор подходит к письменному столу, берет в руки список имен, записанных горничной, заглядывает в бумажку, переданную ему полицейским, звонит. Входит горничная.

Инспектор. Это все, что вы вспомнили?

Горничная. Нет. Меня прервали, сэр. Может, я кой-кого и еще припомнила бы...

Инспектор (*не сводя с нее пронизывающего взгляда, показывает ей бумажку, полученную от полицейского*). А этот джентльмен здесь бывает?

Горничная (*в замешательстве*). Быв... бывал, раньше, сэр, а теперь нет, он уже давно не ходит.

Инспектор. Это друг миссис Моркомб? Ну, правду говорите.

Горничная. Да, похоже, что так, сэр.

Инспектор. И друг майора тоже? (*Горничная в нерешительности молчит.*) Можете не отвечать, все ясно. Они из-за него поссорились... Когда это случилось, давно?

Горничная. Нет, сэр, я по крайней мере ничего...

Инспектор. Почему же он перестал бывать? В чем тут дело?

Горничная. Я... я не знаю, сэр; мало ли какие у него могут быть дела?

Инспектор. Сколько времени прошло с тех пор, как он был здесь последний раз?

Горничная. Да с год, должно быть...

Инспектор. Вот именно: и майор перебрался наверх год с лишним назад. Теперь насчет этого письма, которое он вам дал опустить. Вы не можете припомнить, кому оно было адресовано?

Горничная. Нет, сэр; я никогда даже и не смотрю на адрес.

Инспектор. Вы уверены? Вам нечего стыдиться.

Горничная. Чего мне стыдиться, раз я не смотрела.

Инспектор. Так, так. Ну-с, все, о чем я вас спрашивал, держите при себе, понятно?

Горничная (*трясущимися губами*). Д-да, сэр.

Инспектор (*видит входящих доктора и Энн*). Можете идти.

Горничная уходит в дверь направо.

В р а ч. Все, инспектор, я ухожу. Дуло было прижато меж ребер вплотную к коже; смерть наступила мгновенно. С протоколом доктора Макэ́й вполне согласен; никаких оснований предполагать, что он мог ошибиться во времени. И насколько я мог судить, а также исходя из того, что мне сообщила эта дама, покойный был вполне здоровый человек. До свидания, мэм.

И н с п е к т о р. Следственная комиссия с опросом свидетелей назначена на послезавтра, сэр. (*Понизив голос.*) Тело мы возьмем в морг сегодня днем.

В р а ч. Хорошо, до свидания.

Выходит в дверь направо.

И н с п е к т о р. Сядьте, пожалуйста, мэм. Вы, должно быть, едва на ногах держитесь. Я хотел бы только задать вам два-три вопроса. (*Энн остается стоять.*) Вы можете сказать мне, почему это произошло?

Э н н (*быстро чуть заметно мотает головой.*) Нет, не могу, не могу.

И н с п е к т о р. Оба врача утверждают, что он ничем не был болен. А вы что скажете?

Э н н. Нет, не был, я уверена, что он ничем не был болен.

И н с п е к т о р. И в денежных делах никаких затруднений?

Э н н. Нет.

И н с п е к т о р. Вполне обеспечен материально?

Э н н. Да, оба мы.

И н с п е к т о р. Так... видите ли, мэм, мы обязаны выяснить все. Почему у вас с майором испортились отношения?

Э н н. У нас были вовсе неплохие отношения.

И н с п е к т о р. У вас с ним... Вы были фактически мужем и женой?

Э н н. В этом смысле — нет.

И н с п е к т о р. Простите, но для этого должна быть какая-нибудь причина?

Э н н. Просто мы так решили с некоторых пор.

И н с п е к т о р. Кто же это предложил, от кого это исходило, от вас или от вашего супруга?

Э н н. От... него.

И н с п е к т о р. Ах вот как, от него? Но вы не возражали?

Энн. Нет.

Инспектор. Так вот, видите ли, мэм, наше дело выяснить, почему майор покончил с собой. Коронеру надо это знать, чтобы дать разъяснения присяжным. Сделал ли он это в состоянии невменяемости, или на то была какая-то серьезная причина?

Энн. А не все ли равно теперь? Ведь его уже ничто не вернет.

Инспектор. Ну, можно, конечно, и так на вещи смотреть, но только у нас это не принято. В случаях насильственной смерти считается необходимым выяснить все обстоятельства и установить причину. Так вот, когда же, собственно, вы с вашим мужем решили жить каждый сам по себе?

Энн. В прошлом году на рождестве.

Инспектор. Пятнадцать месяцев тому назад. И вы отказываетесь сказать, по какой причине?

Энн. Прошу извинить меня.

Инспектор (сухо). Хорошо, мэм. Для вас же лучше быть откровенной, а впрочем, как вам угодно. Следовательно, вы хотите меня уверить, что вам ровно ничего неизвестно о том, что могло заставить вашего мужа покончить с собой?

Энн. Нет, если только...

Инспектор (с интересом). Да?

Энн. Если только это не было в приступе глубокой депрессии. Он был в очень подавленном состоянии.

Инспектор (разочарованно). Ну, знаете! Разве он когда-нибудь угрожал покончить с собой?

Энн. Мне — нет.

Инспектор. Все-таки очень жаль, мэм, что вы не можете назвать более правдоподобной причины. Это значит, что нам придется доискиваться самим.

Энн. Я ничего не знаю о личных делах моего мужа.

Инспектор. Но о своих-то вы знаете, мэм?

Энн (не сразу). Что вы хотите этим сказать?

Инспектор. У кого из нас нет своих, тайных дел?

Энн. Это какой-то оскорбительный намек?

Инспектор (несколько более сурово). Вы вчера вернулись домой, кажется, в половине одиннадцатого.

Энн. Да.

Инспектор. В котором часу вы ушли из дома?

Энн. В шесть.

Инспектор. Где же вы были все это время?

Энн (после длительной паузы). Нет, инспектор, я отказываюсь отвечать на вопросы, которые не имеют никакого касательства к этому. (Показывает на кресло.)

Инспектор. Умалчивание в подобных случаях, мэм, дает повод к самым худшим предположениям, и это естественно.

Энн. Ничего не могу с этим поделать.

Инспектор (глядя на нее с невольным восхищением). Ваш муж был дома, когда вы уходили?

Энн. Нет, он ушел немного раньше.

Инспектор. Может быть, вы по крайней мере можете сказать мне, знал ли он, куда вы идете?

Энн. Нет, не знал.

Инспектор. А откуда вы это знаете?

Энн. Уверена.

Инспектор. А ему было бы очень неприятно, если бы он узнал?

Энн. Не думаю.

Инспектор. А мне думается, вы знаете, что ему об этом стало известно. (Показывает на кресло.) И вот что из этого проистекло.

Энн. Ах нет, нет!

Инспектор. Вот видите, мэм, у вас все это получается как-то очень загадочно. Мы так или иначе должны выяснить, где вы были вчера вечером.

Энн (ломая руки). Я же вам говорю, это не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Даже если вы и добьетесь своего, это вам ровно ничего не даст.

Инспектор. Поговорите с вашим отцом, мэм, я бы на вашем месте посвятил его во все и последовал бы его совету. Мы с вами еще увидимся. (Пробегаёт глазами записку, переданную ему полицейским, сует ее в свою записную книжку, захлопывает сумку и идет к двери налево.) До свидания, мэм.

Уходит.

Энн, оставшись одна, стискивает руки, прижимает их к груди и растерянно оглядывается кругом, потом бросается к телефону, но вдруг останавливается и мотает головой. Звонит. Входит горничная.

Энн. Ушел этот человек, Эллен?

Горничная (глядя на нее). Да, мэм. Нет у них

никакого понятия, лезут в чужую жизнь. (*Оглядывается по сторонам.*) Давеча допытывался все, кто ходит сюда. Заставил меня записать всех, кого припомню (*на секунду заминается, Энн судорожно стискивает руки*)... за последние полгода.

Энн (*с облегчением*). Да, да, конечно.

Горничная (*идет к двери, потом вдруг оборачивается*). Да, вот еще, когда вы наверху были, приходил какой-то молодой человек, из газеты. (*Звонок.*) Звонят. Вас ни для кого нет дома?

Энн. Только если это мой отец — я его жду.

Горничная уходит и тут же возвращается.

Горничная. Да, это полковник Роуленд, мэм.

Входит полковник Роуленд, горничная уходит. Роуленд высокий, седой, слегка сутулый ирландец, с красновато-смуглым цветом лица; несколько напоминает мирно настроенного величественного бенгальского тигра. Он быстро подходит к дочери и кладет руки ей на плечи.

Полковник Роуленд. Бедная моя девочка! Какое ужасное несчастье!

Энн (*в оцепенении*). Да, папа.

Полковник Роуленд. Но из-за чего, господи боже!

Энн. Понятия не имею.

Полковник Роуленд. Но все-таки, дитя мое, ты, наверно...

Энн. Я не знаю, папа.

Полковник Роуленд. Лишить себя жизни, и это с его-то заслугами! (*Смотрит на нее испытующе, в явном недоумении.*)

Энн (*после минутного молчания*). Я не хотела огорчать тебя, папа, нашими делами, но мы с Колэном уже давно чужие друг другу.

Полковник Роуленд. Чужие! Как это так, Энн?

Энн. Боюсь, все это с самого начала было ошибкой.

Полковник Роуленд (*расстроенный*). Ну хорошо, хорошо, я сейчас тебя ни о чем не спрашиваю. Я знаю, не ты этому виной.

Энн. И не он.

Полковник Роуленд. Рад это слышать. Я любил Колэна, да, я его любил. Прекрасный был человек и какой пилот! Полиция уже была?

Энн. Да, и репортеры тоже.

Полковник Роуленд. А ну их, им бы только поднять шумиху, сенсацию устроить. Что говорит полиция?

Энн. Только то, что им нужно выяснить все для следствия. Взяли все его бумаги.

Полковник Роуленд. А что в них может быть, Энн?

Энн. Я тебе говорю, папа, я ничего не знаю о Колэне, так же как и он обо мне.

Полковник Роуленд. О тебе? А что бы он о тебе мог знать, дитя мое?

Энн (*опускает голову, потом вдруг порывисто*). Папа, я не знаю, что из всего этого выйдет. Но ты должен мне верить. Мы с Колэном давно согласились жить каждый своей жизнью. Если бы не ты, мы бы, вероятно, развелись: но я не хотела тебя огорчать, я знаю твоё отношение к разводу.

Полковник Роуленд. Развод! Да, действительно! Ну, оставим это! Бедняга Колэн умер! В цвете лет! Подумать! Подумать только!

Входит горничная.

Горничная. Простите, мэм. Опять этот молодой человек из газеты.

Полковник Роуленд. Скажите ему, чтобы он убирался... Впрочем, я сам с ним поговорю. (*Идет за горничной к двери и сталкивается с входящим репортером.*) А, это вы, сэр, что вам угодно?

Репортер (к Энн). Миссис Моркомб?

Полковник Роуленд. Будьте любезны, потрудитесь принять к сведению, молодой человек, моя дочь только что понесла тяжелую утрату. Мы не желаем, чтобы к нам сюда вторгались.

Репортер. Полковник Роуленд, если не ошибаюсь? Я глубоко сочувствую, прошу извинить меня, сэр. Мне самому это чрезвычайно неприятно. Но вы понимаете, публика...

Полковник Роуленд. К черту публику!

Энн. Что вы хотите узнать?

Репортер. Если бы вы могли сказать мне хоть что-нибудь, ну, например, о состоянии здоровья майора; или, может быть, у него отклонили проект новой конст-

рукции самолета... Ведь это был такой выдающийся человек. Любое сообщение прессы...

Энн. Мой муж был совершенно здоров, и, насколько я знаю, последнее время он никаких проектов не подавал.

Репортер (нервно). Да, ну что ж, я вам чрезвычайно признателен. Конечно, это не проливает света, наоборот, делает все еще более загадочным. Не правда ли?

Полковник Роулэнд. Я буду вам очень признателен, сэр, если вы передадите вашей газете, чтобы она не совала нос в чужую личную жизнь.

Репортер (любезно). Вы говорите личная, вы забываете, что будет публичное следствие.

Полковник Роулэнд. Я полагаю, что это будет чисто формальная процедура.

Репортер. Вы так думаете? Н-не знаю...

Энн. Вы женатый человек?

Репортер. Да.

Энн. Каково бы вам было, если бы ваша жена покончила с собой и к вам без конца приставали с расспросами о ней?

Репортер. О! Но ведь пресса — это не просто любопытство...

Полковник Роулэнд. Нет! Это в тысячу раз хуже!

Репортер (в грустном раздумье). Но, видите ли, сэр, в конце концов это наша обязанность привлекать внимание к такого рода случаям. Для чего же иначе мы существуем?

Полковник Роулэнд. Позвольте пожелать вам всего лучшего, сэр.

Репортер мнется, бормочет нерешительно: «До свидания, прошу извинить меня». Уходит.

Энн (не в силах больше сдерживаться, бросается к отцу, прячет лицо у него на груди). Ах, папа, как это все ужасно!

Полковник Роулэнд. Успокойся, успокойся, дорогая! Не думай об этом. Поди ляг. Ты, наверно, еле жива. Я приду попозже, после завтрака.

Энн. Да, я лягу. До свидания, папа.

Полковник Роулэнд (целует ее в лоб). До свидания, дитя мое, храни тебя бог. Поспи хорошенько.

Уходит.

Энн (стоит задумавшись, потом подходит к телефону). Дайте Челси 0012... (Пауза.) Вы соединили меня? (Пауза.) Позвоните еще раз, пожалуйста... (Пауза.) Не отвечают?

Горничная (входя). Вы сказали, мэм, никого не принимать. Но...

Энн. Кто это?

Горничная. Мистер Дарелл, мэм.

Энн. Ах! (Кладет трубку, смотрит в упор на горничную, та явно смущается.) Я приму его.

Стискивает руки. Горничная уходит, возвращается, открывает дверь, в комнату входит Джеффри Дарелл, высокий молодой человек; он сильно взволнован, но старается не подавать виду; как только горничная уходит, бросается к Энн, целует ее.

Дарелл. Дорогая!

Энн. Джефф! Как ты решился прийти? Ты не должен был этого делать. Я бы тебе позвонила. Нам с тобой просто нельзя видеться сейчас, пока все это не кончится.

Дарелл. Как это все ужасно — для тебя! Я не мог не прийти. Просто не в силах был.

Энн. Ты не встретился с отцом, он только что ушел.

Дарелл. Нет. Я никого не видел.

Энн. Тебе нельзя оставаться. Полиция, пресса пытаются докопаться до причины. Они теперь постараются все вытащить на свет для коронера.

Дарелл. Про нас с тобой им ничего не известно?

Энн. Какие-то подозрения у них есть... Я просто в ужасе — из-за отца.

Дарелл. Это — возмездие, дорогая. Нам надо было давным-давно уехать!

Энн. Ах, Джефф! Я знаю. Это моя вина. Я была неправа. Почему я не решилась открыться отцу? Но у него на все такие допотопные взгляды, и потом ведь католик никогда не...

Дарелл. Слава богу, ты теперь свободна!

Энн. Вчера вечером. (Содрогаясь, показывает на кресло.) Мы виделись с ним за чаем, он был, как всегда. А ведь, наверно, уже знал, что он это сделает. Он смотрел на меня... Сейчас все это так вспоминается.

Дарелл (ревниво). Энн!

Энн. Нет, нет. Только все это ужасно жестоко. У меня было так тепло на душе, когда я вернулась от тебя. А он сидел такой белый, застывший. Помнишь, когда мы прощались, я сказала тебе — а он уже был мертв, когда я это говорила. *(Губы у нее дрожат.)*

Дарелл. Не надо, дорогая, не надо.

Энн. Но из-за чего, из-за чего? Это совершенная загадка! Если бы я думала, что это из-за нас, но я уверена, уверена, что нет. Я уверена, что он ничего не знал. И, кроме того, мне кажется... Я почти не сомневаюсь, у него была какая-то привязанность. Джефф, тебе нельзя здесь оставаться! Скорей! Думай! Как лучше поступить?!

Дарелл. Уехать за границу. Почему бы нам не уехать сейчас же. Разве ты непременно должна присутствовать на следствии?

Энн. Конечно. Я же первая его увидела, Джефф; а что, если им станет известно про нас с тобой?

Дарелл *(внезапно шепотом)*. Шшш... Слышишь? Звонят.

Энн *(едва дыша)*. Ох! *(Идет к двери.)*

Входит горничная, останавливается, глядит на Дарелла.

Горничная *(тихо)*. Это опять тот же из сыскной полиции, мэм.

Энн. Я никого сейчас не могу видеть.

Горничная. Сказать, что вы спите, мэм? Боюсь, что, кроме этого, его сейчас ничем не выпроводишь.

Энн. Скажите ему, чтобы он пришел в двенадцать. Но едва горничная открывает дверь, входит инспектор и, оттеснив ее, захлопывает за ней дверь.

Инспектор. Простите, мэм. Мистер Джеффри Дарелл, если не ошибаюсь?

Дарелл *(ошеломленный)*. Да.

Инспектор *(показывает Дареллу свое удостоверение)*. Я был у вас, сэр, в связи со смертью майора Моркомба. Будьте любезны, не откажите ответить на два-три вопроса.

Дарелл. Я?

Инспектор. Где вы были вчера вечером?

Дарелл. У себя дома. Ну и что из этого следует?

Инспектор. Вы не выходили из дому?

Дарелл. Выходил ненадолго после десяти.

Инспектор. Совершенно верно. Вы расстались с миссис Моркомб поблизости от этого дома, так примерно в четверть одиннадцатого.

Дарелл. Что? Как это надо понимать?

Инспектор. Не уклоняйтесь от ответа, сэр. Дежурный полицейский видел вас, когда вы расстались с миссис Моркомб. Она была у вас?

Дарелл. По какому праву вы задаете мне подобные вопросы?

Инспектор. Мне поручено расследовать это дело.

Дарелл. Я не имею никакого отношения к этому самоубийству и не могу отвечать на ваши вопросы.

Инспектор. Нам известно, что вы часто расставались с этой дамой поздно вечером около ее дома. Вы были с ней вчера вечером, и сегодня утром она звонила вам. Нам известно также, что вы раньше бывали в этом доме и примерно с год тому назад перестали бывать. Сегодня утром вы получили от мистера Моркомба письмо...

Дарелл. Не получал.

Инспектор. Простите, сэр?

Дарелл. Я вам говорю, что не получал.

Инспектор. Он написал и отправил его перед тем, как лишил себя жизни; мы требуем, чтобы вы вручили нам это письмо.

Дарелл. Даю вам слово, что я не получал от него никакого письма.

Инспектор. Если вы не получили этого письма, вам придется представить доказательства, что ваша дружба с миссис Моркомб не явилась причиной самоубийства майора. Будьте любезны, ваши карманы... Спокойно, сэр. Если при вас нет этого письма, у вас нет оснований опасаться. (*Дарелл выворачивает свои карманы. Инспектор бросает взгляд на вынутые из кармана письма*). Простая формальность, сэр. (*Привычным жестом быстро ощупывает Дарелла*.) Очень хорошо. Я был у вас с дежурным полицейским, и он узнал вас по фотографии.

Дарелл. Как? Вы позволили себе вломиться...

Инспектор (*улыбаясь*). Видите ли, сэр, я не знал, когда мне посчастливится вас найти, а времени у меня в обрез.

Дарелл. Это — насилие!

Инспектор. Да нет, сэр, не совсем так. Я позволил себе забрать у вас только одну вещь, и я попрошу вас ее открыть. (*Идет к двери.*) Симпсон!

Входит полицейский, в руках у него закрытая лакированная шкатулка.

Дарелл. Это чудовищно!

Инспектор (*берет шкатулку и обращается к полицейскому*). Это тот самый джентльмен?

Полицейский. Да, сэр.

Инспектор. Хорошо, все! (*Полицейский уходит.*)

Дарелл. Отдайте мне эту шкатулку.

Инспектор. Пожалуйста, сэр; я попрошу вас открыть ее.

Дарелл. Не подумаю.

Инспектор. Тогда придется взломать замок.

Дарелл (*вне себя*). Послушайте, ведь все это и так ужасно для всех. Неужели вы хотите сделать еще хуже? Я дал вам честное слово джентльмена.

Инспектор. Джентльмен всегда даст слово, чтобы выгородить даму. Будьте добры, отоприте. (*Протягивает ему шкатулку.*)

Дарелл. Мои отношения с миссис Моркомб не имеют никакого касательства к самоубийству майора. Майор Моркомб не знал о них, а если бы и знал, ему было все равно — они давно разошлись.

Инспектор. Совершенно верно, и, простите, если я позволю себе добавить, причина этому вы.

Дарелл. Нет.

Инспектор. А что же тогда?

Дарелл. Понятия не имею.

Инспектор. А я так полагаю, что письмо поможет нам это выяснить.

Дарелл (*негодуя*). Я не получал от него письма.

Инспектор. Сейчас мы это увидим.

Дарелл (*хватает шкатулку*). Вы думаете?

В ту же минуту Энн, стоявшая до сих пор словно в оцепенении, подходит к ним.

Энн (*очень спокойно, инспектору*). Довольно. Вы совершенно правы. Мы любим друг друга.

Инспектор чуть заметно отвечает поклон.

Но вы ничего не достигнете, предав это гласности. Ничего, только нанесете удар моему отцу.

Инспектор (замявшись). Возможно, мэм. Но такого рода дело требует выяснения.

Энн. Зачем?

Инспектор. Закон не входит в интересы частных лиц, когда случаются такие вещи.

Дарелл. Закон! Закон ни во что не входит!

Инспектор. Вот именно, сэр, совершенно верно изволили заметить. Будьте так добры, отоприте.

Дарелл. Здесь нет ничего, кроме писем этой дамы ко мне.

Инспектор. Вот мы это и установим.

Энн. Откройте, Джефф!

Инспектор. Правильно, мэм, и тем более, учитывая ваше признание, можно вполне предположить, что они нам и не понадобятся. Они будут у нас в сохранности, опечатаны, а потом их вам возвратят.

Дарелл снимает ключ с цепочки для часов и отпирает шкатулку. Инспектор вынимает оттуда пачку писем. Из первого письма берет осторожно засушенный цветок и бережно кладет его обратно в шкатулку. Дарелл и Энн, невольно схватившись за руки, следят за ним, не отрываясь, в то время как он откладывает одно письмо за другим, после того как с одного взгляда убеждается, что они написаны одним и тем же почерком.

Инспектор. Все в порядке, сэр. Желаете опечатать собственноручно?

Дарелл, вырвав руку из руки Энн, стоит закрыв лицо. Она подходит к письменному столу, достает конверт и протягивает инспектору. Тот вкладывает письма и заклеивает его.

Дарелл. Зачем вы их забираете, если у вас нет намерения воспользоваться ими?

Инспектор. Мы не воспользуемся ими, если мисс Моркомб не откажется от того, что она сейчас сказала. Мы будем их хранить у себя, чтобы удержать ее от соблазна. Приложите вашу печать, и вы получите их в том же виде, в каком они сейчас.

Кладет конверт на стол. Дарелл прикладывает печать.

Дарелл. Не могу ли я быть свидетелем на следствии вместо нее?

Инспектор (пряча конверт в карман пиджака). Об этом не может быть и речи, сэр. (Показывает на кресло.) Она нашла труп.

Дарелл. Все это просто бесчеловечно.

Инспектор. Д-да, так вот оно и бывает, сэр... С женатым человеком никогда не знаешь, к чему это может привести. Но... вы можете на меня положиться.

Дарелл. Будьте добры вашу визитную карточку. *(Инспектор дает ему свою визитную карточку и шкатулку с засушенным цветком.)*

Инспектор. Вы по-прежнему утверждаете, что не получали письма от майора Моркомба сегодня утром?

Дарелл. Да, утверждаю.

Инспектор. Ну, я полагаю, что оно в конце концов попадет к нам. *(Сверлит его взглядом.)* И я очень надеюсь, сэр, что нам не придется... *(Энн, глядя на него в упор, подходит к ним. Инспектор с извиняющимся жестом.)* Мой долг, мэм.

Уходит. Дверь захлопнулась. Дарелл и Энн молча стоят рядом.

Дарелл *(в смятении)*. Ну что я мог сделать?

Энн. Ничего, Джефф. Не смотри так. От судьбы не уйдешь. Теперь я должна все сказать отцу. Как это ужасно для него, ужасно. Он не способен понять.

Дарелл. Подожди, дорогая. Еще не все потеряно. Это письмо...

Энн. Он дал Эллен опустить письмо, по-видимому, перед самой...

Дарелл. Ты говоришь, у него была какая-то привязанность?

Энн. Но кто она? Мы никогда друг друга ни о чем не спрашивали. Такой у нас был уговор. Конечно, это могло быть просто письмо к матери.

Стук. Дверь открывается, и входит репортер.

Репортер. Могу я поговорить с вами еще одну минутку, миссис Моркомб? Боюсь, что вы считаете меня очень навязчивым...

Энн. Да. *(Репортер умолкает со смущенным видом, переводя взгляд с одного на другого.)*

Репортер. Дело вот в чем. Известно ли вам, что утром сюда приходила молодая женщина, вне себя от горя?

Энн. Молодая женщина? *(Она и Дарелл мгновенно обмениваются взглядом.)* Нет, я об этом не знала.

Репортер. Может быть, это как-то позволит выяс-

нить... (Он видел, как они переглянулись, и смотрит то на нее, то на Дарелла.) К счастью, один мой приятель пошел за ней следом.

Энн (не выдержав). Неужели вы хотите вовлечь в это еще одну несчастную женщину?

Репортер (не смущаясь). Ну, видите ли, она была в таком состоянии!

Энн. А вы хотите воспользоваться этим, чтобы ей стало еще хуже?

Репортер. Да нет, что вы! Только, разумеется... Так вы ничего не можете сказать мне о ней?..

Энн. Я ничего не знаю.

Репортер. Благодарю вас. В таком случае все гораздо проще. Я только хотел в этом убедиться... Весьма вам обязан. До свидания.

Энн. У моего мужа есть мать, и он в ее глазах герой.

Репортер. О! Не можете ли вы дать мне ее адрес?

Энн. Она живет у себя в поместье. Для нее это ужасный удар. Она боготворила его. Вы понимаете это?

Репортер. Да, конечно. Такая ужасная трагедия!

Дарелл (мрачно). Вам, вероятно, не терпится спросить, почему я здесь?

Репортер. Да нет... Благодарю вас. Я вполне представляю себе.

Уходит.

Дарелл. Господи боже!

Энн стоит не двигаясь.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Утро следующего дня. Кабинет редактора в редакции «Ивнинг Сан». Довольно удобно обставленная комната, длинная, узкая, на заднем плане окна, выходящие на Флит-стрит. Налево, ближе к рампе, дверь. Между окнами большой письменный стол. Направо камин.

Редактор сидит за столом, спиной к камину; это невысокого роста человек, лет под пятьдесят, себе на уме, с ироническим лицом и живыми глазами. Он диктует секретарше, молоденькой, свеженькой девушке.

Редактор. Дело, несомненно, хорошее; но для того, чтобы заинтересовать им широкую общественность, требуется значительно более крупное имя. Гм... досадно... самые подходящие имена все сейчас в тюрьме. А кого бы вы посоветовали, мисс Прайс? *(Перебивает ее прежде, чем она успела открыть рот.)* Нет, нет. Не писателя — писателями читатель сыт по горло. Кого-нибудь из столпов церкви...

Секретарша. Ну тогда, конечно...

Редактор. Нет, только не его! Такие филантропические затеи могут привлечь только чем-нибудь новеньким. А что если какой-нибудь судья... Ну, да, впрочем, это не к спеху. Позовите мне редактора отдела происшествий.

Секретарша. Да, мистер Иглис; он уже здесь. *(Идет к двери и говорит.)* Войдите, мистер Кентин.

Входит редактор отдела происшествий, проворный рыжеватый человек, с коротко подстриженными усами, в руке трубка.

Редактор. Здравствуйте, Кентин. (Берет вчерашний выпуск газеты.) Пока все, мисс Прайс.

Секретарша уходит с пачкой напечатанных писем.

Вот, взгляните-ка. Кто вставил в сообщении о самоубийстве Моркомба этот абзац насчет молодой женщины, которая пришла в его дом, не помня себя от горя?

Редактор отдела происшествий. Я.

Редактор. Зря, не нравится мне это.

Редактор отдела происшествий. А что тут такого?

Редактор. Явный намек.

Редактор отдела происшествий. Ну, он-то уж не привлечет нас за клевету, бедняга.

Редактор. Он — нет. Но с полицией насчет этого не миновать объяснений.

Редактор отдела происшествий. А мы от этого только выиграем: без нас они так и не напали бы на след.

Редактор. Да, но ведь дело передано в судебную инстанцию.

Редактор отдела происшествий. Пока еще нет.

Редактор. Хорошо, Кентин, но тут надо действовать как можно осторожнее. Кто ведет репортаж?

Редактор отдела происшествий. Молодой Форман. Очень приличный малый — имен он, как видите, не называет. Но надо же нам было хоть что-то дать. Самоубийство Моркомба не может не наделать шума. Ведь он бомбил немцев в Германии и залетал в глубь страны, куда никто другой не осмеливался сунуться.

Редактор. Вот именно! И эта заметка вряд ли понравится родным.

Редактор отдела происшествий. Ну, не знаю. Форман говорит, что полиция, не стесняясь, копается в личной жизни миссис Моркомб.

Редактор. Ого! А следствие с присяжными когда будет?

Редактор отдела происшествий. Завтра.

Входит секретарша с визитной карточкой.

Редактор (взглянув на карточку, корчит гримасу и протягивает карточку Кентину). Вот вам, полюбуйтесь.

Редактор отдела происшествий (читает). Леди Моркомб. Кто это — мать?

Редактор. Просите, мисс Прайс. Объясняться будете вы, Кентин.

Почтительно поднимается навстречу леди Моркомб, маленькой, сухощавой, седой старушке шотландского типа в трауре; ее сопровождает полковник Роуленд. Невольно бросается в глаза контраст между этой маленькой фигуркой и рослым полковником.

Леди Моркомб. Дайте мне эту газету, полковник. (Берет из рук полковника Роуленда газету.) Вы редактор газеты?

Редактор. Да.

Леди Моркомб (с трудом сдерживая негодование). Зачем вы печатаете такие вещи о моем сыне?

Редактор. Мы как раз беседовали на эту тему, леди Моркомб. Вот наш редактор отдела происшествий, мистер Кентин.

Леди Моркомб. Вы ответственные за это?

Редактор отдела происшествий. Да, я пропустил заметку. А почему, собственно, вы возражаете, сударыня? Это факт.

Леди Моркомб. «Молодая женщина, вне себя от горя»... Это же намек, намек на... Я была у себя в усадьбе, когда мне сообщили это ужасное известие. Приезжаю сюда, и вот первое, что мне преподносят.

Редактор отдела происшествий. Но в этом нет ничего определенного, никаких имен — это может быть кто угодно.

Леди Моркомб. Вам ли не знать людей? Конечно, это перетолкуют самым гнусным образом.

Редактор отдела происшествий. Я очень огорчен, если это как-то задевает вас, леди Моркомб, но я боюсь, вы не даете себе отчета, что дело, подлежащее следствию, всегда приобретает характер широкой гласности. Мы просто стараемся помочь поскорее установить истину.

Леди Моркомб. Истину! Какое вам до нее дело?

Редактор. Огромное дело, леди Моркомб. Печать — это главный оплот против всякого рода неспра-

ведливости. Расследование, если оно ведется втайне, в конце концов никому не внушает доверия.

Леди Моркомб (возмущенно). Это — ханжество. Вы гонитесь только за тем, чтобы раскупали вашу газету. И ради этого вы порочите моего сына, который не может защитить себя, торгуете его личной жизнью.

Редактор (стараясь сохранить достоинство). Вряд ли все это так просто, как кажется. Мы, конечно, стремимся сбыть нашу газету. Газета, если она не окупает себя, не может существовать. Но уж если тут можно кого-то винить, так это не нас, а читателя, леди Моркомб.

Леди Моркомб. Вы опровергнете эту заметку?

Редактор. Я уважаю ваши чувства, леди Моркомб, но, уверяю вас, это ничему не поможет. Коронер в присутствии присяжных будет подробно разбирать все обстоятельства, связанные со смертью вашего сына, он не упустит ни одной мелочи.

Леди Моркомб. Но если бы вы не раззвонили, об этом никому не было бы известно.

Редактор (вкрадчиво). Следовательно, вы признаете, что это было.

Леди Моркомб. Я не признаю ничего, что порочит моего сына, он был настоящим героем.

Редактор. Совершенно верно! Но разве вы не хотели бы узнать, из-за чего он покончил с собой?

Леди Моркомб. Про то знает господь бог.

Редактор. Д-да, боюсь только, он этого никому не откроет. И если никто, кроме него, не будет знать, может статься, кого-то несправедливо обвинят. До нас, например, дошли слухи, что полиция считает причиной самоубийства поведение миссис Моркомб.

Полковник Роулэнд. Что?

Редактор. Прошу извинить меня, сэр.

Полковник Роулэнд. Миссис Моркомб моя дочь. Потрудитесь объясниться, сэр.

Редактор переглядывается с редактором отдела происшествий.

Редактор отдела происшествий. Вы можете удостовериться, что полиция ведет розыск именно в этом направлении, сэр.

Полковник Роуленд. Что за мерзкие сплетни, откуда это идет? Говорите все.

Редактор отдела происшествий. Строго конфиденциально, сэр, это след, по которому идет полиция. Наш репортер...

Полковник Роуленд. Ах вот оно что! Так это вы подсылаете людей копаться в чужих делах?

Редактор отдела происшествий (*вспылив*). Ну, знаете, сэр, вести разговор в таком тоне...

Редактор. Минуточку, Кентин. (*Звонит.*) Форман, вы говорите? (*Кентин угрюмо кивает.*)

Входит секретарша.

Редактор. Мисс Прайс, если Форман здесь, попросите его ко мне.

Секретарша уходит.

Редактор. Так вот, вы меня простите, как человек я все это очень хорошо понимаю, но все-таки нам было бы желательно не выходить из рамок учтивости. В таких случаях очень трудно бывает решить, как поступить правильно. Всегда рискуешь задеть чьи-то чувства, когда стоишь перед необходимостью выполнить свой долг перед обществом.

Полковник Роуленд. Общество, какое ему до этого дело? И чего ради вы разжигаете его дурацкое любопытство? Ну, слава богу, у нас есть закон о клевете!

Редактор отдела происшествий. Да, но он не касается полиции. Мы ничего не говорили о вашей дочери.

Редактор. И это доказывает вам, леди Моркомб, как важно быть полностью осведомленным обо всем для того, чтобы действительно установить правду.

Прежде чем леди Моркомб успевает ответить, входит ре-
портер.

Редактор. Мистер Форман, насколько я понимаю, вы даете репортаж по делу Моркомб. Вот у нас здесь мать майора Моркомба и отец миссис Моркомб.

Репортер. Да, сэр (*кланяется*).

Полковник Роуленд. Что вы говорили о моей дочери?

Репортер (смущенно). Мне, сэр, после того как мы виделись с вами, осталось задать только один вопрос миссис Моркомб по поводу молодой женщины, которая вчера утром...

Леди Моркомб (прерывая его). Так это вы отвечаете за клевету на моего сына?

Репортер (косится на Кентина). Я, собственно, только выполнял данное мне поручение.

Полковник Роулэнд. Что вы сказали вашему начальству о моей дочери?

Репортер. Только то, что я вынес из собственных наблюдений. В газете ничего этого нет.

Леди Моркомб. Зачем вам понадобилось придумывать такую ложь про моего сына?

Репортер (с возмущением). Ложь! Да она же сама призналась, что была любовницей майора Моркомба.

Леди Моркомб (снова сдерживая себя). Если даже и так, какое это имеет отношение к его смерти?

Редактор отдела происшествий. Ну, это, я полагаю, решать будут присяжные.

Леди Моркомб. Дайте мне ее адрес, пожалуйста.

Репортер (редактору). Вы разрешаете, сэр?

Редактор. Да.

Репортер. Мисс Одихем, дом 48, Бердэллс, Фулхем.

Леди Моркомб (записывает). Вы идете, полковник?

Полковник Роулэнд. Сию минуту. (Редактору.) Я полагаю, сэр, что ваша газета воздержится от каких-либо сообщений по поводу этого события и огласит только результаты следствия?

Редактор (после минутного колебания). Поручиться за это — значило бы признать, что моя газета неправа, а я этого отнюдь не считаю. Я должен руководствоваться фактами.

Леди Моркомб. Боже, какое варварство!

Поворачивается, идет к выходу.

Полковник Роулэнд. Мой вам совет — поручиться, в ваших же интересах.

Редактор. Нет, сэр. Прессу нельзя запугать, и командовать ею не годится.

Полковник Роулэнд. Хорошо. В таком случае я сейчас же еду к моему адвокату.

Догоняет леди Моркомб и выходит вместе с ней.

Редактор. Нет, так у нас ничего не получится. Если они доберутся до этой девчонки и увезут ее, чем мы сможем подтвердить нашу заметку? Это наш козырь, и мы не должны выпускать его из рук. Мистер Форман, оставьте все дела и немедленно увезите ее куда-нибудь сами.

Репортер. Если удастся, сэр. (Уходит.)

Редактор. Вот тигрица! А этот старый набоб, ирландец!

Редактор отдела происшествий. Суший дьявол!

Редактор. Они, по-видимому, воображают, что мы только и думаем, как бы уязвить их чувства.

Входит секретарша.

Секретарша. Мистер Иглис, вас хочет видеть инспектор сыскной службы Флайн из Скотланд-Ярда.

Редактор (со стоном). Что я вам говорил, Кентин! Просите.

Входит инспектор, окидывает взглядом того и другого.

Инспектор. Я по поводу вашей заметки в связи с самоубийством Моркомба, сэр.

Редактор. Да?

Инспектор. Что это такое насчет какой-то девушки?

Редактор. Так вот, инспектор, у нас оказались сведения, которых у вас еще нет.

Инспектор. Простите, что я так напрямик, но дело пока что находится непосредственно в ведении полиции. Мы не допустим никакого вмешательства. Если вам угодно сообщить мне эти сведения, пожалуйста, в противном случае, я боюсь, нам придется наложить на вас арест за неуважение к суду.

Редактор. Вряд ли это у вас выйдет. Ведь дело-то еще не перешло в судебные инстанции.

Инспектор (сухо). Посмотрим.

Редактор. Видите ли, инспектор, мы как никак несем ответственность и перед обществом, не только перед вами. Дело действительно загадочное, ведь Моркомба все знают, ни один пилот не пользовался такой широкой известностью, как он.

Инспектор. Мне нужно имя и адрес этой молодой женщины.

Редактор. Хорошо, хорошо, инспектор, мы рады оказать вам всяческое содействие. Но, мне кажется, газета вправе рассчитывать, чтобы и ей кое-что перепало.

Инспектор. Ну, знаете, сэр, любая попытка препятствовать закону...

Редактор. Содействовать, инспектор, содействовать. Мы вам дадим эти сведения, а от вас взамен—все, что вы сообщите в печать, получаем в первую очередь. Идет?

Инспектор. Ну что ж, это можно.

Редактор. Дайте ему адрес, Кентин.

Редактор отдела происшествий. Дэзи Одишем, дом 48, Бердэллс, Фулхем.

Инспектор (записывает в записную книжку). Благодарю вас. До свидания.

Уходит.

Редактор отдела происшествий (уже не первый раз смотрит на свои часы). Если у Формана все сошло гладко, птичка уже упорхнула, наши друзья останутся ни с чем. А дальше что?

Редактор. Посмотрим. Признаться, Кентин, мне все это надоело. Естественные человеческие инстинкты, а за все отдувается пресса. Все равно, что бы там ни говорили, а на свете нет ничего сильнее любопытства; мне вот и самому очень интересно, почему Моркомб покончил с собой. Ведь уж, кажется, сомневаться не приходится, он действительно застрелился сам?

Редактор отдела происшествий. Да. Тут уж ничего не изменишь.

Редактор (рассуждая сам с собой вслух). Ну должен же кто-нибудь входить в интересы обыкновенного, рядового человека, прохожего с улицы! Почему, ему ведь тоже хочется знать? Давайте ему все новости — лишь бы

это была правда. Нет, я не позволю этим людям командовать собой! Будем действовать так, как если бы их вовсе не было. Конечно, соблюдая осторожность, благопристойность, это уж само собой разумеется. Ну, если полиция потребует, мы выдадим им эту девчонку. А все-таки мы им дадим почувствовать, что им за нами не угнаться. Вот так, Кентин, все. Пошлите-ка мне сюда мисс Прайс.

Редактор отдела происшествий уходит, а он усаживается за стол и погружается в свои бумаги.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В то же утро, несколько позже.

Кабинет Моркомба, по-прежнему с занавешенными окнами, узкие полосы света пробиваются сквозь шторы.

Занавес поднимается, входит горничная, включает свет и пропускает мистера Одихема и его дочь. Девушка едва держится на ногах, видно, что она только что плакала. Отец, человек невысокого роста, рабочий, типа маляра или штукатура, со всеми характерными особенностями и трезвой рассудительностью кокни.

Горничная. Миссис Моркомб завтракает. Как о вас доложить?

Одишем. Оддиум (так он произносит). И не откажите сказать: по важному делу.

Горничная уходит. Отец с дочерью стоят с безнадежным видом.

Дэзи (внезапно). Ах, папа, я не выдержу, я не могу ее увидеть.

Одишем. Ну полно, Дэзи; ведь не съест же она тебя, если они давно разошлись, как ты говоришь...

Дэзи. Да! Разошлись, разошлись...

Одишем. Ну приободришься же! Скажи себе: с этим все кончено. Это единственный способ отвязаться от этих проныр. (Достает из кармана сложенную газету.)

Входит Энн.

Энн. Вы хотели меня видеть?

Девушка судорожно переводит дыхание.

Одишем. Так точно, мэм. Надеюсь, вы в добром здравии. (В смущении поглаживает себя по брюкам.)

Может, оно и не следовало бы приводить к вам сюда дочку, да ведь вот оно какое дело-то, ежели с ним не разделаешься, того и гляди увязнешь.

Э н н (*пристально глядя на девушку*). Да, я понимаю.

О д и х е м. Видели вы это во вчерашней «Ивнинг Сан», мэм?

Э н н (*берст у него из рук газету*). Да.

О д и х е м. Я ее обыкновенно за ужином почитываю. Но, конечно, когда я ее вчера вечером читал, я понятия не имел, что это про мою дочку. Просто показал ей — и вот тут-то она мне все и выложила, что она с вашим мужем... Вот когда я только все и узнал, правду вам говорю, можете мне поверить, мэм. Ну, а что вам насчет этого известно, я, конечно, не могу знать.

Э н н. Я ничего не знала.

О д и х е м. Так, так! Вот то-то я всегда говорю, только признаешься в чем, скажешь правду, так она за собой одно за другим и потянет. Ну, было у них такое дело, что уж там скрывать. Мать-то у нее была ирландка, в строгости ее держала, а вот поступила она в ресторан, там ее, конечно, разбаловали. Только мне, правду сказать, в голову не приходило, что у нее вдруг какая-то своя жизнь пошла, так вот, стало быть, я и пришел вас просить, чтоб вы на нас не гневались, простили ей.

Э н н (*холодно*). Мне нечего прощать.

О д и х е м. Да, вот видите, они в этой газете намекают, будто «эта девушка, вне себя от горя» — так они называют ее, — из-за нее-то и произошло такое несчастье. А она, конечно, уверяет, что нет. Ну-ка, Дэзи, расскажи леди то, что ты мне говорила о том, как вы последний раз виделись с майором.

Э н н. Да, расскажите мне.

Д э з и (*срывающимся голосом, задыхаясь, но постепенно овладевая собой*). О, мэм, мы виделись с ним накануне того вечера, когда он... он... мы были с ним в Ричмонде. Я уверена, мэм, что он... что это случилось не из-за меня. Он был такой же, как всегда, ласковый, и я никогда не доставляла ему неприятностей, никогда. Мы никогда не ссорились. (*Закрывает лицо руками, потом внезапно откидывает голову.*) Уж как я его любила; обожала его. Я бы никогда не позволила себе чем-нибудь его огорчить.

Э н н (тихо). Вы приходили сюда вчера утром?

Д э з и. Я просто себя не помнила. А когда я отсюда вышла, меня нагнал какой-то человек. Он сказал, что ему придется заявить в полицию, если я не скажу ему всю правду. Тут уж я совсем потеряла голову и не помню, что я ему говорила. А они потом все напечатали в газете. А зачем им понадобилось вытаскивать это на свет! Это про меня-то, будто я могла причинить ему зло! Огорчить его, да ни за что на свете! (С трудом овладевает собой.)

О д и х е м (горячась). Да от этих проныр-газетчиков не знаешь куда деться! Шагу ступить нельзя. Вот теперь к ней еще один привязался, предлагает увезти куда-то, говорит, надо ей скрыться покуда. Я ему говорю: это еще что за фокусы? Она к этой истории не имеет никакого касательства. А он не отстает. Ну тут я и подумал, надо положить этому конец. Ну что делать, прямо хоть в полицию иди! Не хотелось мне приводить ее к вам, а пришлось. И боюсь я, не хуже бы вышло: мне сдается, он за нами и сюда увязался.

Э н н. Наверное.

О д и х е м. Ну так пусть поостережется. Может, моя дочь и дурно поступила, но она честная девушка, и я ее в обиду не дам. По тому, как она мне все рассказала, видно, что она к делу непричастна. Так вот, мэм, если бы вы сказали этому газетному прихвостню, почему ваш супруг учинил это над собой, они бы перестали совать нос, куда не след.

Э н н. Я не знаю, почему он это сделал.

О д и х е м (ошарашен). Гм... Значит, «окутано тайной»... Я думал, так только в газете болтают, а уж вы-то наверняка знаете. (Почесывает затылок.) Ну, как бы там ни было, а надо это прекратить. Пока еще ее имя не названо.

Э н н. Мой отец и мать моего мужа были сегодня в редакции газеты; боюсь только, что это уже поздно. Полиция, конечно, видела записку и не оставит такую вещь без расследования.

О д и х е м (в негодовании). Вот вам англичане! Ведь это ужасно для моей дочери, ославят на весь свет в газетах!

Э н н. Это ужасно для всех нас, мистер...

О д и х е м. Оддиум.

Энн (девушке). Вы получили сегодня утром письмо от майора Моркомба?

Дэзи. Нет. И он даже ничего не сказал мне на прощание, когда мы с ним расставались в воскресенье вечером. Я просто не могу поверить, что его нет.

Энн. Вам не приходит в голову, что могло его заставить?

Дэзи (качает головой). Нет! Только иногда с ним случалось, он вдруг замолчит и смотрит так...

Энн. Да, да.

Одихем. Простите, что я так при вас говорю, мэм, но мне думается: человек не имеет права лишить себя жизни вот так и оставить своих близких гадать, отчего да почему; по совести сказать, не годится это.

Энн. Он, по-видимому, написал письмо, но кому, мы не знаем; если бы это письмо нашлось, может быть, из него что-то выяснилось.

Одихем. Да... вот, стало быть, так оно и выходит, нельзя свою жизнь тайком строить, нельзя прятаться.

Входит горничная.

Горничная. Опять тот же молодой человек из газеты спрашивает этого мистера...

Одихем. Так я и знал, что он здесь объявится.

Энн. Вы хотите его видеть, мистер Одихем?

Одихем (переминается с ноги на ногу). Право, мэм, для меня это все так непривычно. Как вы мне посоветуете?

Энн. Пожалуй, вам лучше повидаться с ним. Просите его, Эллен.

Эллен открывает дверь, входит репортер.

Репортер (к Энн). Доброе утро, мэм. Пожалуйста, простите меня, но моя газета старается принять все меры, чтобы эта заметка не повлекла за собой никаких неприятных последствий...

Одихем (угрюмо). Об этом надо было думать раньше. Кто вас тянул за язык? А мне-то всегда так нравилась ваша газета.

Репортер. Вот именно, мистер Одихем.

Одихем (в недоумении). Как это надо понимать?

Репортер. Да видите ли, если бы вам не нравилось читать про такие происшествия, мы бы их и не печатали.

Одихем. Хм...

Репортер. Я надеюсь, вы все-таки передумали. Пожалуйста, позвольте мне вывезти мисс Одихем за город, и пусть она поживет там спокойно, пока не кончится следствие. Это единственный способ оградить ее от всего и помешать припутать ее к этому делу.

Одихем. А как же с ее работой?

Репортер. Она может сказаться больной. Мы оплатим все расходы.

Одихем. Ну, что ты скажешь на это, Дэзи?

Дэзи. О да, да!

Репортер. Тогда идемте сейчас же. Мы пошлем потом за вашими вещами, попозднее.

Одихем (*внезапно с опасением*). А откуда мне знать, для чего это вы так стараетесь, нет ли тут какого обмана?

Репортер (*с подкупающим жестом, просто и чистосердечно*). Мистер Одихем, ведь всякому видно, что ваша дочь очень расстроена. А я как-никак порядочный человек.

Энн. Вы можете ему довериться.

Репортер. Благодарю вас.

В то время, как он это произносит, дверь слева открывается, входят леди Моркомб и полковник Роулэнд; оба останавливаются и окидывают взглядом всех присутствующих.

Леди Моркомб. Это та самая молодая женщина?

Энн. Да.

Леди Моркомб (*девушке*). Мы были у вас дома.

Энн. Они пришли узнать, нельзя ли что-нибудь сделать.

Леди Моркомб (*репортеру*). А вы?

Репортер. Мне поручено постараться пресечь последствия нашей заметки, леди Моркомб.

Леди Моркомб (*подходит к девушке*). Так это правда, что говорит этот человек... У вас была... связь с моим сыном?

Дэзи (*очень тихо*). Да.

Леди Моркомб. Это правда, что он совершил это из-за вас?

Дэзи (горячо). Нет.

Леди Моркомб (репортеру, который пытается что-то сказать). Вы слышали? Оставьте нас, пожалуйста.

Репортер. Я очень сожалею...

Леди Моркомб. Вы! Сожалеете о том, что увеличивает сбыт вашей газеты? Не может быть.

Репортер. Простите меня, но это несправедливо! Я ненавижу все это так же, как и вы, но мы не в силах изменить вкусы читателей. Спросите мистера Одихема, спросите кого угодно. (Уходит в дверь направо.)

Полковник Роуленд (идет через комнату). Эни, мне надо поговорить с тобой.

Берет ее под руку и уходит с ней в дверь налево.

Леди Моркомб. Вы отняли моего сына у его жены?

Дэзи. Нет! О нет!

Леди Моркомб. Что вы собой представляете?

Одихем. Уж вы сделайте такое одолжение, мэм, не пытайте ее. Как-никак для нее это тяжелый удар.

Леди Моркомб. Для меня тоже.

Одихем. Тогда, простите, мэм, вы должны бы ей посочувствовать.

Дэзи. Я для него на все была готова.

Леди Моркомб (смягчаясь). Я старая женщина, и на меня свалилось такое горе. Я только хочу знать правду, чтобы не дать опорочить память моего сына.

Дэзи. Скажите мне, что я должна сделать, я сделаю все, что в моих силах.

Одихем. Похоже, нас с вами одной веревочкой скрутили, вот теперь и распутывайся.

Леди Моркомб. Вы правы. Вы можете сказать, что у вас не было никаких отношений с моим сыном?

Одихем (почесывая голову). Под присягой согласать? Не годится!

Леди Моркомб. Кроме этого журналиста, никто об этом не знает?

Дэзи. Я никому не говорила.

Одихем. Да разве такую вещь скроешь, если полиция копать начнет! Сбиться с пути — это одно, а присягу нарушить. сказать «не было» про то, что было, — это дело серьезное, может к большим неприятностям повести.

Леди Моркомб. Как давно вы знакомы с моим сыном?

Дэзи. Почти год.

Леди Моркомб. Вы были у него на содержании?

Дэзи. Нет. Я по любви с ним сошлась.

Леди Моркомб. Вы согласны уехать куда-нибудь сейчас же, не откладывая?

Дэзи. О да!

В эту минуту открывается дверь слева, и входит полковник Роуленд с чрезвычайно озабоченным видом.

Леди Моркомб (обращаясь к нему). Она уедет сама, немедленно.

Полковник Роуленд. Невозможно.

Леди Моркомб. Почему?

Он качает головой. Леди Моркомб глядит на него с изумлением, потом обращается к Одихему и его дочери.

Будьте добры, подождите минутку в столовой, здесь напротив.

Одихем с дочерью уходят в дверь направо.

Почему невозможно, полковник?

Полковник Роуленд. Энн.

Леди Моркомб. Она изменяла ему?

Полковник Роуленд. Они с Колэном жили каждый своей жизнью. Но у Колэна была эта девушка, и, во всяком случае, поведение Энн не могло быть причиной его смерти. Если полиция будет осведомлена обо всем, она сама в этом убедится.

Леди Моркомб. Вы намерены выдать им девушку, сообщить ее имя? (Полковник Роуленд кивает.) Это — предательство по отношению к покойнику.

Полковник Роуленд. Я не могу допустить, чтобы позорили Энн.

Леди Моркомб. Она предпочитает обесчестить имя Колэна?

Полковник Роуленд. Нет. Но Энн для меня все. Как я могу допустить, чтобы ее обливали грязью у меня на глазах!

Леди Моркомб. А я? (С горечью.) Разве не довольно того, что мой сын умер! (Берется за ручку двери, и в этот момент входит горничная.)

Горничная. Инспектор из сыска, миледи. Пойти доложить миссис Моркомб?

Леди Моркомб (в смятении). Где он?

Горничная. В передней, миледи.

Леди Моркомб. А те двое?

Горничная. В столовой.

Леди Моркомб. Он их не видел?

Горничная. Кажется, нет.

Леди Моркомб. Проводите его сейчас же сюда.

Горничная уходит.

Полковник Роуленд! Вы не скажете ему. Вы этого не сделаете.

Полковник Роуленд откидывает назад голову и застывает на месте.
В комнату быстро входит инспектор.

Инспектор. Леди Моркомб, честь имею. Полковник Роуленд, если не ошибаюсь. Я пришел побеседовать с вашей дочерью, сэр.

Полковник Роуленд. Я позову ее. (Уходит в дверь направо.)

Инспектор. Прискорбное событие, миледи. Вы ничего не можете нам сказать, у вас нет никаких предположений?

Леди Моркомб. Нет.

Инспектор. Вы не получали письма от вашего сына?

Леди Моркомб. Нет.

Инспектор. Вы хотите остаться здесь?

Леди Моркомб. Да.

Инспектор. Может быть, для вас лучше было бы удалиться, не подвергать себя такому испытанию.

Леди Моркомб. Нет, благодарю вас. Я останусь.

Инспектор. Как вам угодно, миледи. Но только это может оказаться довольно огорчительно для вас.

Леди Моркомб. Мне ли теперь бояться огорчений!

Инспектор (в то время как Энн с отцом входят в двери справа). Простите, а майор Моркомб не был... никогда контужен?

Леди Моркомб. Нет; но он прошел через все ужасы войны.

Инспектор (трезво). Да, все мы через это прошли. (Поворачивается к Энн.) Я получил сведения, миссис Моркомб, что на следующий день после этого несчастья сюда утром приходила молодая женщина, вне себя от горя. У меня есть ее адрес, но, прежде чем пойти к ней, я хотел спросить вас, что вы об этом знаете. (Стоя посреди комнаты, он не упускает из виду никого из присутствующих; он видит, как полковник Роуленд одобрительно кивает, леди Моркомб застыла в напряженном ожидании, Энн стоит, стиснув губы.)

Энн. Ничего.

Инспектор. Вы не представляете себе, что могло заставить ее сюда прийти?

Энн. Нет.

Инспектор. Вы ее никогда не видали? (И опять его зоркий глаз успевает уловить и невольное движение руки полковника Роуленда и то, как леди Моркомб, вдруг повернувшись, пристально смотрит на Энн, а Энн стоит, опустив глаза, потом медленно поднимает на него взгляд и отвечает.)

Энн. Нет.

Инспектор. Вы меня простите, я понимаю, это, конечно, очень щекотливое дело, но я бы хотел от кого-нибудь узнать правду. Кому из вас было известно об отношениях майора с этой молодой женщиной? (К Энн.) Вы знали об этом, мэм?

Энн. Нет, не знала.

Инспектор (к леди Моркомб). Вы, миледи?

Леди Моркомб. Нет.

Инспектор (полковнику Роуленду). А вы, сэр? Все застыли в ожидании, Энн чуть заметно качает головой, леди Моркомб судорожно сжала руки.

Полковник Роуленд (почти закрыв глаза). Нет.

Минутное молчание.

Инспектор. В таком случае, поскольку они сейчас здесь, в столовой, я попрошу позвать ее с отцом сюда. (Наблюдает, какое это на всех произвело впечатление.) Не откажите послать за ней, мэм.

Энн подходит к камину, звонит.
Полковник Роуленд облегченно вздыхает.

Леди Моркомб. Оставьте в покое моего сына.
Инспектор (невозмутимо). Миледи!

Леди Моркомб пошатывается, стискивает свои маленькие сухие ручки, затем опускается в кресло у письменного стола. В дверь справа входит горничная.

Энн. Попросите сюда мистера и мисс Одихем.

Инспектор. Я вполне понимаю, как это для вас неприятно, но простите меня: мы должны выяснить правду.

Одихем с дочерью входят в дверь справа. Инспектор, прони-
зывая взглядом девушку, жестом подзывает ее к себе.

Инспектор. Я инспектор, которому поручено расследовать это дело. Вы Дэзи Одихем, проживающая в доме Бердэллс, 48?

Дэзи. Да.

Отец подходит вместе с Дэзи; полковник Роуленд стоит у камина,
Энн у кресла.

Инспектор. Вы приходили сюда вчера утром?

Дэзи в смятении переводит глаза с одного на другого.

Отвечайте, пожалуйста.

Дэзи. Да.

Инспектор. Зачем?

Дэзи. Себя не помнила.

Инспектор. Почему?

Одихем (делает шаг вперед). Что вы из нее душу тянете? Ничего она про это не знает.

Инспектор. А вот увидим. Вы слышали, что майор застрелился. А какое вам до этого дело?

Дэзи. Как можно быть таким бессердечным! (Внезапно закрывает руками лицо.)

Одихем. Ну как это, по-вашему, хорошо? Я же вам говорю, ничего она не знает, откуда ей знать, почему майор застрелился.

Инспектор. Если она не ответит мне сейчас, ей придется завтра давать показания под присягой. (К Дэзи.) Ну, отвечайте, что вам до того, что майор умер?

Дэзи (отнимает руки от лица и выкрикивает). Все на свете!

Инспектор. Вы хотите сказать, что он был для вас всем на свете?

Дэзи. Да.

Инспектор. А вы для него?

Леди Моркомб (резко). Только мой сын мог бы вам ответить на это.

Инспектор (сверля Дэзи взглядом). Она понимает, о чем ее спрашивают. Так как же?

Дэзи (вдруг словно окаменев). Нет. (Изумленные лица Энн и полковника Роуланда, явное облегчение, которого не скрывает леди Моркомб, смущение и замешательство Одихема — все это прекрасно видит инспектор.)

Инспектор. Когда вы последний раз виделись с майором?

Дэзи. За день до того, как он...

Инспектор. Где?

Дэзи. В Ричмонде.

Инспектор. Так, говорите правду: у вас были с ним близкие отношения?

Дэзи. Нет.

Инспектор (с легкой усмешкой). И тем не менее он был для вас всем на свете. Чем вы занимаетесь?

Дэзи (угрюмо). Официантка.

Инспектор. Почтенная профессия. Так вы что же, преследовали этого джентльмена?

Дэзи. Я любила его.

Инспектор. И между вами ничего не было.

Дэзи. Я не буду больше ничего отвечать.

Инспектор (успокаивающе). Ну полно, полно!

Одихем подвигается поближе к дочери и дергает ее за рукав.

Вот вы понимаете, что закону не годится лгать. Ваша дочь была с майором... Ну, признайтесь же, и все будут удовлетворены, я спрашиваю вас, отвечайте.

Одихем. Вы что, не видите, она сейчас разревется!

Инспектор (Дэзи). Дайте мне письмо, которое вы получили от майора вчера утром.

Дэзи. Ничего я не получала.

Инспектор. Что? Вы же из этого письма и узнали о том, что заставило вас прибежать сюда.

Дэзи. Неправда! Я прочла об этом в газете.

Инспектор (впервые суровым тоном). Вы со мной так не разговаривайте. Отвечайте только на вопросы и отдайте мне это письмо.

Дэзи. О! Хоть бы кто-нибудь за меня заступился!
Полковник Роулэнд (делает шаг к инспектору).
Оставьте в покое эту несчастную девушку. (Властным тоном, каким он, бывало, командовал в прежние дни.) Вы слышите меня, инспектор?

Инспектор. Да, сэр, но мы с вами сейчас не в армии. И вы простите меня, это совсем не в ваших интересах и не в интересах вашей дочери, то, что она отказывается отвечать.

Леди Моркомб (вставая). Она ответила вам. И то, что она сказала, она может повторить под присягой. Она восхищалась моим сыном — и не она одна, — если хотите, можно сказать — она любила его. И это все. (Она произносит это, отчеканивая каждое слово и с такой решительностью, что инспектор не сразу находит, что возразить.)

Инспектор. Скажите мне, почему ваш сын покончил с собой, миледи, и я этим удовлетворюсь.

Леди Моркомб. Я ничего не могу вам сказать; но что бы там ни было, вы должны этим удовлетвориться.

Инспектор (овладевая собой). Конечно, я понимаю, все это совершенно естественно, но только ведь мы так с места не сдвинемся. (К девушке.) Подумайте, я вас последний раз спрашиваю; если вы сейчас не сознаетесь во всем, подвергнем вас перекрестному допросу; не знаю, как вам это понравится.

Дэзи (исступленно). Ничего я вам не скажу — ничего, что бы со мной ни делали. Ни слова не скажу ему во вред.

Одихем (предостерегающе). Дэзи!

Дэзи. Не скажу, все равно. Он умер.

Леди Моркомб кладет на руку Дэзи свою маленькую, сухую ручку и пожимает ее.

Инспектор (невозмутимо). Это, чтобы не сказать больше, неповиновение закону.

Полковник Роулэнд. De mortuis nil nisi bonum¹, сержант.

Инспектор. Так точно, полковник! Мне эта пословица известна. Но я выполняю свои обязанности, я должен представить это дело коронеру, изложить все обстоя-

¹ О мертвых ничего или хорошо (лат.).

тельства, не упуская ничего, что может способствовать выяснению этого самоубийства. (*Идет к двери, открывает ее и говорит.*) Симпсон, позовите сюда этого репортера.

Одихем. Да что же это, сущая инквизиция! Идем, Дэзи!

Инспектор (*спокойно*). Вы можете идти, а ваша дочь останется.

Входит репортер. Инспектор становится спиной к двери.

Инспектор. Повторите, пожалуйста, что вы мне сказали, вот только что, когда я говорил с вами на улице.

Репортер оглядывается по сторонам, стараясь уяснить ситуацию, и поворачивается к инспектору.

Репортер. Ну зачем это, инспектор? Только зря мучить людей, и ведь всем это уже известно.

Леди Моркомб. А вы все еще продолжаете пако-стить?

Инспектор. Повторите просто то, что вы сказали. Эта девушка была любовницей майора Моркомба?

Репортер (*уязвленный словами леди Моркомб*). Так она сказала вчера нашему сотруднику.

Инспектор (*девушке*). И вы по-прежнему отрицаете это?

Дэзи стоит, закрыв глаза, и вдруг пошатывается.

Энн (*бросается к ней*). Ей дурно, — она сейчас упадет.

Леди Моркомб (*строго*). Не падай, девочка!

Дэзи открывает глаза.

Инспектор. И вы по-прежнему утверждаете, что не получали письма?

Дэзи (*безжизненным голосом*). Не получала я никакого письма.

Инспектор (*Одихему*). Можете увести ее. (*Репортеру.*) Вы тоже можете идти. Но имейте в виду: всякая попытка подговорить ее на что-нибудь до следствия будет рассматриваться как противодействие закону. Если мне не вручат этого письма, ей придется давать показания на следствии.

Одихем. Вот прилипала!

Инспектор. Благодарю.

Одихем уходит, поддерживая дочь, которая почти без чувств повисла у него на руках, репортер нерешительно мнетя, но инспектор, мотнув головой, грозно указывает ему на дверь, и он тоже уходит.

Инспектор. Письмо было ей, это совершенно ясно. (*Круто поворачивается к Энн.*) А может быть, вы теперь скажете, мэм, кому было это письмо? У вас было время подумать.

Энн. Мистер Дарелл не получал письма.

Инспектор. Так, так. Все дела майора я тщательно расследовал. Все в полном порядке; лицевой счет в банке, никаких долгов, за последнее время ничего срочно не ликвидировал: ни акций, ни ценных бумаг; никаких денежных затруднений; ничем не хворал; война,— ну с тех пор уже пять лет прошло. (*К леди Моркомб.*) Как в вашей семье, миледи, ничего такого не было?

Леди Моркомб. Нет.

Инспектор. Да, вот и я так думал. Ведь его отец, кажется, был стальной магнат?

Леди Моркомб. Да.

Инспектор. И с его стороны ничего, что могло бы сказаться...

Леди Моркомб. Насколько мне известно, нет.

Инспектор. Так вот, значит, никуда не денешься. Приходится искать причину в личной жизни. (*К Энн.*) В вашей, мэм, или в его. Я не знаю, насколько вы посвятили в свои дела вашего родителя?

Энн. Он знает все.

Инспектор. Рад слышать. Так вот, за день до своей смерти майор был с этой девушкой в Ричмонде. А в тот вечер, когда он лишил себя жизни, вы в это самое время были с другим джентльменом. Вот каковы обстоятельства (*внимательно наблюдает за леди Моркомб и Энн*), если не считать письма.

Энн. А вы справлялись на почте?

Инспектор (*язвительно*). Еще бы! Опущено в ящик, изъято и отправлено в одиннадцать вечера заспанным почтовым чиновником! Такое письмо, мэм, удастся разыскать разве что на экране кинематографа.

Полковник Роулэнд. Ступай, Энн.

Энн смотрит на него и уходит в дверь направо. Взгляд инспектора перебегает с рослой фигуры полковника, который стоит справа от него, на маленькую, сухонькую фигурку, стоящую слева.

Полковник Роуленд. Послушайте, инспектор, вы ведь служили в армии, были когда-то солдатом, ну подумайте сами...

Инспектор. Вот уж этого нам в армии не разрешалось, сэр.

Полковник Роуленд. Ну попробуйте все-таки... Мой зять был в связи с этой девушкой, и, как бы ни поступила моя дочь, это не имело никакого отношения к его смерти.

Леди Моркомб. Эта бедная глупенькая девочка просто преклонялась перед ним. Уж она-то никак не может быть причиной.

Полковник Роуленд. Никто из них, согласитесь, инспектор.

Инспектор. Вы хотите, чтобы я после двухдневного розыска представил донесение об этом деле, не приведя ни единого факта, который позволил бы установить причину самоубийства человека, известного всей стране? Ну, я вам только одно могу сказать: будь я на месте коронера и публики, я бы таким донесением не удовлетворился.

Полковник Роуленд. Но зачем же припутывать к делу то, что не имеет к нему никакого касательства?

Инспектор. Не мне судить о том, что к чему имеет касательство, а что нет. Вы, верно, плохо представляете себе, что такое публичное следствие. Коронер спросит: когда, где имел место случай насильственной смерти, от чего наступила смерть и если установлено самоубийство, в каком состоянии оно было совершено. Вот это мне и надлежит выявить, его состояние, да так, чтоб все было ясно, а то, о чем мы говорим, это единственные факты, которые могли его на это толкнуть.

Леди Моркомб. А меня разве утешит то, что вы выясните его состояние? Для меня, инспектор, единственное облегчение в том, что никто не посмеет отозваться небрежительно о моем сыне после его смерти.

Инспектор (*пожимая плечами*). Обычное дело, миледи, так уж у нас заведено. Считается, что человеку, если он в здравом уме, не пристало лишать себя жизни.

Леди Моркомб. А что же, эти факты свидетельствуют о здравом уме или о невменяемости?

Инспектор. Каверзный вопрос, миледи.

Леди Моркомб. Каверзный! Лишиться единственного сына! Ведь это все равно, что света божьего лишиться. Каверзный!

Инспектор (*упрямо*). Я очень сожалею... Но...

Полковник Роулэнд. Право, инспектор, я считал вас более здравомыслящим человеком!

Инспектор (*сухо*). У меня достаточно здравомыслия, чтобы выполнить свой долг, полковник.

Полковник Роулэнд. Долг! Без всякой надобности устраивать такую сенсацию! Вы же видите, каково это для леди Моркомб! А для меня — что мне вам говорить, моя дочь для меня все, — каково мне смотреть, как ее будут позорить у меня на глазах. Единственная дочь, и ее будут обливать грязью в газетах. И это следствие, где все на нее будут глазеть, — толпы женщин, которые упиваются этим зрелищем. Мне говорили, что на всех судебных процессах, будь то убийство или развод, зал ломится от публики, масса разряженных женщин в шелках и мехах! А ведь это еще хуже, чем развод. Он, бедный, уже лежал мертвый, когда она пришла от...

Леди Моркомб. Полковник Роулэнд всю свою жизнь отдал на службу родине: он был трижды ранен. А мой сын — это был человек самоотверженной храбрости! И вы хотите перед всеми очернить его имя?

Инспектор (*прочувствованно*). Можете мне поверить, миледи, я глубоко сочувствую вам обоим. Конечно, это всегда очень тяжело для семьи. Но не кажется ли вам, что вы несколько преувеличиваете. Ну, задели немножко личную жизнь, — в наше время какое это имеет значение?

Леди Моркомб (*с непередаваемым достоинством*). Мы наше время пережили, а это — лучше бы нам умереть, чем дожить до него. Оставим, полковник; его все равно не переубедишь. Что бы мы с вами ни говорили, он будет стоять на своем.

Инспектор (*живо*). Не я, миледи, закон! Вот будь у меня это письмо, все могло бы обернуться по-другому.

Леди Моркомб. Мне кажется, никто из них не получал этого письма.

Инспектор (*пожимая плечами*). Будьте покойны, кто-то из них получил. Ну, у нас еще полдня впереди, до свидания.

Кланяется, сначала леди Моркомб, затем полковнику; никто из них не отвечает. Он огорченно покачивает головой и уходит. Наступает молчанье.

Полковник Роулэнд. Может быть, эта девица получила письмо?

Леди Моркомб. Нет, я уверена, что она говорила правду.

Полковник Роулэнд. И Энн тоже ручается.

Леди Моркомб. Мы как в тенетах. Полковник Роулэнд, неужели вы, с вашим влиянием, не можете прекратить это?

Полковник Роулэнд. Я? Я никто. В архив сдан. Попробую поговорить с моими поверенными, но, честное слово, я не представляю себе, что они теперь могут сделать.

Леди Моркомб. Попробуйте. Попытайтесь. Простите меня за то, что я вам наговорила.

Полковник Роулэнд. Я понимаю, я все понимаю. Мой бедный друг!

Берет ее руку, подносит к губам, идет через комнату к двери направо и уходит. Леди Моркомб, оставшись одна, в смятении бродит по комнате. Она слышит, как захлопнулась входная дверь, подходит к окну, чуть-чуть откидывает штору и провожает взглядом уходящего полковника, потом поворачивается и стоит, глядя на кресло и схватившись рукой за лоб.

В дверь слева входит Энн. Она в шляпе, в руках небольшой чемодан. Увидев ее, леди Моркомб опускает руку и отходит от кресла.

Энн. Я ухожу к отцу. Вам здесь одной будет спокойнее.

Леди Моркомб. Я могу уйти, вы останетесь.

Энн. Нет. Это дом Колэна. *(Идет к двери.)*

Леди Моркомб. Пойдите! Этот разрыв с Колэном произошел из-за вас?

Энн. Нет.

Леди Моркомб. Вы же любили друг друга, когда поженились.

Энн. Нам казалось, что да.

Леди Моркомб. Вы первая изменили ему?

Энн. Не я разрушила нашу совместную жизнь.

Леди Моркомб. У вас были ссоры?

Энн. Никогда.

Леди Моркомб. Энн! Вы что-то скрываете?

Э н н. Ничего не скрываю.

Л е д и М о р к о м б. Вы любите этого человека?

Э н н. Всем сердцем.

Л е д и М о р к о м б. А Колэн любил эту девушку?

Э н н. Не могу сказать, не знаю.

Л е д и М о р к о м б. Никто ничего не может мне сказать. О боже! (С внезапной горечью.) Я думаю, вы рады, что он умер?

Э н н (вздрагивая). Вы несправедливы, и вы знаете это.

Л е д и М о р к о м б. Сердце не разбирает, что справедливо. Но у вас его, может быть, и нет.

Э н н. На это я вам уже ответила.

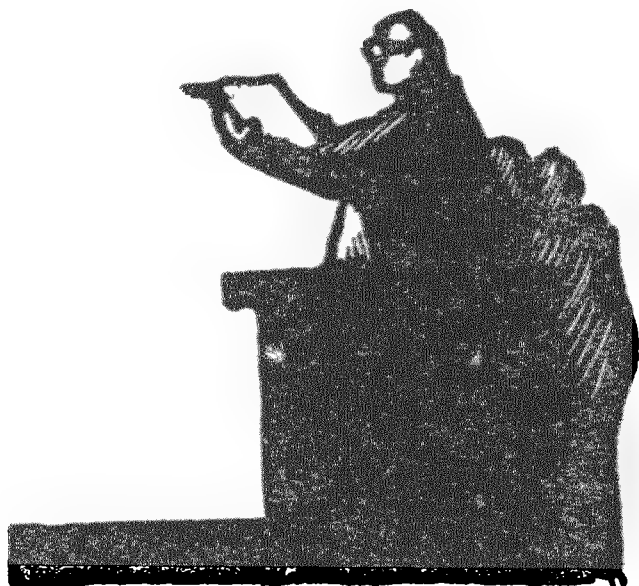
Смотрят друг на друга молча, затем Э н н поворачивается и выходит в дверь направо. Выждав, когда за ней закроется дверь, леди

Моркомб идет к выключателю, гасит свет.

Длинная полоса солнечного света, льющегося из-за полуотдернутой шторы, падает на кресло. Леди Моркомб подходит к креслу и, наклонившись через спинку, смотрит как бы на того, кто в нем сидит. Потом медленно протягивает руки и словно обнимает голову сидящего, наклоняется и прижимает к себе эту голову, которой нет.

Целует ее и еле слышно шепчет: «Колэн!».

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Около одиннадцати часов утра на следующий день. Приемная в следственном суде, небольшая комната, похожая на зал ожидания маленькой железнодорожной станции, но несколько более опрятная; стены с широким выступом внизу выкрашены зеленой клеевой краской. Длинный четырехугольный стол стоит посреди комнаты; напротив него, вдоль правой стены — длинная скамья. Несколько стульев в ряд у левой стены, которая, заворачивая под прямым углом, образует проход, где прямо напротив зрительного зала видны широко раскрытые двери, ведущие в переднюю и вестибюль зала суда.

На скамье сидят Одишем, его дочь и немного поодаль горничная Эллиен. На стуле, в дальнем конце стола, — неподвижная фигура леди Моркомб. В проходе и в вестибюле толчется народ: все обступили помощника coronera, усатого человека в мантии.

Помощник coronera. Только лица, непосредственно заинтересованные в деле!

Дама с эгреткой. Ах, мы страшно заинтересованы! Пожалуйста, помогите нам найти места.

Помощник coronera. Свидетели?

Дама с эгреткой (*подталкивая другую, помолуже*). Не совсем, но вот моя приятельница, близкий друг миссис Моркомб.

Помощник coronera. Попытайтесь пройти, только там битком набито.

Дама с эгреткой. Какая досада. Идем, Урсула, мы должны попасть.

Репортер Форман (*показывая свое удостоверение*). Пресса.

Помощник coronera. Хорошо. проходите, там, кажется, для вас места за столом.

Репортер на минуту останавливается и смотрит на Одихема с дочерью: внезапно он видит, как леди Моркомб манит его рукой, затянутой в черную перчатку. Он подходит к ней и останавливается справа от стола.

Леди Моркомб (*показывает на газету, которая лежит перед ней на столе*). Это вы придумали такой заголовок?

Репортер. Я к заголовкам не имею никакого отношения. Простите, я должен пойти занять место.

Быстро идет обратно к проходу и сталкивается с входящими полковником Роулендом и Энн.

Полковник Роуленд (*понижив голос*). Черт бы побрал вашу газету, сэр!

Репортер (*невольно отшатываясь*). Вполне с вами согласен, вполне!

Пробирается через толпу. Полковник Роуленд и Энн останавливаются у конца стола, ближе к рампе. Полковник машет рукой Одихему и кланяется леди Моркомб.

Мужчина с тремя дамами (*в дверях*). Я из министерства воздушного флота — вы можете нас провести?

Помощник coronera (*взглянув на его визитную карточку*). Попробую, сэр... Пожалуйста, не толпитесь, сюда нельзя — здесь только свидетели. (*Пропускает тех троих к двери и поворачивается к собравшимся в приемной.*) Все свидетели?

Полковник Роуленд. Я с дочерью — миссис Моркомб.

Помощник coronera. А, очень хорошо. (*К леди Моркомб.*) А вы, мэм?

Леди Моркомб. Мой сын.

Помощник coronera. Ах вот что. (*Почтительно.*) Гм... Я не знаю, хотите ли вы присутствовать на следствии, миледи. Если да, я буду рад услужить вам и распоряжусь поставить для вас стул.

Леди Моркомб (*вставая*). Да. Я пойду.

Помощник coronera (*идет впереди*). Тогда пожалуйста сюда, миледи.

Леди Моркомб (*не глядя на Энн, устремляет взор на полковника Роуленда*). Ничего не вышло, конечно? (*Он качает головой.*) Бодритесь!

Полковник Роуленд кивает, она уходит вслед за помощником конюшера.

Комната опустела, остались только Одихемы, горничная, Энн, полковник Роуленд и констебль в дверях. В открытые двери видно, как в вестибюле и у входа толпится народ.

Полковник Роуленд. Садись, дорогая.

Энн садится справа у стола, машинально берет газету и рассеянно перелистывает ее. У нее вид человека, который пришел вырвать зуб к дантисту и дожидается своей очереди в приемной. Полковник Роуленд стоит за ее стулом, опершись руками на спинку и покусывая ус. В дверях появляется инспектор с какой-то бумажкой в руке. Он поспешно заглядывает в комнату, быстро обводит взглядом пятерых присутствующих, из которых только один Одихем, заметив его, бормочет себе под нос «Прилипала»; затем он сейчас же идет обратно к дверям и что-то говорит констеблю.

Инспектор (*понизив голос*). Вот эти три женщины, смотрите, чтобы они были здесь. Полицейский Симпсон там, и оба врача: все на месте. (*Констебль кивает.*) Так вот, значит, поглядывайте. Я за ними приду.

Уходит.

Энн (*вдруг поворачивается*). Не ходи со мной, папа, прошу тебя.

Полковник Роуленд. Пустить тебя одну, дитя. Немыслимо!

Энн. Прошу тебя, папа, пожалуйста! Я просто не выдержу, если ты будешь там.

Полковник Роуленд. Дорогая моя, я хочу оградить тебя, чтобы они не посмели...

Энн. Я буду держаться спокойно, папа, уверяю тебя... я могу... Мне будет в тысячу раз хуже, если ты будешь там. Ну прошу тебя.

Берет его за пуговицу и крутит ее.

Полковник Роуленд (*бормочет*). Все эти разряженные мегеры, любопытные, как сороки, и эти шимпанзе с блокнотами будут упиваться...

Энн. Мне все равно, только чтобы ты этого не видел.

Полковник Роуленд. Ты думаешь, если я останусь здесь, я не буду этого видеть? Все будет у меня перед глазами, все до последней мелочи, так вот, как ты сейчас.

Энн. Наверно, все это не так страшно, как мы себе

представляем? (Улыбаясь.) Правда, папа, мне будет спокойнее.

Полковник Роуленд резко поворачивается, делает несколько шагов, возвращается обратно, кладет руку ей на плечо.

Полковник Роуленд. Ну хорошо. Я останусь здесь. Помогите мне, боже...

Констебль (делает несколько шагов от двери, заглядывает к ним). Коронер уже на месте, скоро начнут.

Они молча смотрят на него. Он возвращается к двери.

Одихем. Пора ему быть на месте. Болтается где-то! Точно спектакль готовят, первое представление. (Горничной.) Придвигайтесь к нам, сюда.

Горничная подвигается и садится рядом с девушкой.

Эни и полковник молча смотрят.

Одихем. Она сегодня с утра губ не разжимает, молчит. Как она там выдержит? У вас с собой нет нюхательной соли?

Горничная качает головой.

Эни (встает и подходит к ним). Возьмите вот это.

Одихем. Спасибо, мэм. Вовремя нюхнешь, сил наберешь.

Эни надламывает ампулу с нашатырным спиртом и машет ею перед лицом Дэзи.

Одихем. Очнись, Дэзи. Нюхни.

Девушка безучастно нюхает. Эни возвращается на свое место.

Одихем (горничной). Никогда в жизни я ее такой еще не видел. Знаете, я вас попрошу, вы там за ней не присмотрите? Сам-то я боюсь за себя поручиться. Как бы чего не наговорить... А вот когда она вернется, тут уж я от нее не отойду.

Констебль (заглядывает к ним). Ну, теперь недолго ждать, минутки две-три. Присяжные ушли осматривать труп.

Дэзи (вскакивает). О боже!

Мертвая тишина. Констебль, степенный, пожилой человек, молча уставился на нее, остальные застыли на месте и тоже не сводят с нее глаз. Дэзи опускается на скамью, сидит в оцепенении, как прежде. Одихем машет на нее шляпой. В дверях появляется инспектор; он делает знак констеблю, явно стараясь не попадаться на глаза своим жертвам.

Констебль. Пожалуйста, проходите, леди.

Энн (подходит к Дэзи). Эллен! (Горничная берет девушку под руку; Энн—Одихему.) Мы за ней посмотрим, мистер Одихем. (Крепко сжимает руку девушки.) Идемте! Все равно надо претерпеть!

Девушка поднялась и идет между ними, как лунатик. Констебль сзади загораживает их, когда они проходят в дверь. Одихем и полковник, оба стоят как вкопанные.

Полковник Роуленд (сам с собой). Я видел, как расстреливают людей, но им хоть глаза завязывают. (Продолжает стоять, не двигаясь.)

Одихем медленно подходит к столу, берет газету, идет обратно к скамье, усаживается, кладет газету себе на колени, проводит рукой по глазам и, судорожно глотнув, говорит.

Одихем. А эти парни из Чэлси здорово бьют. Уж не знаю, на сколько очков, но сегодня они, видать, выиграют.

Полковник вздрагивает, потом идет к Одихему и присаживается против него на край стола.

Полковник Роуленд. Да! Сильная, кажется, команда.

Молчание. Оба прислушиваются. Одихем достает из кармана трубку.

Одихем. Вы как думаете, полковник, можно мне здесь покурить?

Полковник Роуленд. Вряд ли.

Одихем. Рискну все-таки. Без этого тут просто не высидишь. (Набивает трубку.) У вас, полковник, простите за прямоту, дочка на редкость мужественная.

Полковник Роуленд. Женщины храбрее мужчин,— да, безусловно.

Одихем. А от мыши сломя голову бегут. Посмотрели бы вы, как моя дочка от таракана спасается. Никому бегуну за ней не угнаться. (Умолкает. Вздрагивает.) Похоже, лейбористы у нас все-таки удержатся, вы как думаете, полковник, или вы в политику не входите?

Полковник Роуленд. Нет, с тех пор, как у меня зубы мудрости прорезались, избегаю.

О д и х е м. Д-да! Общественная деятельность — это у нас так, для показу.

Полковник резко оборачивается, как если бы он вдруг что-то услышал. О д и х е м тоже замолкает и прислушивается с трубкой в руке. Затем оба успокаиваются.

О д и х е м (*раскрывая газету*). Видели вы эти заголовки? «Загадочное самоубийство», «Лучший пилот Англии», «Ожидаются сенсационные разоблачения». Вот из-за этого-то здесь сегодня такая толкучка. А газетчики денежки загребают!

Полковник Роуленд. Черт бы их побрал!

О д и х е м. А у нас теперь из всего зрелище! Затеяли два воробья драку, гляди—тут же кругом толпа вырастет. Я вот как-то на днях читал про одного американского журналиста, как он эту катастрофу на Ниагаре пропустил; помните, мужчина с женщиной на льдине в водопад попали, полтора часа их крутило, пока не засосало; народу собралось тысячи, и никто ничего сделать не мог. Один какой-то предложил спустить им веревки с моста; мужчина поймал, зацепился, а женщина нет, так он свою тоже выпустил, и так они оба вместе и погибли. Так вот этот журналист говорит, что для него это величайшая трагедия, что он такую вещь пропустил!

Полковник Роуленд. Бесподобно!

О д и х е м. А кто знает, может, и нам тоже любопытно было бы посмотреть, если бы с кем другим такое несчастье случилось. Что бы вы сделали, полковник, если бы вам своими глазами привелось такое увидеть?

Полковник Роуленд. Бежал бы опрометью.

О д и х е м (*мотает головой*). Э, нет! Случись эдакое у вас на глазах, вы, как и всякий другой, стояли бы и смотрели, не отрываясь. Такая уж, видно, природа у человека, на все-то ему поглядеть хочется.

Полковник Роуленд. Я вот ни за что не пойду смотреть на бой быков.

О д и х е м (*задумчиво*). А ведь верно, вы на своем веку немало крови видели. (*Умолкают, прислушиваются.*) Простите, нет ли у вас спичек? (*Полковник достает коробку спичек.*) Спасибо. (*О д и х е м зажигает трубку и раскуривает.*)

Полковник Роулэнд. Что это такое? (Оба слушают.)

Одихем. Автомобиль, похоже. Иной раз бывает услышишь это вытье, ну прямо человек вопит!

Полковник Роулэнд. Истязать женщин!

Одихем (попыхивая трубкой). А как, по-вашему, полковник, что заставило майора наложить на себя руки? Вы не думаете, что тут еще какая-нибудь женщина замешана?

Полковник Роулэнд (раздраженно отмахивается). Вы что же, его за мормона принимаете?

Одихем. Но что-то его все-таки доняло, отчего ему так туго пришлось, что он в себя пулю всадил.

Полковник Роулэнд. Одному богу известно, отчего человек сам себя жизни лишает.

Одихем. Д-да! Ему много чего известно.

Констебль (отходит от двери и заглядывает к ним). Здесь курить не разрешается.

Одихем вытряхивает трубку и кладет ее на скамью. Констебль уходит.

Одихем. А закон у нас все-таки обновить не мешало бы. Варварства много! (Прислушиваются оба. Одихем, не выдержав.) Нет, разве тут усидишь без трубки. (Встает.) Я, пожалуй, выйду, полковник, попробую походить там.

Полковник Роулэнд кивает. Одихем проходит мимо него, идет в переднюю, видно, как он в дверях разговаривает с констеблем. Полковник садится за стол спиной к проходу, облакачивается, опускает голову на руки.

Констебль (в дверях, какому-то, только что пришедшему человеку). Кого вам нужно, сэр?

Новоприбывший входит в переднюю — это Дарелл.

Дарелл. Миссис Моркомб.

Констебль. Вдову? Она сейчас там, у коронера, но, надо полагать, скоро выйдет. Хотите, подождите здесь. Могу попытаться узнать, вызывали ее уже или нет. (Зажимает в руке полученную монету.) Сейчас узнаю, сэр.

Дарелл. Спасибо.

Он проходит в приемную; в страшном нервном напряжении, взвинченный до последних пределов, он идет, уставившись прямо пе-

ред собой невидящим взглядом, подходит к скамье, берет газету, тут же выпускает ее из рук, идет дальше, поворачивает, останавливается у конца стола лицом к проходу. Полковник Роуленд сидит все так же, не двигаясь, опустив голову на руки. Дарелл, вдруг очнувшись, узнает его и невольно прикрывает рукой нижнюю часть лица.

Констебль (*появляясь в проходе*). Ее только что допросили, сэр.

Полковник Роуленд (*выходя из оцепенения*). Кого?

Констебль. Вдову, сэр. Она ведь обнаружила труп, с нее первой и снимали показания. (*Дареллу.*) Свидетелей иногда тут же отпускают, но бывает, что и задерживают,— это уж как когда, сказать трудно.

Полковник смотрит на него и ничего не отвечает. Констебль уходит к дверям. Полковник, повернувшись, глядит на Даррела и, смутно догадываясь, кто он, встает и делает шаг в его сторону.

Дарелл (*отвечая на его взгляд*). Да, это я. Полковник Роуленд, я полагаю?

Полковник Роуленд (*выпрямляясь*). Вы за все это ответственные.

Дарелл. Если бы мы не думали о вас, сэр, мы давным-давно поженились бы.

Полковник Роуленд. Вы что же, решили, что я скорей поощрю тайную связь?

Дарелл. Нет, но Энн...

Полковник Роуленд. Почему же у вас не хватило мужества настоять на своем?

Дарелл (*вспылив*). Я не вижу никакого мужества в том, чтобы насиловать волю любимой женщины. Она боялась огорчить вас.

Полковник Роуленд. Тогда надо было подождать, пока меня не будет.

Дарелл. Да сэр, но мы любим друг друга.

Полковник Роуленд. Это не оправдание для бесчестного поступка.

Дарелл. У нее все уже было порвано с Моркомбом, еще до того, как я познакомился с ней.

Полковник Роуленд. Это правда?

Дарелл. Безусловно.

Полковник Роуленд. Гм... что же вы теперь собираетесь делать?

Дарелл. Мы поженимся, и я сразу увезу ее за границу. Я бы вот сейчас руку дал себе отрезать, только бы избавить ее от этого. *(Кивает на дверь.)* Давно она там?

Полковник Роуленд. Можно тысячу раз умереть и за десять минут.

Констебль *(в передней)*. Тут вас один джентльмен дожидается, мэм.

Дарелл. Энн!

Входит Энн. На щеках у нее красные пятна. Она подходит к концу стола и садится лицом к публике, спиной к обоим мужчинам. Дарелл бросается к ней. Полковник Роуленд подходит сзади, становится за спинкой ее стула.

Дарелл. Энн! Ангел мой!

Энн качает головой и ничего не отвечает, губы у нее дрожат, по выражению лица видно, что она перенесла и выдержала что-то такое, что выше ее сил; теперь нервы ее сдали, она сидит неподвижно, уставившись в одну точку.

Полковник Роуленд. Идем, дорогая!

Ответа нет.

Дарелл. Энн! Скажи что-нибудь!

Энн *(качает головой)*. Меня могут еще... вызвать. *(Вздрагивает, с усилием овладевает собой.)*

Полковник Роуленд. Черт возьми, это уже слишком!

Дарелл опускается на колени, целует ее руку. Она все так же неподвижна. Он вскакивает и растерянно смотрит на полковника.

Полковник Роуленд. Может быть, тебе дать воды, Энн?

Энн. Ничего не надо.

Дарелл порывается к ней, но полковник подзывает его жестом, и они отходят к другому концу стола.

Полковник Роуленд *(тихо)*. Пусть побудет одна. Я видел однажды на северо-западной границе, как женщину... Ах! По-разному можно надругаться над человеком... Нервам успокоиться — время надо.

Голос констебля *(в дверях)*. Нельзя туда, нету мест, сэр!

Голос лейтенанта Освальда *(снаружи)*. Но я же говорю вам, мне нужно к коронеру.

Констебль. Пройдите сюда. (В приемную в сопровождении констебля входит человек лет тридцати, с выправкой моряка.) В чем дело, сэр? Может быть, я могу что-нибудь сделать?

Вошедший протягивает ему визитную карточку. Дарелл и полковник из глубины комнаты наблюдают за Энн.

Констебль (читает карточку). Лейтенант Освальд судна королевского флота Зевс (прикладывает руку к козырьку).

Освальд. Я получил это письмо в Портсмуте сегодня утром. Его нужно сейчас же вручить коронеру. У нас были маневры, и я только сегодня узнал об этом несчастье. Бедняга! Он был моим другом! (Протягивает конверт.)

Констебль (разглядывая конверт). Это от покойного?

Освальд. Да.

Констебль. Пойду позову инспектора, который ведет дело.

Освальд (внезапно видит Энн, которая повернулась и смотрит на него). Миссис Моркомб! Позвольте мне... (Умолкает, увидав ее лицо.) Ах, как все это нелепо получилось!

Энн (с горечью). Письмо?

Освальд. Только что дошло до меня.

Энн. Слишком поздно.

Освальд. Что...

Входит инспектор в сопровождении констебля.

Инспектор (отрывисто). Что такое, сэр? Вы получили письмо?

Освальд протягивает письмо. Инспектор сличает почерк на конверте с почерком другого письма, затем поспешно извлекает письмо и быстро пробегает глазами.

Инспектор. Господи боже! Идемте со мной, сэр!

Уходят, он впереди, за ним Освальд.

Констебль возвращается на свое место у двери.

Дарелл. Кто это такой?

Полковник Роуленд. Друг Моркомба, был у него шафером на свадьбе.

Энн повернулась лицом к столу и сидит, опустив голову на руки. Подите к ней сейчас.

Идет в другой конец комнаты и стоит там, повернувшись к ним спиной. Дарелл подходит к столу и наклоняется к Энн.

Дарелл. Энн!

Энн. Что ж, что с тебя сдирают кожу? Разве по мне это видно? Им нужно, чтобы кровоточило... Боже, эти глаза!

Какое-то движение в передней.

Констебль (входя в приемную). Инспектор велел передать, вас больше не потребуют, мэм. (Уходит.)

Дарелл. Идем Энн, идем, подальше от всего этого.

Энн (поворачивает к нему лицо с закрытыми глазами). Поправь мою маску, Джефф, она соскользнула.

Дарелл (гладит ее по лицу). Сокровище мое! (Берет ее под руку, ведет к выходу.)

Полковник Роулэнд (круто поворачивается и быстро направляется к выходу). Нет, это черт знает что, так бы, кажется, и взял их всех на мушку!

Вытягивает руку, словно прицеливаясь из ружья.

Констебль. Простите, сэр?

Полковник Роулэнд (сознавая, что случилось смешно). Не вас, милейший...

Констебль. Вам что-нибудь требуется, сэр?

Полковник Роулэнд. Да, вот эту ораву с разинутым ртом.

Выходит.

Констебль стоит, разинув рот, выпучив глаза, потом обводит взглядом пустую комнату, словно выискивая следы повреждения, подвигает на место стул, поднимает газету, складывает ее; идет в дальний конец комнаты и обнаруживает на скамье трубку Одихема; хватает ее с таким видом, точно арестует преступника, держит перед собой в вытянутой руке, разглядывает со всех сторон, словно вещественное доказательство преступления, затем прячет в боковой карман и застегивает его. Наконец, окинув последний раз внимательным взглядом всю комнату, берет газету и идет к двери.

Голос Одихема (снаружи). Выйдите с ней на воздух, на улицу. Я сию минуту; трубка моя там осталась.

Входит в приемную, идет к скамье. Констебль наблюдает за ним с невозмутимым видом.

О д и х е м *(в недоумении)*. Вот тут я ее оставил. *(Констеблю.)* Трубки не видели?

К о н с т е б л ь. Какая трубка? Из чего?

О д и х е м. Можжевеловая, мундштук малость пообтерся.

К о н с т е б л ь. Особые приметы есть?

О д и х е м. Приметы? Тоже выдумал! Татуировка что ли, на левом предплечье? Трубка, и все.

К о н с т е б л ь *(достает из кармана трубку)*. Ваша вещь?

О д и х е м. Она самая!

К о н с т е б л ь. По правилам, мне следовало бы передать ее в Скотлэнд-Ярд. *(Подбрасывает в руке.)*

О д и х е м. Ого! Ну стоит ли вам из-за меня время терять? *(Сует ему шиллинг.)* Чего уж там...

К о н с т е б л ь *(берет шиллинг)*. Трубка — друг человека.

О д и х е м *(берет трубку)*. Д-да! И, пожалуй, единственный, другого такого и нет. Огоньку у вас не найдется?

Констебль протягивает ему коробку спичек, Одихем зажигает трубку.

Невеселая у вас служба здесь, с этими трупами-то. Будьте здоровы!

Констебль только успел открыть рот, собираясь что-то сказать, но О д и х е м уже исчез. Констебль прячет шиллинг, идет в переднюю. Оттуда доносится его голос.

К о н с т е б л ь. Расступитесь, не загромождайте проход. Дорогу присяжным. Сюда, господа. Здесь для вас все приготовлено, чтобы вы могли обсудить ваше решение. Сюда, пожалуйста.

Стоит в дверях и пропускает мимо себя присяжных. Они проходят один за другим; восемь человек, приличные люди, все под впечатлением тяжелого зрелища; на их лицах написано чувство облегчения и вместе с тем сознание своей ответственности. Старшина, ветеринарный фельдшер, держит в руке письмо.

К о н с т е б л ь *(входит за ними следом)*. Все у вас здесь, что вам требуется, господа?

Старшина. Да, спасибо.

Констебль уходит и закрывает за собой двери.

Так вот, значит, мы можем здесь расположиться и подумать.

Четверо присяжных усаживаются на скамью справа, трое — на стулья с левой стороны стола. Старшина садится за стол в дальнем его конце.

Старшина. Ну что ж, господа, я думаю, для вас очевидно, что смерть настигла покойного в понедельник вечером, между восемью и девятью часами, у него дома, в Кенсингтоне?

Все кивают.

Значит, вы согласны. Теперь, сам ли он лишил себя жизни? Это второй вопрос, на который мы должны ответить.

Второй присяжный (*справа от старшины, седой человек из небольших коммерсантов*). Что ж, тут никаких сомнений быть не может после этого письма, и того, что показывали оба доктора.

Молчание.

Старшина. У кого есть какие-нибудь сомнения, высказывайтесь.

Все молчат.

Значит, все согласны. Он лишил себя жизни. Теперь, в каком состоянии он это совершил? Это третий вопрос.

Третий присяжный (*второй слева от старшины, коммивояжер, в темных очках*). А вот на это не так-то просто ответить. Я бы попросил старшину прочесть еще раз это письмо. Слушаешь, душа надрывается, прочтите-ка его еще раз.

Старшина. Хорошо. Оно адресовано лейтенанту Освальду судна королевского флота Зевс.

Пятый присяжный (*на крайнем стуле слева, ювелирных дел мастер, не без эстетической жилки*). «Зевс» — это по-древнегречески.

Шестой присяжный (*крайний справа на скамье, парикмахер, имеет собственное заведение, упрямый, несговорчивый*). Давайте-ка попросту, по-английски.

Старшина. Зевс. Портсмут. Написано из собственного дома: «17, Южная площадь, Кенсингтон, 23 марта» — тот самый роковой понедельник — «8.15 вечера». Как видите, и время точно записывает. А вот письмо: «Дорогой дружище. Пишу тебе, как самому моему близкому старому другу. Через несколько минут я отдаю концы...»

Четвертый присяжный (*справа от старшины, аптекарь*). Господин старшина, позвольте, я насчет этого выражения «отдаю концы», мне его не раз приходилось слышать, только не в таком смысле.

Шестой присяжный. В нашем парикмахерском деле «снять концы» значит подстричь покороче.

Старшина. Ну, здесь это не может означать ничего другого, кроме того, что он собирался сделать.

Третий присяжный. Ясно. Читайте дальше.

Старшина (*возвращаясь к прочитанному*). «...через несколько минут я отдаю концы. Ни ты, никто другой, ни даже моя мать, ни Энн, когда еще у нас не все было порвано, никто из вас не знает, что мой котенок дважды выходил из строя. Из-за этого, как ты понимаешь, и развалилась моя жизнь с Энн. Ей хотелось ребенка, а я не мог на это решиться и не мог ей сказать, почему. Ну, просто я никому не мог об этом сказать. Первый раз это со мной случилось вскоре после войны. Я был в Шотландии, в очень уединенном месте: удил рыбу — и вот три дня полный провал памяти, полная тьма. Со мной был один парнишка-рыбак; я с него клятву взял, что будет молчать. Второй раз это было незадолго до нашего разрыва с Энн: я поехал в Бельгию с этим своим проектом парашюта «РВ7». И вот там на меня опять нашло, и я целых двое суток блуждал где-то, очнулся в лесу. Ты, старина, даже не представляешь себе, какая это пытка — быть постоянно под угрозой такого помрачения, чувствовать, как оно надвигается на тебя, медленно, и вот-вот прихлопнет опять. И не знать, выскочишь ли ты из этого в следующий раз, или это уже конец. (*Старшина откашливается.*) Вот так и живешь в вечном», — тут что-то не разберу дальше, — «мра»..., — ах нет, «стра... страхе»... да, в страхе. «Вот уже несколько дней я чувствую, на меня опять находит. Нет у меня сил терпеть это, дружище. Вот я и решил убраться. Так бу-

дет лучше и для меня и для всех. Прощай, и да хранит тебя бог. Утешь мою дорогую матушку. Твой старый друг Колэн Моркомб».

Последние слова старшина читает прерывающимся хриплым голосом, а третий присяжный как-то подозрительно сопит. Да и все остальные явно удручены и подавлены, за исключением самого молодого, совсем юноши, и шестого присяжного; эти двое слушают с невозмутимым видом.

Пятый присяжный. Ужасно! Какое грустное письмо!

Шестой присяжный. Вопрос в том, писал его человек в здравом уме или нет? Коронер на этом особенно останавливался. Только мне показалось, что он больше о себе думает, чем о покойном.

Седьмой присяжный (второй с краю на скамье, белобрысый торговец овощами). Сказать по совести, в этом письме нет ничего такого, чего мы с вами не могли бы написать, ни единого слова. Все как есть в точности, даже и про то, как с женой разошлись.

Шестой присяжный. Ну, об этой дамочке нам нечего думать.

Третий присяжный. А чем она хуже других?

Пятый присяжный. Да ведь он и сам спутался с этой девчонкой.

Второй присяжный. По-моему, зря они все это сюда приплели, и коронер правильно сделал, что прекратил допрос, как прочел письмо. Чего там копать, когда бедняги уже в живых нет.

Шестой присяжный. А я так думаю, только этот инспектор его и осадил.

Четвертый присяжный. Во всяком случае, коронера вовремя прервали, а то хлопнулась бы в обморок девчонка, вся побелела, смотреть на нее страшно было, а уж в аптеке чего не нагладишься.

Старшина. Давайте не отвлекаться — наше дело решить, в здравом уме он был или нет.

Шестой присяжный. Еще бы не в здравом — с девочкой в Ричмонд покати!

Пятый присяжный. Это было за день до того, к делу не относится.

Седьмой присяжный. Последнее, что он сде-

лал,— это написал письмо, а что там раньше было, нас не касается.

Старшина. По моему мнению, господа, для нас самое важное — эти его слова: «Надвигается на тебя медленно». Я как ветеринар могу вам точно сказать, собака еще до того, как взбесилась, чувствует это. И как только вы заметите, что она это чувствует, ее надо немедленно убить: она уже все равно что бешеная. А вот как человек, здоров ли, когда чувствует, как на него помрачение находит,— вот это нам и надо решить!

Шестой присяжный. Если он был не в своем уме, когда писал это письмо, тогда, значит, мы все тронутые.

Седьмой присяжный. Вот в этом-то все и дело! Коронер нас предостерегал, чтобы не объявлять невменяемым, если у нас насчет этого сомнения будут.

Шестой присяжный. А, этот коронер! Он только о себе и печется! Даже не счел нужным ответить, когда я ему задал вопрос.

Третий присяжный (неожиданно). Надо же, такой герой! Как сейчас помню, этот его полет! И вот теперь лежит бедняга!

Пятый присяжный. А семье каково! Вот о ком надо подумать.

Шестой присяжный. Ну, о вдове нам нечего думать. Она себе нашла утешение.

Пятый присяжный. А мать?

Шестой присяжный. Это та маленькая старушка в черном?

Старшина. Да уж тут, как ни поверни, всегда кого-нибудь заденешь. Так вот, господа, давайте решать, то или иное.

Седьмой присяжный. Ну как это сумасшедший человек вдруг скажет про себя, что у него котел вышел из строя.

Третий присяжный. Почему же нет? Самое ходовое выражение.

Седьмой присяжный. Вряд ли сумасшедшему придет в голову так выражаться.

Второй присяжный. Ну, если человек привык выражаться, уже он от этого не отстанет, так с этим и в могилу сойдет. (*Обращается к своему соседу, восьмому присяжному, юноше.*) Как по-вашему?

Восьмой присяжный (*вздрагивая от неожиданности*). По-моему? Конечно, сумасшедший!

Четвертый присяжный. Мне кажется, господин старшина, мы все-таки должны считаться с коронером, по-моему, он очень справедливо говорил и, в общем, дал понять, что он против решения о невменяемости.

Шестой присяжный. Слишком много у него за последнее время таких решений было, вот он теперь и вывертывается. Но нас это не должно касаться.

Старшина. Хорошо, господа! Так, значит, голосуем. Кто за то, что самоубийца был в невменяемом состоянии, поднимите руки.

Он сам, 2-й, 3-й, 5-й и 8-й присяжные поднимают руки.

Кто против?

4-й и 7-й присяжные поднимают руки, 6-й и на этот раз воздерживается.

Шестой присяжный. Я так думаю: раз мы не все согласны, надо еще поговорить. Они нас оторвали от дела,— пускай подождут.

Седьмой присяжный. Ну как он мог написать такое письмо в помрачении рассудка, ей-богу не верю! По-моему, господа, мы все-таки должны прислушаться к мнению коронера, как-никак опыт...

Шестой присяжный. Я с этим не согласен!

Пятый присяжный (*возмущенно*). Так почему же вы в таком случае руку не подняли?

Шестой присяжный. А что торопиться?

Старшина (*успокаивая их*). Ну, будет вам, господа. Позвольте мне высказать мое мнение. Я уже не первый раз заседаю на таких следствиях, и я вам скажу, что в таких случаях всегда бывает сомнение, но при всем том никому не повредит, если вы, даже и сомневаясь, все-таки примете решение в пользу покойного. Так оно просто по совести, по-человечески выходит, а человеческая совесть всегда правильно подскажет. Ну кто, в самом деле, может точно сказать, где тут черту провести?

Не понимаю даже: зачем надо и задавать такой вопрос? Когда, где человек умер, сам ли он себя жизни лишил? Это да. А в каком состоянии он это сделал — нет. В здравом уме или в помрачении — все равно его уже нет в живых. А тут тем более он же сам говорит, что он сумасшедший и на него вот-вот опять найдет. Как бы мы ни сомневались, господа, я предлагаю решить в его пользу.

Четвертый присяжный. Я думаю, если так рассудить, наш старшина прав.

Второй присяжный. Конечно. По здравому смыслу только так и надо судить. Вот я, например, если по-деловому подойти, — заключил бы я сделку с человеком, который такое письмо написал? Разумеется, нет! Вот вам и проверка. Чего проще!

Седьмой присяжный. Ну, если так, я, конечно, спорить не стану; у меня тоже ведь совесть есть.

Шестой присяжный. Он не был сумасшедшим, когда писал это письмо, во всяком случае, не больше, чем мы с вами.

Старшина. Так вы, значит, решили следовать указаниям коронера? Так я вас понимаю?

Шестой присяжный. Да нет, пусть будет неменяемый!

Старшина. Итак, значит, принято всеми. Покончил с собой у себя дома, в понедельник между восемью и девятью вечера в состоянии невменяемости. Будем выражать соболезнование семье?

Шестой присяжный. Только не вдове — выразим соболезнование матери.

Старшина. Хорошо, так сно, пожалуй, даже и лучше будет.

Все единодушно одобряют..

Идемте. Пора уж объявить решение.

Уходят гуськом.

Входит констебль, оглядывается по сторонам, словно выискивая, не попадется ли ему еще трубка. Появляется леди Моркомб.

Леди Моркомб. Констебль?

Констебль. Что угодно, мэм?

Леди Моркомб. Могу я повидать кого-нибудь из репортеров, прежде чем они разойдутся?

Констебль. Боюсь, что это не по правилам, мэм, свидетелям не...

Леди Моркомб. Я не свидетель.

Полицейский. А! Как же, помню, вы мать покойного? Право, не знаю, миледи. Они, видите ли, ко мне не касаются.

Стоит столбом, не двигаясь с места.

Леди Моркомб. Я знаю. (*Сует ему в руки деньги.*) Мне нужно только, если кто-нибудь из них сойдет вниз, чтобы вы послали его ко мне, сюда.

Констебль. Что ж, это можно, миледи, почему не послать. Как частное лицо, вы имеете право сноситься с любым другим частным лицом, хотя бы и с журналистом.

Леди Моркомб. Тогда, пожалуйста.

Констебль. Будет сделано, не беспокойтесь. Рад услужить, миледи.

Леди Моркомб подходит к столу, стоит вздрагивая и кусает губы. Констебль возвращается с репортером Форманом.

Констебль. Вот он первый сошел вниз. Вас тут леди желает видеть, сэр.

Уходит. Репортер подходит к леди Моркомб.

Репортер. Вы хотели меня видеть, леди Моркомб? Простите, но я очень тороплюсь.

Леди Моркомб. Боюсь, что я была с вами несколько резка. Пожалуйста, извините меня.

Репортер. О, что вы, леди Моркомб, мы народ толстокожий.

Леди Моркомб. Мне очень тяжело, и я прошу вас, как человек, которому вы должны посочувствовать,— не называйте в вашем репортаже имени этой девушки.

Репортер (*прочувствованно*). Леди Моркомб, я должен написать все, как было, но обещаю вам попросить редактора не упоминать о ней в печати. И я думаю, что так оно и будет; ведь ее показания теперь уже не имеют значения. Вы ушли до того, как огласили заключение присяжных; они признали состояние невменяемости; может быть, это вас несколько утешит.

Констебль (*появляясь*). Вот тут еще один, миледи, из союза журналистов.

Второй репортер (*заглядывая в приемную*). В чем дело?

Леди Моркомб. В чести моего сына, сэр. Девушка, которая...

Второй репортер. А, все в порядке, миледи. Коронер сказал, что о ней незачем и упоминать.

Репортер. Слава тебе господи! Я так рад, леди Моркомб!

Леди Моркомб закрывает лицо и впервые дает волю слезам. Второй репортер с сочувственным вздохом уходит вместе с первым. Леди Моркомб, повернувшись к стене и уткнувшись лицом в носовой платок, тихо плачет.

Три дамы и мужчина из министерства воздушного флота появляются в проходе.

Мужчина. Ну вот, представление окончено. Я послал за машиной.

Первая дама. Я никогда не думала, что это так интересно, Джон!

Вторая дама. А мне всегда так хотелось попасть на какое-нибудь судебное дело.

Третья дама. Никогда в жизни я так не волновалась, как сегодня, когда эта девушка...

Вторая дама. Ну что вы! Самое захватывающее было, это когда допрашивали жену.

Первая дама. По-моему, она замечательно держалась. А ведь какой для нее был, наверно, ужасный удар, когда она...

Третья дама. Да, жизнь — это все-таки всегда самое интересное! Ну разве сравнишь с театром! Жаль только, что так скоро кончилось.

Мужчина. Конечно, заключение присяжных не соответствует истине. Какой же это сумасшедший отдает себе отчет в том, что собирается сделать?

Первая дама. А я думала, присяжные всегда в таких случаях дают заключение о невинности.

Третья дама. А какой забавный коронер! Такой типичный судейский!

Вторая дама. Ну он, бедняжка, и не может быть другим.

Мужчина. А Моркомба жаль, это для нас большая утрата.

Третья дама. Как нам повезло, что так получилось с письмом, что его только под конец принесли: ведь самое интересное — это допрос свидетелей.

Мужчина. Но для жены и для этой девушки тяжкое испытание!

Вторая дама. Да, им, конечно, не повезло. Но ведь это-то и было самое захватывающее зрелище!

Первая дама. Мы ужасно вам благодарны, Джон, что вы нас сюда провели. Это было так интересно!

Мужчина. Шшшш...

Они вдруг умолкают, увидав внезапно маленькую черную фигурку леди Моркомб, которая стоит почти рядом с ними и смотрит на них.

Третья дама. Нн-у как, таксомотор, наверно, уже здесь?

Словно всполошившиеся куры, они бросаются к выходу и теряются в толпе.

Леди Моркомб (сама с собой, очень тихо). Представление окончено.

Занавес

1925 г.

ПОБЕГ

*Пьеса с прологом
в двух частях и девяти эпизодах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мэтт Деннант
Девушка в Хайд-парке
Сыщик
Двое полицейских
Заключенный
Двое тюремщиков
Дама со стриженными волосами
Горничная
Пожилой джентльмен
Четверо выехавших на пикник
Мужчина в брюках гольф и его жена
Деревенский констебль
Двое батраков
Фермер
Девочка
Две старых девы
Пастор
Звонарь
Погоня

Пролог. Хайд-парк ночью.

Между этим и следующим эпизодом проходит более года.

Часть первая.

Эпизод первый. Дартмур в тумане (днем).

Эпизод второй. Спустя шесть часов. Дартмур в тумане (ночью).

Эпизод третий. Спустя тридцать два часа. Номер в гостинице.

Часть вторая.

Эпизод четвертый. Прошло семь часов. Открытый склон над рекой.

Эпизод пятый. Прошел час. На пригорке среди вересковых зарослей.

Эпизод шестой. Прошло полчаса. Открытая местность среди поросших вереском склонов.

Эпизод седьмой. Прошел час. Песчаный карьер на краю вересковой пустоши.

Эпизод восьмой. Спустя несколько минут. Изящно обставленная гостиная в деревенском домике.

Между этим эпизодом и следующим временного промежутка нет.

Эпизод девятый. Ризница в деревенской церкви.

ПРОЛОГ

Хайд-парк ночью. Роттен-Роу с его чугунной решеткой, пешеходной дорожкой, скамьями, деревьями и кустами на заднем плане. Молодая женщина или девушка (возраст трудно определить) сидит одна на скамейке в смутном свете фонарей, находящихся справа и слева, но невидимых зрителю. Ее накрашенное лицо не лишено привлекательности, поза неловкая, настороженная. Справа налево проходит сыщик в штатском платье, замечает ее призывный взгляд, ускоряет шаг. По выражению ее лица, когда он подходит и затем удаляется, ему нетрудно определить, кто она такая. Потом проходят двое мужчин, не глядя на нее, разговаривая между собой. Слышны обрывки фраз: «А он мне говорит», «А я ему говорю». Потом некоторое время прохожих нет, и девушка, припудрив нос, уже собирается уйти, как вдруг слева появляется неторопливо шагающий по дорожке Мэтт Деннант. Это молодой человек, довольно высокий и стройный, спортивного вида, одетый, как полагается, когда отправляешься на скачки в летнее время; в руках у него сильный бинокль; курит сигару. Завидев его, девушка подается вперед на скамейке, и, когда он проходит мимо, она вдруг вскидывает на него глаза и тихо говорит: «Добрый вечер!» Он останавливается, смотрит на нее, пожимает плечами, подносит руку к шляпе и, ответив: «Добрый вечер!», уже хочет идти дальше, но она вновь обращается к нему.

Девушка. Нет ли у вас спичек? (Поднимает руку с сигаретой; он останавливается и подает ей зажигалку.)

Девушка (вертит в руке зажигалку). Золотая?

Мэтт. Медная.

Девушка. Хотите? (Протягивает ему портсигар.)

Мэтт. Спасибо, я курю. (Показывает ей свою сигару, поставив ногу на скамью и помахивая биноклем.)

Девушка. Были на скачках?

Мэтт. Да. Сегодня Гудвуд.

Девушка. Я тоже была в этом году—на Юбилейных.

Мэтт. На какую лошадь ставили?

Девушка. На тех, какие не выиграли. А если не выигрываешь, какой смысл ходить?

Мэтт. А просто поглядеть на лошадей разве не приятно?

Девушка. Да ничего, они красивые.

Мэтт. Самое красивое на свете.

Девушка. Красивее женщин?

Мэтт. О присутствующих не говорят, а вообще-то да.

Девушка. Вы это всерьез?

Мэтт. Ну, иногда, бывает, встретишь женщину, которая тоже умеет высоко держать голову, да только редко.

Девушка. Я вижу, вы не любите женщин.

Мэтт. Не очень.

Девушка (с улыбкой). По крайней мере, откровенно.

Мэтт. Да, видите ли, если сравнивать с лошадьми, у женщин нрав гораздо хуже.

Девушка. А кто в этом виноват?

Мэтт. Ну да, вы все говорите, что мужчины, но сами-то вы в это верите?

Девушка (смеется). Не знаю!.. Но если лошадь с норовом, кто ее сделал такой, как не мужчины?

Мэтт (поражен). М-м! (Садится рядом с ней.) Все-таки нет ничего упрямей, чем необъезженная лошадка,—я их видал на Западе.

Девушка. Нет ничего упрямей, чем упрямая женщина.

Мэтт. У женщин нет того оправдания, что у лошадей,—их ведь давно объездили, еще когда Ева подавала чай Адаму.

Девушка. А! В раю! Рай—это, наверно, вроде Хайд-парка, полицейский там был, во всяком случае.

Мэтт. Вы часто сюда приходите?

Девушка. А куда еще идти? Всюду такие строгости.

Мэтт. Гоняют, да?

Девушка. Вы кто, военный?

Мэтт. Был.

Девушка. А теперь?

Мэтт. Думаю пойти в священники.

Девушка (смеется). Денежки, стало быть, есть?

Мэтт. Немножко.

Девушка (со вздохом). Ах!.. Будь у меня деньги, знаете, что я бы сделала?

Мэтт. Спустили бы все до гроша.

Девушка. Вот уж нет! Чтоб я еще когда-нибудь поставила себя в зависимость от вашего брата, мужчин (мрачно), лучше умереть!

Мэтт. Вы, значит, не как та дама, которой давали веселящий газ?

Девушка. А что с ней было?

Мэтт. Кричала все время: «Не хочу быть свободной, независимой экономической единицей! Хочу, чтобы меня любили!»

Девушка. Ну, это она напрасно. Нет, сэр! Еще раз сунуть шею в ярмо? Да ни за что! Но мы не можем коптить — слишком мало выручаем. Так что пропащее наше дело. Прежде еще, говорят, было ничего, а теперь...

Мэтт. Теперь и обыкновенная девушка стала держать себя свободнее, вы об этом?

Девушка (с укором). Обыкновенная девушка!

Мэтт. Но вы же не считаете себя... обыкновенной?

Она молчит.

Мэтт. Простите! Я не хотел вас обидеть.

Девушка. Уж лучше бы хотели. Настоящий грубиян никогда так больно не заденет. Но вы, конечно, правы. (С горечью.) Теперь у нас нет даже этого оправдания.

Мэтт. Что это какой печальный у нас вышел разговор?

Девушка. А мы всегда должны быть веселенькие, а? Говорят, ко всему можно привыкнуть, но я вам скажу: никогда не привыкнешь изображать из себя канарейку, когда на сердце кошки скребут.

Мэтт. А! Я всегда сочувствовал канарейкам — все требуют от них пения, а они, бедняжки, такие желтые.

Девушка. Все-таки вы очень милый — посидели со мной, поболтали.

Мэтт. Благодарю. Это все среднее образование.

Она нерешительно протягивает ему карточку.

Девушка. Тут мой адрес, может, когда зайдете.

Мэтт (*вертит карточку; ему и смешно и неловко.*)

Он *verra!*¹

Девушка. Это что значит?

Мэтт. Выражение надежды.

Девушка (*смотрит на него с полуоткрытым ртом.*)

О! Так, может, сейчас?..

Мэтт. Спасибо... Нет, сейчас нельзя. Обещал в десять быть в одном месте. Будут ждать...

Девушка. Другая?

Мэтт. Нет.

Девушка. Просто я вам не нравлюсь.

Мэтт (*пожав плечами*). О, нет, не скажите. В вас есть какая-то такая... первородная свежесть.

Девушка. Первородный грех!

Мэтт. Что ж, есть вещи и похуже.

Девушка. Еще бы! Например, скромное достоинство. Ух! Ненавижу! Вы только не думайте, что это такая сладкая жизнь. Врагу своему не пожелаю.

Мэтт. Как вы до этого дошли?

Девушка. Ну, это вы бросьте! Вы все об этом спрашиваете, но, будьте покойны, правды вам никто не скажет. Ну, да ладно, чего там. Моя профессия самая древняя в мире. Хотя и это неверно — есть одна еще древнее.

Мэтт. Какая?

Девушка. Полицейского. Кабы не они, и нашей бы профессии не было.

Мэтт. Что ж, это как будто говорит в вашу пользу.

Девушка. Какая уж там польза! Вы загляните как-нибудь в полицейский суд — утром в понедельник.

Мэтт. Смотреть, как они стреляют сидячих фазанов? Нет уж, спасибо. От полиции честной игры не жди. Да им, наверно, и нельзя, если хотят, чтоб был порядок.

Девушка. Могли бы все-таки подождать, пока ты нарушишь ихний порядок.

Мэтт. Вы когда-нибудь попадались?

Девушка (*бросив на него быстрый взгляд, решительно*). М-м! Нет еще. Пока. (*В сердцах.*) А что мы можем сделать? Если не подашь знак, кто тебя распознает?

¹ Увидим! (*франц.*)

Мэтт. Прелестно!

Девушка. Искоренить разврат на улицах — вот ведь о чем они кричат. Искоренили бы его в мужчинах — это бы верней!

Мэтт. А вы где тогда были бы?

Девушка (страстно). Только не здесь!

Мэтт (посмотрев на нее долгим взглядом). Гм! Одни хороши, да и другие не лучше. Нет уж! Предпочитаю иметь дело с лошадьми и собаками.

Девушка. У меня есть котенок.

Мэтт. Ангорский?

Девушка (кивает). Красавчик! (Вкрадчиво.) Может, пойдем, посмотрим?

Он качает головой, встает, берет бинокль, протягивает ей руку. Она уже готова пожать, но вдруг резко отдергивает руку, хмурясь и кусая губы. Он пожимает плечами, притрагивается к шляпе и уходит. Она пытается удержать его за рукав, не успевает, секунду сидит, потом встает и идет следом за ним. Но она не заметила, что слева еще раньше появился сыщик. Он быстро проходит по дорожке, и в ту минуту, когда она уже уходит направо, он хватается ее за руку. Девушка вскрикивает. Он тащит ее обратно к скамье, она сопротивляется.

Девушка. Кто вы такой?..

Сыщик. Полиция. (И так как она все еще противится, он для остротки слегка выворачивает ей руку.)

Девушка. Не троньте! Ой! Негодяй!

Сыщик. Ну, ну! Ведите себя смирно, и никто вас не тронет.

Девушка. Я ничего не сделала.

Сыщик. Ну, конечно. Вы же никогда ни в чем не виноваты.

Девушка (глядя вслед Мэтту). Я ничего не сделала! Он вам подтвердит!

Мэтт возвращается.

Скажите ему! Ведь вы сами со мной заговорили?

Мэтт. Конечно, сам. Да кто вы, собственно, такой?

Сыщик (показывает ему свой значок). Эта женщина приставала к вам. Я давно за ней слежу и уже не раз видел.

Мэтт. Да нет же, вы ошиблись. Мы просто разговаривали, больше ничего.

Сыщик. Я видел, как она к вам приставала. Я видел, она пыталась вас удержать — это уже и раньше с ней бывало.

Мэтт. Не знаю, что было раньше, а сейчас вы не имеете права ее арестовывать. На этот раз вы ничего не видели.

Сыщик (все еще держа девушку и пристально глядя на Мэтта). Эта женщина к вам приставала, сами знаете, и лучше вам в это дело не путаться.

Мэтт. Ну так отпустите девушку. Вы превышаете свои полномочия.

Сыщик. Много вы знаете о моих полномочиях! Я обязан следить, чтобы в этом парке все вели себя прилично — и мужчины и женщины. Ну, намерены вы удалиться?

Мэтт. Нет, я намерен остаться.

Сыщик. Очень хорошо. Можете пойти с нами в участок.

Мэтт. Да что это, нельзя людям поговорить! Я ведь не жалуюсь.

Сыщик. А я вам говорю, я знаю эту женщину. Не мешайте мне, а то я и вас задержу.

Мэтт. Сделайте одолжение, только ее отпустите.

Сыщик. Слушайте, вы! До сих пор я терпел, но если вы и дальше будете мешать мне при исполнении моих обязанностей, я вызову констебля, и вы оба попадете в участок!

Мэтт. Не кипятитесь. Даю вам честное слово, что эта дама ничем меня не беспокоила. Наоборот...

Сыщик. Она занималась здесь своим ремеслом, как делала и раньше. А мне поручено этого не допускать. Она будет привлечена к суду. Я уже третью ночь слежу за ней.

Девушка. Да я вас никогда и в глаза не видела!

Сыщик. Вы-то меня не видели, зато я вас видел — и вы себя достаточно показали. Ну, а теперь хватит! (Подносит свисток ко рту.)

Мэтт. Безобразие! Отпустите ее, слышите!

Берет сыщика за плечо. Тот свистит, отпускает девушку и хватается за Мэтта.

Мэтт (вырывается, девушке). Бегите!

Девушка. Нет, нет! Не надо драться! С полицией не спорят. Я пойду с ним.

Мэтт (держит кулаки наготове, не подпускает к себе сыщика). Бегите, говорят вам! Ему со мной так легко не справиться!

Но сыщик оказывается более ловким, чем он ожидал, и, проскользнув под его руку, обхватывает его поперек тела.

Девушка. Ой! Ой!

Мэтт. Э, нет! Шалишь!

В последующей ожесточенной борьбе у сыщика слетает с головы котелок. Мэтт вывертывается и, снова отскочив на длину руки, принимает боксерскую стойку.

Мэтт. Еще хочешь? Ну, ну, иди!

Сыщик бросается на него. Мэтт встречает его ударом справа в подбородок. Сыщик падает навзничь и лежит неподвижно.

Девушка. Ой! Ой!

Мэтт. Беги, глупая! Беги.

Девушка (в ужасе). Ой! Он ударился головой об решетку! Я слышала, как хрустнуло. Смотрите, он не шевелится.

Мэтт. А как же иначе? Я его нокаутировал. (Подходит ближе, смотрит на лежащего.) Об решетку?.. Разве?..

Девушка (стоя на коленях, ощупывает голову сыщика). Пощупайте!

Мэтт. Бог мой! Вот это стукнулся!

Девушка. Я говорила, не надо драться! И зачем только вы начали!

Мэтт (расстегивает пиджак сыщика, пытается прослушать сердце). Не пойму.. Черт! Теперь нельзя его оставить. (Выслушивает сердце.) Не бьется!..

Девушка (нагибается и дергает Мэтта за руку). Скорей! Пока никого нет. Туда, через лужайку! Никто не узнает.

Мэтт (слушает сердце). Не могу я так бросить этого беднягу. (Оглядывается.) Вон его шляпа. Сбегайте, принесите воды из Серпентайна.

Девушка подбирает шляпу и стоит в нерешимости.

Девушка (в отчаянии). Нет, нет! Бегите! Это не шутки! Вдруг... вдруг он умер!.. (Тянет его за плечо.)

Мэтт (стряхивая ее руку). Не будьте дурочкой! Ступайте, принесите воды. Ну, живо!

Девушка ломает руки, потом поворачивается и убегает со шляпой налево. Мэтт, по-прежнему стоя на коленях, растирает сыщику виски, щупает пульс, выслушивает сердце.

Мэтт. Не понимаю, как это вышло. (С жестом отчаяния возобновляет свои попытки оживить лежащего. Внезапно поднимает глаза.)

Справа тем временем появились двое полицейских.

Полицейский. Что тут такое?

Мэтт. Не знаю... Боюсь, он...

Полицейский. Что? Кто он такой? (Вглядевшись в лицо сыщика.) Фью-ю! Наш! (Нагибается, становится на колени, прикладывает ладонь к губам лежащего.) Не дышит! Как это случилось?

Мэтт (показывает на решетку). Ударился головой об эту штуку.

Полицейский. Где его шляпа?

Мэтт. Свалилась. Ее взяли, чтобы принести воды.

Полицейский. Кто?

Мэтт. Одна девушка...

Полицейский. Он нам свистел. Вы его ударили?

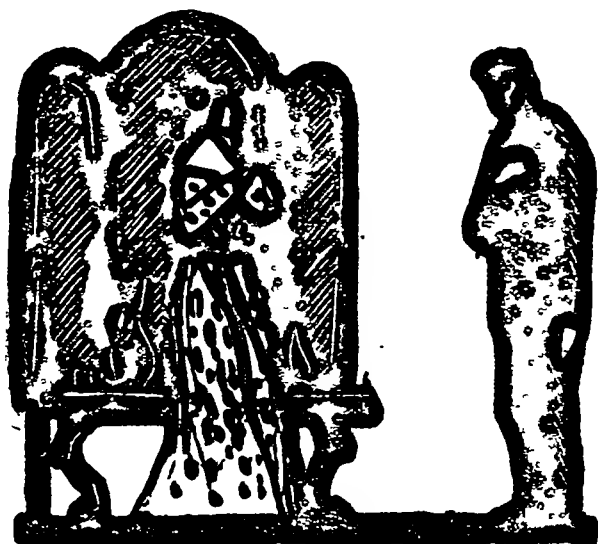
Мэтт. Мы поспорили. Он схватил меня. Я дал ему в подбородок. Он упал навзничь и—головой об решетку.

Полицейский. Причина драки?

Мэтт (хватается за голову). О господи! Даже не знаю. Первородный грех!

Полицейский (другому полицейскому). Ты оставайся здесь. Я вызову карету скорой помощи. (Мэтту.) А вы идите со мной!

З а н а в е с

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Прошло больше года. Тюремная ферма в Дартмуре. Густой туман. Задник изображает стену, огораживающую поле, слева — отходящая от нее под углом каменная стена. Мэтт Деннант и другой заключенный собирают ранее выкопанный ими картофель. Они лишь смутно видны в тумане — бросают картошку в стоящие между ними две корзины. Разговаривают вполголоса.

Мэтт. Ну, и он умер, бедняга, а я получил пять лет за непредумышленное убийство.

Заключенный. Ух ты! Полицейский! Это тебе, брат, повезло, что тебя не вздернули.

Мэтт. Девушка выручила. Горой за меня стояла. Если бы не ее показания...

Заключенный. Вишь ты! И тут повезло. Другая бы не стала. Очень уж они запуганы. А сколько ж тебе еще сидеть?

Мэтт. Три года, если буду вести себя, как святой с иконы.

Заключенный. А мне четыре припаяли. (*Прекращает работу и выпрямляется.*) Слушай, ты ведь из благородных, да?

Мэтт. Из благородных!.. (*Со смехом.*) Только и осталось моего благородства, что говорю с оксфордским акцентом и не выношу, когда на меня кричат, как на собаку.

Заключенный. Тише, ты! (*Показывает большим пальцем вправо на стену.*) От тумана им уши не заложило, черт их побери!

Мэтт. Да, туман... И так вдруг... А как ты думаешь, долго продержится?

З а к л ю ч е н н ы й. После дождей, да в это время года, да без ветра — надо быть, долго. Нас сейчас загонят, вот увидишь. Построят — и марш ко двору. Нервничают они, когда туман. Побегов боятся.

Мэтт. Говорят, отсюда еще никому не удавалось бежать.

З а к л ю ч е н н ы й. Было все-таки, пробовали.

Мэтт. Черт! Я бы рискнул.

З а к л ю ч е н н ы й. Ну нет, и не думай. Тут, брат, одежда нужна — переодеться, и деньги чтоб были и автомобиль. Да и все равно поймают. Болота кругом — не продерешься. А ты, видать, этого шпика здорово треснул, что он окочурился?

Мэтт. Обыкновенный нокаут в подбородок. Не в этом дело. Он ударился затылком о решетку. (*Опять принимается подбирать картошку.*) Бедняга! Счастье еще, что он был неженатый.

З а к л ю ч е н н ы й. Счастье? Ну это как сказать. Да что ты все о нем? Плюнь! Я бы давно плюнул. Кокнул и кокнул, и черт с ним, все равно как ганса на войне. Эх! Хороша картошечка! (*Поднимает руку с картошкой.*)

Справа под стеной появляется смутный силуэт надзирателя.

Н а д з и р а т е л ь. Прекратить разговоры! Когда кончите этот ряд, пройдете обратно по следующему — и стоять тут, пока не подойдут остальные. (*Заклученные молчат.*) Ну? Оглохли? Почему не отвечаете?

З а к л ю ч е н н ы й. Так точно, сэр.

Надзиратель уходит обратно.

Во как он с нами! А что я тебе говорил? Скоро деточек домой позовут — чайку попить.

Мэтт (*сквозь зубы*). Как с собакой. Еще три года — как с собакой!

З а к л ю ч е н н ы й. Да он вообще-то ничего, не вредный. Это они от тумана. Боятся. А я уж заметил: когда человек боится, он всегда этак вот разговаривает.

Мэтт. Может быть. Только я не могу к этому привыкнуть.

З а к л ю ч е н н ы й. Больно вы норовистые, как я посмотрю, — слишком много овса получали, когда были двухлетками.

Мэтт (*понизив голос, быстро*). Ты хорошо знаешь эти места? Где Ту-Бриджес?

Заключенный. Вон там, в миле отсюда.

Мэтт. А Тэвисток?

Заключенный (*показывая назад направо*). Туда верных семь. Ох, не затевай ты это! Один ведь шанс на миллион! Схватишь только воспаление легких по этой мокреди да и, как пить дать, зацапают, а там, знаешь: в карцер, на хлеб на воду, и все такое прочее.

Мэтт. Я бежал из Германии.

Заключенный. Из Германии? Ну-у! Вот это здорово!

Мэтт. Ищеек у них нет, не знаешь?

Закключенный. Ищеек-то вроде нету, да только все жители местные против нас. Вся округа. Не любят арестантов. Чудно, правда?

Они прошли налево до конца ряда и остановились, нагнувшись, сблизив головы.

Мэтт. Нарисуй-ка мне план вот этим сучком.

Закключенный. Ишь, неймется тебе! (*Царапает по земле.*) Вот это большая дорога, а вот поперечная на Тэвисток. Тут гостиница, что у Ту-Бриджес, а тут Пост-Бридж. Тут проселок к холму Би-Тор-Кросс — десять — двенадцать миль. Здесь Чагфорд, а там Мортон Хэмстид.

Мэтт. А что там дальше, после Ту-Бриджес?

Закключенный. Вересковая пустошь. Вот тут примерно лесок, длинный такой; потом Хемблдон; дальше спуск на поля к Уайдкомбу; потом подъем и опять вереск до Хейтора и Бови. Тут железная дорога, можно сесть на поезд в Бови или Лестли, или Мортоне, или Тэвистоке, да что толку, когда там уже будет тебе встреча готова, словно ты принц Уэльский! С этой стороны трясина Фокс-Тор — такая топь, не приведи господи! Минута молчания. Мэтт изучает вычерченную на земле карту.

Голос надзирателя (*издали*). Эй, вы, там, скорей кончайте последний ряд!

Туман все сгущается.

Мэтт. (*Затирает карту ногой.*) Туман — хоть глаз выколи. Эх! Была не была! Попробую.

Начинают новый ряд, постепенно передвигаясь вправо.

З а к л ю ч е н н ы й. Там еще один караул, за стеной. Тридцать шагов отсюда. Стрелять будет.

Мэтт. Я знаю. Перелезу вон там в углу и сразу вдоль стены, под самым его носом. В таком тумане он наверняка будет следить за наружной стеной, а не за этой. Лишь бы тот (*кивает вправо*) не заметил, а то проскочу.

З а к л ю ч е н н ы й. С ума ты спятил! Застрелят! А если сразу и не заметят, так через десять минут я кончу этот ряд, все равно увидят, что тебя нет. На рожон лезешь!

Мэтт. Ладно, друг, не волнуйся. Пуля так пуля — все-таки перемена. А уж если прорвусь — ну, побегают они за мной!

З а к л ю ч е н н ы й. Слушай, коли уж ты решил... Перво-наперво выходи на большую дорогу и беги туда (*показывает*). В такой туман им придется сперва развести нас по камерам, а уж потом пускаться в погоню. Там, чуть пройдя речку, будет слева лесок. Заползи, где погуще, и листьями прикройся. И жди, пока не стемнеет. Так ты, по крайности, будешь возле дороги — найдешь сена стог или еще что, спрячешься до утра. А станешь ночью бродить — закружишься в тумане, зачеченеешь, на рассвете тебя и сцапают.

Мэтт. Спасибо. Ну, а теперь — чем скорее, тем лучше! Как на скачках — только не медлить перед препятствием. Разогнался — и с ходу. (*Сует несколько картофелин в карман.*) Pommes crues — Sauce Dartmoor¹. Их можно есть сырыми? В Германии я ел брюкву.

З а к л ю ч е н н ы й. Не знаю. Не пробовал. Возьми! (*Протягивает Мэтту ломоть хлеба.*)

Мэтт. Спасибо тебе! Ты славный малый.

З а к л ю ч е н н ы й. Желаю удачи. Эх, и я бы с тобой, да вот смелости не хватает.

Мэтт. Ну! Повернись в ту сторону и так и стой, не оборачивайся. Кланяйся от меня тюрьме. Пока!

Делает три шага, останавливается на несколько секунд, потом вдруг, низко пригнувшись, бежит к левой стене и, вскарабкавшись на нее, как кошка, исчезает за гребнем. Минута молчания. Заключенный прислушивается.

З а к л ю ч е н н ы й (*считает про себя секунды до двадцати, взволнованно бормочет*). Это он, значит, мимо

¹ Сырой картофель под дартмурским соусом (*франц.*)

караула уже прошел. (Снова прислушивается.) Удрал! Ей-богу! (Успех товарища пробуждает в нем жажду последовать его примеру). Может, и мне?.. Попробовать?.. А! Чем черт не шутит! Рискну!

Но едва он успел повернуться, как справа слышится издали голос надзирателя.

Надзиратель. Эй ты! Где твой напарник?

Заключенный. Его позвали, сэр. (Замирает на месте.)

Голос надзирателя (ближе). Что ты городишь?

Заклученный. К той стене пошел, сэр.

Надзиратель (появляется). Там его нет. Ну! Говори! Где он?

Заклученный. А что вы меня спрашиваете? Я-то почему знаю?

Надзиратель. Марш за мной. (Быстро проходит вдоль задней стены к левому углу. Останавливается.) Заклученный! Эй! За стеной! Отвечай! Караульный! Уильямс! Мимо тебя кто-нибудь проходил? У нас тут один пропал!

Голос второго надзирателя. Никто не проходил.

Первый надзиратель. Давай тревогу! Арестант сбежал!

Второй надзиратель появляется над гребнем стены.

Второй надзиратель. Значит, он мимо тебя прошел.

Первый надзиратель. Черт бы побрал этот туман! Дай выстрел! Нет, не надо, а то все разбегутся. Сейчас же сделаем перекличку, отведем их домой, доложим — только так, другого выхода нет. (Заклученному.) Эй ты! Молчать про это, слышишь? Тут не без тебя обошлось, я знаю.

Заклученный. Да что вы, сэр! Просто он мне сказал, что приглашен сегодня на чай к герцогине, а я, что ж, я стал подбирать картошку, потому знаю, вы торопитесь.

Первый надзиратель. Не дерзить! Идем, Уильямс! Марш, ты!

Идут вправо.

Занавес

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Спусти шесть часов. На вересковой пустоши, возле большой дороги. Ночь, густой туман. Ничего не видно.

Голос первого надзирателя. И чего мы сторожим эту клятую дорогу, ничего ж не видать.

Голос второго надзирателя. Полиция тоже тут, только что двое прошли. В такую ночь всякого поближе к дороге тянет.

Первый надзиратель. Но он-то, может, совсем в другую сторону махнул.

Второй надзиратель. Если не залег где-нибудь, так уж непременно по дороге пойдет. По лугам не станет — там в этакый туман живо заплутаешься.

Первый надзиратель. А может, он на Корнуорси подался?

Второй надзиратель. Нет, туда они никогда не бегут: трясины Фокс-Тор боятся.

Первый надзиратель. А если на Тэвисток?

Второй надзиратель. Ту дорогу тоже патрулируют.

Первый надзиратель. Я бы их порол, этих беглых! Торчи тут из-за него всю ночь напролет на этой сырости. Свиньи паршивые, только о себе думают. Дай-ка хлебнуть.

Второй надзиратель. Держи. Мимо рта только не пронеси, ну да ты нюхом, по запаху!

Первый надзиратель. Только бы его поймать, уж я ему всыплю! Я не злой человек, но когда держат тебя всю ночь в этаким чертовом киселе, тут и святой не выдержит. *(Пьет.)*

Второй надзиратель. Оставь мне маленько. *(Шепотом.)* Что это? Слушай! *(Оба прислушиваются.)*

Первый надзиратель. Я ничего не слышал. *(Хочет опять поднести фляжку ко рту.)*

Второй надзиратель. Мне показалось, скребется что-то. Посветить?

Первый надзиратель. Не надо. *(Прислушиваются.)*

Второй надзиратель. Тут, бывает, пони пасутся.

Первый надзиратель. Он, слышать, из джентльменов, этот беглый.

Второй надзиратель. Ага. Капитаном был на войне.

Первый надзиратель. Это тот самый, что убил сыщика в Хайд-парке. Спортсмен, говорят. Закаленный! С этими всего хуже, когда сорвутся,— будет бежать, пока не сдохнет.

Второй надзиратель. Коли он такой образованный, так мог бы понять, что не к чему в побег пускаться. Знает же, что ничего не выйдет.

Первый надзиратель. А в них, видишь ли, такой дух, что нельзя сломить. Знаешь этого юриста — в левом крыле? Который за растрату? На него посмотреть — жуть берет. До того выдержанный — глазом никогда не сморгнет,— как истукан каменный!

Второй надзиратель. Я наших дурачков иной раз жалею, но чтобы я джентльмена когда пожалел — дудки! Им-то уж надо бы умней быть, не выкидывать таких штук, за какие под замок сажают. С жиру бесятся, вот что. Да и нахальства у них чересчур много, это ты верно сказал.

Первый надзиратель. Все ж таки то был на самом верху, а то сразу в самый низ — им, небось, тяжелей, чем другим.

Второй надзиратель (зевая). Ох! Домой бы, в постельку! (*Встрепенулся.*) Вот опять! (*Оба слушают.*) Пони, наверно. Тьфу! Собачья наша должность. Кабы не жена, я бы лучше улицы стал подметать.

Первый надзиратель. Я уж привык, кроме, конечно, когда такой цирк, как сейчас. К такому ни один черт не привыкнет. Это только в кино хорошо.

Второй надзиратель. Что верно, то верно. Видал ты эту новую картину — с Дугом? Как он, по-твоему, делает этот трюк, на крыше? Тут у нас есть форточники, уж на что ловкачи, а и то, думаю, не сумели бы.

Первый надзиратель. Я тебе скажу. По-моему, у него каблуки на пружинах. И еще я заметил, в этом месте у него руки как-то неясно видны,— за веревку, небось, держится, а потом они это какой-нибудь химией вытравливают.

Второй надзиратель. Хе! А мне и в голову

не пришло. Ну а там, где он падает и хватается за карниз?

Первый надзиратель. Оптический обман. Этих киношных штукарей надо бы кое-кого в тюрьму посадить — до чего публику обманывают.

Второй надзиратель. Сколько я видал картин, а нет лучше, чем «Две сиротки». За сердце берет. Мы с женой смотрели, оба плакали.

Первый надзиратель. А я больше всех Чарли люблю. Посмотришь его, будто сам лучше становишься. Почему это, а?

Второй надзиратель. А он такой человечный, вот почему. Большую деньгу, наверно, зашибает.

Первый надзиратель. Я до костей промок. Дай-ка еще выпить. *(Слышно бульканье.)* Как поймал этого парня, ты меня придержи, не то я, хоть оно и против закона, а душу из него вытрясу.

Второй надзиратель. И я то же самое. Давай кинем — орел или решка — мне тебя держать или тебе меня? Твое что?

Первый надзиратель. Орел.

Второй надзиратель. Что выпало? Посвети.

Надзиратель включает электрический фонарик. Это первый проблеск света в этой сцене. У дороги, с той ее стороны, которая ближе к рампе, видны их головы, склонившиеся над монетой.

Второй надзиратель. Решка. Ты проиграл. *(Выключает фонарик. Свет гаснет.)* Но как же это выходит? Ты меня держишь или я тебя?

Первый надзиратель. Ты меня.

Второй надзиратель. Да нет же! Я выиграл. Значит, мне его и бить. Господи! Ну и ночка! Проверь там веревку, хорошо ли натянута.

Первый надзиратель. Тугая. Точно поперек дороги. Низковато немного, надо бы выше, этак на середине бедра.

Второй надзиратель. Э, нет, ты уж не спорь, я это дело знаю. Ежели так высоко, он просто остановится и обойдет либо назад побежит. Нужно чуть пониже колена. Тогда запнется и упадет, а мы навалимся раньше, чем успеет подняться. Он ведь будет быстро идти. Пока

ты соберешься меня держать, я уж буду сидеть у него на голове.

Первый надзиратель. Вот черт, даже покурить нельзя. Уильямс, ты как, за то, чтобы им давать курево?

Второй надзиратель. В общем да. Они тогда поспокойней, ну, и нам легче. Я бы им давал две трубки в неделю, а станут шебаршить, лишал бы. Тут есть один-два парня совсем приличных, я даже к ним привязался. Им бы я хоть каждый день давал покурить. Тсс! (*Прислушиваются. Шепотом.*) Шаги!

Первый надзиратель. Да.

Второй надзиратель (*все еще шепотом*). Слушай. Когда он подойдет, я пушу ему свет в глаза и сразу выключу. Он бросится бежать — и кувыркнется. Приготовься.

Слушают.

Первый надзиратель. А вдруг это не он?

Второй надзиратель. Все равно рискнем. Дам свет...

Минута напряженного ожидания. Непроглядный мрак, тишина. Шаги слышны все ближе.

Ну! Даю!

Включает фонарик. В ярком снопе света видна фигура Мэтта, шагающего по дороге. Свет гаснет. Оба надзирателя бросаются вперед. Снова мрак; звуки борьбы.

Голос второго надзирателя. Я его поймал!

Полузадушенный голос первого надзирателя. Дурак! Пусти! Ты не его, ты меня поймал!

Занавес падает.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Спустя тридцать два часа. Спальня в гостинице у Ту-Бриджес. В задней стене два длинных, до полу, окна, выходящих на балкон и задернутых шторами. Темно, только сквозь шторы проникают полосы утреннего света. Между окнами, изголовьем к задней стене, кровать. У правой стены туалетный столик и стул. У левой, в глубине, — умывальник. У той же стены, ближе к рампе, дверь, открывающаяся внутрь. В изножье кровати — стул, на нем женское белье.

На спинке кровати — женский халат. На полу, слева от кровати, ночные туфли. В постели спит молодая дама, остриженная по моде. Слышен стук в дверь.

Дама (сонно). Войдите.

Входит горничная с кувшином горячей воды, ставит его на умывальник.

Горничная. Половина восьмого, сударыня.

Дама (зевая). А как погода?

Горничная. Все еще туман. Будете брать ванну, сударыня?

Дама. Да. Ах, кстати. Сегодня вечером возвращается мой муж. Я договорила, чтобы нас опять перевели в двойной номер.

Горничная. Да, сударыня. Мне уже сказали. (Она отдернула шторы на левом окне и теперь, обойдя кровать, отдергивает их на правом.) Этот сбежавший арестант, сударыня,— его еще не поймали.

Дама. Все еще нет? Подумайте!

Горничная. Это все из-за тумана. Он уже почти двое суток в бегах. Говорят, это тот самый молодой человек, что убил сыщика в Хайд-парке. Еще о нем в газетах писали.

Дама. О! Тот самый капитан Деннант! Помню, как же. Ну, если он, то не так страшно, могло быть хуже.

Горничная. Да его непременно поймают — никому еще не удавалось.

Дама. Не удавалось?

Горничная. Никогда! Разве допустят?

Дама. Но, может быть, в таком тумане...

Горничная. А видите, сударыня, им же нужно есть и платье нужно себе добыть,— вот тут-то их и ловят.

Дама (зевает). Противный туман! Ни верхом покататься, ни рыбу половить, даже гулять нельзя. И вставать-то не хочется.

Горничная (холодно). Как вам угодно, сударыня.

Дама (со смехом). Да уж, видно, придется.

Горничная. Я пойду приготовлю ванну.

Дама. Благодарю вас.

Горничная уходит. Дама встает с постели, одетая в ночную пижаму, нащупывает ногой туфли, набрасывает на себя халат. Идет к окну, выглядывает наружу. Окно на ночь было оставлено полуоткрытым, на крючке.

Дама. Фу! Ну и погодка!

Берет с умывальника губку и мохнатое полотенце, идет к двери, выходит. Едва дверь затворилась, как под кроватью, в том месте, где она примыкает к стене, слышится шорох. Затем из-за оконной шторы осторожно высовывается Мэтт Деннант, быстро оглядывает комнату, выходит, потягивается. Лицо у него осунувшееся, одежда мокрая, измятая, башмаки он держит в руке.

Мэтт (бормочет). Дама! Вот так история! Надо смываться.

Идет к окну, украдкой выглядывает, отпрядывает, с трудом переводя дыхание. Еще раз оглядев комнату, делает шаг к двери в левой стене.

Голос дамы (за дверью). Не могу я брать холодную ванну!

Мэтт прижимается к стене так, чтобы быть за дверью, если ее откроют. И внезапно ее открывают.

Голос дамы (в дверях). Позовите меня, когда вода нагреется.

Голос горничной (издали). Слушаю, сударыня.

Дама возвращается. Открывая дверь, она нажала ручку правой рукой, затем, войдя, притворила дверь левой, как это и естественно, и прошла в глубь комнаты, не заметив прижавшегося к стене Мэтта. Она идет к туалетному столику, садится, берет щетку, чтобы пригладить свои короткие волосы. Мэтт быстро прокрадывается к двери, он уже взялся за ручку, но дама видит его отражение в зеркале, роняет щетку и круто поворачивается, готовая вскрикнуть.

Мэтт. Тсс! Не бойтесь!

Дама. Кто... Как... Как вы смели зайти ко мне в комнату?

Мэтт снимает руку с дверной ручки и поворачивает ключ в замке.

Мэтт (тихо). Простите, ради бога, мне так совестно, что причинил вам беспокойство.

Она вдруг понимает, что перед ней бежавший заключенный.

Дама. Вы этот... (Бросается к окну позвать на помощь, но ее останавливает жест Мэтта).

Мэтт. Прошу прощения, но не могли бы вы умерить ваш голос до пианиссимо?

Дама (настороженно). Что вам здесь нужно?.. Как вы вошли?

Мэтт. Я давно лежал тут под кроватью. Несколько часов. Я, видите ли, не имел возможности определить, что попал к даме.

Дама. Вы это про мои волосы?

Мэтт. О нет! Их я не мог разглядеть в темноте.

Дама. Или я храпела?

Мэтт. Нет. Но это не такой уж надежный признак. Я вот тоже не храпел, а го вы бы меня слышали.

Дама. Как? Вы, значит, спали?

Мэтт. Боюсь, что да. Конечно, если бы я знал...

Молчание

Дама. Вы ведь, кажется, джентльмен — так не думаете ли вы теперь уйти?

Мэтт. Рад бы всей душой, но.. куда?

Дама. Вот уж эгого не могу вам сказать.

Мэтт. Посмотрите на меня! Куда покажешься в такой одежке?

Дама. А вы рассчитываете, что я вам одолжу другую?

Мэтт. Нет, это навряд ли. Но я буду вам несказанно благодарен, если вы дадите мне чего-нибудь поесть.

Дама (*выдвигает ящик туалетного столика и достает плитку шоколада*). Вы, однако, довольно развязны, как я погляжу. А ведь по-настоящему я должна бы позвонить и передать вас полиции.

Мэтт. Да. Но эгого вы не сделаете. Вы славный человечек, сразу видно.

Дама (*невольно польщена*). Я знаю, кто вы. Ваше имя было в газете. Но подумайте о моем положении!

Мэтт. Боюсь, я сейчас могу думать только о своем.

Дама. Допустим, я вас не выдам, но как вы уйдете отсюда незамеченным?

Мэтт. Можно мне этот шоколад?

Дама (*протягивает ему плитку, которую держит в руке*). Неважный. Здесь куплен.

Мэтт. Я сейчас не очень разборчив. Сорок часов ничего не было во рту, кроме кусочка хлеба и двух сырых картошек. (*Берет плитку, откусывает, остальное прячет в карман.*) Простите, можно, я попью воды?

Дама. Пожалуйста!

Мэтт идет к умывальнику. Едва он повернулся к ней спиной, как она срывается с места, но не бежит к окну или двери, чтобы позвать на помощь, а схватив со стула свой корсет и прочие принадлежности туалета, поспешно прячет их под одеяло; затем возвращается к туалетному столику. Мэтт с жадностью пьет.

Мэтт (*снова поворачивается к ней*). Хорошо! Слу-

чалось вам быть в положении дичи, за которой охотятся? *(Она отрицательно качает головой.)* Ну и не дай вам бог. Зайцу, когда его травят, и то легче. Все тело ноет.

Дама *(заинтересована против воли)*. А вы знаете, что вы всего в трех милях от тюрьмы?

Мэтт. Знаю. В первую ночь я думал к утру добратся до Эксетера, а где оказался? В одной миле от того места, откуда вышел. Кружил. В тумане всегда так. Что это там, бритва?

Дама *(чопорно)*. Моего мужа.

Мэтт берет бритву.

Нет! Всему есть предел, капитан Деннант. Я не могу давать вам оружие.

Мэтт. Нет, конечно. Но, может быть, вы разрешите мне побриться? Понимаете, в таком виде *(проводит рукой по щеке)* у меня нет ни малейших шансов, даже если б я достал одежду. Ничто так не привлекает внимания, как трехдневная щетина. *(Говоря это, он проворно намыливает лицо без помощи кисточки.)* Я очень быстро бреюсь. Три минуты — и все. Тридцать два с половиной взмаха.

Дама *(разинув рот от изумления)*. То есть, позвольте!.. У меня! Да как вы! *(Прижимает руку к горлу. Короткая пауза.)* Я... я хотела сказать... как вас за это время не поймали?

Мэтт *(усердно скребя подбородок бритвой)*. Два раза всего на пятнадцать шагов опережал гончих.

Дама. Гончих?

Мэтт. В человеческом образе. Почти уже был у них в зубах. *(Со стоном.)* Ох! Что может быть хуже, чем вот так бриться!

Дама. Ну, знаете!..

Мэтт. Кроме, конечно, как остаться небритым.

Дама. Как вы сюда попали?

Мэтт. А видите, я так стосковался по сухой ночевке, что спрятался возле дома и стал ждать, когда во всех окнах погаснет свет. Пробовал в нижний этаж — заперто. Тогда прыгнул, хотел уцепиться за угол балкона — и грохнулся. Вы не почувствовали ночью чего-то вроде землетрясения? Нет? Я почувствовал. Когда пришел в себя, еще раз попытался — по колонне. Удалось. Ваше окно я выбрал, потому что оно было открыто, я потом опять за-

ложил его на крючок и сразу заполз под кровать. Думал стянуть что-нибудь из одежды и уйти еще до рассвета, но проснулся, только когда вошла горничная. (*Дама показывает ему на полотенце; он мочит его в воде и обтирает лицо.*) Простите, я надену башмаки. (*Нагнувшись, обувается.*)

Д а м а. И вы так и спали... у меня под кроватью?

Мэтт. Увы! Так-таки и спал.

Д а м а. Ну, знаете!.. Это просто неслыханно!

Мэтт. Будет, если мне удастся улизнуть. Никому еще не удавалось.

Д а м а. Скажите, капитан Деннант, вы не с моим ли братом учились в Харчестере? У него вечно был на языке какой-то Мэтт Деннант, замечательный, по его словам, бегун.

Мэтт. Очень возможно. Со мной училось множество чужих братьев. Как его фамилия?

Д а м а. Ну нет. Это уж лишнее.

Мэтт. Правильно. Никогда не говори арестанту того, что он может повторить другим.

Д а м а. Я, право, не знаю, чем я могу вам помочь.

Мэтт. К несчастью, и я не знаю.

Д а м а. Я читала отчеты о вашем процессе.

Мэтт (*встает*). И, конечно, считаете меня отпетым негодяем? (*С горечью.*) Знаете, чем я главным образом занимался в тюрьме? Вел воображаемые споры с разными добродетельными особами.

Д а м а (*с улыбкой*). И думаете, что сейчас перед вами одна из них?

Мэтт. О нет, этого я никак не думаю. То есть... Простите! Ну вы понимаете, что я хочу сказать. Но большинство-то записали меня в преступники.

Д а м а. А это правда — то, что вы говорили на суде?

Мэтт. Как перед богом.

Д а м а. Возможно, они в самом деле чересчур грубы с этими девушками.

Мэтт. Да. Но, знаете, я даже не был особенно раздражен. И после страшно жалел этого беднягу.

Д а м а. Так как же нам теперь быть, капитан Деннант?

Мэтт. Вы очень добры, я не хотел бы этим злоупотреблять. Но в таком виде мне отсюда не выбраться.

Дама. Почему?

Мэтт (*кивает в сторону окна*). Очень уж они заботливые. Выставили там пикет.

Дама идет к окну, выглядывает. Снова поворачивается к Мэтту и видит, что он улыбается.

Мэтт. О нет, я не боялся. Своих не выдают.

Дама. Гм! Я не так уж в этом уверена. Попади вы к кому-нибудь другому в нашем коридоре, например, к той супружеской чете, что со мной рядом,— вы бы, пожалуй, этого не сказали.

Стук в дверь. Оба настораживаются.

Дама. Да-а?

Голос горничной. Вода согрелась, сударыня.

Дама. Хорошо. Благодарю вас. (*Прикладывает палец к губам.*) Она не могла нас слышать, как вы думаете?

Мэтт. Надеюсь, что нет. (*Подойдя ближе.*) Бесконечно вам благодарен. Вы не знаете, какое это счастье — после года там поговорить с женщиной своего круга. Не бойтесь, я не оставляю следов.

Дама. Что вы хотите делать?..

Мэтт. Подожду, пока он отвернется, прокрадусь вдоль балкона, прыгну на том углу и — опять в бега.

Дама. Вы все еще хороший бегун?

Мэтт. Неплохой, если бы только не ломило так все кости.

Дама (*после долгого взгляда на Мэтта*). Нет! Слушайте. Я сейчас пойду в ванную и по пути проверю, нет ли кого внизу. Если не вернусь, спускайтесь по лестнице, она как раз напротив. Внизу на вешалке висит макинтош моего мужа и там же удочки, корзинка для рыбы и шляпа. Макинтош длинный, коричневый, в пятнах, в шляпе коробочка с наживкой. Берите все, оденьтесь и выходите через парадное. К реке — налево вниз. Умеее ловить рыбу? (*Мэтт кивает.*) Ну вот, так и сделайте. Ванная не с той стороны, я вас не увижу. Но вы посвистите эту песенку — «Будьте так любезны, леди» — знаете?

Мэтт. Еще бы! Единственная, которая проникла в тюрьму. Ну! У меня нет слов выразить свою благодарность. Вы просто молодчина! (*Протягивает ей руку.*)

Дама (*пожимает ему руку*). Желаю удачи. (*Проходит мимо него к двери.*) Пойдите! (*Достает из стола*

фляжку.) Вот, возьмите. Если заметите, что на вас смотрят, пейте. Это внушает доверие,— когда человек пьет.

Мэтт. Чудесно! А что вы скажете мужу?

Дама. Гм! Да. Он сегодня возвращается. Ну, уж там как хочет, а что я сделала, то сделала. Да, и вот вам еще два фунта. Больше у меня здесь нет. *(Достает две кредитки из своей сумочки.)*

Мэтт *(тронут)*. Господи! Вы божество!

Дама. Боюсь, это подвержено сомнению.

Мэтт. Если меня поймают, я, разумеется, скажу, что я все это украл. А если проскочу, я непременно...

Дама. А, не беспокойтесь об этом. Станьте за дверь.

Мэтт становится, как раньше, она растворяет дверь, выходит. Через мгновение возвращается.

Дама. Путь свободен!

Уходит, затворив за собой дверь, Мэтт оглядывает комнату, не осталось ли следов, и тихонько идет к двери. Он уже взялся за ручку, как вдруг дверь отворяется и в комнату заглядывает горничная. Мэтт едва успел отскочить и прижаться к стене. Горничная стоит на пороге, с любопытством оглядываясь, как бы ища кого-то или что-то.

Голос дамы *(издали)*. Эллен! Будьте добры, сходите за моим костюмом, который я вчера отдала сушить.

Горничная *(вздвигнув)*. Сейчас, сударыня.

Уходит, затворяя за собой дверь.

Мэтт только успел испустить вздох облегчения, как дверь вновь открывается и появляется дама.

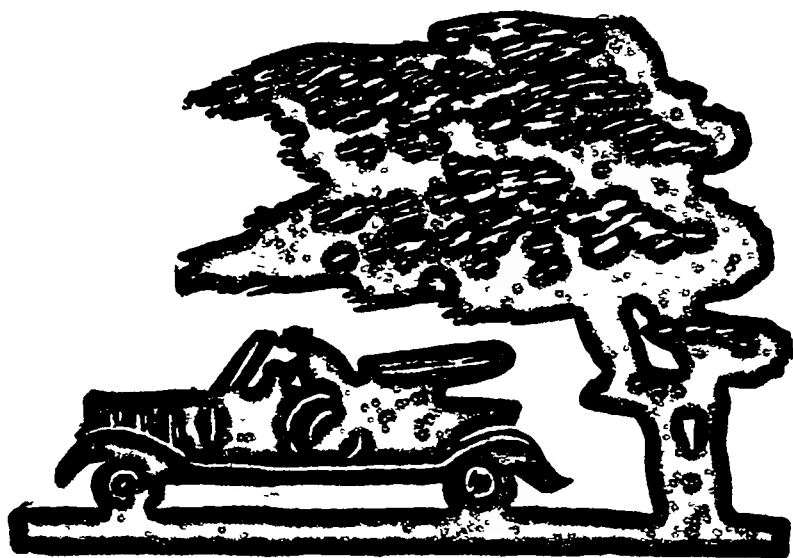
Дама *(видя, что он тяжело дышит)*. Да. Острые переживания! *(Шепотом.)* Ну! Скорей!

Мэтт пробегает мимо нее. Она мгновение стоит, потом откидывает одеяло, берет свое белье, идет к окну, растворяет его пошире, стоит, прислушиваясь. Через полминуты издали слышно слабое насвистывание — первые такты песенки «Будьте так любезны, леди».

Дама *(размахивая чулком, как шляпой; вполголоса)*. Ура! Проскочил!

Насвистывая «Будьте так любезны, леди», она весело идет к двери и по дороге встречается с горничной, которая несет отглаженный костюм. С задорным взглядом в ее сторону, продолжая свистеть, проходит мимо, оставляя горничную в полном недоумении.

Занавес падает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прошло семь часов. Открытый склон над рекой, поросший травой и папоротником. Это Дартмит — живописный, но уединенный уголок, куда редко заглядывают туристы.

Мэтт, пробиравшийся все утро вдоль реки, сидит на корточках; рядом на траве его улов — восемь небольших форелей. Мэтт доедает шоколад, затем старательно пьет из давно опустевшей фляжки. Это в данный момент необходимо, так как к нему направляется некий пожилой джентльмен в твидовом костюме. Мэтт начинает развинчивать удочку.

Пожилой джентльмен (*подходит слева*). Добрый день! Смотрите, как разъяснило! Для вас, рыболовов, пожалуй, и некстати.

Мэтт. Да, теперь уж вряд ли что поймаете.

Пожилой джентльмен. Самое тонкое блюдо — вот эти коричневые форельки. Кроме, пожалуй, голубых тирольских. «Blaue Forellen»¹ с маслом и картофелем да еще бутылочку Vöslauer Goldeck², не дурно бы, а?

Мэтт. Чего лучше! (*Голодными глазами смотрит на своих форелей.*)

Пожилой джентльмен (*искоса к нему приглядываясь*). А с утра-то какой был туман! Самое неприятное в этих местах — вечные туманы. Только для заключенных хорошо, да?

Мэтт (*подавляя невольное движение испуга*). То есть если вздумают сбежать? Но ведь, кажется, никому не удавалось.

¹ Голубые форели (нем.).

² Сорт вина (нем.).

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Да, говорят, не удавалось. Но они все-таки пытаются, — все-таки пытаются. Я часто думал, как бы я поступил, если бы наткнулся на беглого?

Мэтт. Да, сэр, это проблема.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н (садится на свое пальто). С одной стороны, закон, а с другой — естественная гуманность джентльмена, если только это прилично джентльмену — поощрять уголовных преступников. Вот и не знаешь!

Мэтт (разгораясь). Тот, кто решился бежать, — это, во всяком случае, смелый человек. Он идет на большой риск.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Н-да, беглецу у нас не позавидуешь, — мы законопослушная нация. Я прошлым летом ездил в Америку, — о, это крепкий народ! — и, знаете, меня поразила разница: с законом они очень мало считаются, но весьма чувствительны к моральному несовершенству в других. Бывали в Америке?

Мэтт. Перед войной у меня было ранчо на Дальнем Западе.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Вот как! Ну, если судить по кинокартинам, там и сейчас в моде уклоняться от правосудия. Я лично предпочитаю более упорядоченные страны.

Мэтт. Я в этом деле не судья. Сам бежал из Германии во время войны.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Да что вы! Это великолепно!

Мэтт. Если хочешь похудеть. Радикально излечивает тучность. Побег из лагеря — это, знаете ли, не пикник.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Надо полагать! Где вы перешли границу?

Мэтт. В Голландии. После трех дней и трех ночей на брюкве и свекле. Пробовали когда-нибудь брюкву в натуральном виде? Могу вас заверить, это не слишком утонченное блюдо. А свекла, пожалуй, еще похуже. Кстати, из здешней тюрьмы третьего дня один бежал.

П о ж и л о й д ж е н т л ь м е н. Да, я знаю. Некто капитан Мэтт Деннант. Я в свое время с большим интере-

сом следил за его процессом. Каверзное дело, по-моему. А ваше какое впечатление?

Мэтт (настораживается). Что-то не помню.

Пожилой джентльмен. Ну как же! Убийство в Хайд-парке.

Мэтт. А, да. Там еще была девушка. По-моему, следовало подождать, пока он пожалуется.

Пожилой джентльмен. Этот агент, без сомнения, выполнял свой долг. И все-таки! Не опасно ли давать полиции такие полномочия и целиком полагаться на их такт при решении моральных вопросов? Полицейские в конце концов такие же люди, как и мы, а у нас — гм! — у большинства нет такта, а у остальных нет морали. Тот молодой человек ведь, кажется, не жаловался? Не помните?

Мэтт (скрывая беспокойство). Он, кажется, утверждал, что она интеллигентная девушка.

Пожилой джентльмен вынул портсигар и протягивает его Мэтту.

Пожилой джентльмен. Не угодно ли?

Мэтт. Очень благодарен. Я усвоил себе дурную привычку — выходить из дому без табака.

Откусывают кончики и закуривают.

Пожилой джентльмен. Гуляешь вот так — и вдруг наткнешься где-нибудь на этого беглеца. Что тогда делать? Ведь это вроде встречи с гадюкой. Бедняжка ничего не хочет, как только убежать от вас. Но если не переломить ей хребет, она, того и гляди, ужалит собаку. У меня две собаки подошли от змеиных укусов. Пожалуй, наш долг его задержать — как вы считаете?

Мэтт. Вероятно. Но я не всегда делаю то, что должен.

Пожилой джентльмен. Да? Очень рад. Я тоже.

Мэтт. Видали вы здешнюю тюрьму? Довольно безобразное здание — дурной архитектурный стиль.

Пожилой джентльмен. Нет, этой не видал. Должен вам сказать, я в свое время имел несчастье многих людей отправить в тюрьму. Вот тогда я считал своей обязанностью посещать тюрьмы. И присяжным всегда давали пропуски, чтобы пошли посмотрели, куда посылают своих ближних. Однажды проверил, были они там

или нет, и, знаете, из троих присяжных — нет, из четверых — сколько имели любопытство, как бы вы думали?

Мэтт. Ни один.

Пожилой джентльмен. О, это уж слишком пессимистично. (*Бросает на Мэтта быстрый боковой взгляд, как птица.*) Нет. Один. Ха!

Мэтт. Да кому охота смотреть на заключенных? Я бы скорее пошел смотреть трупы в морге. Те по крайней мере не живые.

Пожилой джентльмен. Но теперь, говорят, в тюрьмах стало гораздо лучше. Более человеческое обращение.

Мэтт. Да что вы? Вот замечательно! С каких же это пор?

Пожилой джентльмен (*зорко поглядывая на него*). Ну, во всяком случае, бубновый туз упразднен. И головы им, кажется, больше не бреют. У вас никогда не было знакомых среди заключенных?

Мэтт (*он сидит как на иголках*). У меня? Нет. Только один.

Пожилой джентльмен. А! И что же—интересный был человек?

Мэтт. Самый интересный из всех, кого я знаю.

Пожилой джентльмен. Ха! Допустим, сейчас перед нами появился бы этот беглый. (*С жестом в сторону Мэтта.*) Вот вы — что вы бы сделали?

Мэтт. Удрал бы со всех ног.

Пожилой джентльмен. Гм! Да. Пожалуй. Тут, вероятно, все зависит от того, нет ли еще кого поблизости! На этот счет мы... гм!.. весьма щепетильны. А как вам нравится здешний климат? Говорят, очень здоровый. Дартмур этим славится.

Мэтт. Напрасно, по-моему.

Пожилой джентльмен. Хорошо знаете эти места?

Мэтт. Нет. Я здесь первый раз.

Пожилой джентльмен. И долго думаете пробыть?

Мэтт. Надеюсь, что нет.

Пожилой джентльмен. Живописный уголок этот Дартмит.

Мэтт. Мне больше нравится Ту-Бриджес. *(Начинает укладывать удочки, насвистывая «Будьте так любезны, леди».)*

Пожилой джентльмен. А! На какую наживку брали?

Мэтт. Да просто на блесну.

Пожилой джентльмен. Давно уж я не рыбачил. *(Видя, что Мэтт провел рукой по лбу под шляпой.)* Что? Вам нехорошо?

Мэтт. Да... Боюсь, табак слишком крепкий. Превосходная сигара, я курил с наслаждением, но я вышел без завтрака, а знаете, на пустой желудок... *(С огорчением смотрит на недокуренную сигару и бросает ее.)*

Пожилой джентльмен. Ах, да, да, бывает. Со мной вот тоже так было — на банкете Королевской Академии—и как раз перед тем, как мне говорить речь. *(Снова бросает на Мэтта боковой птичий взгляд.)* Я всегда думал, что отсутствие табака — это одно из самых больших лишений в тюрьме. Вы, вероятно, сами это испытали в... в Германии?

Мэтт *(тяжело дыша и заканчивая укладку удочек)*. Ну... Табачок у нас иногда бывал.

Пожилой джентльмен. И пустые желудки тоже?

Мэтт. Да.

Пожилой джентльмен. Мы должны быть вечно благодарны тем, кто это перенес. *(Протягивает ему портсигар.)* Может быть, еще попробуете — после чаю? Знаете, такой солидный чай, как здесь подают,—со сливками, с джемом?

Мэтт. Ну что ж, очень вам благодарен, сэр. В следующий раз, может быть, осилю.

Мэтт кончил укладку и жаждет поскорее уйти, так как ему становится все более не по себе с этим пожилым джентльменом. Берет корзинку, складывает в нее рыбу.

Пожилой джентльмен. Да, так-то вот. *(Встает.)* И мне пора. Очень рад был с вами познакомиться. Получил огромное удовольствие. В моем возрасте не часто выпадает случай испытать совершенно новые ощущения.

Мэтт *(в замешательстве)*. Помилуй бог, сэр! Неужели это я вам их доставил?

Пожилой джентльмен. А как же! Мне ведь никогда еще не доводилось беседовать с заключенным, бежавшим из... из Германии.

Мэтт. До свидания, сэр.

Пожилой джентльмен. До свидания, капитан Деннант. (Мэтт отшатывается.) Надеюсь, ваше маленькое путешествие закончится благополучно, тем более, что свидетелей нашей беседы, кажется, не было.

Мэтт (смотрит на него во все глаза). Простите, сэр, но не скажете ли вы мне, что навело вас на эту мысль?

Пожилой джентльмен. Охотно. Во-первых, то, как вы смотрели на ваших форелек, — этаким, знаете, волчьим взглядом. А потом — извините — ваши ноги.

Мэтт (отворачивает полу макинтоша и разглядывает свои ноги). Да-а. А я-то надеялся, что вы сочтете меня одним из законодателей моды.

Пожилой джентльмен. И еще — ваше явное сочувствие самому себе.

Мэтт. Тюремная привычка, сэр. Сочувствовать другим там не дозволено — из страха вредных влияний. Пока я не попал за решетку, не помню, чтобы я когда-нибудь жалел себя. А теперь вряд ли буду способен жалеть кого-нибудь другого.

Пожилой джентльмен. Это, я думаю, вполне естественно. Но так или иначе, а наша встреча была для меня весьма поучительна, потому что теперь я по крайней мере знаю, как мне следует поступить в подобном случае.

Мэтт (насторожился). И как же именно — если это не слишком нескромный вопрос?

Пожилой джентльмен. А видите, капитан Деннант, на этот раз — только на один этот раз — посмотреть сквозь пальцы. Счастливого вам пути!

Мэтт. Счастливо оставаться, сэр. Это... это так благородно с вашей стороны. На минуту я почувствовал себя человеком.

Пожилой джентльмен. Знаете, и я тоже. Какое-то такое... родственное чувство. Первородный грех, вероятно. Прощайте!

Уходит, поглядывая на дымок от своей сигары и тихонько улыбаясь. Мэтт смотрит ему вслед, растроганный его добротой.

Занавес падает.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Прошел час. На пригорке среди вересковых зарослей. Двое мужчин и две женщины, приехавшие в стоящем поодаль «Форде», сидят на траве и закусывают. Один из мужчин, лет пятидесяти, в синем костюме, смахивает на моряка торгового флота; возле него на траве концертину. Другой, лет на пять старше, похож на лавочника. Одна из женщин — его жена, добродушная толстуха сорока лет. Другая — сестра лавочника, сухопарая старая дева. Все принаряжены для праздника. Едят с жадностью.

Жена. Капитан, вы же прямо пророк! До чего было паршиво, когда мы выезжали из Ашбертона, а сейчас какая погодка — прелесть! (Ест.)

Капитан. Старому моряку — да не разобраться с погодой — этого, сударыня, не бывает. (Пьет.)

Жена. Я утром Пинкему так и сказала: «Верь, — говорю, — капитану», — правда, папочка? (Лукаво.) Я-то, положим, и сама знала, — мозоли у меня нисколько не болели.

Сестра. Это неприлично, Фанни.

Жена. Ну вот еще! У кого нет мозолей, скажи, пожалуйста? Скушай еще розанчик, Долли, и не расстраивайся. Не налегай ты так на крем, папочка, — и то уж глаза у тебя, смотри, какие желтые.

Лавочник. Когда я только приехал в Девоншир, я мог полфунта крема за один раз усидеть.

Жена. Да, и на всю жизнь испортил себе характер.

Лавочник. Долли, разве у меня плохой характер?

Сестра. Так себе, Джемс.

Лавочник. А по-вашему, капитан?

Капитан. Для жены, может, и плохой. А вне лона семьи вы суший херувим.

Жена. Ах, капитан, почему вы так ненавидите женщин?

Капитан. Прирожденный холостяк, сударыня.

Жена. С женой в каждом порту, а?

Сестра. Фанни! Право же, это неприлично. И так старомодно!

Капитан. Вы тоже так считаете, сударыня?

Жена. Вы уж не расстраивайте Долли, капитан. Ой! Жук! Вон у меня на юбке! Непонятный какой-то: я таких никогда не видела.

Капитан. Ну так убейте его.

Жена. Почему?

Капитан. Всегда надо убивать, что непонятное.

Жена (сбрасывает жука с юбки). Да это просто божья коровка — бедняжечка! Сыграйте нам, капитан.

Капитан извлекает протяжный вопль из своего концертино.

Ой! Кто это?

Мэтт, в макинтоше, с корзинкой и удочкой, подошел слева и, остановившись, приподнимает шляпу.

Мэтт. Здравствуйте! Простите, не можете ли вы мне указать, как пройти в Бови?

Лавочник. В Бови! Далеконько же вам идти, сэр,— миль двенадцать, когда не больше.

Мэтт. Да что вы! Неужели?

Лавочник. Сперва вниз через Понсуорси на Уайдкомб, потом опять вверх, потом налево, а там еще спробуйте.

Мэтт. Понимаю. А будет там кого спросить?

Лавочник. Навряд ли.

Капитан. Много наловили, сэр?

Мэтт (открывает корзинку). Восемь. Не очень крупных.

Жена. Ах! Славненькие какие! А уж вкусные!

Мэтт. Разрешите вам предложить?

Жена (жеманясь). Ах, что вы, мне совестно,— такая любезность!

Капитан. Не отказывайтесь, миссис Пинкем. Здешние форели, да после хорошей прогулки,— пальчики оближешь!

Сестра (свысока). Слишком, я бы сказала, любезно со стороны незнакомого.

Жена (вдруг решившись). Ну и что ж такого, если от чистого сердца. Дай-ка мне «Дэйли Мейл», папочка, я их заверну. И большое вам спасибо. Премного обязана.

Мэтт. Вот и прекрасно. (Передает ей рыбу.) Погода как разгулялась! Вы издалека?

Лавочник. Из Ашбертона — десять миль.

Мэтт. Что у вас там слышно о бежавшем заключенном?

Лавочник. А что такое? Я уж два дня газет не читал.

Жена. Неужто еще один сбежал? Страсти какие!..
Мэтт. Позавчера ночью. Скрылся в тумане.

Сестра. Я прямо вся дрожу, как подумаю, что кто-то из этих ужасных людей разгуливает на свободе. Спать нельзя спокойно!

Капитан. Да вы не волнуйтесь так уж очень, дамочка. Долго ли ему еще гулять-то!

Жена (*просматривая газету*). Смотри-ка! Это, оказывается, тот самый, что убил бедного сыщика в Хайд-парке! Вот негодяй! Тут написано, что его уже два раза чуть не поймали.

Мэтт все время внимательно смотрит на них, но еще внимательней посматривает на булку и старается занять такое положение, чтобы удобней было ее присвоить.

Лавочник. Все должны помогать, чтобы его скорей поймали. Это же форменный разбойник. И зря ему на суде мирволили. Я этой девке ни в одном слове не верил.

Сестра. Еще бы поверить!

Лавочник. И ему самому тоже. Чего они туда ночью забрались? Ясно, не за хорошим делом! В лондонских парках, говорят, черт-те что творится.

Капитан. Н-да, это вам не воскресная школа.

Жена. Фи, капитан!

Сестра (*едко*). А ведь были такие, что ему сочувствовали. Надо же!

Мэтт. Между прочим, и я в том числе, если это не покажется вам слишком эксцентричным.

Лавочник. Вы? Это почему же?

Мэтт. Мне кажется, ему просто не повезло.

Лавочник. Ну да, есть такие добренькие — всегда против смертного приговора. Дрянью какую-нибудь, которая мужа уколошила, и то нельзя спокойно повесить: сейчас крик поднимут. Взять хоть бы этот процесс — вот, недавно, — такую петицию состряпали, в два фута длиной.

Капитан. А, да. Тот парнишка был стюардом на пароходе. А вот про это — в Хайд-парке — я что-то не помню.

Жена. Ну как же! Сыщик арестовал одну из этих девиц, с которой тот сидел, — джентльмен еще, заметь-

те! — ну, он и трахнул беднягу по голове, череп ему проломил, тот и помер.

Капитан. Так почему ж его не вздернули?

Мэтт. Присяжные решили, что это была простая драка, а не сопротивление при аресте. Кроме того, сыщик, падая, ударился головой о решетку на Роттен-Роу, и врачи определили, что смерть последовала от сотрясения мозга.

Лавочник. Ну, это еще не причина, чтобы давать ему потачку. Он же его ударил, верно? Кабы не ударил, тот бы не упал.

Мэтт. Безусловно! Блестящая логика. Но если бы тот его не схватил, он бы его не ударил.

Лавочник. Все равно. Я бы его повесил.

Жена. Не будь таким кровожадным, папочка!

Лавочник. Повесил бы! Бить полицейского за то, что он исполняет свой долг! Да еще сидеть с женщиной в парке! Он из господ был, вот почему дешево отделался!

Мэтт. А вы не думаете, что это предрассудок?

Лавочник злобно смотрит на него, но, решив, что Мэтт тоже джентльмен и не может быть беспристрастным, он только слегка фыркает.

Сестра. А женщину эту засадили?

Мэтт. За что, сударыня?

Сестра. Я бы их всех пересажала, — знали бы тогда, как соблазнять молодых мужчин, мерзавки!

Мэтт (невольно). Ч-черт!

Все уставились на него. Потом лавочник говорит самодовольно.

Лавочник. А меня вот ни одна еще не соблазнила.

Мэтт. Весьма вероятно. Я вижу, у вас «форд». Как вы находите: годится он для такой местности?

Лавочник (сухо). Годится.

Мэтт. Не сдает на подъемах?

Лавочник. Нисколечко. Берусь на своей машине любого беглого догнать — уж от меня не уйдет!

Мэтт. Не уйдет? (Его внезапно осеняет какая-то мысль.) Превосходно!

Жена. А не пора ли нам домой? Давайте-ка собираться. Передайте мне чайник, капитан. Долли, ну что

ты подбираешь эти объедки? Корки, пирог недоеденный, кому это нужно? Брось, пусть лежат. Я хочу быть дома до темноты. Тут этот беглый где-то бродит, ищет, чем поживиться, того и гляди, на нас выскочит.

Мэтт украдкой подбирает остатки хлеба и прячет в карман.

Мэтт. До свидания! Надеюсь, вам понравится моя форель.

Отходит вправо.

Жена и капитан (вместе). До свидания! До свидания, сэр!

Мэтт прикладывает руку к шляпе и скрывается из виду.

Сестра. Фанни! Ты видела? Он подобрал объедки!

Жена. Ну вот еще! Глупости! Он джентльмен — слышала, как разговаривал?

Сестра. Я своими глазами видела — два кусочка пирога и розанчик.

Слышен шум мотора.

Лавочник. Это еще что! (Вскакивает.) Что он там делает с «фордом»?

Капитан. Эй, там! Послушайте! Сэр!

Лавочник. В машину сел. Эй! Стой!

Сестра. Грабитель!

Все. Стой! Стой! Стой!

Гул тронувшейся машины и отдаленный возглас «Проща-айте!». Мужчины бегом бросаются в ту сторону.

Жена. Ах, страсти! А я-то...

Сестра. Да! Ты-то! Еще рыбу у него взяла! Как будто не видно, что он вор! А-а! А-а! Ну да! Конечно! Это он!.. Ой! Ой!

Жена. Да не ори ты, Долли. Как мы теперь домой попадем?..

Мужчины бегом возвращаются. Оба запыхались.

Лавочник. Ну и нахал! Ну и хулиган!

Капитан. Ах, черт побери! (Садится и, упершись руками в колени, раздражается хриплым смехом.)

Сестра. Как вы можете! Как вы можете, капитан! А мы еще все время о нем говорили!

Капитан (разом перестает смеяться). Что! Он?..

Сестра. Конечно! Этот самый беглый! Видали, что у него на ногах? Джентльмены такое не носят.

Капитан. Как! Неужели вы — вы, сударыня! — смотрели на его ноги?

Жена. Это все ты виноват, Пинкем, ты и Долли! Ругать его вздумали! Кабы не ругали, он бы и машину не спер. А то раскричались: повесить его, повесить! Вот он и обозлился. Я же видела!

Лавочник. Ты сама сказала про него: негодай. Ну ладно. Бови — по крайности знаем, где его искать.

Капитан. Да это он нарочно. А сам туда и не поедет.

Лавочник. А я говорю, поедет.

Капитан. А я говорю, не поедет.

Лавочник. Догадается, что мы не поверили, и как раз туда и катнет.

Капитан. Нет, он догадается, что мы догадались, и носу туда не сунет.

Жена. Ой! Мозоли как разболелись!

Сестра. Наглость какая, — еще рыбу нам подарил!

Капитан. Ну что ж теперь делать? Остается собрать манатки да и топать пешочком, пока кто-нибудь не подвезет.

Жена. У меня мозоли, я не могу пешком.

Капитан. Веселей, дамочка! Покажем, что мы англичане.

Лавочник. Англичане! Вам-то легко говорить: это не ваша машина.

Капитан. Не горюй, старина! Доедет до места — бросит ее в канаве.

Лавочник. До места! А где оно, место, — может, на краю света!

Капитан. Эх! Идемте, сударыня. Выше поднимайте свои мозоли! А я вам сыграю.

Они собрали вещи и уныло бредут вправо, оставив после себя разбросанные бумажки.

Жена. Ай! Рыбу забыли!

Сестра. Рыбу! Нет уж, извини, — это ниже моего достоинства! (Презрительно фыркает.)

Ж е н а. Глупости, Долли! Такие форели в Ашбертоне пять шиллингов стоят. Пусть хоть бензин окупится, что он израсходует. Подбери, папочка.

Лавочник возвращается и, завернув рыбу в «Дэйли Мейл», подносит пакет к носу, находит запах приятным и догоняет остальных в то время, как капитан извлекает заунывную мелодию из концертино.

З а н а в е с падает.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Через полчаса. Открытая местность среди поросших вереском склонов.

М у ж ч и н а в брюках гольф и его **ж е н а** возвращаются с прогулки. Жена остановилась и беспокойно вертит ногой.

Ж е н а. Филип, мне что-то в туфлю попало.

М у ж. Что?

Ж е н а. В туфлю, говорю, что-то попало.

М у ж (он ушел вперед, но теперь тоже останавливается). Ну так сними. (Возвращается к ней.) Держись за меня.

Ж е н а (снимает туфлю и встряхивает). Это не в туфле. В чулке.

М у ж. Тут негде сесгь. Мокро.

Ж е н а. Вот оно — пощупай.

М у ж. Да, что-то есть.

Ж е н а (стоя на одной ноге). Держи меня.

Он держит ее, и она уже спустила чулок, как вдруг слышен шум приближающегося автомобиля.

М у ж. Тьфу, пропасть! Машина!

Ж е н а (поспешно опускает юбку и стоит на одной ноге). Только не хватало!

Скрежет тормозов — автомобиль, очевидно, останавливается.

М у ж. Он к нам идет.

Жена нагибается и поспешно надевает туфлю, но платье на ней короткое и не закрывает голый ноги. Она держит чулок за спиной.

Мэтт (*появляясь справа*). Простите, сэр, вы не скажете мне, как проехать в Бови?

Муж. Мы сами не здешние. Вам бы спросить, когда проезжали Уайдкомб.

Мэтт. Наверно, все-таки вон туда, в гору?

Муж. Должно быть. Это дорога на Хейтор, на самую вершину.

Мэтт. А! И оттуда можно узреть землю обетованную?

Жена. Да. Поднимитесь на гору, потом налево, потом направо через ворота.

Мэтт. А там еще спросить, да? (*Собирается уйти.*) Ну что ж, спасибо и на том.

Муж. Замечательные здесь места, сэр. Дивный воздух.

Мэтт (*сухо*). О, да. Тут вообще дивно. Так сухо и солнечно!

Жена (*смеется*). Как, например, вчера. Такой был туман!

Муж. Говорят, Бови — очень живописный уголок.

Мэтт. Весьма. У меня там тетки живут. Самое подходящее место для теток.

Жена (*смеется*). Почему для теток?

Мэтт. Тишина, покой. Идеальные условия для вязания.

Муж. Ха, ха! Да вы забавник! Ха, ха!

Мэтт. Ну, мне пора, а то опоздаю к чаю. Значит, сперва мимо Хейтора?..

Жена. Да, а потом вниз, к церкви.

Мэтт. Большое спасибо. Мои тетки как раз возле церкви живут. Всего хорошего!

Слегка приподнимает шляпу и уходит направо.

Жена. Какой милый молодой человек!

Муж. Это он смешно сказал — про теток. Ха, ха!

Шум удаляющейся машины.

Ну, надевай чулок.

Жена (*наклоняется и снимает туфлю*). Он, наверно, из здешней знати, правда?

Муж (*держит ее сзади*). Гм! Может, и правда. Кому и ездить в такой дрянной машине, как не им.

Жена. Заметил мою ногу и сейчас же отвел глаза. Очень деликатно с его стороны.

Муж. Это он из сочувствия. У самого бог знает что на ногах надето.

Жена (*выворачивает чулок наизнанку*). Ага, вот оно, видишь? Камушек! Да какой острый! И как только они попадают...

Муж (*перебивает ее*). Закройся! Там констебль на велосипеде!

Жена спускает подол и стоит, балансируя на одной ноге, с чулком в руках. Появляется красный и распаренный констебль; он ведет велосипед.

Констебль. Не видали тут каторжника?

Муж (*удивлен*). Каторжника?.. Нет!

Констебль. А что видели?

Муж. Только машину.

Констебль. Какая марка?

Муж. «Форд», кажется.

Констебль. Кто был в машине?

Муж. Мужчина. Один.

Констебль. Какой из себя?

Муж. О, вполне порядочный. Джентльмен.

Констебль. Почему так решили?

Муж. По его голосу.

Жена. Он разговаривал с нами.

Констебль. Что сказал?

Муж. Спрашивал дорогу на Бови.

Констебль. Ха! Что на нем было надето?

Муж. Длинный макинтош и такая же шляпа, как у меня. Вполне приличный человек.

Констебль (*вытирая пот с лица*). Ага! Приличный! Говорите, на Бови?

Муж. У него там тетки. Собирался с ними чай пить.

Констебль (*иронически*). Ха! Тетки в Бови! Показали ему дорогу?

Жена. Мы посоветовали ему ехать на Хейтор. Это правильно?

Констебль. Ну, поздравляю. Оказали содействие беглому каторжнику.

Муж (*в испуге*). Нет, правда?.. Но уверяю вас...

Жена. Он был такой милый.

Констебль. Ми-и-лый! На сколько он меня опередил?

Муж. О! Минут на пять, не больше. Вы понимаете, я же не знал... Я бы никогда...

Констебль (бормочет, отирая пот). Фу-у! Жарища!

Муж. Да вы позвоните сейчас же в Бови!

Констебль (самоуверенно). Хе! Почему, вы думаете, он вас спросил про Бови? А потому, что туда не собирался. Знал, что вы мне передадите, так вот, чтобы сбить меня со следа.

Жена. Но, право же, он настоящий джентльмен!

Констебль (сухо). Те, у кого он полчаса назад увел машину,—они так не думают.

Жена. Я не могу поверить...

Муж. Да, да, я обратил внимание... (Констеблю, который уставился на голую ногу его жены.) У него башмаки — прямо какие-то опорки...

Констебль. Что ж вы его не задержали?

Муж (в волнении). Я бы, конечно... Но как я мог подумать...

Констебль. Задержать надо, а после думать.

Муж. Мне очень жаль... Если бы я знал...

Констебль. Да уж теперь дело сделано. Ну ладно. Поеду в Уайдкомб, позвоню.

Ведя велосипед, направляется к дороге.

Жена (на одной ноге). Не понимаю, о чем тут жалеть, Филип. Он все-таки настоящий джентльмен. Да!

Муж. Каторжник есть каторжник. Нельзя идти против закона.

Жена. А мы вот пошли — и очень хорошо, я очень рада. Этот твой констебль — он-то, небось, не отвел глаз от моей ноги!

Муж. Ты рада бы втравить меня в неприятности с полицией!

Жена. Не говори чепухи, Филип! Нервы у тебя расстроились, так уж я виновата. И не держи меня, сама справлюсь. (Качаясь на одной ноге, надевает чулок.)

Муж. Нахальный тип. Шуточки еще отпускал — про теток!

Ж е н а. Ты, кажется, тогда нашел их смешными.

М у ж. Если бы я знал...

Ж е н а. Ну да, конечно, если б ты знал!.. Ах, Филип!.. Вот, знаешь, говорят — первородный грех, так в тебе его даже ни капельки нету. А во мне, слава богу, есть.

М у ж. Где? Я никогда...

Ж е н а. Я это тебе не показываю.

М у ж. Э! Он возвращается.

Ж е н а. Кто? Констебль?

М у ж. Нет! Тот... Беглый.

Шум машины.

Ж е н а. Ура!

М у ж. То есть как ура? Ведь это же черт знает что! Что мне делать?

Ж е н а (коварно). Как что? Беги скорее на дорогу, останови его.

М у ж (переминаясь с ноги на ногу). Да он меня машиной переедет. Они же отчаянные!

Ж е н а. Ну так я его останавливаю. И скажу ему про констебля.

М у ж. И думать не смей!.. О! Остановился. Еще того не легче! Что мне теперь-то делать?..

Жена хохочет. Скрежет тормозов. Снова появляется Мэтт.

Мэтт. Простите, что опять вас беспокою, но моя машина заартачилась. Вы не знаете, тут, кажется, есть кружная дорога? Я как будто видел — через Уайдкомб, направо...

Ж е н а. Есть такая дорога. Но не советую вам туда ехать.

Мэтт. Боюсь, придется. Подъем слишком крутой, машина ползет назад.

М у ж. Позвольте... э-э... я... э-э... я должен...

Ж е н а. Мой муж хочет сказать, что в Уайдкомб только что проехал констебль. Вон туда. (Показывает.)

Мэтт. А-а. (Смотрит вдаль из-под руки.) Вижу.

Ж е н а. Так что лучше вам все-таки по той дороге.

Мэтт. Да, видите ли, там их целых двое. А моя машина на это очень чувствительна.

Ж е н а. Ах! Боже мой!

Муж. Джоан! *(Решительно.)* Сэр! Этот констебль говорил с нами. Вы проиграли. С вашего позволения, я заберу эту машину. Он сказал, она не ваша.

Мэтт *(отступает на шаг)*. Знаете, это совершенно верно. Не моя. Но ведь и не ваша.

Муж. Хорошо, давайте рассудим. Но боюсь, у вас нет выбора.

Мэтт. Кто я такой, по-вашему?

Муж. Вы?.. Э-э... хм... Беглый каторжник, если смею так выразиться.

Мэтт. О! Но если даже так, я ведь еще не сдался. Я понимаю вашу точку зрения, но у меня, к сожалению, есть своя.

Муж. После того, что мне сказал констебль, я просто не могу вас отпустить.

Мэтт. Слушайте. У меня идея. Давайте все вместе поедем в Уайдкомб.

Муж. Ах, вот за это спасибо! Я знал, что вы благородный человек.

Мэтт. Понимаете, если вы будете со мной, мы беспрепятственно проедем через Уайдкомб, а вас я потом высажу на той стороне.

Муж. Но... Позвольте... Э, нет!.. Так не пойдет!

Мэтт. Все будет очень прилично. Вы везете меня в Уайдкомб, чтобы сдать полиции, и не ваша будет вина, если я проскочу насквозь и потом вас вытряхну. Я стараюсь сделать как удобнее для вас, и, надеюсь, вы делаете как удобнее для меня.

Муж. С какой стати! Для беглого каторжника!

Мэтт. А скажите, кто вы такой, по-вашему?

Муж. Я?.. Обыкновенный человек.

Мэтт. Вы, значит, хотите сказать, что обыкновенный человек не способен на благородство?

Муж. Нет, почему... Но... Меня предупредили. От этого никуда не денешься!

Жена. Я с вами поеду. Если вы будете с дамой, нас пропустят.

Мэтт. Блестяще! Очень вам признателен. Садитесь!

Муж. Джоан!

Мэтт. Поставьте себя на мое место, сэр...

Муж. Послушайте!.. Ведь, собственно говоря, я дол-

жен сбить вас с ног и сесть вам на голову, если смею так выразиться!

Мэтт (*расправляет плечи*). Пожалуйста! Готов к услугам. Только нельзя ли поскорее?

Муж. Но... но это было бы слишком грубо.

Жена (*иронически*). Да что ты, Филип! Неужели?

Муж. Хорошо, я согласен, но чтобы я вел машину.

Мэтт. Не вижу оснований. Кто ее украл — я или вы? Так как, сударыня, отправимся?

Жена (*закутывая лицо шарфом*). Поехали!

Муж. Но это возмутительно! Слушайте, сэр, вы, кажется, думаете...

Мэтт. Я вам скажу, что я думаю. (*Жестко.*) Я слишком долго был в чистилище и не намерен туда возвращаться — и не вам меня заставить, — если смею так выразиться.

Муж. А вот заставлю!

Жена. Филип!

Муж. Не допущу!.. А не хотите добром, так я вас силой!

Мэтт (*угрожающе*). Ах, так! (*Выватывает из кармана гасный ключ.*)

Жена (*становится между ними. Мэтту*). Знаете, я думаю, вам лучше поскорей уехать.

Мэтт. Я тоже так думаю. Простите, что был столь невоспитан и вытаскивал вот это. (*Постукивает пальцем по гасному ключу.*) Но я тут не в игрушки играю. (*Мрачно.*) От этой жизни, что мы ведем, утрачиваешь чувство юмора. Всего хорошего, сударыня. Никогда не забуду вашей доброты.

Поворачивается и исчезает.

Муж. Эй! Нет, вы не уйдете! Я вам не разрешаю, черт возьми! Остановитесь!

Жена. Великолепно, Филип! Блеск!

Шум мотора.

Беги, милый! Беги! Теперь уж можно — все равно опоздал!

Муж. Ты просто...

Стоят, глядя друг на друга, в то время как постепенно затихает шум удаляющейся машины и

Занавес падает.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Прошел час.

На краю вересковой пустоши, в неглубокой яме, откуда берут гравий, стоит тачка, в ней заступ. Возле, на земле, ничком лежит

Мэтт, видимо, спит в ожидании темноты.

Справа подходит батрак. Это рослый силач с лопатой в руках. Завидев лежащего, останавливается, смотрит. Затем, повернувшись, тихонько уходит обратно. Мэтт почувствовал сквозь сон его приближение, привстал, готовый вскочить и броситься бежать. Потом меняет намерение и снова укладывается в той же позе, как будто спит. Батрак возвращается, с ним другой, такой же здоровенный детина. Первый батрак откашливается.

Мэтт (*садится, подобрав ноги*). Что вам, ребята? Что-нибудь нужно?

Первый батрак. Да вот, не во гнев вам будь сказано, сэр, ищем тут беглого каторжника. Ну и подумали, а может, это вы?

Мэтт. Интересно! Ха! Приятная история! Ну, а теперь вы убедились, что это не я, так, может быть, вы извинитесь?

Первый батрак (*осторожно*). Так-то так, да кабы знать наверно...

Мэтт. Вы у кого работаете?

Первый батрак. У фермера Браунинга. Это его выгон.

Мэтт. Хорошо, я поговорю с фермером Браунингом. Это все очень забавно, но мне почему-то не нравится, когда меня принимают за беглого преступника.

Первый батрак. Во-во! С хозяином поговорите. Джордж, беги, покличь хозяина. Он в сад пошел, на тот конец.

Второй батрак уходит налево.

Первый батрак. Этот молодчик, беглый-то, говорят, машину чью-то угнал. А у нас и найдись тут одна, в канаве. И вроде бы та самая.

Мэтт. Ну, а ко мне-то какое это имеет отношение?

Первый батрак. Да я что, я ничего. Вот хозяин придет, разберется.

Мэтт. Я сам к нему пойду. (*Хочет встать.*)

Первый батрак. Э, нет! Сидите.

Мэтт. Но послушайте, приятель! Разве я так говорю, как арестант?

Первый батрак. А вот уж не знаю, не слышал, как они говорят. Они вроде все больше городские.

Мэтт. Ну, а я вырос в деревне, как и вы. Сколько вам хозяин-то платит? *(Достает фляжку из кармана, на свистывая «Будьте так любезны, леди».)*

Первый батрак. Н-на! Коли вы и впрямь тот беглый, так и ловкач же вы!

Мэтт. Но почему, скажите на милость, вам этакое в голову взбрело? Я приехал сюда половить рыбу, остановился в Лестли, в гостинице. *(Делает глоток из пустой фляжки.)* Что вы дурака строите? Ведь смеяться будут.

Первый батрак *(чесет затылок)*. А коли вы это самое, что говорите, так чего вы тут прятались?

Мэтт. Прятался? Просто прилег отдохнуть, где нет ветра, перед тем, как идти домой.

Первый батрак. У того-то молодца тоже удочки с собой были.

Мэтт. У беглого? Экий вздор!

Первый батрак. Да уж, стало быть, не вздор.

Мэтт. Ну вот что, дорогой, с меня довольно. *(Рывком встает.)*

Батрак отскакивает и замахивается лопатой. Но в эту минуту слева появляются фермер и второй батрак в сопровождении девочки лет тринадцати, которая, видимо, каталась верхом.

Фермер. Стой, стой, Джим, погоди. Ну-ка, вы! Вы на моей земле, так извольте объяснить, кто вы такой и как сюда попали. Тут беглый каторжник шатается и тоже с удочкой, вот как у вас.

Мэтт. Вы мистер Браунинг?

Фермер. Да, это мое имя.

Мэтт. А мое — Мэтью. Капитан Мэтью. Я остановился в гостинице в Лестли. Тут какое-то нелепое недоразумение. Вот этот ваш верный пес почему-то вообразил, что поймал бежавшего преступника.

Фермер *(на него произвели впечатление манеры Мэтта, его говор и фляжка в его руке)*. Да видите, сэр, когда тут беглые бродят, так приходится быть осторожным. Мисс Лизабет, бегите-ка домой.

Девочка не трогается с места и как зачарованная смотрит на Мэтта.

Сейчас тут констебль приезжал из Уайдкомба, машину смотрел, и говорит, что на этом, который ее увел, такой же вот длинный плащ был, коричневый, и удочка у него и шляпа как у вас.

Мэтт. Если констебль еще здесь, проводите меня к нему.

Фермер. Да нет, я его сюда позову. Джордж, беги, позови констебля, он там, возле машины.

Второй батрак уходит направо. Первый батрак отходит немного в сторону. Мэтт с фермером остаются в левой части сцены, фермер с наружной стороны. Девочка притаилась сзади.

Мэтт. Помилуйте, мистер Браунинг, уж вы-то должны бы лучше разбираться в людях!

Фермер. Оно верно, вы джентльмен, сразу видно, так ведь и тот, говорят, тоже. Капитаном был. А вот дозвольте вас спросить: вы в Лестли в гостинице стоите — так как хозяину фамилия?

Мэтт. А у него есть фамилия? Не заметил.

Фермер. А название гостиницы? Тоже не заметили?

Мэтт. «Красный лев».

Фермер. Ха!

Мэтт. Неужели другое? Напрасно. Это бы ей всего лучше подошло.

Фермер. А может, покажете, что на вас надето? Под плащом-то?

Мэтт *(внезапно принимает решение)*. Ладно. Сдаюсь.

Девочка. Ах!

Фермер. То-то. Давно бы так.

Мэтт *(понижив голос)*. Будем играть по-честному. Дайте мне шанс.

Фермер. Знаете же, что не могу, чего и спрашивать?

Мэтт. Ну что ж, я хоть двое суток был на свободе. И пробежку им устроил хорошую. Нет ли у вас папиросы?

Фермер. Не курю этих финтифлюшек. Джим, дай господину папироску.

Первый батрак достает из кармана пачку папирос и протягивает Мэтту. Тот берет одну и закуривает от спички, которую батрак зажег и держит, заслоняя ее от ветра, в своих мозолистых ладонях. Затем батрак снова отходит с лопатой вправо.

Мэтт. Очень вам благодарен. *(Садится на тачку.)*

Наступает молчание. Девочка тем временем незаметно подошла к Мэтту.

Девочка *(протягивает ему маленький альбом)*. Можно мне попросить ваш автограф?

Фермер. Мисс Лизабет!

Девочка. Я только начала собирать — не могу же я пропустить такой случай!..

Мэтт *(с усмешкой)*. Чернилами или кровью?

Девочка. Ах! Это бы чудесно!

Мэтт. Моей или вашей?

Девочка. Ах! У меня есть вечная ручка.

Подает ее Мэтту. Он подписывается.

Благодарю вас.

Мэтт *(возвращая ей альбом)*. Позвольте пожать вам руку.

Обмениваются рукопожатием.

Когда будешь старушкой, сможешь сказать, что была знакома с знаменитым убийцей Мэттом. *(Фермеру.)* Так как, мистер Браунинг? Не дадите мне попытать счастья?

Фермер. Арестантов покрывать? Нет, нет, капитан.

Мэтт. Считаете, что они не люди? *(Осматривается по сторонам.)* Я сейчас как лисица, когда загонят ее в нору. Вам не бывало иногда как-то совестно их откапывать?

Фермер. Еще чего — погань такую!

Мэтт. А! Ну, благодарите бога, что вам до сих пор не приходилось сидеть в тюрьме.

Фермер. Авось и вперед ничего такого не сделаю, за что сажают.

Мэтт. Не зарекайтесь. Бывает ведь, что ты не так уж и виноват, а просто не повезло.

Фермер. Не повезло? А я считаю, что, ежели ты убил человека и тебя не вздернули, так, значит, тебе здорово повезло.

Мэтт (*угрюмо*). Я не хотел зла этому бедняге.

Девочка. Вы в самом деле убили человека?

Мэтт. Пока еще нет.

Фермер (*убирает заступ из тачки*). А кто ж его убил? Вы же его треснули, так что он богу душу отдал. Да еще, помнится, когда он исполнял свой долг, вот как я сейчас. (*Подозрительно смотрит на Мэтта, как бы предостерегая его от повторения такой попытки.*)

Мэтт. Не бойтесь. Здесь ребенок. Если бы не это!.. Надеюсь, вы позаботитесь, чтобы вот этот мой приятель (*показывает на батрака*) получил награду за поимку.

Фермер. А пусть себе получает. Мне не нужны награды за то, что исполняю свой долг.

Мэтт (*кивает с важностью*). Приятно слышать. Я высоко ценю ваши благие намерения, мистер Браунинг. Очень рад был с вами познакомиться. Прощайте!

Внезапно вскакивает с тачки и, извернувшись, как футболист, избегающий столкновения, проскальзывает мимо фермера и убегает налево. Девочка бьет в ладони.

Фермер (*в изумлении*). Ах ты, поганец! Гей! Джим! Лови!

Батрак издает рев и бросается следом. Фермер тоже хочет бежать.

Девочка. Ах! Мистер Браунинг!

Фермер (*остановился*). Что?

Девочка. Ах! Ничего.

Фермер. Тьфу!

Убегает налево.

Справа вбегают констебль и второй батрак.

Констебль. Удрал! В какую сторону он побежал, мисс?

Девочка (*свысока, с непроницаемым видом*). Не знаю.

Констебль (*батраку*). Ну, живо! Бежим!

Убегают налево.

Девочка. Ах! Только бы не поймали! Ах!

Крики погони вдали.

Занавес

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

Прошло несколько минут.

Гостиная в скромном деревенском домике, где все, однако, говорит о принадлежности хозяек к местному избранному обществу. Две старые девицы, сестры, собрались пить чай. Мисс Грейс, сорока семи лет, заваривает чай на маленьком столике у камина. Мисс Дора, гораздо моложе ее, стоит в глубине перед раскрытой стеклянной дверью. Она в охотничьем костюме.

Мисс Дора. Какой чудесный закат! Посмотри, Грейс. Алый, как кровь. Охота сегодня была удачная. Мы затравили лисицу. Все смотрели, не попадется ли где-нибудь бежавший заключенный.

Мисс Грейс. Тебе не попался?

Мисс Дора. Слава богу, нет. Бедняга! Травят его, как дикого зверя.

Мисс Грейс. Если тебе жалко тех, кого травят, зачем едешь на охоту?

Мисс Дора. Лисицы сами охотники, они понимают, что и на них могут охотиться.

Мисс Грейс. Заключенные тоже понимают. Нечего тратить на них сочувствие. Пей-ка лучше чай.

Мисс Дора. Он не простой арестант. Это тот капитан Деннант, помнишь?

Мисс Грейс. О! Еще бы не помнить. Сколько мы из-за него спорили. Ну и что ж! Он получил по заслугам.

Мисс Дора (*идет к столу и садится. Пристально смотрит на сестру*). Странно, Грейс, ты ведь добрая женщина, а какая иногда бываешь жестокая.

Мисс Грейс. Возьми булочку. Просто я не терплю непоследовательности.

Мисс Дора (*задумчиво*). Да. Это верно. Ты права.

Мисс Грейс (*удивлена*). То есть как?

Мисс Дора. В самом деле это слишком жестоко — травить лисиц. Лучше уж стрелять.

Мисс Грейс. Тогда и лисиц скоро не станет. Ты только не вздумай это здесь проповедовать. Довольно уже чудачеств. Ты и кроликов жалеешь и цепных собак, со всеми фермерами перессорилась. Подожди, пока поедem в Бат. Там можешь чудить сколько тебе угодно.

Мисс Дора. Я больше не буду охотиться.

Мисс Грейс. Ну и очень глупо, если это доставляет тебе удовольствие. Пойдешь сегодня со мной в церковь?

Мисс Дора. Знаешь, что мне хотелось бы от тебя услышать? «Я больше не буду ходить в церковь».

Мисс Грейс. Ради бога, Дора, избавь меня от твоего свободомыслия.

Мисс Дора. Ради бога, Грейс, избавь меня от твоего благочестия.

Мисс Грейс. Ведь ты этим только обижаешь пастора.

Мисс Дора (качает головой). Он славный старик — не обидится.

Мисс Грейс. До чего ты любишь противоречить. Стоит мне что-нибудь сказать, ты сейчас же против!

Мисс Дора. Душенька, где уж мне против тебя. У тебя воля гораздо сильнее. А во мне недостаточно эгоизма.

Мисс Грейс (холодно). Значит, по-твоему, я эгоистка? Спасибо.

Мисс Дора. Прости, Грейс.

Мисс Грейс. Налить тебе еще?

Мисс Дора. Пожалуйста.

Мисс Дора подвигает свою чашку, и мисс Грейс наливает чай. Внезапно в стеклянной двери появляется человеческая фигура. Обе сестры опускают руки и ошеломленно смотрят. Мэтт, задыхаясь и еле держась на ногах, делает умоляющий жест и прячется за портьерой. Издали доносятся крики погони. Сестры еще не опомнились от изумления, как вдруг в стеклянной двери появляется фермер.

Фермер. Куда он побежал?

Мисс Дора. Кто?

Фермер. Каторжник. Он через ваш забор перескочил и сюда, за дом, кинулся.

Мисс Дора. А! Да... Я, кажется, видела... Какой-то человек пробежал по лужайке и опять через забор — в том конце. Скорей, мистер Браунинг!

За ее спиной лицо и поза мисс Грейс выражают борьбу чувств.

Фермер. Ага! Вот оно что! Эй, ребята! Он там че-

рез забор сиганул! За ним! Живей! Перехватить его надо, пока в лес не ушел!

В стеклянную дверь видна пробегающая мимо погоня — оба батрака, полицейский и двое юнцов, судя по виду, туристы. Крики затихают вдали. Обе сестры вскочили из-за стола. Напряженное молчание.

Мэтт (все еще тяжело дыша, со шляпой в руке, выходит из-за портьеры. Видит охотничий костюм мисс Доры и оборачивается к мисс Грейс). Как мне благодарить вас, сударыня!

Мисс Грейс. Не меня.

Мэтт (кланяется мисс Доре). Вы просто ангел. Ангел!

Мисс Дора. Не стойте против двери: увидят! (Задерживает портьеру. Мэтт отходит в глубь комнаты.)

Мисс Грейс. Ангел! Так солгать! И ради кого — ради беглого каторжника!

Мэтт (к нему уже вернулось самообладание). Тем больше в том заслуги, сударыня. Солгать ради архиепископа — это невелика штука.

Мисс Грейс. Не кощунствуйте, пожалуйста.

Мисс Дора (наливает чай). Выпьете чашечку, сэр?

Мисс Грейс (вполголоса). Дора!

Мэтт (кладет шляпу на стул и берет чашку из рук мисс Доры). Вы очень добры. (Залпом выпивает чай и возвращает чашку.) Простите, ради бога, что я ворвался к вам, но это был мой последний шанс — либо так, либо конец.

Мисс Грейс. В таком случае, сэр, я считаю, пусть уж был бы конец. Подумайте, в какое положение вы ставите мою несчастную сестру!

Мисс Дора (возмущенно). Несчастную! Ну, Грейс!..

Мэтт. Когда за тобой гонятся, думаешь только о следующем шаге.

Мисс Дора. Вы совсем выбились из сил.

Мэтт. Спасибо, я уже чуточку отдохнул. Мне хочется поцеловать подол вашего платья.

Мисс Дора. Подола-то нет. Но как вы решились? Ведь это все-таки безумие — бежать из тюрьмы!

Мэтт. Не сказал бы. По крайней мере я увидел, какие хорошие люди есть на свете.

Мисс Дора. С вами там плохо обращались?

Мэтт. Нет, обращение было ничего — немножко однообразное.

Мисс Дора. Тсс! Слушайте!

Прислушиваются. Слышны отдаленные крики.

А теперь вы куда?

Мэтт. Сам не знаю. Плана у меня нет. Это как в сражении — не успеешь составить план, как уже надо его менять.

Мисс Дора. Я знаю, кто вы, про вас есть в газетах.

Мэтт. А! С жирными заголовками, да? Вот когда я попал в знаменитости. Ну так. Еще раз — огромное вам спасибо. А я уж пойду.

Мисс Дора. Нет. Подождите. (*Осторожно раздвинув портьеры, выглядывает в стеклянную дверь.*) Я сейчас.

Исчезает за портьерой.

Мисс Грейс (*резко поворачивается к Мэтту*). Вы, вероятно, считаете себя джентльменом?

Мэтт. Право, не знаю. Не берусь утверждать. А то еще кто-нибудь не согласится.

Мисс Грейс. Вы видите, что за человек моя сестра — увлекающаяся натура, горячее сердце. Я... я очень ее люблю.

Мэтт. Еще бы. Она изумительная.

Мисс Грейс. Если вы не хотите ее подвести...

Мисс Дора (*вновь появляясь из-за портьеры*). Я, кажется, нашла, где вас спрятать.

Мисс Грейс. Дора!

Мэтт. Нет, нет, не надо. Я не могу позволить...

Мисс Дора (*оборачивается к сестре*). Я это сделаю, Грейс.

Быстро перебрасываются короткими фразами.

Мисс Грейс. Только не у меня в доме.

Мисс Дора. Это и мой дом, не только твой. А ты можешь не принимать участия.

Мисс Грейс (*тащит ее от двери*). До сих пор ты еще не нарушала закона. И не нарушишь!

Мисс Дора. Я не могу видеть, как эта орава преследует солдата и джентльмена.

Мисс Грейс (*метнув взгляд на Мэтта*). Дора, ты не должна. Это преступно, и это нелепо.

Мисс Дора (*гневно*). Уходи наверх. Если спросят, я скажу, что ты ничего не видела. И ты так скажи.

Мисс Грейс (*возвысив голос*). Ты хочешь, чтобы я солгала!

Мэтт, которого они не замечают в пылу спора, делает жест отчаяния и выскальзывает в стеклянную дверь.

Мисс Дора. Я его спрячу, сказано тебе! Капитан... (*Оборачивается к Мэтту и видит, что его нет.*) Где он?..

Сестры умолкают, растерянно оглядываясь.

Мисс Дора. Куда он вышел — в ту дверь или в эту?

Мисс Грейс. Не знаю.

Мисс Дора. Ты не видела?

Мисс Грейс. Нет. (*В ответ на недоверчивый взгляд сестры.*) Я сказала — нет!

Мисс Дора заглядывает за портьеру, потом осторожно в дверь — и отшатывается, увидев перед собой констебля; запыхавшийся, разгоряченный, он входит в комнату; фермер и первый батрак остаются за порогом.

Констебль. Извините, мисс. Упустили мы его. Уж больно проворный! А может, он обратно кинулся? Так дозвоьте, мы пройдем по дому, на случай, он где-нибудь тут укрылся.

Мисс Дора. В доме его быть не может.

Мисс Грейс молчит, крепко сжав губы.

Фермер. Все-таки, мисс, надо поглядеть. Это же такой хитрюга!

Не дожидаясь разрешения, они проходят через комнату в левую дверь. Сестры стоят, глядя друг на друга.

Мисс Дора. Не дам его изловить! (*Направляется к двери.*)

Мисс Грейс (*хватает сестру за платье*). Не смей! Слышишь?

Мисс Дора. Пусти!

Мисс Грейс. Не пушу. Ты с ума сошла! Что тебе до него?

Мисс Дора. Пусти, Грейс!

Мисс Грейс. Помогать ему — значит стать его сообщницей.

Мисс Дора. Ты пустишь меня, Грейс? Я тебя ударю!

Мисс Грейс. Вот хорошо! Бей!

Сестры схватились, и на мгновение кажется, что у них дойдет до драки. Топот шагов за левой дверью.

Мисс Дора. Пусти!

Расходятся и выжидающе смотрят на дверь. Входят фермер и констебль.

Фермер. В доме его нет, это точно.

Констебль (остановившись между обеими сестрами). Вы уверены, мисс, что он через тот забор перескочил?

Напряженная пауза.

Мисс Дора. Уверена.

Мисс Грейс втягивает воздух сквозь сжатые зубы.

Фермер. И больше вы его не видали?

Мисс Дора. Нет.

Фермер. А вы, мисс?

Мисс Дора впивается взглядом в сестру.

Мисс Грейс (вскинув голову, с застывшим лицом). Нет. Не видела.

Фермер (поднимает шляпу, забытую Мэттом во время его внезапного бегства). О! Это что такое?

Мисс Дора (она уже овладела собой). Это? Старая шляпа моего брата, которую я тоже иногда надеваю.

Фермер. Здорово похожа на ту, что на нем была.

Мисс Дора. Да?.. Эти рыбацкие шляпы все одинаковы. (Берет у него шляпу.) А в саду, мистер Браунинг, вы не смотрели?

Фермер. Оно бы надо, да вишь, как уже стемнело.

Ну, ребята, пойдём-ка в саду пошарим. Обдурил меня, поганец! Да нет, врешь, я свое возьму!

Мисс Дора. Попробуйте ещё у пастора.

Фермер. Ага! И там поглядим.

Выходят через стеклянную дверь. Сестры стоят молча. Внезапно мисс Грейс падает в кресло возле стола и закрывает лицо руками.

Мисс Дора. Ты замечательно сказала это, Грейс. Спасибо тебе.

Мисс Грейс (яростным жестом отнимает руки от лица). Спасибо? За то, что я солгала!

Мисс Дора. Мне очень жаль, Грейс.

Мисс Грейс. Жаль тебе! Доведись ещё, ты бы опять меня заставила.

Мисс Дора (просто). Конечно. (Смотрит вслед погоне.) Бедный!

Снова поворачивается к сестре, и пока они обмениваются взглядами,

занавес падает.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

Временного промежутка не было. Ризница в деревенской церкви, освещенная керосиновой лампой; в глубине, у задней стены, висят на вешалке стихари и прочие церковные облачения; справа — дверь, ведущая на кладбище, слева — дверь в церковь, она растворена. Никакой мебели, кроме двух-трех стульев, и у левой стены, дальше от рампы, чем дверь, — маленький столик, на котором стоит кувшин.

При поднятии занавеса сцена пуста, но почти тотчас из церкви входит пастор, держа в руках какие-то украшения, которыми церковь была декорирована к недавно миновавшему празднику Жатвы. Кладет их на столик. Пастор — худощавый седой человек средних лет, загорелый и подвижной; красивое, гладко выбритое лицо изрезано морщинами. Одет в широкую куртку с поясом. Судя по всему, он несколько склонен к обрядности Высокой церкви. Наливает воду из кувшина в две большие вазы, напевая вполголоса: «О, крылья иметь бы мне, крылья голубки!» Затем уносит вазы в церковь. Правая дверь вдруг открывается, и Мэтт, измученный, с непокрытой головой, прокрадывается в ризницу, заставляя за собой дверь. Несколько секунд стоит, оценивая положение, идет к растворенной двери напротив, видит пастора, поспешно отступает и прячется за одним из висящих на стене облачений. Украдкой выглядывает и тотчас скрывается, когда пастор

снова входит, уже в полный голос распевая: «О, крылья иметь бы мне, крылья голубки!» Пастор снимает куртку, идет к вешалке и в ту минуту, когда достигает в пении самой высокой ноты, протягивает руку и снимает с крючка рясу, под которой укрылся Мэтт. Отшатывается.

П а с т о р. Что это?.. Зачем вы здесь?

М э т т. Я прошу убежища, сэр.

П а с т о р. Не понимаю. Кто вы такой?

Мэтт распахивает свой макинтош.

А!.. (В этом «А!..» звучит нечто большее, чем удивление, это возглас тревоги и даже испуга, как будто говорящий внезапно заглянул в собственную душу.) Бежавший заключенный! Вы не должны были приходить сюда.

М э т т. А куда же, сэр? В прежнее время церковь...

П а с т о р. В прежнее время церковь была сама по себе, а теперь она подчинена государству.

Мэтт делает шаг к двери.

Погодите! (Вешает куртку и надевает рясу, как бы стараясь укрепить в себе священнослужителя.) Я, кажется, читал... Вы тот самый капитан Деннант?..

М э т т. Да.

П а с т о р (почти про себя). Бедняга!

Мэтт смотрит на него. Молчание.

М э т т. Для нас, кто был на фронте, смерть значит меньше, чем для вас.

П а с т о р. Знаю. Я тоже был там.

М э т т. Падре?..¹

П а с т о р (кивает). Откуда вы сейчас?

М э т т. Из дома напротив. Где живут две сестры. Ушел, когда они ссорились из-за меня. Не мог этого вынести — не стою.

П а с т о р (с легкой усмешкой). Мисс Дора хотела вас спрятать, а мисс Грейс — выгнать. Так? И, однако, мисс Дора не ходит в церковь, а мисс Грейс ходит. Странно,

¹ Обычное обращение в английской армии к военным священникам. (Падре — отец по-итальянски.)

правда? А может быть, и не странно. (*Смотрит на Мэтта.*) За вами гонятся?

Мэтт. По пятам.

Пастор. Убежище? Если бы я был католиком... Иногда мне этого даже хочется.

Мэтт. Они логичнее.

Пастор. Они сильнее. Да. С таким случаем мне еще не приходилось сталкиваться, капитан Деннант.

Мэтт. Я, кажется, дошел до точки, сэр. Если позволите мне отдохнуть тут немного — это все, чего я прошу.

Пастор. Ах вы, бедный! Конечно! Сядьте. (*Подставляет ему стул.*) Я запру дверь. (*Запирает правую дверь. Заметив, что Мэтт бросил взгляд на окно в четвертой — воображаемой — стене.*) Нет, оттуда не увидят. Да вы, должно быть, и голодны?

Мэтт (*садится*). Нет, спасибо. Есть уже не могу. Переголодал. Вам, вероятно, знакомо это ощущение?

Пастор (*качает головой*). Боюсь, мы, священнослужители, ведем чересчур правильный образ жизни.

Мэтт. Ну, а на фронте? Там ведь всяко бывало.

Пастор. Стыдно сказать, но нет, даже и там не приходилось. (*Говоря, он, видимо, все время напряженно думает, не в силах принять решение.*)

Мэтт (*внезапно*). Ну, падре? Как решили? Выдать меня?

Пастор (*тронут этим обращением*). Падре! (*Пройдясь по комнате, вдруг останавливается перед Мэттом.*) Как человек с человеком — кто я такой, чтобы вас выдавать? Такой же слабый и грешный! (*Отрицательно качает головой.*) Я не имею права помогать вам в побе- ге, но если вам нужен отдых — оставайтесь!

Мэтт. А интересно, как бы поступил Христос в подобном случае?

Пастор (*с грустью*). Это, капитан Деннант, самый трудный вопрос на свете. Никто не знает. Можно говорить то или другое, но знать — нет, знать никому не дано. Чем больше читаешь евангелие, тем яснее видишь, что его решения никто не мог бы предугадать. Видите ли, он был гений! Оттого так трудно нам, кто пытается ему следовать. (*Смотрит на Мэтта, который сидит, упершись локтями в колени и уронив голову на руки.*) Очень устали?

Мэтт. Ох! Даже никогда не думал, что можно так устать. Ноги не держат. А я ведь бегал на трехмильную дистанцию.

Пастор. Вот как? Молодец!

Мэтт. Главное, вот здесь (трогает лоб) все время тебя грызет. Вдруг поймают — и опять за решетку!.. Странно! Я и вполтину так не волновался, когда бежал из Германии.

Пастор. Никто не видел, как вы сюда вошли?

Мэтт. Наверно, нет, а то они уже были бы здесь.

Пастор. Кто за вами гонится?

Мэтт. Деревенские и констебль.

Пастор. Деревенские! Мои прихожане — а я...

Мэтт (встает). Да. Вы правы, падре. Неладно получается. Я уйду.

Пастор (кладет руку ему на плечо и заставляет снова сесть). Нет, нет! Отдохните, пока можно. Вы просили убежища. И я еще не знаю, смею ли изгнать вас отсюда. Не знаю... Во всяком случае, не могу. Не торопитесь. Тут у меня есть немножко коньяку. Держу на случай, если кому-нибудь станет дурно в церкви... (Достает из углового шкафчика бутылку и рюмку.) Пейте все.

Мэтт (пьет. Вынимает фляжку). Можно вас попросить? Не взялись бы вы передать это от меня — она пустая — тому, кто мне ее дал? Тут вот имя и адрес. (Достает из кармана матерчатый ярлычок.) Это я от макинтоша оторвал. Можете еще прибавить «с вечной благодарностью». Только чтобы имени никто не узнал.

Пастор. Нет, нет, будьте покойны. (Прячет ярлычок в карман.) Скажите, что вас побудило бежать?

Мэтт. Заприте рысь в клетке и случайно оставьте дверцу открытой — увидите, что будет. (Вглядывается в лицо пастора.) А. Да, я вас понимаю. Но за это я уже давно расплатился.

Пастор. Разве вас несправедливо судили?

Мэтт. Нельзя судить человека за несчастную случайность.

Пастор. А это была только несчастная случайность?

Мэтт. Ну, конечно, мне не следовало его бить... Первородный грех, очевидно. Но все-таки за обыкновенную драку дают самое большее полтора месяца. А я по-

лучил лишних четыре года — просто за то, что там была решетка, на Роттен-Роу. Нет, я считаю, что имел полное право сбежать.

П а с т о р. Если ваша совесть покойна, тогда, конечно... Это ведь главное.

Мэтт. Да не тревожьтесь из-за этого, падре. Меня же все равно поймают.

П а с т о р (с улыбкой). О нет, я не из-за этого. Кесарь пусть сам о себе заботится, он это умеет. Меня тревожит совсем другое — ответ перед собственной моей совестью. Те мысли, которые сейчас во мне встают. Вы командовали ротой на войне. Вели за собой солдат. А я веду...

Мэтт. Своих прихожан?

П а с т о р (кивает). Да. Когда вы уйдете и я об этом промолчу, имею ли я право не сказать им, что я промолчал? Имею ли я право нарушить закон и не сказать им об этом? А если я скажу, сохраню ли я то небольшое влияние, которое сейчас на них имею? А может ли священник исполнять свои обязанности, если он не имеет влияния? Вот что меня тревожит, капитан Деннант.

Мэтт. Понимаю. (Настораживается.) Кто-то дергает дверь.

Пастор идет к правой двери. Мэтт делает шаг вперед.

П а с т о р (у двери). Кто там?

Г о л о с з в о н а р я. Это я, сэр.

П а с т о р. Нет, Томас, я занят, сейчас никого не могу впустить. Если у вас ко мне дело, отложите до после службы. (Стоит, прислушиваясь, затем возвращается.) Наш звонарь.

Мэтт. Божье гостеприимство. Я не забуду, падре. Но не хочу тревожить вашу совесть. Уйду. А правда, хорошо бы иметь крылья — крылья голубки!

П а с т о р. Вечерня начинается в половине седьмого. Молящихся много не будет — один-два человека. Будьте третьим. Отдохните, пока идет служба. Сюда никто не заходит.

Мэтт. Вы хороший человек! Но лучше мне сейчас попытаться. Теперь уже темно. Нельзя, знаете, сдавать. Пущусь опять в бега — поймают, так хоть под открытым небом. А вы дайте мне благословение.

П а с т о р (качает головой). Я недостаточно уверен в себе... ни в чем больше не уверен. Давать благословение — на это нужен по меньшей мере епископ.

Громкий стук в дверь.

Мэтт. Эх! Попался!

Одним прыжком бросается к вешалке и исчезает за облачениями.
Пастор снова подходит к двери.

П а с т о р (резко). Что там такое?

Г о л о с констебля. Откройте, сэр, пожалуйста!

П а с т о р. Кто это?

Г о л о с констебля. Полиция, сэр. Откройте!

Пастор с жестом отчаяния отпирает дверь. Входят констебль, фермер, оба батрака и звонарь.

П а с т о р. Я сказал, Томас, что никого сейчас не могу принять. Только после службы.

З в о н а р ь. Да, сэр, но вот констебль говорит... надо, чтобы вы знали. Я видел, недавно сюда человек вошел, вот в эту дверь, с кладбища. (Оглядывается по сторонам.)

П а с т о р. В чем дело, констебль?

К о н с т е б л ь. Да все этот беглый, сэр. Вот эти двое парней совсем было его застукали возле старого карьера, да он от них удрал. Потом гнались мы за ним до того дома, где барышни живут, и опять он от нас улизнул. А теперь Томас говорит, будто видел, как в церковь кто-то вошел, и вроде на него похожий. Вы сами-то давно ли здесь, сэр?

П а с т о р. Не меньше часа.

К о н с т е б л ь. Главный вход заперт, и я поставил ребят на паперти. А вы уверены, что в церкви никого нет?

П а с т о р (идет к двери в церковь). Я не знаю, имеете ли вы право обыскивать дом божий. Но хорошо, ищите, только без шума, пожалуйста. (Становится у двери в церковь, пропуская мимо себя преследователей.)

Все уходят в церковь, кроме звонаря, который по-прежнему стоит у наружной двери. Пастор подходит к нему.

П а с т о р. Можете идти с ними, Томас. Я постою здесь.

Звонарь всем своим видом выражая недоумение и настороженность, но не смея ослушаться повелительного взгляда пастора, уходит в церковь.

П а с т о р (*чуть шевеля губами*). Скорей!

Но пока он говорит, в церковной двери вновь появляется фермер. Пастор едва успевает предостерегающе поднять руку, а Мэтт — снова скрыться за облачениями.

П а с т о р. Ну что, Браунинг?

Ф е р м е р. Нету его. Там одни голые стены, кошке негде спрятаться. Ну, да мы его все равно поймаем. (*Подозрительно смотрит на пастора.*)

П а с т о р (*с принужденной улыбкой*). Выходит, опять ускользнул?

Ф е р м е р. Выходит, что так. Хитрый, каналья! Не хуже зайца скидки умеет делать. А что там за вешалкой, а?

П а с т о р (*с той же принужденной улыбкой*). Я посмотрю, Браунинг.

Идет к вешалке и, раздвинув облачения на середине, заглядывает за них, но только в левую сторону. В эту минуту из церкви входят все остальные, и пастор оборачивается к ним.

К о н с т е б л ь. Благодарю вас, сэр. Нету его здесь, Томас. Дурака ты, братец, сваял.

З в о н а р ь (*растерянно бормоча*). Да видел же я... Своими глазами... Как же так...

П а с т о р (*посмотрев на свои часы*). Пора начинать, Томас. Идите звонить. (*Констеблю.*) Извините, вас я тоже попрошу уйти. Если, конечно, вы не захотите остаться и помолиться вместе с нами.

Лица у всех слегка вытягиваются.

К о н с т е б л ь (*отворяет наружную дверь и манит остальных*). Прощения просим, сэр, но что поделаешь... Моя обязанность...

П а с т о р. Да, констебль, понятно.

Ф е р м е р (*внезапно*). Минуточку, ваше преподобие.

Вы уж простите меня, а только вы верно знаете, что так-таки и не видали этого поганца?

П а с т о р (*выпрямляется*). Вы понимаете, о чем спрашиваете?

Ф е р м е р. Я спрашиваю: можете вы нам сказать по чести, как христианин и джентльмен, видели вы его или нет?

П а с т о р. Я...

М э т т (*выходит из-за вешалки; он без макинтоша*). Разумеется, он не видел. Извините, сэр, я тут прятался. (*Поднимает руки.*) Сдаюсь, констебль.

Ф е р м е р. А! Вот он где, каналья! Теперь-то не уйдешь! Держи! Держи! Держи!

П а с т о р. Тихо! Не бесчинствовать здесь! И выйдите все вон. Вы оскорбляете бога!

Удивленные этой вспышкой, все выходят с виноватым видом. На середине сцены остаются только Мэтт и держащий его констебль.
Пастор стоит левее.

М э т т (*пастору*). Простите меня, сэр. Я не должен был сюда приходить. Нечестная игра!

П а с т о р. А! Честность! О нет, это-то у вас есть. Это есть.

М э т т. От всех можно убежать, только не от самого себя.

П а с т о р. Да, в этом все дело. (*Очень тихо.*) Да хранит вас бог!

Провожает взглядом уходящих констебля и Мэтта. И в то время, как начинает звонить колокол,

з а н а в е с о п у с к а е т с я .

1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ

Маленький человек. Перевод <i>Т. М. Литвиновой</i>	5
Толпа. Перевод <i>Б. Б. Томашевского</i>	27
Изюминка. Перевод <i>Т. М. Литвиновой</i>	85
Без перчаток. Перевод <i>С. К. Таманцева и Г. Яркого</i>	100
Семейный человек. Перевод <i>Н. С. Надеждиной и Л. В. Хвостенко</i>	186
Верность. Перевод <i>О. П. Холмской</i>	261
Дебри. Перевод <i>Л. В. Хвостенко</i>	335
Спектакль. Перевод <i>М. П. Богословской</i>	413
Побег. Перевод <i>О. П. Холмской</i>	485

Джон Голсуорси
Собрание сочинений в 16 томах.

Том XV.

Иллюстрации художника
Е. Ракузина.

Оформление художника
А. Васина.

Технический редактор
А. Шагарина

Подп. к печ. 3/VIII 1962 г. Тираж 375 000 экз. Изд. № 1056. Зак. 1661.
Форм бум. 84×108¹/₃₂. Бум. л. 8,56. Печ. л. 28,09. Уч.-изд. л. 28,75.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, улица «Правды», 24.